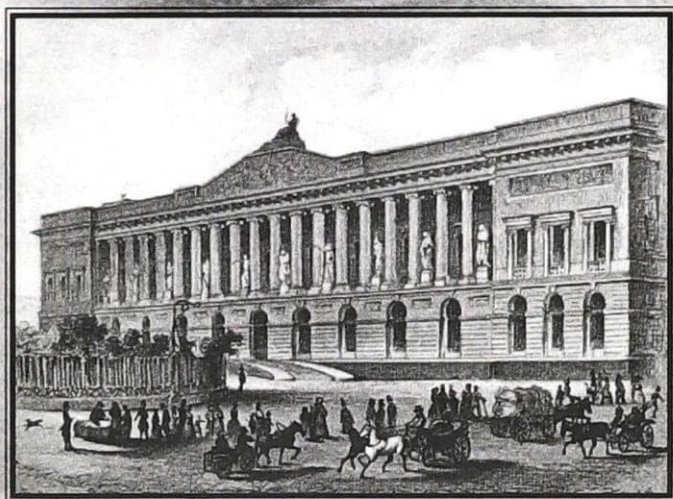

Александр Горфункель

Моя ШКОЛА,
мои УНИВЕРСИТЕТЫ...
воспоминания

Александр Хаимович Горфункель в археографической экспедиции.
Фото В.П. Бударagina.

АЛЕКСАНДР ГОРФУНКЕЛЬ

**МОЯ ШКОЛА, МОИ УНИВЕРСИТЕТЫ...
ВОСПОМИНАНИЯ**

Санкт-Петербург

2017

УДК 94
ББК 63.3
Г 706

Горфункель А. Х.

Моя школа, мои университеты...: Воспоминания / А. Х. Горфункель. — СПб., 2017.

Воспоминания известного историка культуры и философии Итальянского Возрождения Александра Хаимовича Горфункеля охватывают целую эпоху: от 1930-х годов до настоящего времени. Портреты выдающихся ученых — наставников А. Х. Горфункеля, а также его друзей и коллег соседствуют с занимательным изложением тех научных проблем, которые сопровождали научный путь историка.

ISBN 978-5-7937-1433-4

Издание подготовили: А. Н. Головачев, Н. И. Николаев, И. Х. Черняк.

На обложке: Императорская Публичная библиотека.
Санкт-Петербург, 1849 г.

© А. Х. Горфункель, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление. Как возник мой интерес к истории.....	6
Часть 1	20
Часть 2	73
Часть 3	125
Часть 4	173
Часть 5	236
Часть 6	302
Приложение 1. Хаим Донович Горфункель	336
Приложение 2. О книге Л. М. Баткина «Пьетро Аретино и конец итальянского Возрождения (М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2009).....	340
<i>Николаев Н. И., Черняк И. Х.</i> Александр Хаимович Горфункель — историк книги	346
Благодарности автора.....	352
Первые публикации.....	353
<i>Николаев Н. И.</i> Список работ, опубликованных А. Х. Горфункелем в 1950–1987 гг.	354
<i>Фролова И. И.</i> Список работ, опубликованных А. Х. Горфункелем в 1988–1998 гг.	373
Указатель имен	379

ВСТУПЛЕНИЕ

КАК ВОЗНИК МОЙ ИНТЕРЕС К ИСТОРИИ

Помню, что среди книг, подаренных мне отцом в 1939 году (в четвертом классе), был альбом «Русская историческая живопись» с репродукциями картин русских художников, со времен академических и до социалистического реализма. Он пропал во время войны, но в Гарвардской университетской библиотеке оказался экземпляр, приобретенный ею в 1940 году. Он был не так хорош, как мне помнилось: черно-белые иллюстрации (кроме «Перехода Суворова через Альпы» В. И. Сурикова) — они мне казались цветными. Фамилии художников были представлены без инициалов. И множество картин советского времени с изображениями всех вождей и достойных увековечения событий — между тем, ни одного послереволюционного полотна я не запомнил. Мне почему-то представлялось, что к каждой репродукции был приложен пояснительный текст, рассказывающий о событиях, положенных в ее основу — ничего этого не было. Но по тем временам альбом мне казался великолепным, там были воспроизведения картин К. П. Брюллова, В. И. Пескова, В. К. Шебуева, В. И. Перова, В. Г. Шварца, К. Д. Флавицкого, Н. Н. Ге, К. А. Савицкого, И. Е. Репина, В. И. Сурикова, В. В. Верещагина и других художников, посвященные главнейшим событиям русской истории. Рассматривал я его постоянно; какие-то картины я уже знал по Русскому музею.

Учебник истории для начальной школы никакого впечатления не произвел; из него мы должны были выдирать портреты полководцев Гражданской войны, оказавшихся «врагами народа». Но к этому словосочетанию мы уже привыкли, прошли главные московские процессы, подробно освещавшиеся в газетах и по радио. Об аресте жившего на Украине брата отца родители мне не сообщили, зато я знал, что из соседнего дома исчез филателист, к которому мы ходили покупать марки.

Собирать марки меня научил мой взрослый двоюродный брат, Артемий Александрович Экк. Он предложил мне собирать не красивые заграничные марки, а только российские и советские, и много мне помогал. Иногда я, придя из школы, обнаруживал конверты и каталоги марок. Так у меня оказалась вторая марка, выпущенная в России, да и вообще подбор русских дореволюционных марок был достаточно полон; была серия марок, посвященных

трехсотлетию Дома Романовых, марки Первой мировой войны, редкие марки первых советских лет. Оказалась у меня и коллекция земских марок, и даже подборка украинских марок времен гражданской войны, в основном это были надпечатки на старых русских марках с изображением трезубца — надпечатки были разные, в зависимости от места почтовых отделений. Были там и марки, отпечатанные в Вене для правительства Петлюры, кажется, так и не дошедшие до Киева. Филателия стала для меня, как потом я узнал, своего рода *«вспомогательной исторической дисциплиной»*, она помогала узнать историю страны. Мой покровитель в филателистических занятиях, находясь в Ленинграде на военной службе, после разрыва снаряда в нашей квартире и смерти моего отца в больнице Эрисмана блокадной зимой 1942 года сумел вместе с женой Надеждой Вениаминовной Преображенской перевезти на детских саночках с Петроградской стороны на Васильевский остров библиотеку отца и мою коллекцию. А. А. Экк погиб на фронте весной 1943 г.; его могилу обнаружили местные «следопыты» летом 1992 года. А свою коллекцию марок, я, уже в студенческие годы, поняв, что нельзя одновременно собирать и марки и книги, передал одному из друзей.

Учитель истории появился позднее, в 5-м классе, это был подтянутый и энергичный человек; на лацкане его куртки был значок «Альпинист СССР», и это более всего вызывало наше восхищение. Рассказывал он историю Древнего мира; учебник был с картинками, но многое я знал по детским книгам.

Занятнее уроков истории была работа, предложенная мне мужем моей тетушки, Генриэтты Яковлевны, сотрудником Пушкинского Дома, Иваном Ивановичем Векслером: он попросил меня описать его огромную библиотеку. На это у меня ушло, вероятно, больше двух месяцев: дело было в конце учебного года, и переписывать книги на маленьких листках бумаги (библиотечные карточки, как я потом понял, были в дефиците) приходилось после уроков. Библиотекой меня удивить было трудно, у отца были собраны сочинения главных русских и зарубежных классиков, от приложений к журналу «Нива» и «Библиотеки Великих Писателей» Брокгауза-Ефрона и до хранившихся в особом шкафу изданий «Academia». Но у Ивана Ивановича, в его кабинете, уставленном стеллажами, была собрана русская литература с Петровских времен. Книги стояли по алфавиту авторов; к произведениям каждого писателя прилагалась литература о нём, от монографий до оттисков статей.

Множество имен я услышал впервые, особенно поэтов и драматургов 18 века (оказалось, что и Екатерина II была писательницей!), да и 19-го, с все неведомыми мне Решетниковым и Успенскими. Я аккуратно переписывал

книги и попутно, просматривая их (были там и портреты и иллюстрации), что-то и узнавал. А после занятий мне предлагалось читать особо меня занимавшие книги — из дома они не выдавались. Более всего запомнились две драматические трилогии — А. В. Сухово-Кобылина и графа Алексея Константиновича Толстого. «Историю Государства Российского от Гостомысла до Тимашева» я прочитал позднее.

Там я узнал, что такое книжные редкости. Вероятно, их было немало, но запомнились две: первое *как бы издание* романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?» — это был сброшюрованный текст из номеров журнала «Современник», переплетенный и снабженный отпечатанной для такого случая обложкой (сам роман я даже по обязательной школьной программе осилить так и не смог); и роман И. С. Тургенева с его надписью, подаренный им Л. Н. Толстому (как будто там было даже сказано, что дар состоялся в одной из петербургских гостиниц, а, может быть, об этом обстоятельстве мне сообщил владелец библиотеки).

Этой же весной 1940 года я написал пьесу «Горцы» — речь в ней шла о русском офицере, сочувствовавшем борьбе «горцев» — каких именно, я не очень разбирался. Я принес свое сочинение Ивану Ивановичу — и впервые столкнулся если не с цензурой, то с официальной точкой зрения. Научный сотрудник Пушкинского Дома наставительно спросил меня: «А почему ты не подумал, что присоединение Кавказа было в интересах России?».

Под впечатлением от работы в библиотеке я устроил собственную историю русской литературы: в большую тетрадку (тогда они назывались «общими», в отличие от тонких школьных) вклеивал портреты писателей (чаще всего из «Литературного календаря» или из газет), и переписывал краткие биографии писателей.

В эти годы я постоянно посещал Театр юных зрителей (он уже назывался Старым, в отличие от Нового ТЮЗа на Владимирском). Помню «Тома Сойера» и спектакль о Сталине: мне понравилась сцена, где карельские крестьяне, усевшись с кантеле и раскачиваясь, пели руны из «Калевалы» (речь шла о каком-то побеге вождя из ссылки через Финляндию). Но особо сильное впечатление произвел «Емельян Пугачев» с Л. Ф. Макарьевым в главной роли. В следующем году я увидел «Бориса Годунова» уже в Новом ТЮЗе, а в Театре им. Ленинского Комсомола — трагедию В. А. Соловьева «Фельдмаршал Кутузов» с Ю. В. Толубеевым. Пьеса была в стихах, и многие запомнились с тех пор: блистательный ответ А. Д. Балашева на вопрос Наполеона о дороге в Москву («В сию Москву есть множество дорог. / Вот Карл XII — тот шел через Полтаву!»), и гибель наполеоновского гвардейца

в заснеженной России, вспоминавшего освободительный поход в Италию («Быть может, я грущу сегодня об Италии, / Как о прошедшей юности грустят»), и слова пристрелившего его из жалости товарища («Пусть на тебя падет, великий император, / И кровь твоих врагов, и кровь твоих солдат!»), и встреча Кутузова с армией — «Как с такими молодцами / Все отступить, да отступить?», и Военный Совет в Филях (знакомый мне по картине А. Д. Кившенко из альбома «Русская историческая живопись»): «Я властью данной Государем, / Приказываю — отступить!».

Были и фильмы — «Александр Невский» С. М. Эйзенштейна с Н. К. Черкасовым, его я смотрел множество раз, «Суворов» тоже с Черкасовым, но не тем! — Николаем Петровичем, и французский фильм о Великой революции «Марсельеза».

В Эрмитаж меня рано стали водить взрослые, они объясняли мне исторические, библейские и мифологические сюжеты картин. Тогда я впервые открыл для себя Рембрандта. Но в предвоенный год я получил от школы постоянный бесплатный билет и почти каждое воскресенье уже без взрослой опеки ездил в музей (жили мы в Геслеровском переулке на Петроградской стороне, так что до всех театров было недалеко, а до Эрмитажа рукой подать). В Эрмитаж нас водили и на школьные экскурсии — по Египту, Греции и Риму. Теперь я снова посещал зал Рембрандта (и большую выставку его офортов) и узнал раннюю итальянскую живопись, расположенную в залах Старого Эрмитажа вдоль набережной Невы, с видом на Ростральные колонны и Петропавловскую крепость. Несколько раз я присоединялся к экскурсиям и запомнил расположение картин. Потом, во время войны, я мог рассказывать своим приятелям всю экспозицию — зал за залом. Смотрел я и фламандцев, и малых голландцев в Шатровом зале, и Большие Просветы, часто заходил и в Рыцарский зал, но на выбор моей будущей медиевистической специальности он влияния не оказал. Были еще две большие выставки в Эрмитаже, одна называлась «Героическое военное прошлое русского народа», с примыкавшей к ней Галереей 1812 года, и выставка, посвященная юбилею Эрмитажа. Там на небольшом столике находился альбом, где был переписан отзыв Эмиля Верхарна о «Возвращении блудного сына».

Отец покупал книги по истории (восьмитомную историю XIX века Э. Лависса и А. Рамбо, вузовские учебники по Новой истории и по Истории СССР — большие зеленые и красные «кирпичи», как мы их называли на Историческом факультете), но в детские годы я только запомнил их переплеты. Зато любимым чтением была серия «Исторические романы»: «Граф Роберт Парижский» Вальтера Скотта, «Салават Юлаев» Степана Злобина, «За свободу»

(о Крестьянской войне в Германии) Роберта Швейхеля, романы Александра Дюма и детская книга Э. Выгодской о Сервантесе «Алжирский пленник».

Еще было радио — знаменитый и давно забытый репродуктор — «тарелка», главный источник политической и культурной информации. Запомнился страшный «Макбет», я слушал его, следя по тексту в издании Шекспира Брокгауза-Ефрона, с иллюстрациями Гилберта (там он назывался Джильберт), и не помню чья радио-пьеса о Джордано Бруно «Гражданин Вселенной» (тогда я еще не знал, что с русского на иностранный это переводится словом «космополит»). Кто играл философа, я забыл, но его верного ученика представлял знаменитый актер Пушкинского (Александринского) театра Б. А. Горин-Горяйнов; ученик погибал под пытками, и его последние слова были: «Учитель, я улетаю на одну из открытых Вами звезд!». Его голос отождествился у меня с голосом Санчо Пансы («Дон Кихот» в инсценировке М. А. Булгакова), в спектакле, где Горин-Горяйнов играл эту роль; он был поставлен в начале 1941 года; возможно, его тоже передавали по радио.

И был — город с его площадями, проспектами, Летним Садам, дворцами, Невой и памятниками. Недалеко от нашего дома, в парке, где мы часто гуляли, был памятник морякам «Стережущего», скульптора К. Изенберга. Он был исполнен в виде креста. На лицевой стороне была представлена гибель матросов, открывших кингстоны, и заливающая их вода. А на оборотной стороне был подробно описан их подвиг. Помню, что я переписал эту, довольно большую, историческую справку. Добирался я и до Медного Всадника и памятника Суворову. Переписывал надписи на братских могилах на Площади жертв революции (Марсово Поле), и специально ездил на левый берег Невы, чтобы переписать памятные таблицы у въезда на Троицкий (Кировский) мост, где очень подробно сообщалось, кто построил мост и в чьем присутствии он был открыт. После войны эти таблицы были сняты и надолго исчезли. В таких моих «исторических» странствиях по городу у меня не было руководителей.

О мировой войне я узнал из книги рассказов отца, Хаима Доновича Горфункеля («Репетиция смерти», Гомель, 1921). Отец с 15 лет работал в Гомеле библиотекарем общества «Просвещение», в Ленинграде — в управлении книжной торговли, где заведовал сектором научно-технической книги; из послевоенных воспоминаний питерских букинистов я понял, что в его ведении были и антикварные книжные лавки. В его сказках-рассказах в гомельском альманахе 1919 г. мне понравился явно автобиографический этюд «Книгоноша».

Летом мы ездили, как правило, не на пригородные дачи, а в деревню, в стороне от железной дороги (мать советовалась с учительницами из этих мест). Там сохранялся, хоть и нарушенный коллективизацией, деревенский уклад.

Помню маслобойню, где ходившие по кругу лошади в шорах приводили в движение большие била, из находившихся под ними емкостей вытекало вкусное масло, мы черпали его руками. Помню и поразивший меня случай: когда мать подарила нашей хозяйке пачку привезенного их города чаю, та кинулась в ноги, мать бросилась поднимать ее. А я подумал, что может быть так благодарить было принято при крепостном праве — мы были приезжими и чуждыми деревенскому миру людьми. Мои сверстники рассказывали мне страшные истории о «баннушках» и «овиннушках», пугавших девок. Ребята пели частушки, иногда и неприличные, но запомнилась мне совсем другая: «На столе стоят / Да два стаканчика, / Убили Кирова / Да из наганчика» (я услышал ее летом 1937 г.). Для воспитанного в официальном духе ленинградского школьника такое отстраненное отношение к убийству «любимца партии и народа» не могло не показаться странным.

А в нашем мире происходило то, что много позднее стали называть «*история современности*». Газеты я начал читать в 6-летнем возрасте, а в 1936 году завел большие тетради для рисования и клеивал в них все, что печаталось в газетах о Гражданской войне в Испании. К ее окончанию у меня накопилось несколько пачек таких тетрадей. Была у меня и небольшая (кажется, из какой-то игры) картонная карта Европы; в ней я замарывал черной тушью все страны, оккупированные гитлеровской Германией: пакт Молотова-Риббентропа не отразился на моей колористической оценке происходящего.

Помню, как весной 1940 года мы с ребятами встречали на Кировском (Каменноостровском) проспекте наши войска, возвращавшиеся с Карельского перешейка после Финской войны. Меня посадили на полевую кухню, и я проехал от Карповки до Невы. Потом на каком-то кружке в Доме культуры Промкооперации выступали военные корреспонденты: Марк Глейзер из «Ленинских искр» (потом я узнал, что он погиб на фронте в Отечественную войну) и поэт А. А. Прокофьев, читавший написанные им с А. Т. Твардовским фельетоны о Василии Теркине, печатавшиеся во фронтовых газетах.

Когда мы жили в Сиверской — неподалеку от Ленинграда — 14 июня 1941 г. в газете было напечатано известное заявление ТАСС (по поводу слухов о предстоящей войне между Германией и СССР), мать, выслушав его, сказала: «Сегодня может быть опровержение, а через неделю — война!». Утром 22 июня я пошел в булочную за хлебом. Там в очереди бабки говорили о нападении немцев, и причитали: «Это потому, что дети у нас некрещенные!». Сведения могли прийти из находившегося неподалеку военного аэродрома. Я вернулся с этим известием в дом — за два с половиной часа до выступления по радио В. М. Молотова.

Отец, проведший в окопах два с половиной года в первую Германскую войну (ему шел 56-й год, он был контужен и не подлежал мобилизации), считал нужным остаться в Ленинграде; он верил в победу, но не в скорый ее приход, и отправил нас с матерью в эвакуацию.

В Глазове — небольшом городе в Предуралье, на севере Удмуртии, где мы обосновались, едва ли не единственным каменным зданием был большой собор времен Александра III, он стоял на берегу реки Чепцы и к нему сходились главные городские улицы.

В первые же дни я познакомился с местными интеллигентами, мужем и женой, державшими на своих плечах богатую городскую библиотеку. Я запомнил только имя и отчество директора — Иван Михайлович. Увидев мой школьный пропуск, он вспомнил моего отца, выступавшего в 20-х годах на Всесоюзном съезде библиотечарей и зачислил меня на месяц в штат библиотеки¹.

Почти двухлетнее пребывание в Глазове заставило задуматься о не столь давней истории России: там еще жили старики, помнившие В. Г. Короленко и его участие в «Мультанском деле»: он сумел отвести от удмуртских крестьян обвинение в ритуальном убийстве. Из рассказов матери, Марии Яковлевны Аронсон, я узнал и о его выступлении в связи со знаменитым Кишиневским погромом. Она же рассказала мне о Велижском деле; местные евреи, в 1820–30-х гг. были обвинены в ритуальном убийстве (среди пострадавших был и мой прапрадед Янкель Аронсон). Их спас адмирал Мордвинов, член Государственного Совета (единственный, кто не согласился подписать смертный приговор декабристам). Он не был юдофилом, но глубоко чтит российские законы, толкуя их в духе английского уважения к законности, и усмотрев грубейшие ее нарушения в ходе следствия, потребовал пересмотра дела, что привело к оправданию всех обвиняемых.

Тогда же, видимо, поняв, что я повзрослел достаточно, чтобы хранить семейные тайны, мать рассказала мне о своем брате, Григории Яковлевиче Аронсоне, известном меньшевике, высланном из СССР в 1922 г. и жившем в эмиграции в Германии, Франции и США. С его книгами о русской революции я познакомился уже в последние годы, а от матери запомнил одну строчку из книги стихов, напечатанных в Берлине: «И ваши дни кровавей Николая...». В революционном движении участвовала и ее старшая сестра,

---

¹ Судьба Глазовской библиотеки оказалась печальной: я узнал от одного ее читателя 1970-х, кажется, годов, что комплекты дореволюционных журналов, сваленные в подвалах, погибали или нещадно разворовывались...

а мать, тогда гимназистка, носила в ранце — правда, не патроны, как Петя Бачей из романа В. Катаева «Белеет парус одинокий», а листовки.

Мать училась до войны в Берлине (уехав от унижительной «процентной нормы») на Фребелевских курсах по дошкольному воспитанию, а в 1922 г., оказавшись в захваченном румынами Кишиневе, переехала в Германию, откуда сумела вернуться в Советскую Россию. Она присутствовала в 1923 г. в Берлине на похоронах Л. Мартова и видела там Максима Горького; я, считая великого пролетарского писателя единомышленником В. И. Ленина, спросил: «И он был на похоронах?»; она ответила: «Попробовал бы он не придти!». (О его связях с эсерами и меньшевиками я узнал значительно позже). Все эти сведения причудливым образом сочетались в моем сознании с наивным сталинизмом и вполне естественным патриотизмом. Но что в моих дальнейших исторических занятиях было совершенно исключено, так это то, что мне и в голову не могло придти заниматься советским периодом русской истории. Слишком очевидна была его фальсификация: на страницах «Истории ВКП (б)» имена действующих лиц изменялись от одного издания к другому.

В глазовской школе у меня были прекрасные учителя по физике и математике, из династии местных педагогов Фаликовых. Но с учительницей истории мне не повезло; ее чудовищная безграмотность вызывала скорее жалость. Зато особенно запомнился вызванный скверным поведением учеников ее рассказ о тяжелом деревенском детстве... После этого ребята, эвакуированные из Ленинграда и Москвы, перестали придирается к ее ошибкам, и на уроках истории занимались своими делами. Во время таких школьных занятий я впервые прочитал «Войну и мир».

История продолжала меня занимать, но о выборе ее как будущей специальности речи не было. Помню, как учительница русского языка Серафима Селиверстовна упрекала меня за ошибку в каком-то диктанте или изложении: слово «университет» я написал как «университет», и заметила, что, небось, не раз проходил мимо него: на самом деле я не бывал у здания Двенадцати коллегий и не задумывался, что моя дальнейшая судьба окажется связана с Ленинградским университетом.

Намного более осозанным стал мой интерес к истории после переезда в Переславль-Залесский в 1943 г. (мать отправилась туда по вызову своей давней знакомой, директора эвакуированного из Ленинграда детского дома: в Глазове было голодно, у нас началась дистрофия; сестра в это время жила в Ташкенте, где была студенткой университета).

В старинном городе, расположенном вдоль тракта, связывающего Москву с Ярославлем, я был погружен в русскую историю, от Александра Невского

(первые кадры фильма С. М. Эйзенштейна снимались на берегу Плещеева озера) до Петра Великого. Под Переславлем находилось имение Борок с «Ботиком» из созданной им в этих местах «потешной флотилии». В городе было 5 монастырей и множество церквей — от Спасо-Преображенского собора 1152 года до храмов XVI–XVIII веков (в том числе Св. Александра Невского в устье реки Трубеж и Св. Петра Митрополита в самом центре города). Церкви и монастыри чудом сохранились в годы разгула атеистической пропаганды (как говорили, благодаря стараниям краеведа и директора местного музея К. И. Иванова).

Центр города был окружен валом — любимым местом наших со школьными друзьями вечерних прогулок, с него открывались закаты над Плещеевым озером. По дороге к Москве находилась часовня времен Ивана Грозного, на полпути к Ярославлю — Ростов Великий.

В Горицком монастыре над озером помещался Историко-краеведческий музей, я вскоре по приезде познакомился с его выставками. Близ Переславля находилось имение Якова Ивановича Ростовцева — того, который донес императору Николаю Первому о заговоре будущих декабристов — впрочем, не упомянув никого из членов тайного общества; позднее он стал видным деятелем Крестьянской реформы.

Не помню откуда, но я узнал, что в старых книжных шкафах, находившихся в дирекции музея, хранилась библиотека графа Дмитрия Ивановича Хвостова — он был помещиком Переславского уезда. Имя это было мне известно из литературной полемики Пушкинской эпохи. Но он же был и одним из первых историков Переславля-Залесского².

---

² *Хвостов Д. И.* О знаменитости Переславля Залесского в древние и новые времена. СПб., 1820. В Гарвард книга попала из библиотеки Павловского дворца. Позднее, в музее Юрьева-Польского, я обнаружил вычеканенную на бронзовой доске эпитафию Хвостова, посвященную П. И. Багратиону; привожу первую ее часть:
«Сын Марса, не имел стремленья к диадеме,
С лавровою главой гостил в бесшумной Симе.
И время здесь деля в кругу своих друзей,
Веленье получил о должности своей,
Где славный витязь сей как избранный герой
Вождем назначен был всей армии второй.
Отсель отправился свои устроить войски
И подвиги явив бессмертные геройски.
Герой, который здесь вождя долг восприял,
Здесь жезл свой положил и дни свои скончал».

В школьной библиотеке, сохранившейся еще с гимназических времен и пополнявшейся в советские годы, я прочитал курс лекций В. О. Ключевского и «Русскую историю в жизнеописаниях ее главнейших деятелей» Н. И. Костомарова. И одновременно, вероятно, под влиянием романа Р. Шлейхера (и детской книги Ал. Алтаева «Под знаменем “Башмака”») я стал читать двухтомник В. Циммермана «История Крестьянской войны в Германии» — он был издан в советские времена, поскольку был использован в известной работе Ф. Энгельса. Читал я «Безобразную герцогиню», «Еврей Зюсс» и два тома романа об Иосифе Флавии Лиона Фейхтвангера. Так постепенно стал складываться мой интерес к европейскому Средневековью и истории Древней Руси. В десятом классе я под впечатлением от первой серии фильма С. М. Эйзенштейна «Иван Грозный» сочинил поэму о великом государе, и одновременно — пьесу о крестьянской войне в Германии.

В школе я был «отличником», это не требовало от меня особого труда. Учителем истории в 8-м классе был Дмитрий Сергеевич Кодосов, его уроки по древнерусской истории и XVIII веку были интересны, и вполне дополнялись переславскими впечатлениями. Девятый класс я (вместе со своими соучениками Дмитрием Валединским и Виктором Шепелевым) «перескочил» — летом сдал экзамены и поступил в 10-й класс. Учителя истории в последнем классе я не запомнил, да и сама новейшая история в школьном изложении не представляла для меня никакого интереса. Оба словесника, Сергей Александрович (в 8 классе) и Нина Ивановна Розановы (в 10 классе) любили русскую литературу: писать сочинения у них было увлекательно. Но главным школьным предметом для меня в последнем классе стала математика. Мы с одноклассниками, во время подготовки к экзаменам на аттестат зрелости, проводили вечера за решением задач «по геометрии с применением тригонометрии» — избави боже, чтобы я вспомнил, что это такое, но тогда это было действительно захватывающее занятие.

Некоторые из моих школьных приятелей (ни один из них не стал в дальнейшем историком, они избрали деятельность врачей или инженеров) и многие учителя прекрасно понимали, в каком городе им довелось родиться.

Вторая эпитафия была включена в 7 том собрания сочинений (см. Хвостов Д. И. Сочинения. М., 1998. С. 168–169). На бронзовой доске она озаглавлена: «Князю Петру Ивановичу Богратиону истинная дружба»; в ней иначе пишется имя полководца: «Бограти-он», и имеется характерная для поэта приписка: «Племянник Суворова правой его руке в селе Симе, марта 7-го дня 1813 года. Граф Хвостов в имении Б. А. Голицына. Умер П. И. Багратион 11 сентября 1812 г.».

Тем более поначалу огорчали меня и задевали частушки, которые я не раз слышал от местных ребят: «Переславль — город-не город, / Река Трубеж — не река!». Только потом я понял, что в этом ухарстве был и своеобразный городской патриотизм: унижение паче гордости.

Важным оказалось знакомство с учителем географии Георгием Петровичем Альбицким. Это был блестящий лектор, и в детский дом его приглашали для выступлений перед воспитанниками; после чего его обязательно кормили, что по тем голодным временам было немаловажно. Но не его уроки и выступления запомнились мне, а он сам — красноречивый оратор, который мог рассказывать с увлечением почти обо всем. Чем-то он напоминал мне чеховского Гаева из «Вишневого сада»³.

Вскоре я подружился с сыном Георгия Петровича, моим соучеником Львом, и часто посещал их дом. Это была расположенная по тракту (тогда он назывался, естественно, Советской улицей) старая усадьба с большим и запущенным, но оттого и особенно привлекательным садом. Дом был построен в 1825 году. В первом этаже находилась уставленная старинной мебелью гостиная. Там были большие напольные часы (все еще ходившие и украшавшие дом мелодичным звоном) — по преданию, они некогда принадлежали кабинет-секретарю Петра Первого А. В. Макарову и по какому-то семейному родству были унаследованы Альбицкими.

Но главным богатством дома была большая библиотека. Кажется, в ней были и старые (XVIII века) французские книги, но мне они тогда были недоступны: в школе преподавали немецкий. Зато в светелке оказалось собрание книг русского Серебряного века: Брюсова, Белого, Сологуба, Северянина, сборники рассказов и комплекты журналов, исторические романы Д. С. Мережковского о Юлиане Отступнике и о Леонардо да Винчи. Стихи Маяковского я читал в Ленинграде, Блока узнал весной 1941 года и он стал любимым поэтом на многие годы. В Переславле-Залесском я открыл сборник русских переводов Андрэ Шенье и обнаружил в городской библиотеке несколько томов «Собрания произведений» Велимира Хлебникова. В доме Альбицких я познакомился с «Обрами Италии» П. П. Муратова. (Через несколько лет среди первых книжных приобретений в моей студенческой библиотеке оказались и эта книга, прямо повлиявшая на выбор моей буду-

---

³ В университете таким блестящим лектором был кинорежиссер Л. З. Трауберг, читавший историю кино. Один американский фильм я увидел в США по ТВ (название не помню) и узнал его по рассказу 50-летней давности.

шей специальности). И в Глазове, и в Переславле-Залесском я читал книги из серии «Жизнь замечательных людей».

В начале лета 1943 г. я побывал в Ярославле, с проездом через Ростов Великий: я отвозил отчет из детского дома в Областной отдел народного образования. В Ростове запомнилась резиденция митрополита — местный «Кремль», в Ярославле — церкви (в музей за единственный день в городе я попасть не мог), набережная Волги и театр им. Федора Волкова (к тому времени я прочитал роман о нем, чуть ли не Б. А. Горин-Горяйнова)⁴. Наткнулся я в поисках нужного мне адреса и на серое здание областного НКВД или КГБ; оно запомнилось мне своим мрачным видом.

Два раза, в августе 1943 года и в майские праздники 1944 года, я приезжал в Москву. Я побывал в домах родственников и друзей матери и отца. Двоюродная тетушка, жившая в Старосадском переулке, несмотря на преклонный по моим понятиям возраст (более 50 лет) сбрасывала зажигательные бомбы с крыш, о чем сообщил мне ее муж, показав грамоту от Моссовета. Он же познакомил меня и с моей родословной: братом моей бабушки был Маркус Каган, один из деятелей сионистского движения в России, переехавший в Палестину и отмеченный в «Еврейской Энциклопедии». Посетил я и двоюродного дядю; побывал у него на службе (он работал в музейном издательстве); к нему в это время пришел по делам переводчик и искусствовед Абрам Эфрос; в один из своих приездов я получил (конечно, не от автора, а от своего родственника) его книгу о рисунках А. С. Пушкина. Был я и у друга детства моего отца известного испаниста В. С. Узина.

Благодаря помощи Р. И. Тамариной, актрисы одного из московских театров, я 1 мая 1944 года попал на два спектакля МХАТ — «На дне» и «Вишневый сад» (билеты в кассе были мне оставлены на имя Ю. А. Завадского), и в один день увидел на сцене В. И. Качалова, И. М. Москвина, О. Н. Андровскую и М. М. Тарханова.

Возвратившийся в Москву из Глазова мой соученик уговорил меня пойти к Илье Эренбургу и показать ему тетрадку своих стихов. Мы отправились в гостиницу «Москва». В справочном бюро женщина назвала номер, где жил писатель, и сердито сказала: «Господи, покоя ему не дают». Я хотел сбежать, но у входа меня ждал провожатый. Пришлось подняться. Номер был завален французскими газетами. Эренбург терпеливо просмотрел мои стихи, сказал

---

⁴ Память меня не подвела: в богатом русском фонде Гарвардской библиотеки я нашел экземпляр этого издания: *Горин-Горяйнов Б. А. Федор Волков: Роман-хроника*. Вступ. ст. А. А. Смирнова. Грав. на дереве С. Б. Юдовина. Ярославль, 1943.

что-то умеренно одобрительное, и подарил только что вышедшую книжку поэм, то ли «Европа», то ли «Свобода», из стоявшей на полу большой пачки. Потом я узнал, что в этот день он был награжден орденом, но я еще не читал газет, да и не думаю, что решился бы его поздравить, как не догадался попросить его надписать подаренную мне книгу. Стихи я писал еще несколько лет, но победила любовь к настоящей поэзии.

Особенно важным для меня был дом Исара Ильича и Берты Лазаревны Тумаркиных и их сына Валерия в Староконюшенном переулке: там я впервые прочитал сборник стихов «Версты» Марины Цветаевой и «Стихотворения» (1928) Осипа Мандельштама. В переписке хозяина дома с другом его юности Павлом Антокольским я познакомился с ранними стихотворениями поэта (1916–1917 гг.), и переписал их. У них же я прочитал сборник переводов И. Г. Эренбурга («Французская поэзия эпохи Возрождения»), где особенно восхитили меня переложения из Франсуа Вийона. В их доме я впервые увидел репродукцию Сандро Боттичелли — знаменитого портрета Джулиано Медичи — и прочитал в издании «Academia» «Орфея» Анджело Полициано.

Я говорю здесь о вещах, вроде бы не имеющих прямого отношения к моей будущей специальности, но полагаю, что любовь к поэзии и к искусству формировала меня и как историка. Она приучала понимать и чувствовать смысл исторических событий, а главное — поддерживала интерес к личности, к характерам изучаемой эпохи, была ли предметом моих занятий история крестьянства (Италии и России) или философия Средневековья и Возрождения.

Салют по случаю взятия Харькова (в августе 1943 года, один из первых московских салютов) я смотрел из комнат соседей моих родственников, отсюда он был хорошо виден. Оказалось, что в этой же коммунальной квартире жил историк-медиевист М. М. Смирин, позднее лауреат Сталинской премии за работу «Народная реформация Томаса Мюнцера». С профессором я так и не решился познакомиться. Пригласил нас посмотреть салют его сын, на несколько лет моложе меня (в дальнейшем известный историк-античник). Он одобрил мое уже сформировавшееся к тому времени намерение поступать на Исторический факультет.

В первый мой приезд, вместе с учительницей, с которой мы добирались в Москву, мы побывали на какой-то барахолке. Там у одного из продавцов я высмотрел пачку бумаг, привлечших меня своим необычным видом. Сторговались мы на полбуханке хлеба (все, что у меня осталось из данного мне на прожиток из детского дома). Оказалось, что это были документы из вотчинного архива Киреевских: межевая книга, прошения по судебным делам и купчие на крепостных крестьян. Я довольно скоро научился читать

скоропись XVIII века. Несколько лет я хранил у себя эти материалы, но в начале 50-х годов, работая в архиве, передал их начальнику Государственного Исторического архива Ленинградской области Михаилу Ивановичу Тесленко, и мы отправили их в дар в Центральный государственный архив литературы и искусства, где, как я узнал из путеводителя, находился архивный фонд братьев Ивана и Петра Киреевских.

Последняя московская поездка могла обойтись мне дорого: я опоздал к началу занятий на один день, и директор школы В. И. Ростовцев грозился меня наказать. Через год я совершил еще более серьезный проступок: на просьбу девочки из школьной стенгазеты рассказать, как «мы, отличники, готовимся к экзаменам на аттестат зрелости и к предполагаемому получению золотой медали», я написал дурашливую шутку, кончавшуюся словами «Медаль на зубы перельем». Бывший директор, ставший заведующим городским отделом народного образования, грозился не знаю какими карами, вплоть до исключения из школы перед выпускными экзаменами — шутка ли, речь шла о правительственной награде! Защитили меня учителя. Потом он встретил меня после письменного экзамена по математике и с радостью сообщил, что я хоть и правильно решил задачу, но не лучшим способом, и наставительно добавил при этом: «Как говорит наша пословица: поспешишь — людей насмешишь» (я подал работу одним из первых). Меня отстояла учительница математики, Ф. А. Вагина (она даже ездила в Ярославль), и золотая медаль была спасена, а стало быть, и поступление без экзаменов в высшее учебное заведение. Утешался я тем, что возводил родословие заведующего Горono к доносчику на декабристов, впрочем, безо всяких к тому оснований.

В Ленинград мы вернулись в июне 1945 года. Иван Иванович Векслер очень был огорчен, узнав, что я не поступаю на Филологический факультет. Но все было решено гораздо раньше. Я пришел в приемную комиссию Ленинградского университета. Девушка, принимая документы, посоветовала: «Вы же можете идти на любой факультет, пошли бы на физический, он дает *бронь*». В это время отсрочка от военной службы была введена только для некоторых факультетов и технических институтов. Но я твердо выразил желание стать историком. Тем временем И. В. Сталин решил, что для восстановления народного хозяйства и культуры необходимо отменить призыв в армию студентов всех высших учебных заведений, включая и гуманитариев. И хотя вторая мировая война еще продолжалась (на Дальнем Востоке), он, по крайней мере в этом отношении, оказался дальновиднее нынешних военачальников. В 1945 году занятия в Ленинградском университете начались 17 сентября.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

В 1945 году занятия в Ленинградском университете начинались 17 сентября.

Перед началом занятий проходил медицинский осмотр в нашей поликлинике. Там была женщина врач, которая быстро оформила необходимые бумаги, и вторая — в военной форме, что вызвало у меня достойное уважение: она представляла нашу армию, которая разгромила гитлеровскую Германию. Но вдруг она спросила у меня: «А почему у Вас такое имя — Александр?» О государственном антисемитизме я тогда ничего не знал, а с бытовым приходилось встречаться. Я ответил: «А потому, что мои родители забыли Вас спросить». Ответ был грубый и невнятный. Можно было сказать, что мать назвала меня в честь ее любимого поэта Александра Блока. Я знал и о том, что после победы Александра Македонского над персами всех еврейских мальчиков в тот год называли в его честь «Александр» Но мне было не до этого...

Учебный год открывали четыре лекции. Профессор и декан Исторического факультета Владимир Васильевич Мавродин читал курс истории Древней Руси ярко и эмоционально. Запомнилось его утверждение, что определявший эту историю народ не исчезал на протяжении столетий. В эти годы вышли в свет две его монографии, отражавшие содержание его первых лекций¹. Я помню, как появление на кафедре В. В. Мавродина и его лекции часто встречались и сопровождалась аплодисментами.

Далее шла лекция профессора Михаила Илларионовича Артамонова, заведующего археологическим отделением. Говорил он строго, сурово, пренебрегал риторическими красотами, но слушать себя заставлял с первой минуты. За прошедшие 60 лет я мало что запомнил из содержания его курса по истории первобытного общества. Но образ ученого остался в памяти навсегда, с его аристократической внешностью (позднее я узнал, что родом он был из крестьян Тверской губернии). Суть была не в «сделанности», а в природной сущности человека: много лет спустя я встречался с исполненными достоинства крестьянами (чаще — с женщинами) во время археографиче-

---

¹ Мавродин В. В. 1) Образование древнерусского государства. Л., 1945; 2) Древняя Русь. Л., 1946.

ских экспедиций в старообрядческих деревнях Русского севера (представить их можно по картине художника Виктора Попкова «Мезенские вдовы»). Главное же впечатление от М. И. Артамонова у меня сохранилось от событий более поздних. После окончания университетского курса, осенью 1950 г. мне пришлось побывать на заседании Ученого совета Исторического факультета. Перед этим в газете «Правда» была напечатана обличительная статья, подписанная Ивановым (возможно, это был псевдоним), где подвергались разгрому результаты многолетних раскопок ученого в местах расположения хазар. Вслед за идеологическими кампаниями 1949 г. автор обвинял Михаила Илларионовича в преклонении перед хазарской культурой. Не помню, упоминалась ли в этой статье приверженность верхушки хазарского общества иудаизму; во всяком случае это обстоятельство учитывалось читателями 1950 г. Вместо обычного самобичевания профессор представил Ученому совету доклад о результатах последних раскопок, с показом фотографий на экране. Покаянного тона не было и в помине, а когда кто-то из присутствующих задал вопрос: дескать, в статье «тов. Иванова» содержались утверждения, на которые докладчик не дал ответа, Михаил Илларионович заметил, что статья «тов. Иванова» — не Священное Писание... В обстановке конца 1950 года такое пренебрежительное высказывание о критическом выступлении Центрального Органа ЦК КПСС было далеко не безопасным.

Лекции по истории Древней Греции читал профессор Соломон Яковлевич Лурье. Пожалуй, его курс оказался слишком серьезным для тогдашних студентов. Вскоре мы ознакомились с первым томом его истории Древней Греции; это было чтение нелегкое, требующее особого внимания, и рассчитано оно было на гораздо более высокий уровень, нежели обычные университетские коллективные учебники (про себя мы называли их тогда «кирпичами»). В 1949 году, в разгар кампании по борьбе с космополитизмом, второй том этого учебника был подготовлен к печати, но особо ревностные сотрудники Кафедры Истории Древнего мира не поленились пойти в университетское издательство, и набор учебника был рассыпан. Оба тома были опубликованы много позднее². В конференции по искоренению космополитизма в лектории Исторического факультета С. Я. Лурье не участвовал, хотя имя его и его труды там неоднократно упоминались. «Проработка» его сочинений проходила на собрании в Ленинградском отделении Института Истории. Я на нем оказался случайно: в то время я изучал рукопись из коллекции Н. П. Лихачева,

---

² Лурье С. Я. История Греции. СПб., 1993.

а институт занимал, помимо библиотеки и архива, не более двух-трех комнат в здании Библиотеки Академии наук. Выступлений гонителей я не запомнил (кроме того, что, дескать, уважаемый профессор нашел время для защиты трех докторских диссертаций — исторических, филологических и математических наук — но так и не ознакомился с трудами основоположников марксизма-ленинизма), зато врезался в память его достойный и аргументированный ответ. Вскоре С. Я. Лурье был уволен из Института истории и из Ленинградского университета и последние годы преподавал во Львове.

Историю Древнего Востока читал академик Василий Васильевич Струве. Его лекции, как помнится, были избавлены в то время от идеологических привязок к современности. Через несколько лет, работая в архиве, я наткнулся в личном деле В. В. Струве на его прошение к Государю: с началом русско-германской войны он решил изменить свое имя — Вильгельма Вильгельмовича на Василия Васильевича. Он происходил из давно обрусевшей немецкой семьи, оставившей глубокий след в русской научной и общественной мысли, и по своей культуре, если и не по вероисповеданию, ощущал себя глубоко русским человеком. Полагаю, что и в этом случае В. В. Струве исходил не из одних конъюнктурных соображений. О его снисходительном отношении к студентам ходили легенды, на грани знаменитого анекдота: В. В. Струве спрашивает студентку: «Между кем и кем происходили греко-персидские войны?». Та мнется, профессор подсказывает: «Ну, голубушка, вы же помните: между гре... — правильно, между греками и... вспомните: и пер... — ну да, и персами, вот и отлично!» Но это анекдот, хотя и близкий к действительности. Были дела и посерьезнее: академик В. В. Струве на все той же антикосмополитической конференции объяснял, что он учился марксистско-ленинской методологии у своих учеников, и закончил этот пассаж знаменитым изречением: «Вот так, хочешь-не-хочешь, а становишься марксистом-ленинистом», что вызвало оживление студенческой аудитории и гнев устроителей собрания.

В середине 1950-х годов, работая в Педагогическом институте в Петрозаводске, я познакомился с деканом историко-филологического факультета и заведующим кафедрой русского языка Никитой Александровичем Мещерским и был поражен списком его научных трудов: до своего ареста он опубликовал в энциклопедическом словаре «Гранат» статьи по египетской истории и, будучи учеником В. В. Струве, принимал участие в подготовке к печати знаменитого «Математического папируса».

Позднее я слушал артистические лекции профессора Семена Бенциановича Окуня (старшекурсники спрашивали нас, дошел ли профессор

до убийства Павла I — это был коронный номер его программы, растянувшийся на несколько часов). Лекции профессора Анатолий Васильевича Предтеченского мы ходили слушать на Филологический факультет — там он читал русскую историю XIX века. Осип Львович Вайнштейн читал первую часть курса истории Средних веков — жестковато, но точно, с глубоким марксистским уклоном и с опорой на немецкую историческую школу. Когда я побывал у него дома, я увидел стеллажи, заставленные томами Бецольда, Лампрехта, Эйкена и других исследователей экономической и духовной жизни Средневековья. Вторую часть истории Средних веков — от Возрождения до начала Нового времени — читал М. А. Гуковский, с несомненной, подходящей предмету, эмоциональностью. В эти годы я прочитал только что вышедшие в свет его книги «Итальянское Возрождение» (первый том) и «Механику Леонардо да Винчи» (ее помог издать Президент Академии Наук С. И. Вавилов, близкий друг Матвея Александровича, глубоко интересовавшийся феноменом Леонардо).

Мы рано стали посещать лекции на Искусствоведческом отделении факультета. На всю жизнь запомнился курс лекций Николая Николаевича Пунина по истории европейского Возрождения. Особое впечатление произвела его лекция об одной картине Боттичелли — «Изгнанная». Показав на экране диапозитив, он попросил студентов отнести это произведение к какому-то периоду в истории искусства; слушатели единодушно заговорили о XIX веке. Воздействие Н. Н. Пунина продолжалось и после его ареста и гибели в лагере (ему приписывали высказывание о том, что «Мы пережили блокаду, переживем и социалистический реализм»). У нас в руках оказался изданный под его редакцией курс истории европейского искусства (почему-то он не был изъят из библиотек и продавался у букинистов)³.

Многих достойных лекторов я тут не упоминаю — они работали на других кафедрах и близкого соприкосновения с ними я не имел.

Сигизмунда Натановича Валка (почему-то он казался нам похожим на фотографии Эмиля Золя) старшекурсники называли ходячей энциклопедией. Я помню, как мой друг Воля Райцес, готовивший доклад в семинаре о влиянии на декабристов революционного движения в Испании, поймав в коридоре С. Н. Валка, обратился к нему с вопросом о литературе. Профессор фыркнул, ошетинился, сказал, что это совершенно не его специальность, и не сходя с места продиктовал библиографию в двадцать с лишним названий.

³ История западно-европейского искусства (III–XX вв.). Краткий курс / Под ред. проф. Н. Н. Пунина. Л., М.: «Искусство», 1940.

Наездами читал лекции Е. В. Тарле — помню начало его спецкурса о внешней политике Екатерины Второй: «Все, что мы защищали в только что закончившейся войне было приобретено Россией в царствование Екатерины Великой». На его лекции в лекторий Истфака приходили студенты других факультетов, в том числе физики и математики. Одновременно он выступал с лекциями о международном положении в переполненном Актовом зале главного здания, кто посмелее, забирались в помещение с балкона через окна, остальные слушали его по радио в заполненном Большом коридоре Двенадцати Коллегий.

Сильно разреженная идеологическими чистками 20-х — 30-х и послевоенных 40-х годов академическая среда на Историческом факультете не могла не включать невежественных и безграмотных, а часто и просто скучных лекторов. Помню, как моя матушка, учительница, с удивлением узнала, что две ее бывших сослуживицы, чья преподавательская деятельность в средней школе была мало заметна, оказались кандидатами наук и доцентами университета. Все они не заслуживают упоминания. Их лекции мы постоянно «мотали», проводя время в коридорах Истфака или на внутреннем балконе, окружавшем двор, позднее — в библиотеках. В крайнем случае, когда по одному из предметов (истории Советского периода) не было никаких учебников, мы с двумя моими друзьями посещали лекции по очереди, и таким образом составляли единый конспект.

И все же наша школа начиналась не с лекций, как бы ни были они полезны и интересны. Вероятно, какие-то из прослушанных курсов отразились в моей (впрочем, непродолжительной) практике, когда я работал в Петрозаводске, а потом в Ленинграде читал курсы и вел семинары в бытность М. А. Гуковского заведующим кафедрой (1960-е — начало 70-х годов), до моего изгнания с Истфака в 1969 г., и в тех немногих случаях, когда меня приглашали читать в Новосибирский, Уральский и Ивановский университеты, а много лет спустя выступал с лекциями и докладами в итальянских университетах Болоньи, Падуи, Пизы, Удине и Триеста.

Подлинная школа возникла в семинарских занятиях, начавшихся на первом курсе. Семинаром по античной истории в нашей довольно большой группе (еще не разбитой по специальностям), более 20 человек, руководил Дмитрий Павлович Каллистов. Это был начальный опыт работы с историческим источником — мы читали «Афинскую политику» Аристотеля, кажется, и изданную специально для такого рода занятий. В СССР древние языки были исключены из школьной программы; работали мы, разумеется, только с русским переводом (года через два к нам присоединился И. Ф. Фихман, перед войной он

закончил курс классической гимназии в Кишиневе и знал латынь и греческий). Остальные начинали изучать латинский и греческий язык при специализации по истории Древнего мира, Средних веков, Византии и Древней Руси.

Недавних школьников, непривычных к существованию различных точек зрения на предмет, блистательный преподаватель, остроумный и живой, Д. П. Каллистов сумел расшевелить, он давал нам понять, что в работе с историческими источниками следует добывать истину, оспаривать другую точку зрения, обосновывать свои мнения на основе дошедшего до нас текста, спорить, подтверждать свои выводы. Возбудить эту косную массу было нелегко, но на протяжении нескольких месяцев первого курса руководителю семинара это явно удалось. Особенно мне запомнился эпизод с истолкованием «Килоновой смуты» (было ли это событие лишь проявлением честолюбивых замыслов его участников или в нем обнаруживались более глубокие социальные корни). Группа наша разделилась надвое, споры не умолкали на протяжении нескольких недель и переходили за пределы аудитории, студенты привлекали иные источники (из книг для чтения и хрестоматий). Кто был прав в этом споре — не знаю и не помню, да и не в этом было дело: в первом своем семинаре мы учились работать с историческим текстом.

Еще значительнее был семинар по русской истории профессора Бориса Александровича Романова. Нам было предложено изучать «Правду Русскую», по ее учебному изданию, вышедшему при участии нашего руководителя⁴. Студенты и здесь оказались мало подготовлены к такого рода занятиям: изучение древнерусского языка начиналось на втором курсе, со времени специализации по истории Древней Руси. У выпускников советских школ не было даже минимальных сведений, которыми обладали православные учащиеся, прошедшие курс классических гимназий: у тех были хотя бы на слуху усвоенные из домашнего воспитания, из уроков Закона Божия и из посещения церковной службы элементарные представления о церковно-славянском языке.

Но задача, которую ставил перед собой и перед студентами Б. А. Романов, была не подготовка историков Древней Руси (хотя иные из его тогдашних учеников под несомненным влиянием его занятий впоследствии избрали себе именно эту специальность) — а обучение будущих историков на материале древнего памятника.

---

⁴ Правда Русская. Учебное пособие / Отв. ред. Б. Д. Греков. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1940. Комментарии и важнейшая часть справочного аппарата были написаны Б. А. Романовым.

Б. А. Романов буквально заставлял всех студентов принимать участие в обсуждении разных мнений и докладов; отмолчаться не удавалось никому. («Не можете высказаться по существу, говорите о стиле, о манере изложения»). Так у самых косноязычных формировались навыки к связной речи, к обоснованному суждению с опорой на источник, способности к анализу текста. К сожалению, я не запомнил собственных выступлений на семинаре — очевидно, они того и не заслужили. Зато сохранилось ощущение напряженной работы. В середине учебного года в нашей группе появился только что демобилизованный из армии Борис Иванович Дубенцов, всем своим видом напоминавший студента из картины передвижника В. Е. Маковского. Вскоре он выступил на семинаре с докладом о 17-й статье «Правды Русской». Б. А. Романов заинтересовался способным студентом и рекомендовал его в члены Студенческого Научного общества (тогда для этого требовалась поддержка научного руководителя). Это событие явилось как бы наградой для всех участников занятий.

Наши семинары были в это время учебным продолжением большой работы Б. А. Романова над II томом академического издания «Правды Русской» — там приводились суждения всех исследователей памятника. Вопреки ограничениям тех, кто планировал это издание, ему удалось включить туда и собственные наблюдения о главнейших положениях правового источника Древней Руси⁵.

Одновременно в издательстве Ленинградского университета шла работа над изданием исследования Б. А. Романова — «Люди и нравы древней Руси», которое сам он считал главным делом своей жизни. Отзвуки идей этого его труда неизбежно отражались в занятиях семинара⁶. Книга вышла в свет в конце 1947 года. Мы уже выбрали свою будущую специальность, но наши прежние занятия в какой-то мере подготовили нас к ее пониманию и восприятию. Тогда мы не могли знать о ее сложном пути к читателю⁷. Появление монографии Б. А. Романова было ошеломительным. От неё веяло — не скажу

---

⁵ Правда Русская / Под ред. Б. Д. Грекова. Т.2. М.: Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1947.

⁶ Романов Б. А. Люди и нравы древней Руси: Историко-бытовые очерки XI–XIII вв. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1947. Второе издание с предисловием Н. Е. Носова — М.: Л.: Наука, 1966. Перепечатка в сб. «От Корсуня до Калки» — М.: Молодая Гвардия, 1990.

⁷ Панях В. М. Творчество и судьба историка: Борис Александрович Романов. СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 2000. С. 213–226. Написанная после лагеря и в эвакуации, при отсутствии необходимых справочников и пособий, книга Б. А. Романова была подготовлена к печати еще в 1946 г., но ее появлению в свет препятствовало сопротивление академических кругов. Ни одна из одобрительных рецензий, посланных в журналы, так и не была опубликована.

даже свободой, скорее — вольностью, неслыханной в тогдашней исторической литературе. Она вырывалась из всех принятых в то время канонов и ограничений, поставленных на путях научной мысли. В ней не было ссылок на обязательный в те годы сталинский катехизис («Краткий курс истории ВКП (б)»), оказалось лишь одно упоминание «классиков марксизма-ленинизма» (цитата из книги Ф. Энгельса «Происхождение семьи...», использованная как пример непонимания летописцем «брака умыканием» и «брака-купли» в качестве симптома возникновения парного брака).

Воспитанные во вполне советском духе, мы даже не замечали этого обстоятельства, мы были просто вовлечены в неожиданный круг размышлений автора и открывшуюся перед нами глубину проблем древнерусской истории. Можно было бы отнести это за счет великолепного языка и стиля книги, однако они были далеки от легкого и популярного изложения: это чтение требовало напряженной и неустанной работы мысли; мне, во всяком случае, многие разделы приходилось перечитывать и продумывать не один раз.

Неожиданной оказалась точка зрения Б. А. Романова на социальные, экономические и личные конфликты, рассмотренные в книге. Используя летописные и юридические свидетельства, «Патерик Печерский», «Поучения исповедающемуся», «Церковный устав», «Палею толковую», проповеди, «правила», «вопросники», «заповеди» церковных иерархов и иные документы эпохи, автор обозревал их как бы с высоты «птичьего полета», опираясь на сложный и представляющий немало проблем для исследователя литературный текст «Слова» и «Послания» Даниила Заточника. Непосредственно к текстам, надписанным именем Даниила Заточника, Б. А. Романов обращается во введении «От автора» и в первой и последней главах исследования, однако, независимо от того, приводится ли в других местах имя автора или персонажа «Слова» и «Послания», он постоянно присутствует на страницах книги. Ученый пользуется образом сочинителя и читателя «Слова» как «непредусмотренной никакими юридическими стандартами разновидностью жертвы или субъекта процесса классообразования <...> Само же содержание «Слова» Д. [Даниила] Заточника служит мне и еще одной призмой, через которую преломилось немало кусков и закоулков русской жизни XII–XIII вв.» (С. 10–11; все ссылки приводятся по первому изданию книги).

«Жертва» и «субъект» процесса классообразования — таких понятий вообще не было в научной литературе о Киевской Руси. Этот прямой интерес к живому человеку явился неслыханным новшеством, привнесенным автором в книгу «Люди и нравы древней Руси»: «Именно этот житейский

и автобиографический характер “Слова” должен был стяжать ему читательскую популярность» (С. 18). В результате «получилось у него [Даниила Заточника — А. Г.] на небольшом полотне нечто вроде панорамы общественной жизни и быта эпохи» (С. 45).

Резкая критика обрушилась на Б. А. Романова в конце 40-х годов в печати и в «общественных» обсуждениях-осуждениях его книги. Обличители ставили ему в вину, что он не показал людей древней Руси, как строителей государственности и как создателей высоких образцов культуры. Они «как бы» не замечали подзаголовка книги: «Историко-бытовые очерки XI–XIII вв.» Автора интересовали «следы бытовых черт, житейских положений и эпизодов из жизни русских людей <...>, с тем, чтобы дать живое и конкретное представление о процессе классового образования в древнерусском феодальном обществе, сделав предметом наблюдения многообразные отражения этого процесса в будничной жизни этих людей» (С. 5). Речь ведь шла о том, как вели себя люди Киевской Руси в социальных, политических и бытовых столкновениях своей эпохи. Именно об этом повествовали те летописные, юридические, церковные свидетельства, которые в изобилии привел на страницах книги Б. А. Романов. Они подтверждали «мизантропический» взгляд на современную жизнь, как был он выражен в сочинениях Даниила Заточника: «Эти сопоставления наводят на мысль, что передатчиками и источником тревоги в феодальных верхах могли быть именно заточники, — недораздавленные жертвы обвалов, увлекавших за собой всяческих мелких свободных “мужей” и людей», а за их спиной стояла церковь (С. 286).

Выявление роли церкви в формировании новых общественных отношений — конкретной «работы церкви по строительству феодального общества и внедрению ее в самую ткань (слой за слоем) этого общества через личную, семейную жизнь прихожан, — работы, которая единственно и может конкретно объяснить подлинное значение церкви, какое она приобретала тогда на целые века существования русского общества и государства» (С. 12) — одна из важнейших заслуг Б. А. Романова. При этом в своем исследовании он оказался равно свободен и от антиклерикальных настроений тогдашнего советского общества и от идеализации и упрощения роли церкви^{*}.

* Много позднее я узнал, что в академических и партийных кругах бытовало странное представление о том, что «Люди и нравы» Б. А. Романова — чуть ли не новый «Декамерон» и вообще едва ли не порнографическое сочинение — причиной тому явились достаточно откровенные разделы о жизни духовенства и прихожан. Очевидно, в их глазах сильнее кошки зверя не было, и Боккаччо казался воплощением

Книга Б. А. Романова была неоднократно предметом официальных обсуждений, а много позднее и серьезных доброжелательных откликов. Я не пишу рецензию, но лишь пытаюсь вспомнить свои тогдашние впечатления. К примеру, не зная всех обстоятельств споров вокруг истории Киевской Руси, я воспринял историографический обзор во введении «От автора» как естественный в данном случае очерк сделанного предшественниками, и не заметил, что автор «прибег к ставшему обычным для него приему» полемики⁹ — тем более что и прямой спор со взглядами А. С. Орлова, Б. Д. Грекова и С. В. Юшкова (С. 100, 139–140, 166) нашел свое место в книге.

Еще до выхода в свет книги «Люди и нравы древней Руси» Б. А. Романов был удостоен университетской премии за научно-исследовательскую работу — благодаря активной поддержке В. В. Мавродина и ректора А. А. Вознесенского. Но это никак не помешало враждебным выступлениям его противников.

Между тем состоялось празднование 60-летнего юбилея Бориса Александровича Романова — 26 января 1949 г., через четыре недели после опубликования в «Правде» редакционной статьи «Об одной группе антипатриотических театральных критиков», положившей начало очередной волне гонений на интеллигенцию — я подчеркиваю: на интеллигенцию в целом, несмотря на очевидный антисемитизм борьбы с «безродным космополитизмом»¹⁰.

В большой аудитории Исторического факультета собралось великое множество народа, пришедшего поздравить юбиляра. Я помню, что мы с трудом нашли себе место на стоявших в конце помещения столах. Было не очень удобно, зато мы видели и слышали всех выступавших. Я не запомнил весь ход заседания. От имени ректората Бориса Александровича приветствовал

всяческой непристойности (см.: *Панеях В. М.* Творчество и судьба историка. С. 213, 262). Признаюсь, что я ознакомился с книгой в достаточно молодом возрасте (19 лет), чувствительном к подобным предметам, но не обнаружил там ничего, что могло бы вызвать подобную реакцию; возможно, к этому времени я уже был достаточно развращен чтением итальянских новеллистов эпохи Возрождения и сказок «Тысячи и одной ночи».

⁹ *Панеях В. М.* Творчество и судьба историка. С. 217.

¹⁰ Еще тогда, в университетские годы, я заметил, что моим учителям был органически чужд антисемитизм, насаждаемый партийной идеологией. Как и многое другое в советской действительности, он вызывал у них отвращение, несмотря на то, что они прекрасно знали, какую роль играли выходцы из еврейской среды в партийном и чекистском аппарате после Октябрьской революции. В те времена мой друг Владимир Райцес пустил *mot*: «Раньше можно было креститься, теперь остается только открещиваться!» А сын С. Я. Лурье Яков Соломонович, историк древней Руси, работавший в Педагогическом институте и вскоре изгнанный оттуда, говорил: «Все космополиты безродные, а я — родовитый!»

М. И. Артамонов. Юбиляра поздравил С. Н. Валк, принесший ему в дар картину из своего собрания русской живописи. Большое впечатление произвел доклад о научных достижениях Б. А. Романова, с которым выступил Д. С. Лихачев. Его речь была откровенно полемической, важное место в ней занимала защита книги «Люди и нравы древней Руси». Я в первый раз слушал Дмитрия Сергеевича (на предыдущих его выступлениях при обсуждении книги я не был), и запомнил его отповедь тем, кто обвинял автора книги в недостатке патриотизма. Он говорил о том, что в историческом повествовании долг историка придерживаться правды.

Но главным было ответное выступление Бориса Александровича. Мы слушали его не шелохнувшись. Он обращался к собравшимся, прежде всего к студентам, и говорил о своей судьбе историка. Он не мог прямо и откровенно сказать о репрессиях, которым подвергался, но все было и без того ясно. Речь шла о том, что он долгие годы ощущал себя гвоздем, наглухо забитым в стену в заброшенной квартире, с которым новый хозяин еще не решил, что делать, пока известная речь Сталина (имя его никак не упоминалось, но у всех было на слуху и на памяти выступление, в котором он сравнил людей, готовивших победу в войне, с винтиками государственной машины) не позволила ему определить свое место в обществе. Обратившись к почтившим его юбилей в конце своей речи, он выразил удовлетворение, что принес пользу отечественной науке хотя бы в качестве «винтика» и заявил, что, судя по поздравительным телеграммам от своих учеников, он прожил жизнь не напрасно. Я не думаю, что Б. А. Романов в данном случае употребил этот образ «винтика» в качестве оскорбительного для себя и других¹¹.

В это время в Комитете по Сталинским премиям ему была присуждена премия за книгу «Очерки дипломатической истории русско-японской войны», о чем самому Б. А. Романову и его коллегам сообщали Е. В. Тарле и Б. Д. Греков¹².

---

¹¹ *Панеях В. М.* Творчество и судьба историка. С. 271–272: «Это упоминание о “винтиках”, о которых в одном из своих выступлений оскорбительно говорил Сталин применительно к простым рядовым людям, вынесшим на своих плечах тяготы войны, было столь вызывающе прозрачным, что присутствовавшие на чествовании встретили эти слова Б. А. Романова в мертвой тишине». [«Мертвая тишина» стояла в аудитории на протяжении всего юбилея — А. Г.]

¹² Правда, сразу же после юбилея партком Исторического факультета обратился в Комитет по Сталинским премиям с просьбой отменить только что принятое решение, что и было исполнено. См.: *Панеях В. М.* Творчество и судьба историка. С. 272–273.

Я не принадлежал к кругу учеников Б. А. Романова (это были — по древнерусской истории — Н. Е. Носов и В. М. Панеях, по истории Нового времени — Р. Ш. Ганелин, А. А. Фурсенко и Б. В. Ананьич), но на протяжении всей жизни в моей памяти живет образ этого благородного человека, сохранившего дух и обличье русского интеллигента прошлых времен (кому-то из нас он напоминал внешностью А. П. Чехова, вероятно, из-за бородки и пенсне). На протяжении многих лет я следил за его работами по древнерусской истории, постоянно интересовался его судьбой. Помню, какое удручающее впечатление произвела на нас история с его увольнением из университета: профессор узнал об этом лишь когда обратился в окошко кассы за причитающейся ему зарплатой и не оказался в списках. Мы не были с ним знакомы, но он выступал на предварительном обсуждении моей кандидатской диссертации в Ленинградском отделении Института истории зимой 1956 г. После кончины Бориса Александровича его ученики предложили мне содействовать покупке его книжного собрания в Научную библиотеку Ленинградского университета, где я тогда работал. Я рад, что это приобретение состоялось; это был комплект издания Полного собрания русских летописей, превосходная подборка книг по русской истории. В частности, в Отдел редких книг и рукописей поступил экземпляр «Уложения» царя Алексея Михайловича 1649 г.¹³

На втором курсе студенты разделились по будущим специальностям. В нашей группе оказались те, кто выбрал историю Древнего мира, Средних веков и Византии. Помимо общих курсов истории Средних веков мы на протяжении четырех лет университетской жизни слушали курсы и занимались в семинарах при кафедре.

Одним из первых запомнившихся мне лекционных курсов была история ранней средневековой культуры, ее читал Борис Яковлевич Рамм, ученик Ольги Антоновны Добиаш-Рождественской. При нашей кафедре он работал как совместитель, основным местом его службы был Педагогический институт им. Покровского. Позднее мне приходилось слышать от одного из моих будущих учеников отрицательный отзыв о статьях Б. Я. Рамма по истории средневековой культуры. Они несли на себе отпечаток того времени, как и его работа о взаимоотношениях папства и Руси¹⁴. Но спецкурс, вместе с рекомендованной научной литературой, знакомил нас с совершенно новой областью знаний. Во время антикосмополитической кампании Б. Я. Рамм был принужден оста-

¹³ Каталог книг кирилловской печати 16–17 веков / Составитель А. Х. Горфункель. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та. 1970. сс.41–42.

¹⁴ Рамм Б. Я. Папство и Русь в X–XV вв. Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1959.

вить преподавание в университете и в Педагогическом институте (ходили слухи, что в студенческие годы он состоял в партии эсеров). Какое-то время он работал в провинциальных техникумах, потом нашел себе пристанище в Музее истории религии (еще до того, как к его названию было прибавлено: «и атеизма»). Запись курса сохранилась у меня, и много лет спустя, во время его очень скромно обставленного 75-летнего юбилея в кабинете директора Музея в 1977 г., я принес ему этот конспект, который он возвратил мне с доброй надписью.

Поступая на Исторический факультет я предполагал заняться событиями Крестьянской войны в Германии, восстанием «Башмака» или Мюнстерской коммуной, о них я кое-что знал из переведенной на русский язык монографии В. Циммермана, из исторических романов. Но одновременно меня заинтересовала и эпоха Итальянского Возрождения. Причиной тому была и Эрмитажная экспозиция, и книги А. К. Дживилегова, Стендаля и Ромена Роллана об итальянских художниках, и, конечно, рано попавшая мне в руки книга П. П. Муратова «Образы Италии». Немалую роль сыграл и выбор будущего научного руководителя. При всем моем почтении к Осипу Львовичу Вайнштейну (а он был единственным специалистом по истории средневековой Германии на нашей кафедре) я не почувствовал в нем будущего учителя.

Первые же лекции курса, который начал читать Матвей Александрович Гуковский осенью 1947 года, «Медичейская Флоренция: 1434–1494», вводили в проблемы итальянской истории эпохи Возрождения. В них сплелись и социально-экономические проблемы эпохи, и одновременно политический расклад сил на Апеннинском полуострове, и расцвет культуры. Следующий курс («Папский Рим и итальянские походы, 1492–1530», читанный осенью 1948 г.) касался проблем политической, военной и дипломатической истории. Лекции М. А. Гуковского привлекали яркостью и свободой, независимостью от принятых норм и канонов. Это сказывалось и в его поведении: будучи небольшого роста, он никогда не страдал от этого; напротив, привлекал к себе своей жизнерадостностью и деятельным отношением к жизни.

Три курса, читанные в течение учебного года на третьем, четвертом и пятом курсах Александрой Дмитриевной Люблинской оказали особое влияние на меня, как на будущего историка. Это были курсы «История сословного представительства во Франции» (1947–1948 гг.), «Аграрная история Франции с раннего Средневековья до конца XVIII века» (1948–1949 гг.) и «Франция в XVI веке» (1949–1950 гг.).

Особенно значительным оказалось ознакомление с французской аграрной историей. К четвертому курсу мы подошли достаточно подготовленными, мы читали работы Фюстель де Куланжа, Марка Блока и специальные ра-

боты французских историков, в том числе о воздействии революции цен на развитие экономических отношений. В дальнейшем этот курс помог мне при выборе темы моего дипломного сочинения, а потом и кандидатской диссертации. Порой он превращался в семинар (когда мы изучали комментарии к памятнику французского обычного права XIII в. «*Coutumes de Beauvaisis*» Филиппа де Бомануара) и обсуждали спорные проблемы аграрной истории.

Не менее важным были объявленные А. Д. Люблинской курсы и семинары, посвященные вспомогательным историческим дисциплинам. Вероятно, самым главным (по крайней мере для меня и моего друга В. И. Райцеса) был курс средневековой палеографии¹⁵; Мы много и с увлечением занимались чтением специальных таблиц, разбирались в особенностях письма. В нашем распоряжении была работа О. А. Добиаш-Рождественской; новый учебник А. Д. Люблинской вышел много позднее¹⁶. Не став специалистами-палеографами, как другие ее московские и ленинградские ученики, мы в работе с документами XV–XVI веков постарались использовать этот опыт.

Шли занятия по дипломатике, изучающей исторические документы, по сфрагистике, исследующей печати, по исторической хронологии. Курс источниковедения сопровождался экскурсией в Отдел Рукописей ГПБ. Мы предвкушали возможность обращения к неопубликованным источникам. В библиотеке проходили и практические занятия по исторической библиографии, мы заранее знали, где и как искать необходимые материалы в специальных словарях, в биографических пособиях, в серийных изданиях и в публикациях архивов. Впрочем, и сравнительно небольшое книжное собрание нашей кафедры включало ценные издания, в нем, в частности, хранилась библиотека О. А. Добиаш-Рождественской, ее портрет на книжном шкафу был знаком всем будущим медиевистам, как и портрет Ивана Михайловича Гревса, написанный за год до его смерти. Мы не застали их при жизни, но многие из наших преподавателей были их учениками и в наших учебных занятиях постоянно возникали их имена. Портреты выдающихся историков-медиевистов Гизо, Тьерри, Фюстель де Куланжа украшали стены кафедры.

Ученица И. М. Гревса и Ольги Антоновны Добиаш-Рождественской, А. Д. Люблинская непосредственно связывала нас с традициями петербургской медиевистики и задавала тон в нашей профессиональной подготовке.

¹⁵ Горфункель А. Х. Палеографический подвиг (Исследовательский стиль Владимира Райцеса) // Средние века. Вып. 67. М.: Наука, 2006. С. 200–215.

¹⁶ Добиаш-Рождественская О. А. История письма в средние века. Изд. 2. М.; Л., 1936; Люблинская А. Д. Латинская палеография. М.: Высшая школа, 1969.

Библиографические знания, приобретенные в курсах и семинарах оказались впоследствии очень полезны. Я помню, как А. Д. Люблинская рассказывала нам об одном своем московском коллеге. Он составил почти полный свод публикаций, связанных с Фрондой (знаменитых «мазаринад»). В действительности эти усилия были излишни: подобная работа была давно издана во Франции. Несколько лет спустя я узнал от одного своего старшего коллеги, что он составлял указатель статей, напечатанных в первой серии итальянского исторического журнала, между тем как эта библиография уже была опубликована.

Образ наших учителей постоянно сопровождал нас во время первых шагов в библиотеках. Я помню, как явившись в Отдел редких книг ГПБ для необходимых справок в изданиях XVII–XVIII вв. я услышал от работавшего там Л. С. Гордона (через год он был уволен и арестован): «Я надеюсь, ученику Александры Дмитриевны нет нужды говорить, как следует обращаться с редкими изданиями».

На наших глазах происходило знаменитое выступление А. Д. Люблинской, посвященное только что появившейся книге Б. Ф. Поршнева о народных движениях во Франции¹⁷. Она показала полную несостоятельность историка, как в выдвинутых им концепциях, так и в совершенно недопустимых неточностях и ошибках, начиная с перевода французских текстов. Так, об одном персонаже в документе было сказано «*ayant tranche de la tete*» («ему отрубили голову»); в монографии это было переведено: «он очертя голову бросился в народное движение». Александра Дмитриевна заметила, что так обращаться с источниками можно только «очертя голову». С аналогичным докладом А. Д. Люблинская выступала в Москве, внося только одно изменение: в Ленинграде ей показалось, что в книге Б. Ф. Поршнева есть добросовестно написанные страницы. Перечитывая её, она убедилась, что таких страниц в его работе нет¹⁸. Вскоре автор получил Сталинскую

---

¹⁷ Поршнев Б. Ф. Народные восстания во Франции перед Фрондой (1623–1648). М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1948.

¹⁸ Гуревич А. Я. История историка (М.: РОССПЭН, 2004. С. 26) выразил несогласие со столь решительным суждением; кажется, к своим оппонентам он относился менее благосклонно. На кафедре М. А. Гукровский тоже не принял сурового приговора книге Б. Ф. Поршнева. После этого в «капустнике» на вечере в мае 1949 г., посвященном 15-летию восстановления Исторического факультета, была поставлена сценка о защите диссертации, где студент, игравший всеми любимого профессора, громкогласно заявлял: «Труд гениальный! В нем ошибок масса! / В большом труде не может их не быть! / От сорока до ста я допускаю / Нелепейших и вздорных положений!».

премию, после чего декан факультета К. М. Колобова заявила, что следует разобраться с кафедрой, где позволяют себе шельмовать лауреата.

А. Д. Люблинская была уволена из Отдела рукописей Публичной библиотеки, одновременно ушел, «по собственному желанию» ее муж Владимир Сергеевич Люблинский, организатор и многолетний руководитель Отдела редких книг. Как теперь выяснилось из воспоминаний ее коллег, Аттестационная комиссия Исторического факультета подготовила проект приказа об увольнении из университета Александры Дмитриевны. При этом сыграли роль и ее «анкетные данные»: ее отцом был протоиерей кафедрального Исаакиевского собора о. Дмитрий Стефанович (в те времена подобная родословная была опасна), мужем — еврей, перешедший в православие после революции, в 1920-х гг. (как и подруга Александры Дмитриевны пианистка М. В. Юдина, крестившаяся в 1918 г. под влиянием М. М. Бахтина и Л. В. Пумпянского). А. Д. Люблинскую спасло вмешательство двух весьма уважаемых членов партии, византиста М. В. Левченко и итальяниста В. И. Рутенбурга. Они, с немалым риском для себя, сумели объяснить Аттестационной комиссии, что она является незаменимым преподавателем кафедры, а ее «ошибки и заблуждения» не столь значительны¹⁹.

А. Д. Люблинская, несомненно, была марксистом. Ее цельная натура не допускала ни компромиссов, ни лицемерия (если не относить к ним ритуальные ссылки на труды Сталина). Я помню, как во время беседы со своими учениками в гостинице «Ривьера» в Зеленогорске весной 1950 г., она жаловалась на невозможность запомнить сотни раз читанный «Краткий курс истории ВКП (б)» (сотрудников кафедры заставляли изучать его в «Вечернем университете марксизма-ленинизма»). Ее критика Б. Ф. Поршнева (а затем Ф. Я. Полянского) была направлена именно против оглупления и искажения марксизма, которую как раз и игнорировали официальные толкователи. А. Д. Люблинская в своем марксизме была *не как все*, а как те немногие, кто видел и выявлял в марксизме его научную составляющую.

Курс историографии Средних веков читал О. Л. Вайнштейн. К тому времени я был знаком с его учебником еще до разгрома, которому он подвергся на антикосмополитической конференции. Осип Львович тоже был марксистом. На одном из заседаний кафедры в 1930-х гг. он разоблачал византиста В. Н. Бенешевича (в 1938 году тот был расстрелян). В «Историо-

¹⁹ Лебедева Г. Е., Якубский В. А. А. Д. Люблинская и кафедра истории Средних веков ЛГУ 1940–1950-х годов // Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени / Под ред. Г. Е. Лебедевой. Вып. 4. СПб.: Алетей, 2003. С. 12.

графии Средних веков» О. Л. Вайнштейн критиковал буржуазных историков (в иных случаях его замечания были основательны), но прежде всего он знал их исследования и добросовестно излагал их содержание²⁰, в отличие от появившихся позднее работ, где авторы извращали их смысл и забывали о прочитанном в угоду принятой в данный момент официальной точки зрения²¹.

Мы занимались в семинаре Валентины Владимировны Штокмар, слушали ее курс о Тюдорской Англии. Вероятно, были и еще какие-то лекции, но они не оставили следа ни в памяти, ни в студенческих записях.

Зато тех, кого мы считали нашими учителями, мы узнавали не только в личном общении, но и в их поведении в очень сложной в те времена жизни Исторического факультета. Мне запомнился доклад М. А. Гуковского на научной сессии, посвященный Англии Висконти в связи с внешней политикой итальянских государств. В нем был рассмотрен брачный контракт, обнаруженный им среди рукописей Эрмитажа²². Автору удалось проследить судьбу одной из дочерей правителя Милана Барнабо Висконти, которую тот, а затем и захвативший престол его брат использовали для заключения династических браков (как правило, затем расторгнутых), в сложной дипломатической игре для приобретения надежных союзников. Доклад показал отличное умение исследователя привлечь источники XIV–XVI вв., которые ранее не были учтены. В университетской газете автора упрекали в страшном грехе *мелкотемья*. Как раз в это время у М. А. Гуковского только что вышли в свет две монографии, были напечатаны статьи о природе Итальянского Возрождения. Впрочем, его доклад не был одобрен и коллегами по кафедре: А. Д. Люблинская, всегда интересовавшаяся темами из «большой» истории общества и государства, обычно не доходила в своих исследованиях до судеб конкретных людей (хотя, собирая у себя студентов, рассказывала им о приключениях авантюристов XVIII века). Но отклики специалистов не имели ничего общего с официальными нападками на ученого, это был спор «среди своих» о разном подходе к исто-

---

²⁰ Лебедева Г. Е., Якубский В. А. Профессор О. Л. Вайнштейн в годы борьбы с космополитизмом (из прошлого кафедры истории Средних веков СПбГУ) // Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени / Под ред. Г. Е. Лебедевой. Вып. 5. СПб.: Алетейя. 2005. С. 102–126.

²¹ Имеются в виду работы М. А. Алпатовой и Е. В. Гутновой 1949–1985 гг.

²² Много лет спустя он был опубликован: *Гуковский М. А. Англия Висконти: Эпизод из истории внешней политики итальянских государств XIV–XV веков* // Итальянское Возрождение. Сб. статей. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та. 1966. С. 21–46.

рии. М. А. Гуковского всегда интересовали живые люди и их поведение в определенных обстоятельствах.

Вскоре состоялась защита кандидатской диссертации аспирантки М. А. Гуковского Елены Викторовны Бернадской, речь в ней шла о феррарской синьории. Председательствовал на Ученом совете Н. А. Корна-товский, незадолго до того сменивший на посту декана В. В. Мавродина. Ведущий оппонент, О. Л. Вайнштейн допустил неосторожность: говоря о стилистических погрешностях в диссертации, он привел неудачный оборот: там было сказано, что в фашистской Италии подвергался гонениям не только марксизм, «но и другие прогрессивные течения в науке». Бдительный слух нового декана уловил идеологический вызов. Лицо его налилось кровью от возмущения и злобы. Он немедленно приостановил защиту. Напрасно оппонент пытался объяснить, что речь идет только о не вполне удачном выражении. И тут, в общем замешательстве, выступил Матвей Александрович. Не опасаясь вошедшего в раж председателя Ученого совета, он твердо объяснил, что в представленном сочинении автор проявил себя сторонником марксистского понимания исторического процесса, а не использовал, как это часто бывает, притянутые к месту и не к месту цитаты из «классиков марксизма-ленинизма» в качестве гарнира. Это приравнивание «священных текстов» к понятиям кулинарного искусства вызвало веселую реакцию студентов и растерянность защитников идеологической чистоты. Все это произносилось уверенно, энергично и вместе с тем весело, с неподобающей серьезности момента иронией. Переломить доброжелательное отношение *ученой* части Ученого совета к представленной работе новому руководителю идеологической жизни факультета не удалось, и диссертация «прошла» очевидным большинством голосов (не помню, были ли там голоса «против», или декан смирился с волей участников заседания).

В те же годы развернулась кампания против А. Н. Веселовского, предшествующая разгрому «безродных космополитов». М. А. Гуковский выступил в собрании в защиту великого ученого, прежде всего как исследователя Возрождения; это был редкий случай такого открытого заявления своей позиции. Эти эпизоды на репутации Матвея Александровича в глазах тех, кто пришел к руководству Историческим факультетом, безусловно отразились, как и его выступление на антикосмополитической конференции, где он ограничился обязательной в этом случае «самокритикой» и обещал исправить ошибки во втором томе книги об Итальянском Возрождении, но вопреки принятому в этой кампании обыкновению не обвинил никого из своих коллег.

М. А. Гуковский также воплощал для нас связь с традициями петербургской медиевистики, но более живую и духовную. Он хорошо знал Л. П. Карсавина (имя его редко упоминалось, но многие его работы мы знали), А. Л. Волинского и академика Н. П. Лихачева, много рассказывал нам о его коллекции исторических документов. Николай Петрович, используя полулегальные связи с итальянскими архивистами и прямой подкуп, пополнял своё собрание. Итальянское правительство приказало не выпускать его из страны с собранными им материалами. Этот запрет он обошел самым простым способом: выехал в вагоне третьего класса, где таможенникам, знавшим ученого как очень богатого человека, не пришло в голову его искать.

Уже на первые лекции М. А. Гуковский принес список тем для курсовых работ. Не помню всех сюжетов, но знаю, что одна из студенток старшего курса взяла тему об участнике Римской академии Помпонио Лето — запомнил я это только потому, что в течении долгого времени мне пришлось потом помогать ей переводить латинские тексты. К окончанию университета, неожиданно для нее самой, ради ее пролетарского происхождения, новый декан велел принять ее в аспирантуру, кафедре пришлось подчиниться. К счастью, все закончилось приемными экзаменами — после этого ее перевели на кафедру Истории СССР. В предложенном списке была тема и о флорентийской Платоновской академии; в первые студенческие годы я много читал сочинения Гераклита, Аристотеля и Платона (помню, как во время летних каникул мы с Волей Райцесом разбирались в трудных вопросах аристотелевой «Физики»), но на этот раз я убоялся премудрости. И выбрал предметом своей курсовой работы «Восстание в Вольтерре».

В эти годы интерес к народным движениям и аграрной истории был характерен не только для советских, но и для зарубежных историков. Позднее я узнал, что ученики С. Д. Сказкина в аспирантуре (Л. М. Брагина и Н. В. Ревякина) тоже занимались подобными проблемами, и лишь во второй половине 1950-х гг., перешли (как и я, и независимо от них) к изучению истории итальянского гуманизма и философии.

Работа захватила меня. Первый источник для истории этого выступления Вольтерры против Лоренцо Медичи в 1472 г. был указан М. А. Гуковским. Это была «История о бедствиях Вольтерры» гуманиста Антонио Ивани, напечатанная в XVIII веке великим Луиджи Анджело Муратори в XXIII томе его грандиозной серии текстов итальянской истории («*Rerum Italicarum Scriptores*»).

После трех лет занятий латынью (преподавателей было немало, но лучшим из них оказался Евгений Константинович Товстик; в свое время он преподавал в 3-й гимназии на Гагаринской ул., где в те годы учился М. А. Гу-

ковский) — это был мой первый опыт чтения, перевода и истолкования латинского текста XV века. Не могу не вспомнить здесь и превосходную наставницу по итальянскому языку, Софию Борисовну Эстулину; уже к концу первого года обучения мы хорошо читали по-итальянски. Разговорной речи нас не учили, да и откуда в те времена было взять иностранцев (когда Валентин Алексеев, в 1948 г., прочитав в газете, издаваемой в советской зоне Германии, письмо немецкой студентки, написал ей, его вызвали в комитет ВЛКСМ, куда было доставлено письмо, и осудили за переписку с «фашисткой»).

Благодаря накопившемуся опыту работы с библиографическими справочниками, словарями, историческими исследованиями, относящимися к истории Вольтерры, я сумел отыскать множество других источников. Это были хроники, поэмы, посвященные знаменитому разграблению города нанятыми Флоренцией войсками (*Sacco di Volterra*), документы и сочинения историков XV–XVI вв. Они позволили разобраться в сложных обстоятельствах начала правления Лоренцо Великолепного. Очень помогли мне и художественные издания по истории и искусству этого небольшого города флорентийского контадо. Поездку в Италию в ту пору не могли представить себе даже профессора. Зато по планам города, по изображению его достопримечательностей я, получив их фотокопии в библиотеках, мог наглядно представить себе арену действия интересующих меня событий.

Работа по истории народного движения исходила из марксистского учения о классовой борьбе. Дело было не в цитатах — их было две, они не обосновывали мои выводы, а скорее вытекали из них (речь шла о социально-экономическом развитии Италии XV–XVI вв.). Я попытался разобраться в социальной структуре городского восстания. Помимо известных общественных групп: торгово-финансовой верхушки, граждан коммуны (ремесленников) и вытесненных из сельского хозяйства крестьян, населявших пригороды, я обнаружил в одном из источников термин «*mercenaria plebs*», обозначавший наемных работников. Как мне представляется и теперь, попытка объяснить возникновение грабежа (*Sacco di Volterra*) сопротивлением жителей одного из предместий нашла обоснование в источниках. Доклад был прочитан на студенческом научном кружке, а работа рекомендована к печати М. А. Гуковским. Единственное, что меня вгоняет в краску и теперь, это выпады против буржуазной историографии в примечаниях к статье. Какие-то из них принадлежали мне, какие-то были привнесены издательским рецензентом этого тома проф. А. И. Молоком, развлекшим участников антикосмополитической конференции обличением О. Л. Вайнштейна, который в своей «Историографии» назвал один из параграфов «“Расцвет”

медиевистики в США». Оратор возмутился: о каком «расцвете», *хотя бы и в кавычках*, можно говорить в применении к американской науке. Рецензент ознакомился с рукописью сборника уже после ареста М. А. Гуковского и в своем отзыве обвинил меня в *буржуазном объективизме* (Николаев, 1)²³.

Во время моих занятий курсовой работой мы встречались с М. А. Гуковским в Публичной библиотеке, обсуждали проблемы, возникавшие при изучении источников. Однажды мы вместе вышли из библиотеки и Матвей Александрович предложил отвезти меня домой на машине (в те времена это была большая редкость; он только что приобрел ее на гоноرار от книги). Я отказался, постеснявшись. Не знаю, был ли у него шофер, или он получил водительские права; по его складу я думаю, что это не составляло для него проблем. Знаю, по рассказам старших студентов, что в довоенные годы он разъезжал по Ленинграду на лошади (занимался в каком-то клубе).

Осенью 1948 г. следовало определить предмет моего будущего дипломного сочинения. Меня заинтересовали документы, хранящиеся в Отделе рукописей Ленинградского отделения Института истории. М. А. Гуковский предложил мне на выбор два комплекса, один был связан с дипломатической перепиской XVI в., второй касался истории аграрных отношений XV в. Некоторое время я сомневался и советовался с А. Д. Люблинской. Она спросила меня: «Саша, а вы любите дипломатию?» — я честно сказал, что на дух ее не переношу; возможно, под впечатлением от изданного в те годы трехтомника «История дипломатии». И мы остановили выбор на второй теме. На это решение повлиял, несомненно, прослушанный тогда курс А. Д. Люблинской об аграрной истории Франции. Выбор был одобрен М. А. Гуковским, он и привел меня в Отдел рукописей.

Источники, хранившиеся в коллекции Н. П. Лихачева, представляли собой две рукописи, заключенные в пергаменные обложки. Это были «минуты» — черновые записи актов, совершенных нотариусом Бальдо де Бальди в небольшом городке Коринальдо в Анконской марке. Документы охватывали значительный промежуток времени, с 1460 по 1480-й год. Всех актов там было

---

²³ Здесь и далее при указании моих работ я буду ссылаться на библиографии: 1) Александр Хаимович Горфункель (к 60-летию со дня рождения и 40-летию научной деятельности. Библиографический указатель / Сост. Н. И. Николаев. Отв. ред. В. А. Петрицкий. Л.: Секция книги и графики Дома Ученых АН СССР, 1988; 2) Фролова И. И. К юбилею А. Х. Горфункеля, историка, библиографа, книговеда // Историко-библиографические исследования. Сб. научных трудов. Вып. 8. СПб.: Российская Национальная библиотека, 2000. С. 149–157.

около 1300. Их следовало внимательно прочитать и разобраться в их содержании, понять, как отражали они социальные отношения в городе и его округе.

Так я столкнулся с чтением итальянского готического курсива; до этого я имел дело лишь с воспроизведением некоторых фрагментов в таблицах, приложенных к учебникам палеографии. Работа началась во время зимних каникул 1949 г. Каждый день я шел в читальный зал Рукописного отдела БАН. Готический курсив — это была своего рода стенография Средних веков. Нотариус экономил не только время, свое и клиента, но и пергамен, на который приходилось тем же курсивом переносить беловой текст контракта. Там не было ни одного слова, которое не было бы сокращено до двух-трех, в крайнем случае четырех букв, с употреблением множества аббревиатур, подстрочных, надстрочных, поперечных и иных. Я с ужасом поглядывал на два тома нотариальных записей и не мог представить себе, как я справлюсь с предстоящей задачей. На чтение первого документа у меня ушло полных две недели. Зато, когда я пришел заниматься в начале третьей недели, работа сдвинулась с места самым неожиданным образом: в тот день я прочитал 14 актов. Все объяснялось просто: система сокращений была одна во всех нотариальных минутах, новые слова и сокращения если и встречались, то их расшифровка уже не представляла серьезных затруднений. Я все реже обращался к известным итальянским пособиям по чтению средневекового курсива. Их перечни были полезны, хотя далеко не всегда помогали: в почерке каждого нотариуса были свои местные особенности, зависящие к тому же и от состава заносимых в книгу актов. Но с каждым днем набирался опыт, известную роль играла и интуиция.

Документы отражали повседневную жизнь города и его округи. Это были акты продажи земли, аренды в различных формах, на эмфитевтическом праве (у крупных монастырей), за фиксированную плату, с последующей отработкой или на условиях испольщины; акты обмена земельных участков, долговые расписки, ссуды деньгами или зерном, передачи в аренду скота, за фиксированную плату или с отработкой, материалы, свидетельствующие о прямом использовании наемного труда, напоминающие о понятии «*mercenaria plebs*» в источниках о восстании в Вольтерре. В актах нет прямых указаний на размер земельных участков, однако, в них встречаются косвенные сведения (плата, получаемая продавцом). Кроме того, там отмечены точные границы, которыми был окружен данный участок. По этим признакам можно было судить о размерах земельной собственности.

Таким образом, при полной обработке всего содержащегося в документах материала, в том числе и имен упоминаемых в них лиц, можно было

значительно расширить круг наших сведений. На карточки заносились все данные, которые могли бы помочь разобраться в аграрных отношениях в Коринальдо — имена контрагентов, упоминаемых в «минутах» Бальдо де Бальди, об их занятиях, имена их соседей, все условия контрактов. Сопоставление документов позволяло не только выявить тенденции социального развития одной из анконских коммун, но и проследить, как отражались они на человеческих судьбах.

Большую помощь оказали сведения о политической истории Коринальдо в книге ученого эрудита XVII века аббата В. М. Чимарелли, а также статуты других аналогичных городов Анконской марки, изданные итальянскими историками-краеоведами во второй половине XIX в. Международный абонемент был в те времена крайне затруднен (бывшего директора Научной библиотеки ЛГУ О. Л. Вайнштейна обвиняли, в частности, в том, что он попытался в послевоенные годы наладить книгообмен с зарубежными библиотеками; зато его преемник отправлял в «спецхран» всю литературу, поступающую из-за рубежа, вплоть до логарифмических таблиц). К счастью, нужные мне книги обнаружались в фондах ГПБ.

В самый разгар работы над дипломным сочинением, когда все «минуты» Бальдо де Бальди были прочитаны и их содержание перенесено на карточки, летом 1949 года был арестован мой научный руководитель М. А. Гуковский. Кафедра не оставила меня своим попечением. А. Д. Люблинская продолжала интересоваться ходом работы над дипломом; заведующий кафедрой О. Л. Вайнштейн и сменивший его М. В. Левченко не отзывали рекомендацию в «Ученые записки» курсовой работы. Осип Львович принял на себя научное руководство.

Во время защиты дипломной работы в качестве официального оппонента выступил сотрудник ЛОИИ Виктор Иванович Рутенбург. Отзыв (значительно преувеличивший достоинства моего сочинения) помогал мне перенести трудные дни после окончания университета. Результаты были позднее опубликованы А. Д. Люблинской в «Ученых записках» ЛГУ (Николаев, 2). В. Райцес, В. Алексеев и я были рекомендованы в аспирантуру.

Здесь место упомянуть моих близких друзей. Одновременно со мной Владимир Райцес начал работать над рукописными материалами в Отделе Рукописей Публичной библиотеки, возможно, под его влиянием и я обратился к архивным источникам. Валентин Алексеев изучал экономическую историю средневековой Чехии. Наше общение далеко выходило за академические рамки; мы пытались разобраться в хитросплетениях окружающей нас политической жизни (в ее понимании и оценке Валентин Алексеев всегда

уходил дальше нас). Мы близко сошлись с Александром Николаевичем Немилковым. Он появился после демобилизации (пройдя всю войну с первого до последнего дня) на втором курсе; о его военном прошлом напоминала разве что армейская куртка. Поразил он нас тем, что в первый же день принес с собой тетради по латинскому языку, сохраненные его матушкой в годы блокады, пришел так, как будто бы и появился у нас прямо с первого курса. До войны он предполагал заниматься итальянским Возрождением. Однако директор Эрмитажа академик Иосиф Абгарович Орбели уговорил его обратиться к культуре Возрождения в Германии: Эрмитаж нуждался в хранителе собрания немецкого искусства.

Из студентов следующих курсов мы познакомились, а затем и подружались с Леонидом Тарасюком, будущим хранителем Эрмитажного арсенала, и с Владимиром Якубским, рано заинтересовавшимся социально-экономической историей Польши — оба они были участниками войны. Было на Историческом факультете немало и других добрых приятелей и друзей на разных курсах. Среди них моя коллега по кафедре Ирина Ивановна Синкина (Фролова), искусствовед Анатолий Шпаков (не будучи мобилизован в армию по малолетству он оказался в числе защитников своего города Запорожье, был ранен, и если бы не вмешательство врача, кажется, друга дома, который вынес его с поля боя, он бы погиб). Этот высокий красивый человек был страшно изувечен. Ногу заменил протез, вместо правой руки у него оставалась культя; приспособив к ней резинку, он брал карандаш и мог отлично писать и рисовать. Были среди наших знакомых искусствовед Борис Бернштейн, античница Ирина Свенцицкая, историки Гагик Саркисян, Карен Юзбашян, Семен Косухин (тогда студент Отделения журналистики Филологического факультета) и многие, многие другие — мы сохранили добрые отношения на долгие годы. Все эти студенческие связи опирались далеко не только на общность занятий, но прежде всего на душевное сродство, которое в свою очередь воздействовало и на наше общее развитие. Я уверен, что все они в той или иной мере влияли на мое человеческое и профессиональное формирование.

В начале четвертого курса я познакомился с Розой Коваль (студенткой второго курса искусствоведческого отделения), моей будущей женой.

Рекомендация в аспирантуру носила для меня формальный (поощрительный) характер: шла весна 1950 г. Я не собирался следовать примеру моего однокурсника, участника войны, члена партии, Сталинского стипендиата, еврея — он пошел сдавать экзамен и был провален сразу же по своей специальности (меня такой провал ожидал при экзамене по истории партии). К тому же

незадолго до государственных экзаменов меня вызвала к себе декан Исторического факультета, профессор Ксения Михайловна Колобова. Она предупредила меня, что, поскольку в аспирантуру был рекомендован В. М. Алексеев (которого я считал тогда и продолжаю считать поныне самым достойным из историков нашего выпуска), а на кафедре есть только одно место, то мне лучше не подавать документы. Я полагаю, что К. М. Колобова, специалист по истории древнего мира, в прошлом ученица поэта-символиста и знатока античности Вяч. И. Иванова в университете в Баку, ни в какой мере не разделяла анти-семитских предрассудков тогдашней власти. Но *noblesse*, т. е. карьера, *oblige*.

Через несколько дней кандидатуру В. М. Алексеева обсуждали на партийном бюро факультета; на вопрос одного из участников заседания, не возникнут ли сложности при поступлении, та же К. М. Колобова ответила: «На кафедре два места, кандидат один».

При подготовке к государственным экзаменам более всего нас беспокоил экзамен по истории партии. Мы купили путевки в университетский дом отдыха и вооружившись множеством книг, прежде всего сочинениями «классиков марксизма-ленинизма» и протоколами партийных съездов, расположились на пляже Зеленогорска. Экзамен мы сдали благополучно.

На выпускной вечер нашего курса мы не пошли. Нам рассказали о торжественном выступлении декана: «Вы выходите на большую дорогу жизни», Воля Райцес тотчас откомментировал: «Только на большую дорогу и остается...» Кажется, в это время или несколько раньше мы сочинили «Гимн Истфака», используя мотив и некоторые выражения из воровского жаргона, были там слова: «Режь профессоров, они гадюки, / Нам очки втирают про науки...»

Перспектив на работу не было никаких. Напрасно мы рассылали письма в провинциальные институты, где, как мы знали, в то время не было преподавателей истории Средних веков.

И тут, совершенно случайно, я услышал по ленинградскому радио неожиданное объявление: Архивный отдел приглашал на работу сотрудников с историческим образованием. Мы с Райцесом немедленно отправились в особняк Лавалея, рядом со зданием Сената и Синода. Нам предложили заполнить анкету размером более 50 страниц. В. И. Райцес не скрыл, что его отец был репрессирован в 1937 г. (что, как мы после узнали, означало пресловутые «10 лет без права переписки», т. е. расстрел), и его доступ к архивному делу был исключен: архивы подчинялись ведомству МВД (или КГБ — эта контора слишком часто меняла свои названия). О том, что мой дядя, брат отца, был арестован в те же годы и с тем же приговором, я просто не знал:

родители предпочли не обременять меня этой опасной информацией. Что же касается другого дяди, брата моей матери, видного меньшевика, высланного из СССР в 1922 г., то я предпочел утаить его существование. Его эмиграция в Германию, Францию и США, где он издавал книги о русской революции и о положении в СССР, грозила опасными карами всей нашей семье и ее родственникам. Знали об этом только два-три моих лучших друга, я мог положиться на их молчание.

Меня приняли в Государственный Исторический Архив Ленинградской области (это был архив, хранивший материалы с основания Санкт-Петербурга до октября 1917 года). К работе (пока временной) мне предложили приступить немедленно, когда я еще сдавал государственные экзамены. Я явился на Псковскую, 18 (где в приспособленном для этих нужд помещении бывшего ломбарда хранились архивные фонды). Начальник архива, Михаил Иванович Тесленко, показал мне дела второй половины XVIII века. С русской скорописью этого времени я познакомился еще в школьные годы, когда приобрел на московской «барахолке» документы из архива Киреевских. Кроме того, для глаз, привычных к чтению средневекового курсива, эта задача оказалась сравнительно простой. Я должен был описывать фонды петербургских судебных учреждений. Через несколько дней, на заседании комиссии по распределению, представительница Архивного отдела объявила: «Этого я беру к себе». Я должен был явиться на работу 1 августа 1950 года. Признаться, до самого своего поступления в архив я не верил своей удаче, притом, что работа архивистов, равно как учителей, музейных работников и врачей принадлежала к числу наименее оплачиваемых. Но моя сестра училась в художественном учебном заведении, мать переживала последствия инсульта и не могла получить учительской пенсии (только работая в архиве я узнал, каким образом ей следовало раздобыть свидетельские показания от бывших сослуживцев), так что я сам должен был заботиться о пропитании. Тут сгодилось и мое жалование младшего научного сотрудника (690 р.); слово «жалование» для государственных служащих вместо привычной зарплаты было введено в это время по указанию Сталина. На еду в Ленинграде (снабжавшемся сравнительно неплохо) этого хватало.

В. И. Райцесу не нашлось места учителя истории ни в одной ленинградской школе. После долгих мытарств в Царском Селе (г. Пушкин) ему предложили преподавать логику и психологию (были тогда такие предметы) в женской школе: «Представляете себе, — говорил он тогда, — каково было учить логике девочек». Впрочем, после ликвидации раздельного обучения (уже в хрущевские времена) он стал там учителем истории. Среди его уче-

ников, очень им тогда любимых, оказались будущие серьезные ученые — книговед, долгие годы работавший в Библиотеке Академии наук Иван Федорович Мартынов и сотрудник Пушкинского Дома Сергей Александрович Фомичев, оба они с благодарностью вспоминали своего учителя²⁴.

Связей с кафедрой мы не порывали. Летом мы получили от А. Д. Люблинской большие фрагменты ее докторской диссертации. Читали мы ее очень серьезно и даже, будучи приглашены в ее дом, постарались сделать какие-то замечания по её работе, касавшиеся социально-экономического развития Франции эпохи абсолютизма. Она прислушивалась к нашим доводам достаточно внимательно, а в конце встречи сказала: «Мальчики, вы единственное мое утешение».

В 1951 г. состоялась защита докторской диссертации А. Д. Люблинской «Социально-экономические отношения и политическая борьба во Франции в 1610–1620 гг.» Особенно поразило нас выступление Е. В. Тарле. Оно никак не было похоже на отзыв приглашенного для престижа академика. Е. В. Тарле проявил глубокое понимание затронутых в диссертации проблем. Для нас, едва ли не первых читателей диссертации, было совершенно очевидно, что он тщательно разобрался в сути затронутых в работе Александры Дмитриевны процессов. Его высокая оценка была не просто данью уважения к диссертанту, она опиралась на его давний интерес к истории Франции XVII в. и на изучение представленных в работе источников и литературы. Поэтому не просто риторически прозвучал конечный вывод официального оппонента. Е. В. Тарле сказал в заключении своего отзыва: «Уважаемая Александра Дмитриевна, если бы я мог предложить Ученому Совету присудить Вам две докторские степени за представленную Вами работу, я бы сделал это с уверенностью; но так как я лишен такой возможности, то я предлагаю присудить Вам одну ученую степень доктора исторических наук»²⁵.

Правда, к этой бочке меда была впоследствии добавлена и странная ложка дегтя: прошло некоторое время, и Е. В. Тарле, из каких-то нам неизвестных соображений, выступал на другой докторской защите, посвященной, если

---

²⁴ *Абрамович С. Л.* Владимир Ильич Райцес: Памятные заметки // Средние века. Вып. 60. М.: Наука, 1997. С. 346–362.

²⁵ *Каганович Б. С.* Е. В. Тарле и А. Д. Люблинская (По материалам переписки) // Западноевропейская культура в рукописях и книгах Российской национальной библиотеки. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. С. 58; *Вольфцун Л. Б.* От Корбийского скриптория до века Просвещения: Из истории изучения западноевропейской культуры в России. СПб.: Феникс, 2008. С. 162.

память мне не изменяет, диссертации отменного негодяя, имени которого я не хотел бы здесь упоминать, касающейся положения в русской армии в 50-х — 70-х годах XIX века. И здесь Е. В. Тарле повторил ту же самую фразу о присуждении двух ученых степеней доктора исторических наук. Мне кажется, что сказано это было с изрядной долей иронии: оппонент адресовался к той же самой аудитории, к тем же членам Ученого Совета, которые присутствовали на предыдущей защите.

Осенью 1950 г. мы с В. Райцесом под впечатлением не только от книги Б. Ф. Поршнева, но и от его вполне «руководящих» статей о формах классово-вой борьбы, напечатанных в изданиях Академии наук, сочинили пародию: «Восстание в Клошмерле как неудавшаяся репетиция буржуазной революции в свете нового учения о формах классовой борьбы». Поводом было появление на советских экранах замечательной французской кинокомедии «Скандал в Клошмерле», о том, как «либералы», преодолевая сопротивление «ретроградов», воздвигли в маленьком городке общественный туалет. В пародии широко использовались высказывания Б. Ф. Поршнева (в его книге и в статьях) о роли классовой борьбы в возникновении абсолютизма и в других явлениях социальной жизни Франции. Поэтому мне трудно согласиться с утверждением почтенных историографов, что «В библиотеках номера журнала с этими статьями [Б. Ф. Поршнева — А. Г.] рвали из рук»²⁶. Мне такие случаи не были известны.

Конечно, наша шутка далеко не пошла и ограничилась узким кругом друзей. Я помню, когда Валя Алексеев прочитал ее, он пошутил, что первая его мысль была о том, что жаль — его не было с нами, когда мы ее сочиняли, но вторая его мысль была о том, что он был рад, что не принимал участия в этой пародии²⁷. В то время играть с лауреатами Сталинской премии не рекомендовалось. Осенью 1949 г. мой приятель Роальд Рабинович слушал вместе с нами в Большом Зале Ленинградской Филармонии выступление другого Сталинского лауреата, мастера художественного слова Д. Н. Журавлева. Его чтение поэмы «Цыгане» и трагедии «Моцарт и Сальери» А. С. Пушкина вызвало у него серьезные возражения, и он послал актеру вполне вежливую записку, в которой предложил встретиться с ним и выслушать его. Лауреат на следующий день позвонил декану Исторического факультета Н. А. Корнатовскому и потребовал сурово наказать любителя поэзии. Декан обещал

²⁶ Лебедева Г. Е., Якубский В. А. Профессор О. Л. Вайнштейн в годы борьбы с космополитизмом (из прошлого кафедры истории Средних веков СПбГУ). С. 121.

²⁷ Горфункель А. Х., Райцес В. И. Восстание в Клошмерле // Европа: Международный альманах. Вып. VII. Тюмень: Мандр и Ко., 2007. С. 243–255.

немедленно разобратся, но вскоре он сам был арестован по странному для твердокаменного большевика обвинению в «троцкизме».

Если бы наша пародия дошла до Б. Ф. Поршнева в начале 1950-х гг., кто мог бы поручиться за результат? Во времена куда более спокойные, в начале 1970-х гг., Б. Ф. Поршнев собирался обличить мою недавно вышедшую книгу о Томмазо Кампанелле, и только его внезапная кончина избавила меня от идеологического разгрома.

Я бывал в коммунальной квартире на Литейном у Виктора Ивановича Рутенбурга, мы обсуждали проблемы экономического развития Италии XV–XVI вв. Какие-то заседания кафедры проходили по вечерам, и мы с В. И. Райцесом и аспирантом В. М. Алексеевым часто посещали их, слушали доклады, участвуя в их обсуждении.

В 1951 г. бывший заведующий кафедрой О. Л. Вайнштейн был изгнан из ЛГУ. В Министерстве Высшего образования ему предложили должность заведующего кафедрой одного из провинциальных университетов. Осип Львович попросил кафедру в новом месте, чтобы не заменять уже работающего там специалиста. Его направили в только что открывшийся университет во Фрунзе. Мы троим (я, Воля Райцес и Валя Алексеев) пришли к нему в дом прощаться. Потом мы сочинили песенку на мотив «Серенького козлика», как напали «на бедного козлика серые волки, всем партбюром». Позднее О. Л. Вайнштейн был вызван в Ленинград и исключен из партии, в которую он вступил во время войны. Среди прочих его прегрешений, по доносу, составленному в партбюро Исторического факультета, было и недолгое пребывание в научной командировке во Франции, где он «завязал связи с троцкистским подпольем» (напомню, сходное обвинение было предъявлено и декану Н. А. Корнатовскому). Однако, город был занят «ленинградским делом». Похоже, что О. Л. Вайнштейна спасла география — до столицы Киргизской республики было далеко, а там нагрянула и смерть Сталина. Когда О. Л. Вайнштейна восстановили в партии, новый руководитель Ленинградского обкома удивлялся: «Ведь историки же писали: ну какое могло быть в Париже “троцкистское подполье!”».

Когда я начал работать в архиве, я в первое время пытался заняться продолжением прежней темы, аграрной историей Италии XV века. Я читал литературу, искал публикации документов, но более всего интересовался архивными материалами в Отделе рукописей ЛОИИ. Но доступ к ним оказался для меня закрыт: часы работы Института Истории совпадали с часами работы в моем архиве. За всю осень я только один раз выбрался туда, воспользовавшись днем «отгула» за ночное дежурство в праздничные

дни. Несмотря на лестный отзыв В. И. Рутенбурга о том, что моя дипломная работа была «почти» готовая кандидатская диссертация, дальнейшее исследование оказалось невозможным. Ограничиться же одними печатными источниками мне было неинтересно. И все же я каждый вечер после работы отправлялся в Публичную библиотеку. Там я встречался с друзьями и приятелями, там были книги, хотя «спехран» свирепствовал: на заточение отправлялись все книги гуманитарного профиля, изданные в «буржуазных» странах. А. Д. Люблинская жаловалась на то, что каждый номер французского исторического журнала всякий раз проходил политическую цензуру, даже если ты держал его в руках неделю назад. Это было вроде средневековых индексов запрещенных книг (с новыми списками мне довелось познакомиться в библиотеке архива). Кстати, обратили ли вы внимание, как любили в СССР приставку «спец» — ею наделялись равно и распределители товаров для начальства, и погребальные конторы.

Сказывалось и отсутствие моего научного руководителя. Помню, что на студенческих и после-студенческих вечеринках мы втроем (я, Воля Райцес и Сандрик Немилев), отойдя от прочей компании, поднимали свой тост, используя название какой-то не сходявшей с театральных афиш пьесы, «За тех, кто в море и за тех, кто на берегу». Это ощущение не оставляло нас до «оттепели».

Условия работы в архиве не слишком способствовали научным занятиям. Помимо восьмичасового рабочего дня (с перерывом на обед это было и того больше) и шестидневной рабочей недели, много времени отнимали почти еженедельные комсомольские, профсоюзные и партийные собрания, к которым нас тоже привлекали; все это происходило по вечерам. Мы участвовали в выборах в качестве агитаторов, т. е. должны были являться к началу голосования, к 6 часам утра, чтобы заставлять избирателей выполнять свой гражданский долг. Я в квартиры не заходил. Были еще и политинформации (которые я проводил в своем отделе), впрочем, они оказались бесполезными: я постепенно научился навыкам устной речи, что позднее помогло мне в чтении лекций.

Первые месяцы работы в архиве я описывал фонды судебных учреждений XVIII века. Это было чрезвычайно интересно, помимо судебных тяжб, я сталкивался с судьбами живых людей. Я даже записывал для себя некоторые судебные дела, особенно поразившие меня: не для будущих публикаций, а только потому, что они показались мне примечательными. Некоторые из таких записей сохранились у меня до сих пор.

Таково было «дело» 1792 г. о театральном художнике Иване Михайлове, обвиненном в попытке прямой передачи своего прошения в руки наследни-

ку Павлу Петровичу, что было строжайше запрещено. Оставшись без дел после увольнения от службы в императорском театре, он, работая, по найму «живописного цехового мастера Франца Иванова, пришел в Село Царское для исправления во флигелях живописной работы». Он просил наследника об определении его в придворную службу. Наказание оказалось сравнительно мягким: Иван Михайлов был приговорен к заключению в «рабочем доме» на месяц, после чего дал расписку не находиться праздно, «а приискивал бы по мастерству своему способное место».

Куда более серьезными оказались два других дела. Их также рассматривали в Первом департаменте Нижнего Надворного суда, в январе 1797 г. Пред судом предстал с сопроводительным письмом «от генерала аншефа и кавалера Архарова» солдат Семен Никифоров, 57 лет, из Кронштадтского гарнизона (в деле указан его послужной список с 1770 г.). После многих лет беспорочной службы он без позволения оставил свою часть («во всей солдатской форме, то есть в курке [!], штанах, картузе и имел при себе штык») и отправился повидать своих родственников в деревне Новой (помещика Волховского) под Петербургом. Братья продержали его у себя четыре дня, но, убоявшись наказания, велели ему уйти. Тогда, «дабы лучше обрести себе пищу и ночлег», он решил «обвещать помещичьих крестьян в том, что он Никифоров послан от Его Императорского Величества Государя спросить их, что нет ли им от помещиков какого налога». Оказавшись в вотчине графа Воронцова, он обратился к старосте Ивану Петрову: «нет ли им от помещика какого притеснения», на что собравшиеся в избе старосты трое крестьян отозвались, «что они помещиком своим доволны [!]», в чем Никифоров взял с них расписку. Затем он отправился в вотчину графа Ивана Григорьевича Чернышева. Там, отвечая на вопросы местного священника, он сказал, «что де когда он прислан от государя, следовательно, допрашивать его уже нечево. А притом пригрозил он священнику, что он за спрашивание его Никифорова тайным образом подвергнет себя под ответ». Далее солдат ходил по разным деревням и уверял, что «для расспрашивания помещичьих крестьян разослано их Государем из города Пскова 20 человек». Но в вотчине графа Ивана Андреевича Остермана он был взят откомандированным на розыск его частным приставом. Семен Никифоров был признан виновным в том, что дерзнул именем Его Императорского Величества «внушить владельческим крестьянам вредные общему спокойствию предрассуждения, от законного повиновения помещикам отвлечь могущие»

Примерно в те же дни по распоряжению того же военного губернатора Николая Петровича Архарова и по прямому повелению Павла I в суд был

представлен крестьянин 43-х лет Фома Меркулов («росту среднего, лицом смугл, глаза карие, волосы на голове и бороде темнорусые; на теле наказательным кнутом знаков не оказалось»). Он подал у Зимнего Дворца «в собственные Его Императорского Величества руки заговорного на госпожу свою прошения». Грамотный крестьянин (под допросом сохранилась его собственноручная подпись) прибыл в Петербург из Тверского уезда, из вотчины статской советницы Катерины Ивановой дочери Козицкой, деревни Орудова, села Васильевского, «з данным от крестьян всей вотчины со старосты одобрительным письмом». В нем «от общества, писанного по прозбе всей той вотчины села Михайловского церкви Святаго Архангела Михаила дьяконом Степаном Трофимовым на госпожу свою и бурмистра той вотчины <...> о наложении госпожею их великих на них оброков и прочих изнурений, а на бурмистра в чинимых им жестоких крестьянам якобы за неплатеж оброков побоях, с похвальбою: *вот вам новая от царя милость*».

И Семен Никифоров, и Фома Меркулов, как «возмутители общего покоя», подлежали смертной казни, «но поелику оной по указу 1754 года октября 30 дня до воспоследования точного ему о той казни указа не повелено» получили «жестокое наказание кнутом, и дать 50 ударов, а потом, вырезав ноздри и заклеив указными литерами, и заковав в кандалы, послать вечно в каторжную работу...».

За годы работы в архиве я изучил и описал великое множество «единиц хранения» (так официально именовались архивные «дела»). Почему же именно эти, прочитанные мною в первый год службы в ГИАЛО, так четко сохранились в памяти и в записях. Это были первые впечатления от архивных документов российской истории, написанных слогом и почерком канцелярского письма того времени со вкраплениями живой разговорной речи в показаниях обвиняемых. Я почувствовал запах бумаги XVIII века, обратил внимание на филигранные. Но главное, вероятно, заключалось в человеческих судьбах, в страданиях и страстях людей: я ощутил прикосновение к русской истории.

И тут произошло событие, определившее поворот в круге моих научных занятий и пристрастий. Через две недели после моего поступления в архив нас повели на экскурсию по фондам. И тут я обнаружил неописанный архив Кирилло-Белозерского монастыря. По всей вероятности, он был передан в те времена, когда Вологодская область была административно подчинена Ленинграду. Фонд включал многие тысячи единиц хранения, из которых около двух тысяч относились к допетровскому времени, большая часть — к XVIII веку, до секуляризации монастырских владений при Екатерине II в 1764 г., когда принадлежавшие обители крепостные перешли в разряд экономических кре-

стьян. Остальные материалы касались монастырской жизни вплоть до первых послереволюционных лет. Их просмотр показал, какую возможность для изучения истории крестьянства открывал этот архив. Там были акты, относящиеся к истории монастырского землевладения, писцовые и переписные книги, описи монастырского строения и имущества; сотни приходо-расходных книг монастырской казны, житенной службы, таможенные, кабальные книги, книги судебного хода и соляной продажи. Сохранилась и внутримонастырская переписка, поручные записи крестьян, наказы монастырского собора приказчикам, соборные приговоры по административным и хозяйственным делам, отписки приказчиков. Все они позволяли проникнуть во внутреннюю жизнь монастырской вотчины, занимавшей второе место в монастырском землевладении России (после Троице-Сергиевской Лавры). Ей принадлежало более пяти с половиной тысяч крестьянских дворов, разбросанных от Поволжья до Поморья, но более всего сосредоточенных в Белозерском, Вологодском и Пошехонском уездах. Богатство архивных источников оказалось несравнимо с актами коринальдского нотариуса.

Обилие документов ошеломляло. Все они требовали срочного описания. Когда я представил начальству (в архивах не было директоров, только начальники) результаты первого ознакомления с архивным фондом Кирилло-Белозерского монастыря, я должен был заняться подготовкой инструкции для его описания. Я изучил историю монастыря, немногочисленную, но очень основательную литературу, от труда академика Н. К. Никольского (вышло только две части его фундаментального исследования, другие остались в его архиве и не были мне доступны, их издание продолжается в наши дни) до исследований Александра Ильича Копанева по истории землевладения Белозерского края.

Мой доклад о «рабочей инструкции» был вынесен на обсуждение. И тут на меня обрушился гнев начальника Архивного отдела. Его покорило мое высказывание о том, что Кириллов монастырь сыграл важную роль в истории русской культуры, а также то, что в своем докладе я ни разу не упомянул «классиков» марксизма-ленинизма. Он спросил меня, какими источниками я пользовался, я рассказал о научной литературе. Между тем, в партийном жаргоне слова «источник» и «первоисточник» относились исключительно к сочинениям КМЛ, как называли их студенты. Помню, как моя однокурсница, античница И. А. Шишова при сдаче государственного экзамена по истории Древнего мира упомянула «наши источники». Присутствовавший в комиссии представитель партийного бюро встрепенулся: какие это «ваши» источники, она поправилась: «Источники, имеющиеся в нашем

распоряжении». Напрасно старший методист Архивного отдела Антонина Владиславовна Белинская пыталась напомнить мне *общую* литературу, я так и не понял ее намека. Начальник, Ян Амосович Конопелько, человек дремучего невежества, грубый и резкий, потребовал коренной идеологической переделки инструкции. К счастью, при всех своих достоинствах партийного выдвиженца, был он человек незлобный, и в новом варианте я ограничился кратким упоминанием высказываний В. И. Ленина об истории русского крестьянства феодальной эпохи.

Мне было поручено возглавить группу сотрудников для обработки фонда (со временем их стало 10 человек). Архив, по моей просьбе, договорился с Евгенией Эдуардовной Гранстрем, хранителем греческих рукописей Публичной библиотеки, о проведении с нами занятий по русской палеографии. Эти уроки были крайне полезны для нас. Мне предстояло описывать документы до 1700 года. Работа с ними оказалась увлекательной; помимо их содержания я был восхищен и красивой скорописью монастырских старцев, которым было поручено вести сложную отчетность, и выразительным языком крестьянских челобитных и донесений приказчиков.

Как только я начал изучать попавшие мне в руки рукописи, мне стало ясно, что сама судьба вела меня к серьезным занятиям русской экономической историей. Пришлось задуматься и об оформлении этого моего интереса в будущую диссертацию. Речь шла о заочной аспирантуре Института истории. В моем поступлении мне помог В. И. Рутенбург. Следовало выбрать научного руководителя. Я не мог не вспомнить, что Б. А. Романов, когда он был отстранен от занятий на Историческом факультете, передал двух своих студентов, занимавшихся древнерусской историей, под научное руководство профессора Ивана Ивановича Смирнова. Это свидетельствовало о его глубоком уважении к коллеге, несмотря на то, что тот был беспощадным (но искренним, что было немаловажно) критиком монографии «Люди и нравы древней Руси». И. И. Смирнов пригласил меня к себе и после предварительной беседы согласился принять меня под свое покровительство.

При всем богатстве архивного фонда ГИАЛО я вскоре выяснил, что множество важных документов хранится в других собраниях. В Ленинграде — в Архиве Ленинградского отделения Института истории, в Рукописном отделе Государственной Публичной библиотеки, в Центральном Историческом Архиве. В Москве — в Отделе Письменных Источников Исторического музея, в Отделе Рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, в Центральном Государственном Архиве Древних Актов. Из новых архивных материалов особенно важными оказались копияные

книги Кирилло-Белозерского монастыря в Отделе Рукописей ГПБ, собрание копий актов Коллегии Экономии, подготовленных для (будущего) академика С. Б. Веселовского; его изданную в 1947 г. и тотчас разгромленную книгу («Феодальное землевладение в северо-восточной Руси») я прочитал еще в студенческие годы, но большая часть его научного наследия появилась в посмертных изданиях много лет спустя), а также чрезвычайно интересная часть монастырского архива, оказавшаяся в коллекции академика Н. П. Лихачева, она включала крестьянские челобитные.

Поступление в заочную аспирантуру давало мне некоторые преимущества: прежде всего я мог получить «отношение», т. е. бумагу, благодаря которой я мог работать в архивах и рукописных собраниях. В дальнейшем я получил и день для научных занятий, при условии выполнения дневной нормы и «соцобязательств».

За три года не только архив Кирилло-Белозерского монастыря был обработан и описан, но одновременно я смог использовать накопившийся за это время материал для будущей диссертации. Почему-то писать ее я начал не с первой главы и не с введения, а с важного для меня раздела второй главы. Помню, что я показал кому-то из знакомых в Публичной библиотеке этот небольшой фрагмент, переписанный в школьную тетрадку в клетку. Мой собеседник удивился: неужели профессор примет у Вас такой набросок. Не придавал этому значение и И. И. Смирнов, мы с ним просмотрели и обсудили написанный мною текст. Позднее я передавал ему главы в должном порядке, отпечатанными на машинке.

Вспоминаю мой разговор с будущим известным социологом Игорем Семеновичем Коном. Тогда он закончил аспирантуру и защитил кандидатскую диссертацию. В 1950–1952 гг. были опубликованы сочинения Сталина о языкознании и о проблемах строительства социализма в СССР. Странным образом этот второй труд оказался одной из первых ласточек «самиздата» (разумеется, не считая переписывавшихся втайне стихотворений запрещенных поэтов). Прежде чем эта работа Сталина был опубликована в Москве, ее, как бы полулегально, райком партии давал читать в виде машинописных копий некоторым из наших знакомых. В них что-то было сказано о базисе и надстройке. И. С. Кон живо откликнулся на новшества в марксистско-ленинской теории: в журнале «Вопросы философии» была опубликована его статья о философии как надстройке, а вскоре, в журнале «Вопросы истории» — об исторической науке как надстройке. Мы были, хотя и поверхностно, но знакомы: в ленинградской комсомольской газете «Смена» от 30 мая 1946 г. была напечатана заметка «Академик Е. В. Тарле

у будущих историков» и фотография, где мы с И. Коном и с несколькими моими однокурсниками, В. Алексеевым, А. Дридзо, В. Райцесом, Б. Ляцким, Д. Тумаркиным беседуем с академиком. Е. В. Тарле объяснял нам необходимость использования неопубликованных исторических источников в наших научных работах. И. С. Кон заговорил о своих недавно напечатанных статьях, и, узнав, чем я сейчас занимаюсь, предложил мне написать о том, как в эпоху феодализма товарно-денежные отношения не приводят к развитию капитализма (это был один из тезисов недавнего сочинения Сталина). Сюжет этот меня никак не заинтересовал, я ответил, что предпочитаю считать коров и лошадей в крестьянских дворах Кирилло-Белозерского монастыря.

В 1952 г. мы с женой решили побывать в местах, связанных с историей Кириллова монастыря. (Для нынешних поколений следует объяснить, что перед этим я должен был обзавестись справкой, в которой указывалось, что я с такого-то по такой-то день нахожусь в очередном отпуске). Отправились мы на теплоходе по озерам и рекам, по старой Мариинской системе с ее множеством шлюзов, приводимых в движение воротом, который крутили женщины (а где было взять в те годы мужчин, они были или в начальстве, или инвалиды, а молодежь после службы в армии предпочитала не возвращаться в колхоз). Мы часто выходили на берег, пока вода заполняла шлюз. Сооружение новой системы «Волго-Балта» начиналось у нас на глазах — весь путь нашего продвижения был окружен лагерями. Иногда мы видели известные мне из документов деревни. Так мы добрались до Белозерска, где вышли и продолжили путешествие пешком.

Я надеялся посетить Кирилло-Новоезерский монастырь, но путь к нему был заказан: там помещался очередной лагерь (впоследствии мне довелось увидеть его в начальных кадрах кинокартины В. М. Шукшина «Калина красная»). В Белозерске Преображенский собор и прочие строения в центре города, окруженные валом, оказались нам недоступны: там находилась колония для малолетних преступников. Врезался в память и очень красивый каменный мост XVIII века через ров, окружавший город. В самой старой из сохранившихся Успенской церкви XVI в. мы побывали, там шла служба, привлекая нескольких старушек: до возрождения православия в России оставалось еще 36 лет. Местные мальчишки сразу опознали в нас шпионов: появление туристов в этих местах было крайней редкостью. Эти же ребята пытались разломать киркой паперть одной из закрытых церквей, но старая кладка не поддавалась их усилиям. Я вспомнил прочитанное в архиве письмо Наркома просвещения А. В. Луначарского, который требовал сохра-

нить строения Кирилло-Белозерского монастыря; похоже, прочная кладка оказала сопротивление действиям разрушителей более успешное, нежели указания свыше.

Остановились мы в Доме Колхозника, где нас накормили ухой (головизной) из Белого озера (о том, что монастырь поставлял рыбу к царскому столу, я знал из архивных документов). Если я говорю об этих бытовых подробностях, то лишь потому, что в Белозерском крае царил голод: ни в одной из деревень мы не могли купить хотя бы немного молока и яиц. О невыносимо тяжелой жизни нам рассказывала колхозница, с которой мы познакомились на палубе теплохода: «Так и живем: день да ночь — сутки проць». На базаре в Кириллове 5–6 человек продавали лук, морковь и что-то еще со своих огородов.

Пройдя несколько деревень и глухую лесную дорогу, мы увидели Нило-Сорскую пустынь. Древние строения там не сохранились, в деревянных и каменных домах XIX в. была размещена богадельня. Едва мы, уходя оттуда, прошли несколько шагов в лесу, как нас нагнали старые и больные женщины, они рассказали нам, что начальство разворовывает и без того скудные припасы, постоянно обижает и оскорбляет их. Некоторое время спустя я написал письмо в вологодскую газету «Правда Севера» и через месяц получил ответ: ревизия подтвердила все, о чем я писал, вороватое начальство было изгнано и во главе богадельни поставили новое руководство; надеюсь, на время положение там улучшилось, хотя кто знает...

Последние двадцать километров мы прошли дорогой, которая то полого спускалась вниз, то подымалась по небольшим холмам. И вдруг вдалеке мы увидели Кирилло-Белозерский монастырь. Он открылся сразу, его храмы, стены и башни четко выделялись на горизонте. Эта картина так и осталась в нашей памяти. Вскоре она исчезла: дорога пошла под уклон. Но через некоторое время она возникла снова, уже с более близкого расстояния. И так случилось несколько раз, при всяком приближении к монастырю мы видели его все более отчетливо, как и его отражение в водах Сиверского озера. На последнем участке дороги в отдалении от города разразилась гроза, были видны молнии, слышны отдаленные раскаты грома. Мы не торопились, слишком удивительным оказался поразивший нас вид. Мы успели дойти до Дома Колхозника прежде чем гроза накрыла город.

На следующее утро мы пришли в дирекцию Краеведческого музея, я рассказал об описании архива Кирилло-Белозерского монастыря (позднее в Ленинград приехал сотрудник музея, своим каллиграфическим почерком он сумел скопировать для экспозиции некоторые документы). Нам позволили поселиться в одной из монастырских келий.

За три недели в Кириллове мы оказались едва ли не единственными посетителями музея. Из книги для приезжих мы узнали, что незадолго до нас там побывал ленинградский математик академик В. И. Смирнов, а в Ферапонтове работала группа москвичей, студентов Строгановского художественно-промышленного училища. Несколько раз на экскурсию в музей приводили школьников из Кириллова и из ближайших деревень.

За это время мы постарались ознакомиться со всеми храмами и строениями монастыря. Мы побывали в Успенском соборе, где прекрасные росписи были записаны в духе академической школы времен Николая I (позднее эти древние фрески стали расчищать реставраторы). Еще задолго до революции многие храмы оказались в запустении. Об этом с горечью писали путешественники XIX века. Монастырь лишился своих доходов, резко сократился штат: он насчитывал не более 20 монахов. Содержать это огромное хозяйство не было ни средств, ни физических сил.

Мы много раз обошли крепость по второму и третьему ярусу (вооружение монастыря еще в XIX в. было передано в Эрмитаж). По приставным лестницам внутри главного столпа мы попали в самую высокую Московскую башню, осмотрели сложнейшее переплетение укрепляющих ее балок из огромных стволов (прежде на них были настилы, где хранилось оружие). Со смотровой площадки (высотой 65 метров) перед нами открылся вид монастыря, Сиверского озера и окружающих полей, лесов и холмов. В экспозиции музея наибольшее впечатление на меня произвели книги, сохранившиеся со времени Кирилла Белозерского, возможно, переписанные им самим. Эти бесценные сокровища были положены прямо на стол, без витрин. (Библиотечное книжное собрание было передано в Петербургскую Духовную Академию в 1878 г., после революции оно находится в Собрании рукописей Публичной библиотеки).

Во время прогулок по монастырскому двору мы заметили рядом с Успенским собором кучу строительного мусора и обнаружили два изрзаца (еще не покрытых глазурью, но сохранивших отпечатки пальцев сделавших их мастеров), как оказалось, XVII века. На одном было изображено русское войско в походе, на втором зодиакальный знак Стрельца. Мы принесли эти находки в Музей (в следующий приезд в Кириллов мы были рады обнаружить их в экспозиции). Через 50 лет, в Бостоне, моя жена, занимаясь в керамической мастерской, сделала их близкие копии, они и сейчас передо мной.

На берегу Шексны мы побывали в Горицком монастыре и на горе Мауре, где по монастырскому преданию на камне запечатлен след ноги Кирилла; именно отсюда он увидел то место на берегу Сиверского озера, где основал свою обитель.

18 километров, отделяющие Ферапонтово от Кириллова мы прошли пешком: только так можно было увидеть возвышающуюся на холме святыню русского искусства, с её надвратными шатрами и с церковью Рождества Богородицы, расписанную Дионисием. Монастырь еще в XIX в. был превращен в приходскую церковь, и, по счастью, денег на поновление прежних фресок не нашлось, что позволило им сохраниться до наших дней.

Из Кириллова мы отправились по рекам и по Кубенскому озеру до Вологды. С палубы мы видели все, что осталось от Спасо-Каменного монастыря, почти полностью разрушенного в 1930-х годах. В Вологде нас приняла Ира Соколова (в дальнейшем жена нашего друга Вали Алексева и сотрудница Нумизматического отдела Эрмитажа). Ее отец Василий Иванович Соколов ведал в Вологде охраной памятников архитектуры. Мы много бродили по городу, любовались каменными и деревянными особняками эпохи раннего и позднего классицизма. Деревянные дома в городе были причудливо украшены необычайно красивой резьбой. В Краеведческом музее оказалось великолепное собрание икон. В. И. Соколов показал нам Софийский собор и провел меня на его, тогда еще сильно покатую, кровлю, откуда открывался вид на Вологду (до сих пор робею при этом воспоминании). Позднее реставраторы восстановили ее позакомарное перекрытие.

Благодаря содействию В. И. Соколова нам удалось побывать в Спасо-Прилуцком монастыре; однако даже он не смог провести нас по территории монастыря, где расположилась воинская часть. Нам пришлось ограничиться внешним обзором отлично сохранившихся памятников архитектуры XVI–XVII вв. Близ Спасского собора мы почтили могилу Константина Николаевича Батюшкова.

Поездка в Кириллов положила начало прочно укоренившейся в нас любви к древнерусскому искусству. Основание этого интереса возникло у меня еще в школьные и студенческие годы, во время эвакуации в Переславле-Залесском, от посещения Русского музея и Третьяковской галереи. В первые послевоенные годы мне довелось пристать к группе посетителей Третьяковки. Художник Иван Иванович Ярцев говорил своим знакомым о русской иконе и о картинах Врубеля. Я никогда не забуду этого проникновенного рассказа о живописи; тогда мне открылась «Троица» Андрея Рублева.

После поездки в Кириллов мы много где побывали — в Новгороде и Пскове, в Тотьме и Великом Устюге, в Сольвычегодске, в Ростове, в Угличе, Ярославле, в Юрьеве-Польском, в Суздале, в Кидекше, во Владимире (и у Покрова на Нерли), в Киеве, Чернигове, в Сумах, в Путивле, во Львове и в Остроге, в Почаевской лавре... Многие из этих дорог я прошел пешком,

один, налегке, сопровождаемый пониманием и сочувствием. Часто я слышал от принимавших меня переночевать присловье: «Ночлег с собой не носят» (в северных деревнях нас принимали «Христа ради»). Обычно я пытался отблагодарить приютивших меня, незаметно оставляя (довольно жалкое) вознаграждение под самоваром, иначе его бы не приняли. Эти поездки, помимо художественных впечатлений и открытий, обогатили меня и ощущением природы, а главное — встречами с куда как не «простыми», но чаще всего интересными и достойными людьми.

Вернувшись из Кириллова, я принес в Читальный зал Отдела Рукописей ГПБ небольшие фотографии, сделанные нами во время поездки. Подошедший к нам хранитель отделения древнерусских рукописей Н. Н. Розов был поражен моим рассказом о нашем, не столь обычном в ту пору путешествии. Я рассказал Николаю Николаевичу о книгах в музейной экспозиции, относящихся ко времени Св. Кирилла. Вскоре он и Александр Сергеевич Мыльников обратились в Кирилло-Белозерский музей и получили ряд книг, присоединенных к хранящемуся в ГПБ основному собранию монастырской библиотеки.

Когда мы оказались в Кириллове (уже втроем, с дочерью Машей, которой исполнилось 11 лет) в 1967 г., я привез туда архивные выписки о крестьянине Кирилле Серкове, строителе Большой монастырской стены и церкви св. Евфимия, и о московских и псковских художниках, расписывавших Успенский собор и паперть в XVII в.

После этой поездки Роза Коваль вместе с фотографом Валерием Прийменко еще дважды (зимой и летом) посещали Кириллов и Ферапонтово и издали альбом, посвященный этим памятникам искусства Русского Севера²⁸.

Живые впечатления от путешествия в Белозерский край помогли мне в работе над диссертацией. За силой и мощью Кириллова монастыря я увидел огромный труд людей, работавших здесь на протяжении столетий. Я попытался представить себе их повседневную жизнь, известную мне из архивных документов.

К концу 1953 г. я ознакомился с основным массивом источников и в 1954 г. начал разбираться в накопленном материале. Тем временем, в апреле 1953 г., академическим начальством было принято решение о ликвидации Ленинградского отделения Института истории, сопровождавшееся идеологическим разгромом и увольнением лучших ученых²⁹. Моя заочная аспирантура лиши-

²⁸ Коваль Р. М., Прийменко В. С. Русский Север: Кириллов. Ферапонтово / Худож. ред. В. А. Денисовский. Л.: Изд-во «Художник РСФСР», 1970.

²⁹ Панях В. М. Творчество и судьба историка. С. 314–327.

лась официального прикрытия. Ведавший аспирантурой сотрудник ЛОИИ не позволил мне сдать второй экзамен по истории СССР. Я было отправился к проректору ЛГУ, но тот отказался разрешить мне сдачу последнего экзамена на Историческом факультете. В полном отчаянии я вышел на Менделеевскую линию, и тут мне повстречался профессор С. Н. Валк. Отвечая на вопрос о моих занятиях (он знал, что я пишу диссертацию под руководством И. И. Смирнова), я рассказал о своих бедах. Он рассердился: «Все сдают экзамены, и ничего не пишут», и пообещал мне уладить дело. Через несколько дней я пошел в Институт сдавать экзамен. Принимал его С. Н. Валк и заведующий аспирантурой. Во время моего ответа профессор как бы задремал, и второй экзаменатор снисходительно поглядывал на него. Но едва я закончил ответ, как выяснилось, что С. Н. Валк слушал меня очень внимательно и задал несколько крайне существенных вопросов.

Летом 1954 г. года я ушел из архива и стал работать в Педагогическом институте в Петрозаводске, куда пригласил меня мой друг Валя Алексеев. Он заведовал Кафедрой Всеобщей истории. К счастью, со времени смерти Сталина прошло полтора года; до этого переход с одного места работы на другое без разрешения начальства был совершенно невозможен (если этого не требовали «сверху»). Между тем Валентин должен был уйти в отпуск и ему срочно понадобился сотрудник, который прочитал бы курсы на заочном отделении, он рассчитывал на меня. Я уволился в несколько дней и отправился в Петрозаводск, более всего уповая на прекрасное собрание книг по всеобщей истории, которое В. М. Алексеев привез с собой из Ленинграда. С ключом от его квартиры в руках я прямо с вокзала отправился к нему домой. По дороге мне повстречался его сосед по дому «на Перевалке», где жили преподаватели, и, зная о моем приезде, «вычислил» меня. Это был Владимир Соломонович Гельман-Бахтин, хорошо уже в те годы известный фольклорист; с которым нас связала прочная дружба, длившаяся до его смерти в 2001 г. Он был учеником профессора М. К. Азадовского; в 1950 г. его провалили на экзамене в аспирантуру в Пушкинском Доме по основной специальности — фольклору, в то самое время, когда в журнале «Советская этнография» проходила дискуссия по напечатанной там его статье о проблемах фольклористики.

В этот же день я появился в здании Педагогического института. На лестнице меня остановил заместитель декана по учебной работе: «Молодой человек, а Вы куда?» (я в те годы выглядел, пожалуй, моложе своих 26 лет). Пришлось представиться. Он, видимо, был введен в заблуждение рассказом В. М. Алексеева о моих ученых достоинствах. Он крайне обрадовался моему приезду — с этого дня следовало начать чтение лекций. Читать мне

пришлось два курса — вторую часть истории Средних веков и одновременно историю Древнего Рима. Для подготовки у меня было несколько дней в Ленинграде и воскресные дни, вечера и ночи в Петрозаводске. За две недели мне пришлось каждый день читать от 4-х до 8 часов. Помню, как я подряд читал четыре лекции, т. е. 8 академических часов. В перерыве выходил из здания института, чтобы купить у лотошника знаменитый петрозаводский пирог с треской (жителей столицы Карело-Финской ССР называли «треско-едами»; за неимением мяса, там даже собаки питались треской).

Не очень понимаю, как я выдержал это испытание. До переезда в Петрозаводск опыта лекционной работы у меня не было. Но в эти годы я продолжал, помимо сочинения диссертационных глав, много читать и по истории поздней античности и по средневековью. Читал я лекции, как и мои учителя и как сам В. М. Алексеев, не прибегая ни к каким конспектам. Они понравились слушателям, их посетило институтское начальство. Мне тут же предложили полставки лаборанта кафедры и проведение лекций и семинаров на условиях почасовой оплаты.

Из людей, с которыми меня свела судьба в Петрозаводские, помимо В. С. Гельмана-Бахтина и его жены, специалиста по русской фонетике Галины Кузнецовой, я подружился с Ниной Тихомировой, читавшей русскую литературу, и с сотрудником кафедры Леонидом Жемойтелем, преподававшим новую и новейшую историю.

Во время работы в Петрозаводске мне помогла переписка с моим новым другом, Юрием Георгиевичем Алексеевым (наши жены работали вместе в Русском музее). Мы познакомились во время моей поездки в Ленинград 29 апреля 1955 г., встретились в Публичной библиотеке и сразу же разговорились; следующий вечер я провел у них дома. Нас соединял интерес к русской истории. Уволенный по ранению из Военно-Морского флота, Юрий Георгиевич был великолепным знатоком военной истории (кажется, всех времен и народов, но особенно русской и европейской). Он был аспирантом у И. И. Смирнова и в письмах сообщал мне об интересных заседаниях и докладах в Институте истории. Благодаря ему я мог представить себе, что делается в «большой» науке.

Не обо всех хочется вспоминать; был среди моих коллег недавно «остепененный» преподаватель (наши судьбы были отчасти сходны, он где-то служил в Москве, был в заочной аспирантуре), но главный его лозунг, неоднократно им повторенный, был: «Довольно я жил перспективами!», он его успешно осуществлял в своей дальнейшей карьере, что потребовало от него всего лишь молчалинского послушания; в одном разговоре он пустился рас-

суждать об уюте и комфорте: «Я хочу жить так, чтоб было о чем вспомнить». Валентин Алексеев ответил; «А я хочу жить, чтоб обо мне вспомнили».

Петрозаводский опыт обогатил меня, мне и тут было у кого учиться. Владимир Васильевич Мавродин, отстраненный от преподавания в Ленинградском университете, нашел временный приют в Карело-Финском Педагогическом институте. Мы обсуждали с ним занимавший меня тогда вопрос о крестьянских движениях. Он опасался чересчур стройных концепций и теорий. В. В. Мавродин согласился просмотреть мои уже написанные главы из диссертации; одну из них он опубликовал в «Ученых записках» Института. Так я встретился с учителем, с чьих лекций на первом курсе начиналось мое профессиональное образование.

Деканом историко-филологического факультета в это время стал Никита Александрович Мещерский. До этого он, после лагерных сроков и ссылок, работал в высших учебных заведениях на Волге, и только недавно получил возможность перебраться поближе к Ленинграду. Разговоры с ним, хотя и не касались прямо предметов моих научных занятий, были чрезвычайно полезны и интересны. Помимо сверстников это был, пожалуй, единственный человек, с которым у меня установились (при должном почтении, вызванном не только возрастом, но и глубокой эрудицией собеседника) достаточно доверительные отношения. Зимой 1955 г., когда я для заработка готовил лекцию о происхождении христианства от Общества «Знание», я показал ему текст лекции; в ней, вполне антирелигиозной по своему духу, я решительно оспаривал модную в те годы версию о мифологической природе образа Иисуса Христа, настаивая (в отличие от Булгаковского Берлиоза) на историческом существовании основателя христианства. Никита Александрович вернул мне лекцию без особых замечаний, но сказал, что, пожалуй, об Иисусе Христе мог бы написать верно разве что китаец, т. е. человек, лишенный предвзятых представлений.

В январе 1955 г. мы с В. Алексеевым ввязались в дискуссию по поводу на- шумевшей в то время статьи М. В. Нечкиной о роли народных масс в истории. Нам казалось, что она отошла от марксизма, что в действительности не «массы», а классы играют решающую роль; мы отстаивали значение не только «рабочих и крестьян» (что тогда подразумевалось под «массами»), но также и так называемых «господствующих» классов. Выступали мы оба решительно и эмоционально. Наши оппоненты отличались обычной демагогией; помню, что один из них спросил нас, как же быть с известным сталинским тезисом о «революции рабов». Я ответил: «Так её и не было», что в представлении тогдашних марксистов было попранием всяческих основ.

Обсуждение наших выступлений было перенесено на второй, а потом и на третий вечер. И тут, кроме обычных и привычных нападок, которые нам было нетрудно опровергнуть, внезапно выступил Н. А. Мещерский. В эти дни он беседовал с нами относительно «революции рабов» и «крепостных крестьян» (он готовил к печати древнерусский перевод «Иудейской войны» Иосифа Флавия, дал мне почитать свою статью), спрашивал, подходит ли это событие к сталинским определениям. В своем выступлении он резко осудил нас, заявил, что мы сводим историю к деятельности царей и полководцев, и отходим от идей русских революционных демократов, которые знали и ценили народ, и обвинил нас в ревизии марксизма. После этого он сразу ушел, а начальство обрадовалось поддержке. Мы не то чтобы сдались, мы как-то отошли в сторону. Долгое время мы не могли понять его позицию; то ли директор Института решил противопоставить нам мнение уважаемого ученого, то ли на него повлияли появившиеся в этот день в «Правде» сочинение присяжного толкователя марксизма М. Д. Каммари («Ленин о роли народных масс») и статья Г. М. Маленкова; обе они свидетельствовали об очередном отходе от первых лет Хрущевского «либерализма».

С Никитой Александровичем мы повстречались несколько лет спустя, когда он защитил докторскую диссертацию и стал заведовать кафедрой русского языка на Филологическом факультете ЛГУ. Я слышал некоторые его доклады на заседаниях Сектора Древнерусской литературы Пушкинского Дома. Разговаривали мы обычно в Большом коридоре ЛГУ, который вел в университетскую библиотеку. К сожалению, не сразу, но именно в последующие годы я понял, наконец, насколько враждебны были ему все эти дискуссии об истинном или неправильном понимании марксизма, как глубоко чужды были ему тогдашние наши споры. Свое отношение к этим явлениям в советской идеологической борьбе мне пояснил сам Никита Александрович. Как-то в одном из наших, обычно мимолетных, разговоров, он рассказал, что недавно встретились его друзья и коллеги, бывшие «зеки», которые выжили несмотря ни на что в самые страшные годы сталинского террора и даже сумели добиться признания и успеха. Они вспомнили недобрым словом своих былых гонителей и «проработчиков»: «Вот мы, мы сумели выжить и остаться самими собой, а где они — их уничтожили свои же, на их могилах и трава не растет». Общение с Н. А. Мещерским помогло мне понять опыт иного, отдаленного от нас не только годами, но и мировоззрением поколения.

В Петрозаводске я завершил работу над кандидатской диссертацией «Вотчинное хозяйство и крестьяне Кирилло-Белозерского монастыря в XVII в.» Помню, как в самом начале работы, в Ленинграде, я прошел

по Менделеевской линии с двумя аспирантами византинистами, Егором Курбатовым и Кареном Юзбашьяном; они вели какой-то серьезный разговор, и я вдруг с ужасом понял, что я ровно ничего не могу сообразить. Не то чтобы речь шла о каких-то очень сложных предметах. Просто я почувствовал, как далеко отошел от научных проблем. И хотя я продолжал заниматься в Публичной библиотеке, читал книги о русском и итальянском Средневековье, я утратил нить, связывающую меня с интеллектуальной средой. И только через несколько лет, работая над собранными в архиве документами, стал задумываться о проблемах науки. Сами источники подводили меня к решительно новому их анализу.

Произошло то же, что было с исследованием архива Коринальдского нотариуса, только на другом, более полном и сложном материале. И тут я еще раз убедился, как много дала мне полученная в университете школа, навыки, умение работать. А вместе с тем — любовь к предмету исследований и к тем людям, с которыми столкнула меня судьба на страницах документов. Собранные в архиве карточки остаются пустой грудой материала. Самое опасное, когда они служат иллюстрацией, с помощью которой можно доказать любое положение многочисленными архивными ссылками, притом, что за бортом останется много других сведений, которые противоречат твоим представлениям, которые иногда так соблазнительно бывает забыть, сделать вид, что их нет (благо их никто кроме тебя не узнает, они так и останутся затерянными на страницах приходо-расходных книг). Самое сложное — отбросить самые увлекательные предположения, выяснить общую тенденцию развития крестьянского и монастырского хозяйства. Порой приходилось долго колдовать над выписками, составлять бесполезные таблицы, пока наконец я не набрел на единственно верный путь, по которому можно было строить одну из глав диссертации, выяснить картину по каждой вотчине отдельно. Один из моих коллег в Педагогическом Институте упрекал меня, что я «плетусь за источником». Но у меня были перед глазами примеры, меня вдохновлявшие: работы С. Б. Веселовского, А. Г. Манькова, А. И. Копанева. Я видел, что они строят свои работы (на совершенно другом материале) именно так. Используя «средние цифры», можно было подтасовать что угодно. А проверяя источники, дополняя их другими материалами (отписками приказчиков, описями дворов, крестьянскими челобитными) можно было придти к бесспорным и достоверным выводам.

Нет смысла пересказывать содержание диссертации: известен ее автореферат, опубликована значительная часть материала, да и сама она доступна исследователям.

Мой переезд в Ленинград состоялся незадолго до XX съезда КПСС. Упомянувшаяся раньше Антонина Владиславовна Белинская сумела договориться с начальством, чтобы меня взяли в архив, где я проработал еще 6 лет.

В. М. Алексеев после оглашения «секретного» доклада Н. С. Хрущева о так называемом «культе личности», выступил на партийном собрании, после чего был исключен из партии и только благодаря знанию иностранных языков смог устроиться на работу в Петрозаводском машиностроительном заводе, где переводил инструкции для поступавшего из ГДР оборудования. (Если бы я остался работать в Петрозаводске, я был бы немедленно уволен из института, обо мне, как потом мне рассказывали студенты, шла речь на собраниях). Питерские друзья В. М. Алексеева собрали некоторое количество денег, В. И. Райцес отправился в Петрозаводск для поддержки нашего друга.

Наша реакция на доклад Н. С. Хрущева была подготовлена предшествующими годами размышлений, мы пытались найти новую точку отсчета, иное, нежели сталинское, понимание социализма. Но она была связана не только с теоретическими рассуждениями, но и с элементарным страхом, в обстановке которого мы жили в сталинские годы. Это был странный страх — мы жили в ощущении своей вины неизвестно перед чем. Мы не выступали против существующего в стране строя; мы, в отличие от некоторых наших сверстников, не принимали участия в кружках с намерением вернуться к «истинному коммунизму» (за что иных из них расстреливали, других осуждали на годы лагерей). Мы работали, не стремились к карьере (кроме занятия наукой). Но страх был разлит в воздухе, которым мы дышали.

Я запомнил дождливый вечер осенью 1951 г. Мы с Волей Райцесом шли по Невскому проспекту, направляясь в пивную «имени Степана Разина» (там продавали пиво от завода, названного в его честь), на Владимирском проспекте. Избегая посторонних ушей, мы заговорили по-французски (наше произношение было ужасно, и, боюсь, нас не мог бы понять ни один француз). Потом мы рассмеялись: на каком бы языке мы не говорили, люди в толпе считали, что мы говорим на идиш, и, пренебрегая конспирацией, сказали друг другу главное: а ведь мы с тобой живем в тоталитарной стране.

В годы работы в архиве я обычно находился на одном из верхних ярусов бывшего ломбарда. Телефона там не было, и если я для чего-то потребовался, меня вызывали громким криком с первого этажа. Так вот не было случая, чтобы я не подумал: «Пришли за мной» (на самом деле это был вызов к директору или к начальнику отдела).

В конце 1950-х гг. в архиве появился столяр, занимавшийся починкой шкафов и стеллажей в хранилищах, небольшого роста, коренастый, неожиданно

для тех времен разговорчивый. Он был из числа реабилитированных Хрущевым; постоянной его приговоркой было: «Сколько ни сидел, кого только не видел, профессоров, ученых, инженеров, вот только враги народа мне не попадались».

В архиве читальным залом заведовала Зоя Григорьевна Солоницына; мне редко встречались работники, в такой полной мере соответствовавшие своему положению: она была внимательным, понимающим интересы читателей человеком, и в то же время строго следила за соблюдением правил обращения с архивными документами. Родилась она в Сибири, и как же она мучилась, заполняя очередную (за многие годы работы в архиве) огромную анкету, где у нее в который раз требовали сведений, не проживала ли она (в детстве и юности) на территории, занятой «белыми»; это недоверие и настырность выводили из себя даже самого законопослушного человека.

Одна из сотрудниц, проработавшая в архиве много лет и, кажется, даже не получившая высшего образования из-за своего «неправильного» происхождения, когда мы с ней вдвоем готовили путеводитель по фондам ГИАЛО, сказала мне: «Саша, а почему они все говорят о 37-м годе? Это когда их стали сажать... Ведь мы этого тридцать седьмого года считай и не заметили — для нас все началось гораздо раньше». Кажется, именно тогда я понял, что провозглашенное в докладе Хрущева возвращение к «ленинским нормам партийной жизни» не затрагивало самую суть проблемы. За урок, преподанный мне, я навсегда сохранил благодарность Людмиле Емельяновне Стрельцовой.

Между тем я готовился к защите кандидатской диссертации. Докладчиками на предварительном обсуждении были назначены Ксения Николаевна Сербина и Аркадий Георгиевич Маньков. С их работами по древнерусской истории я был хорошо знаком и высоко их ценил. Случайно я оказался слушателем бесед Александра Ильича Копанева и Аркадия Георгиевича Манькова; я работал тогда в Архиве ЛОИИ над «минутами» Бальдо де Бальди, а Архив был единственным местом в Институте, где люди могли поговорить (не считая коридора для курящих). Должен сказать, что эти обсуждения (касавшиеся проблем древнерусской истории), хотя они никак не относились к предмету моей тогдашней дипломной работы, значительно повлияли на меня.

Предварительное обсуждение было назначено на 9 апреля 1956 г. Я отчаянно боялся — я впервые высказывался в таком собрании. Правда, аспирант Института Р. Ш. Ганелин утешал меня: дескать «Старец Романов [Борис Александрович, один из первых моих учителей на Историческом факультете] по дороге сказал, что он тебе симпатизирует». Тут же ко мне подошел А. Г. Маньков: «Ну что ж, остается только поздравить» — это было еще до обсуждения. Я что-то произнес о своей работе — по написанному

к тому времени черновику автореферата. Потом Б. А. Романов задал несколько сложных вопросов, но я как-то сумел выкрутиться. К. Н. Сербина дала очень хороший отзыв, перечислив несколько серьезных замечаний, касающихся в основном дополнений, которые хорошо бы сделать при подготовке рукописи к изданию, и указала массу опечаток. (Когда я передал ей диссертацию, К. Н. Сербина, прочитав ее, деликатно заметила: «Вам не очень повезло с машинисткой»). Очевидно, она понимала, что работу я перепечатывал сам. В Петрозаводске, как всегда, были трудности со снабжением, поэтому я печатал на серо-желтой бумаге разных сортов, а для второго и третьего экземпляра не хватило и её, так что пришлось использовать бумагу в клеточку и полупрозрачные папиросные листы. Писал я сразу, как пришлось, не соблюдая полей и залезая на нижнюю часть страниц. На перепечатку не было и денег; издание автореферата оплатила мать из своей пенсии. Мы с женой и только что родившейся дочерью жили втроем на одну зарплату).

А. Г. Маньков отметил использование большого и интересного материала, указал на тонкий анализ источников, частные исследовательские удачи, важные наблюдения и доказательные выводы. Выступили исследователь феодальной России Г. Е. Кочин и аспирантка И. И. Смирнова Л. С. Прокофьева. Многие говорили о том, что читать было страшно: полный упадок крестьянского хозяйства, вызванный не только экономической политикой монастыря, но и реформами Петра I. Я ответил, что и мне было страшно писать, но я не виноват: так обстояли дела в крестьянском хозяйстве. В конце обсуждения выступил Б. А. Романов, сделал интересные замечания, относящиеся, по его словам, к будущей книге. Работу рекомендовали к защите. Официальными оппонентами назначили К. Н. Сербину и А. Г. Манькова. После заседания меня поздравил А. И. Копанев, сославшись на мнение А. Г. Манькова.

Было еще одно обстоятельство, на которое странным образом не обратили внимания ни мой научный руководитель, ни официальные оппоненты, ни даже эксперт Высшей Аттестационной Комиссии. Да я и сам подумал об этом много позже. В моей кандидатской диссертации и в автореферате не было ссылок на «классиков марксизма-ленинизма». Просто я так и не собрался составить библиографический список работ по теме сочинения, в котором, по обычаю того времени, первыми номерами шли их произведения. Все дело было в том, что большой литературы по предмету действительно не было. В своем Введении я упомянул главным образом научную литературу по истории феодального (прежде всего церковного) землевладения, книги об истории русского крестьянства, и крайне ограниченный круг работ, прямо посвященных истории Кирилло-Белозерского монастыря. Ни о чем другом

я не задумывался. Полагаю, что это несоблюдение принятых правил было вызвано общей обстановкой в стране после доклада Н. С. Хрущева о «культе личности»: люди на какое-то время забыли о некоторых, прежде неуклонно соблюдаемых, условиях игры.

Когда я разослал автореферат членам Ученого Совета, меня попросили отнести экземпляр диссертации академику Александру Ильичу Тюменеву. Я удивился интересу специалиста по истории Древнего Востока к моей теме; но оказалось, что в студенческие годы А. И. Тюменев посещал семинарий А. С. Лаппо-Данилевского и даже выступал там с докладом об актах Кирилло-Белозерского монастыря.

8 июня 1956 г. по радио было сообщено о моей защите, назначенной на 18 число (тогда объявления о защите либо печатались в газете, либо передавались по радио). Без особой надобности я в этот день зашел в Институт истории, повидаться с друзьями. Навстречу мне вышел сотрудник Кафедры истории Средних веков; я бы не обратил на это внимания, но директор М. П. Вяткин, за месяц до этого завизировавший мой автореферат, почему-то не ответил на мое приветствие. Через несколько минут он появился в комнате, где помещался секретариат Института, и, не обращая на меня внимания, спросил: «Когда назначена защита Горфункеля?». Ему ответили. — «Немедленно отменить!» — «Но мы уже дали сообщение по радио» — «Отменить». И тут он заметил меня. «Почему Вы уволились из Петрозаводска?» — Вопрос этот застал меня врасплох, я ответил сразу, ни о чем не задумываясь (как говорил Марк Твен, говорить правду легче, не надо ничего запоминать). — «Потому что я получал там 500 рублей, 300 платил за квартиру, а жена была беременна». Станным образом этот простой ответ обезоружил директора. «Где Ваша характеристика?» — Характеристику от дирекции Петрозаводского Педагогического института достали из моего личного дела. Он внимательно прочитал ее, никакого «компромата» не обнаружил. «А почему нет характеристики от нынешнего места работы?» — «Когда я подавал документы, я работал в Петрозаводске». — «Принесите новую». — Я отправился в Дом Лавалья и мгновенно получил еще более пространную и одобрительную бумагу.

Очевидно, что этому событию предшествовал разговор, и касался он обстоятельств, связанных с исключением из партии В. М. Алексеева. Но шел он явно обиняком и с какими-то недомолвками, ничего существенного в этом сообщении не было. Именно поэтому я понял, что говорили с М. П. Вяткиным не из Петрозаводска, там речь шла бы о вещах куда более определенных. Да и о моей предстоящей защите там никому не было известно. Попытав-

шийся сорвать защиту преподаватель кафедры основывался на каких-то дошедших до него слухах и предупредил М. П. Вяткина о предположительно грозящих ему неприятностях.

К тому же и все дальнейшее поведение этого сотрудника (будущего заведующего кафедрой К.) только укрепило меня в моих предположениях. Перед отъездом из России в США в 1993 г. я имел откровенную беседу с бывшим директором Публичной библиотеки (до этого он возглавлял библиотеку Ленинградского университета) Леонидом Александровичем Шиловым (1928–2006) и поблагодарил его за роль, которую он сыграл в моей судьбе: он принял меня на работу в Научную библиотеку ЛГУ в 1962 году, а потом, в 1984 году — на должность старшего научного сотрудника в Отдел редкой книги Публичной библиотеки. Он ответил мне, что в первом случае ему пришлось преодолеть сильное сопротивление со стороны Исторического факультета.

В 1960–1970-х годах, когда я вел спецкурсы на Кафедре истории Средних веков, я часто встречался с сотрудником Кафедры Истории партии, а до этого, как выяснилось в те годы, советским разведчиком, дважды побывавшем в гитлеровской Германии, Мелетием Олеговичем Малышевым. У меня и моих друзей сложились с ним неплохие, почти приятельские отношения. Он был многолетним членом партийного бюро Исторического факультета и имел репутацию нормального и порядочного человека. Однажды, во время обеда в университетской столовой (знаменитой «восьмерке»), обычным местом наших встреч, он сказал мне без обиняков: «Сашка, на вашей кафедре есть сука. Все, я тебе ничего не говорил». До этого он не раз спрашивал меня о содержании моих лекций по истории Средних веков — не допускаю ли я в них каких-либо *аллюзий* на современность. Все эти сведения шли из партбюро факультета, и было ясно, кто их туда поставлял. «Аллюзиями» я не занимался, в лекциях по истории инквизиции они были и без того очевидны. Все тот же преподаватель спрашивал меня с ухмылкой, не буду ли я говорить в лекциях о русской инквизиции; я ответил, что православная церковь хоть и боролась с еретиками, и порой достаточно жестоко, но такого явления как инквизиция, в качестве специального института, в русской истории не было.

Защита прошла благополучно. Помимо отзыва научного руководителя И. И. Смирнова выступили оппоненты, сделавшие полезные и дельные замечания, исследователь землевладения Белозерского края А. И. Копанев, чья превосходная книга³⁰ крайне помогла мне в моей работе, и академик

³⁰ Копанев А. И. История землевладения Белозерского края XV–XVI в. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1951.

А. И. Тюменев. За присуждение степени проголосовали все, в том числе и М. П. Вяткин. Меня порадовало присутствие на заседании Ученого совета моего научного руководителя на Кафедре истории Средних веков М. А. Гукковского. Я встретился с ним после его возвращения из лагеря в апреле 1955 г. и подарил ему оттиск статьи, которую он рекомендовал к печати в 1948 г. Теперь он принес мне в подарок только что напечатанную в швейцарском журнале статью о последних работах советских авторов по истории Возрождения, где упомянул и мою работу о восстании в Вольтерре (я был назван молодым ученым, и эта кличка в ее французском варианте «jeune erudit» стала шутливой формой обращения ко мне приятелей). Друзья принесли мне в подарок только что вышедшую из печати диологию И. Ильфа и Е. Петрова (ее предыдущее издание 1948 г. было тотчас же обругано в печати и тираж подлежал изъятию, но, как кажется, было немедленно раскуплено). Они пустили книгу по рукам, и почти все члены Ученого Совета и гости оставили свои автографы, а академик В. В. Струве на выходе из Библиотеки Академии наук объяснял нам, из какого английского романа был взят авторами сюжетный ход «Двенадцати стульев».

Огорчило меня отсутствие на этом заседании А. Д. Люблинской. Только потом я узнал, что причиной тому были крайне испорченные её отношения с В. И. Райцесом, ее очень способным, но неуправляемым учеником, а тем самым и со мной (хотя первый мой доклад о диссертации я делал на заседании Кафедры истории Средних веков).

Диссертация пролежала в Высшей Аттестационной Комиссии более трех лет. В конце концов во время командировки в Москву я пошел в ВАК. Заведующий отделением истории сказал, что диссертация три года находится у рецензента. Им, как я потом узнал, был известный специалист по истории Древней Руси. В его книге я с удовольствием (но и с удивлением) заметил заимствованные из моей диссертации неопубликованные данные о положении крестьян Кирилло-Белозерского монастыря в XVII в.³¹ Не добившись толку, я пошел к председателю Комиссии и занял место в очереди на прием. Тогда внезапно появился тот же чиновник, всплеснул руками: «Товарищ Горфункель! С Вашей работой все в порядке, вскоре я пришлю Вам диплом!» Уехав из Москвы, я оставил его телефон своему московскому другу; через месяц он позвонил и получил суровый ответ, что отзыв не получен и ждать его пока не приходится. Тогда уже мне пришлось писать куда-то по начальству.

---

³¹ Сахаров А. М. Очерки истории СССР: XVII век. Пособие для учителей. М.: Гос. учебно-педагог. изд-во, 1958. С. 13–35.

и через три года после защиты я, наконец, получил долгожданный диплом кандидата исторических наук.

В 1956–1963 гг. я продолжал публиковать работы по собранным материалам (Николаев, 3, 21, 22, 23), но потом совершенно о них забыл. И когда из Ленинградского отделения Института истории мне сообщили в конце 1970-х годов о подготовке публикации вытных книг Кирилло-Белозерского монастыря, я был несказанно удивлен: в памяти не сохранилось и следа от работы, сделанной в конце 1950-х гг., как и от перечня земельных приобретений монастыря. За их публикацию я бесконечно благодарен Зое Васильевне Дмитриевой³².

Первое время после защиты диссертации я подумывал о дальнейшей работе над архивом Кирилло-Белозерского монастыря. Речь шла о второй части этого собрания — со времен Петра Первого до секуляризации монастырских земель в 1764 г. Там насчитывалось более 8 тысяч документов, гораздо подробнее освещавших жизнь монастыря. Открывались новые возможности для изучения не только хозяйственной жизни вотчины, но и для исследования повседневной жизни ее населения. В архиве сохранились судебные дела (монастырь сам чинил суд и расправу над крепостными), о семейных ссорах, о спорах и конфликтах, о верованиях, в том числе и о судебных процессах о ведовстве, что открывало путь к изучению психологии крестьян и решавших их судьбу монастырских старцев. Это могло бы проложить путь к работе над будущей докторской диссертацией. В архиве я проработал еще почти 6 лет, и материал был бы у меня под рукой. Правда, позднее, кажется, в конце 60-х гг., этот фонд был забран из ГИАЛО и передан в Москву, в Центральный Государственный Архив Древних Актов, где ему и надлежало находиться по законам архивного ведомства. Насколько я могу судить по литературе, этот материал до сих пор так и не привлек внимания специалистов.

Однако, не отказываясь от интереса к русской экономической истории, я решил обратиться к изучению Италии эпохи Возрождения. Но теперь меня заинтересовал Джордано Бруно. Не знаю, послужила ли поводом к этому ус-

---

³² Вотчинные хозяйственные книги XVI в.: вытные книги, хлебные оброчники и переписная книга Кирилло-Белозерского монастыря 1599–1601 гг. / Сост. А. Х. Горфункель и З. В. Дмитриева. Под ред. А. Г. Манькова. М.:Л.: Институт Истории СССР, 1983. Т. 1–3; *Горфункель А. Х.* Хронологический перечень земельных приобретений Кирилло-Белозерского монастыря (1601–1700) // Российское государство в XIV–XVII вв. Сб. статей, посвященный 75-летию со дня рождения Ю. Г. Алексева. СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 2002. С. 280–299.

лышанная мною в школьном детстве по радио драма «Гражданин Вселенной» или подаренная мне ко дню рождения в 1955 году соседями по дому в Петрозаводске врачом Ю. Мушкиным и его женой книга В. С. Рожицина³³. В Петрозаводске я перечитывал диалоги Дж. Бруно (в русском переводе), в том числе только что вышедший перевод диалога «О героическом энтузиазме», роман о Бруно Дж. Линдсея («Адам нового мира», изданный в русском переводе в Ленинграде в 1940 г., с предисловием М. А. Гуковского) и рассказ Б. Брехта «Плащ еретика» в журнале «Иностранная литература» (только что возникшее после долгого перерыва и перемены названия), в №3 за 1955 г.

После защиты диссертации я пришел к М. А. Гуковскому и сказал о своем желании вернуться к итальянской тематике. Правда, при этом я собирался сохранить и прежний круг научных интересов. Матвей Александрович не возражал против моих намерений, но предупредил, что такое раздвоение потребует от меня слишком серьезных усилий, особенно для того, чтобы быть в курсе новейшей научной литературы.

М. А. Гуковский оказался прав, и я, в конце концов, был вынужден отойти от изучения социально-экономической истории России. С тех пор мои занятия были связаны, главным образом, с историей гуманизма и итальянской философии эпохи Возрождения.

Много позднее, в размышлениях о науке Д. С. Лихачева я прочитал сентенцию: «в науке переходи к новым темам»³⁴. Она как бы оправдывала меня, хотя все это получилось в какой-то мере помимо моей воли, но всегда сопровождалось большим интересом к открывшейся передо мной новой области знаний.

---

³³ *Рожицын В. С.* Джордано Бруно и инквизиция. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1955. Книга, изданная посмертно, изобиловала тенденциозными ошибками в духе вульгарного антиклерикализма 1920–1930-х годов.

³⁴ *Лихачев Д. С.* Прошлое — будущему: Статьи и очерки. Л.: Наука, Ленингр. отделение, 1985. С. 575. («Мысли о науке»).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

В 1956 г., после защиты кандидатской диссертации, я вернулся к итальянским занятиям; это решение созрело еще в Петрозаводске. Но на этот раз меня заинтересовала не социально-экономическая история эпохи Возрождения, а итальянская философия, от поздней схоластики и гуманизма до Джордано Бруно и Томмазо Кампанеллы.

Несомненно, сказалось и возвращение из лагеря моего университетского научного руководителя Матвея Александровича Гуковского. Свою прерванную в 1949 г. связь с зарубежными коллегами и сотрудничество с ними он возобновил сразу же, он переписывался со всеми сколько-нибудь заметными специалистами по культуре Итальянского Возрождения, на многих языках, включая латинский (с венгром Т. Кардошом и польским исследователем К. Ф. Куменецким).

Появились возможности для личных встреч. Мне запомнился разговор с одним моим старшим коллегой, аспирантом. Зашла речь о М. А. Гуковском. Не помню в связи с чем, я сказал: «Зато он *живет, как хочет*». Тот рассмеялся: «Ничего себе, *живет как хочет*: видел я твоего Гуковского, он встречал на Московском вокзале какого-то иностранца, а сам был в старом поношенном плаще» (это была неправда: Матвей Александрович с первых дней после возвращения обращал внимание на элегантность одежды).

С женой Матвея Александровича, Асей Соломоновной Кантор-Гуковской, я был к этому времени знаком, она прежде нас училась на кафедре истории Средних веков.

Не знаю, каким образом, но большая библиотека Матвея Александровича сохранилась, хотя и не без потерь (много лет спустя я получил по межбиблиотечному абонементу из Библиотеки Иностранной литературы «Диалоги о любви» Льва Еврея — Иегуды Абарбанеля — с автографом М. А. Гуковского — это было уже после смерти М. А., я точно знал, что он не продавал книги из своей библиотеки). Он немедленно стал пополнять ее, и вскоре я смог пользоваться его книгами, отсутствовавшими в ленинградских и московских библиотеках, а также ценнейшим для итальянистов журналом “Rinascimento”, издаваемым во Флоренции Институтом Возрождения под редакцией Эудженио Гарена.

Широта профессиональных интересов Матвея Александровича была удивительной: она простиралась от исследования народных движений до изучения генеалогии княжеских родов, от описания автографов великих итальянцев до рассмотрения особенностей рыцарских турниров, от стремления проникнуть в сложности экономической жизни и быта XIV–XVI вв. до вопросов истории техники и строительства и истории искусства ренессансной Италии. Все это нашло отражение в его капитальном, но к сожалению незавершенном труде «Итальянское Возрождение» — сразу же после возвращения из лагеря он начал готовить второй том, появившийся в печати в 1961 г. (оба тома были переизданы стараниями А. Н. Немилова в 1990 г.).

После возвращения в Ленинград М. А. Гуковский стал заведовать Эрмитажной библиотекой. Он получил крохотную квартиру в первом этаже эрмитажного дома, во дворе, за театром. Она состояла из прихожей (она же и кухня), потом выламывалась коленом (там помещался приносившийся из кухни небольшой круглый стол, на четырех человек, через который было уже не пройти), а дальше, тоже коленом шла маленькая длинная комната, служившая одновременно спальней, библиотекой и кабинетом. Я запомнил ее, так как побывал там, когда меня пригласили на встречу с приехавшим из Москвы профессором В. П. Зубовым. Главным предметом беседы оказался Джордано Бруно, и Василий Павлович заинтересовался некоторыми моими материалами, которые вскоре опубликовал в журнале «Вестник истории мировой культуры».

С 1956 г. завязалась моя долгая и сердечная дружба с Матвеем Александровичем. Я часто бывал у него дома. Это была уже другая квартира в том же примыкавшем к Эрмитажному театру доме, но на пятом этаже (куда вела крутая лестница, лифта не было). Она была чуть больше и состояла, кроме обсуживающих помещений, из двух комнат, чрезвычайно высоких (что было кстати для размещения большой библиотеки, но требовало прибегать к помощи стремянки); говорили, что в прошлом она была уборной для балерин дворцового театра.

Мы обсуждали с ним мои научные дела, я получал от него в подарок все его новые книги и оттиски статей. Часто я добирался по стремянке до укромных разделов библиотеки и находил там нужные мне для работы старые книги, но особенный интерес представляли новые издания итальянской научной литературы. Часто они выходили за пределы моей «прямой» специальности, но были необходимы для понимания культуры Итальянского Возрождения, его живописи, архитектуры и поэзии. Кроме того, в его собрание поступали и великолепные альбомы современного искусства, особенно поразили меня издания рисунков Пабло Пикассо.

Был у нас с Матвеем Александровичем еще один общий интерес: мы читали новую иностранную художественную литературу, он ее брал из библиотеки Дома Ученых, я — из библиотеки Пушкинского Дома. Так мы познакомились с Сартром, Кафкой, Камю, Малапарте, многие книги нам привозили или присылали наши друзья — сочинения Кальвино, Павезе, Сольдати. Мы часто встречались на концертах (помню, как М. А. Гуковский пригласил меня на виолончельный концерт Д. Д. Шостаковича в Консерватории, играл М. Л. Ростропович). Порой он приглашал меня в Эрмитаж, куда водил иностранных гостей.

Во время одной из таких экскурсий я познакомился с художником абстракционистом Энрико Карми, дизайнером в крупной итальянской фирме, мы с ним переписывались, он присылал мне репродукции своих работ и каталог. Во время разговора речь зашла об интересующих меня в ту пору книгах Джорджо Бассани, Карми сразу же переадресовал меня к своему спутнику: «Об этом поговорите с Эммануэле Луццати». Тот был живописцем, графиком и театральным художником в знаменитом Teatro Piccolo di Milano, мы многие годы переписывались, он присылал на Рождество бумажные скульптуры, литографированные и раскрашенные от руки, с веселыми стихами. В журнале «Детская литература» одна из его корреспонденток напечатала о них интересную статью. Когда в Москву и Ленинград приезжал на гастроли его театр с великолепным «Слугой двух господ» Гольдони, я сумел дважды побывать на спектаклях и познакомиться с ним. Только недавно, в 2007 г., я узнал о его кончине.

Некоторые из наших встреч в доме Матвея Александровича особо запомнились мне. Там я познакомился со Львом Николаевичем Гумилевым (это был день его пятидесятилетия 1 октября 1962 года). Я решился спросить его о бытовавшем на Историческом факультете рассказе, как он сдавал государственный экзамен по истории партии в тут же импровизированных стихах; он сразу прочитал несколько строк из своего ответа, что-то в духе революционных поэм Маяковского. Зашел разговор об одном нашем общем знакомом (Елиазаре Смирнове, он учился со мной на первом курсе, потом ушел из университета и стал работать переплетчиком), я похвалил его, но Лев Николаевич сурово ответил: «Все это так, но он не принял обряда святого крещения». Тогда же я впервые услышал от него стихи Осипа Мандельштама «*Квартира тиха, как бумага*» — до этого я многое знал из его неопубликованных стихотворений, но это узнал впервые и запомнил с голоса. Наше (правда, далеко не близкое) знакомство продолжалось еще многие годы; впрочем, единственная подаренная мне книга «Чтобы свеча не погасла» — диалог Л. Н. Гумилева с А. М. Панченко — была надписана им

в 1991 г. — очевидно, по просьбе соавтора. Когда Л. Н. Гумилев защищал диссертацию, он встретил дружное сопротивление востоковедов. М. И. Артамонов и М. А. Гуковский резко выступили против них, что, как кажется, и решило в конце концов исход голосования на Ученом Совете. В дальнейшем его знакомство с Матвеем Александровичем расстроилось, он перестал бывать в их доме и появился только на праздновании 70-летнего юбилея М. А. Гуковского в мае 1968 г., когда тот уже был тяжело болен.

Со своими лагерными друзьями М. А. Гуковский поддерживал постоянную связь, принимал их у себя, помогал, как мог (благодаря его содействию Юрий Симонович Динабург был принят в аспирантуру Философского факультета).

Из других запомнившихся мне посещений дома М. А. Гуковского был приезд к нему Витторе Бранка, исследователя творчества Дж. Боккаччо. Он пришел вместе с женой, синьорой Ольгой, в сопровождении приставленного к нему от Союза Писателей переводчика Г. С. Брейтбурда (мы вроде бы в нем не нуждались, но таков был предписанный свыше порядок). После ученой беседы был прекрасно сервированный стол с неизменной водкой. Возникло настроение общей веселости, раскованности. Мы стали петь — из любимого нами Глеба Горбовского — «Фонарики» и про папу Римского («Папа Римский отужинал с водочкой / И глядит в законную даль», кончалась она словами: «Не нужны им мои индульгенции, / И просвирки мои не нужны. / Всех греховнее интеллигенция, / И тем паче — Советской страны!»). Переводчик старательно передавал тексты песен. Примерно четверть века спустя, в 1991 г., когда я был в Бостоне в гостях у нашей дочери и внуков, я попал на заседание гарвардских итальянистов; с докладом выступал приехавший из Италии Витторе Бранка. Когда я подошел, он мгновенно узнал меня, представил коллегам, рассказал о моих занятиях и вспоминал вечер в доме профессора Гуковского.

В водке мой учитель разбирался хорошо; он даже научил меня отличать хорошие сорта от «табуретовки»: оказалось, что дело совсем не в наклейке: этикету могли присобачить любую. Нужно было смотреть на обратную сторону этой наклейки, там указывался номер выпуска, и покупать следовало только те бутылки, где в начале значился № 1. Помню, как между ним и Александром Николаевичем Немиловым разгорелся спор — кто что пил в своей жизни. В результате лагерный опыт спасовал перед военным: А. Н. Немилов назвал такой напиток, которого в лагерях не водилось. Мне приходилось принимать участие во многих застольях с Матвеем Александровичем; пил он легко и много, но никогда не пьянел. Был случай, когда мне пришлось заночевать в их столовой: засиделись мы далеко за полночь, меня не от-

пустили добираться домой в слишком поздний час. Когда я проснулся в 7 часов утра, я увидел, что Матвей Александрович сидел за столом на своем готическом стуле и работал.

Да и как бы он смог сделать все, что успел — четыре книги (одна из них вышла вторым дополненным изданием), множество статей в русских и иностранных журналах — при нагрузке на Кафедре истории Средних веков ЛГУ и в Библиотеке Эрмитажа и при участии в культурной жизни Ленинграда — за те 15 лет (три из них заняла тяжелая болезнь), какие отпустила ему после лагеря Советская власть.

Ему приходилось лежать в ленинградских больницах; об одной из них, привилегированной, «обкомовской», с палатами да двоих, о которой в народе сложилось присловье: «Пола паркетные, врачи анкетные» (для серьезных случаев туда приглашали специалистов, не взирая на «компромат») он рассказывал, что если бы при пациенте этой больницы произнесли имя Пушкина, то собеседник спросил бы: «А он из какого райкома?» — не потому, что он не знал имени поэта, а просто — кто же еще мог быть предметом обсуждения?

Участие М. А. Гуковского в работе Ученого Совета Института театра, музыки и кинематографии, Дома кино, Дома ученых не было, как тогда говорили, «общественной нагрузкой» — это было занятие не менее важное, чем преподавание в университете и руководство библиотекой Эрмитажа. Когда я узнал, что Матвей Александрович будет выступать оппонентом в Институте физкультуры, я подумал, что профессора привлекли престижа ради, а он не сумел отказаться. Но оказалось, что его согласие было совершенно сознательным: в диссертации речь шла о начале русского спортивного движения, которое проходило у него на глазах и при его участии. Но ведь также точно дело обстояло и с кинематографом, от первых дискуссий вокруг ФЭКСов и до баталий на Худсовете Ленфильма. Об одном из таких обсуждений весной 1963 г. он мне рассказывал: «По всему городу расклеены афиши “Знакомьтесь, Балуев”, а почему-то никто не спешит с ним познакомиться». Выступая на Художественном Совете «Ленфильма», он заметил, что картина снята в агиографическом роде. Присутствовавший на обсуждении автор повести В. М. Кожевников (Герой Социалистического труда и лауреат Государственной премии) недоумевал: а причем здесь география? И что он не разрешил бы своей дочери учиться на кафедре, где такой заведующий — с чем мы только поздравляли Матвея Александровича. Впрочем, звание профессора еще уважали — до того, как, по выражению В. В. Мавродина, «наступил год великого перелома и середняк пошел в доктора».

Мой друг киновед Яков Леонидович Бутовский обнаружил в библиотеке Ленинградского Дома кино стенограмму выступления М. А. Гуковского на обсуждении выставки художника кино Н. Г. Суворова в мае 1961 г., на которой, в частности, были представлены эскизы к фильмам режиссера А. Г. Иванова «Михайло Ломоносов» (1955) и «Солдаты» (1957). Ссылаясь на выступление оператора В. В. Гарданова, который показал ранние эскизы художника и заявил, что после этого он «перешел к реализму», М. А. Гуковский решительно выступил против такой оценки: «Я не уверен, что эволюция, легко заметная без гардановских эскизов, это переход от не реализма к реализму. Я склонен думать обратное».

И привел пример другого спора о театральной постановке балета «Легенда о любви». Матвей Александрович был серьезным знатоком балета; я помню печатавшиеся в ленинградских газетах его рецензии на балетные премьеры. Сразу же после освобождения, прямо с вокзала, в ватнике, он отправился в Мариинский театр; кассирша узнала его и он был восторженно встречен за кулисами. Рассказывая об обсуждении нового балета, М. А. Гуковский отметил, что «Один из выступавших, к сожалению, председательствовавший на этом заседании, высказал такую точку зрения, что так как эта декорация, и в этом спектакле нет настоящих деревьев, а там, где изображен шахский дворец, нет настоящих ковров и золотых украшений, и дальше он сказал буквально так: Условность здесь прямая дорога к импрессионизму, от импрессионизма прямая дорога к абстракционизму, а абстракционизм это уже чуть ли не контрреволюция!» Это выступление состоялось примерно за полгода до скандала, устроенного Н. С. Хрущевым в Манеже. Далее М. А. Гуковский объяснил, что «обобщенный подход к изображению действительности более реалистичен, чем большое количество мелких частных деталей». Последняя работа художника в фильме «Солдаты», важном этапе в истории кино о войне (по мотивам романа В. П. Некрасова «Сталинград», который был переименован и назывался «В окопах Сталинграда» — откуда и пошло уничижительное выражение «окопная правда»), вызвала, при общей высокой оценке, «чувство известного протеста»: «обилие деталей и многословие ведет в тупик, вместо того, чтобы создать обобщенное и усиленное выражение». Поэтому, заключал он, «я с гораздо большим удовольствием смотрел на те эскизы, которые показывал В. В. Гарданов, чем на эскизы к “Ломоносову”, которые выставлены в фойе, где так много деталей, что глаз на них теряется».

Характерно завершение этой речи: М. А. Гуковский попросил прощения «за то, что <...> несколько испортил юбилейный, торжественный и очень искренний тон, который здесь царит, — *но это моя профессия!*» [выделе-

но мною — А. Г.]. Такое понимание «своей профессии» как откровенного и прямого изложения своих эстетических и гражданских предпочтений и пристрастий было характерно для многих публичных выступлений Матвея Александровича. Я прекрасно помню, как он, выступая на защите кандидатской диссертации Леонида Тарасюка, отметил, что автор провел три года жизни в обстоятельствах, о «которых в порядочном обществе и упоминать не принято»: речь шла не о жертве «сталинских репрессий», а о недавнем заключенном концлагеря. М. А. Гуковский не был диссидентом, он просто на дух не переносил идеологическое лизоблюдство.

Когда нас с женой пригласили в дом М. А. Гуковского на празднование Нового года, там была знаменитая ленинградская балерина Ольга Генриховна Иордан с мужем, вдова директора Эрмитажа Иосифа Абгаровича Орбели Антонина Николаевна Изергина, режиссер Г. М. Козинцев с женой, только что вернувшийся из Англии после триумфального показа его «Гамлета»; были там супруги Инна Сергеевна и А. Н. Немиловы и хранитель эрмитажного Арсенала Леонид Тарасюк. В разгар веселья муж О. Иордан запел; мне даже показалось, что их квартира предназначалась не для балерин, а для певцов, такая была акустика (это был известный солист Мариинской оперы Иван Алексеевич Нечаев).

Матвей Александрович был на моем новоселье, когда мы (на 36-м году жизни) приобрели кооперативную квартиру. Я, по предварительной договоренности, приводил к нему в дом своих знакомых, в том числе изучавшую русский язык стажерку из Сорбонны Эдит Шеррер, урожденную Ривьер. Портрет ее пра (пра-) бабки был написан Энгром (он хранится в Лувре). Сам же Ривьер был депутатом Конвента и голосовал за казнь Людовика XVI, правда, с осторожной оговоркой «avec sursis» (с отсрочкой). Швейцарский издатель Skira, у которого служил ее брат, готовил альбом, посвященный живописи этого времени и решил поместить на суперобложке этот портрет. В тот день в гостях у Матвея Александровича, был его сосед по лестничной площадке профессор биолог Н. А. Карпов, он пел старые русские песни («Брось ты, Ванька, водку пить, / Не водись с ворами, / В Сибирь, в каторгу пойдешь, / Гремя кандалами»). Жена профессора Карпова вспоминала ленинградскую блокаду. Много лет спустя в Париже (в 1979 г.) Эдит, к тому времени известный переводчик Тургенева и Булгакова, с благодарностью вспоминала эту встречу...

Аспирантка из США (на Историческом факультете ЛГУ у В. В. Мавродина), Джоан Афферика, когда мы были с ней у Матвея Александровича, рассказывала занятную историю: она преподавала английский язык в азиатской стране (в Таиланде или в Бирме, не помню) и предложила ученикам

выбрать исторического персонажа. Один из них предпочел Адольфа Гитлера, и объяснил, почему: Гитлер уничтожал евреев, а нам тоже надо уничтожить китайцев в нашей стране. Вечером мы пошли проводить ее от Дворцовой набережной; она показала мне своего «ворона» — следившего за ней «сотрудника», проведшего долгие зимние часы в подворотнях домов между Эрмитажем и Европейской гостиницей.

Не совсем обычны были и юбилейные торжества М. А. Гуковского. В 1958 г. в Эрмитажном театре была устроена научная конференция в честь юбиляра; не помню всех докладов, но Л. И. Тарасюк рассказал о найденной им в коллекции пушке XV в., принадлежавшей герцогам Гонзага; в конце доклада он произвел холостой выстрел в честь юбиляра, и в Зимнем Дворце запахло порохом, кажется, впервые с 1917 года. В концерте выступали солисты балета Мариинского театра, ученики балетного училища, актеры. На юбилее 1968 г., в Актовом зале университета, помимо обычных поздравлений и телеграмм, были и шутейные. Я преподнес юбиляру адрес из его любимого XV в., на латинском языке, якобы найденный мною на куске пергамена. Это поздравление потом мне аукнулось: когда мои друзья рекомендовали меня на место заведующего Эрмитажной библиотекой, директор Эрмитажа, Б. Б. Пиотровский, сидевший на сцене рядом с юбиляром, отказался: «*А, это тот развязный молодой человек в красной рубашке?*». К тому времени мне было 40 лет, и, признаюсь, что к числу моих несомненных недостатков я никак не относил бросающейся в глаза *развязности*; скорее всего его раздражило веселое поздравление; а что касается «красной рубашки», то я надел бордовый свитер — самую приличную одежду, оказавшуюся в моем не слишком богатом гардеробе. На юбилее выступал Г. М. Козинцев (он сказал, что не может понять, как М. А. Гуковский «успевает сделать все это»); читали телеграмму от Д. Д. Шостаковича, от бывшего ректора академика А. Д. Александрова. О. Г. Иордан прислала большое письмо из Белграда (где она в тот момент преподавала в балетном училище), о том, как солисты Мариинского балета заглядывали сквозь занавес: пришел ли Матвей Александрович, их главный судья и ценитель. Был, разумеется, и концерт балета.

М. А. Гуковский постоянно интересовался жизнью Италии, Он был там до Первой мировой войны, но после возвращения из лагеря его так и не пустили в страну, с которой были связаны его научные интересы. Несмотря на настойчивые приглашения на международную научную конференцию и на множество обещаний из министерства (он говорил мне, что потратил уйму денег на переговоры с Москвой), заслон из «спецслужб» оказался сильнее, чем его авторитет за границей.

Он читал итальянские газеты, заинтересованно следил за культурной жизнью Италии, отлично знал итальянское кино (которое показывали в разных Домах творчества, а при его содействии и в Эрмитаже), общался с деятелями итальянской культуры. Два итальянских писателя оставили интересный литературный портрет М. А. Гуковскогo на страницах своих книг. Это М. Сольдати в книге «За границей», 1968) и П. А. Кварантотти Гамбини («Под небом России», 1963). Там речь идет не более как о впечатлениях. Но можно только подивиться тому, как сумели они увидеть и оценить существенно важное в результате кратковременного знакомства. Для тех, кто близко знал Матвея Александровича, за каждой фразой виден целый ряд событий в его жизни и в культуре его времени. Понятна фраза о том, что он в Эрмитаже — «у себя дома». Но «у себя дома» он был и на киностудии, и в Мариинском театре, и в Филармонии, и на спектаклях иностранных гастролеров. «У себя дома» он был во всей русской и европейской культуре. В нем не было и тени провинциализма. Жизнь его проходила на «открытых всем ветрам плоскогорьях культуры», о которых писал критик Джакомо Дебенедетти¹. Как говорила тогда моя жена: вы занимаетесь Возрождением, а Матвей Александрович был человеком Возрождения.

Я пишу о своем (и других учеников) отношении к М. А. Гуковскому. Это не значило, что мы полностью разделяли взгляды нашего учителя; так оно и не бывает. У каждого из нас был свой круг интересов, свое отношение к предмету занятий, у нас были свои пристрастия, свой путь в науке. Мы брали от него все, что было в наших возможностях и силах. Я знаю, что сумел получить от своего учителя: прежде всего широкий взгляд на культуру итальянского Возрождения, от ее предпосылок до очевидных результатов во всех областях жизни; глубокий интерес к источникам, от хроник и частных актов до поэзии и произведений искусства, умение вычитывать в них яркие свидетельства эпохи. И, наконец, внимание к живым людям, творящим эту историю (будь то крестьяне, городские ремесленники, аристократы, художники и философы), к особенностям их повседневной жизни, определяющим самую суть ренессансной культуры, во всех ее противоречиях и контрастах.

Далеко не все наши коллеги разделяли наше восхищение учителем. В. В. Бахтин. любимый ученик О. А. Добиаш-Рождественской, прекрасный специалист по средневековой палеографии, чья жизнь была сломана годами

---

¹ Горфункель А. Х. «Старый петербуржец» глазами итальянцев: Итальянские писатели о встречах с профессором М. А. Гуковским. // Санкт-Петербургский Университет. №6-7 (3773-3774). 5 мая 2008 г. С. 44-48.

лагерей, писал из ссылки А. Д. Люблинской о полученном от нее первом томе «Итальянского Возрождения»: «Матвей Александрович в своей книге такой же, каким я его помню: трудолюбивый, аккуратный, добросовестный, неплохого мнения о самом себе, но неталантливый. Поражает отсутствие общих понятий, мыслей». Однако, В. В. Бахтин завершает свой критический отзыв скорее благоприятным суждением: «если учесть, что огромный материал подан очень равномерно, расположен достаточно обозримо и удобно, что такая книга требует огромного труда, что она много лучше обычных коллективных обзоров, в которых всегда “кто в лес, кто по дрова”, что на русском языке не было подобных учебников, нельзя не воздать автору честь и хвалу»². Не могу не отметить соображение о «коллективных трудах», особенно расплодившихся в последующие годы, где даже интересные авторы стриглись под общую гребенку и были неотличимы от среднего, крайне невысокого уровня.

Я помню, как однажды, на заседании Ученого Совета факультета, мне пришлось сидеть неподалеку от А. Д. Люблинской. Она держала в руках новую книгу М. А. Гуковского о Леонардо да Винчи и показывала ее В. В. Штокмар: «Смотрите, как легко писать историю!», иронически цитируя абзац из работы, только что подаренной ей автором.

Московский искусствовед В. Н. Лазарев, написал рецензию на книгу М. А. Гуковского «Коломбина», где тот доказывал, что приписывавшаяся прежде Франческо Мельци картина в значительной мере принадлежала кисти Леонардо да Винчи и изображала подлинную «Мону Лизу» («Необоснованная атрибуция»). Между тем доводы автора книги требовали во всяком случае серьезного внимания. Художник был несомненно связан с мастерской Леонардо да Винчи, композиция картины, ее близость к рисункам и другим произведениям Леонардо, позволяют с большой долей вероятности утверждать, что он сам принял («полностью или частично») непосредственное участие в ее создании. С В. Н. Лазаревым соглашались и эрмитажные историки итальянского искусства; правда, они не могли не знать, что по крайней мере в одном отношении М. А. Гуковский следовал за итальянским историком Карло Педретти, который показал, что на всемирно известном портрете был изображен совсем другой персонаж.

Мы и сами далеко не всегда совпадали во взглядах с учителем. Я помню, что дважды приглашал на заседания моего семинара М. А. Гуковского: речь шла о новых статьях Л. М. Баткина о культуре Возрождения (в одной

---

² *Вольфцун Л. Б.* От Корбийского скриптория до века Просвещения: Из истории изучения западноевропейской культуры в России. СПб.: «Феникс», 2008. С. 60–61.

из них, по его словам, автор «ломится в открытую дверь»), и о знаменитой книге М. М. Бахтина о Рабле и смеховой культуре Средневековья. Матвей Александрович считал новые работы далекими от подлинной науки и не учитывавшими новейших исследований. Появившиеся в те годы первые книги А. Ф. Лосева об античной эстетике прошли мимо его внимания. Правда, до выхода книги об эстетике Возрождения он не дождался нескольких лет, полагаю, что тут мы бы с ним сошлись в оценке.

Когда М. А. Гуковский должен был оставить кафедру из-за болезни, он заявил приехавшим к нему для переговоров декану и секретарю партбюро, что согласен при условии, что я займу его место. Это был чисто демонстративный жест по многим причинам (я тогда еще только работал над докторской диссертацией), показавший, однако, отношение ко мне моего учителя.

Последний раз я видел его 20 января 1971 г., мы говорили о моей почти написанной докторской диссертации и о Филиппо Буонаккорси (Каллимахе), он подарил мне свою статью о нем с надписью «Дорогому Саше устаревший opus» (я ее знал по публикации «Ежегодника» Музея истории религии и атеизма в 1959 г.). 6 февраля 1971 г. Матвей Александрович скончался. Он умер в коридоре Военно-морской больницы, так и не дождавшись места в палате. Его вдова, Ася Соломоновна, горевала: лучше бы он оставался дома, среди своих книг...

Прощание состоялось в одном из подъездов Эрмитажа. Хоронили его на Серафимовском кладбище. Мы с другими его учениками устроили в моем доме поминки. После этого каждый год, более 30 лет, А. Н. Немилов и я, устраивали научные чтения памяти М. А. Гуковского — сперва на Кафедре истории Средних веков в университете, потом, после явно выраженного недовольства заведующего кафедрой, пользуясь поддержкой В. И. Рутенбурга, в Ленинградском Отделении Института Истории; затем их проводил И. Х. Черняк на Кафедре истории Средних веков, вплоть до 2005 г. (один раз, в 1999 г., на Философском факультете). После этих научных заседаний Ася Соломоновна и ее сестра Серафима Осиповна приглашали их участников, коллег, друзей и учеников к себе домой — обычно это происходило в день рождения Матвея Александровича.

Все эти годы мне пришлось осваивать совершенно новую для меня специальность — историю философии от поздней схоластики до начала XVII века. Изучение жизни и творчества Джордано Бруно я начал с ознакомления с обнаруженными в библиотеках Ленинграда и Москвы монографиями. Международный книгообмен был восстановлен, мне удалось в ближайшие годы изучить новейшую литературу. Важнейшим источником явилось со-

ставленное одним из канцеляристов Римской инквизиции краткое изложение следственного дела Дж. Бруно незадолго до его осуждения и казни. Я обнаружил эту публикацию в фондах московской академической Библиотеки Общественных наук. Если материалы следственного дела в Венеции были давно опубликованы (и в 1950 г. появились в переводе на русский язык), то сведения о допросах в Риме после гибели значительной части Ватиканского архива (вывезенного во Францию после похода Наполеона, а впоследствии пущенного в макулатуру), не были известны. В руках исследователей оказался чрезвычайно ценный материал, который был под запретом нескольких римских первосвященников, и был издан лишь в 1942 г.

Я решил опубликовать его русский перевод. Книгу я выписал в Ленинград по межбиблиотечному абонементу, переписал этот текст от руки (ксероксов тогда не было, пересъемка и перепечатка микрофильма оказалась бы обременительна для моей архивной зарплаты). Работать над переводом мне приходилось в архиве — я мог оставаться там по вечерам (дома для этого не было условий, там в одной комнате жили две семьи, отгородившись буфетом). Когда дело дошло до перепечатки текста, я устраивался поздним вечером с пишущей машинкой на кухне нашей коммунальной квартиры.

Матвей Александрович встретился с М. А. Дынником, редактором «Вопросов истории религии и атеизма», и предложил ему издать текст моего перевода. В рукописи, которую предварительно просмотрел М. А. Гуковский, сделавший немало важных поправок, я обозначил его в качестве редактора, однако, он решительно воспротивился, и я вынужден был ограничиться выражением благодарности в предисловии. Замечу, что подобным образом поступил и Владимир Сергеевич Люблинский, когда в «Каталоге инкунабулов», изданном в 1967 г., я назвал его редактором; и там я смог лишь упомянуть его имя во вступительной статье. В дальнейшем я посвятил памяти М. А. Гуковского одну из своих статей (о Пьетро Помпонаци) и вышедшую в 1977 г. книгу «Гуманизм и натурфилософия итальянского Возрождения», а памяти В. С. Люблинского «Каталог книг кирилловской печати 16–17 веков»

Просматривая оттиск публикации «Следственного дела Дж. Бруно», я обнаружил, что работа над ним заняла не более полутора лет: она появилась в 1958 г. (Николаев, 7)

Во время моей (архивной) командировки в Москву я выступил с сообщением о новых изданиях и исследованиях о Джордано Бруно в Институте философии Академии наук. Для меня наиболее интересным оказалось присутствие на моем докладе двух переводчиков его диалогов — А. И. Рубина и Я. Г. Емельянова. С ними мне удалось поговорить после заседания.

Я поинтересовался, почему в русских переводах диалогов Джордано Бруно, изданных в 1949 г., были опущены *argomenti* — краткие изложения диалогов; как выяснилось, таково было требование редакции, решившей сэкономить на бумаге.

Я. Г. Емельянов, переводчик комедии Дж. Бруно «Подсвечник» (вышедшей в 1940 г. под заглавием «Неаполитанская улица») и диалога «О героическом энтузиазме», пригласил меня к себе домой. Блестящий переводчик, сумевший передать по-русски сложный и ярко выразительный текст диалога (сонеты были переведены А. М. Эфросом и Ю. Н. Верховским), Яков Григорьевич явил для меня удивительный образ русского интеллигента прежних времен. Итальянский язык он изучил на родине философа. Он окончил (как и его жена) Женевский университет. Жили они в коммунальной квартире, где занимали маленькую комнату, с очень высоким потолком, выделенную из бывшей гостиной. Помимо книг на стеллажах все остальное их имущество помещалось в больших чемоданах на высоких шкафах. Принимавший меня хозяин рассказал о своей работе, с одобрением отозвался о других переводчиках Джордано Бруно, в том числе и о М. А. Дыннике («он владеет стихом», сказал он о переводах стихотворений, предпосланных космологическим диалогам), расспрашивал меня о моих занятиях. По ходу беседы он заметил, что я не отказался от своего отчества: «А то, знаете, они у нас тут все Ефимовичи!» Я знал, что друг юности и соименник моего отца испанист Узин перевел свое имя на латинский манер: из Хаима (что означало жизнь) стал Виталием. Мне, по правде сказать, такая перемена никогда не приходила в голову.

В эти годы я наладил постоянный обмен книгами и оттисками статей с моими зарубежными коллегами; в наши библиотеки, особенно в Ленинграде, попадало очень мало работ иностранных специалистов по гуманитарным наукам. Первым, кому я решил послать свои оттиски, был профессор Лондонского Университетского Колледжа Джованни Аквилеккья, глубокий и успешный исследователь творчества Бруно. Я не могу припомнить, каким образом я узнал его адрес. Вероятно, мне помог историк Франко Вентури (внук и сын великих итальянских искусствоведов), с ним мы встречались в Институте истории; он превосходно знал русский язык, и переписка с ним была для меня очень удобной: в ответ на присылаемые мне книги я мог отправлять ему работы по русской истории. Его особенно интересовали факсимильные издания «Колокола», «Полярной Звезды» Герцена и Огарева, следственные дела декабристов, а также связанные с этими проблемами монографии.

Я до сих пор бережно храню первый полученный мною оттиск статьи Дж. Аквилеккья «Заметки о Джоне Толанде, переводчике Джордано Бруно», с надписью: «*con vivi ringraziamenti e sincera stima*» [«с живейшей благодарностью и искренним уважением»]³. Вслед за этой публикацией я получил от него новое подготовленное им издание итальянских диалогов Джордано Бруно, множество оттисков статей и другие работы, без которых продолжение моих занятий было бы невозможно.

В последующие годы я переписывался и обменивался публикациями со многими исследователями в Италии, Франции, США, Англии, Германии, Польши и Чехословакии. Среди моих корреспондентов были П. О. Кристеллер, Э. Гарен, Б. Нарди, Л. Фирпо, Р. Вейс, А. Романо, Р. Марсель, Ф. Татео, Р. Де Маттеи, В. Вуазе, Э. Понтъери, П. Дзамбелли, М. Чилиберто, Н. Бадалони, В. Бранка, Я. Малярчик, И. Кожан, Ф. А. Йейтс, Дж. Саитта, Э. Троило, Р. Палляч, П. Росси, А. Тиссони, П. Тускано, Д. Кавайон, Ф. Дюкро, А. Инженьо, К. Монти, Р. Ристори, padre А. Поппи, Э. Ведрин, А. Новицкий, Дж. Ди Наполи, Р. Америо, А. Ротондо, Ч. Вазоли, Л. де Франко, К. Гинзбург, Дж. Симмонс...

Благодаря их щедрости я сумел собрать большую библиотеку; несколько сотен полученных мною книг не было в библиотеках Ленинграда и Москвы, а множество оттисков статей представляли особую ценность, так как были опубликованы в недоступных мне журналах и сборниках. Эта помощь коллег, прекрасно понимавших положение «невъездного» исследователя итальянской культуры в СССР, включала также и библиографические и архивные справки. Она позволила мне представить состояние современной науки. Я, в свою очередь, помогал им в библиографических разысканиях и знакомил их с выходящими в нашей стране книгами.

Но все мои занятия итальянской философией и историей Кирилло-Белозерского монастыря не имели отношения к моей собственно служебной работе. Сперва я был направлен в Архив Октябрьской революции и социалистического строительства Ленинградской области. Там я принял участие в подготовке описания фондов для архивного справочника. Мне пришлось просматривать фонды культурных учреждений Ленинграда. Более всего я запомнил документ из фонда Союза работников просвещения: это была Записка директора Эрмитажа Б. В. Леграна, посланная на имя И. Сталина в 1934 году. То был отчаянный вопль, связанный с разграблением эрмитажных коллекций.

---

³ *Aquilecchia G.* Nota su John Toland traduttore di Giordano Bruno // English Miscellany: A Symposium of history, literature and the arts. [vol.] 9. Roma: Edizioni di storia e letteratura, 1958. P. 77–86.

Там приводился перечень уже отобранных и «реализованных» на внешнем рынке величайших произведений искусства; второй список включал подготовленные к отправке шедевры, еще остававшиеся в музее («Мадонна Конестабиле» Рафаэля, «Магдалина» и «Св. Себастьян» Тициана, «Портрет камеристки» Рубенса и десятки других). После Записки Б. В. Лиграна вывоз музейных ценностей за границу был приостановлен; похоже, что повлияла на это решение очевидная невыгодность сделок. В конце 1950-х гг. это яркое свидетельство антикультурной политики Советского руководства оставалось засекреченным⁴. Я сделал тогда же выписки из попавшего мне в руки документа и передавал своим знакомым, работникам Эрмитажа, искусствоведам, знатокам живописи, своим коллегам-итальянистам; в 1976 г. я сообщил их Е. Мальцеву, одному из тех, кто тогда возглавлял Союз Художников Ленинграда.

Вскоре меня перевели в место моей прежней работы, в Государственный Исторический Архив Ленинградской области. Там я работал над таким же изданием Краткого путеводителя. Он вышел в 1960 г. (Николаев, 12). Я рад, что мне удалось, пользуясь некоторой сумятицей в верхах, включить в путеводитель сведения об архивах различных общественных организаций, которые до того находились в «спецхране». Я слышал, что позднее вызвал этим начальственный гнев: в архив стали поступать запросы из-за границы, приезжавшие специалисты требовали выдачи им этих материалов (их секретность объяснялась одними идеологическими причинами).

Из архивных находок мне запомнились две. Первая была обнаружена в архиве Санкт-Петербургского университета: там оказалась неизвестная фотография А. А. Блока, моего с детства любимого поэта. Там же была краткая автобиография А. А. Блока, представленная в связи со сдачей экзаменов, и его письменный ответ о Вуке Караджиче. В 1947 г. я на Филологическом факультете занимался в Блоковском семинаре у Дмитрия Евгеньевича Максимова. Посещение семинара, столь далекого от моих непосредственных научных интересов, тем не менее повлияло на мое формирование как историка, хотя я так и не решился представить сообщение о найденной мною в библиотеке ЛГУ диссертации о немецких предках поэта (позднее она исчезла,

⁴ О нем не сказано в книге: Государственный Архив Октябрьской революции и социалистического строительства Ленинградской области: Краткий путеводитель. Л., 1960. Записка Б. В. Лиграна не была обнаружена в Центральном государственном архиве литературы и искусства СПб. (Эрмитаж, который мы потеряли: Документы 1920–1930 годов. СПб.: Журнал «Нева», 2001) и в архиве Эрмитажа (Каган Ю. Реальность и соцреализм: Эрмитаж в 1917–1941 // Звезда. 2003. № 5).

скорее всего, попала в «спецхран»). Автобиографию и портрет я опубликовал в «Литературной газете» (Николаев, 136), а потом подарил копии исследователю творчества А. Блока В. Н. Орлову. Он нашел этот портрет едва ли не лучшей фотографией поэта и опубликовал во втором томе собрания сочинений поэта (1960 г.), правда, в отвратительно заретушированном виде⁵.

Вторая находка — «Записка об учительских семинариях» И. Н. Ульянова, Попечителя народных училищ Симбирской губернии (отца В. И. Ульянова-Ленина). Составленная в 1883 г., она оказалась среди неописанных материалов. Автор доказывал в ней необходимость создания в России учительских семинарий для подготовки учителей начальных школ. Эта здравая мысль требовала обоснования; до этого в учителя шли совершенно случайные люди, в том числе отставные солдаты. Записку я опубликовал в журнале «Исторический Архив» (Николаев, 10).

Но главное, чем я был занят в последние годы работы в архиве — был обзор архивных документов по истории Ленинградского университета (Николаев, 15). Инициатива исходила из ректората ЛГУ. Мы втроем (я, Л. А. Никулина и С. Н. Семанов) работали над ним несколько лет. Сергей Николаевич Семанов пришел в архив из какого-то райкома ВЛКСМ. Тогда он придерживался либеральных взглядов, мы не то чтобы дружили, но были во вполне приятельских отношениях. Идейных разногласий между нами не наблюдалось. Он рассказывал мне, как в начале 1953 г., во время так называемого «дела врачей» («убийц в белых халатах»), он резко разошелся с родителями, принявшими на веру этот очередной кровавый навет. Помню, как мы после Нового Года переносили в новые записные книжки адреса и телефоны; Сергей предложил проверить, у кого из нас окажется там больше еврейских фамилий. Оказалось, что у меня их было гораздо меньше, несмотря на обилие родственников. Он искал происхождение своей фамилии (отец его был из архангельских крестьян), и я, слегка знакомый по переписным книгам XVI–XVII вв. с русской ономастикой, предположил, что она происходит от русского (но не даваемого при крещении), имени Семей — как были Третьяки, Пятаковы, Шестаковы, встречались мне там и Другонадцатые. Как кажется, он был этим доволен.

---

⁵ Блок А. А. Собр. соч. В 8-ми томах. М.: Л.: Худ. лит., 1960. Т. 2, фронтиспис. В сборнике воспоминаний о Д. Е. Максимове лишь в очерке В. Н. Голицыной «У Максимова» говорится о работе «Блоковского семинара», где, по словам автора, произошло ее «интеллектуально-духовное рождение». См.: Дмитрий Евгеньевич Максимов в памяти друзей, коллег, учеников: К 100-летию со дня рождения. М.: Наука, 2007. с.29.

По моему совету он послал в издательство заявку на биографию А. И. Ульянова. Когда она вышла в свет, я пошутил, что она получилась лучше, чем я мог бы предполагать (несколько лет спустя я сказал не шутя о какой-то другой его работе, что она оказалась много хуже, чем я мог бы надеяться). Позднее он перешел работать в Архивный Отдел, а затем поступил в аспирантуру Института Истории.

В основу нашего обзора были положены фонды Петербургского (Петроградского) университета и Попечителя Петербургского (Петроградского) учебного округа, хранящиеся в нашем архиве. Но для дальнейшего изучения пришлось обратиться к фондам множества других хранилищ, прежде всего Центрального Исторического Архива в Ленинграде (где были собраны фонды Департамента народного просвещения и канцелярии министра), и в Москве, где были сосредоточены документы по истории революционного движения, а также Архива Академии наук, отделов рукописей Публичной библиотеки, Ленинградского отделения Института истории, Института Русской литературы (Пушкинского Дома), Института Востоковедения и других собраний, в которых хранились личные фонды профессоров. Далеко не все материалы мы сумели должным образом описать и раскрыть, но, надеюсь, они помогли исследователям, изучающим историю университета.

Пожалуй, первое, что меня особенно поразило при работе над обзором архивных документов, была роль, сыгранная Петербургским университетом в истории отечественной науки. В общих чертах мне это, разумеется, было и без того известно. Но теперь передо мной раскрылось все богатство этой традиции — особенно после введения нового университетского устава 1862 г. Я увидел документы, представлявшие рост и изменения всей университетской науки. Для каждого из четырех факультетов (Юридического, Физико-математического, Историко-филологического и Факультета Восточных языков) передо мной наглядно выявился весь характер подготовки научных кадров. Начиная со студенческих работ, сохранившихся в огромном числе в описанных в особой части университетского фонда, можно было проследить появление исследователей, которые в дальнейшем, в материалах защиты дипломных работ и при подготовке к профессорской деятельности были представлены отчетами соискателей об их работе в России и за рубежом, отзывы профессоров об их занятиях, о магистерских и докторских диссертациях. Особый интерес представляли личные фонды университетских профессоров, сохранившиеся в библиотеках и в архивах Академии наук и академических институтов. Я ознакомился с именами людей, составившими честь и славу русской науки XIX–XX веков, в том числе

и тех, кто успешно работал в России, и тех, кто вынужден был эмигрировать или погиб в результате репрессий.

Хорошо запомнился мне архив профессора Ильи Александровича Шляпкина. Я хорошо знал его труд о митрополите Дмитрие Ростовском. Знал и легенды, ходившие вокруг его имени. Он происходил из крепостных крестьян и в свое время поставил на даче под Петербургом собственный памятник Царю-Освободителю. После защиты диссертации его какое-то время не принимали в штат Университета, и он грозился, что снимет рядом со зданием Двенадцати Коллегий лавку с надписью, что она принадлежит профессору И. А. Шляпкину. Я изучал хранящиеся в его фонде документы о его научных исследованиях. Среди прочих бумаг мне попала листовка, изданная одной из революционных организаций. Внимательно прочитав ее текст, профессор не преминул, на полях около одного из оборотов, не соглашающихся с правилами русского языка, иронически заметить: «Ой, жид!». Это заявление профессора, естественно враждебного всяким потрясениям общественного строя России, вполне согласовалось с известным утверждением главного русского революционера В. И. Ульянова-Ленина об активном участии евреев в рядах русских радикальных партий, которые шли туда, помимо прочих обстоятельств, из-за «черты оседлости» и «процентной нормы» при приеме в учебные заведения.

Во время работы над обзором архивных документов по истории Петербургского университета нам чрезвычайно помог ответственный редактор книги профессор С. Н. Валк, к которому мы постоянно обращались за справками и за советами. Помню, что в ходе этих занятий я обнаружил среди студенческих научных работ доклад Сигизмунда Натановича, прочитанный в семинарии А. С. Лаппо-Данилевского. Мы с Сергеем Семановым позвонили ему домой и договорились о встрече (это был его день рождения). Мы задали ему появившиеся у нас вопросы, поздравили его и подарили ему копии нескольких документов из его личного дела, в том числе и его доклад об одной статье «Правды Русской». Он даже предполагал опубликовать, с небольшими дополнениями, работу более чем 40-летней давности, но это намерение так и осталось невыполненным.

Мне часто приходилось бывать в доме редактора нашей книги. Его огромная библиотека поражала, хотя меня трудно было удивить размерами профессорских книжных собраний. Порой он признавался мне, что, не сумев найти нужную книгу, которая была у него дома, он отправлялся за ней в Библиотеку Академии наук. Однажды он подарил мне отпечаток статьи об исторической науке в Ленинградском университете — это был его доклад на сессии, по-

священной юбилею университета в 1944 г. Статья была подвергнута резким нападкам в печати и на антикосмополитической сессии 1949 г. (правда, по тогдашнему времени обвинение было не в «космополитизме», а в «буржуазном объективизме», что влекло за собой куда меньшие кары). Подарок имел вполне конкретную цель — он был мне нужен в работе над обзором архивных материалов по истории университета. Тогда же он показал мне экземпляр своей книги «Советская археография» Она попала в «спецхран» библиотеки Ленинградского отделения Института истории. Цензоры обошлись с ней особенно мерзко большинство абзацев и страниц были залиты несмываемой черной краской. Когда книга вышла из заточения, автор попросил ее себе, отдав взамен один из имевшихся у него чистых экземпляров⁶.

С Сигизмундом Натановичем мне пришлось встретиться и по другому поводу. В «Ежегоднике» Музея истории религии и атеизма в 1957 г. была подготовлена к печати моя статья о крестьянском сопротивлении (в редакции без моего ведома её озаглавили «Антицерковная борьба крестьян», хотя ни о каких собственно антицерковных выступлениях там не было речи. К сожалению, эту правку я увидел только в верстке, когда новое название было отпечатано колонтитулом на всех страницах. Позднее, по приглашению В. В. Мавродина, я встретился с известным американским ученым Дж. Биллингтоном и принес ему оттиск статьи, он сразу сказал: «Это ведь не Ваше название, правда?»).

Редактор издательства Академии наук решил «исправлять» — не мой стиль, а приведенные в статье крестьянские челобитные, написанные удивительным по выразительности русским языком XVII века. Все мои попытки объяснить невозможность такого вмешательства в цитаты из документов ни к чему не привели. В полном замешательстве я вышел на Менделеевскую линию и тут повстречался С. Н. Валком, который шел в издательство по какому-то своим делам. Я рассказал ему об этом произволе; он пришел в редакцию и учинил там разгром; его авторитет в издательстве был непререкаем.

Когда мы вышли в коридор, я пожаловался, что, читая недавно опубликованный сборник статей, был удивлен: все авторы, многих из которых я прекрасно знал и слушал их доклады, на страницах сборника заговорили каким-то не своим, стертым и неприятным языком. Сигизмунд Натанович взял из витрины на стене недавно вышедшую книгу И. И. Смирнова, где он

⁶ Валк С. Н. 1) Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет // Ленинградский государственный университет: Труды юбилейной научной сессии ЛГУ. Секция исторических наук. Л.: Изд-во ЛГУ, 1948. С. 3–79; 2) Советская археография. М.: Изд-во Акад наук СССР, 1948.

числился главным редактором: «Вот я — идеальный редактор: *не читал!*» Да и зачем бы он стал редактировать книгу другого ученого⁷. Более того, он считал, что работы институтских сотрудников любого ранга редактировать не следует. Пусть автор предстанет перед читателем таким, каков он есть — разве что можно было отвергнуть статью полностью, если автор не справился с задачей, или ее стиль окажется невообразимо плох.

С С. Н. Валком был связан эпизод, не имевший отношения к моей научной биографии. Во время летнего отпуска 1958 г. я отрастил бороду. В те времена в Ленинграде таких бородачей сравнительно молодого возраста было всего несколько человек, и мы отмечали друг друга. Среди моих знакомых не было ни одного, кто бы этим не возмущался (я уж не говорю о пьяных трамвайных пассажирах, которые сравнивали меня с Троцким, позднее — с Фиделем Кастро; на улицах Бостона и в аэропортах меня почему-то уподобляли А. И. Солженицыну). И только два человека — проф. С. Н. Валк и младший архивариус, выглядевший по поведению и манерам истинным петербургским интеллигентом, высокий худощавый человек (тогда он казался мне стариком, помнится, его звали Александром Ивановичем Слободкиным) сумели не обратить ни малейшего внимания на перемену в моем внешнем виде. Хочу надеяться, что преподанный этими людьми урок каким-то образом повлиял на мое поведение.

В эти годы редактор «Ежегодника» Музея истории религии и атеизма предложил мне написать рецензию на книгу В. И. Рутенбурга о Джулио Чезаре Ванини (Николаев, 20). Мой отзыв оказался вполне одобрительным, однако я должен был отметить пропущенный автором книги вопрос о предопределении, сыгравший важную роль в мировоззрении философа, и указать некоторые серьезные фактические ошибки. Одна из них касалась приведенной автором цитаты из Ванини: на вопрос собеседника о чудесах он сказал: «Спросите Люсьена, и он вам ответит, что в них не нужно видеть ничего, кроме обмана жрецов». В. И. Рутенбург полагал, что автор имел в виду своего слугу: даже мальчик Люсьен смеялся над чудесами. Читая латинский текст, я выяснил, что речь там идет вовсе не о каком-то юноше-слуге, а об античном писателе-сатирике Лукиане. Чуть позже я понял происхождение этой ошибки: автор книги читал не латинский текст Ванини, а его французский перевод, где имя Лукиана передавалось как Lucien⁸.

---

⁷ Смирнов И. И. Очерки политической истории Русского государства. Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1958.

⁸ Рутенбург В. И. Великий итальянский атеист Ванини. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1959. С. 77.

Редактор «Ежегодника» специально звонил мне домой, предлагая убрать это место из моей рецензии, но в ответ я еще раз проверил тексты, где упоминался Лукиан, и прислал ему полный набор латинских цитат. Рецензия вышла с минимальными поправками, а я получил у своих приятелей еще одно прозвище: «Люсьен». Впрочем, на моих отношениях с автором книги, по крайней мере внешне, это никак не отразилось.

Другая заметка, опубликованная в «Сообщениях Государственного Эрмитажа», касалась портрета Джордано Бруно (Николаев, 19). Дело в том, что во многих изданиях его сочинений публиковался портрет, сделанный в начале XIX в. Мне посчастливилось обнаружить оригинал, с которого была выполнена эта гравюра, в собрании Отдела Эстампов ГПБ и в коллекции графики Эрмитажа. Я его опубликовал, но совершил серьезную ошибку: я посчитал, что этот портрет прижизненный, что он был выполнен для одного из первых изданий его произведений. Но публикация оказалась бесполезной: на мою ошибку обратил внимание (в одном из писем) мой корреспондент Луиджи Фирпо, исследователь жизни и творчества Джордано Бруно и Томмазо Кампанеллы; он посоветовал мне искать этот портрет в немецких изданиях XVIII в. Вскоре его обнаружил другой знаток наследия Джордано Бруно, мой польский коллега Анджей Новицкий. Как выяснилось, он нашел серию изображений философов, опубликованных в немецком журнале 1700-х годов; три из них (Бруно, Кампанеллы и Ванিনি) не имели ни малейшего сходства с оригиналом (что было ясно при сравнении гравюры, представлявшей Кампанеллу, с его известными прижизненными портретами)⁹.

Тогда же я опубликовал в «Вопросах философии» обзор последних зарубежных изданий о Джордано Бруно (Николаев, 11). Написан он был в духе того времени, но я действительно никак не сходил с во взглядах с теми авторами, которые полагали, что еретик был вполне «правильно» сожжен; не устраивала меня и попытка представить мыслителя как «чистого» неоплатоника или мага. Я и поныне полагаю, что ближе к истине были те исследователи марксистского направления в итальянской историографии, которые видели, как Н. Бадалони, материалистическую тенденцию бруновского пантеизма. Столь же положительно я оценивал и работы неаполитанской школы. Вместе с тем, в работе Луиджи Чикуттини, вышедшей в трудах Католического университета Св. Сердца в Милане, резко направленной против

⁹ См.: *Firpo L. L'iconografia di Tommaso Campanella*. Firenze: Sansoni, 1964. P. 58; *Novicki A. Rozstrzygniecie sporu o serie starych rycin: Odkrycie proveniencji sztychow z Vaninim, Brunem i Campanella*. // *Euhemer: Przegląd Religioznawczy*. 1965. N 3 (46). S. 3–8.

антикатолических высказываний Ноланца, я не мог не признать его вывод, что Бруно «всегда предпочтет пророку — человека, богослову — философа, откровению — разум». Одобряя и поддерживая приговор, вынесенный в 1600 г. Римской инквизицией, он показывал, что Джордано Бруно понимал Бога как активное и безличное начало Вселенной, как совокупность сил, делающих ее единой и бесконечной. Была там у меня и странная ошибка: полагая, что католический университет принадлежал Обществу Иисуса, я назвал и автора этой книги «иезуитом», что не имело никаких прямых оснований (члены монашеских орденов всегда сообщают на титульном листе свою принадлежность к ордену). Редакция добавила к моему определению: «этот иезуит», усилив пропагандистский эффект статьи.

Тогда же в только что начавшем выходить сборнике «Книга» я поместил сообщение о первых изданиях Джордано Бруно в библиотеках Ленинграда (Николаев, 135). Я обнаружил в Публичной библиотеке, в Библиотеке Академии наук и в Библиотеке Ленинградского университета несколько очень ценных изданий; одно из них («О героическом энтузиазме») сохранило на титульном листе автограф английского философа-деиста Чарльза Блаунта (1654–1693). Посылая оттиск этой заметки Дж. Аквилеккья, я как бы ответил на его статью о другом английском деисте Джоне Толанде, как переводчике Джордано Бруно.

Там же я упомянул о впервые появившемся в России в конце XVII в. имени Джордано Бруно. Так произошел новый поворот в круге моих научных занятий.

Я готовил статью о Джордано Бруно в России, опубликованную в «Вестнике истории мировой культуры» (Николаев, 9). Мне удалось найти довольно интересный материал — в переводах немецких сочинений по истории философии, затем в русских сочинениях (в том числе и в книге А. И. Галича, лицейского учителя А. С. Пушкина), и множество ранее мне неизвестных переводов, начиная с первых появившихся в России отрывков из диалогов Джордано Бруно в переводе (с немецкого) И. Кронеберга, опубликованных в 1833 г. Особенно мне помогла составленная в Публичной библиотеке Аллой Давидовной Умикян картотека русских переводов иностранных авторов. Там оказались переводы сонетов Дж. Бруно. Любопытна была и художественная литература (русская и зарубежная) о его жизни. Но главным были первые упоминания Бруно в русских источниках XVII–XVIII вв.

Интерес к люллианским сочинениям Джордано Бруно вывел меня за пределы Италии. Из работ В. П. Зубова я узнал, что первое упоминание Ноланца принадлежало одному из русских «толковников» сочинений Люллия. Правда,

оно было обозначено в рукописях под именем «Иордана Бруна Холяна». Как я полагал тогда, из-за ошибки переписчика, так передавшего «Nolanus» но с точным указанием одного из его люллианских сочинений, и со ссылкой на книгу, где обычно перепечатывались комментарии авторов XVI–XVII вв. к «Великому искусству». В. П. Зубов, и я вслед за ним, сослался на сочинение автора монографии начала XX в. Д. Совецкого¹⁰.

Вскоре моя статья «Джордано Бруно в России» была переведена на итальянский язык и появилась сперва в журнале «La Ragione», издаваемом Andrea Finocchiaro-Aprile (до меня этот журнал не дошел, один номер был отправлен в «спецхран», а второй вообще исчез в недрах почтовой цензуры), а затем, с существенными дополнениями, в журнале «Rivista di Filosofia» в новом переводе Джильолы и Франко Вентури (Николаев, 9 и 17). В этом варианте статьи я указал и на второе упоминание имени Дж. Бруно в поэме В. К. Третьяковского «Феоптия», написанной к 1754 г. и запрещенной к печати Синодом, как содержащее мысли, «противные» Св. Писанию и представляющие гелиоцентрическую картину мира¹¹.

Занявшись другими «люллианскими» сочинениями, сохранившимися в многочисленных списках, я сумел выяснить, что их автором был не И. Богомолевский, а Ян (Андрей) Белобоцкий, поляк, приехавший в Москву в 1681 г. Его судьба чрезвычайно заинтересовала меня. Вероятно, принадлежавший к еретическому социнианскому движению, он был вынужден покинуть Польшу, много странствовал по Западной Европе, побывал в Бранденбурге, во Фландрии, в Италии, Франции и Испании, учился в Вальядолидском университете и побывал на Майорке, где находилась Люллианская Академия.

¹⁰ *Совецкий Д.* Русский гомилет начала 18 в. Иоаким Богомолевский. Киев, 1902: *Zoubov I. P.* Quelques notices sur les versions russes des écrits et commentaires lulliens // *Estudios Lulianos*. Palma de Mallorca, 1958. T. 2. fasc. 1. P. 63–64. Оказалось, что дело не в переписчике: так имя Джордано Бруно было указано в испанском «Индексе запрещенных книг» Антонио Соттомайора: «*Jordanus Bruerus Holanus*» (с неправильным обозначением фамилии и происхождения философа): *Index librorum prohibitorum et expurgandorum <...> Antonii a Sottomaior <...> jussu <...> recognitus*. Madrid: D. Diaz, 1657. P. 660.

¹¹ *Третьяковский В. К.* Избранные произведения / Вступ. статья и подготовка текста Л. И. Тимофеева. М.:Л.: Сов. писатель, 1963. Подготовка текста поэмы «Феоптия» и прим. к ней И. З. Сермана. В примечании Третьяковского к Эпистоле III-ей о вечной, беспредельной и совершенной природе сказано: «Из новых сего мнения был Иордан Брун, италианец» (с.260). См.: *Серман И. З.* Неизданная философская поэма В. К. Третьяковского «Феоптия». // *Русская литература*. 1961. № 1.

Вернувшись на родину, он подвергся преследованию со стороны иезуитов и бежал в Россию, оказавшись в свите смоленского архиепископа Симеона, «известного своими западническими симпатиями»¹².

Благодаря исследованиям моих предшественников я сумел составить полный список произведений Андрея Белобоцкого и уточнить время их создания. Там были переводы с латинского языка: Фомы Кемпийского «О последовании Христу» и «Малой науки» Раймунда Люллия; стихотворный диалог «Краткая беседа Милости со Истиною о Божии милосердии и мучении», «Великая наука Раймунда Люллия», «Риторика» (в рукописях которой и находилось заинтересовавшее меня место о Джордано Бруно), и сохранившиеся в единственных списках «Книга философская, сложенная философом Андреем Христофоровичем» и большая поэма «Пентатеугум, или пять книг кратких творения Андрея Белобоцкого, о четырех вещах последних, о суете и жизни человека». К ним следует присовокупить и выполненное одним из выдающихся деятелей старообрядчества Андреем Денисовым, князем Мышецким, сокращение «Великой науки». Только «Краткая беседа» была опубликована в Петербургской типографии в 1712 г., но ни одного из 100 экземпляров не сохранилось (скорее всего, оставшиеся нераспроданными книги были уничтожены в 1717 г., когда эта судьба постигла первое издание работы Хр. Гюйгенса «Книга мирозрения» за упоминание коперниканства: даже в библиотеке Петра I было лишь второе издание Гюйгенса 1721 г.¹³; у Белобоцкого речь шла о возможном существовании множества миров.

Следовало выяснить, сколько было Белобоцких? Был сочинитель Андрей и был еретик Ян, против которого написал донос Сильвестр Медведев (со слов польского выходца Павла Негребецкого), где требовал от государя не только не принимать в православную веру (а стало быть и в государственную службу на чаемое им место учителя в заводимых в Москве школах), но и непременно казнить опасного «кацермистра» (ересеучителя). Затем с ним боролись и братья Лихуды, основавшие в Москве Славяно-Греко-Латинскую Академию, и монах Чудова монастыря Евфимий. В науке высказывались мнения о двух Белобоцких, которых не следовало смешивать. Мне удалось привести доводы в пользу тождества этих лиц. Эти предположения были подтверждены находкой работниками архива свидетельства о миропомазании Яна Белобоцкого архиепископом Симеоном

---

¹² Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII века. Л.: Наука. 1973. С. 131.

¹³ Библиотека Петра I: Указатель-справочник / Сост. Е. И. Боброва. Л.: Изд-во БАН. 1978. С. 65.

во время пребывания царя Федора Алексеевича во Владимире в 1682 г.; в православии Ян получил имя Андрей.

Мне пришлось изучить документы в Центральном Государственном Архиве Древних Актов, выяснить служебное положение Белобоцкого, его участие в русской жизни в качестве «кормовщика Московского чину», поездку переводчиком в Китай (с латинского языка, для переговоров с представлявшими китайскую сторону иезуитами) в посольстве Федора Головина, выявить круг учеников Белобоцкого в Москве (из окружения молодого Петра Алексеевича), обнаружить в его книгах ценные биографические сведения.

Самое серьезное сочинение Белобоцкого, распространявшееся во множестве списков в демократических читательских кругах — это «Великая наука». Я заинтересовался философскими и религиозными идеями автора: его мыслями о «естестве» и о противопоставлении рационального знания богословию, опирающемуся на религиозное откровение; о возможности спасения и в католической, и в православной вере.

После А. И. Соболевского я, кажется, был первым читателем и исследователем «Петатеугума». Меня восхитила решительность Белобоцкого, давшего своей поэме титул «Пятикнижия». С первых же строк, прочитанных мною в Отделе Рукописей Государственного Исторического Музея, меня поразили первые рифмы в самом начале поэмы («солнце» — «сердце»), до этого они встречались мне только в стихотворениях А. Блока. Поэт начала XX в., как и Белобоцкий, воспринял их созвучие со слуха («сонце» — «серце»), а не по их графическому начертанию. Первым в русской поэзии Белобоцкий применил перекрестную рифму. Удалось обнаружить и латинские оригиналы немецких поэтов, равно как и переводы их на польский язык поэта XVII в. Зигмунта Брудецкого.

В начале 1961 г. я выступил с докладом о Белобоцком в Секторе Древнерусской литературы Пушкинского дома. Не могу не отметить, что Д. С. Лихачев (по просьбе И. З. Сермана и рекомендации В. И. Малышева) поставил мой доклад, не читая его (как не читали его и В. И. Малышев и И. З. Серман): для меня это был акт большого доверия, до тех пор я только иногда бывал на заседаниях в Секторе. Доклад прошел успешно, и Дмитрий Сергеевич предложил мне подготовить статью для Трудов Отдела Древнерусской Литературы (в связи с административными неурядицами, направленными против Д. С. Лихачева, в Пушкинском Доме Отдел был преобразован в Сектор, но работы его издавались по-прежнему как «Труды Отдела...»), в чем проявилось завидное упорство его заведующего; десятилетия спустя Сектор был вновь преобразован в Отдел). Все результаты своих предварительных

исследований о Белобоцком я опубликовал в 1962 г., а текст его поэмы — в 1965 г. (Николаев, 18, 28, 137, 138). Позднее текст поэмы был опубликован А. М. Панченко¹⁴.

В дальнейшем я продолжал интересоваться жизнью и творчеством Яна-Андрея Белобоцкого, собирал материалы о нем, получил из фондов Исторического Музея польский текст и русский перевод «Испытания веры», написал биографическую справку о нем для «Словаря книжников и книжности Древней Руси» (1990, 1992 г.), но почти 30 лет ничего нового не публиковал о нем, и только в 1993 г. выступил с докладом о русском люллианстве на конференции «500 лет гностицизма в России» в Государственной Библиотеке Иностранной литературы (Фролова 12, 26, 38). Все мои работы о нем в русских, американских и итальянских журналах и сборниках относятся к концу XX — началу XXI в.

В эти же годы я продолжал исследования жизни и философии Джордано Бруно. Узнав, что издательство «Мысль» готовит серию работ под грифом «Мыслители прошлого», я предложил им свою заявку. В тот же год, что и публикация «Пентатеугума», вышла в свет и работа о Бруно. Книга была небольшой (6 с половиной изд. листов) и достаточно популярной по своему литературному изложению (ее общий тираж в двух изданиях достиг 82 000 экз.), она рассчитана была не на специалистов-философов, а на интеллигентного читателя (Николаев, 27).

Однако, я постарался использовать в ней не только новейшую литературу о Дж. Бруно и публикации документов, относящихся к его жизни, но в первую очередь основной корпус сочинений мыслителя: как итальянских диалогов, к этому времени уже переведенных на русский язык, так и его главных латинских философских трактатов и поэм. Два небольших отрывка из них были впервые опубликованы в приложении к книге (хотя перевод, особенно в первом издании, был не слишком удачным). Я постарался опровергнуть некоторые легенды, связанные с биографией мыслителя, и представить его мировоззрение в более глубинных проявлениях, чем это обычно делалось в советской и зарубежной литературе. Что касается моей полемики против некоторых западных историков философии, то она была несколько запальчивой, но я и до сих пор придерживаюсь тех же представлений об этих работах. Позднее я сумел обосновать свои оценки в статьях и книгах о философии

---

¹⁴ Русская силлабическая поэзия XVII–XVIII вв. / Вступ. статья, подгот. текста и прим. А. М. Панченко. Л.: Сов. писатель. Ленингр. отд., 1970. С. 216–249, 382–385 (Библиотека поэта. Большая серия. Второе изд.).

Возрождения — благодаря более серьезному знакомству с интеллектуальным развитием эпохи от позднего Средневековья до начала XVII века. Наиболее интересным и неожиданным для меня оказался небольшой отзыв о моей книге А. Ф. Лосева; не предназначенный для продажи сборник его статей мне прислал редактор «Философской энциклопедии» З. А. Каменский¹⁵.

В начале 1960-х годов произошел перелом в моем служебном положении и в круге моих научных интересов. Весной 1962 г. я перешел из архива в Музей А. С. Пушкина. «Сманил» меня туда Семен Ланда, известный специалист по истории России Пушкинского времени. Там я проработал около полугода. Должен сказать, что я так и не почувствовал себя пушкинистом; меня смущало то обстоятельство, что любовь к Пушкину входила в круг моих профессиональных обязанностей. Заведовал я там экспозиционным отделом. По времени это совпало со 150-летним юбилеем войны 1812 г., и главное, чем мне предстояло заняться, оказалась большая выставка, развернутая в Русском музее в нескольких залах Корпуса Бенуа. Это было действительно интересно, сотрудники отдела собрали отличные экспонаты из многих ленинградских музеев — картины, оружие, знамена, вплоть до личных вещей Кутузова и Наполеона. Пользуясь старыми архивными связями я сумел получить для выставки из Центрального Исторического Архива документы, подписанные Александром I, М. И. Кутузовым и другими русскими военачальниками, были там представлены и французские материалы. Выставка оказалась интересной и некоторое время привлекла к себе внимание посетителей Русского музея.

Из кратковременной работы в Музее А. С. Пушкина я запомнил две поездки в Пушкинские места — в Михайловское и Тригорское. Ночью мы сидели у костра на берегу Сороти. Потрясенная красотой Пушкинских мест, Татьяна Кузьминична Галушко, прекрасный поэт и мой многолетний друг до самой ее кончины в 1988 г., зная о моих поездках по России, в Кириллов, в Ростов Великий, к Покрову на Нерли, спросила меня, так ли хороши другие места в России, с которыми я смог познакомиться — я лишь подтвердил ее ожидания.

Но осенью всех начальников отделов собрали в дирекции: по приказу Министерства Музей грозили серьезные увольнения, следовало обсудить, кого из сотрудников надо «сократить». И я подумал: вот мы, «начальство», должны решать судьбу других людей, притом, что нам самим это никак не угрожает. Для меня эта ситуация была особенно неприятна тем, что я точ-

---

¹⁵ Лосев А. Ф. Статьи по истории античной философии для IV–V томов Философской энциклопедии. М., 1965. С. 60.

но осознавал, что я не на своем месте, несмотря на интересную работу и доброе отношение ко мне моих товарищей. И я твердо решил начать с себя.

Возвращаться в архив я не хотел. Но среди моих знакомых был Вадим Александрович Зубков (мы вместе работали в системе архивного отдела). Он служил в ректорате Ленинградского университета помощником ректора А. Д. Александрова. Я обратился к нему, и он решил что-нибудь придумать для меня. Директором университетской библиотеки был Леонид Александрович Шилов, хорошо знавший меня по работе над обзором архивных документов по истории ЛГУ. После некоторых прикидок и соображений он предложил мне место заведующего Отделом редких книг и рукописей (ведавшая им Н. Г. Зайкова переходила на более привлекательное для нее место начальника «спецхрана»).

Не очень уверенный в результате (как выяснилось, для этого были определенные основания; Л. А. Шилов через много лет говорил мне о противодействии со стороны Исторического факультета), я поехал к своему старому другу Юрию Кирилловичу Толстому, он хорошо знал Л. А. Шилова и прежнего директора библиотеки М. О. Малышева, как своих соучеников по Юридическому факультету, и всячески рекомендовал меня. Позднее я узнал, что в моем трудоустройстве мне помог и М. А. Гуковский.

В новую должность заведующего Отделом редких книг и рукописей Научной библиотеки Ленинградского университета я вступил 21 октября 1962 г.

Когда я подавал заявление о приеме меня на работу в университетскую библиотеку, меня поразило, что директор Леонид Александрович Шилов (1928-2007) внимательно просмотрел приложенный к моим документам список моих научных публикаций: это был единственный случай в моей практике. Он включал чуть более 20 названий, но внимание к моим занятиям со стороны администрации показалось мне примечательным.

Высокое звание заведующего относилось ко мне самому — никаких других сотрудников в возглавляемом мной отделе не было. Отдел находился в самом конце знаменитого Большого коридора, от которого постепенно отрезались его части — для входа в библиотеку и для читального зала. Окно выходило на университетский двор. В этом небольшом, но высоком помещении находилось богатство, с которым мне предстояло ознакомиться и работать. Кроме выдачи книг и рукописей в Читальный зал для научной работы мне надо было задуматься и о комплектовании отдела из основного фонда библиотеки и путем приобретения книг из букинистических магазинов. Старые ленинградские букинисты хорошо меня знали: они отлично помнили моего отца (Хаима Доновича Горфункеля), работавшего в главном

управлении книжной торговли, где он занимался научно-технической (в том числе и антикварной) книгой; он умер от голода в блокадном Ленинграде 30 марта 1942 г.

Первым делом я решил составить каталог инкунабулов, хранящихся в университетской библиотеке. Мне удалось выявить их состав и найти некоторые из первопечатных книг, оставшихся в основном фонде, хотя, как выяснилось позднее, одну из них я так и не сумел обнаружить. Работая со справочными материалами, в частности, с известным словарем И. Гофмана конца XVII века, я, при тщательном изучении переплета этой книги обнаружил в ней пошедшие для его начинки листы XV в. Я пригласил к себе Владимира Сергеевича Люблинского. Я и раньше знал, как он по фрагменту пергаменного листа, использованного в переплете книжки, определил знаменитую Библию — 36 (так называли вторую печатную книгу по числу строк на странице). В моем случае он, еще до расшивки переплета, по просвечивающему через лист белой бумаги тексту, определил по шрифту, что речь идет о каком-то издании Петера Шеффера, помощника Иоганна Гутенберга, затем перешедшего в типографию, созданную кредитором первопечатника Иоганном Фустом. Книги были переданы в лабораторию, которой в это время заведовал Владимир Сергеевич, и одна из его сотрудниц сумела изъять из переплета четырех томов Лексикона значительные фрагменты «Краковского миссала», напечатанного в Майнце в 1486 г. Найденные 68 листов, в том числе и колофон с выходными данными, дополнили наше собрание очень интересным и редким экземпляром. Я присутствовал при этом немаловажном научном открытии. Каталог вышел в конце 1967 года (Николаев, 159), я успел передать его Владимиру Сергеевичу в больницу и получил его отзыв (кажется, это было его последнее письмо из больничной палаты, из которой ему не было суждено выйти).

Работа с инкунабулами В. С. Люблинского послужила для меня превосходным научным уроком, который я в дальнейшем использовал при составлении «Каталога палеотипов» и при изучении 126 фрагментов инкунабулов в Публичной библиотеке (Николаев, 159; Фролова, 5).

Другое направление, связанное с поиском и изучением русских старопечатных книг, привело меня к участию в работе археографических экспедиций. По рекомендации И. З. Сермана В. И. Малышев согласился к привлечению университета к поездкам на Русский Север. Мы договорились, что все найденные нами рукописи будут поступать в Древлехранилище Пушкинского Дома, а старопечатные книги — в Научную библиотеку ЛГУ.

Надо сказать, что и археографические экспедиции, и выпуск каталогов редких книг в университетском издательстве были бы невозможны без дея-

тельной поддержки директора библиотеки Л. А. Шилова; обладая большими связями в ректорате, он сумел обеспечить главные направления работы Отдела редких книг и рукописей. Очевидное внимание к моим занятиям оказывала и его заместитель, а после ухода Леонида Александровича в Публичную библиотеку директор библиотеки ЛГУ Кира Михайловна Романовская.

Летом 1963 г. я отправился в первую экспедицию в Пинежский район Архангельской области. В какой-то мере мне помогала палеографическая подготовка, полученная во время работы над диссертацией о Кириллове монастыре. Поехало нас четверо — Александр Михайлович Панченко, закончивший аспирантуру при Пушкинском Доме и уже прошедший великолепную полевую школу в поездках с В. И. Малышевым, и две Лены — Дергачева-Скоп и Ромодановская — из Свердловска и из Новосибирска.

Перед поездкой я обратился за советом к сотруднику Реставрационных мастерских Эрмитажа (а до этого — Русского музея) Федору Антоновичу Каликину (1876–1971). Я знал о его — еще дореволюционных — поездках на Север, где он собирал рукописи для В. Г. Дружинина и Н. П. Лихачева, о его участии в экспедициях 1954–1955 гг. с В. И. Малышевым (переданные им собрания находятся в Древлехранилище и в Библиотеке Академии Наук). Он объяснял мне трудности, которые ожидали нас в работе со старообрядцами.

Но главным нашим консультантом (нас троих — А. М. Панченко в этом не нуждался) был Владимир Иванович Малышев. Из его советов я запомнил главное: необходимо узнавать от людей, с которыми нам придется разговаривать, судьбу книг и их владельцев, вести постоянные записи. А дальше пошли разговоры, не имевшие прямого отношения к полевой археографии: о том, чтобы запастись теплыми одеялами, хорошей обувью, плащами, помня, что Север есть Север, что там «одиннадцать месяцев — зима, остальное — лето». Его, естественно, беспокоило здоровье отправлявшихся с нами девушек. Он напомнил мне капитана Тушина из «Войны и мира» (а много позднее, из доклада Г. В. Маркелова на «Малышевских чтениях» я узнал, что именно таким был озабоченный судьбами своих бойцов В. И. Малышев — боевой командир в годы Отечественной войны). О будущих наших находках речи не было вообще. Только в перекурах археографы-новички любили поговорить, что найдем, дескать, список «Слова о полку Игореве». (Впрочем, сам Владимир Иванович был скептиком, хотя и не высказывал своего мнения публично; зато много лет спустя он сумел сохранить выдаваемую под строгую расписку с обязательным возвратом книгу А. А. Зимина).

Десять лет я участвовал в археографических экспедициях, по берегам рек Северной Двины, Печоры, Пинеги и их притокам... Вместе с сотрудниками Пушкинского Дома там работали студенты Исторического и Филологического факультетов.

Первым, кого мне рекомендовали преподаватель кафедры русского языка В. В. Колесов и хранитель древнерусских рукописей Публичной Библиотеки Н. Н. Розов, был Владимир Павлович Бударагин. Он оказался, пожалуй, самым прилежным учеником В. И. Малышева: начиная с первой командировки он четко и аккуратно вел записи обо всех разговорах, касающихся рукописных и старопечатных книг, об их владельцах (другие часто полагались на свою память, она обычно нас не подводила, и все же эти записи оказали неоценимую помощь при подготовке к другим поездкам). Были там студенты-историки Г. М. Прохоров, В. И. Мажуга, филологи Г. В. Маркелов и Д. М. Буланин. Многие из них оказались впоследствии аспирантами и сотрудниками академических институтов. Позднее к нам подключились большие группы студентов-филологов под водительством Н. С. Демковой.

Археографические экспедиции, в которых мне пришлось принимать участие (1963–1972 гг.), оказались важнейшими событиями моей научной жизни. С этих лет возникли мои отношения с Е. И. Дергачевой-Скоп, Е. К. Ромодановской и со многими студентами, с которыми мне довелось работать в полевых условиях.

Моя долгая дружба с Александром Михайловичем Панченко вначале сказалась в формировании моего археографического опыта, а затем повлияла на наше близкое человеческое общение.

Последние наши встречи состоялись в 2000 г., когда я приехал в Петербург для участия в первых Лихачевских чтениях, в больнице, где он тогда лежал; он скончался в мае 2002 г. В моем доме сохранились надписанные им книги, и те, что я получал от него в России, и присланные им в Бостон.

На оттиске статьи, посвященной В. И. Малышеву, А. М. Панченко оставил запись: «в память о нашем покойном друге»¹⁶.

Добрые отношения с Владимиром Ивановичем Малышевым у меня установились едва ли не с первой экспедиции. Я постоянно посещал Древлехранилище Пушкинского Дома. Туда приходили посылки с рукописями, там я мог наблюдать Владимира Ивановича в постоянной работе. Помню, как после одной из первых наших экспедиций мы с А. М. Панченко решили

---

¹⁶ Панченко А. М. В. И. Малышев как археограф // Археографический ежегодник за 1977 год. М.: Наука, 1978. С. 214–218.

«проверить» главного археографа России: мы знали, что книга была подписана в колофоне 1482 годом, но решили это скрыть и просто показать ему новое приобретение; разумеется, Владимир Иванович сразу же определил время создания рукописи вплоть до последней четверти XV в. Многие помнят, как он называл своих коллег-женщин «учеными дамочками» (исключение — «ученые дамы» — было для тех из них, у кого были дети). Как-то я присутствовал в Древлехранилище, когда он писал рекомендательное письмо в Москву, а потом прочитал его вслух присутствовавшей при этом немецкой исследовательнице: «Дорогой Никита Ильич [оно направлялось Н. И. Толстому — А. Г.], ученая дамочка из ФРГ...»

Владимир Иванович оказался почитателем ливийского лидера Муамара Каддафи — не за его политические взгляды, а за то, что он отверг «феминистское» предложение допустить в летчики женщин.

Что же до его собственных воззрений, то я знаю от преподавателя Карело-Финского университета В. М. Морозова, что В. И. Малышев постоянно требовал от своих знакомых в Петрозаводске устроить на работу людей, изгнанных в Ленинграде в пору борьбы с «безродным космополитизмом». Когда в Пушкинском Доме по этой же причине собирались уволить Лидию Михайловну Лотман, исследователя русской литературы XIX века, сестру Ю. М. Лотмана (она тогда то ли уже родила, то ли должна была родить ребенка), он пошел в партбюро и добился, чтобы ее оставили в институте.

У него в доме было два рижских радиоприемника: они были постоянно настроены на вещание «Немецкой волны» и ВВС. Во время «шестидневной войны» он был полностью на стороне Израиля. Владимиру Ивановичу как интеллигенту (в первом поколении), а скорее, как просто нормальному русскому человеку, антисемитизм был чужд и враждебен и вызывал в нем активное неприятие и отвращение.

Не могу сказать, что наши отношения с Владимиром Ивановичем складывались так уж безоблачно. Несмотря на достигнутую договоренность, он очень не любил отдавать попавшие в Древлехранилище старопечатные книги; немалых трудов стоило для меня получить от него привезенную сотрудниками Русского музея из Пинеги первую кириллическую книгу, «Осмогласник» 1491 г., изданный в Кракове Швайпольтом Фиолем. Она оказалась достойным завершением каталога инкунабулов.

Изредка он приходил и в Отдел редких книг и рукописей ЛГУ (сразу после войны он описал на небольших листках бумаги часть собрания наших рукописей; эти записи были сделаны на обороте каких-то ненужных машинописных листов; такую бережливость он сохранил до конца своих дней).

Владимир Иванович никак не подходил по своему внешнему облику на «знаменитого ученого», скорее — на питерского мастерового (такими мне запомнились стекольщики из довоенных времен). Среднего роста, круглоголовый, очень аккуратно одетый в скромный серый костюм, он поражал огромным лбом и глубоко посаженными глазами, скрытыми за стеклами очков. Помню, как сотрудник из дирекции библиотеки стал выговаривать мне, что я провожу такого странного вида человека через служебный ход. Когда я шепнул ему, кто это такой, он был крайне удивлен и разочарован.

Ближе мы сошлись с Владимиром Ивановичем Малышевым в последние годы его жизни. Он вместе с Володей Бударагиным приезжал к нам домой в свои именины, 28 июля; они приносили непременно бутылку «столичной», мы тоже готовили выпивку и закуску; про нас можно было бы сказать, как в более позднем отличном советском фильме: «хорошо сидим». Так продолжалось 7 лет, с 1968 по 1974 год. Летом 1975 г. я уезжал на Украину и обещал Владимиру Ивановичу принести цветы в Киевскую Софию к могиле Митрополита Евгения (Болховитинова), которому, помимо множества других сочинений, принадлежал «Словарь исторический о бывших в России писателях чина Греко-российской церкви». Портрет владыки, в полном церковном облачении, украшал Древлехранилище Пушкинского Дома. В. И. Малышев рассказывал, что кто-то из членов партийного бюро Института Русской литературы потребовал «убрать этого попа» (замечу, что Владимир Иванович состоял в партии со времени войны). Рьяный борец с религией был выставлен из отдела. Я не называю его имени; надеюсь, что после празднования 1000-летия крещения Руси он с радостью вернулся к вере своих предков.

Владимир Иванович ушел на пенсию в положенный ему срок, но это совершенно ничего не изменило в его образе жизни. Пожалуй, он даже стал приходить на работу раньше — может быть, чтобы проверить, как работают его помощники (к тому времени это были В. П. Бударагин и Г. В. Маркелов), но они всегда были на месте.

Как-то я, встретив Владимира Ивановича на лестнице (до этого он жаловался на недомогание) и увидев его подтянутым и во вполне рабочем состоянии (это было за несколько лет до его смерти), сказал отчаянную глупость, вроде того, «что он хорошо выглядит»; он ответил: «Саша, мы и в гробу красивые».

Умер он 2 мая 1976 г. Когда его хоронили, в гробу он вовсе не был красивым. Какая-то мука исказила его лицо.

Прощание состоялось в большом Конференц-зале Пушкинского Дома. Из того, что там говорилось во время «гражданской панихиды» (если и го-

ворилось) я не запомнил ничего. В конце было сказано, что в зале остаются родственники и друзья покойного. Родственников (дальних) не помню, кажется, жили они далеко и приехать не смогли, но остались сотрудники Сектора Древнерусской литературы и некоторые из археографов. В тишине у гроба прочел молитвы старообрядческий священник о. Евгений Бобков. В. И. Малышев был православным и никогда не причислял себя к старообрядцам, но его отношение к ним было доказано всем подвигом его жизни. Отпевания в церкви, как я помню, не было. Похоронили его на Серафимовском кладбище, в месте, где нашли упокоение его сестра и мачеха, взявшая на себя заботу о детях (обе они жили в квартире Владимира Ивановича). На девятый день в старообрядческой часовне в селе Рыбацком (дальнем пригороде Ленинграда) состоялась посвященная ему служба, пел небольшой, но слаженный хор. Помню, как его друзья и ученики говорили, что только после этого у них как-то отлегло от сердца и тяжесть перенесенной утраты сменилась смирением.

За Дрвলেখранилищем Пушкинского Дома сразу же закрепилось имя В. И. Малышева (хотя официально это произошло несколько лет спустя). Его продолжали пополнять рукописями, привезенными из археографических экспедиций, поступали книги, но особенно благодаря дарам владельцев рукописных собраний. Еще при жизни В. И. Малышева в Дрвলেখранилище над витринами выставки новых поступлений были устроены стенды с фотографиями владельцев рукописей и археографов. Малышев оставил Пушкинскому Дому созданное им собрание, превышавшее 7 тысяч рукописей; в настоящее время их количество перешло далеко за 10 000. Разумеется, оно не может соперничать с крупнейшими хранилищами России. Но была у него важная особенность: все рукописи, сразу по поступлении, были описаны (обычно этим занимались сами археографы, привезшие их в Пушкинский Дом). Оно оказалось одним из самых востребованных собраний в России: над ним постоянно работали исследователи, начиная со студентов и кончая иностранными специалистами. Я не помню ни одного случая, когда бы В. И. Малышев или его ученики создавали кому-нибудь препятствия для научной работы.

Малышевская археографическая школа, помимо палеографической практики при изучении рукописей XV–XVIII веков (особенно важной для меня при работе с владельческими и иными записями в старопечатных книгах), позволила мне изучить репертуар книг кириллической печати. Не будучи филологом, я в какой-то мере ознакомился с содержанием русской рукописной книги, это дало мне возможность ориентироваться в богатстве древнерусской литературной традиции.

Но главным оказалось иное. Участие в археографических экспедициях под руководством и присмотром главного археографа России позволило мне, насколько это было возможным в полевых условиях, узнать и полюбить крестьян-старообрядцев, не только как «держателей» древнего рукописного наследия, но и как людей, достойных глубочайшего уважения. Разумеется, и об этом говорил в одном из докладов на Малышевских чтениях Александр Михайлович Панченко, мы все равно оставались для них, независимо от национальности, «чужими», людьми иного жизненного опыта и культуры; такие археографы, как В. И. Малышев, А. И. Копанев и Н. Н. Покровский составляли исключение.

Не обо всех таких встречах я сумею рассказать. Но некоторые из них особо запечатлелись в памяти. Моя первая (и единственная) археографическая экспедиция с Владимиром Ивановичем Малышевым состоялась летом 1968 г. Мы со студентом Исторического факультета В. И. Мажугой приехали в Усть-Цильму загодя и успели побывать в доме Василия Игнатьевича Лагеева (прозванного в народе «Васей-мореходкой», то ли из-за его плавания по северным морям, то ли в память о его заточении на Соловецких островах). Я превосходно знал этот дом и его хозяина, старообрядческого наставника, «митрополита всея Усть-Цильмы», как любил в шутку величать его В. И. Малышев. Он всегда на это отвечал: «Ты не зови меня, Владимир Иванович, митрополитом, а зови меня отцом духовным». Участники экспедиций получали от него рукописи и старопечатные книги XVI–XVII вв.

Я знал, что В. И. Малышев никогда не приходил в этот и в другие дома своих старых, с 1930-х годов, друзей, без серьезных подарков (в те времена это могла быть и дефицитная клеенка и другие городские товары, и лекарства, полученные в Ленинграде; он встречался со светилами медицинской науки, чтобы ознакомить их с диагнозом и узнать, какой курс лечения может помочь старому человеку). Побывавший за год до этого в Усть-Цильме мой друг кинематографист Я. Л. Бутовский сфотографировал В. И. Лагеева (в 1969 г. его портрет был напечатан в «Каталоге книг кириллической печати»), и взял у него две маленькие фотографии его и жены, чтобы увеличить их и прислать с нами в этот наш приезд.

О себе Василий Игнатьевич рассказывал немного, но мы знали, что пришлось ему побывать в ГУЛАГе, и что в последние годы местное начальство потребовало от него прекратить наставническую деятельность (как он говорил, «отказаться от Бога»), а когда он на это решительно не пошел, у него отобрали и в его присутствии разорвали пенсионную книжку.

Владимир Иванович приехал через несколько дней, но не один, а в сопровождении известного писателя, переводчика и журналиста — назовем

его для краткости Ж. Писатель собирал материал для будущей книги об «огнепальном протопопе» Аввакуме.

В первый же день В. И. Малышев побывал у В. И. Лагеева, передал подарки и договорился, что мы придем к нему вечером на следующий день. Обедать мы пошли в здешнюю столовую, Владимир Иванович потребовал от официанток водки, они отвечали, что вроде как не положено до какого-то часа, он рассмеялся, и бутылка появилась на столе.

Следующий день был посвящен предстоящему визиту. Владимир Иванович тщательно и долго мылся у рукомойника, брился, чистил ботинки, надел отглаженную рубашку. У дома Василия Игнатьевича нас встретила бывшая жена другого известного наставника Сидора Ниловича Антонова, недавно отставленная им (старообрядцы были не только «беспоповцами», но и «безбрачниками», и разводы у них случались, хотя и не чаще, чем у безбожников). Она сокрушалась: «Он мне говорит, что у меня телосложения не та. А я говорю, что ж тебе раньше-то моя телосложения годилась, а ныне нет». В. И. Малышев отнесся к ее печалям с должным вниманием и обещал поговорить с виновником семейного разрыва. В деревню Скитскую, где жил С. Н. Антонов мы попали несколько дней спустя. В Скитской произошло одно из самых известных старообрядческих самосожжений (1744 г.). Странным образом, неподалеку от бывшего скита на столбе была прибита надпись: «Граждане! Лес наше богатство. Берегите лес от пожаров!» (фотография этого призыва сохранилась у меня).

Однако разговора с С. Н. Антоновым, охотником и хранителем старых книг, у которого мы собирались остановиться, не получилось. Владимир Иванович оставил нас на дороге, а сам пошел в хорошо знакомый ему дом. Но там его встретила новая жена наставника, с которым так и не удалось объясниться, была она пьяная и размахивала топором. Через несколько минут В. И. Малышев, махнув рукой, вышел из дома, и мы отправились к другому его давнему другу, где нас приняли с полным радушием.

После небольшой беседы с бывшей женой С. Н. Антонова мы вошли в дом «митрополита всея Усть-Цильмы». Было нас четверо — В. И. Малышев, Ж., студент В. И. Мажуга и я. В доме нас встретили несколько гостей. Мы устроились за столом, пошли разговоры о жизни и о разных новостях (Владимир Иванович несколько лет не бывал в Усть-Цильме). Появилась водка (или разбавленный спирт, который в тех краях продавался в сельских магазинах), пироги, рыба и иная закуска, все шло своим чередом. Я сидел рядом с Василием Игнатьевичем, тут же был студент Владимир Иванович Мажуга, напротив нас — В. И. Малышев и Ж.

И вдруг (к тому не было особых причин, разговор был крайне далек не только от политики, но и от здешних начальственных дел) Василий Игнатьевич наклонился ко мне и вполголоса сказал: «Тебя я знаю, этого молодого человека — тоже знаю (В. И. Мажуга был в Усть-Цильме в прошлом году — А. Г.), Владимира Ивановича знаю давно, а вот этого — нет, не знаю», с оттенком явного неодобрения. Я попытался объяснить, что «дескать, Владимир Иванович худого человека не приведет». Но старик не унимался: «Вот мы с тобой тут говорим, а у него машинка всё пишет». Сперва я не понял, о чем идет речь, но выяснилось, что В. И. Лагеев имеет в виду какое-то записывающее устройство. Вероятно, слухи о развитии подобной прослушивающей и записывающей техники дошли и до северных деревень.

Я удивился этой подозрительности, но поначалу не придавал ей большого значения и отнес ее к лагерному опыту моего собеседника. Однако это беспокойство при взгляде на неизвестного гостя надолго запомнилось мне, а потом получило и дальнейшее подтверждение.

Ж. пробыл с нами еще несколько дней, ходил с В. И. Малышевым по избам. А потом, интересуясь судьбой Аввакума, отправился на Пустозеро. В его планах было написать о нем книгу и он хотел побывать на месте сожжения мятежного протопопы. В дальнейшем он опубликовал жизнеописание Аввакума Петровича.

Я видел, как Ж. со вниманием читает незадолго до этого вышедшую в Минске книгу И. Бегуна; я хорошо ее знал, в библиотеке я просматривал ее на выставке новых поступлений (у меня с детства сохранилась способность узнавать книги по внешнему виду и по обложке). Формально сочинение было посвящено критике «сионизма», но на самом деле это был антисемитский памфлет, где агентами сионистов оказались и Парижский архиепископ А. Ж. М. Люстижер (спрятанный в детстве от нацистов в монастыре, он перешел из иудаизма в католичество, а много позже стал кардиналом), и канцлер ФРГ Вилли Брандт, принесший цветы к памятнику героям восстания Варшавского гетто, и Марк Шагал, расписавший церковь во Франции и плафон Парижской Оперы, и Английская королева Елизавета II. Позднее Ж. с женой приехал в Ленинград и остановился в доме Владимира Ивановича. Его небольшая двухкомнатная квартира часто служила прибежищем для многих приезжих. Но тут оказалось, что жена журналиста, обнаружив на кухне у Владимира Ивановича полное, с ее точки зрения, безобразие, решила навести там порядок, выбросить пакеты с крупами, давно отслужившими свой срок, забыв, или, вернее не зная старую заповедь северных крестьян, которую нам приходилось не раз услышать: «Будь как дома, а в кладовку — не лезь».

Вернувшись домой, Владимир Иванович пришел в ярость и, недолго думая, выгнал гостей. Так я сам от него слышал. По правде говоря, мне этот приговор из-за такого, вроде бы мелкого «кухонного» самоуправства, показался чересчур суровым, хотя и был вполне понятен в связи с нарушением правил частной жизни. Некоторое время спустя я узнал от Якова Соломоновича Лурье иную версию происшедшего в квартире В. И. Малышева: по его словам, «пока *мадам* наводила порядок на кухне, *месье* заинтересовался содержимым письменного стола». Как известно (и В. И. Малышев никогда этого не скрывал), он переписывался с писателями эмигрантами (А. М. Ремизов постоянно присылал ему свои книги, которые он передавал в Рукописный отдел Пушкинского Дома); в русских газетах во Франции и в Польше публиковались сообщения об археографических находках.

В 1977 г., когда в Пушкинском Доме проходили первые Малышевские чтения, туда приехал и Ж. Во время перекура я спросил о его недавно изданной книге о Козьме Пруткове¹⁷, где, говоря об откупщиках, обогатившихся во время Крымской войны, он упомянул и фамилию *Горфункель*. Я знал список откупщиков по известной книге И. Г. Прыжова¹⁸. Не то чтобы меня смутило наличие однофамильца в столь недостойном обществе — в конце концов и среди однофамильцев Ж. значились не одни порядочные люди. Я интересовался, откуда взялись эти сведения, Он ответил что-то невразумительное и обещал прислать найденные им документы, но я их так и не дождался.

Ж. попросил В. П. Бударagina дать ему слово в выступлениях, но тот никак не внял этой просьбе, имея в виду отношение к оратору самого Владимира Ивановича. В дальнейшем Ж. написал книгу о Владимире Ивановиче Малышеве. Было в ней и несомненное восхищение необычным человеком, но, к сожалению, перемешанное со всевозможными сплетнями и разбавленное рассуждениями об известной фальшивке, так называемой «*Влесовой книге*»¹⁹.

У этой истории оказался и эпилог. В 2003 г. вышла книга С. Н. Семанова о Ю. Андропове. Там было сказано о писателе Ж., как об авторе многочисленных сочинений на самые разнообразные темы, от исторических повестей до пылких статей с обличением «международного сионизма», где «кознями сионистов объявлялись и выстрел Каплан в Ленина, и мятеж в Венгрии, и убийство президента Кеннеди, и все, что могло попасть под его не слишком

---

¹⁷ Жуков Д. А. Козьма Прутков и его друзья. М.: Современник, 1976. С. 215.

¹⁸ Прыжов И. Г. История кабаков в России. СПб.: М.: М. О. Вольф, 1868. С. 294.

¹⁹ Последнее издание: Жуков Д. А. Избр. произведения. В двух томах. М.: Современник, 1987.

требовательную руку». Надо заметить, что и работа С. Н. Семанова отличается сходными чертами и оголтелым нескрываемым антисемитизмом. Автор книги об Андропове прямо говорит о Ж.: «его связь со спецслужбами даже не очень скрывалась»²⁰. Чутье старого зека Василия Игнатьевича Лагеева его не подвело.

Особо запомнились мне отношения В. И. Малышева с Иваном Никифоровичем Заволоко, известным старообрядцем и историком старообрядчества. Когда Владимир Иванович оказался в 1945 г. в Риге, он узнал, что И. Н. Заволоко находится в лагере. Владимир Иванович сумел собрать для него две большие продуктовые посылки. Как потом рассказывал заключенный, их содержимым кормился весь барак.

В Древлехранилище И. Н. Заволоко был представлен фотографией и большим книжным собранием (более 330 рукописей, которые он безвозмездно передавал Пушкинскому Дому). Бесценным событием явилась передача кодекса, полученного им от прихожанки: это были автографы жития Аввакума и Епифания, включавшие и рисунок Аввакума. Иван Никифорович передал его в дар. В. И. Малышев пытался оплатить подарок, но безуспешно. Впоследствии текст житий был издан при участии В. И. Малышева и других специалистов по изучению творчества Аввакума (кстати, достаточно редкий, но обычный для Владимира Ивановича случай, когда исследователь «поделится» попавшим ему в руки открытием со своими коллегами).

В 1971 г. В. И. Малышев отправил на Северную Двину Агнии Федоровне Богдановой «Старообрядческий календарь», издаваемый И. Н. Заволокой; посылка вернулась из-за кончины адресата. Вскоре в деревню Борок-Скобели поехала Лидия Ивановна Сазонова (В. П. Бударагин, только что демобилизованный из армии, не мог поехать из-за отсутствия в это время паспорта). Она попала туда на 40-й день и вернулась со сведениями о богатейшем собрании, насчитывающем более 450 рукописей и печатных книг. Ей удалось договориться с наследницей о передаче его в Пушкинский Дом.

Владимир Иванович связался с сестрой А. Ф. Богдановой, Пелагеей Федоровной Малковой, жившей в Черновицах, и договорился, что оплатит ее поездку на Северную Двину. Одновременно туда были направлены В. П. Бударагин и я. Это была, пожалуй, одна из самых замечательных по результа-

²⁰ Семанов С. Н. Юрий Андропов. М.: Алгоритм ЭКСМО. 2003. С. 169. Об аналогичных связях самого С. Н. Семанова знали сотрудники Ленинградского отделения Института Истории. После возвращения Семанова из туристской поездки во Францию, где он был руководителем группы, А. А. Фурсенко (будущий академик) прямо спросил его: «Работаешь, значит? Ну молодец!»

там экспедиций. Мы получили огромное количество книг и рукописей. Они были помещены в одиннадцать больших ящиков, обитых железными лентами. Отправлять их по почте было невозможно, и чтобы отвезти их в местный аэропорт (небольшую посадочную площадку в поле) мы наняли подводу. По дороге возчик попросил нас забежать через поле в сельмаг и принести ему бутылку «бормотухи» — это был знаменитый тогда на весь СССР «Солнцедар». Про него говорили, что этим вином заполняли где-то в Северной Африке сухогрузы, привозившие туда не то солярку, не то нефть; кажется, ничего более омерзительного я не пробовал.

То, что мы отправили в Ленинград — была библиотека, собранная местными старообрядцами, Василием Матвеевичем Амосовым и его предками, происходившими из новгородских бояр, из знаменитого на Северной Двине рода, и его сестрой Палладией Матвеевной, а потом и их наследницей А. Ф. Богдановой. Помимо рукописей были там и печатные книги, начиная с XVI–XVII вв. и вплоть до научного издания Макарьевских Четых Миней, которые пополнили подручную библиотеку Древлехранилища. Отчеты об этой экспедиции опубликованы.

Но об одной находке стоит сказать отдельно. Уже ближе к концу нашей работы хозяйка зашла в светелку большого дома и под слоем пыли давно не убиравшейся комнаты нашла небольшую тетрадку в восьмую долю листа. В. П. Бударрагин поблагодарил за это добавление к собранным книгам и положил рукопись в карман. Наглядка его была к этому времени такова, что он сразу же определил руку Епифания: тетрадь содержала неизвестный автограф его жития. Ее он не доверил ни почте, ни авиации, так и привез с собой (впоследствии это сочинение было им опубликовано в первом выпуске ежегодника «Памятники культуры: Новые открытия: 1974». М., 1975).

Во время одной из экспедиций на Пинегу (мы были там с Г. В. Маркеловым) хозяйка вынесла нам книгу XVII в., не помню, то ли Пролог, то ли Минею служебную, но прежде чем передать нам, решила проверить, умеем ли мы читать по церковно-славянски. К этому времени я уже неплохо знал содержание служебных и четых книг и читал их вполне грамотно. Я прочитал одну-две страницы книги, и тут она всплеснула руками: «Ой, да ты, верно, поп. Окрестил бы ты моего Митьку, он у меня который год некрещеный ходит». Я знал, что в крайнем случае, в отсутствии священника, православный человек мог крестить ребенка, но я-то был по происхождению евреем, по взглядам — атеист, и никак не мог бы себе позволить этого кощунства.

Много позднее, во время одного из Малышевских чтений, когда их участники собрались в Древлехранилище, я вспомнил эту историю.

Оказавшийся там о. Евгений Бобков предложил мне принять от него обряд крещения; я поблагодарил и отказался. Присутствовавший при этом рассказе Д. С. Лихачев запомнил мой рассказ и много лет спустя воспроизвел его в одном из своих выступлений²¹.

С Александром Михайловичем Панченко я побывал в первых трех экспедициях, 1963, 1964 и 1965 гг. Археографическую работу он любил, но это была лишь часть его жизни. И его отношение к хранителям рукописной древности было иным, близкой дружбы с ними у него не было, в постоянной переписке с ними он не состоял, но относился к ним с глубоким и серьезным уважением. Великолепная палеографическая подготовка помогала ему определять время возникновения памятника, а превосходное знание древнерусской литературы позволяло выявлять круг источников, к которому относился даже впервые увиденный текст.

В первую экспедицию мы добирались к верховьям Пинеги, к Верколе — родному селу писателя Федора Александровича Абрамова. В это время над его головой стали собираться тучи, вызванные напечатанным в журнале «Нева» очерком (рассказом) «*Вокруг да около*». Сюжет был простой, но начальство сразу догадалось, что ведет он к сокрушению колхозного строя. Председатель колхоза, получив из райкома партии распоряжение собрать «людей» на срочный сенокос, ходит от дома к дому (вопреки ходячему представлению, все в деревне работают, кто на усадебном участке, кто приводит в порядок дом), но от предложения начальства все решительно отказываются, разве при условии, что он даст для кончающей школу дочери справку для поступления в городское учебное заведение — без этого от колхоза не отпускали, не давали «вольную». Так и не собрав рабочую силу, он заходит в чайную. А утром просыпается, и видит, что деревня опустела, даже больные старики жалуются, что он их не оповестил... И тут только он узнает, что вчера, в подпитии, он пообещал всем, кто пойдет на покос, работать «из четвертого снопа» (замечу, что в вотчине Кирилло-Белозерского монастыря в XVII в. сдавали покосы из «третьего снопа»). А к правлению колхоза подъезжает райкомовская машина...

Рассказ появился в мартовском номере журнала. Сразу началась обычная «проработочная» кампания, были статьи в ленинградских газетах, а в Ар-

---

²¹ Лихачев Д. С. Выступление // Богословие после Освенцима и ГУЛАГа и отношение к евреям и иудаизму в православной церкви большевистской России: Материалы международной научной конференции. Санкт-Петербург, 26–29 июля 1997 г. СПб.: Высшая религиозно-философская школа. 1997. С. 19.

хангельске появилось письмо односельчан (тут же перепечатанное в Ленинграде): *«Куда ты зовешь нас, земляк?»*. Когда мы появились на Пинеге, едва ли не первым вопросом был: *«Ну как там Федор Александрович?»* С Ф. А. Абрамовым был знаком А. М. Панченко, он и рассказывал о нем. Так было — от Карпогор (где мы повидались с сестрой писателя) до Верколы.

В Верколе мы посетили дом одного из прототипов романов Ф. А. Абрамова, звали его Иван Андреевич Бурачкин. Как старообрядческий наставник, он провел немалое время в ГУЛАГе. Было у него и некоторое количество рукописей и старопечатных книг; кое-что он нам передал, но просил никому об этом не говорить — чтобы не осуждали его односельчане. Поэтому в печатном каталоге они глухо обозначены, как поступившие из Пинежского района, без имени дарителя. Зашел с ним и разговор о рассказе веркольского земляка Ф. А. Абрамова: *«Ой, враль Федька, враль»*. Мы спросили: *«А что, не было такого случая у вас?»* — *«Да как не было, все так и было. Но враль Федька: вовсе и не был в ту пору у нас председателем Ананий Егорович, баба была председателем. А случай такой был, как не быть»*. — *«Ну, а письмо в газету?»* — *«Да что письмо: приехал один из Архангельска, собрали в правлении тех, кто из партийных да при должности, они и подписали»*.

Я не помню, как звали (в Кевроле) старика-охотника и известного археографам по прошлым годам книжного знатока; он казался удивительно похожим на И. С. Тургенева и знал об этом: на стене у него висел портрет писателя. У него была книжка заговоров, и он все хотел нам ее показать, но она куда-то запропастилась, он долго и безуспешно ее искал, но ее как не бывало. Он удрученно приговаривал: *«Да вы, ребята, не бойтесь, она себя покажет»*. В тот раз она так и не нашлась, но в следующий наш приезд он ее отыскал и охотно передал в Пушкинский Дом.

Во второй наш приезд мы вынужденно просидели два дня в Карпогорах — из-за проливных дождей никто не решался перевести нас через Пинегу. Только на третий день нас переправили на другой берег реки. С первых встреч мы начали нашу обычную археографическую работу: разговоры о древних книгах. И первое, что мы узнали, что вот некая бабушка, разбираясь с погребом на краю деревни, вытащила три книги. А где они? — Да там и лежат, если ребятки не уташили. Мы припустились к месту, в ужасе представляя, что произошло с книгами. Они нас там ждали, рядом с погребом, на траве. Это были три рукописи, в том числе два больших сборника в четвертую долю листа. Дождь им не повредил, сказались отличные доски переплета, наглухо прикрывавшего рукописный текст. Первый сборник (конца XVI — начала XVII вв.),

включавший Жития святых, Слова и поучения Иоанна Златоуста, Повесть о Темир-Аксаке и другие памятники древнерусской литературы, сохранил запись: «*Еще молимся о еже сохранитися царствующему граду Москве, и граду нашему, и веси сей*», сделанную, несомненно, в Смутное время. Второй (конца XVII — начала XVIII вв.) сохранил Послание Максима Грека царю Василию Ивановичу, Первое послание князя Андрея Курбского Ивану Грозному, Первое послание Ивана Грозного Андрею Курбскому, Послание Андрея Курбского старцу Вассиану и его записку в Печерский монастырь, Окружное послание Афанасия Холмогорского 1696 г., Хождение игумена Даниила. Многие из этих текстов были вскоре использованы исследователями. Третья рукопись, в лист, оказалась списком с печатного издания Уложения царя Алексея Михайловича 1649 г., он был переписан в Кеврольской воеводской избе в 1703 г., с приложением более поздних царских указов. Она была без переплета и намокла; в последующие экспедиционные дни ее удалось высушить, а по приезде в Ленинград передать реставраторам.

Несколько дней мы осаждали избу Анны Семеновны Порохиной в Карпогорах. Сперва даже увидеться с ней не удавалось; едва узнав о нашем приезде — а сарафанное радио работало безупречно, в каждой деревне нас ждали — она скрывалась у родственников. Сведения о ее книгах мы получили заранее, возможно, от Владимира Ивановича или от соседей. В другой раз нам удалось выманить ее на крыльцо. Чуть не вся деревня собралась у ее северного дома со взвозом, где когда-то жила большая семья, а теперь оставалась она одна (сказались годы коллективизации, ГУЛАГа и Отечественной войны). Ее уговаривали: «*Да покажи ты им книги, ведь откуда приехали мужики!*». В конце концов она вынесла нам на просмотр две книги старообрядческих типографий XVIII в. Александр Михайлович читал книгу вслух, по-славянски, чем вызвал немалое восхищение окружающих. Он сумел получить служившую закладкой в книге небольшую рукопись, «Повесть о происхождении вина и табака». Других книг мы даже и не повидали, а в одной из следующих экспедиций А. С. Порохина сказала, что все свои книги переправила родственникам на Урал. Как оказалось, участники экспедиций 1980-х годов оказались более удачливыми.

Помню, как страшным приговором для археографов послужил ответ одного из стариков: «*Да мы все отдали*» — как отдавали коров, коней и сельскую технику в колхоз, как отдавали государству в уплату неслыханных поборов яйца и то, что выращивали на приусадебных участках.

Университетское собрание редких книг уже к 1969 г. увеличилось вдвое; среди находок были крайне редкие издания XVI–XVII вв., в том числе и книги, неизвестные в библиографии. Они были отражены в каталоге. К сожалению, в ряде случаев я не всегда сумел точно определить некоторые издания; эти ошибки были исправлены в дальнейшем Андреем Владимировичем Вознесенским. Недостатком каталога было и отсутствие в нем шифров описанных книг²².

Пополнение нашего собрания было продолжено и в последующие годы — в моих экспедициях 1970–1972 гг., а затем в работах моих продолжателей по археографической работе. Поначалу мы обращали преимущественное внимание на книги допетровского времени, но затем поняли необходимость собирать книги более поздних лет издания, сперва — старообрядческих типографий, а затем и изданий синодальной печати XVIII в. Однако их специальное изучение было предпринято многие годы спустя в работах А. В. Вознесенского и в каталоге Алексея Александровича Савельева.

Согласно старообрядческим правилам иконы и богослужебные книги нельзя было продавать. Как сказано у Н. С. Лескова: «Один мне икону променял за сорок рублей»²³. Между тем Д. М. Буланин (участник более 10 археографических экспедиций) ополчился на практику археографов: «находки, в лучшем случае приобретались за бесценок, а чаще их получали в качестве дара», древние книги поступали «для науки» (над чем он особо иронизирует) — в собрание Пушкинского Дома и в Библиотеку Ленинградского университета²⁴.

Но часто книги валялись на траве, не имели хозяина; одно украинское издание XVII в. оказалось на доске, прикрывшей бочку с дождевой водой. Никогда не забуду большую икону «Страшного Суда», замызганная, она закрывала вход в часовню, превращенную в закуток для свиней; мы только могли сообщить об этом в музей. В то же время мы видели иконы и «небеса» из разоренных церквей, которые крестьянки сумели укрыть от уничтожения на поветях; надеюсь, они дождались своего часа.

---

²² Каталог книг кирилловской печати 16–17 веков [из Библиотеки Ленинградского университета] / Сост. А. Х. Горфункель. Л.: Изд-во ЛГУ, 1969.

²³ Лесков Н. С. Собр. соч. В 11-ти томах. М.: Гос. изд-во худ. литературы, 1957. Т. 4. С. 356 («Запечатленный ангел»).

²⁴ Буланин Д. М. Эпилог к истории русской интеллигенции: Три юбилея. СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 2005. С. 140–142.

Что и говорить, многое мы действительно получали в дар от владельцев. Председатель Ленинградской Археографической комиссии — Александр Ильич Копанев, превосходный историк, выходец из большой крестьянской семьи на Вятке, полагал, что книги вообще не следует покупать, но только получать в дар.

Иные из дарителей книг специально приезжали в Ленинград и приходили в Древлехранилище, чтобы узнать, в каком состоянии находятся переданные ими В. И. Малышеву рукописи.

Деньги, выдаваемые участникам экспедиций для приобретения книг, были ничтожны, как правило, мы их не экономили (с горечью припоминаю случай, когда я, по неопытности и неумению, предложил старику совсем уж жалкую сумму, после чего пришлось уйти не солоно хлебавши; в следующий приезд я постарался исправить положение, и книгу получил). И все-таки мы действовали в рамках предоставленных нам возможностей. Напомню, что в те времена колхозники не получали никакой пенсии, когда же она, в конце 60-х годов, была им выдана (12 рублей в месяц), старушки радовались: теперь они могли позволить себе купить в сельмаге чай и сахар.

Не сразу, но примерно с конца 70-х — начала 80-х годов вслед за археографами потянулись на Север откровенные хищники. К сожалению, они не подняли цены на книги, а чаще всего просто грабили крестьян. До тех пор в деревенских избах не было замков, хозяйка просто прикрывала дверь палкой, что означало, что она вышла из дома. Теперь появились и неведомые прежде запоры, но они мало помогали: злоумышленники пробирались в дома и воровали книги, прялки, иконы... (часто это бывало и в присутствии владельцев!).

Боюсь, что эти культурные сокровища так и не дождалось предполагаемых Д. М. Буланиным времен, когда потомки хранителей древней старины могли бы продать их за пристойную цену. Станным образом в книге, посвященной судьбе русской интеллигенции, Д. М. Буланин не видит «оснований осуждать скромный “Geschaefft” архивариуса», не названного по имени, который продавал на барахолке украденные архивные документы, так как «ему не на что было содержать семью». При этом он ссылается на государство, расточившее культурные и научные ценности в сталинские (а возможно, и в нынешние) годы.

Замечу, что в те же самые бесславные времена сотрудники института, основанного Н. И. Вавиловым, не тронули (во время Ленинградской блокады) собранную им коллекцию семян. Автор ссылается на пример властей: они

«откровенно выражают свое презрение к науке, к той в том числе, которая занимается тетрадами старушки (и которая называется палеославикой) [как будто в 30-е — 80-е годы прошлого века дело обстояло иначе? — А. Г.]. <...> Руки будущего архивариуса <...> дойдут и до тетрадок»²⁵.

Три работы, опубликованные в сборнике Д. М. Буланина, посвящены судьбе русской интеллигенции. В действительности, только одна из них посвящена трудам О. В. Творогова (который после смерти Д. С. Лихачева стал заведовать Отделом Древнерусской литературы в Пушкинском Доме). Странное впечатление производит третья статья, касающаяся двенадцатилетия издательства «ДБ», которое носит имя автора книги. Наряду с некоторыми дельными соображениями в ней сквозит ностальгия по «советскому прошлому», хотя в нем не нашлось бы и места для возникновения частного издательства. Зато он горюет по поводу того, что в те «застойные» времена «немыслимо было, чтобы в издательстве приняли к печати книгу человека, пришедшего с улицы» <...> «в “Советском писателе”, например, печатались почти исключительно члены Союза писателей, в “Науке” — сотрудники Академии наук»²⁶. Эта благостная картина означала, что доступ к печатному станку не имели многие вполне достойные авторы, которых годами не принимали в члены творческого союза. Что же касается издательства «Наука», то кандидатская диссертация моего друга В. И. Райцеса о восстании в Ажене в 1514 г. была рекомендована к печати Ученым советом Ленинградского отделения Института истории; но несмотря на усилия автора и рекомендовавших ее ученых, она так и пролежала в столе 25 лет. Диссертант не был сотрудником Академии наук, а для научно-популярной серии (где порой печатались сотрудники «со стороны») она не годилась, как слишком ученый труд. Лишь благодаря финансовой поддержке его французских коллег она уже в «перестроечную» пору была опубликована в частном издательстве, названном по имени Д. М. Буланина²⁷.

Но «первый юбилей», собственно и давший название подзаголовку книги, был посвящен Д. М. Буланиным Дмитрию Сергеевичу Лихачеву. Это была статья, опубликованная к 90-летию академика в журнале «Русская литература» в 1997 г. Признаюсь, что, когда я первый раз прочитал эту ста-

---

²⁵ Там же. С. 145, 148.

²⁶ Там же. С. 151–152.

²⁷ *Райцес В. И.* Аженская коммуна в 1514 году: Малоизвестная глава из истории средневекового города. (По материалам муниципального архива). СПб.: Дмитрий Буланин, 1994.

тью, я отнесся к ней без восторга, но и принял ее довольно спокойно: вот, дескать, есть и такое мнение.

Но позднее, когда я сделал копию статьи и возражений самого юбиляра и Б. Ф. Егорова, она мне не показалась столь уж безобидной. Не говоря о разоблачительном пафосе статьи Д. М. Буланина, явно не подходящем для самого события, автор свел деятельность Д. С. Лихачева (особенно в последние годы жизни) к «проповеди». Автор «юбилейной статьи» забыл о прежних академических заслугах юбиляра. Даже если бы это было правдой, вряд ли было уместно напоминать 90-летнему ученому, что он в последние годы был заинтересован работой, связанной с развитием культуры: исследователь давно уже перешагнул тот возраст, который дается человеку для издания его научных трудов.

Именно против этого был направлен по существу ответ академика: смысл его работы относился прежде всего не к словам, а к поступкам. Его забота о сохранении памятников культуры, об издании при его активном участии важнейших произведений литературы, которые без его поддержки вряд ли было бы возможно опубликовать, об архивных и библиотечных хранилищах, наконец, о развитии Отдела Древнерусской литературы в Пушкинском Доме (без чего и сам Д. М. Буланин не получил бы возможность заниматься в аспирантуре а затем защитить докторскую диссертацию) — все это требовало прежде всего дел, без которых и вера бывает мертва.

Сперва письмо академика показалось мне слишком резким. Я бы предпочел, чтобы за него вступился кто-нибудь другой. Но вскоре я узнал, что попытка Бориса Федоровича Егорова опубликовать свой ответ в журнале «Русская литература» была отклонена редакцией и он вынужден был напечатать ее в другом месте²⁸.

С начала 1960-х годов я был близко связан с Сектором Древнерусской литературы. Я стал постоянно посещать заседания. Со временем изредка выступал при обсуждении некоторых докладов (там, где к месту было мое знание западноевропейского Средневековья), потом, после первого доклада о Белобочком, стал представлять и собственные работы, касающиеся истории европейского книгопечатания и связей со средневековой и возрожденческой культурой.

Эти заседания стали серьезной школой, позволявшей изучать общие для европейской медиевистики источниковедческие проблемы. Там можно было услышать выступления не только сотрудников Пушкинского Дома,

---

²⁸ Буланин Д. М. Эпилог к истории Русской интеллигенции. С. 18–49.

но и докладчиков из Москвы и других городов. Многие из них мне хорошо запомнились, особенно споры между Гелианом Михайловичем Прохоровым и Я. С. Лурье о русских летописях, а в последние годы высказывающегося в прениях известного фольклориста Исидора Геймановича Левина. До сих пор я посылаю свои доклады для включения в программу Лихачевских чтений и других конференций в Петербурге, а когда появляется возможность — выступаю там на конференциях.

В 1970-х — 1980-х годах я писал отзывы для подготовленных к печати «Трудов Отдела Древнерусской литературы». Должен сказать, что мне дважды удалось оградить эти издания от публикации явно недобросовестных работ (одна из них касалась истории русского книгопечатания, вторая — сочинений Юрия Крижанича, где автор проявил полное непонимание латинских текстов). Мои частные замечания тоже оказывались небесполезными для авторов. Изучение новых исследований по древнерусской литературе оказалось отличной школой: я не только ознакомился с содержанием статей, отражавших самый современный уровень науки, но и входил в суть проблем, волновавших специалистов.

Когда журналист и писатель Сергей Львович Львов по поручению «Литературной Газеты» писал статью о Д. С. Лихачеве, я было посоветовал ему рассказать, как Отдел Древнерусской литературы стал центром притяжения культурных сил Ленинграда и страны, но он не решился, опасаясь «начальственной» реакции, и без того с опаской и подозрением приглядывавшейся к деятельности академика. К тому были основания, особенно после выступления Дмитрия Сергеевича в ленинградской газете по поводу «переустройства» Царского Села.

Сотрудники Сектора решили сообщить в стенгазете о его награждении болгарским орденом, но подготовленный ими материал странным образом исчез без ведома редакции. Как писал в своей поэме Ян-Андрей Белобочкий о нравах, творящихся «во Аде»: «*Всяк соседу творит пакость*». Были дела и посерьезнее. Загримированный негодяй ударил Д. С. Лихачева на лестнице (и сломал ему ребра, но не тронул бумажника) в тот момент, когда он отправлялся на заседание, посвященное 150-летию издания «Слова о Полку Игореве». О нападении было сообщено в милицию, однако никаких откликов не последовало. Одна из сотрудниц Сектора сказала об этом своей знакомой: муж ее был каким-то влиятельным милицейским начальником, он удивился и пообещал разобраться, но когда жена спросила его через несколько дней о результатах, он ответил: «Не лезь не в свое дело». Известна и попытка поджога квартиры академика.

В начале 1970-х годов мне пришлось выступить с отзывом о новой книге Д. С. Лихачева²⁹. Было такое странное обыкновение в советских издательствах, в том числе и в «Науке»: всякая работа должна была получать рекомендацию *со стороны*, и кандидат наук оказывался рецензентом академика, как будто без моего одобрения книга не могла выйти в свет. Отметив несомненные достоинства нового сочинения, я оспорил его идею о русском «пред-возрождении»: много лет спустя это послужило оправданием для моего выступления с полемическим докладом на Лихачевских чтениях 2006 г.

Позднее мне пришлось срочно представить отзыв в издательство о новой книге А. М. Панченко. Она была еще в рукописи, кажется, даже не доведена до конца. Содержание ее я знал из статей и из наших разговоров. Рецензию должен был написать сам Александр Михайлович, а я только подписал (в двух экземплярах) три пустые страницы: в верхней части, в середине и в конце — в зависимости от того, какое место займет отзыв. В этом подлоге я честно признаюсь, но не раскаиваюсь: в достоинствах монографии я не сомневался; а после издания книги о них мог судить читатель³⁰.

В 1983 г., во время защиты кандидатской диссертации Дмитрием Михайловичем Буланиным я выступил в качестве неофициального оппонента. В своем отзыве я противопоставил работу диссертанта, сделанную очень серьезно и основательно, тем сочинениям, которые в свое время вызывали гневную отповедь А. С. Пушкина, в частности, в его похвальном отзыве о книге «Словарь о святых»: «В наше время главный недостаток, отзывающийся во всех почти ученых произведениях, есть отсутствие труда»³¹. Присутствующий на заседании А. М. Панченко заметил вполголоса, что по крайней мере половине членов Ученого Совета Пушкинского Дома это высказывание поэта не было известно. Когда после успешной защиты друзья и коллеги диссертанта собрались в помещении Сектора Древнерусской литературы, Дмитрий Сергеевич Лихачев предложил избрать меня «почетным членом Отдела Древнерусской литературы». Это полу-шутейное звание закрепило мое многолетнее дружеское сотрудничество, продолжающееся до сих пор.

В 1991 г. была организована Российская Академия Естественных наук. Она должна была противостоять Академии Наук СССР, как слишком офи-

²⁹ Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X–XVII вв.: Эпохи и стили. Л.: Наука, 1973.

³⁰ Панченко А. М. Русская культура в канун петровских реформ. Л.: Наука, 1984.

³¹ Пушкин А. С. Словарь о святых // Полн. собр. соч. В 10-ти тт. Изд. 3-е. М.: Наука, 1964. Том 7. С. 473.

циальному учреждению. В этой академии не платили жалования, напротив, академики и члены-корреспонденты должны были вносить членские взносы. Туда были избраны все русские лауреаты Нобелевской премии, проживающие за рубежом, от Ильи Пригожина и Александра Солженицына до Иосифа Бродского. Предполагалось, что она не будет избирать в качестве почетных членов лиц, занимающих государственные посты (это похвальное намерение впоследствии было забыто).

Один из членов академии сообщил мне, что Д. С. Лихачев рекомендовал избрать меня. Как я выяснил, для этого не надо было предпринимать никаких особых шагов: я должен был представить необходимые документы, сообщить о моих научных работах; главное, не требовалось никакого одобрения начальства (в таком случае я бы просто отказался от этой чести). 18 мая 1992 г. я был избран членом-корреспондентом Академии Естественных наук Российской Федерации по специальности «Российская энциклопедия» (это был приют для гуманитарных членов Академии Естественных наук).

Не могу не отметить, что в отличие от многих моих коллег из Москвы и Ленинграда я никогда не находился в дружеских отношениях с Д. С. Лихачевым. Я не бывал у него дома. Мы встречались только на заседаниях Отдела, в Древлехранилище, во время Ученых Советов и конференций. Мне никогда не приходилось говорить с ним о моих домашних делах, а позднее о моем предполагаемом отъезде по семейным обстоятельствам на «постоянное место жительства» в США.

После приезда в Бостон я продолжал получать к каждому Новому Году поздравления с изображениями Пушкинского Дома, подписанные многими сотрудниками Отдела (до 1998 г. и Д. С. Лихачевым); переписывался с теми из них, с кем у меня сохранились дружеские связи. Поступив в Русский центр при Гарвардском университете я продолжал публиковать материалы, связанные с жизнью и творчеством Яна-Андрея Белобоцкого, посылал в Россию доклады и сообщения для Малышевских чтений и для Трудов Отдела Древнерусской литературы.

К 90-летию Дмитрия Сергеевича я опубликовал в газете «Бостонский Курьер» приветственное поздравление. Я не стал там перечислять ученые заслуги юбиляра. Мне хотелось обратить внимание на деятельность Д. С. Лихачева, направленную на защиту культуры, «русской культуры прежде всего, и вместе с тем русской культуры как неотъемлемой части мирового культурного движения». Я писал далее: «Вы защищали культуру не только выступая против дикого уничтожения архитектурных ансамблей и памятников, упорно добиваясь действенной охраны книжных и рукопис-

ных сокровищ российских библиотек. Вы отстаивали достоинство науки против воинствующего невежества, честь русской культуры против узколобного национализма, враждебного собственной национальной культуре. Вы защищали людей, подвергавшихся гонениям: я помню Ваше мужественное выступление в поддержку Бориса Александровича Романова во время его юбилея в недоброй памяти 1949 году»³². Номер газеты я послал в Пушкинский Дом, надеюсь, он дошел до адресата и не потерялся в неисчислимом потоке других приветствий.

Д. С. Лихачев вспомнил обо мне в 1994 г. Тогда в США приехал профессор Борис Федорович Егоров, редактор серии «Литературные Памятники»; мы были знакомы с ним, иногда дарили друг другу свои новые публикации. Он выступал в Бостонском Колледже с докладом о переписке с Юрием Михайловичем Лотманом (впоследствии эта корреспонденция была издана). После доклада он подошел ко мне и спросил, не может ли он как-то помочь мне. Оказалось, что перед отъездом из Петербурга он позвонил Д. С. Лихачеву, чтобы узнать, нет ли у него каких-нибудь поручений в США. Тот ответил, что нет, но вот сейчас в Америке находится Александр Хаимович Горфункель, и если можете, посодействуйте ему. От помощи я отказался — как раз в это время я представлял документы для поступления в Русский Центр при Гарвардском университете (мне посоветовала сделать это М. Гланц, сама работавшая там; оказалось, что мои работы знает профессор Исторического факультета в Гарварде Э. Кинан).

Таков был прощальный дружеский привет от Дмитрия Сергеевича, он не мог не порадовать...

Уже в Бостоне судьба свела меня, во время одного из эмигрантских застолий, с инженером, который случайно оказался в одном ряду в самолете с Д. С. Лихачевым. Речь зашла у них о евреях. Дмитрий Сергеевич обратил внимание на некоторое важное обстоятельство (мне казалось, что он имел в виду таких своих коллег, как Я. С. Лурье и И. Г. Левин, чьи выступления на заседаниях Отдела Древнерусской литературы часто бывали причиной ожесточенных споров): ему представлялось, что им было свойственно подвергать сомнению многие устоявшиеся системы и понятия.

Случайный сосед Д. С. Лихачева, весьма далекий от гуманитарных занятий, счел необходимым обратить его внимание на многовековую (тысячелетнюю) традицию еврейского образования, опиравшегося на изучение Торы

³² Горфункель А. Х. Академику Дмитрию Сергеевичу Лихачеву // Бостонский Курьер. № 75. 1–25 ноября 1996 г.

с ее многозначительными толкованиями, с неизбежными обсуждениями и спорами. Кажется, он, во всяком случае, если не переубедил, то поставил перед своим собеседником достаточно серьезные вопросы. Эти сведения мне казалось полезным учесть в моих воспоминаниях о Д. С. Лихачеве.

Разумеется, мои занятия жизнью и творчеством Яна-Андрея Белобоцкого, участие в археографических экспедициях и сотрудничество с Отделом Древнерусской литературы никак не позволили мне стать *филологом*. Я лишь в какой-то мере прикоснулся к этой области знания. Но они, как и исследование монастырского и крестьянского хозяйства Кирилло-Белозерского монастыря и изучение русской старопечатной книги, оказались полезной школой для моего становления как историка. Они позволили расширить — и не только географически — круг моих представлений о развитии средневекового общества: и в аграрной истории, и в изучении общеевропейского духовного наследия.

Главным предметом моих научных занятий оставалось изучение философии Средневековья и Возрождения и связанное с этим исследование европейской старопечатной книги: там впервые были опубликованы произведения античных, средневековых и ренессансных авторов.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Главным предметом моих занятий оставалась история итальянской философии. После перехода в Научную библиотеку Ленинградского университета она удачно соединилась с изучением европейской старопечатной книги от инкунабулов и палеотипов до начала XVII века: за эти два столетия были опубликованы главнейшие произведения античной, средневековой и ренессансной философской и религиозной мысли. Многие из них не перепечатывались в последующие столетия, а если и имеют новые научные публикации, то все равно представляют интерес для исследователя, так как именно в изданиях XV–XVII вв. они были доступны читателям того времени.

После двух изданий книги о Джордано Бруно я опубликовал в 1976 г. перевод отрывка из его трактата «Светильник тридцати статуй». Этот текст до тех пор не привлекал внимания русских и зарубежных исследователей: его относили к числу мнемотехнических и люллианских сочинений, хотя для открытия глубинных пластов философии Ноланца его следовало учесть (Николаев, 88).

Затем был напечатан мой доклад о сонетах Дж. Бруно, сделанный на конференции в Тбилиси (Николаев, 129). Меня пригласили туда Вадим Эразмович Вацура и организатор конференции, преподаватель русской литературы Тбилисского университета Константин Сергеевич Герасимов, с которым мы переписывались по интересовавшим его проблемам (помню, что я пересылал ему некоторые статьи из «Краткой литературной энциклопедии» 1923 г.).

В своей работе я попытался раскрыть связи между сонетами, предпосланными комедии «Подсвечник» и к диалогам, и их философским содержанием. Одни из них прямо раскрывали проблемы коперниканства и инфинитистской космологии, другие, часто непристойные по лексике, играли роль сторожевой собаки (*perro*, по принятому в неаполитанском диалекте испанскому слову), охранявшей его книги от злонамеренных покушений.

На конференции, помимо обязательных и грандиозных банкетов в гостинице «Иверия» и в окрестных местах, мне удалось хотя бы кратко ознакомиться с некоторыми достопримечательностями грузинской столицы, и это только раззадорило мой интерес; в следующем году мы с женой отправились в отпуск в Тбилиси.

Нас пригласил К. С. Герасимов. Знакомство с ним оказалось одним из главных приобретений этих лет. Он был потомком участника декабристского движения, сосланного на Кавказ. Константин Сергеевич полюбил народ, с которым ему довелось жить. По-русски он говорил превосходно, но с очевидными грузинскими интонациями. Он рассказывал, что его родственница, актриса одного из московских театров, когда он впервые появился у нее дома и сказал: «Здравствуйте, тетя!», только всплеснула руками: что за выговор...

Как всегда, я первым делом заинтересовался его огромной библиотекой, особенно собранными в ней произведениями петербургских, московских и тбилисских поэтов «Серебряного века». Мы поклонились могиле А. С. Грибоедова с памятной надписью Нины Чавчавадзе, посетили грузинские храмы. А вечера были заполнены стихами.

К Константину Сергеевичу приходил его близкий друг Миша (Михаил Евсеевич) Джанашвили, тоже знающий множество стихов, в том числе и грузинских — так мы впервые услышали грузинские стихи в оригинале. Миша был потомком грузинских евреев, появившихся в Тбилиси в незапамятные времена, прямо из Иерусалима. Он водил нас в местную синагогу и объяснял, что служба в ней сохранилась в том виде, как была она во времена Иисуса Христа — в отличие от другой, «ашкеназской» синагоги, с пением канторов. Он с гордостью сообщил нам о своем друге, Борисе Гапонове, который перевел на иврит поэму Шота Руставели. Она получила одобрительные отзывы писателей и ученых в России и в Грузии, была напечатана в Тель-Авиве и получила литературную премию в Израиле.

Константин Сергеевич как-то рассказывал нам, что однажды, гуляя по ночному Тбилиси со своими друзьями из Германии — у него там было немало коллег — позвонил в 2 часа ночи своему другу Нодару Левановичу Поракашвили (заместителю декана Филологического факультета), явно разбудив его: «Нодар, что ты сейчас делаешь?». Тот, не задумываясь, ответил: «Жду вас!» — и они отправились к нему в дом. Что-то подобное произошло и с нами: мы тоже бродили по городу и заявили к Нодару (без звонка, время было позднее, но все же не ночью) и застали у него множество друзей.

Дружба и переписка с К. С. Герасимовым продолжалась до 1991 г. После отъезда в США я передавал привет своим тбилисским друзьям через В. Э. Вацуру. Боюсь, что при росте националистических настроений в грузинском обществе при Гамсахурдии, а также вызванной антигрузинской кампанией в Москве, при насильственном вытеснении интереса к русскому языку и литературе в средней и высшей школе, мои друзья не нашли себе места в Тбилиси, при том, что К. С. Герасимов вошел в руководство Дво-

рянского собрания, возглавлял Пушкинское общество, собиравшееся в доме А. О. Смирновой-Россет, где вел семинар по Серебряному веку. Но его мучила, как он писал В. Э. Вацуре, «изоляция ото всего, чем я жил. Друзья, научные контакты, конференции, граница, — все в прошлом, а будущее — во мраке. Хаос, развал, одичание, войны». Он этих страданий он заболел скоротечной лейкемией и скончался в 1996 г.¹ Часть его книг разошлась, остальные погибли в страшном пожаре.

Между тем я продолжал заниматься изучением жизни и творчества Дж. Бруно. Были напечатаны работы об окружении философа в Гельмштедте (Фролова, 4), о неизвестном до этого в научной литературе появлении Джордано Бруно в Вюрцбурге: я обнаружил сведения об этом в полемической книге, направленной против учения Франческо Пуччи о всеобщем спасении (Фролова, 56).

За несколько месяцев перед отъездом в США (к дочери и внукам) летом 1993 г. я выступал на заседании итальянской группы в Институте истории с полемическим докладом о книге английского исследователя Дж. Босси, в которой Бруно был представлен в качестве «секретного агента английских спецслужб»². Впоследствии моя статья об этом была опубликована в итальянском журнале, вместе с сообщением о пребывании Дж. Бруно в Вюрцбурге, о связанного с ним круге Валента Ацидалия и о портрете ученика и помощника Дж. Бруно Иеронима Бесслера (Фролова, 62). Ее полемическая часть была напечатана в «Средних веках»³.

Дж. Босси обнаружил в архивах донесения агента, который был священником и служил во французском посольстве в те же годы, когда там находился Дж. Бруно. Автору этого оказалось достаточным для их отождествления. Он считал, что в посольстве одновременно могло быть только одно лицо духовного звания, хотя мы знаем, что и до пребывания Бруно в Лондоне, и после его отъезда там было два священника. Кроме того, Бруно, как монах-расстрига, не имел права не только служить обедню, но и присутствовать на богослужении — с этим пришлось считаться даже королю Генриху III, который покровительствовал Бруно, позволил ему читать курсы, но не мог

¹ В. Э. Вацуро: материалы к биографии / Сост. Т. Ф. Селезнева; вступ. ст. В. М. Марковича. М.: Новое Литературное Обозрение, 2005. С. 532–549.

² *Bossey J. Giordano Bruno and the Embassy affair.* New Haven & London: Yale University Press, 1991.

³ *Горфункель А. Х. Шпионские страсти по Джордано Бруно // Средние века.* М.: Наука, 2004. Вып. 65. С. 407–417.

включить его в штат университета. Ясно, что король не мог послать его в Англию в качестве священника. Бруно выступил с лекцией в Оксфорде, в надежде стать профессором, и поэтому предполагал, что будет отлучаться из посольства. Не сходилась и хронология: Дж. Босси не принял во внимание документ, датированный ранее приезда Бруно в Лондон. Кроме того, сразу после появления Бруно в Англии шпион уже посылал сведения, добытые во время исповеди и от других завербованных им лиц. Станным оказалось и истолкование письма английского посла во Франции. Донесения шпион посылал и из Парижа — в одном случае, когда Бруно в это время должен был править корректуру при печатании двух своих диалогов, в другом — когда он был профессором в Виттенберге. Между тем пребывание Бруно в Париже не могли не заметить ни его друзья, ни враги. Почерк шпиона решительно не совпадал с тремя известными нам почерками Дж. Бруно, это был канцелярский курсив, которому не обучали в монастырях. Мы не знаем ни одного слова, написанного Бруно по-французски. Эти и другие несообразности не помешали успеху книги, она была переведена на итальянский язык и сопровождалась похвальными отзывами в печати. Между тем действительное открытие Дж. Босси сгодилось бы на неплохую статью в научном журнале, но привязав свою книгу к имени Бруно, он получил скандальный успех.

Помимо этих биографических разысканий, я попытался глубже, чем это было сделано в книжке о Бруно, представить его пантеистическую философию на основе более пристального исследования франкфуртских поэм. Эти результаты были опубликованы в книге «Гуманизм и натурфилософия итальянского Возрождения» 1977 г. (Николаев, 90) и в учебном пособии «Философия эпохи Возрождения» 1980 г. (Николаев, 100). Как известно, философ был сожжен не за то, что «Земля вертится» (коперниканство ко времени казни Бруно еще не было официально запрещено). Я проанализировал тезисы в поэме «О безмерном и неисчислимых», касавшиеся бесконечности Бога, из которой с необходимостью вытекает бесконечность Вселенной и совпадение в ней природных и божественных начал.

После читательского успеха книжки о Джордано Бруно редакция серии «Мыслители прошлого» обратилась ко мне с предложением о подготовке другого исследования о деятелях философии эпохи Возрождения. Я назвал имена нескольких мыслителей XV–XVII веков, которые к этому времени привлекали мое внимание, среди них были Джованни Пико делла Мирандола, Пьетро Помпонаци и Томмазо Кампанелла. К этому времени я читал спецкурсы на Кафедре истории Средних веков о флорентийском неоплатонизме и вел спецсеминары, где мы со студентами читали сочинения ренес-

сансных авторов. Издательство остановилось на Т. Кампанелле — пожалуй, к счастью для меня: я еще не был готов к изучению неоплатоников. Правда, о Кампанелле я, вероятно, знал еще меньше; во всяком случае не предполагал, с какими сложностями мне предстояло столкнуться при изучении его биографии и его необозримого религиозно-философского наследия (Николаев, 55; позднее книга была переведена на эстонский язык).

Я начал не с жизнеописания Кампанеллы, хотя и изучил его достаточно подробно по классическим работам Л. Амабиле (изданным в 1882–1887 гг.) и по новым публикациям Л. Фирпо и других новейших авторов. Главное было — понять содержание огромного (более 30000 страниц) литературного наследия мыслителя. Оно включало работы по астрологии и медицине, риторике и математике, метафизике и космологии, богословские трактаты, политические памфлеты, латинские эклоги и итальянские стихи. Но дело было не в широте интересов и универсальных познаний, характерной для многих сочинений этой эпохи. Поражали противоречия в мировоззрении философа. Автор социалистической утопии «Город Солнца» доказывал необходимость всемирного государства под владычеством Римских пап, участник заговора против испанского владычества в Калабрии сочинил «Испанскую монархию», обвиненный в безбожии — создал книгу «Побежденный атеизм».

Автор биографии Кампанеллы Л. Амабиле нашел выход из этих противоречий в вынужденном лицемерии узника неаполитанских тюрем. По его мнению, философ, проведенный десятилетия в совершенно невероятных обстоятельствах, подвергавшийся пыткам, где одно только вырвавшееся у него слово вело к смертной казни, вынужден был постоянно лгать, обманывать судей — не только в показаниях на следствии, но и в своих сочинениях. Таким образом подлинные мысли Кампанелла смог выразить лишь в некоторых своих книгах (прежде всего в «Городе Солнца» и в ранних философских произведениях), что же касается его работ по астрологии, богословских трудов, опровержения атеизма, прославлению Испанской монархии, в его стремлении к религиозному единству, то в них он, стремясь вырваться на свободу, постоянно лгал, обманывая не только судей неаполитанского вице-королевства и инквизиторов, но и своих читателей, современников и потомков. В советской научной литературе наиболее решительно поддержал теорию Амабиле о «симуляции» Кампанеллы Альфред Энгельбертович Штекли; в ряде вопросов с ним соглашался В. И. Рутенбург.

Я решил перейти от биографических обстоятельств жизни Кампанеллы к содержанию его книг. Независимо от его поведения на следствии, где он, действительно, вынужден был изворачиваться, чтобы спасти себя и других

участников калабрийского заговора от неминуемой смерти, книги, которые он писал в тюрьме и после освобождения, передавал своим друзьям для распространения в списках и последующей публикации, были обращены к достаточно широкому кругу читателей. Исследователями найдено множество списков его сочинений, ходивших в Италии, в Испании, Франции, Германии, Голландии... Многие из них были опубликованы при жизни автора, на латинском, итальянском, английском, немецком, голландском языке. Выйдя на относительную свободу (при папском дворе) и после побега из Италии во Францию Кампанелла готовил большое собрание своих сочинений, куда входили и его философские труды, и политические памфлеты. Те книги и рукописи, которые остались в Риме, он пытался получить для непрямого опубликования, и не его вина, что они вынуждены были дожидаться столетий, когда появились уже в научных изданиях.

Современниками его сочинения воспринимались всерьез: иные из них были опубликованы на голландском языке по поручению местных властей, чтобы показать, какие советы давал Кампанелла испанским государям для приведения страны под иноземное господство. Среди его читателей были серьезные критики вроде Гуго Гроция. Казалось бы, что было бы проще для неаполитанского узника в своих богословских сочинениях просто придерживаться официальной доктрины — однако именно там он вызывал резкое неприятие со стороны высших кругов католической церкви. Некоторые исследователи видели в «Побежденном атеизме» скрытую пропаганду безбожия (фрагменты критикуемых сочинений были напечатаны крупным шрифтом — но это был обычный прием в тогдашней типографской практике, когда выделялся опровергаемый текст).

Однако никто не удосужился выяснить, какие именно учения разоблачал Кампанелла. Это была философия Эпикура, аристотелизм с его отрицанием сотворения мира и бессмертия души, макиавеллизм с культом частного интереса и государственной необходимости и Реформация. Между тем в переписке и в книгах, изданных после освобождения в Париже он постоянно выступал против эпикурейской и аристотелевской философии, боролся с современными последователями Н. Макиавелли и со всеми реформационными течениями. В рукописях эта книга вообще была представлена как опровержение макиавеллизма.

В то же время мне пришлось спорить во второй главе книги и с теми исследователями, которые считали, что Кампанелла уже во время заговора в Калабрии был философом Контрреформации (Дж. Ди Наполи), или что поворот в сторону ортодоксального христианства произошел позднее (Р. Аме-

рио). Полемической оказалась вся моя книга, о чем свидетельствовали названия ее глав («Бог и природа», «Натурфилософия и наука», «Сенсуализм и магия», «Утопия и политика»).

Прямых нареканий книга не вызвала: проф. Б. Ф. Поршнев только предполагал «разгромить» ее, а А. Э. Штекли в своей работе называл западных ученых, опровергавших построения Л. Амабиле, но не упоминал противника теории «симуляции» в советской науке; возможно, он хотел предохранить меня от нападков ревнителей борьбы с космополитизмом⁴. Наиболее серьезным откликом на книгу явилась статья Л. М. Баткина «Парадокс Кампанеллы»⁵.

Помимо книги о Кампанелле я опубликовал в Италии, в сборнике, выпущенном к 400-летию со дня рождения мыслителя, «Заметки о проблеме бесконечности в “Космологии” Томмазо Кампанеллы» (Николаев, 63). Эта небольшая статья была принята с сочувствием рядом зарубежных исследователей.

Она оказалась единственной и последней моей заграничной публикацией (переводы статьи о Бруно в России появились без моего участия). Для пересылки научных работ за границу была установлена процедура, которая для меня оказалась невозможной. Следовало получить направление от Исторического факультета (библиотека таких прав не имела), а после ухода М. А. Гуковского мне просто не к кому было обратиться. Кроме того, я узнал от одного из коллег, что я должен был подписать справку, что посылаемая за границу работа не содержит *никаких научных открытий*, и хотя документ имел чисто формальный характер, это отбило у меня охоту к подобным играм.

К той же годовщине я подготовил статью «Город Солнца и Монархия Мессии (о политической утопии Томмазо Кампанеллы)», для журнала «Вопросы истории». Однако, статья пролежала в редакции длительное время; когда я пришел к даме, ведавшей ее публикацией, и объяснил, что речь идет о 400-летнем юбилее философа, она только отмахнулась: «Это для нас не юбилей!» (как я понял, под «настоящими» юбилеями она имела в виду только те даты, которые были *спущены* свыше); но спасибо, что статья все же была опубликована к концу следующего года и без редакционной правки (Николаев, 72).

Из последующих работ, помимо популярной заметки «Образ будущего в утопии Кампанеллы» (Николаев, 83), где я попытался объяснить некото-

⁴ Штекли А. Э. «Город Солнца» — утопия и наука. М.: Наука, 1978. С. 22–42.

⁵ Баткин Л. М. 1) Парадокс Кампанеллы // *Вопр. Философии*. 1971. № 2. С. 133–142; 2) *Le paradox de Campanella* // *Diogene*. 1973 (Juillet — Septembre). N 83. P. 80–104; 3) *Итальянское Возрождение: Проблемы и люди*. М.: Росс. гос. гуманитарный университет, 1995; см.: *Парадокс Кампанеллы*. С. 385–400, прим. С. 442–443.

рые стороны научной системы философа, никак не затронутые в советских исследованиях, более основательный характер несла публикация об открытом мною экземпляре крайне редкого издания книги Т. Кампанеллы «Монархия Мессии», вышедшей в Йези в 1633 г. Из тиража в 1500 экземпляров сохранилось всего 15. Я обнаружил книгу в библиотеке Института марксизма-ленинизма: в двадцатые годы директор Института Маркса-Энгельса Д. Б. Рязанов (расстрелян в 1938 г.) собирал ценнейшие издания работ по истории социалистических учений и революционного движения. В найденном экземпляре оказалась владельческая запись Жана Эммануэля Де Рьё: книга была подарена ему автором в 1636 году. Кампанелла сумел обратить его из гугенота в католика, что произошло под несомненным влиянием «Монархии Мессии». В найденный мною экземпляр было внесено добавление, сделанное рукой автора, к главе XII (на стр. 56). Кроме того, Де Рьё получил от Кампанеллы и авторизованную рукопись, включавшую «Монархию Мессии» и «Испанскую монархию». Первая публикация об этой находке появилась в «Литературной газете» 29 октября 1969 г. (Николаев, 167), на следующий день, 30 октября 1969 г., подробное сообщение об этом открытии появилось в итальянской газете «Corriere della sera», а позднее в «Il Tempo». Вскоре я получил письмо от итальянского историка, академика dei Lincei Родольфо де Маттеи, и, по его просьбе, прислал ему копию титульного листа и страницы с автографом Кампанеллы. Моя статья, «Неизвестный автограф Томмазо Кампанеллы», была опубликована в сборнике, посвященном 80-летию С. Д. Сказкина (Николаев, 173). Через четыре года свою статью об этом экземпляре и автографе опубликовал Р. де Маттеи, ни разу не обмолвившись обо мне, лишь в примечании было упомянуто (без имени автора) интервью «Литературной газете»⁶.

В дальнейшем я напечатал работы о редких прижизненных изданиях Т. Кампанеллы (Фролова, 6 и 34); а затем описание его рукописей, хранящих-

⁶ *Mattei R. de.* La Monarchia Messiae e una postilla autografa del Campanella // Accademia Nazionale dei Lincei. Estratto dai Rendiconti della Classe di Scienze morali, storiche e filologiche. Serie VII. Vol. XXIX, fasc. 1-2. P. 1-15, con due tavole. В статье есть странные ошибки: в ней ни разу не была упомянута библиотека Института марксизма-ленинизма, где хранилась книга, вместо этого была названа английская Biblioteca Lindesiana (о судьбе которой было подробно написано в моей работе, из нее книга действительно была куплена, а потом уже, через германских антикваров, попала в Москву). Я вспомнил, что подобный случай был не единственным: академик Р. де Маттеи представил как свое открытие работу Кампанеллы, задолго до этого найденную и опубликованную Л. Фирпо.

ся в Санкт-Петербурге в Российской национальной библиотеке⁷. Кроме того, в 1981–1982 гг. в антологии «Эстетика Ренессанса» были опубликованы переводы фрагментов из его «Метафизики» и «Поэтики» (Николаев, 105 и 108).

С изучением ранних философских сочинений Т. Кампанеллы было связано и мое погружение в книгу «О природе сообразно ее собственным началам» Бернардино Телезио.

Статья под названием «Материализм и богословие в философии Бернардино Телезио» (Николаев, 32) была опубликована в сборнике «Итальянское Возрождение» в 1966 г. Забавно, что этот заголовок смутил одного из рецензентов, он считал невозможным связывать эти два понятия. Пришлось объяснить ему, что в русском языке союз «и» используется не только для соединения, но и для противопоставления. Я даже упомянул известную книгу одного из «основоположников» («Материализм и эмпириокритицизм»); правда сам я в ней мало что понял; больше всего меня заинтересовали включенные в XIII том третьего издания сочинений В. И. Ленина крайне резкие, а порой и издевательские отзывы, появившиеся в тогдашней печати. Через несколько лет Василий Васильевич Соколов в разговоре со мной заметил, что автор этой книги *«вообще никакой не философ»*.

Пожалуй, я все же лукавил. В моей статье объединение материалистических (скорее, сенсуалистских) мотивов в трудах Телезио с богословскими было тесно связано. Речь шла не о вызванных цензурой оговорках, а о признании сотворения мира, о роли Бога как «первого толчка». Католическая церковь включила книгу Б. Телезио в «Индекс запрещенных книг» «вплоть до исправления», которое так и не последовало. Я использовал все три издания книги Б. Телезио «О природе», сравнивая развитие взглядов философа на протяжении многих лет (первое, 1565 г., я получил из Национальной библиотеки в Париже), работы его учеников и современников: А. Персио, издавшего небольшие трактаты учителя; Ф. Мартелли, переведшего, по поручению Б. Телезио, его главную книгу на итальянский язык; С. Кватроманни, создавшего (на итальянском языке, при участии

---

⁷ Горфункель А. А. Рукописи Томмазо Кампанеллы в собрании Российской национальной библиотеки // Человек в культуре античности. Средних веков и Возрождения: Сб. научных трудов в честь юбилея Нины Викторовны Ревякиной / Под ред. В. М. Тюленева. Иваново: Изд-во «Ивановский гос. университет», 2006, С. 63–75. В моих записях сохранились описания всех прижизненных изданий Томмазо Кампанеллы в библиотеках СССР и рукописей с его произведениями в Москве и в Киеве. Надеюсь завершить эти работы.

учителя) более открытое изложение его взглядов. Я привлек и полемическую (на грани прямого доноса) книгу защитника богословия юриста Дж. А. Марты и его противника Т. Кампанеллы, равно как и суждения о телезианской философии Ф. Бекона и Дж. Бруно.

В «Антологию мировой философии» я включил небольшой перевод из книги Б. Телезио «О природе» (Николаев, 65); две заметки о нем были опубликованы в энциклопедических словарях (Николаев, 87 и 117). Преподаватель лицея в Козенце (родном городе Б. Телезио, по имени которого философ именовался Козентинцем), Луиджи Де Франко прислал мне первый том научного издания Б. Телезио. Я откликнулся на эту публикацию, выполненную превосходным образом, с привлечением всех редакций книги «О природе» (Николаев, 75). Потом я получил два других тома и сборник «малых» трактатов Б. Телезио, что значительно помогло мне в последующих разысканиях.

Для моих дальнейших занятий историей философии (и вообще историей Италии) оказались крайне полезными два направления. Я стал сотрудничать с энциклопедическими изданиями. Нина Викторовна Ревякина, моя коллега по истории итальянского гуманизма, свела меня с редакцией «Философской энциклопедии», где разделом истории европейской философии заведовал Захар Абрамович Каменский. Его имя было мне известно с 1946 г. Тогда, в недавно основанном журнале «Вопросы философии», в ходе небольшой (и быстро прикрытой) дискуссии З. А. Каменский выступил со статьей о преемственности в развитии русской философии XVIII–XIX вв., которая мне сразу же запомнилась ясной постановкой вопроса о развитии философской мысли: пусть авторы часто не цитировали своих предшественников, но оказывались их преемниками в решении стоящих перед ними проблем. За эту статью З. А. Каменский был подвергнут серьезным гонениям (потом уже я узнал, что его отчислили из аспирантуры). Из общего духа тогдашней, с позволения сказать, «дискуссии» мне запомнилось заявление А. А. Жданова, главного гонителя интеллигенции (не говоря о его прямом участии в истреблении «врагов народа» в 1930-х гг.): «Товарищи, вопрос о Гегеле давно решен!» (понятно, кем и когда). Позднее я часто употреблял эту классическую формулу для слушателей моих спецкурсов, объясняя им, что в науке ни один вопрос не может быть «решен» таким образом.

От З. А. Каменского я стал получать заказы на подготовку небольших заметок для «Философской энциклопедии» (потом мое сотрудничество распространилось и на «Историческую энциклопедию», «Большую Советскую энциклопедию», «Энциклопедический словарь» и словарь «Книговедение»).

Эти работы⁸ потребовали от меня немалого труда. Приходилось погружаться в старую и современную научную литературу, изучать биографии и творения философов, а также и других деятелей эпохи Возрождения. Часто именно энциклопедические статьи пролагали для меня дорогу к более глубокому пониманию трудов средневековых и ренессансных мыслителей.

Я познакомился с З. А. Каменским в редакции энциклопедии, потом мы постоянно переписывались, я получал его книги по русской философии, встречался с ним в Ленинграде. Это знакомство оказалось крайне полезно для меня и в собственно человеческом, и в научном отношении. После его кончины я переписывался из Бостона с его вдовой и получал от нее его по-смертно изданные книги и работы, ему посвященные.

Я был не только автором статей, постепенно мне стали присылать на отзыв и работы других сотрудников. Среди рецензируемых мной статей оказалась и работа о Марсилие Фичино, написанная профессором МГУ В. В. Соколовым. Имя автора я не должен был знать, хотя и догадывался — к тому времени я уже опубликовал в «Вопросах философии» рецензию на его книгу «Очерки философии эпохи Возрождения» (Николаев, 24). Мне приходилось вместе со студентами изучать в семинаре произведения флорентийских неоплатоников. Я не помню текста своего отзыва, но он был достаточно суровым. Реакция автора была неожиданной: он ответил редактору, что если рецензент лучше него разбирается в философии М. Фичино, то пусть он и пишет эту статью. Так состоялось мое заочное знакомство с В. В. Соколовым, которое переросло в долгие дружеские отношения, сохранившиеся по сей день.

С какого-то времени при каждом приезде в Москву я бывал у него дома. Я учился у него истории философии — и не только из его книг (вышедшему под его редакцией собранию сочинений Б. Спинозы, посвященной ему монографии) и по статьям, но, пожалуй, еще больше из наших разговоров и обсуждений. Не менее важными оказались для меня воспоминания В. В. Соколова — о деревенском детстве, о гонениях, которым он подвергся в довоенные годы от будущих крупных деятелей научного и партийного аппарата: С. Р. Микулинского (будущего члена-корреспондента АН и директора Института истории естествознания и техники), и А. Н. Шелепина (позднее ставшего секретарем ЦК КПСС, а затем и членом Политбюро;

---

⁸ Платили за них скудно, но они помогали в скромном семейном бюджете: после защиты кандидатской и докторской диссертации я с 1956 до середины 1984 г. не получал никакой прибавки к жалованию: я не был сотрудником *научного* учреждения, хотя университетская библиотека и носила название «*Научной*».

при Н. С. Хрущеве он был председателем КГБ и получил от интеллигенции прозвище «железный Шурик»). Микулинский и Шелепин исключили его из комсомола (кажется, в связи с попавшим к ним в руки его дневником), а стало быть и из университета. Каким-то образом В. В. Соколов исчез с поля зрения карающих органов; прошел войну, затем вернулся в университет.

Немало он рассказывал мне о своих учителях, А. Ф. Лосеве и В. Ф. Асмусе. Я запомнил историю о разговоре В. Ф. Асмуса с А. Ф. Лосевым по поводу книги А. Хюбшера о современной западной философии с послесловием А. Ф. Лосева, где он крайне резко отзывался о «буржуазных» мыслителях⁹. Характерно, что книга вышла с грифом: «Для научных библиотек» — это был особый вариант *спехрана*, ограничивающий число читателей. Признаюсь, я считал это послесловие А. Ф. Лосева естественным: не будучи марксистом, он в то же время на дух не переносил западную философскую мысль (начиная с Возрождения), которая претила ему своим индивидуализмом. В. Ф. Асмус укорял его за слишком враждебное отношение к современной западной философии. По словам В. Ф. Асмуса А. Ф. Лосев ответил ему: а сколько, по Вашему мнению, продержится Советская власть? В. Ф. Асмус предположил, что ей отпущены десятки лет; А. Ф. Лосев ответил: «Тысячу лет!» Во время перестройки это пророчество показалось нам странным. Однако, если иметь в виду не «строй», а продолжение в новых формах все той же антизападнической традиции, он был не так уж неправ, как отметил в своих записях один из секретарей А. Ф. Лосева, впоследствии известный философ В. В. Бибихин¹⁰.

В действительности в послесловии А. Ф. Лосева к книге А. Хюбшера оказалось немало странных для «последнего представителя русской религиозной философии» высказываний: автор постоянно ссылается на философию марк-

---

⁹ Хюбшер А. Мыслители нашего времени. М.: Изд-во иностр. литературы, 1962. (Для научных библиотек). Послесловие А. Ф. Лосева: «Гибель буржуазной культуры и ее философия»: С. 310–354. Частичная перепечатка — в кн.: Россия и Европа: Опыт соборного анализа. М.: Наследие, 1996. С. 292–298. В. В. Соколов приводит слова В. Ф. Асмуса: «Ну и откалывает на старости лет. Прямо громилой стал; бешеный темперамент; но он нас всех переживет». При этом В. Ф. Асмус высоко ценил работы А. Ф. Лосева по истории платонизма.

¹⁰ Бибихин В. В. Алексей Федорович Лосев. Сергей Сергеевич Аверинцев. М.: Институт философии, теологии и истории Св. Фомы, 2004 г.: «Теперь я вполне оцениваю трезвость А. Ф., предсказавшего еще 300 лет, или как минимум 100 лет, большевизма в России. Податливость социализма, от которого стратегически откачивалась власть, обманула демократов» (С. 240).

сизма-ленинизма и укоряет немецкого исследователя в том, что он позволяет себе не знать о силе всепобеждающего учения; упоминает «исторические решения» очередного съезда КПСС и завершает свое предисловие призывом строить философию «на основе принципов самого передового мировоззрения». С почти сталинским акцентом звучит фраза о том, что некоторые полагают, что центр философской мысли находится в Европе: «Прогрессивное человечество думает на этот счет иначе». Вполне возможно, что именно эти (в хрущевские времена вовсе не обязательные пассажи) вызвали удивленный отклик В. Ф. Асмуса. Вместе с тем многие критические высказывания А. Ф. Лосева о современной западной философии были достаточно обоснованными, а резкие суждения о Шопенгауэре, Гуссерле, Канторе и даже о сильно не любимом им Фрейде сопровождалась при этом достаточно интересными соображениями об их философских заслугах. В тогдашней советской обличительной литературе это называлось *«протаскиванием под видом критики»*. Особо А. Ф. Лосев отметил в работе А. Хюбшера незнание идей русской религиозно-философской мысли конца XIX — начала XX вв.

Тогда только начиналось мое знакомство с трудами А. Ф. Лосева: с книги А. Хюбшера и с работами, посвященными «истории античной эстетики», а на самом деле — значению греческой и римской философии от ее возникновения и до начала Средних веков. Ранние, полузапрещенные и во всяком случае труднодоступные работы А. Ф. Лосева 1920-х гг., попали в поле моего зрения десять лет спустя, главным образом благодаря помощи моего ученика и сотрудника в университетской библиотеке Н. И. Николаева.

Я принес В. В. Соколову полученный от учеников С. Д. Сказкина его перевод работы Ч. Вазоли об итальянской философии эпохи Возрождения; кажется, это сочинение не произвело на Василия Васильевича серьезного впечатления. Для итальянистов же оно было настольной книгой (оригинал я получил от автора).

Помню, что, когда наши отношения были уже достаточно доверительными (а произошло это довольно скоро со времени нашего знакомства), Василий Васильевич рассказал мне о ходившем в Москве слухе, что А. А. Жданов был задушен в подмосковной «цековской» больнице, якобы он был убит по распоряжению Берии и Маленкова. Вскоре после этого началось «ленинградское дело», направленное против сформированной им команды (не говоря о множестве других пострадавших). Зато нашему университету было надолго присвоено имя партийного идеолога.

Второе направление моей работы было связано с переводом латинских и итальянских текстов. По существу я не был к этому подготовлен: в универ-

ситетские годы я, помимо чтения античных авторов, имел дело с городскими хрониками, историческими сочинениями гуманистов, с нотариальными документами и городскими уставами. Кроме того, работая над диссертацией, я забросил латинский язык (итальянскую художественную литературу я все же читал, получал ее в Петрозаводске и в Ленинградской городской библиотеке им. Маяковского на Фонтанке). После возвращения в Ленинград я договорился с аспирантом Кафедры Древней истории Эдуардом Давыдовичем Фроловым и стал посещать его вечерние занятия латинским языком. Потом он давал мне частные уроки; какое-то время я даже оплачивал ему эту работу — время было тяжелое не только для меня, но и для молодого аспиранта; но вскоре он решительно отказался от вознаграждения.

Тексты, с которыми мне пришлось иметь дело теперь, решительно отличались от всего, что мне приходилось читать прежде. Это была схоластическая латынь. Помимо ее философского и теологического содержания, она включала множество собственно средневековых словообразований, отличался и ее синтаксис. Все это приходилось осваивать на ходу, по мере работы над переводами.

Помимо уже упомянутых отрывков из работ Дж. Бруно, Т. Кампанеллы и Б. Телезио, я, по предложению издательства и главного составителя тома Б. В. Мееровского, перевел трактат английского деиста Дж. Толанда «Адеисидемон» и отредактировал прежний перевод его сочинения «Пантеистикон», для 1 тома книги «Английские материалисты XVIII в.», изданной в 1967 г. (Николаев, 38 и 39). Но Толанд был наследником гуманистической традиции. Более существенные трудности возникли при передаче текстов схоластических авторов. Помогали словари средневековой латыни, научная литература. Так появились в «Антологии мировой философии» (1969 г.) отрывки из «Тетрадей» Давида Динанского, «Большого сочинения» Роджера Бэкона, «Оксфордского сочинения» Иоанна Дунса Скота (Николаев, 56; 57; 58). Я был рад, что эти тексты средневековых авторов появились на русском языке при моем участии, но не исключаю, что современный читатель из числа молодых и куда более подготовленных специалистов сможет найти там серьезные промахи.

В дальнейшем появился полный перевод «Комментария на “Пир” Платона» Марсилио Фичино в «Эстетике Ренессанса» т.1 (1982), выполненный совместно с В. И. Мажугой и И. Х. Черняком; последний был и автором вступительной статьи и примечаний, что по вине составителя В. П. Шестакова и редактора не было отражено в книге (Николаев, 104). Там же были опубликованы отрывки из «Любовной философии» Ф. Патрици (Николаев, 106).

Перевод «Поэтики» Ф. Патрици во втором томе «Эстетики Возрождения» мне не принадлежал, я лишь редактировал его: он был выполнен моей двоюродной племянницей Ниной Ильиничной Серман; во время печатания тома она выехала из СССР и ее имя не могло быть указано в оглавлении. По недосмотру редакции и в этом случае мне было приписано авторство вступительной статьи и примечаний, их составил И. Х. Черняк (Николаев, 107).

Приходилось заниматься и стихотворными переводами. Я начал предлагать в гекзаметрах поэму Марцелла Палингения «Зодиак жизни». В этой работе мне помог Н. И. Николаев. Он посоветовал перечитать русские переводы греческих и латинских авторов, от Н. И. Гнедича и В. А. Жуковского до С. А. Ошерова. Основываясь на этом опыте, я постарался передать стихи «Зодиака жизни». Не думаю, что это мне удалось, но надеюсь, что хотя бы некоторые стихи и фрагменты у меня получились. Я напечатал в разное время три первые песни (Николаев, 130; Фролова, 48; и¹¹). Перевод 4-й песни пока не опубликован.

Одновременно я переводил небольшие фрагменты из франкфуртских поэм Дж. Бруно (в том числе обращение к «Светочу Николая Коперника»). Элегический дистих я попытался усвоить в переводе вступительных стихов Томмазо Скаурано к поэме Марцелла Палингения. В нем я обнаружил заимствование из Вергилия: «Tu Marcellus eris» — «Будешь Марцеллом и ты» (Verg. Aen. 6, 883), но в ином контексте: «Tu Marcellus eris: nunquam tua fama peribit»¹².

Переводы сонетов Томмазо Кампанеллы я включал в свои книги и статьи, вызвано это было необходимостью: не хотелось ограничиваться подстрочником.

Самой большой переводческой работой оказалась подготовка двух трактатов Пьетро Помпонацци; и перевод, и в особенности комментарии к нему потребовали напряженного труда. Не мне судить о переводе, но в одной серьезной ошибке (к тому же оказавшейся на титульном листе) я должен повиниться: перевод заглавия второго трактата я передал неверно, как трак-

¹¹ *Марцелл Палингений. Зодиак жизни. Книга III: Близнецы / Пред., пер. и примеч. А. Х. Горфункеля // Традиция и литературный процесс / Отв. ред. А. Б. Соктоев. Новосибирск: Изд.: СО РАН, 1999, с.505–521.*

¹² Знакомство с поэзией Италии и Древнего Рима: Новосибирск: Изд-во Новосибирск. ун-та, 1994. С. 21–27: *Palingenius M. Zodiacus vitae. Venezia: Bernardinus Vitalis, [1536], fol. Aiii verso; Вергилий. Собр. соч. СПб.: «Студия Биографика», 1994, с. 240 (пер. С. Ошерова).*

тат «О причинах естественных явлений или о чародействе»: следовало бы сказать «О естественных причинах [удивительных] явлений...»¹³.

Работа над переводами, при всех их недостатках, оказала мне неоценимую помощь. Не говоря о полученных мною уроках средневекового философского языка и ренессансной латыни, равно как и итальянского языка XV–XVII вв., я погружался в круг мысли переводимых мною авторов, изучал их источники от античности и средневековья, вплоть до современных им писателей.

Серьезные затруднения возникли при работе над фрагментами из И. Дунса Скота и Р. Бэкона. Но для дальнейших исследований наиболее интересным оказался перевод из Давида Динанского; он помог мне при изучении Соломона Гебиरोля (Авицеброна); этот еврейский мыслитель XI в. писал свое главное философское сочинение «Источник жизни» по-арабски (Дж. Бруно и считал его арабом), но оригинал не сохранился. Оно получило широкую известность в Европе после появления в XII в. латинского перевода его «Fons vitae».

Особенно полезна была работа над сочинениями П. Помпонацци; помимо трактатов я переводил и отрывок из его лекции («О философии и религии») и посвященную ему новеллу М. Банделло (Фролова, 39 и 40). Он опирался на глубокую средневековую аристотелевскую традицию и вместе с тем изучал труды своих коллег по университету, союзников и противников, спорил с современными неоплатониками из Флорентийской академии (Фролова, 13).

Для изучения полемической литературы XVI в. я переводил (не для печати, а для себя, «в стол») необходимые для моих исследований фрагменты работ ученика Помпонацци, будущего кардинала Гаспаро Контарини, участника Тридентского собора Бартоломео да Спина, аверроиста Агостино Нифо, затем отрекшегося от своих убеждений — все они выступали против «Трактата о бессмертии души»; Педро Гарсии (обличавшего тезисы Дж. Пико делла Мирандолы); Дж. А. Марты (противника «Философии природы» Б. Телезио) и других авторов, равно, как и материалы Инквизиции и Коллегии Индекса запрещенных книг. Все это позволяло мне лучше понять философскую жизнь исследуемой эпохи.

Может быть, наиболее полезной для меня оказалась работа над комментариями к переводимым мной трактатам. В некоторых случаях (при наличии современных научных изданий) эти комментарии уже существовали, но и они нуждались в проверке и уточнении (на что указывали и рецензенты).

---

¹³ Помпонацци П. Трактаты «О бессмертии души» и «О причинах естественных явлений или о чародействе». М.: Главная ред. Акад. Общ. Наук при ЦК КПСС, 1990 [1991]. (Б-ка литературы по атеизму и религии).

Следовало использовать не только новейшие научные издания «толковников» Аристотеля — Аверроэса, Альберта Великого, Фомы Аквинского и других средневековых и ренессансных философов, но и их издания XV–XVII вв. Цитируемые авторами тексты надо было сверять с современными научными изданиями; однако во многих случаях приводились латинские переводы, сделанные авторами Средневековья и эпохи Возрождения, и мне было необходимо сохранять смысл, а порой и содержание этих цитат, в нужных случаях отсылая к существующим переводам.

Таким образом работа над энциклопедическими статьями, переводы и комментарии к ним позволяли мне изучить старую и современную научную литературу и при этом окунуться в самую гущу событий философской, религиозной и политической жизни эпохи.

В значительной мере мне помогала и моя служебная деятельность в отделах редких книг, сперва в университетской, а потом и в Публичной библиотеке, где я проработал в общей сложности более тридцати лет. Первым моим учителем в изучении редких книг был В. С. Люблинский. Я учился у него не только в непосредственном общении — благо работали мы рядом и встречались регулярно. Я и до работы в библиотеке, и особенно после моего перехода в Университет, а потом и в Публичную библиотеку учился по его книгам и статьям. Одним из крупнейших открытий Владимира Сергеевича была публикация восстановленного буквально «из праха» французского Легендария XIII века¹⁴.

Это обучение у В. С. Люблинского продолжалось и после его кончины, особенно, когда вышел в свет посмертный сборник его книговедческих работ¹⁵. Но тут я хотел бы отметить одно обстоятельство, как кажется, никем не принятое во внимание. В сборник, наряду с другими, напечатанными и неопубликованными работами была включена статья «Библиотека Вольтера (Исторический очерк)». Это исследование было написано для предполагавшегося к изданию каталога Библиотеки Вольтера, над которым Владимир Сергеевич работал вместе с рядом своих сотрудников, в том числе с Л. С. Гордоном, З. О. Ивановой, Д. С. Крым и другими.

Эта работа, после изгнания В. С. Люблинского из ГПБ, выйти не могла. Но когда каталог, наконец, появился в издательстве Академии наук под ре-

¹⁴ Неизвестный памятник книжного искусства: Опыт восстановления французского Легендария XIII в. / Ред. В. С. Люблинского. М.: Л.: Наука, 1963.

¹⁵ Люблинский В. С. Книга в истории человеческого общества: Сборник избранных книговедческих работ. М.: Книга, 1972.

дакцией академика М. П. Алексеева и Т. Н. Копреевой, то, как сказано в примечании к статье, она туда не вошла «по издательским соображениям»¹⁶.

Каковы были эти «соображения», мы не знаем, но очевидно, что кому-то было необходимо убрать имя В. С. Люблинского из книги, которой он отдал столько времени и сил. Издание вышло под грифом Академии Наук и Публичной библиотеки. Возможно, эти «издательские соображения» исходили из Академии наук, где предпочли иметь своего редактора, но, скорее всего, именно библиотека не хотела видеть его имя в книге, не простив — не себе, а ему — его вынужденного ухода.

Имя В. С. Люблинского упоминается (в примечаниях) к предисловию М. П. Алексеева, но там ни слова не сказано о написанной им в 1947 г. вступительной статье к Каталогу Библиотеки Вольтера. Только Н. В. Варбанец подробно осветила роль Владимира Сергеевича при подготовке первого варианта Каталога и особенно его помощь при подготовке нового издания¹⁷.

Несмотря на сложившиеся обстоятельства, В. С. Люблинский не прерывал своих научных отношений с Отделом редких книг Публичной библиотеки. В эти годы он опубликовал два сборника переписки Вольтера и писем к нему, ряд статей, в том числе и о библиотеке Вольтера, опубликованных в Англии и во Франции; он был явно заинтересован в начавшейся работе по публикации помет Вольтера.

В эти годы доработанное издание Каталога античных авторов было, наконец, включено в план работы Н. В. Варбанец. В Отделе редких книг ГПБ состоялось обсуждение нового варианта. Я присутствовал на этом обсуждении. И хотя я в начале своего выступления высказал некоторые весьма осторожные сомнения о выпуске серии каталогов по тематическому признаку, я полностью поддержал издание каталога античных авторов, который был создан на самом высоком уровне и представлял собой событие в инкунабуловедении.

Когда в перерыве мы с Л. С. Гордоном вышли на перекур (не помню, курил ли мой собеседник), я спросил его, не было ли тематическое распределение каталога некоторой уступкой времени (в первом предисловии даже упоминалось имя Сталина, который где-то ссылался на античные примеры); в этом случае богословию отводилось последнее место в VII выпуске. Лев Семенович согласился со мной.

---

¹⁶ Там же. С. 306.

¹⁷ Библиотека Вольтера: Каталог книг / Отв. ред. М. П. Алексеев и Т. Н. Копреева. М.: Л.: Изд-во Акад. наук СССР (Ленингр. отд.), 1961. С. 64, 65, 72, 73, 78, 83.

В своем отзыве к подготовленному новому изданию Каталога античных авторов, обсуждавшемуся в июле 1974 г., я отметил, что он раскрывает «ценный материал, позволяющий судить о роли и месте античного дохристианского культурного наследия в духовной жизни средневековой и ренессансной Европы»; что «тщательный анализ позволил авторам сделать ряд весьма ценных и важных для инкунабуловедения замечаний и уточнений, проследить судьбу отдельных изданий, уточнить распределение некоторых изданий по томам, выявить отличие ряда шрифтов, уточнить принадлежность изданий той или иной типографии, дать новую датировку и т. д.» Каталог должен быть опубликован в достойном виде, то есть с употреблением необходимых шрифтов, с большим количеством иллюстраций, которые имеют значение не «украшательское», а научно-информационное.

Однако издание каталога затянулось еще на десятилетия. В очередном отзыве, представленном в 1984 г., я вынужден был заявить, что, будучи «знаком с рукописью на протяжении многих лет, принимал участие в ее обсуждении (еще при жизни В. С. Люблинского), и считаю, что главный ее недостаток — то печальное обстоятельство, что она до сих пор не издана». Однако, после долгих перипетий, связанных с исчезновением рукописи каталога и ее последующим обнаружением, он наконец был опубликован в 2007 г. — через 60 лет после подготовки к печати первого варианта¹⁸.

Работа с редкими книгами в ленинградских и московских библиотеках (а позднее в Казани, Саратове, Киеве и Вильнюсе) — и в качестве читателя, и в качестве составителя каталогов — оказалась чрезвычайно полезной для моих занятий в изучении философии итальянского (и европейского) Возрождения. Невероятное богатство книжных фондов XV–XVII вв. позволило работать с редчайшими изданиями, содержащими тексты изучаемых мною философов и сочинения их оппонентов (что было особенно существенно, так как их книги не переиздавались в последующие столетия), позволяло увидеть изнутри ситуацию духовной жизни эпохи. Не меньшую роль сыграли и судьбы самих экземпляров: надписи и пометы читателей, в том числе и такие, когда они уничтожали имена авторов, занесенных в *Index librorum prohibitorum*, или же содержали иногда сочувственные, иногда враждебные записи, сделанные читателями-современниками.

---

¹⁸ Зверева И. С., Николаев Н. В. К истории публикации каталога «Античные авторы в изданиях XV в.» // Варбанец Н. В., Люблинский В. С. Античные авторы в изданиях XV века: Каталог / Под ред. Я. М. Боровского. СПб.: «Дмитрий Буланин». 2007. с. 353–354.

В Страсбургском издании собрания сочинений Джованни Пико делла Мирандола, напечатанного Иоганном Прюссом в 1504 г., неизвестный читатель записал: «Иоганн Шонер говорил, что он видел у епископа Бамбергского старинную книгу, из которой этот Иоанн Пико все списал, присвоив себе то, что там говорилось против астрологов. Книга же эта была неизвестного автора. От него это слышал Георг Иоахим Ретик, знаменитый математик и врач». Исследователям итальянской философии было известно это, по всей видимости, совершенно несправедливое обвинение. В действительности имелось в виду скорее всего сочинение Дж. Савонаролы, написанное после антиастрологического труда Дж. Пико, либо книга французского философа XIV в. Никола Орема. Но в данном случае оно подкреплено ссылкой на двух крупнейших астрономов XVI столетия, И. Шонера (1477–1547) и Г. И. Ретика (1514–1576), известных сторонников теории Николая Коперника; стало быть, этот слух достиг и Германии¹⁹.

Занявшись изучением книги «О природе человека» (Базель, 1581) итальянского еретика и философа Агостино Дони, земляка и последователя Б. Телезио, я обнаружил в ленинградских библиотеках пять экземпляров этого крайне редкого издания; один из них сохранил дарственную надпись автора некоему Джованни Пипано (Iohannes Pipanus). Я написал об этом итальянскому исследователю Антонио Ротондо, который сумел учесть эти экземпляры в своей работе²⁰.

Однажды В. И. Рутенбург пригласил меня на заседание в Музей истории религии и атеизма, где он делал доклад о новонайденном экземпляре сочинения Дж. Ч. Ванيني; там были довольно интересные записи читателя конца XVII — начала XVIII вв. Фотографии этих записей он пустил по рукам. Докладчик увидел в них подтверждение атеистических мыслей автора книги; на самом деле это была (не знаю, насколько искренняя) попытка неизвестного читателя защитить Ванيني от обвинений в атеизме. Мне пришлось разъяснить эти тезисы; насколько я помню, В. И. Рутенбург воздержался

---

¹⁹ Каталог палеотипов: Из собрания Научной библиотеки им. М. Горького Ленинградского университета / Сост. А. Х. Горфункель. Л.: Изд-во ЛГУ. 1977. С. 14–15, 74–75, 145. Я сообщил эти сведения проф. Эудженио Гарену (1909–2004), с которым находился в многолетней переписке; он учел их в книге: *Garin E. Lo zodiaco della vita: la polemica sull'astrologia dal Trecento al Cinquecento*. Roma; Bari: Laterza. 1976. P. 97–98, 145, со ссылкой на мое письмо от 20 февраля 1974 г.

²⁰ *Rotondo A. Studi e ricerche di storia ereticale italiana del Cinquecento*. Torino: Giappichelli. 1974. P. 398, 464. См. переиздание: Firenze: L. S. Olschki, 2008. Vol. 1–2. P. 637, 694.

от их публикации в качестве доказательства распространения атеистических взглядов итальянского мыслителя.

В Публичной библиотеке мне в руки попал обезображенный цензорами экземпляр сочинения Эразма Роттердамского; в дальнейшем его описание опубликовала М. Л. Малаховская²¹. Особенно интересны оказались издания XVI в. поэмы Марцелла Палингения «Зодиак жизни»: они открыли жизнь этого сочинения на протяжении нескольких столетий и его влияние на последующее философское развитие. С докладом о применении книговедческих методов в изучении истории философской мысли я выступил на книговедческой конференции в 1974 г. (Николаев, 181).

В то же время и занятия историей книги получали особый толчок от исследований в области средневековой и ренессансной философской и религиозной мысли. Без этого невозможна была бы работа над фрагментами инкунабулов, потребовавшая знакомства с некоторыми текстами теологического содержания (в том числе со «Сводом богословия» Антонина Флорентийского или «Толковой Псалтири» Бруно из Вюрцбурга — см.: Фролова, 5), с читательскими пометами в Псалтири Дж. Крастоне (Фролова, 17) и в трактате кардинала Виссариона (Фролова, 54), в исследовании гуманистических источников легенды об «античной» библиотеке Московских государей (Фролова, 27) и в ряде других статей.

В своей рецензии на книгу В. В. Соколова о философии Возрождения я отметил, что многие недостатки этой работы «объясняются отсутствием в нашей историко-философской литературе специальных исследований проблем истории философии» этого времени (Николаев, 24, с. 179). Так была поставлена задача — не только передо мной, но и перед другими историками-итальянистами. Круг моих занятий стал постепенно расширяться. В 1965 г. я подготовил статью «Данте и философия его времени»; к сожалению, она тоже не была напечатана к 700-летнему юбилею со дня рождения поэта. Очевидно, как и в случае со статьей о Кампанелле, для редакции журнала «Вопросы философии» это тоже был «не их юбилей», и она появилась в следующем году (Николаев, 37). Хуже было то, что мне не прислали ее для корректуры, и она вышла с искажающими смысл ошибками (в том числе и в цитатах из Данте!). Я написал письмо в редакцию, но это уже ни-

---

²¹ Малаховская М. Л. «Адагии» Эразма и католическая цензура XVI–XVII вв. // Эразм Роттердамский и его время. М.: Наука, 1989. С. 227–235.

чего не изменило: что написано (*не моим*) пером, то не вырубишь топором; письмо опубликовано не было, но сохранилось в моем архиве²².

Статья была написана под впечатлением работ Бруно Нарди. Еще до этого завязалась моя переписка с итальянским ученым, я стал получать от него все выходящие в это время его работы (некоторые из его прежних исследований я читал в московских библиотеках или выписывал по международному абонементу). В 1968 г. мне была прислана его посмертная библиография; тогда же я задумал статью о его трудах с названием «399 монографий Бруно Нарди»: под монографиями я понимал все его многочисленные статьи, каждая из которых обладала завершенностью и структурой монографического очерка. К счастью для меня, этот замысел не был осуществлен, для этого было слишком мало материала. Я вернулся к этой затее уже в США, чему способствовало богатство итальянских фондов Гарвардской библиотеки. Работы Б. Нарди по изучению воззрений Данте, по истории аверроизма и трудов Пьетро Помпонаци включали и исследование процессов Галилея; в них он оказался свободным от религиозного фанатизма, и за 28 лет предвидел (а, может быть, и подготовил) решение католической церкви об отмене проклятия с великого ученого²³.

В 1971 г. я опубликовал рецензию на книгу Л. М. Баткина («Данте и пополанская коммуна» — Николаев, 73), где с одобрением отозвался о первой книге моего коллеги (на обсуждении его диссертации я выступал в Институте истории). Отчасти мой отзыв был направлен против представлений об аристократическом характере мировоззрения Данте, но равным образом и о «крестьянско-ремесленной» природе Возрождения²⁴.

Другая моя работа о Данте формально не выходила за круг моих книговедческих исследований. Вскоре после начала моих занятий в Отделе редких книг Публичной библиотеки в «Кабинет Фауста» пришел знаток средневековой музыкальной культуры Вячеслав Григорьевич Карцовник. Он принес фрагменты «Комедии» Данте на предмет их отождествления. Их обнаружил реставратор Музея Ленинградского института музыки, театра и кинематографии Александр Владимирович Батов в качестве подклейки в старинной

---

²² Отдел рукописей Российской Национальной библиотеки. Фонд Архив А. Х. Горфункеля. № 360, 7 мая 1966 г.

²³ Горфункель А. Х. 399 монографий Бруно Нарди // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. Вып. 17. М.: КомКнига, 2006. С. 170–199.

²⁴ См.: Коробков Л. Д. Размышления над книгой о Данте // Средние века. М.: Наука, 1971. Вып. 33. С. 334–342; Баткин Л. М. Спор о Данте и социология культуры // Средние века. М.: Наука, 1971. Вып. 34. С. 277–292.

лютно. Следовало выяснить, к какому именно изданию Данте относились эти обрывки самого разнообразного размера, от 22–23 см. в высоту и 2–4 см. в длину (только в одном случае ширина фрагмента достигала 5,7 см.). Мне пришлось изучить издания Данте с комментариями Кр. Ландино XV — начала XVI вв. После долгих проверок оказалось (благодаря анализу примененных в нем шрифтов), что скорее всего они относятся (предположительно) к «Комедии», выпущенной в Венеции Бартоломео Дзани 17 июля 1507 г. (Николаев, 240). К сожалению, в библиотеках СССР ни одного экземпляра этого издания не оказалось. Только находясь в США, где я выступал в апреле 1996 г. с докладом в Итаке, в Корнельском университете, мне довелось побывать в библиотеке с превосходной коллекцией Дантовых изданий, собранных В. Фиске. Там я сумел обнаружить полный экземпляр, который подтвердил мои догадки; позднее я обнаружил его также в Отделе редких книг и рукописей Гарвардского университета²⁵.

Два раздела в книгах по истории этики и по истории диалектики, вышедших в 1969 и 1974 гг. (Николаев, 59 и 82) не представляли серьезного интереса ни для меня, ни для читателей, но раз навсегда отбили у меня охоту к участию в коллективных трудах. Позднее я отклонял даже более интересные предложения работать над историей Италии, и предпочел обратиться к расширению знакомства с итальянской философией эпохи Возрождения.

Первая работа появилась как бы случайно: кто-то из моих корреспондентов прислал мне только что опубликованное по рукописи издание «Любовной философии» Франческо Патрици. Изучение этой книги стало основой статьи «“Любовная философия” Франческо Патрици и философия любви Тарквинии Мольца» (Николаев, 74). Мне представлялось, что итальянский философ развивал в ней не только свои собственные идеи, но сумел раскрыть и представление о «философии любви» своей собеседницы, которая оказалась никак не придуманной участницей диалога, а создательницей собственной системы. Вместе с тем эта незаконченная работа раскрывала прежде скрытый этап эволюции философских взглядов самого Ф. Патрици.

В дальнейшем я попытался представить «Новую философию Вселенной» Ф. Патрици в специальной статье. Поначалу она была отвергнута редактором выходившего в Москве сборника А. Я. Гуревичем (он почему-то нашел в ней стилистические заимствования из работы Л. М. Баткина, что, как мне кажется, никак не следовало ни из ее манеры, ни из содержания). Позднее она была

---

²⁵ Catalogue of the Dante Collection. Ithaca, 1898. Vol. 1. P. 1, 6–7; экземпляры в библиотеке Гарварда см. в Houghton Library: f IC D 2358 472c 1507 (A), (B).

опубликована в ленинградском сборнике статей (Николаев 97). Занимаясь «Перипатетическими дискуссиями» Ф. Патрици я обнаружил в коллекции известного библиофила М. С. Лесмана неизвестный историкам памфлет Мельхиора Гиршберга, декана философского факультета в Лейпциге, напечатанный в 1614 г. Автор обнаружил в работах философа сочетание платоновских и эпикурейских тенденций. Но более всего меня заинтересовали идеи Патрици о бесконечности Вселенной, с необходимостью вытекающей из бесконечности божественного всемогущества и вместе с тем отрицание бесконечности материального мира. Мне представлялось несомненным влияние на мысль философа поэмы Марцелла Палингения «Зодиак жизни».

Помимо переводов из сочинений Патрици, о которых речь шла ранее, мне помог, как это часто бывало в моей научной работе, неожиданный случай. В конце лета 1983 г. меня пригласил к себе Николай Юрьевич Бубнов. Он предложил университетской библиотеке купить у него книги из собрания его деда Н. А. Рязанова (работая в Отделе рукописей Библиотеки Академии наук, он не считал возможным продавать книги по месту своей службы). Я отобрал у него немало интересных книг, в том числе палеотипы (издания первой половины XVI в.) и ряд крайне редких библиофильских изданий XIX в. Затем он принес мне рукопись XVI в., содержащую произведение Франческо Патрици. Поначалу мне показалось, что это список с печатного издания (такие мне не раз попадались в фондах научных библиотек), но чем-то она меня заинтересовала. Ю. Н. Бубнов даже предложил подарить ее мне — но это было никак не в моих правилах: даже те книги, которые попадались мне в руки еще до поступления в университетскую библиотеку, я потом старался дарить в библиотеку и сохранил у себя лишь те из них, которые нужны были для моей работы (издание Данте 1568 г. и Библия 1521 г.). В свои библиофильские, студенческие годы я собирал книги русских поэтов Серебряного века, в особенности первые издания А. А. Блока и Велимира Хлебникова.

Рукопись я попросил взять с собой, чтобы дома более внимательно с ней разобраться. В тот же вечер я понял, что это была никак не копия с печатного издания, а оригинальная рукопись. Она была подготовлена специально для философа; латинский текст был выполнен каллиграфом-переписчиком, но сопровождавшие её поправки в латинской части и параллельный греческий текст явно принадлежали автору. После того, как с помощью сотрудника Института Возрождения во Флоренции Ренцо Ристори, я получил фотографии нескольких писем Франческо Патрици, я окончательно убедился, что в моих руках находится бесценная часть исторического свода Патрици, его первая книга — «Зороастр». Позднее, в 1988 г., я смог подтвердить свое открытие

после того, как побывал в рукописном отделе Ватиканской библиотеки и сумел ознакомиться с другими рукописями философа (в дальнейшем их микрофильм был прислан в Публичную библиотеку). Я договорился с руководством нашей библиотеки, и рукопись из собрания Н. А. Рязанова поступила в собрание ЛГУ. В дальнейшем я подготовил ее исследование, опубликованное в «Памятниках культуры: Новые открытия. 1991» (Фролова, 60).

От Бруно Нарди я получал оттиски статей, посвященных изучению философии Пьетро Помпонацци, а потом и книгу об одном из главных представителей университетского аристотелизма XVI в. От других своих корреспондентов я получил новые издания его трактатов «О бессмертии души» и о «Фатуме, свободе воли и предопределении». В ленинградских книгохранилищах оказались бесценные издания сочинений Помпонацци 1525 г. и других его произведений и многие годы я потратил на их изучение. Новейшая литература приходила от Э. Гарена, П. О. Кристеллера и других исследователей, огромную помощь мне оказала заведующая межбиблиотечным абонементом университетской библиотеки Зоя Александровна Елкина.

Среди специальных курсов, прочитанных мною на Кафедре истории Средних веков, был и курс, посвященный Пьетро Помпонацци. После моего изгнания (в 1970 г.) с Исторического факультета, я, благодаря поддержке В. И. Рутенбурга и директора Ленинградского отделения Института истории Н. Е. Носова, продолжал занятия в историко-философском семинаре со своими учениками (М. Г. Логутова, Н. И. Николаев, В. И. Мажуга, Ю. П. Малинин, И. Х. Черняк).

Одним из предметов нашей работы было чтение текста «Трактата о бессмертии души» с привлечением средневекового латинского перевода комментариев Аверроэса, сочинений Фомы Аквинского и других толкователей. Именно с этих пор мне запомнилось очень важное изречение богослова и исследователя природы Альберта Великого: «Мне нет дела до Божественных чудес, когда рассуждаю о предметах естественного мира»²⁶. Оно не раз мне приходило в голову в беседах со сторонниками божественного вмешательства в земные дела.

В начале 1960-х годов я делал доклад в Итальянской группе при Ленинградском отделении Института истории о Пьетро Помпонацци; я попытался

---

²⁶ «Nihil ad me de Dei miraculis cum ego de naturalibus disseram» — Albertus Magnus. De generatione et corruptione. См.: *Nardi B. Studi di filosofia medievale*. Roma, 1960. P. 119. Эти или подобные им суждения встречаются также в сочинениях Сигера Брабантского, Пьетро д'Абано, Жана Жандена и других мыслителей XIII–XIV вв.

представить портрет выдающегося философа и показать его вклад в культуру Итальянского Возрождения. Я не мог не отметить и роль, которую сыграл Бруно Нарди в изучении итальянского аристотелизма; помимо прочего я сказал и о награждении его президентской премией «Золотое перо».

Из прений по докладу мне запомнились два высказывания: В. И. Рутенбург полагал, что Бруно Нарди не зря получил президентскую премию: «Золотое перо» было наградой за то, что он не признал Помпонацци атеистом. Это меня не удивило и было вполне в духе тогдашней критики буржуазной науки. Неожиданным показалось мне высказывание Льва Николаевича Гумилева.

Он объявил героя моего доклада принадлежавшим к секте *сатанистов*, особенно влиятельной в тогдашней Венеции; этим объяснялась и безнаказанность философа в Италии начала XVI в. Признаюсь, ни тогда, ни после мне сведения о существовании этой «секты» в источниках не встречались.

В 1973 г. я опубликовал в «Средних веках» статью «Две правды Пьетро Помпонацци» (Николаев, 73). Я использовал в ней известную новеллу М. Банделло о том, как при прогулке по Модене Помпонацци был осмеян местными женщинами, которые приняли его за еврея.

Особенно любопытно заключение новеллы: «подобно тому, как Абрам, благодаря пагубному своему ростовщичеству, несправедливо наживался на имуществе ближнего, так и Перетто показал, что он мало верил в бессмертие души, которое есть основание всего христианского закона». Позднее я опубликовал русский перевод этой новеллы (Фролова, 39). Особое внимание заслужил впервые появившийся в печати в «Трактате о бессмертии души» старинный довод о «трёх обманщиках» (о том, что если не весь мир, то его большая часть была обманута основателями двух из трех мировых религий).

Об истинном отношении философа к религии откровения и рациональному знанию о природе свидетельствовало, помимо его ясных высказываний в лекциях, его толкование предисловия Аверроэса к 3-й книге «Физики» Аристотеля. Там была ясно проведена четкая граница между религией, которая использует язык притч и не содержит ни истины, ни лжи, а служит нравственному воспитанию народа, и рациональным знанием (русский перевод этого фрагмента с толкованием П. Помпонацци был опубликован — Фролова, 40). Помпонацци, как я попытался показать в своей статье, не был атеистом в духе свободомыслия XVIII–XIX вв., он признавал существование Бога, но иначе понимал его отношение к созданному им миру. В дальнейшем я переработал, с некоторыми изменениями, эту статью в предисловии к переводу трактатов философа («Постоянство разума: Свободомыслие Пьетро Помпонацци» — Фролова, 15).

Под несомненным влиянием работ Бруно Нарди по истории аверроизма в итальянских университетах возникла и еще одна моя статья. Е. В. Бернадская показала мне рукопись XV в., оказавшуюся в собрании Общества Любителей Древней Письменности (ОЛДП); сам бы я ее не догадался обнаружить, поскольку в этом фонде находились преимущественно материалы по русской истории. Этот сборник был составлен монахом-доминиканцем из Съены, который посещал занятия в Падуанском университете. Его подарил библиотеке П. П. Вяземский (сын поэта П. А. Вяземского), который купил ее в Италии в 1884 г.

Моя работа называлась «Падуанский кодекс XV в. в собрании рукописей ГПБ». Я снова окунулся в уже изрядно забытый мною готический курсив, только на этот раз это были не «минуты» коринальдского нотариуса, а студенческие записи лекций и копии схоластических трактатов. Пришлось изучать философские сочинения XIV–XV вв., привлекая для их отождествления справочные материалы.

Оказалось, что часть этой рукописи, оторвавшаяся от нее еще по крайней мере полтора столетия назад, находится в Съене. В сборнике ГПБ оказалось 18 сочинений (некоторые в отрывках), переписанных в 1461–1463 гг. Это были работы по логике, математике и астрономии, их авторы преподавали в Падуе, в Париже, в Оксфорде, принадлежали к группе «калькуляторов» Мортонского колледжа. Некоторые их сочинения были опубликованы в ранний период книгопечатания, какие-то экземпляры этих изданий оказались в Публичной библиотеке, что помогло мне при сверке с текстом рукописи. Статья была опубликована в «Средних веках» в 1972 г. (Николаев 174).

Вместе со мной в этом же сборнике «Средние века» опубликовал свою статью о программе восстания в Ажене мой друг В. И. Райцес. До этого доступа к этому главному изданию русских медиевистов у него не было: А. Д. Люблинская не пропускала на его страницы работы своего слишком строптивого, ученика, который несколько раз своевольно менял темы будущих диссертационных исследований. Но этот сборник (вып. 36) был посвящен 70-летию юбилею Александры Дмитриевны, и она не имела отношения к его составу.

Вскоре после издания сборника мы договорились и поехали к ней, чтобы преподнести ей оттиски наших статей. Приняты мы были вполне любезно, нас напоили чаем. Во время беседы Райцес сказал: «А знаете, Александра Дмитриевна, мне понравилось печататься в “Средних веках”». В это время он подготовил несколько статей, касающихся восстания в Ажене и изучения судьбы Жанны д'Арк. На это несколько вольное заявление член редколлегии

сборника не обратила ни малейшего внимания. Работы Райцеса по-прежнему появлялись лишь в других сборниках в России (потом и во Франции), но не в «Средних веках».

Впрочем, мы всегда сохраняли к А. Д. Люблинской глубокую благодарность и высоко ценили её как превосходного исследователя.

Как писал в своих воспоминаниях Л. М. Баткин, «Помню, как мы собрались у Горфункеля после похорон А. Д. помянуть ее. Был там, между прочим, и Райцес. Все скорбели и говорили о ней от души, и восхищались ею, и провожали вместе с ней всех учителей своей молодости, замечательных русских медиевистов, людей, условно говоря, 20-х годов, — в 70-е очень быстро и на сей раз дружно сошедших со сцены»²⁷.

Моя дружба с В. И. Райцесом и В. М. Алексеевым, начавшаяся с первых дней наших занятий в университете, продолжалась все эти годы. Райцес защитил кандидатскую диссертацию о восстании в Ажене в июне 1968 г. На защите я не был, находился в археографической экспедиции, но знаю о ней достаточно много. Диссертация пролежала «в столе» у автора 25 лет, пока не была издана незадолго до его смерти. На моих глазах проходило его увлечение судьбой Жанны д'Арк и создание трех книг о ней; четвертую ему не суждено было написать²⁸. Мы выросли не только в наших научных работах, но и в отношении к окружавшей нас политической действительности. Нам помогало знание истории.

В. М. Алексеев обратился к новейшей истории стран Восточной Европы (восстание в Варшавском гетто, затем — Венгерская революция 1956 г., Варшавское восстание 1944 г. и, наконец, Чехословакия в 1968 г). Не пропущенные в печать, его работы оказались среди замечательных сочинений научного «самиздата». Мы были среди первых читателей его работ. События в Чехословакии показали иллюзорность надежд на социализм с «человеческим лицом». Впервые книги Алексеева были опубликованы после смерти автора, в годы «перестройки»²⁹.

---

²⁷ Баткин Л. М. Начинаящий медиевист из провинции — в гостях у Люблинских // Западноевропейская культура в рукописях и книгах Российской национальной библиотеки. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. С. 126. Сборник был посвящен памяти А. Д. и В. С. Люблинских.

²⁸ Горфункель А. Х. Палеографический подвиг (Исследовательский метод Владимира Райцеса) // Средние века. М., Наука, 2006. Вып. 67. С. 200–215.

²⁹ Горфункель А. Х. Сочинение на запретную тему: Жизнь и книги Валентина Алексеева // Санкт-Петербургский ун-т. 1996. № 7. 15 марта. С. 17–19 (Фролова, 41, 51, 67).

Когда заведующим кафедрой стал М. А. Гуковский, он пригласил меня для чтения спецкурсов и ведения семинаров — как и многих преподавателей «со стороны», из редакции Исторического атласа, Публичной библиотеки, Библиотеки Академии наук, из Института истории, из Эрмитажа. Среди них был В. И. Райцес, читавший лекции по истории Франции на Филологическом факультете и ведший занятия спецкурсов и семинаров на кафедре, Л. И. Тарасюк из Эрмитажного арсенала, нумизмат В. М. Потин, А. В. Банк (византийское искусство), Л. И. Киселева, Е. В. Бернадская, Т. П. Воронова (палеография), В. И. Рутенбург, А. Д. Люблинская.

Первый мой курс (в 1958 г.) был посвящен Джордано Бруно. Я основательно к нему готовился, для первой лекции я придумал несколько риторических вопросов, на которые собирался дать ответ. Предполагалось, что соберутся несколько слушателей, однако пришел только один. Вся моя подготовка рухнула, пришлось перестраиваться на ходу. Студент старательно приходил на все лекции, вел записи и получил положенный ему зачет, но у меня сохранилось ощущение полного провала. В последующие годы я сумел лучше подготовиться к семинарам и лекциям, аудитория стала обычной для нашей кафедры (человек пять), появились и студенты, готовые заниматься в семинаре. Помню, что одна из студенток удивила меня, принеся полный перевод довольно сложного латинского трактата; признаться, я предположил, что ей помогал кто-то из студентов-античников, отлично знающий латынь.

Однако ситуация решительно изменилась в последние годы моей работы на кафедре. Появились студенты, серьезно заинтересовавшиеся интеллектуальной историей позднего Средневековья и Возрождения: В. Б. Гендриков, В. Ф. Баранов (занимавшийся Марсилием Падуанским), И. Х. Черняк, Ю. П. Малинин, Н. И. Николаев, М. Г. Логутова, В. И. Мажуга, искусствоведы Г. Б. Забельшанский, М. Т. Петров, общее число слушателей перевалило за 10–15 человек. Предметом занятий была история инквизиции, философия итальянского Возрождения (Марсилио Фичино, Т. Кампанелла, Джованни Пико Делла Мирандола, П. Помпонацци). В семинарах мы читали и комментировали латинские тексты изучаемых нами авторов. Помню, что один из моих слушателей рассказал И. С. Кону о наших занятиях, тот удивился — «Ну, прямо как в Оксфорде!».

Насчет Оксфорда не знаю, но весьма серьезно повлияли на меня занятия Александра Иосифовича Зайцева; кафедра располагалась в одной комнате, перегороженной книжными шкафами, и мне приходилось, находясь в помещении, отведенном для заходящих на кафедру посетителей и для лаборантки, прислушиваться к его комментариям и объяснениям. Позднее мы

познакомились с ним и часто встречались на факультете и в библиотеке. Помню, что однажды я рассказал ему о защите кандидатской диссертации Л. Н. Гумилевым и о роли М. А. Гуковского и М. И. Артамонова, выступивших в его поддержку против востоковедов. Те считали, что диссертант, не зная восточных языков, позволял себе использовать в работе переводы источников на английский и на другие европейские языки, что ставило его исследование за пределы науки. А. И. Зайцев был возмущен: «Но ведь они поступили не принципиально!».

Был я и на защите кандидатской диссертации Александра Иосифовича. Среди обсуждавших был известный лингвист Л. Г. Герценберг; председательствующий резко оборвал его выступление, он тут же вышел из помещения. Сходный случай запомнился мне, когда при обсуждении Корпуса Боспорских надписей директор Института истории В. М. Вяткин прервал речь Б. А. Романова. Тот оставил собравшихся со словами: «Тогда это никакое не заседание и не Ученый Совет!». Достойное поведение этих ученых навсегда осталось в памяти.

В своем заключительном слове А. И. Зайцев с благодарностью упомянул Я. М. Боровского, к тому времени изгнанного из университета. После защиты А. И. Доватур с возмущением заявил диссертанту, что он нанес оскорбление всей кафедре.

На Кафедре истории Средних веков я выступал с небольшим сообщением о «Любовной философии Франческо Патрици». Другой мой доклад (о Т. Кампанелле) состоялся в 1966 г., назывался он: «Атеизм торжествующий или побежденный?» К своему выступлению я представил латинские тезисы в виде схоластических «вопросов» и «ответов». Один из сотрудников кафедры заметил, что моя латынь оказалась странной; но дело в том, что я использовал схоластический язык средневековых трактатов, резко отличавшийся от «меди торжественной латыни» классической древности.

Мое десятилетнее сотрудничество оборвалось, как только от заведования кафедрой был отстранен М. А. Гуковский. Еще не был подписан приказ об его уходе с должности, как новый заведующий кафедрой Г. Л. Курбатов в конце августа 1969 г. сказал мне, что он не сможет платить мне за мои лекции и семинары. Я объяснил, что готов заниматься со студентами без вознаграждения. Тогда он привел другой аргумент: так как М. А. Гуковский, несмотря на тяжелую болезнь, продолжал вести лекции и семинары, мои занятия смогут ему помешать. Я уверил его, что «мои» студенты будут обязательно посещать занятия Матвея Александровича, как они делали это в предыдущие годы. При разговоре присутствовал В. И. Рутенбург, тоже

читавший на кафедре, и он подтвердил мой ответ, что между тремя итальянистами никакой «конкуренции» не будет. Тогда новому заведующему кафедрой ничего не оставалось, как поднять выразительным жестом палец вверх: этого требует начальство.

Речь шла о бессменном секретаре партийного бюро факультета, М. Н. Кузьмине, известного, помимо беспробудного пьянства, своими четко выраженными взглядами на присутствие евреев на факультете, тем более не вполне лояльных. Помню, что, когда я был в общежитии на Мытнинской набережной (кажется, праздновалось окончание факультета кем-то из моих учеников), один из студентов (я его не знал, он учился на другой кафедре) спросил меня: «А. Х., а почему Вас так не любит Марк Николаевич?» — мне нечего было ответить: я почти не был знаком с секретарем партийного бюро, только здоровался с ним, встречаясь в коридорах факультета.

Впрочем, дело было не только в антисемитизме: М. Н. Кузьмин поддерживал в трудных ситуациях Ю. Д. Марголиса, вполне терпел на нашей кафедре других лекторов-почасовиков. Его претензии ко мне были вызваны прежде всего содержанием моих лекций.

Вскоре после этих событий Юрий Васильевич Егоров, недолго заведовавший кафедрой Всеобщей истории в Педагогическом институте им. А. И. Герцена, приютил меня при своей кафедре, где я один или два года вел спецкурсы. Там я встретился с моим коллегой, отличавшимся разнообразными и очень широкими познаниями в Средневековье и в Новой истории; он удивился моему изгнанию с Истфака: его как еврея это никак не коснулось, а я порадовался, что дело было вовсе не в национальности. Тогда же он рассказал мне о своих занятиях на Историческом факультете Ленинградского университета: он жаловался на малограмотных студентов: «Представляете, мне приходится писать на доске имена Дидро, Д'Аламбера, Монтескье!». В этот же день я отправился в университетскую библиотеку и встретил студента, слушавшего его курс о Просвещении; он с удивлением сказал мне о лекторе: «Представляете — он пишет на доске имена Дидро, Д'Аламбера и Монтескье!»

Позднее, когда об этом узнал мой студент В. И. Мажуга, он обратил мое внимание на то, к кому из студентов обращается лектор в своих занятиях, и в качестве примера привёл А. И. Зайцева, ориентирующегося на самых сильных слушателей. Полагаю, что это наблюдение повлияло на мою дальнейшую лекторскую работу.

В 1973 г. мне пришлось руководить дипломным сочинением студентки вечернего отделения, Людмилы Борисовны Вольфцун, работавшей в нашей

библиотеке. Но только недавно я узнал предысторию этого события из писем моей тогдашней ученицы. Оказалось, что, желая заняться историей итальянского Возрождения, она пришла в Институт истории к В. И. Рутенбургу. Он предложил ей обратиться ко мне. Когда она сказала об этом Г. Л. Курбатову, тот решительно воспротивился: Горфункель занимается философией, и ей ни в коем случае не следовало бы у меня учиться. Переговоры затянулись на несколько дней, вопрос был вынесен на заседание кафедры, и тут Л. Б. Вольфцун случайно проговорилась, сообщив, что совет обратиться ко мне ей дал В. И. Рутенбург. Не желая портить отношения со своим соавтором (они писали статью о городских восстаниях в Италии и в Византии), вскоре ставшим членом-корреспондентом Академии наук, заведующий кафедрой вынужден был согласиться. Л. Б. Вольфцун писала у меня дипломную работу о заговоре Пацци.

Еще одна дипломница появилась у меня как бы полулегально: Е. В. Бернадская предложила мне руководить работой Е. Г. Гришко, притом, что она сама оставалась официальным руководителем. Студентка оказалась весьма работящей, в дальнейшем она поступила в аспирантуру Философского факультета и успешно защитила диссертацию о выступлении Т. Кампанеллы и А. Фоскарини в защиту Галилея, отлично перевела полемические трактаты. Потом она вышла замуж и уехала в Африку (кажется, в Нигер?) и о дальнейшей ее судьбе я ничего не знаю.

В чем была причина такого странного отношения ко мне нового заведующего кафедрой? Одно я могу сказать абсолютно определенно: Г. Л. Курбатов ни в малейшей мере не был антисемитом, он вырос в хорошей интеллигентной семье. Другое дело, что он умело играл на настроениях партийного начальства.

Он прекрасно понимал, что ни я, ни В. И. Райцес при сложившейся в стране ситуации государственного антисемитизма не могли бы представлять какую-то угрозу его карьере, не говоря о том, что у нас не было и мысли об этом. Не существовало между нами и какой бы то ни было личной неприязни. Когда Курбатов только появился на нашей кафедре, мы с Райцесом предложили ему выступить на студенческом научном кружке с рефератом о только что изданной книге Е. А. Косминского; это было хорошее начало. В дальнейшем он стал известным византинистом.

Дружеских отношений между нами не сложилось, мы слишком рано разошлись и в своих научных интересах, и в жизненных устремлениях. Но и вражды не было. Потом я узнал, что один из его соучеников, с которым он дружил в студенческие годы, позднее отошел от него, когда почувствовал его нескрываемую заинтересованность в карьере.

Причины были в другом. Наш друг А. Н. Немилов как-то рассказывал нам, что во время «домашнего» банкета по случаю защиты кандидатской диссертации одного корейского аспиранта, у него состоялся полупьяный разговор с Егором Курбатовым (на кафедре мы с первых дней знакомства называли его именно так, да и он себя иначе не представлял). Тот вспоминал, как он уже в детстве читал по-французски романы Жюль Верна, а тут появляется на кафедре «этот Райцес», и все вокруг него, все липнут к нему... В. И. Райцес тогда работал в школе в г. Пушкине и, бывало, приходил к своему другу Владимиру Якубскому, тогда лаборанту кафедры. Он действительно обладал какой-то притягательной силой. Но как можно было завидовать человеку, работавшему в школе, не состоявшему тогда хотя бы в заочной аспирантуре — для меня это непонятно. Скорее всего причиной была тайная зависть к свободному поведению невзлюбившихся ему людей, своеобразный комплекс карьериста.

В. И. Райцес после защиты кандидатской диссертации получил приглашение работать в Новгородском Педагогическом институте и прервал свои занятия на Историческом факультете ЛГУ. Отношение же ко мне проявилось, когда я подготовил докторскую диссертацию («Натурфилософия итальянского Возрождения») весной 1971 г.

Сперва я обратился к заведующему кафедрой истории философии А. А. Галлактионову. Через несколько дней он вызвал меня и объяснил, что принять мою работу не может, и посоветовал мне обратиться в Москву, к автору книги о Джордано Бруно В. С. Рожицыну. Я мог бы только поблагодарить его за рекомендацию пойти к ученому, скончавшемуся почти 30 лет назад.

Оставалась «моя» кафедра Истории Средних веков. Работа была переименована: «Свободомыслие итальянского Возрождения». В. В. Штокмар согласилась ее прочитать. Но когда я пришел на заседание кафедры, Г. Л. Курбатов заявил, что он не может принять ее, так как на кафедре нет специалистов по итальянскому Возрождению. Я мог бы возразить, что даже в итальянских университетах бывает не более одного профессора, занимающегося этим предметом. Диссертацию Георгий Львович даже не просмотрел, но сослался на мнение декана факультета, Виктора Анатольевича Ежова, его однокурсника, специалиста по истории советского рабочего класса. Я тут же пошел к декану; он ответил мне, что передает это на усмотрение кафедры. Вернувшись в столь знакомый мне кабинет, я сообщил об этом Г. Л. Курбатову, он мгновенно снялся с места, остановил заседание кафедры и отсутствовал довольно долго. Затем он снова повторил свои прежние аргументы. Никто из членов кафедры, в том числе и те, кто уже готов был прочитать мою

работу, не решились бы ему возражать; что, впрочем, было вполне понятно при установившемся там режиме строгого послушания. Потом один из преподавателей попенял В. Райцесу: «Что же это за диссертация, которую можно выдвигать и как историческую, и как философскую?». Райцес ответил: «А ты напиши работу, которую можно было бы представить для двух факультетов».

Забавно, что многие годы после этого, когда нам приходилось встречаться на факультете и на кафедре, Г. Л. Курбатов обращался ко мне не иначе, как «Саша» или даже «Сашенька»; я, естественно, предпочитал называть его «Георгий Львович».

Пришлось подумать о защите в Москве. В конце мая я написал своим московским коллегам — В. В. Соколову и И. Н. Осиновскому. Первым откликнулся В. В. Соколов. Он сообщил, что уже переговорил с деканом Философского факультета Московского университета Михаилом Федотовичем Овсянниковым, и предложил мне прислать диссертацию, что я и сделал в ближайшие дни. Только после этого пришел ответ от И. Н. Осиновского: оказалось, С. Д. Сказкин был на даче, а после возвращения сразу же согласился представить мою работу в Ученом Совете Института Всеобщей истории. Но отказываться от прежнего предложения мне уже было неудобно, хотя, при поддержке С. Д. Сказкина моя работа прошла бы быстрее, да и утверждение ее в Высшей Аттестационной Комиссии скорее всего бы не задержалось.

Перед заседанием кафедры истории философии в МГУ я побывал у В. В. Соколова. Зашел разговор о возможных оппонентах. Одним был сам В. В. Соколов, другим мне был предложен Александр Леонидович Субботин, я знал о его работах по истории логики. Третьим я предложил В. И. Рутенбурга, но Василий Васильевич засомневался: Рутенбург — оппонент у Горфункеля — это уже слишком для их факультета. Пришлось мне рассказать, что настоящая фамилия Виктора Ивановича была Копейкин: в 30-х гг. он принял фамилию жены Софьи Григорьевны Рутенбург (про него ходил анекдот: «Остался бы Копейкиным — цены бы ему не было!»). Я вспомнил Бориса Григорьевича Кузнецова, историка науки. Василий Васильевич рассмеялся: «Правда, тут обратная история!» (как выяснилось, его фамилия, или как писали в доносах и обличительных статьях «наст. фам.», была то ли Эпштейн, то ли Шапиро).

Заседание кафедры состоялось осенью 1971 г. или зимой 1972 г. Я как сумел изложил содержание диссертации. Запомнил я только два из заданных мне вопросов. Первый касался обязательного исторического введения (замечу, что академик С. Д. Сказкин как раз отметил в качестве несомненных достоинств моей работы именно отсутствие в ней подобного введения, где повторялись бы известные каждому историку сведения о социально-эконо-

мических предпосылках Возрождения, с обязательной цитатой из Ф. Энгельса). Более серьезный был вопрос, как я понимаю натурфилософию. Кажется, я проявил полное незнание предмета и высказал свое мнение, как будто не вполне совпадающее с принятым в историко-философской науке определением. В общем настрой был не слишком благоприятным. Но никто из выступавших членов кафедры никогда не занимался историей философии эпохи Возрождения и они удовлетворились мнением представившего меня В. В. Соколова. Мне было предложено исправить работу, после чего она была одобрена кафедрой. Защита была назначена на конец апреля 1973 г.

Реставраторы нашей библиотеки переплели этот довольно большой том (тогда еще не были введены обязательные ограничения объема диссертаций); я предложил сделать переплет из грубого холста. Как оказалось, это было очень удобно: когда я пришел в деканат философского факультета, ее очень легко было отыскать среди множества диссертаций, переплетенных в ледерин красного, синего и черного цвета.

После первого заседания кафедры профессор Алексей Сергеевич Богомолов (кажется, он тоже задавал какие-то вопросы, но я их не запомнил), пригласил меня на следующий день к себе домой. Сильно проплутав по каким-то московским закоулкам, я наконец нашел его квартиру. Как мне рассказывали о нем ленинградские философы (Михаил Антонович Киссель, Юрий Алексеевич Асеев), он служил в авиации, но после серьезного заболевания вынужден был сменить профессию. Занявшись историей философии он, прежде всего, как они говорили, изучил «материальную часть»: изучил языки и исследовал современную зарубежную философию, опубликовал книги, посвященные английской и американской мысли Нового времени. Мы очень коротко поговорили о диссертации, а затем он, зная о моих служебных деятельности, показал принадлежавшую ему редкую книгу, без титульного листа; это было сочинение петровской эпохи. Я сумел точно определить автора, заглавие книги и издание, вышедшее в Петербурге, в Синодальной типографии. Кажется, мое знание старопечатной книги произвело на него более глубокое впечатление, чем мои историко-философские исследования.

Защита была назначена на 29 апреля 1973 г. Произошло вполне случайное, но для меня очень важное совпадение: накануне защитил докторскую диссертацию мой старый друг (со школьных времен, с 1943 г.), Аркадий Давидович Литманович, работавший в одном из химических институтов Академии наук. В те времена банкеты были почему-то строго запрещены, и в ресторане нам приходилось придерживаться строгих правил и не упоминать, по какому случаю произошло застолье.

За несколько недель до моей защиты выяснилось, что один из оппонентов, А. Л. Субботин, отправляется в научную командировку в Польшу; к счастью, он заранее подготовил свой отзыв, но мне пришлось срочно искать нового оппонента. В. В. Соколов познакомил меня со своим сослуживцем по Институту философии Вениамином Моисеевичем Богуславским, специалистом по французской философии XVI–XVII вв. Я доставил ему, свои книжки о Бруно и Кампанелле и оттиски статей. За короткий срок он сумел подготовить выступление.

Перед отъездом в Москву я случайно встретил на Невском Софью Григорьевну Рутенбург, сказал ей о предстоящей защите; я узнал, что В. И. Рутенбург собирается в Москву для оформления итальянской командировки, но никак не предполагал, что он выяснит время моей защиты и придет на заседание Ученого совета.

На нем были прочитаны отзывы А. Л. Субботина и академика С. Д. Сказкина, выступили три официальных оппонента и В. И. Рутенбург. Секретарь Ученого совета без конца перевирал мою фамилию и почему-то называл Бруно с ударением на втором слоге, очевидно, этот философ не входил в круг его интересов. После голосования тот же секретарь так непонятно огласил результаты, что присутствующая там Ирина Васильевна Поздеева даже решила, что меня успешно провалили. Только поговорив с В. В. Соколовым я узнал, что диссертация «прошла»; правда, несколько членов Ученого совета проголосовали против. В их числе, как мне потом сказали, были Г. С. Васецкий и М. Т. Иовчук; забавно, что именно с их книги, вышедшей во время войны, началось мое школьное философское образование³⁰. Об их пагубной деятельности на Философском факультете МГУ в 1950-х гг., равно как и о роли И. Я. Щипанова, рассказано в книге Юрия Федоровича Карякина³¹.

Домашний «банкет» был устроен на следующий день (29 был день рождения моей школьной приятельницы Аси Соломоновой, и я поехал к ней) в доме И. В. Поздеевой, возглавлявшей археографическую работу в Московском университете, у которой я в этот раз остановился. Помимо близких друзей (в том числе и Л. М. Баткина) были там и Л. М. Брагина, ленинградский социолог А. Г. Здравомыслов, В. В. Соколов и В. И. Рутенбург.

---

³⁰ *Васецкий Г. С., Иовчук М. Т.* Очерки по истории русского материализма XVIII–XIX вв. М.: Госполитиздат, 1942.

³¹ *Карякин Ю. Ф.* Перемена убеждений: От ослепления к прозрению. М.: Радуга, 2007. С. 26–37.

А. Д. Литманович преподнес мне стихотворение о заседании ученого совета, там были строчки: «А народу не нужно / Это самое Бруно». Л. М. Брагина, работавшая на Историческом факультете МГУ, взяла на себя заботы об окончательном оформлении документов и о передаче их в ВАК.

Как и с первой моей диссертацией не все прошло благополучно. Из ВАКа ее передали на отзыв рецензенту, тот продержал ее в течение года и вернул ее без заключения, сославшись на то, что мое сочинение не по его специальности. Не дождавшись ответа, я написал в ВАК и мое письмо попало к Игорю Сергеевичу Нарскому. Тот прочитал работу и вернул с положительным отзывом. Сразу же после этого он написал мне письмо с предложением переработать диссертацию в учебное пособие для издательства «Высшая школа».

В это время я уже готовил книгу «Гуманизм и натурфилософия итальянского Возрождения» для издательства «Мысль» (1977 г.). Я отказался в ней от монографического построения, и предпочел раскрыть главные проблемы, обсуждавшиеся мыслителями этой эпохи. Я дополнил книгу новыми материалами, которые изучал за годы после защиты. Правда, слово «гуманизм» было внесено в заглавие книги по категорическому требованию редакции, так как о гуманизме действительно было там немало сказано в первых разделах книги и в ее последней главе. Книгу я посвятил памяти моего учителя М. А. Гуковского.

В историческом введении к книге («“Золотой век” и инквизиция») я попытался показать значение гуманистической культуры для продвижения к новому знанию, отметил роль книгопечатания и вместе с тем противопоставление новым веяниям католической реакции и инквизиции. Вторая глава касалась роли поздней схоластики и гуманизма. Собственно натурфилософии итальянского Возрождения были посвящены четыре главы («Право на истину», «Новая картина мира», «Бесконечная Вселенная и Бог», «Познание мира и магия»). Седьмая глава («Философская ересь») отвергла представление о гуманизме как предшественнике Контрреформации и вместе с тем показала полное расхождение поздних гуманистов с реформационным движением, в котором более всего их не устраивал догмат о божественном предопределении. Философская ересь сумела сохранить черты христианского гуманизма Томаса Мора и Эразма Роттердамского. Этой главы не было в моей докторской диссертации, равно как и «Заключения», где я рассматривал отношение натурфилософии к поздней схолистике и вместе с тем к зарождающейся науке Нового времени.

На книгу откликнулись в СССР А. И. Черных и В. М. Богуславский, в США — М. Раев (M. Raeff) (Николаев, 90). Помню, что один из моих

библиотечных начальников обратил внимание, что в именном указателе нет «сакральных» имен; хотя ссылки на «классиков» о начале капиталистического производства в Италии и об эпохе Возрождения были учтены, зато имя Фомы Аквинского было там упомянуто на двадцати девяти страницах.

Второй книгой, появлением которой я полностью обязан И. С. Нарскому, была «Философия эпохи Возрождения» (1980 г.). Мне пришлось вернуться к персональному построению, включив очерки о Николае Кузанском, Леонардо, Копернике, Эразме, Море, Макиавелли, Монтене и Бёме, а в заключении упомянуть Галилея и Вико. Разумеется, многие из этих разделов носили вынужденно компилятивный характер, хотя я старался использовать при этом прежде всего работы самих мыслителей. Во многом мне помогли мои прежние занятия, связанные с изучением работ этих философов. Отзывы о книге были напечатаны в СССР В. В. Соколовым и В. М. Богуславским, в ГДР — Б. Фогелем (B. Vogel); в 1987 г. она вышла в переводе на чешский язык (см.: Николаев, 100). И. С. Нарский потребовал от меня включить в книгу и разделы, посвященные развитию логики, но тут я решительно воспротивился. Пришлось самому И. С. Нарскому внести эти краткие сведения. Я было просил его указать где-нибудь в примечаниях свое авторство, но он отказался, и только теперь я имею возможность отметить его участие. Книгу я посвятил моей матери Марии Яковлевне Аронсон и был рад, что она увидела это посвящение за три месяца до смерти.

Работа над диссертацией заняла немало времени, она позволила мне расширить круг моих представлений об итальянской философии XV–XVII вв. Значительное место в моих занятиях было отведено гуманистической мысли от поздней схоластики до Высокого Возрождения, до появления гуманизма Платоновской академии. Сейчас я уже не могу вспомнить, кто из Института философии предложил мне написать статью для сборника «История философии и вопросы культуры» и как у меня возник замысел работы «От “Торжества Фомы” к “Афинской школе” (Философские проблемы культуры Возрождения)» (Николаев, 84), не знаю, как я решился привлечь в качестве опорных точек знаменитые фрески Андреа да Фиренце в Испанской капелле в церкви Санта-Мария Новелла во Флоренции и «Афинскую школу» Рафаэля в Палате подписей (или Палате печатей) Ватиканского дворца в Риме.

Сказался мой интерес к итальянской живописи этой эпохи: собрание Эрмитажа, чтение классических трудов итальянских историков изобразительного искусства, прежде всего многотомного труда Адольфо Вентури и жизнеописаний Дж. Вазари, не говоря о монографиях, поступавших

в Эрмитаж, в мою библиотеку и в библиотеку М. А. Гуковского, к которой я, благодаря содействию его вдовы А. С. Кантор-Гуковской, имел доступ и после кончины моего учителя.

Фрески Андреа да Фиренце (как и аналогичные работы в Сьене) изображали торжество схоластического богословия над поверженным у ног Фомы Аквинского «извратителем» аристотелевой философии Аверроэсом. Цикл работ Рафаэля в Stanza della Segnatura являл апофеоз неоплатонической философии Пико делла Мирандолы и Марсилио Фичино. Особенно интересным явилось истолкование «Афинской школы» в эпоху Контрреформации. Продолжением этой работы был доклад, а потом и статья «“Диспут” Рафаэля» (Николаев, 112 и 131).

Борис Григорьевич Кузнецов, автор книг о Галилее, Бруно, Эйнштейне, Ньютоне, прочитав мою статью, одобрил ее, но заметил, что фрески Андреа да Фиренце поразили его красотой цвета; он видел в этом воздействие начавшегося в Италии пред-Возрождения. Я не мог этого знать: в моем распоряжении были только черно-белые воспроизведения; их достаточно приличные красочные репродукции появились лишь в 1980–90-х гг. Только в 1988 г. я сумел попасть во Флоренцию и убедиться в основательности его впечатлений.

Наша переписка с Б. Г. Кузнецовым началась с середины 1960-х гг. Я приходил к нему в полуподвальную квартиру в Старосадском переулке, а потом в новом доме на Ленинградском проспекте. Когда я бывал в Москве, я посещал его после работы в архивах и в библиотеках. Он угощал меня превосходным (почти «итальянским») кофе в его кабинете-библиотеке. Я получал его книги и статьи. По заказу из Академии наук я составил библиографию к его статье о науке Возрождения, писал отзывы о его статьях и книгах, в том числе и о работе «Джордано Бруно и генезис классической науки» (1970 г.), которая помогла оценить роль Ноланца в подготовке научной революции.

По совету Б. Г. Кузнецова я написал статью о ренессансных предпосылках возникновения классической механики (Николаев, 98), опубликованную в сборнике «Механика и цивилизация XVII–XIX вв.» (1979 г.). В ней я попытался представить не только роль возрождения классического наследия, но также и значение гуманистического индивидуализма в психологии создателей новой культуры. Был я и редактором книги Б. Г. Кузнецова «Идеи и образы Итальянского Возрождения» (1979 г.). С огромной благодарностью вспоминаю беседы с Борисом Григорьевичем, знакомство с его библиотекой, где, помимо новых зарубежных публикаций по истории науки, были и редкие издания начала XVI века. Наше общение и крайне полезная для меня переписка продолжались более 15 лет; в 1983 г. я получил телеграмму о его кончине.

Между тем я попытался рассмотреть некоторые важные проблемы, связанные с историей философской мысли эпохи Возрождения. Так появилось (сперва как доклад на конференции в 1975 г., а затем и как статья) работа «Основные этапы развития итальянской философии в эпоху Возрождения» (Николаев, 94). Возможно, именно она вызвала, по сообщению В. В. Бибихина, язвительные замечания А. Ф. Лосева³².

На конференции 1979 г. («Проблемы культуры Возрождения и Реформация») я выступил с докладом «Гуманизм. Реформация. Контрреформация», позднее опубликованном в сборнике «Культура эпохи Возрождения и Реформация» (Николаев, 102). В Государственном Музее изобразительного искусства им. А. С. Пушкина я сделал сообщение «Средневековые традиции в философии Возрождения» (Николаев, 103). «Полемика вокруг античного наследия в эпоху Возрождения» предназначалась для сборника «Античное наследие в эпоху Возрождения» (Николаев, 127); С. С. Аверинцев в своей статье в том же сборнике заметил, что я в книге «Гуманизм и натурфилософия итальянского Возрождения» не учитывал точку зрения «христианской литературы предыдущих эпох»³³.

В новой статье я попытался показать противостояние поздней схоластики, прежде всего у Джованни Доминичи, автора книги «Светляк в ночи», и у его ученика епископа Флорентийского Св. Антонина новому пониманию античной культуры у гуманистов, отличавшихся в этом и от своих предшественников, ранних отцов христианской Церкви. При этом меня занимали выступления хранителей ортодоксии против философских и религиозных воззрений гуманистов. Этот спор особенно обострился в начале XVI в. и позднее нашел свое место в декретах Тридентского собора.

Что касается А. Ф. Лосева, то, помимо его отклика на мою книжку о Джордано Бруно и первых томов его истории античной эстетики, я мало был знаком с его трудами 1920–1930-х гг. Правда, у моего соседа по дому, историка раннего христианства и археолога Сергея Алексеевича Беляева,

³² Бибихин В. В. Алексей Федорович Лосев; Сергей Сергеевич Аверинцев. С. 221: «Читали Горфункеля о натурфилософии Возрождения, оставляя замечания на полях. А. Ф. Лосев делал презрительные замечания. Потом он вдруг сказал: «А ты знаешь, что я замечания делаю как Ленин: “Ха-ха!” И он ужасно развеселился, смеялся вовсю и повторял: “Ха-ха! Сволочь мелкобуржуазная! Боженьку стало жалко!”» Возможно речь шла об автореферате диссертации или о какой-то моей статье.

³³ Аверинцев С. С. Античный риторический идеал и культура Возрождения // Античное наследие в культуре Возрождения. М.: Наука, 1984. С. 142–154; см.: *Он же*. Риторика и истоки европейской литературной традиции. М.: Языки русской культуры, 1996. С. 360.

я еще в конце 1960-х гг. ознакомился с работой А. Ф. Лосева «Античный космос и современная наука». Но серьезный интерес к его ранним трудам возник у меня в конце 1970-х гг., когда моим помощником в Отделе редких книг университетской библиотеки стал Н. И. Николаев. В нашей библиотеке оказались его издания, выпущенные автором в самое не подходящее для этого время. Кроме того, Н. И. Николаев сумел получить из Библиотеки им. В. И. Ленина его запрещенную книгу «Диалектика мифа» и сделал ее фотокопию (сама же она так и пропала в фондах главной библиотеки СССР). Это откровенно направленное против господствующей идеологии сочинение было разгромлено на XVI партийном съезде в выступлениях Л. М. Кагановича, одного из ближайших подручных И. В. Сталина, и драматурга РАППовца В. М. Киршона. Последний под громкий смех и аплодисменты зала заметил, что, дескать, в книге А. Ф. Лосева находят какие-то философские оттенки; «А по-моему, — заявил оратор — за такие оттенки надо ставить к стенке!» Автор книги был отправлен на строительство Беломор-Балтийского канала, откуда ему удалось выйти позднее (потеряв здоровье и зрение) стараниями Е. М. Пешковой. Пылкого же обличителя ожидала та самая судьба, которую он примерял для обличаемого философа. Позднее я ознакомился в собрании сочинений А. М. Горького со статьей, напечатанной одновременно в «Правде» и «Известиях». Она касалась замечаний А. Ф. Лосева к «Диалектике мифа», которую писатель упорно называл «Диалектика мира» — очевидно, с таким заглавием она попала к нему из ведомства наркома внутренних дел Г. Г. Ягоды. Здесь ни к месту пересказывать эту гневную филиппику, направленную против узника ГУЛАГа.

Я не зря вспоминаю эти обстоятельства, несомненно знакомые всем, кто интересовался историей русской философии прошлого столетия. Правда, когда мы возвращались из Москвы после защиты докторской диссертации, один мой приятель, любезно доставивший нас в своей машине в Ленинград, и слушать не захотел о значении трудов А. Ф. Лосева в современной русской философии: по его мнению, несравнимо больший смысл имели тогдашние кадровые перестановки в руководстве Института философии Академии наук и в редакции журнала «Вопросы философии».

Для меня события, связанные с судьбой последнего представителя русской религиозно-философской мысли и его положения в советской идеологической и политической системе послужили важным этапом моего духовного развития. Это никак не значило, что я полностью разделял его взгляды.

Я посылал Алексею Федоровичу свои книги и статьи; впрочем, его отклик на мою книжку о Джордано Бруно оказался для меня приятной неожиданностью.

данностью (тогда мы еще не состояли в переписке). Мне довелось побывать на праздновании его 85-летнего юбилея в декабре 1978 г. Происходило это в огромном актовом зале Педагогического института (бывшего института Герье). Мы с Игорем Николаевичем Осиновским подошли не к началу заседания; на улице был отчаянный мороз, над садом около института громко каркали вороны. Мы попытались раздеться, но гардеробщики уговорили нас идти в пальто, сославшись на холод в зале. Восторженным выступлениям не было конца. Когда мне предоставили слово, я произнес подражание стихотворению Валента Ацидалия, посвященного Джордано Бруно (потом уже я узнал о достаточно уничижительной оценке Бруно в «Эстетике Возрождения»). Так как некоторые из выступавших говорили о том, что А. Ф. Лосев до сих пор так и не стал членом Академии наук, мне пришлось вспомнить слова Ноланца, который был «академиком без академии», противостоявшим всяким официальным титулам и званиям. Позднее, как мне передавали, известный литературовед Александр Викторович Михайлов сказал, что на этом заседании было только два заметных выступления, С. С. Аверинцева и мое (я не был с ним знаком, только однажды видел его и С. С. Аверинцева в доме искусствоведа Василия Григорьевича Кисунько и археографа и историка русского книгопечатания И. В. Поздеевой).

В декабре 1983 г. я получил открытку А. Ф. Лосева, в которой он благодарил меня за участие в юбилее; на этом закончилась наша переписка.

К этому времени я узнал в издательстве «Мысль», что там готовится к печати книга А. Ф. Лосева об эстетике Возрождения. Я даже предполагал быть ее издательским рецензентом. К счастью, этого не произошло. Я, разумеется, не стал бы оспаривать основные положения книги. Но тогда я был бы лишен возможности, как рецензент, принять участие в дальнейших спорах. К сожалению, я не могу вспомнить, купил ли я «Эстетику Возрождения» в университетской книжной лавке или получил в подарок от автора (во времена книжного голода и огромного спроса на новые издания гуманитарной литературы это была едва ли не единственная возможность её раздобыть).

Прочитав новую книгу А. Ф. Лосева, я был глубоко огорчен — хотя чего было и ждать от автора, который именно с эпохи Возрождения обнаружил глубокую порчу европейской культуры. Дело было не в очевидных ошибках — их мог бы убрать грамотный редактор (хотя кто бы осмелился прикоснуться к этому почти сакральному тексту), но это никак не меняло существа работы. Основательно изучив исследование А. Ф. Лосева³⁴ и ис-

---

³⁴ Лосев А. Ф. Эстетика Возрождения. М.: Мысль. 1978.

пещрив своими замечаниями чуть ли не каждую страницу книги, я решил написать — не рецензию — а отклик на «Эстетику Возрождения».

Я не мог согласиться с принятым им понятием «восточный» Ренессанс — при всех своих достижениях эта культура оставалась в пределах теологической культуры Средневековья. Точно также я не мог принять философию и теологию Св. Фомы Аквинского в качестве «проторенессансной» культуры: его антропология рассматривавшая человека, как тварь, не способную к обожествлению по своей собственной сущности и природе, тем самым оставалась в пределах средневековой культуры, независимо от того, как бы высоко мы не ценили ее достижения. По утверждению А. Ф. Лосева, «отдельная и изолированная личность, на которую опиралась возрожденческое мышление и которой вдохновлялась возрожденческая эстетика, отнюдь не являлась такой безупречной и абсолютной областью, на которой можно было бесстрашно строить *безусловно убедительное и никакими способами неопровержимое мировоззрение*» (подчеркнуто мною — А. Г.)³⁵. Признаться, я не знаю в истории таких «мировоззрений», кроме религиозного.

В качестве наиболее яркого образца А. Ф. Лосев приводит ренессансный «титанизм», притязающий на полную абсолютизацию, вне связей с Богом, природой и людьми. При этом в качестве таких явлений автор «Эстетики Возрождения» говорит о коварстве и жестокости власть имущих — правда, они мало отличаются от того, что творилось далеко за географическими и хронологическими пределами европейского Возрождения, при дворах средневековых императоров, королей и удельных князей, в римской курии или в византийских «коридорах власти».

Все художественные достижения этой эпохи по мнению А. Ф. Лосева в конечном счете ведут в общий духовный тупик. Не помогает и представление о «*модифицированном*» Возрождении: в творчестве Коперника и Бруно, выводящего человека за пределы ограниченного геоцентрического пространства, у Монтеня, с его преодолением гуманистического антропоцентризма, у Шекспира, раскрывшего трагизм индивидуалистической морали.

Особенно показателен пример Джордано Бруно: по мнению А. Ф. Лосева, философ с его идеей бесконечной Вселенной превратил человеческую личность в ничтожную песчинку. При таком понимании этой философии и рука с распятием, протянутым к стоящему на костре Джордано Бруно, может быть представлена в книге как «дружеская рука». Между тем ренессансная антропология и космология отнюдь не исключала учение о совершенном

³⁵ Там же. С. 385.

и прекрасном человеке, находящем свой путь благодаря «героическому энтузиазму».

«Модифицированным» гуманизм был с самого начала — когда в нем выработывались принципы «новой социальности» (термин Н. В. Ревякиной). Критика ограниченности индивидуализма усиливается во флорентийском неоплатонизме и в «Речи о достоинстве человека». Возрождение не было антирелигиозным — оно искало иной религиозности, но именно её и не принимает автор «Эстетики Возрождения». Я не мог обойти и слишком несурзных неточностей и ошибок в книге А. Ф. Лосева, но подчеркнул, что все они полностью функциональны.

Вместе с тем насквозь полемическая книга А. Ф. Лосева вызывает встречную полемику, а с другой стороны она заставляет подвергнуть жесткой проверке принятые в нашей литературе слишком благополучные оценки и лучше понять глубокий трагизм ренессансной культуры.

И. С. Нарский предложил мне опубликовать статью об «Эстетике Возрождения» в журнале «Философские науки» (где он был членом редколлегии). Я писал ему об этом в мае 1979 г., в апреле 1980 г. статья была в редакции. Казалось, работа не вызвала возражений, и я со дня на день ждал корректуры. Однако внезапно я получил письмо от главного редактора журнала Владимира Спиридоновича Готта от 12 сентября 1980 г. В нем он объяснял мне, что по причинам, которые он не может изложить в письме, статья не может быть опубликована. После этого я предложил статью главному редактору журнала «Вопросы истории» Владимиру Григорьевичу Трухановскому, но и оттуда пришел отрицательный ответ, без объяснения причин.

Мне казалось полезным представить свои соображения о книге А. Ф. Лосева и проверить их среди исследователей истории культуры. 17 апреля 1980 г. я выступил с докладом в Отделе Древнерусской литературы Пушкинского Дома. Из принявших участие в обсуждении наиболее важным для меня было заключительное слово Д. С. Лихачева. Не касаясь моей критики работы А. Ф. Лосева, относящейся к европейскому Возрождению, он довольно резко ответил мне по поводу моих попыток увидеть в русском «предвозрождении» (чему была посвящена его книга, отзыв о которой я писал для издательства «Наука» в 1973 г.) некий комплекс неполноценности: творения Андрея Рублева и его современников возникли в рамках средневековой культуры, что, разумеется, никак ни умаляло их величия. Я предпочел придерживаться мнения А. М. Панченко: «Нет резона задумываться о старых и новых культурных ценностях по принципу “лучше — хуже”. Эволюция культуры — явление не только неизбежное, но и благотворное, потому что культура не может

пребывать в застывшем, окостенелом состоянии. Но нет резона и третировать старые ценности. Если внимательно их анализировать, если адекватно их понимать, то становится внятной их логика, их красота. Тогда культура предстанет как единство, как вечный процесс»³⁶.

Странно, но мне оказались ни к чему высказывания как бы в мою поддержку. Историк итальянского Возрождения Марк Тимофеевич Петров выступил против концепции А. Ф. Лосева, но позволил себе удивительную резкость по отношению к автору книги, говорил о несправедливости оценок А. Ф. Лосева. Тон этого выступления напомнил Д. С. Лихачеву «проработки» прежних годов, о чем он и напомнил участнику прений.

Сотрудник Государственного Эрмитажа Борис Викторович Сапунов, специалист по истории русской культуры, поделился своими впечатлениями от произведений итальянского искусства (он был в то время один из немногих, кто пользовался статусом «выездного») и не нашел лучших доводов кроме своего (и других туристов) восхищения работами мастеров эпохи Возрождения; дальше этих банальностей он не пошел.

О выступлении в семинаре при Государственном Музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина в Москве я договорился с крупнейшим исследователем искусства итальянского Возрождения, заместителем директора музея Ириной Евгеньевой Даниловой. Доклад состоялся 28 января 1981 г. Накануне я позвонил Арсению Владимировичу Гулыге, известному специалисту по истории немецкой философии, и пригласил его на доклад. Его ответ оказался для меня полной неожиданностью. А. В. Гулыга потребовал отменить мое выступления, или, по крайней мере, не упоминать в нем имени А. Ф. Лосева. Довод был такой: мой доклад оказался бы губителен для здоровья автора книги, чью концепцию я собирался рассматривать. Мне был приведен пример академика Н. И. Конрада, который скончался после того, как в журнале «Иностранная литература» была напечатана полемическая статья Л. З. Эйдлина, опровергавшая его концепцию «восточного» возрождения. Не знаю, так это было или нет; такая реакция на критику показалась мне странной, хотя все это вписывалось в тогдашнюю иерархическую структуру: против академика позволил себе выступить какой-то там кандидат наук.

Менять в своем докладе я ничего не стал. Не знаю, присутствовал ли на моем выступлении А. В. Гулыга, похоже, что нет. Из моих друзей и единомышленников был Л. М. Баткин. Мне потом сообщили, что на доклад

---

³⁶ *Панченко А. М.* Переход от древней русской литературы к новой // Чтения по древнерусской литературе. Ереван: Изд-во Ереванского ун-та, 1980. С. 147.

пришла Аза Алибековна Тахо-Годи, жена А. Ф. Лосева. Мне также передавали реакцию поклонников автора книги «Эстетика Возрождения», они возмущались: докладчик позволил себе спорить с «самим» Алексеем Федоровичем. Я не жалею о своем выступлении; я уверен, что в нем не было никаких обидных для него высказываний; не было там, разумеется, и ссылок на имена классиков «марксизма-ленинизма». Что касается опасений А. В. Гулыги, то я надеюсь, что мой доклад не повлиял на здоровье А. Ф. Лосева, который скончался больше семи лет спустя, не дожив до своего 95-летия...

И. Е. Данилова не допустила ни вопросов к докладчику, ни прений, хотя это было обычным делом на такого рода семинарах. Она сразу поблагодарила меня за мой, как она сказала, «тоже по-своему спорный доклад».

В 1980 г. вышло в свет мое учебное пособие «Философия эпохи Возрождения»; в конце года я послал ее А. Ф. Лосеву с дарственной надписью: «С надеждой на диалог». В ответ я получил от него очередной том «Античной эстетики», с пожеланием: «*Не только для диалога, но и для продолжения философской дружбы*». Перед отъездом в США я передал эту книгу в собрание автографов Рукописного отдела Публичной библиотеки.

Узнав о ситуации, сложившейся с моей статьей, В. И. Рутенбург предложил мне опубликовать ее в сборнике «Средние века», где он был редактором. Благодаря усилиям Виктории Ивановны Уколовой (она была в это время ответственным секретарем) и Олега Федоровича Кудрявцева статья под названием «К спорам о Возрождении» была напечатана в 46 выпуске сборника в 1983 г. (Николаев, 111).

Во второй половине 1980-х годов моя жена, Р. М. Коваль, вела занятия в Эрмитаже с группой студентов-искусствоведов из Свердловска. После последней встречи она пригласила их к нам домой. Был среди них и москвич, который приезжал в Свердловск в качестве студента-заочника. Во время застольной беседы зашла речь о каком-то сборнике, где в частности была опубликована моя статья. Увидев мою фамилию в оглавлении (до этого он знал только фамилию моей жены), молодой человек был в полном отчаянии: куда занесла его судьба! Оказалось, что он уже много лет работает секретарем у А. Ф. Лосева и слышал о моей дурной репутации в этом доме. Мою статью в «Средних веках» он не читал; я дал ему оттиск, но так и не узнал его мнения, скорее всего неблагоприятного. Много позднее, в записях В. В. Библихина был упомянут, в связи с панихидой в доме А. Ф. Лосева в 1988 г., стоявший со свечой молодой человек, похожий на Мандельштама; вероятно, он крестился к этому времени под несомненным влиянием своего учителя.

Уже позднее упомянутые записи В. В. Бибихина, долгое время бывшего секретарем у Алексея Федоровича Лосева, изданные в московском иезуитском издательстве в 2002 г. многое объяснили мне в его человеческом облике и в философской эволюции мыслителя, прожившего более 70 лет при Советской власти.

В частности, там был записан прямой разговор о том, как А. Ф. Лосев прожил жизнь при Сталине, как поминал его имя в начале своих лекций: «Я чуть выжил тогда, вы не переживали, не страдали. Дорогу прокладывали не вы, а мы, на наших плечах все выношено, кровь-то проливали не вы, а мы. Вот и занимаетесь теперь, переводите Паламу»³⁷. Эта запись напомнила мне приведенный в первой части моих воспоминаний разговор с Н. А. Мещерским.

Пожалуй, более всего меня восхитила в этих записях искренняя любовь В. В. Бибихина к А. Ф. Лосеву (правда, не обошлось и без агиографии, которая в конце концов сменяется иронией и некоторыми критическими возражениями). Наибольшее впечатление производит в них личность А. Ф. Лосева, его природная мощь, работоспособность, сила, что столь же важно, как и его научные достижения. И то, как он сумел подчинить себе обстоятельства и в конце концов привести к вовсе не марксистскому мировоззрению даже некоторых работников из руководящих органов страны. Конечно, были для этого и объективные причины, но думаю, что и Алексей Федорович причастен к тому, что многие из прежних идеологов пришли к христианству.

Очень хороши в записях В. В. Бибихина воспоминания А. Ф. Лосева о церковной службе, особенно о службе во время Великого поста и Страстной недели, то как он с легкостью пел большие фрагменты, запомнившиеся с детских и юношеских лет³⁸. На мой взгляд это больше повлияло на его духовную эволюцию, чем воздействие Гуссерля и других философов. Есть в этих записях и немало серьезных мыслей об отношении античности к христианству; особенно интересными мне показались размышления о возникновении индивидуальности, о том, что только в единобожии возникает ощущение личности, начиная с Бл. Августина³⁹.

Важны были также замечания А. Ф. Лосева о семиотике и постмодернизме. Высоко оценивая Ю. М. Лотмана как литературоведа, Алексей Федорович отмечает, что тот в последних работах «не чувствует, что в художествен-

---

³⁷ Бибихин В. В. Алексей Федорович Лосев. С. 233.

³⁸ Там же. С. 229–230.

³⁹ Там же. С. 85, 148.

ном произведении, кроме всех составляющих его структур есть еще и просто оно само, и что это *целое* есть еще одна новая структура». И о том же по отношению к музыке, где «надо изучать не волны и колебания, а вещи: вот 5-я симфония Бетховена. Нужно знать сначала, *что* именно вы имеете в виду, а потом уже разбирать волны. Начинать надо всегда *с содержания*»⁴⁰.

Я не заметил в записях В. В. Биbihина ничего нового по сравнению с уже известной мне книгой об эстетике Возрождения. В культуре этой эпохи А. Ф. Лосев видит только отказ от Бога и прямое проявление «дьявольщины». По существу, вслед за Павлом Александровичем Флоренским и Сергеем Николаевичем Булгаковым он не принимал никакого иного христианства, кроме православия, и всякое отклонение от него свидетельствовало о соблазне⁴¹.

Таковы были мои — уже посмертные — впечатления о жизни и о научном развитии Алексея Федоровича Лосева (с записями В. В. Биbihина я познакомился в Бостоне).

Между тем моя работа никак не ограничивалась историей итальянского Возрождения. Как всегда, я писал книги, статьи и переводил вечерами и в выходные дни. Как сказала Е. Ч. Скржинская по поводу защиты кандидатской диссертации В. И. Райцесом: «Но нужно учесть, что он занимался всем этим в процессе своей обычной работы, за которую он получает деньги», и, услышав «шум в зале», добавила: «Я имею в виду, что работа выполнена не в аспирантуре»⁴².

Мои служебные занятия требовали изучения редких книг, книговедческих работ, докладов, участия в археографических экспедициях, организации выставок, составления каталогов, приобретения ценных изданий для Научной библиотеки Ленинградского университета, а затем для Публичной библиотеки. Другое дело — и об этом я уже говорил — что все это теснейшим образом переплеталось с моими исследованиями итальянской и русской истории. Но об этом пойдет речь в четвертом разделе моих воспоминаний.

---

⁴⁰ Там же. С. 184, 209.

⁴¹ Там же. С. 206 и др.

⁴² *Абрамович С. Л.* Владимир Ильич Райцес: Памятные заметки // Средние века. М.: Наука. 1997. Вып. 60. С. 355.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Итак, оставалась моя работа в университетской библиотеке. Сперва 6, потом 5 дней в неделю. С 1963 до 1976 г. я был один, затем удалось добиться новой ставки, и я попросил И. Х. Черняка пригласить Н. И. Николаева (он работал лаборантом на кафедре латинского языка в Первом медицинском институте). С этого времени и до моего перехода в Публичную библиотеку (1984 г.) мы работали вдвоем с Николаем Ивановичем. Я его знал со студенческих лет. В нашей библиотеке в 1968 г. он служил экспедитором и оставил по себе самую добрую память. Однако, только в ходе наших совместных занятий я понял (почувствовал), каким важным окажется его присутствие — и для отдела, и для меня.

О комплектовании фонда редких книг и об их описаниях в каталогах было сказано в предыдущих частях моих воспоминаний. Но о некоторых приобретениях стоит рассказать отдельно. Один коллекционер принес к нам в библиотеку Ефремовское издание сочинений А. Н. Радищева (1872 г.) — оно не столь редко, как первое издание «Путешествия», но в свое время было запрещено цензурой. Владелец книги был вынужден с ней расстаться — о нем появилась какая-то публикация в ленинградских газетах, не помню, в чем его уличали. Библиотека заплатила за нее по тем временам значительную цену. С коллекционером был у меня занятный разговор. Он просил принять его в Отдел редких книг. Я объяснил ему, что не сомневаюсь в его личной честности, не думаю, что он станет воровать книги. Дело в другом: если он увидит в магазине интересующее его издание, у него появится соблазн приобрести его для себя, а не для Отдела; поэтому для коллекционеров доступ в штат Отдела редких книг был заказан. У меня тоже были старые книги, я передал их в библиотеку, оставив у себя только две, необходимые для постоянной работы (венетское издание Данте 1568 г. и Лионскую Библию 1521 г.). Перед отъездом в США «Божественную комедию» я продал на аукционе, а Библию подарил в Отдел редких книг Российской национальной (Публичной) библиотеки (экземпляр Петербургского университета был описан в «Каталоге палеотипов»).

Ленинградские букинисты хорошо меня знали, они помнили моего отца, заведующего научной книгой в книгоиздательском отделе, и пока-

зывали мне самые редкие издания, которые хранили в особой комнате и продавали только серьезным собирателям и библиотекам. Я приобрел у них несколько инкунабулов, а также римское издание Андреа Фульвио 1517 г. «Изображения знаменитых людей» (изящный томик в восьмую долю листа, с гравюрами) и «Книгу маркизы» («Le Livre de la Marquise», 1918) — сборник, который составил и иллюстрировал К. А. Сомов (первый, менее фривольный вариант).

Любопытно, что в те времена я не встречал у букинистов книг кириллической печати — то ли им было запрещено их покупать, то ли их и не приносили. Так что редкие русские церковные книги XVI–XVIII вв. мы в основном получали во время археографических экспедиций и в качестве дара от собирателей.

После поступления в Отдел редких книг и рукописей Н. И. Николаев заинтересовался книгой М. В. Ломоносова «Первые основания металлургии, или рудных дел», вышедшей в издании Академии наук в Петербурге в 1763 г. На титульном листе была надпись: «Петру Жукову подарена автором». Петр Федорович Жуков (1736–1782) был образованным и полезным чиновником, управлял Банком для вымена государственных ассигнаций, служил в Коллегии иностранных дел, был воеводой в Коломне, потом стал председателем Санкт-Петербургского губернского магистрата. Занявшись изучением его книжного собрания, Николай Иванович обнаружил материалы в архивах Москвы и Ленинграда, в том числе и описи книг Учительской семинарии, куда Екатерина II в 1783 г. передала приобретенную у П. Ф. Жукова библиотеку, которая включала 585 названий рукописей и книг на русском и иностранных языках: работы по истории и географии России и других стран, издания классиков древности в оригинале или во французских и русских переводах, труды философов Нового времени, сочинения ученых, словари по разным отраслям знания. Художественная литература в ней была представлена произведениями А. П. Сумарокова, М. М. Хераскова, Мольера, Шекспира. П. Ф. Жуков был знаком не только с М. В. Ломоносовым, но и с историком и путешественником Г. Ф. Миллером, поэтом И. Ф. Богдановичем.

С учетом последующих преобразований Учительской семинарии в Главный Педагогический институт, а затем в Петербургский университет, собрание П. Ф. Жукова легло в основу университетской библиотеки.

Вдвоем мы составили каталог собрания П. Ф. Жукова. Николай Иванович был автором вступительной статьи и описаний русских книг и рукописей, на мою долю пришлось описание иностранных книг. Это был последний

каталог Научной библиотеки Ленинградского университета в пору моих там служебных занятий¹.

Одновременно Н. И. Николаев начал публикацию неизданных работ литературоведа Л. В. Пумпянского (1891–1940), чья глубокая внутренняя связь с философом М. М. Бахтиным продолжалась долгие годы. В этих занятиях Николая Ивановича поддерживала вдова ученого и хранитель его архива проф. Евгения Марковна Иссерлин (1906–1994). Николай Иванович встречался с М. М. Бахтиным, с дочерью философа М. И. Кагана Ю. М. Каган. Позднее результаты этой работы были опубликованы².

Между тем изучение фондов университетской библиотеки продолжалось. В основу моей работы было положено (постоянно меняющееся) представление о том, какие книги являются редкими и подлежат хранению в нашем отделе. Таким образом, в «Вестнике» ЛГУ появились сообщения об отдельных коллекциях (Николаев, 171, 177, 194). В 1964 г. в издании «Библиотеки СССР. Опыт работы» была напечатана статья «О профиле комплектования фонда редких книг университетской библиотеки» (Николаев, 142). Две заметки были помещены в журнале «В мире книг» в 1965 г.: одна, вместе с А. М. Панченко, о «Книге постнической» Василия Великого (Кесарийского) в списке 1482 г., найденной археографами в 1963 г. (Николаев, 149), вторая — о находке фрагментов «Краковского миссала» 1484 г. в переплетах двух словарей И. И. Гофмана, изданных в Базеле в 1679 и 1680 гг. (Николаев, 150). В 1976 г. там же было напечатано мое выступление «Индивидуальность собрания» при обсуждении принципов работы над вторым изданием «Сводного каталога русской нелегальной и запрещенной печати XIX века» (Николаев, 187). Мне приходилось делать доклады на научных конференциях университетской библиотеки: в 1965–1969 гг. Они отражали мое знакомство с фондами, их использование в научной и учебной работе, историю собрания редких книг и описания отдельных коллекций (Николаев, 152, 160, 165, 170). В 1967 г. в «Ломоносовских чтениях» МГУ была помещена информация о «Библиотеке Цензуры иностранной» (Николаев, 151). В «Тихомировских чтениях» 1970 г. — сообщение «Об археографи-

¹ Начало университетской библиотеки (1783 г.): Собрание П. Ф. Жукова — памятник русской культуры XVIII века / Сост. А. Х. Горфункель, Н. И. Николаев. Л.: Изд-во Лен. гос. ун-та, 1980.

² *Пумпянский Л. В.* Классическая традиция: Собрание трудов по истории русской литературы / Отв. ред. А. П. Чудаков. Сост. Е. М. Иссерлин и Н. И. Николаев. Вступ. ст., подгот. текста и примечания Н. И. Николаева. М.: Языки русской культуры, 2000.

ческой работе Научной библиотеки ЛГУ» (Николаев, 169). После начала экспедиций и издания каталога кириллических книг к нам присоединились Московский, Уральский и Новосибирский университеты. Студенты-археографы ЛГУ были направлены в областные библиотеки и там занялись поиском рукописей и редких книг.

После выхода в свет моего «Каталога инкунабулов» появились описания небольших собраний инкунабулов в Саратове и в Казани, последний я редактировал, как и их каталог книг кириллической печати (Николаев, 178, 242). Мне доводилось читать лекции и проводить занятия по археографии. В Свердловске я познакомился с Рудольфом Германовичем Пихоя, он с 1974 г. организовал археографическую работу на Урале, а затем и музей книги.

Свердловск стал, наряду с Москвой, Ленинградом и Новосибирском, важнейшим центром изучения древнерусской книжной и рукописной традиции. Когда Б. Н. Ельцин стал президентом России, Р. Г. Пихоя занял должность Главного архивиста страны.

Когда в 1969 г. я побывал в Новосибирске, мы встретились там с Н. Н. Покровским. Он провел несколько лет в лагерях (уже в хрущевские времена, как участник подпольной аспирантской организации). После выхода на свободу его научный руководитель академик Михаил Николаевич Тихомиров передал в Новосибирск свое собрание рукописей, с условием, что их хранителем будет Н. Н. Покровский. Мы подружились с Николаем Николаевичем. Он рассказал мне о своем отце, декане Исторического факультета Ростовского университета Николае Ильиче Покровском, авторе книги о Шамиле. Несмотря на высокие отзывы И. Ю. Крачковского, Б. Д. Грекова, И. М. Дружинина, С. Н. Валка, ее в 30-е годы не могли издать из-за его критического отношения к политике имама, а позднее за то, что он не представлял Шамиля «английским агентом»³.

Николай Николаевич пытался свести меня со своим другом Н. Я. Эйдельманом, но наши приезды в Новосибирск никак не совпадали. Позднее я познакомился с Натаном Яковлевичем в Ленинграде, стал получать его книги, что было немаловажным — «доставать» их в книжных магазинах было трудно из-за их огромного читательского успеха. Одну из книг он подарил мне в Москве, но так как у него в это время на руках был только один экземпляр, уже подготовленный в качестве подарка, он переписал авторскую надпись. Перед отъездом я передал книгу с двойной надписью в Отдел рукописей ГПБ.

---

³ Покровский Н. И. Кавказские войны и имамат Шамиля. М.: «РОССПЭН», 2002.

Н. Н. Покровскому принадлежит честь, по выражению Д. С. Лихачева, «археологического открытия Сибири»⁴. Среди найденных им рукописей и редких книг выделялся Сибирский список судного дела над Максимом Греком⁵.

В Новосибирске, где преподавала Нина Викторовна Ревякина, историк итальянского гуманизма, я выступал перед студентами с докладами об итальянской философии. С Н. Н. Покровским был связан забавный случай: когда он до этого услышал от Н. В. Ревякиной мое имя (как итальяниста), он удивился: «Знаете, а в Ленинграде есть еще какой-то другой Горфункель, археограф». Так я оказался в положении почти что Хлестакова.

Нельзя не отметить важную публикацию Н. Н. Покровского: воспользовавшись (как выяснилось, недолгим) открытием архивов, он сумел издать книгу об отношении коммунистического руководства к церкви, об изъятии «церковных ценностей» и о преследовании духовенства⁶.

О новых находках старопечатных книг я опубликовал небольшую статью в сборнике 1972 года, посвященную юбилею основателя Древлехранилища Пушкинского Дома В. И. Малышева (Николаев, 172). Подобные юбилейные сборники в те времена цензурой не допускались, поэтому прямого посвящения в книге не было.

Об новых открытиях шла речь и на конференции «Вопросы собирания, учета, хранения и использования документальных памятников истории культуры» (1982 г.) в сообщении «Находки археографов и дополнения к Сводному каталогу русской книги XVII в.» (Николаев, 213). Их было сделано немало в археографических экспедициях. В дальнейшем значительное число книг XVIII — начала XIX вв., не учтенных в библиографиях, было представлено в работах археографа младшего поколения Андрея Владимировича Вознесенского.

Мои книговедческие занятия были напрямую связаны с исследованиями в области итальянской философии. Заметка о европейском книжном рынке в последней трети XVI в. на материале каталога Франкфуртских книжных ярмарок была напечатана в «Герценовских чтениях» в 1972 г. (Николаев,

⁴ Лихачев Д. С. Прошлое — будущему. Л.: Наука, 1985. С. 558–563; Покровский Н. Н. Путешествие за редкими книгами. М.: Наука, 1984. С. 3–7.

⁵ Судные списки Максима Грека и Исаака Собака / Изд. подготовил Н. Н. Покровский; под ред. С. О. Шмидта. М.: Главное Архивное управление при Совете министров СССР, 1971.

⁶ Архивы Кремля: Политбюро и церковь. 1922–1925 гг. / Сост. Н. Н. Покровский и С. Г. Петров. Кн. [1]–2. Новосибирск: Сибирский хронограф; М.: РОССПЭН, 1997–1998.

175); я использовал ее в будущей книге «Гуманизм и натурфилософия Итальянского Возрождения». Тезисы доклада 1974 г. «О применении книговедческих методов в изучении истории философской мысли XV–XVII вв.» были опубликованы в материалах 2-й Конференции по проблемам книговедения” (Николаев, 181); они тоже были учтены при подготовке монографий и статей.

В статье 1975 г. «Печатная и рукописная книга в Италии XVI в.» (Николаев, 183) я показал, что цензурные гонения привели к возрождению рукописной книги. Издания, занесенные в «Индекс запрещенных книг», вновь переписывались от руки, другие распространялись в виде рукописей, так и не дождавшись печатного станка, либо публиковались в странах Реформации, за пределами юрисдикции Конгрегации индекса запрещенных книг.

В небольшой заметке «Основные этапы развития итальянской философии в эпоху Возрождения» (Николаев, 94), первоначально изложенной в виде сообщения на конференции в 1975 г., были сформулированы мои представления, легшие в основу моей дальнейшей работы.

Круг моих интересов расширился. В статье «Последний гуманист: судьба Аонио Палеарио» (Николаев, 101), может показаться несколько странным название: слишком часто это определение («последний») применялось к разным деятелям культуры. Может быть, его несколько смягчает слово «гуманист». Герой этой заметки очень во многом повторял судьбу своих предшественников XV– начала XVI вв. Как Петрарка, он изменил свое имя (Антонио делла Палья), своим детям он давал греческие имена, писал почти исключительно на латыни, в традиционных жанрах (стихи, поэма, речи, послания), воспевал превосходство своей эпохи над Средневековьем, пользовался покровительством просвещенных кардиналов. И «последним» он оказался в эпоху Контрреформации. Его выступления в защиту «достаточности» Христовой жертвы и «широты» Царства Божия независимо от конфессиональных различий привели к нескольким процессам и гибели в 1570 г., а его гуманизм перешел в историю еретического свободомыслия. Римляне откликнулись на его смерть пасквиной: «Как бы страшась зимы холодной / Пий [Пий V] христиан сжигает как дрова: / Привыкнуть хочет к жару преисподней». И тут мне помог мой «книжный» опыт: в Отдел редких книг библиотеки ЛГУ поступило издание «Декреталий» (Венеция, 1572 г.), в нем сохранились антипапские пометы читателя и его владельческая запись: «*Ascanii Palearii*». Так как фамилия Палеарий — искусственная, то вполне может быть, что это был сын Аонио Палеария, у которого, помимо греческого имени, было данное при крещении итальянское: Асканий.

Совершенно иным оказался персонаж моей другой статьи: «Пьетро Аретино и Виттория Колонна» (Николаев, 110). Изучая переписку Виттории Колонны, я обратил внимание на письма Пьетро Аретино и в особенности на присылаемые им книги. Это были вполне благочестивые сочинения, выпущенные в 1534–1535 гг., «Страсти Христовы», «Книга о человеческой жизни Иисуса Христа», переложения семи покаянных псалмов; позднее он издает пересказ «Книги Бытия», «Жизнеописания» девы Марии, Св. Екатерины, Фомы Аквинского. Они не вызывали сомнения у его глубоко верующей корреспондентки, но в своих посланиях она пыталась уговорить Аретино отказаться от произведений, как она осторожно выражается, «менее угодных Богу». Аретино объясняет свое поведение тем, что служит «чужому сластолюбию» и ссылается на знакомого, который отправил свой перевод Библии королю, именуя себя «христианнейшим», и не получил даже ответа, а малопрстойная «Комедия о придворных нравах», пишет он, «стяжала мне золотую цепь». Аретино не был богословом, но не был он и еретиком. В своих сочинениях он передает чувственно воспринимаемую картину мира и этим напоминают религиозную живопись Высокого Возрождения. Я попытался оспорить несостоятельность легенды о том, что Микельанджело в своем «Страшном суде» изобразил Пьетро Аретино в виде Св. Варфоломея, который держит в руках содранную с него кожу с лицом, в котором усматривают автопортрет художника. Между тем Св. Варфоломей с орудием пытки (ножом) соседствует с фигурой Св. Лаврентия, который тоже предъявляет Христу решетку, как свидетельство своего мучения. Оба вознесены к высшей славе, по соседству с апостолами Павлом и Петром. Если бы Микельанджело хотел изобразить врага, то это был бы не почитаемый святой; он, как Данте, нашел бы ему место в аду.

На конференции в Эрмитаже «Рафаэль и его эпоха» (1983 г.) я выступил с докладом о «Диспуте» — одной из фресок в «*Stanze della Segnatura*» (тезисы — Николаев, 112; позднее опубликован в виде статьи — Николаев, 131), продолжив прежнее исследование «От “Торжества Фомы” к “Афинской школе”»: Философские проблемы культуры Возрождения» (Николаев, 84). Название фрески появилось поздно, в путеводителе по Риму 1777 г. Крайне трудно — за исключением тех персонажей фрески, которые определяются по несомненному портретному сходству, по надписям на нимбах и по определенным атрибутам, отождествить представленные на фреске фигуры. «Диспут» — не спор о причастии, а гуманистический диалог, как сказано в надписи над фреской «Извещение о делах божественных». Истина здесь не постигается, а нисходит свыше. Но вместе с тем она совпадает с изре-

чением в «Исповеди» Блаженного Августина: «Там именно вступишь ты в прение с нами, дабы различали мы между умопостигаемым и чувственным, как между днем и ночью» (Augustinus. Confessiones, XIII, XVIII, 22)⁷.

«Афинская школа» представила гуманистическое понимание философии. В «Парнасе» нам явлена гуманистическая трактовка поэзии; над фреской была помещена надпись: «Вдохновляется божеством» и представлены поэты классической древности, в том числе и Данте: («И стал шестым среди столького ума», Ад, IV, 102). Согласно учению гуманистов, поэзия не только божественна по своему происхождению, она сама является высокой теологией.

Тем более значительно появление в «Диспуте» среди богословов и философов фигуры Данте и Савонаролы (в эти годы пытались добиться реабилитации мятежного флорентийского пророка). Характерно, что в созданной в 1552 г. гравюре Гизи о «Диспуте», под влиянием «Индекса запрещенных книг» и контрреформационных тенденций, было устранено это портретное сходство.

В начале 1980-х годов мне предложили отредактировать перевод книги Х. Херманна «Савонарола: Еретик из Сан-Марко». Я мог лишь внести некоторую стилистическую правку в работу переводчиков, несомненно лучше меня знавших немецкий язык (кажется, они работали в советских представительствах в Германии); но их ошибки проистекали из полного непонимания исторической обстановки в ренессансной Италии. Одну из них я хорошо запомнил: слово «Muenster» они перевели как название города в Германии; между тем оно обозначало кафедральный собор, в котором Савонарола произносил свои проповеди. Я дополнил библиографию к книге, снабдил ее некоторыми необходимыми примечаниями и включил предисловие: «Савонарола и кризис Итальянского Возрождения», в котором постарался учесть постановку проблемы «еретика из Сан-Марко» в современной научной литературе и высказать о нем собственное суждение.

* * *

Несколько неожиданной для меня оказалась другая работа. Д. С. Лихачев посоветовал вдове режиссера Г. М. Козинцева подготовить статью о его библиотеке. В. Г. Козинцева и слышать не хотела о «киноведах», и тогда Дми-

---

⁷ В новейшем русском переводе М. Е. Сергеевко значится: «Там научишь ты нас...», то есть опущен мотив *прения* Бога с людьми: *Блаженный Августин. Исповедь // Богословские труды. Вып. 19. М., 1978. С. 217; нельзя исключить и редакционное вмешательство.*

трий Сергеевич порекомендовал ей меня. Мы виделись с Г. М. Козинцевым и В. Г. Козинцевой в доме М. А. Гуковского. Предложение было передано мне вдовой моего учителя. После беглого знакомства с библиотекой, меня серьезно заинтересовавшей, я поставил условие: вместе со мной этой работой должен заниматься человек, знакомый с историей кино. Валентина Георгиевна воспротивилась, но когда я представил ей моего друга Якова Леонидовича Бутовского, историка кино, исследователя кинооператорского искусства, до этого 10 лет проработавшего на «Ленфильме», их связали долгие годы сотрудничества в подготовке сочинений Г. М. Козинцева и материалов о нем. В нашей совместной с Я. Л. Бутовским статье, опубликованной в сборнике «Памятники культуры. Новые открытия, 1976» (Николаев, 192), мне принадлежал общий очерк, представлявший главным образом книги по истории культуры. По понятным причинам я не упомянул в статье книгу, которую мне вскоре после нашего знакомства показала Валентина Георгиевна: это было миниатюрное, «карманное» издание «Доктора Живаго» Б. Л. Пастернака (так называемый «Тамиздат»), хранившееся в бюро на письменном столе режиссера. Я. Л. Бутовский писал о книгах по кино и театру. По непонятным причинам редактор выпустил из нашей статьи мой небольшой отрывок с общей характеристикой библиотеки как создания *творца* культуры. Через 20 лет Я. Л. Бутовский воспроизвел его в книге воспоминаний о Г. М. Козинцеве*.

В «Федоровских чтениях» вышли две статьи; одна в 1981 г. — «Проблемы изучения зарубежной книги XVI в. и подготовка научных каталогов отдельных собраний» (Николаев, 211), она опиралась на вышедший в 1977 г. «Каталог палеотипов» из собрания ЛГУ и послужила поддержкой тем библиотекарям, которые, преодолевая препятствия, чинимые безграмотным начальством, подготовили подобные каталоги своих библиотек. Во второй — «Историко-культурное значение первопечатных Библий» (Николаев, 237), я отметил, на фоне европейских изданий Библии XV–XVI вв., особенности Острожской Библии Ивана Федорова: она сочетала издание текста на сакральном (церковно-славянском) языке, изучение рукописной традиции, с учетом греческой «альдины» 1518 г. и памятником национальной письменности на языке, сохранившем значение для литературы восточнославянских народов. В 1983 г. в журнале «В мире книг» вышла статья «Издательская программа Ивана Федорова»; мне казалось полезным показать сходство программ двух печатников — Иоганна Гутенберга и Ивана Федорова. Оба

* *Бутовский Я. Л.* Посвящается человеку // Ваш Григорий Козинцев: Воспоминания. М.: Артист. Режиссер. Театр. 1996. С. 193.

работали над учебными книгами («Донат» Гутенберга и «Часовники» и «Азбуки» Ивана Федорова), а высшим их достижением явилось издание Библии (Николаев, 229).

Во время моей недолгой преподавательской работы в Иванове мне удалось, при поддержке заведующей кафедрой Клавдии Дмитриевны Авдеевой, издать учебную программу к прочитанному курсу: «Раннее европейское книгопечатание» (Николаев, 234).

Небольшие заметки были опубликованы в энциклопедическом словаре «Книговедение» в 1982 г. (Николаев, 215–223); известной смелости от редакции потребовалось заказать мне, а потом и напечатать статью «Индекс запрещенных книг»: упоминание о цензуре считалось недопустимым (*на воре шапка горит!*).

Несколько рецензий на каталоги редких книг были опубликованы в эти годы (Николаев, 176, 195, 199, 225); о них не стоило бы и говорить, это была обычная техническая работа, связанная с моей профессиональной деятельностью, но одна заслуживает особого упоминания. Ирина Васильевна Поздеева (главный археограф Московского университета и историк раннего московского книгопечатания) подготовила научное описание коллекции известного собирателя старообрядца Михаила Ивановича Чуванова, переданной им в Библиотеку им. Ленина. Описание было подготовлено с указанием всех особенностей каждого издания, читательских и владельческих помет, характера переплета. Но оказалось, что именно это и вызвало неодобрение со стороны ряда работников Отдела редких книг. Доводы у них были слишком простые: зачем так подробно описывать книги, которые уже известны по описаниям Сводного каталога, где не учитывались особенности экземпляров. По просьбе И. В. Поздеевой и тогдашнего руководителя отдела Е. Л. Немировского я написал подробный отзыв о рукописи, где обосновал подход составителя к описанию редких книг. Потом, уже после издания каталога, он был напечатан (Николаев, 224).

* * *

Что касается газетных публикаций, то тут я оказался под влиянием В. И. Малышева, который считал обязанностью каждого археографа сообщать в периодической печати о работе экспедиций и о новых находках. Большая часть этих заметок появлялась в газете «Ленинградский университет», но также и в местных газетах, в «Правде Севера» (Архангельской области), где работал мой университетский приятель С. Я. Косухкин, и в газетах Коми АССР; некоторые из них были написаны в соавторстве с А. М. Панченко и В. П. Бударагиным.

Другие газетные публикации касались выставок, организованных в Научной библиотеке ЛГУ. Я считал необходимым знакомить читателей и посетителей библиотеки с сокровищами, выставляемыми для временного обозрения; это были инкунабулы; книги, найденные археографами; издания из «Библиотеки Цензуры иностранной», переданной Ф. И. Тютчевым в ряд петербургских библиотек, главная их часть оказалась в университете; в свое время академик Е. В. Тарле отмечал, что нашел в нашей библиотеке книги, которых не было в немецких собраниях.

Но две совсем небольшие заметки, опубликованные в газете «Ленинградский университет», мне хотелось бы отметить особо. Одна была напечатана без заглавия и без подписи в разделе «Хроника». Речь в ней шла о выставке в память А. А. Ахматовой. Я представил на ней все издания, находившиеся в библиотеке, и прибавил к ним свой экземпляр сборника «Из шести книг», изданного в 1940 г. и, как тогда говорили, запрещенного Сталиным (правда, весь тираж был к тому времени раскуплен), и редкую копию ее фотографии 1946 г. из Ленинградского Архива фотоматериалов. Насколько я знаю, ни в одной другой ленинградской библиотеке подобных выставок не было. Заметка была напечатана 18 марта 1966 г. (Николаев, 153), а выставка появилась вскоре после кончины А. А. Ахматовой.

Второе сообщение под названием «Выставка в Научной библиотеке» появилось 12 мая 1976 г. (Николаев, 188). Оно было посвящено памяти Владимира Ивановича Малышева, скончавшегося незадолго до этого. На выставке были представлены все главные публикации археографа, оттиски его статей и его фотография.

* * *

Наше крайне небольшое помещение было просто забито новыми поступлениями — из основного фонда, из покупок у букинистов и из находок археографических экспедиций. Книги лежали штабелями на полу, на шкафах, работать с ними становилось все труднее. В конце концов дирекция пришла к нам на помощь, и в 1982 г. нам предоставили новое, большое, только что отремонтированное помещение на третьем этаже с видом на Библиотеку Академии наук, а окна с правой стороны выходили на здание Исторического факультета. Оно превосходило нашу прежнюю клетушку по крайней мере в десять раз. При этом нам предстояло отобрать редкие книги из библиотеки в главном здании, а затем и из обменного и резервного фонда.

Работа эта заняла по крайней мере два года. Целые дни мы проводили в пыли среди библиотечных полок. Одновременно мы уточняли и про-

филь комплектования Отдела редких книг. Мы повысили верхнюю границу для всех русских книг, доведя ее до 1800 г. Отбирали книги из библиотек ученых, книги с автографами, книги Комитета цензуры иностранной. Мы пришли к выводу, что у редких книг не бывает дублетов: даже до выхода из типографии они часто меняли характер набора по причинам техническим и идеологическим, не говоря уже об изменениях, привнесенных в них читателями и владельцами книг. Огромное, как нам поначалу казалось, помещение быстро заполнялось. Один из наших начальников потребовал, чтобы мы представили ему точный рапорт, что после наших поисков в других отделах библиотеки *«редких книг нет»*. Это было, естественно, невозможно, ибо какие книги в дальнейшем окажутся редкими, мы не могли знать, да и наши представления о редкости могли меняться.

Когда газета «Ленинградский университет» превратилась в еженедельное издание и получила значительный объем, мы с Н. И. Николаевым стали печатать там статьи, занимавшие 1–2 страницы. Так появились публикации: «Книги, избежавшие костра» — о сочинениях, которые должны были погибнуть от рук инквизиторов; «Старинные атласы и космографии», где речь шла о собрании книг, расширявших наши представления о мире; «Два фронтисписа» (совместно с Н. И. Николаевым) — о предварявших текст гравюрах в книгах XVII в. Это были «Рудольфовы таблицы» Иоганна Кеплера, напечатанные в Ульме в 1627 г. и «Новый Альмагест» Джованни Баттисты Риччоли, изданный в Болонье в 1651 г. В первом случае фронтиспис изображал развитие астрономии от древних греков до работ самого Кеплера, усовершенствовавшего систему Николая Коперника. Дж. Б. Риччоли, выдающийся астроном-наблюдатель и член ордена иезуитов, представил в своем фронтисписе астрономию, прибегая к компромиссной системе Тихо Браге и приводя в книге тексты запрещения книги Н. Коперника и отречения Г. Галилея.

Была статья о «русском американце», выдающемся просветителе и удивительным по своей судьбе деятеле XVIII в. Федоре Васильевича Каржавине. Среди найденных в нашей библиотеке книг особенно интересными были записи владельца о его пребывании в Париже, о судьбе печатника Тома, который издавал «подметные листы» против якобинского правительства, за что его «лантернизировали [т. е. вздернули на фонарь] по делам».

Особенно интересен оказался Василий Андреевич Пивоваров, создавший коллекцию русских старопечатных книг в университетской библиотеке, о нем шла речь в сообщении «Бескорыстное усердие к общественной пользе». Его изображение появилось на выставке «Ярославские портреты». С судьбой библиотеки «загадочного библиофила» Петра Яковлевича Актова и той ее

части, что была отобрана университетским книгохранителем К. Е. Бюшем, знакомила другая статья, основанная на архивных материалах. Среди его книг оказался самый древний инкунабул университетского собрания, страсбургская «Библия» 1460-х гг., и польские статуты 1506 г. О лейпцигской покупке 1830 г., собрании редчайших книг и средневековых рукописей юриста К. Ф. Х. Венку, шла речь в другой публикации. Н. И. Николаев напечатал очерки, знакомящие читателей с другими сокровищами нашего собрания: о библиотеке историка Д. И. Языкова, об астрономической библиотеке П. Б. Иноходцова, об альманахах пушкинской поры, о прижизненных изданиях А. С. Пушкина.

В результате мы с ним вдвоем подготовили книгу «Неотчуждаемая ценность» (Николаев, 233). В ее названии был использован очерк Н. И. Николаева об археографических экспедициях. Он важен не только сведениями о книжных находках, но и о хранителях книжной старины. В частности, речь шла о крестьянке, читательнице старопечатных книг; у неё в доме были новейшие издания сочинений Николая Кузанского и «Философия религии» Г. В. Ф. Гегеля. «А на вопрос [археографа], читает ли она эти книги, ответила, что читает, что книги хорошие, но что старые книги (указав при этом на старопечатные издания), пишут о том же лучше. Скорее всего, постоянное чтение старой учительной литературы позволило ей читать и понимать, пусть очень по-своему, Кузанца и Гегеля»⁹.

Много позднее, после личного знакомства с итальянским ученым Карло Гинзбургом (наша переписка началась на много лет раньше), автором известной книги об итальянском философе мельнике Меноккьо, я рассказал ему об этой истории; в то время ему приходилось спорить с оппонентами, которые не признавали за крестьянином права на самостоятельную мысль; я передал ему в переводе выписку из статьи Н. И. Николаева.

Но, пожалуй, самый серьезный вклад Н. И. Николаева в нашу, в общем-то популярную книжку, был составленный им «Список важнейших книжных коллекций, хранящихся в Научной библиотеке Ленинградского университета». Он занимает в ней последние 15 страниц петитом, и включает сведения о более чем 170 собраниях, поступивших в библиотеку, начиная с библиотеки П. Ф. Жукова и до книг академика В. В. Струве, поступивших в 1967 г. Эта работа потребовала разысканий в фондах университетской библиотеки, знакомства с коллекциями, исследовательских поисков в архивах. За каждой строчкой стояли годы напряженных занятий.

⁹ Горфункель А. Х., Николаев Н. И. Неотчуждаемая ценность: Рассказы о книжных редкостях университетской библиотеки. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. С. 159.

С этим перечнем Н. И. Николаева был связан не слишком украшающий меня эпизод. После просмотра рукописей из собрания Бестужевских курсов Николай Иванович сказал мне: «Знаете, тут есть стихотворение, оно начинается: “Поистине, еврейки молодой // Мне дорого душевное спасенье”». На несколько минут я был ошарашен: неужели он не знает начала пушкинской «Гавриилиады!»? Придя в себя, я сообразил, что мой сотрудник разыгрывал меня, и стало невыносимо стыдно. Н. И. Николаев обнаружил неизвестный список пушкинской поэмы. Текстологически он был мало интересен: в нем было множество пропусков и ошибок. Но оказалось (по филиграммам), что это был очень ранний список, не позднее 1825 г. Других столь ранних рукописей поэмы не было, поэтому у меня зародилась мысль написать небольшое сообщение (как известно, у каждого русского существует «пушкинский синдром», желание отметиться «у Пушкина»). Сам Николай Иванович от этой работы решительно отказался, возможно, в связи с богохульным произведением классика. Сперва работа мне показалась довольно простой, следовало описать рукопись, отметить ее раннее происхождение и особенности списка. Но не тут-то было! — Николай Иванович обратил мое внимание на то, что рукопись принадлежала А. Н. Страннолюбскому, одному из организаторов Высших женских курсов; следовало изучить его собрание, понять, как к нему попала рукопись; у меня и без этого хватало занятий. Позднее мне все же удалось прикоснуться к пушкиноведению — но об этом дальше.

Когда книга «Неотчуждаемая ценность» находилась в печати, нас пригласили в редакцию и предложили отказаться от части гонорара по примеру других авторов, университетских профессоров. Н. И. Николаев возразил на это, что профессора получают высокий оклад, а у библиотекарей его нет; в конце концов нам хоть и сократили гонорар, но в меньшей степени, чем предполагалось.

В предисловии к книге «Неотчуждаемая ценность» мы выразили благодарность за советы нашим коллегам, а также рецензентам рукописи А. М. Панченко и Л. Л. Альбиной. Книга была уже отпечатана, прошла первую или вторую корректуру, когда у нее появился еще один рецензент, Юрий Давидович Марголис. Редакция привлекла его после того, как вышла в 1983 г. работа Н. Я. Эйдельмана о Н. М. Карамзине «Последний летописец». Партийное начальство было крайне обеспокоено как ее содержанием, так и иллюстрациями: в ней оказались портреты Александра I, архимандрита Фотия и А. А. Аракчеева. Пошли приказы по всем издательствам. Ю. Д. Марголис был серьезным исследователем истории России XIX в. Когда мы выходили покурить на лестницу, он «травил» «антисоветские»

анекдоты. Но стоило нам войти в кабинет главного редактора, как рецензент преобразался. Он внимательно прочитал книгу и обнаружил в ней какие-то упущения. В написанной Н. И. Николаевым главе «От библиотеки Учительской семинарии к библиотеке Петербургского университета», было сказано о подарке редкого издания Фукидида 1540 года, переданного С. С. Уваровым в библиотеку Главного педагогического института. Автор этой главы упомянул о «либеральном духе» первых выступлений С. С. Уварова. Ю. Д. Марголис исправил на «либералистский», что было в духе эпохи, и объяснил, что он не любит Уварова. Признаюсь, что я тоже не любил министра народного просвещения за его отзыв о некрологе А. С. Пушкина: «Стихи писать — еще не значит проходить великое поприще!». Это говорил человек, понимающий стихи, посоветовавший Н. И. Гнедичу переводить «Илиаду» в гекзаметрах, собеседник И. В. Гете. Но он не мог простить А. С. Пушкину стихотворение «На выздоровление Лукулла». Там, где мы писали о борьбе Иоанна Кронштадтского против старообрядцев, нам пришлось добавить, что он был идеологом «крайней монархической реакции». Рецензент заметил, что «Индекс запрещенных книг» включал и порнографическую литературу, но изменений в статье не потребовал. Кажется, были и другие возражения, но Николай Иванович сумел отстоять текст. Это была наша последняя совместная публикация с Н. И. Николаевым. Но наше сотрудничество продолжалось многие годы.

Я с радостью следил за научным взрослением моих бывших учеников, таких как В. И. Мажуга, М. Г. Логутова, Н. И. Николаев и И. Х. Черняк. Постепенно они превращались в серьезных, внимательных и доброжелательных критиков моих последующих работ. Очень важными были замечания И. Х. Черняка по поводу моих воспоминаний. Не могу не вспомнить о моих старых (со школьных лет) друзьях, которым я посылал эти тексты и получал от них серьезные замечания и возражения — Аркадия Давидовича Литмановича и Якова Леонидовича Бутовского, им я тоже многим обязан.

Нельзя не отметить свойственный Н. И. Николаеву особый педагогический такт. В переписке со мной он умел не только исправлять ошибки, но и ненавязчиво ставить передо мной задачи, которых я не сумел или не успел коснуться. Николай Иванович даже напоминал мне о днях рождения и юбилеях наших общих знакомых (о некоторых я забывал, о других в точности и не знал), так что я успевал прислать им достойные поздравления. Он передавал мне замечания своих друзей о воспоминаниях «Моя школа, мои университеты...». Не могу не отметить высказывания одного из них, когда, сравнивая мои записи с мемуарами одного из моих коллег,

тот находил, что мы учились как бы на разных факультетах: настолько различен был тон рассказа о наших наставниках. И собственные его замечания и возражения всегда были обоснованы и заставляли задумываться о поисках новых решений. Так мои бывшие ученики превращались в моих коллег, а затем вступали в круг моих учителей.

* * *

Придя в библиотеку Ленинградского университета я довольно близко познакомился с Диной Александровной Якубской; до этого я только знал, что она была женой моего университетского коллеги по кафедре истории Средних веков Владимира Александровича Якубского. Дина Александровна заведовала залом для научных работников; туда я приносил книги и рукописи (своего читального зала в Отделе редких книг не было). Мы довольно скоро сошлись во взглядах. Позднее мы передавали друг другу рукописи из «Самиздата» и книги из «Тамиздата». Из рассказов Дины Александровны мне запомнился один случай. Когда она смотрела по телевизору в комнате своей соседки по коммунальной квартире высадку американцев на Луну, та воскликнула: «Господи! Что деньги с людьми делают!»

Мне кажется, что именно Д. А. Якубская познакомила меня с Борисом Намовичем Пескиным; тогда он работал в отделе отечественного комплектования, а затем занимал какую-то должность в хозяйственной части библиотеки. Когда появились в разных учреждениях города киноклубы, Б. Н. Пескин стал одним из деятельных участников этого движения. Они получали ленты, не выпускавшиеся на широкий экран (возможно, от консульств зарубежных стран). Особенно мне запомнился фильм Алена Рене «В прошлом году в Мариенбаде», его, как и другие работы А. Рене, не выпускали на советский экран — разве что во время фестивальных показов; даже фильм Ф. Феллини, получивший главную премию Московского Международного кинофестиваля («8 1/2»), мы увидели только в киноклубе.

К концу 60-х годов к нашей компании присоединился Вадим Борисович Вилинбахов. С его поступлением был связан несколько странный эпизод. Директор библиотеки К. М. Романовская попросила меня навести справки о нем; я не сумел отговориться, но про себя решил, что никаких порочащих его сведений сообщать не буду (впрочем, их и не нашлось). Кажется, я обратился к декану факультета В. В. Мавродину, его научному руководителю, либо к кому-то из его окружения и получил самый благоприятный отзыв. Мы легко сошлись с ним. Позднее он говорил, что если К. М. Романовская опасалась его как конкурента, то она могла бы понять, что, будучи беспар-

тийным он не имел никаких шансов преуспеть в предполагаемой карьере. Впрочем, сам я полагал, что скорее всего она получила какие-то доносы, поступившие в дирекцию.

В. Б. Вилинбахов, до того как стал историком (он занимался российским XVIII в.), служил в армии, прошел войну, дослужился до каких-то чинов, но понимал, что ему как беспартийному дальнейшей дороги не будет. Вадим рассказал мне любопытную историю. Во времена «дела врачей» (1953 г.) его призвал к себе хорошо к нему относившийся начальник и спросил о его происхождении; Вадим объяснил, что он был дворянин; начальник попросил представить документы, из которых следовало бы его арийское происхождение. Вадим принес грамоты, хранившиеся в семейном архиве. Его предки перешли на русскую службу из Тюрингии в первой половине XVIII в. Семья приняла православие, а фамилия получила русское окончание, что, вероятно, избавило их от неприятностей во время войны. Начальник и кадровик были довольны, а Вадим ответил: «Сволочи, ведь именно из-за этих бумаг моего отца в свое время выгнали из армии!». Впрочем, возможно, это и спасло ему жизнь: он преподавал в военных учебных заведениях, где «чистка» если и происходила, то не столь жесткая, как в военных частях. Во время нашего знакомства отец Вадима, Борис Афанасьевич Вилинбахов (1897–1969), был известным в стране коллекционером русских и советских экслибрисов. Его собрание насчитывало более 30000 экземпляров.

В 1968 г., после ввода войск Варшавского договора в Чехословакию, мы вчетвером выходили из библиотеки во время обеденного перерыва, бродили вдоль знаменитой университетской решетки, окружавшей сад перед зданием Двенадцати коллегий, и обсуждали разгром неудавшейся попытки ввести «социализм с человеческим лицом». Тогда мне казалось, что мы были единственными, кто так относился к этим событиям. От других своих сослуживцев я слушал в лучшем случае недоуменные отзывы, а чаще и прямое осуждение Дубчека и его сторонников: одна из моих собеседниц высказалась с очевидным неодобрением: «Мы сколько лет живем, а они, видите ли, не могут», при этом она даже не понимала подлинный смысл своей фразы. Позднее я узнал, что были у нас и единомышленники, но их высказывания тогда до меня не доходили.

В начале 70-х годов Борис Пескин подал документы на выезд из СССР (официально — в Израиль, на самом деле — в США). С него потребовали «выкуп» за полученное им высшее (заочное) образование, но после международного давления эти деньги ему вернули. Я предполагал, что меня призовут в дирекцию на совещание, где обсуждалась его характеристика,

необходимая для передачи документов в ОВИР. На этот случай я решил высказать сожаление о том, что достойный человек уезжает из страны. Но меня на это собрание не позвали. Борис рассказывал, что директор библиотеки К. М. Романовская спросила его: «Как вы можете ехать в другую страну, не имея специальности?». Борис готов был ответить: «А я думал, что у нас с вами одна специальность!» — но он воздержался от полемики: его целью было получить официальный документ, а не разводить споры с начальством.

На прощание к Борису я не пошел. Я лишь раз забежал к нему домой, Борис один раз заходил ко мне. Я позвонил ему по телефону-автомату (в квартире у меня тогда телефона не было), попрощался с ним. В его доме мое отсутствие было замечено. Д. А. Якубская не могла мне этого простить. Она связывала мой поступок с предстоящей защитой докторской диссертации в Москве. У меня тогда об этом мысль не возникало. Но ехать к нему мне было грустно и тяжело.

В 1975 году состоялась защита докторской диссертации Владимира Александровича Якубского об аграрных отношениях в Польше. Состоялся домашний банкет, к которому я сочинил небольшое стихотворение, то ли эпиталаму, то ли эпиграмму. Текст я привожу в несколько измененном и исправленном виде:

Душой не прилежа до казни душегубской
Еретиков сжигать не пожелал Якубский,
Сказав — «Что дева мне, хотя б и Жанна Д'Арк.
Куда надежнее вложения в фольварк».
Да вот беда: страну заполонили хамы,
Куда ни сунешься — трясут мощной Абрамы.
Грех ростовщичества доводит до трубы.
Ну как тут обойтись без классовой борьбы.
Когда и в Польше вдруг дела пошли как в Польше,
И тот зовется пан, у кого денег больше,
Не диссертацию — поправ ученый сброд,
Ты защитил себя и трудовой народ.
Теперь уже никто, в науке разуверясь,
Не пожелает впасть в погибельную ересь.
За что твои труды, ясновельможный пан,
Тисненью предадут и PWN и PAN.

Здесь кое-что требует объяснений. «*Еретиков сжигали*» друзья Владимира Александровича, я и Владимир Райцес: у меня вышла работа о погибшем на костре Джордано Бруно, Райцес издал книги о Жанне Д'Арк, сожженной в Руане. О *фольварке*, имении, где на барщине работали крепостные, речь шла в диссертации В. А. Якубского. «*Книга хамов*» — памфлет, где осуждались записавшиеся в дворяне за взятку купцы, среди которых были и крещенные евреи (*Абрамы-ростовщики*). В украинском историческом журнале появилась статья, где *еврейские погромы* были представлены как особая форма *классовой борьбы*. «*Дела, как в Польше*» — крайне непристойное выражение. «*PWN*» и «*PAN*» — главные научные издательства Польши, Польское научное издательство и издательство Польской Академии наук.

Близкими друзьями Владимира Александровича были Валентин Алексеев и Владимир Райцес. Когда-то я сочинил такой квадрат, где для каждого из нас предназначался угол. Прямые отношения с В. А. Якубским были у Валентина и у Воли, они часто бывали на кафедре. Мои отношения с ним проходили по «диагонали». Сблизились мы уже во время моей работы в университетской библиотеке, я стал бывать у них дома.

В. А. Якубский не был членом партии; самая большая «общественная» должность, на которую он согласился — была работа председателя профсоюзного бюро факультета. Как он позднее объяснял мне, это потому, что он постоянно находился на кафедре и мог легко собирать членские взносы. Признаюсь, я не очень поверил этому: думаю, что тут сыграла роль и его глубокая порядочность.

В 1983 г. в газете «Красная Звезда» была напечатана заметка о том, что «красные следопыты», учащиеся какого-то техникума, работая в архиве Министерства Обороны, под руководством своего преподавателя, участника войны, обнаружили сведения о том, что Владимир Александрович Якубский был награжден орденом Ленина, но награду не получил. Сам он никогда не говорил о своих боевых заслугах и не носил планки орденов. Между тем он получил медаль «За отвагу», орден «Славы» III степени и орден «Красная Звезда». Не носил он и нашивок о ранениях (о которых поэт Борис Слуцкий писал, что он им «больше доверял»). В. А. Якубский служил в мотострелковой бригаде. Как писал он мне позднее, на его долю «не досталось и половины тех тягот, которые сполна хлебнула пехота». Но он был тяжело изувечен, врачи чудом сумели сохранить ему жизнь.

Друзья Владимира Александровича по военной кафедре (находившейся в том же здании, где был и Исторический факультет), принесли ему номер газеты. Там сообщалось, что В. А. Якубский несколько раз перевозил бойцов

своего подразделения через реку недалеко от Берлина и был тяжело ранен. Он ответил, что, возможно, там речь идет о нем, но это еще нужно проверить. Потом он объяснял: «Ну что за речка, вроде нашей Фонтанки!» Во время лечения в госпитале он потерял и те награды, которые у него были, а об ордене Ленина ничего не знал. В Актовом зале Ленинградского университета главный военный начальник Ленинграда торжественно вручил ему орден.

Наши отношения с Владимиром Александровичем не прерывались и после моего отъезда в США. Мы переписывались, я посылал ему свои работы, получал и его статьи. Он присылал очень дельные замечания по поводу моих воспоминаний, я же вступал в полемику в связи с некоторыми высказываниями В. А. Якубского и его соавтора Г. Е. Лебедевой об истории нашей кафедры. При моих визитах в Петербург я бывал у них дома в 2004 г. и (после кончины Дины Александровны) в 2007 г.

В послеуниверситетские годы и вплоть до отъезда в США я постоянно бывал в доме Инны Сергеевны и Александра Николаевича Немиловых. Венчались они у священника в Новгороде; кажется, тогда еще не принято было доносить о венчаниях по месту службы. Я много знал об их эрмитажных делах, позднее — о подготовленных ими книгах. Я был представлен и матушке Александра Николаевича. Я обратил внимание на два хранящиеся в доме издания Библии. Первая принадлежала Немиловым, это была старообрядческая (очевидно, белокриницкого согласия) Библия, и в ней, как это было принято, сохранились записи о семейных событиях, о женитьбе, о времени рождения детей, о кончине родителей. В другой, немецкой реформатской Библии, принадлежавшей матушке Александра Николаевича, сохранились такие же пометы.

Инна Сергеевна принадлежала к роду одного из участников Бородинского сражения, и в беседе с французским искусствоведом они выяснили, что и среди его предков оказался участник этой битвы. Александр Николаевич тоже как-то встретился с немецким коллегой: оба они воевали друг против друга под Смоленском.

В 1974 г. А. Н. Немилов подготовил к защите докторской диссертации недавно изданную им книгу. Однако искусствоведческая кафедра, которой эта работа была отдана на рецензию, потребовала, чтобы его сочинение было отпечатано на машинке с добавлением библиографического введения и приведено в более «диссертабельный» вид. Тогда Александр Николаевич договорился со своими друзьями в одном из московских искусствоведческих институтов. На кафедре он сказал, что собирается ехать в Москву на защиту, как они решили — в качестве оппонента.

Защита в Москве прошла успешно. Но когда сведения об этом дошли до кафедрального и факультетского начальства (сам А. Н. Немилов был еще в Москве), разразился скандал. Декан факультета чуть ли не среди ночи звонил Инне Сергеевне и угрожал неведомо какими карами. Когда виновник торжества вернулся, его «дело» грозили передать в партийное бюро. Александр Николаевич вступил в партию во время войны, которую прошел с первых дней (т.е. сразу после окончания 1 курса) до Победы. Но из этих угроз ничего не получилось: секретарь партийного бюро факультета понял всю нелепость этой ситуации. В Москве даже распространялись странные слухи о еврейском происхождении А. Н. Немилова: иначе как можно было объяснить борьбу с докторской защитой участника войны, члена КПСС.

Среди моих близких знакомых в библиотеке Ленинградского университета были сотрудники отдела иностранного комплектования Куна Давыдовна Цивина, отдела обработки Римма Авенировна Брандт, Нина Осиповна Носкова, Фаина Семеновна Фейгина, позднее — Маргарита Федоровна Тонберг. Это был довольно близкий круг людей, с которыми мы обсуждали библиотечные дела, часто встречались в университетской столовой (так называемой «восьмерке»). Позднее я бывал на «чаепитиях», устраиваемых Татьяной Ивановной Богдановой и ее друзьями. Среди моих «общественных поручений» была и работа «политинформатора»; я старался не врать в рассказах о международном положении.

Добрые отношения сложились у меня с сотрудницей библиотеки Восточного факультета Киной Владимировной Кауфман. Она была внучкой профессора Юридического факультета И. И. Кауфмана. После окончания Восточного факультета в 1949 г. она была рекомендована в аспирантуру. Профессор А. А. Фрейман (филолог-иранист) утешал ее: «Ну, Вас это никак не коснется». Он имел в виду, что профессор Кауфман был евреем, перешедшим в православие. Он не мог себе представить, что государственный антисемитизм в СССР носил не религиозный, а скорее этнический характер, и порой касался русских людей, имевших не вполне понятную «инострannую» фамилию, что встречалось среди дворян. Кира Владимировна рассказывала мне об одной своей сослуживице: им с мужем во время «дела врачей» (1953 года) обещали предоставить квартиру, из которой должны были выселить еврейскую семью, и о её глубоком разочаровании после оправдания «убийц в белых халатах».

Любопытной оказалась моя встреча с заведующим отделом иностранного комплектования Виктором Петровичем Тетневым. Мы знали друг друга еще по совместной работе в архивах. В библиотеке он был секретарем

партийного бюро, но в частных разговорах позволял себе довольно резкие суждения о современной ситуации в СССР, особенно о великом герое Отечественной войны Л. И. Брежнев: его участие в качестве политработника в глазах официальной пропаганды затмило Сталинградскую и Курскую битву, а по количеству наград Героя Советского Союза он превзошел маршалов, полководцев Великой Отечественной войны. Как-то во время довольно открытой беседы, В. П. Тетнев сказал: «Ну, тебя, Сашка, давно пора сажать». Я не нашелся, как ему ответить, но потом, прибегнув к известному «остроумию на лестнице», подумал: «Ну, если таких как мы надо сажать, то уж таких как Вы, В. П., будут отстреливать», имея в виду его более опасное положение в партийной иерархии. В какое-то время он добился, чтобы я вошел в партбюро библиотеки (наша организация не превышала 20 человек). Мое вступление в партию в 1962 г., когда обстановка после XXII съезда позволяла надеяться на перемены к лучшему, было вызвано сугубо карьерными соображениями. Позднее я прочитал пьесу Э. Ионеско «Носороги». Там об одном из персонажей, перешедшим в ряды носорогов, было сказано, что он при этом не исходил из личной материальной выгоды; на что герой пьесы заметил: значит, у него нет даже этого оправдания.

Я не могу вспомнить, каким образом я познакомился с Мелетием Олеговичем Малышевым. Он преподавал на кафедре истории КПСС и входил в партийное бюро Исторического факультета. На протяжении многих лет мы часто встречались с ним все в той же «восьмерке», в выгородке из общего зала, предназначенной для преподавателей. Наши с ним разговоры касались и университетских дел, и обстановки в стране, а порой и в мире. Помню, что как-то он сказал мне про А. Д. Сахарова, что тот «доиграется» со своими выступлениями. Я на это ответил: «Тебе видней». Он тут же нагнал меня (дело было около площади перед Библиотекой Академии наук, которая теперь носит имя академика) и спросил: «А что ты имеешь в виду?». Я предполагал лишь его осведомленность в политике партийного руководства.

Я узнал от М. О. Малышева о его работе советского разведчика. В годовщину Победы с части его прошлого был снят гриф секретности. Помню, что когда я сказал об этом директору библиотеки К. М. Романовской, она мне не поверила: видимо весь облик этого человека никак не подходил для роли «Джеймса Бонда». Мелетий Олегович рассказывал мне, как он «был взят немцами в плен» и постепенно согласился на сотрудничество с ними. Ему пришлось скрывать свое знание немецкого языка. Однажды вербовавший его офицер оставил его в кабинете, где в выдвинутом из стола ящике находился револьвер — похоже, что у него тоже было несколько странное представ-

ление о человеке, согласившемся на роль будущего шпиона. В дальнейшем М. О. Малышев попал в немецкую школу, где готовили разведчиков. Ему приходилось видеть нескольких деятелей гитлеровского режима (кажется, Гимmlера, Геринга, Розенберга и кого-то еще). Его забросили на территорию СССР. Через некоторое время, «справившись» с полученными заданиями, он был снова отправлен в Германию; но о своем дальнейшем там пребывании он ничего не рассказывал.

Мои друзья (Ю. В. Егоров, В. И. Райцес, Е. М. Тепер, В. М. Алексеев) пригласили его к себе. Потом они сами признавались, что многого не сумели узнать, так как больше говорили сами. Когда я спросил об этом Мелетия Олеговича, он, смеясь, признал это, сказав, что их собственные рассуждения были для него достаточно интересны.

От одного из своих знакомых я слышал несколько иную версию: по его словам, Малышев был на самом деле Кляйн, из русских немцев. Разумеется, никаких подтверждений этому у меня не было, а с М. О. Малышевым я не решился об этом говорить.

В 1969 г. Н. И. Николаев решил поступить на дневное отделение Исторического факультета. Я посоветовался с М. О. Малышевым; во время нашего разговора он произнес фразу: «Коля Николаев... Коля Иванов...» — явно имея в виду осужденного участника ВСХСОНа. На экзамене Николая Ивановича провалили. На следующий год он пошел на Филологический факультет, избрав, по совету А. И. Зайцева, кафедру классической филологии.

Когда я готовил плановую работу — «Каталог прижизненных изданий произведений В. И. Ленина», Мелетий Олегович согласился написать вступительную статью; в моем предисловии я касался чисто книговедческих проблем.

* * *

Во время моей работы в библиотеке Ленинградского университета я не раз побывал в книгохранилищах страны — в Саратове, в Казани, в Новосибирске, в Иванове, в Свердловске. Особо мне хотелось бы отметить мои поездки в Киев и в Вильнюс. В Киеве я был не в командировке. В 1968 г. я гостил в Чернигове в доме своего ученика Владимира Ивановича Мажуги, и оттуда отправился сперва на пароходе по Десне, а последнюю часть пути прошел пешком. Старушки спрашивали меня, почему я не пользуюсь транспортом, я пытался что-то объяснить, и они поняли: «Значит, по обету».

В городе мне повезло — я сумел остановиться в какой-то очень уж невзрачной и недорогой гостинице (что-то вроде «Дома колхозника») и отправился в главную библиотеку, когда-то университетскую, но к этому времени

она принадлежала Академии наук Украины. Я пошел прямо в Отдел редких книг. Видимо, мой вид несколько смутил хранительницу, и взглянув на мою изрядно потрепанную после нескольких дней пути одежду, она решительно сказала, что «просто так» свои сокровища не показывает. Пришлось предъявить служебный пропуск и преподнести экземпляр вышедшего в 1967 г. «Каталога инкунабулов». Оказалось, что и имя, и каталог были ей известны.

С тех пор завязалась моя долгая дружба и переписка с Галиной Ивановной Ломонос-Ровной. Мы консультировали друг друга по проблемам описания инкунабулов, присылали сведения о новой литературе, побывала она и у нас дома в Ленинграде. В дальнейшем я получал от Галины Ивановны сведения об интересующих меня изданиях итальянских философов XVI–XVII вв. Между тем положение исследователя в библиотеке ухудшалось: она готовила к изданию каталог инкунабулов покойного Б. И. Зданевича и никак не собиралась включать в «соавторы» начальство, не имевшее к этому ни малейшего отношения. Книга вышла из печати в 1974 г. под ее редакцией, но похоже, что эта тяжелая борьба отразилась на психологическом здоровье Г. И. Ломонос-Ровной. Ее уволили из библиотеки. Заведующий Отделом редких книг Библиотеки им. Ленина Е. Л. Немировский пригласил ее в Москву. Но ее письма свидетельствовали о все ухудшающемся состоянии, с элементами мании преследования. Мы (я и сотрудник Отдела редких книг Публичной библиотеки Н. В. Варбанец) пытались ей помочь, обращались в Киев и в Москву, добиваясь восстановления ее на работе. В следующий свой приезд в Киев я побывал у нее дома, старался ее поддержать, но этот превосходный специалист оказался среди жертв тогдашних социальных обстоятельств, пусть не политических, а служебно-бытовых.

Нечто подобное произошло с хранителем редких книг в Библиотеке Иностранной литературы в Москве: у меня побывал работник, серьезно относившийся к работе с редкими книгами, мы с ним обсуждали проблемы их описания (к сожалению, имя его я не запомнил); через некоторое время у нас в отделе появился некий полковник, заведующий отделом. Когда я упомянул имя моего недавнего посетителя, он довольно резко ответил: «Мы вынуждены были с ним расстаться». Ничего путного из беседы с этим крайне невежественным человеком не получилось. В то время в библиотеку принимали уволенных сотрудников из иностранных посольств; их называли «черными полковниками» (так именовали военную хунту, захватившую власть в Греции). Очевидно, избавиться от них не могла даже директор библиотеки Л. А. Гвишиани-Косыгина, дочь председателя Совета

Министров СССР А. Н. Косыгина и жена Д. М. Гвишиани, заместителя председателя Комитета по науке и технике. Сама она сделала немало полезного для библиотеки¹⁰.

Серьезные отношения сложились у меня с библиотеками Вильнюса. К нам приезжал хранитель редких книг в собрании Библиотеки Академии наук Литвы Юозас Тумялис. Он обнаружил в нашем собрании ряд редчайших литовских изданий. Потом, в связи с юбилеем Библиотеки Вильнюсского университета, я подарил ей некоторые из них. К сожалению, я тогда не знал, что книги могли принадлежать библиотеке основателя славяноведения в России П. И. Прейса. В те времена Ю. Тумялис был лишен возможности заниматься наукой в Вильнюсе (кажется, был изгнан из аспирантуры по причинам идеологического характера). Я пытался помочь ему в Ленинграде, но безуспешно. В конце 1980-х — начале 1990-х годов он стал одним из деятелей освободительного движения в Литве.

С Ноюсом Фейгельманасом, заведующим Отделом редких книг Библиотеки Вильнюсского университета, мы были знакомы многие годы; он приезжал в Ленинград, я несколько раз побывал у него в отделе. Когда он опубликовал книгу «Инкунабулы Литвы», где описал все первопечатные книги, хранящиеся не только в библиотеках, но и у частных владельцев, я напечатал отзыв о ней (Николаев, 199). Н. Фейгельманас помогал мне и в моих изысканиях в связи с изучением редких изданий итальянских философов.

Когда он привел меня в кабинет директора библиотеки, меня поразила несколько странное обращение: Н. Фейгельманас называл его: «Товарищ директор». К этому времени слово «товарищ» в России совершенно исчезло из обихода. Но через несколько минут я понял: таким образом он заменял слово «господин», к этому времени тоже ушедшее из официальной речи. В России в таких случаях употребляли отчество.

Во время одного из таких визитов в Вильнюс, в 1970 г., в связи с юбилеем книгохранилища, туда прибыло много гостей из разных университетских библиотек. Когда мы появились в большом зале, я был оглушен громом аплодисментов. Признаюсь, сперва я считал, что такой неожиданный прием относился к нам, но через несколько минут понял, что сотрудники библиотеки приветствовали бывшего директора университетской библиотеки, Льва Ивановича Владимирова. До этого он заведовал библиотекой Организации Объединенных Наций, и так успешно, что его попросили оставить

---

¹⁰ *Котрелев Н. В.* Плач о гибели русской библиотеки // Редкие книги и рукописи: Изучение и описание. Л.: Изд-во ЛГУ, 1991. С. 88–110.

на следующий срок. Он не стал занимать место нового директора, а стал профессором кафедры книговедения. Эта встреча напомнила мне историю, рассказанную на страницах журнала «Огонек» известным актером Б. П. Чирковым. Он приехал в Париж, где с большим успехом шел на экранах фильм «Юность Максима». Во время прогулки по городу ему показалось, что кто-то обращается к нему: «Максим! Максим!». Такой неожиданный успех на парижской улице обрадовал его, пока он не понял, что прохожий вызывает: «Такси! Такси!».

Во время автобусной экскурсии по городу наш гид подробно рассказывал о достопримечательностях Вильнюса, показал открытые для верующих храмы, не забыл упомянуть о польско-литовском государстве, которое в свое время занимало большую территорию «от моря до моря», а проезжая мимо Центрального Комитета Коммунистической партии Литвы не забыл объяснить, что ее первым секретарем был на протяжении более 30 лет Антанас Снечкус, который занимал эту должность и в конце 1930-х годов, что было почти невероятным для партийного руководителя этих лет. После окончания экскурсии один из его слушателей потребовал, чтобы мы написали «кому следует» о его сомнительных с идеологической точки зрения ошибках. На это директор харьковской библиотеки, полковник, решительно отрезал: «Стучать не будем». Перед этим, рассказывая о вступлении войск ГДР в Чехословакию в 1968 г., он с восхищением сообщил нам, что, встретившись с сопротивлением чехов, они полностью уничтожили эту деревню (или городок), вместе с детьми. Не думаю, что это было правдой — от своего друга В. М. Алексеева, изучавшего события в Чехословакии, и от побывавшего в это время в качестве переводчика в Праге В. П. Бударagina я ничего подобного не слышал. Я не поверил его рассказу и ответил, что если бы такое произошло, то ГДРовские немцы были ничуть не лучше своих предшественников из Третьего Райха.

* * *

В 1962 г. я дважды присутствовал на публичных выступлениях Иосифа Бродского — сперва в аудитории Исторического факультета ЛГУ, потом в академическом институте Востоковедения. Там читали стихи И. Бродский, Д. Бобышев, А. Найман и другие поэты. Многое мне запомнилось, какие-то строчки я удержал в памяти до сих пор. Но главное впечатление оставил Иосиф Бродский. Я услышал его поэму «Гость», «Рождественский романс» («Плывет в тоске необъяснимой»), «Ни страны, ни погоста...», «Холмы». Были и более ранние стихи. Многое завораживало, как и манера чтения.

Особенно это ощущалось в поздних стихотворениях (поэмах) «Большая элегия Джону Донну», «Исаак и Авраам»... Мы встречались с Иосифом Бродским в доме Эры Коробовой и Анатолия Наймана. Когда мы вышли с Бродским на лестницу, он сказал: «А что, вроде бы ничего стишки были?». Свое общение с Иосифом Бродским (как и с некоторыми другими людьми) я определял так: «Я с ним был знаком; он со мной — нет».

29 ноября 1963 г. в газете «Вечерний Ленинград» была опубликована статья Я. Лернера, А. Ионина и М. Медведева со скандальным названием «Окололитературный трутень», направленная против Иосифа Бродского и предвещавшая суд над поэтом. 8 декабря я направил в редакцию газеты письмо. В нем я признал, что я не знаком с биографией поэта (я понимал, что в газете она содержала грубые искажения), но меня интересовали стихи: в доносе цитируются два стихотворения, вообще не принадлежавшие ему (они принадлежали Д. Бобышеву, я слышал их на одном из поэтических вечеров), а отрывок из поэмы «Шествие» был приведен в виде отдельных обрывков строк, лишенных какого бы то ни было смысла. В ответ газета опубликовала 8 февраля 1964 г. подборку писем читателей, озаглавленную «Тунеядцам не место в нашем городе». Помимо негодующих писем (по принципу: «Я Пастернака не читал, но...»), там упоминались и высказывания в защиту И. Бродского (мои и поэта Е. Кумпан), но ни слова не было приведено из наших доводов.

Когда номер газеты появился в библиотеке, некоторые из моих знакомых спросили Л. А. Шилова, как он собирается поступить в этой ситуации. Он ответил, что в статье ничего не сказано о месте моей работы, поэтому ему и не следует на нее реагировать. Это была несомненная уловка: выяснить, кто автор письма не составляло труда, а уж в Отделе кадров университета знали, о ком идет речь.

Через несколько дней я появился в кафетерии на Малой Садовой, где обычно тогда собирались отчужденные от официального признания поэты и художники. Оказавшийся там Н. И. Николаев (ему показали меня его друзья, работавшие в университетской библиотеке), объяснил питерской богеме, что я автор названного в газете письма. Тогда же мне сказала о своем одобрении поэт Татьяна Галушко, с которой нас связывали долгие годы дружбы.

9 марта 1966 г. мы пошли на похороны Анны Андреевны Ахматовой. Накануне я был в Никольском соборе и впервые услышал из уст священника молитву Ефрема Сирина («Во дни печальные Великого поста»). На следующий день у собора собралось неизмеримое множество людей (хотя никаких официальных сообщений не было). Пришли поклонники поэзии Ахматовой

всех поколений, ушедшие с занятий студенты. В собор мы не попали и находились во дворе. Кинематографисты пытались снять церемонию прощания; почему-то им пытался запретить это Лев Николаевич Гумилев, считая это провокацией. На самом деле они работали в тайне от начальства и чудом сумели сохранить пленку, которую мы увидели в годы «перестройки». После того, как ученики Анны Андреевны вынесли на руках ее гроб, мы не пошли на вторую, официальную, «гражданскую» панихиду в Союзе писателей и отправились в Комарово, куда поспели как раз ко времени похорон.

После возвращения из ссылки Иосифа Бродского я слышал его выступление в Союзе писателей в 1969 г. Вел вечер Я. Гордин, мне запомнился и Б. Вахтин. Помимо Бродского там читали писатели С. Довлатов, В. Маразмзин, В. Уфлянд, поэты Т. Галушко, Е. Кумпан, А. Городницкий, была устроена выставка работ художника Я. Веньковецкого. По начальству был подан донос, подписанный, кроме других авторов, сотрудником Пушкинского Дома Н. Утехиным. Собрание в Союзе Писателей было там представлено как «сионистский митинг», а его организаторов призывали привлечь «к уголовной, партийной и административной ответственности». Это было последнее выступление И. Бродского, которое мне довелось слушать в Ленинграде.

* * *

В 1967 г. у нас в доме был обыск — в квартире Сергея Алексеевича Беляева, аспиранта Института истории. Мы довольно скоро подружились с ним, он бывал у нас дома, да и я приходил к нему. Он знакомил меня со своими французскими друзьями. Как-то я встретил у него и Евгения Вагина (тогда я не знал о его роли в ВСХСОН). Когда моя жена, отправляясь на работу в Эрмитаж, увидела стоящего у нашего подъезда служащего из «органов», она заметила: «Давно вас не было». Во время обыска С. Беляев предложил позвать нас в качестве понятых, ему ответили, что мы для этого не годимся, поскольку моя жена высказала свое отношение к ним. Сергей пригласил живущего в нашем доме Игоря Николаевича Хлопина, работавшего в Институте археологии. Должен сказать, что И. Н. Хлопин оказался очень уместным «понятым», он иронически высказывался о действиях людей из КГБ, и в то же время очень внимательно следил за их поступками и всячески пытался им помешать. А главное — морально поддерживал Сергея. В тот же день я отправился в Пушкинский Дом и там, в вестибюле, который тогда был главным местом для курящих сотрудников, рассказал об этом Александру Михайловичу Панченко и его друзьям (правда, недалеко от нас оказался какой-то малопрятный тип, который пытался прислушаться к нашему разговору).

Сергея не раз вызывали на допросы в «Большой дом» на Литейном. Что от него пытались узнать, я не мог предполагать, сам он об этом мне ничего не рассказывал, да я не расспрашивал. Помню только, что состояние его было очень тяжелым, и один раз он даже попросился переночевать у нас. Когда к нему приехал его отец, священник о. Алексей, он благодарил меня за поддержку, которую мы оказывали Сергею. Приезжала к нему и его тетушка — перепечатывать его диссертацию; как-то она мне сказала: «Саша, а что они все диссертации пишут; читали бы лучше!».

Я старался помочь ему в переводе латинского текста епископа Виктора из Виты (V в.), которое легло в основу его диссертации: там речь шла о преследовании христиан вандалами-арианами¹¹.

Сам я многим был ему обязан: от него я узнал ранние сочинения А. Ф. Лосева, пользовался его библиотекой, замечательной по подбору книг. Он был знаком с М. М. Бахтиным, с художником П. Д. Кориным, с пианисткой М. В. Юдиной. У него оказалась французская пластинка, где были записаны цыганские песни в исполнении «Володи Полякова и Вали Дмитриевич» — «Последние голоса цыган».

Тогда я никак не мог предполагать, что Сергей Алексеевич Беляев проявит себя в последующие годы, после переезда в Москву, в качестве упорного и яростного юдофоба. Мне сообщали об этом со ссылкой на людей, принимавших участие в его археологических экспедициях. Однако, в его отношении к нам это никак не отражалось. Впрочем, у каждого антисемита часто имеется «свой еврей», то ли соученик, то ли сослуживец, то ли фронтовой товарищ. Я объясняю это тем, что вражда к евреям, как правило, исходит не из личного опыта, а из более абстрактных теоретических представлений.

Среди сослуживцев С. Беляева в Ленинградском отделении Института истории распространился слух о его сотрудничестве с «органами». Я думаю, что у них было немало способов оказать на него давление, как на сына священника, вплоть до увольнения из аспирантуры. Ни подтвердить, ни опровергнуть эти сведения у меня не было никаких оснований. Он часто бывал у нас дома, особенно когда к нам приходил Валентин Алексеев. Когда у меня возникли какие-то сомнения, Валентин Михайлович твердо мне сказал, что это уже мое дело, кого принимать, а он будет вести себя и высказываться так, как он привык.

Но один случай показался странным. В нашем доме во время приезда в Ленинград Ирина Васильевна Поздеева справляла свой день рождения.

---

¹¹ См. автореферат кандидатской диссертации: *Беляев С. А.* Города Римской Северной Африки во времена владычества вандалов. По данным Виктора из Виты. Воронеж, 1970.

Вместе с ней был у нас и Николай Николаевич Покровский, приехавший для работы в архивах и для выступления с докладом в Институте истории. Зная его неприязненное отношение к людям случайным, я не стал никого приглашать. И вдруг к нам в дверь постучал С. А. Беляев. Оказалось, у него есть какой-то вопрос к Н. Н. Покровскому. Я позвал Николая Николаевича в переднюю. Сергей хотел выяснить мнение ученого из Новосибирска об одном хранящемся у него средневековом или старообрядческом изображении Христа (или Распятия? — точно не помню). Николай Николаевич объяснил, что это не по его части (хотя, возможно, он и встречался с такими предметами в экспедициях). На этом консультация закончилась, и принять участие в празднике нашему соседу не удалось.

Много позднее, уже находясь в Бостоне, я ознакомился с работами С. А. Беляева. Помимо его археологических исследований о Херсонесе и многочисленных работ по истории Русской Церкви, я прочитал его доклад об убийстве царской семьи в Екатеринбурге в июле 1918 г. Автор показал, что это преступление ни в коей мере не было *ритуальным*, а имело чисто политический характер, чем вызвал гневные отклики сторонников идеи сионистско-масонского заговора.

* * *

В конце пятидесятых годов я познакомился с Леонидом Михайловичем Баткиным. Сперва я получил первые оттиски его статей, мы стали переписываться. Потом он приехал в Ленинград, я выступал на предварительном обсуждении его диссертации. В 1958 году он успешно защитил кандидатскую диссертацию в Ленинградском отделении Института истории. Правда, сам Л. М. Баткин не вспоминает о событии, отчасти сходном с моей предзащитной историей: директор Института М. П. Вяткин попытался сорвать и эту защиту (чем он руководствовался в данном случае, я не помню), и только дружное сопротивление всех присутствующих, членов Ученого Совета и официальных оппонентов заставило его отказаться от этого намерения.

С этих пор началась наша многолетняя дружба и длительная переписка; в моем архиве сохранились десятки писем Л. М. Баткина и мои письма к нему с 1967 по 1992 г., они касались и научных новостей, и работы наших коллег, в какой-то мере затрагивали дела общественные (с учетом необходимых цензурных ограничений). Одно мое письмо 1980 г., в котором я с похвалой отозвался о сочинении Д. С. Лихачева («Заметки о русском»), опубликованном в журнале «Новый мир», вызвало обстоятельный ответ Л. М. Баткина, который он отправил не только мне, но и пустил в аноним-

ный «самиздат». Опубликован этот текст был только в 1994 г., в сборнике «Пристрастия»¹². Я так и не согласился со многими выводами моего друга, а дальнейшие выступления Д. С. Лихачева только подтвердили мое «пристрастие» к «Заметкам о русском». Кроме того, как мне кажется, Л. М. Баткин слишком мало представлял себе быт и нравы русской деревни, даже в ее «пост-колхозный» период.

В 1973 году в ленинградском отделении Института истории прошло обсуждение рукописи новой книги Леонида Михайловича «Сущность Итальянского Возрождения». Я запомнил очень серьезный отзыв В. И. Мажуги (тогда аспиранта), назвавшего эту работу «новым Буркхардтом»; одобрительный отзыв Е. В. Бернадской. Поддержал эту работу и я (еще раньше в письме автору я назвал ее дельной попыткой историко-теоретического синтеза; потом написал и отзыв об этой работе). Особенно основательным было выступление А. Д. Люблинской. Были и странные отклики: И. П. Медведев возмущался фразой автора о том, что в Италии «все дороги ведут в Рим, вернее — из Рима» и требовал пояснить — куда и откуда все же вели эти дороги. Но В. И. Рутенбург решительно отверг новую работу Л. М. Баткина. А когда ее готово было принять итальянское коммунистическое издательство (кажется, сведения об этом появились в газете «L'Unita»), то В. И. Рутенбург воспрепятствовал изданию. В 1979 г. был напечатан ее немецкий перевод в Дрездене (ГДР), в 1986 г. он был переиздан во Франкфурте-на-Майне (ФРГ).

Другое исследование Л. М. Баткина было опубликовано в популярной серии издательства Академии наук. Я написал (тайную) рецензию (мое имя не было обозначено на обороте титульного листа книги; возможно, тогда это не было принято). Редактором книги был известный искусствовед М. В. Алпатов¹³.

На одной из конференций Л. М. Баткин выступил с большой речью (фактически с докладом) о проблемах итальянского Возрождения. В ответ искусствовед В. Н. Гращенков высказался крайне обличительно и грубо. Как сказал в кулуарах конференции В. И. Рутенбург, за такое скандальное нападение на проклятом Западе могли бы хорошо заплатить как за рекламу.

¹² Баткин Л.: 1) Пристрастия: Избр. эссе и статьи о литературе. М.: ТОО «Курсив-А», 1994. С. 243–264; 2) Пристрастия: Избр. эссе и статьи о литературе. М.: Изд. Центр РГГУ, 2002. С. 554–576.

¹³ Баткин Л. М. Итальянские гуманисты: Стиль жизни и стиль мышления / Отв. ред. М. В. Алпатов. М.: Наука, 1978.

Но вскоре я узнал, что В. И. Рутенбург, ответственный редактор материалов конференции не включил туда выступление Л. Баткина. Помню, что у меня был очень серьезный разговор об этом с А. Н. Немиловым, который всячески поддерживал редактора. Когда я добился свидания с Виктором Ивановичем у него дома, мне было объяснено, что в труды конференции включаются только объявленные в программе доклады. Но когда сборник вышел в свет, я обнаружил в нем выступление одного из участников, никак не связанного с программой конференции. Это было последнее выступление Л. М. Баткина: более он в таких собраниях участия не принимал.

Между тем книги и статьи Л. М. Баткина появлялись в переводах на итальянском языке, а также на языках других стран Европы. Только в 1991 г. Леонид Михайлович защитил докторскую диссертацию на основе доклада, который опирался на десятки опубликованных книг, в том числе и изданную в Италии работу о Леонардо да Винчи, удостоенную премии Совета Министров Итальянской Республики. В автореферате я был назван среди официальных оппонентов¹⁴. Я послал отзыв.

Через два года я выехал в США. Мы встретились с Леонидом Михайловичем в доме моих московских друзей; помню, что я сказал ему, что я вряд ли смогу заниматься наукой на новом месте. К счастью, это оказалось не так, я смог работать, публиковать свои статьи в США, в Италии, в Англии и в России. И получать новые издания Л. М. Баткина и переписываться с ним.

* * *

Вскоре после поступления в библиотеку я начал работать над докторской диссертацией. Директор библиотеки Кира Михайловна Романовская поддержала меня и обратилась к начальнику отдела кадров С. И. Катькало с просьбой предоставить мне отпуск для завершения работы. В университете этот чиновник был известен как яростный антисемит. Он ей решительно отказал, а на возражения К. М. Романовской ответил: «Да никакой он не специалист!», заранее перечеркнув все будущие решения Ученого совета Философского факультета МГУ и Высшей аттестационной комиссии.

Между тем, уже после двух защит, которые никак не сказались на моем материальном положении, многие мои друзья и знакомые пытались мне помочь.

---

¹⁴ Баткин Л. М. Итальянское Возрождение как исторический тип культуры. Научный доклад на соискание ученой степени доктора исторических наук. М.: Институт Всеобщей истории, 1991.

Когда к В. М. Алексееву обратился директор Музея истории религии и атеизма, Николай Красников (мы с ним учились на близких курсах на Историческом факультете), предложив ему перейти в Музей, Валентин, работавший в Публичной библиотеке, отказался, но посоветовал обратиться ко мне. Н. Красников вынужден был пригласить меня, и тут началась сцена, сильно смахивающая на известный анекдот: еврей беседует с начальником, к которому пришел наниматься на службу. Он отвечает всем предлагаемым ему условиям — знаком с производством, имеет большой опыт работы, знает иностранные языки и т. п. В конце концов начальник взрывается: «Кончишь ты надо мной издеваться, жидовская морда!» Директор Музея сказал, что ему нужен специалист по религии и атеизму — я ответил, что у меня вышли работы о Джордано Бруно; он объяснил, что ему требуется исследователь русской истории — я упомянул диссертацию о Кирилло-Белозерском монастыре. Кончилось это тем, что Музею необходим историк советского периода — тут мне было крыть уже нечем и я удалился.

Мой сосед по дому, Лев Иванович Спиридонов, с которым мы приятельствовали и часто совершали прогулки вокруг нашего дома на Бестужевской и за линией железной дороги (он был доктором наук и преподавал в милицейской академии), тоже попытался помочь мне. Однажды он радостно сообщил, что какие-то его друзья готовы принять меня на кафедру «научного коммунизма» в техническом вузе. Я объяснил, что просто по полному невежеству могу совершить грубые идеологические ошибки в новом предмете. Он ответил, что я просто не хочу зарабатывать большие деньги, что, вероятно, было правдой (т. е. я, конечно, не возражал против заработка доктора наук, но не любой ценой). В 1970–80-е гг. меня снова рекомендовали (В. Б. Вилинбахов, В. И. Рутенбург и некоторые сотрудники музея) в Музей истории религии и атеизма (уже при другом директоре этого учреждения). Но выяснилось, что тот наводил обо мне справки в университете, то ли в Отделе кадров, то ли на Философском или на Историческом факультете, и узнал, что я — «антисоветчик и сионист». С первым определением я готов был согласиться, хотя диссидентом не был и в протестных акциях участия не принимал; только читал и передавал друзьям рукописи из «Самиздата» и книги из «Тамиздата». Но я, уважая людей, считавших своей родиной государство Израиль и добивавшихся выезда туда, что именно в эти годы было чрезвычайно сложно, сам сионистом не был (если не считать популярной в те годы песенки, где современный чиновник осуждает своего папашу; «Он зовет сионистов жидами!»). В других случаях были ссылки на то, что им «не рекомендовали» уже безо всяких объяснений: «Ты ж понимаешь».

В 80-е годы Александр Михайлович Панченко обратился к академику Д. С. Лихачеву, чтобы тот написал письмо в ректорат университета с просьбой изменить мой оклад в библиотеке, приведя его в соответствие с ученой степенью доктора наук. К этому письму присоединились два члена-корреспондента АН, итальянист В. И. Рутенбург и этнограф Кирилл Васильевич Чистов, с которым мы были знакомы в Петрозаводске. После этого А. М. Панченко попросил меня получить рекомендации из Москвы. Я написал академику Георгию Владимировичу Степанову, с которым мы были знакомы во время его жизни в Ленинграде, мы бывали друг у друга в гостях, и к моему коллеге и старому другу В. В. Соколову. Тот привлек к этому письму академика Т. И. Ойзермана, члена-корреспондента АН С. Р. Микулинского, поставил и свою подпись. Я печатался в трудах шести академических институтов: Института Русской литературы (Пушкинский Дом), Института истории России, Института Всеобщей истории, Института философии и Института истории естествознания и техники, так что мои работы были им известны.

Письма поступили в ректорат. Вскоре меня пригласил к себе заместитель ректора по научной работе. Он объяснил, что получил письма от высокоуважаемых академиков, посоветовался с председателем профсоюзного комитета и узнал, что единственное, что он сможет сделать, это повысить мой оклад на 7 рублей — я пожал плечами. Он спросил: «Что Вы предлагаете?» Я смог только ответить, что хотел бы узнать его предположения.

* * *

Во время работы в архиве и в библиотеке я решил серьезно заняться иностранными языками, и прежде всего принялся за немецкий. В университете я только использовал некоторые статьи и монографии по моей специальности. Теперь же я взялся за художественную литературу. Мой метод заключался в том, чтобы не прибегать к словарям: они дают всегда лишь крайне ограниченный круг значений. Когда же читаешь хорошую литературу, узнаешь слова в их всевозможных контекстах и значениях, какие не дают даже самые основательные словари. Впрочем, были к этому и другие причины: читал я, как правило, в транспорте. При работе за столом приходилось заниматься собственно научной работой: там уж, конечно, без обращения к словарям было не обойтись.

Читал я во время поездок на работу, они занимали по полтора часа в один конец. Как когда-то пошутил М. А. Гуковский, используя известное выражение *in pede apostolorum*, я читаю книги *in rotula autobusorum*,

или в электричках во время поездок на дачу. Книги я выбирал только те, которые к тому времени не были переведены на русский язык. Сперва это были романы Лиона Фейхтвангера, которые тогда хоть и не были под запретом, как в сталинские годы, их даже можно было купить в книжных магазинах «стран народной демократии», но их русские переводы появились позднее. Так я читал «Лисы в винограднике», «Еврейка из Толедо», «Иеффай и его дочь», книгу о Руссо, последний том трилогии об Иосифе Флавии. Потом пришла очередь Эриха Марии Ремарка. «Триумфальную арку» я читал в Публичной библиотеке. Когда через несколько лет появился ее перевод, мне показалось неверным передавать имя главного героя как Равик; я до сих пор убежден, что поскольку он был эмигрантом из Восточной Европы, его имя Ravic следует по-русски передавать как Равич. Читал я «Ночь в Лиссабоне», «Обелиск». Потом появились книги Генриха Бёлля, пьесы и рассказы Вольфганга Борхерта.

Кафку я обнаружил в библиотеке Пушкинского Дома. Там были три его романа, сборники рассказов. В 1967 г. у меня дома появился «Процесс»; мне подарил его кто-то из друзей. В 1970 г. мне удалось получить у одного своего сослуживца «Замок» Кафки в обмен на русское издание Альбера Камю. Обе эти книги оказались среди тех немногих, что пересекли со мной океан. В те же годы я купил изданную в Чехословакии книгу о «Кафке в Праге», тоже на немецком языке. Помимо прекрасных фотографий и документов, меня поразила приведенное там высказывание (возможно, из Талмуда). Нечто спрашивает Учителя: «Как может такой большой человек поместиться в таком маленьком слове?», и получает ответ: «Если кто думает, что он больше Слова, с ним нам не о чем говорить».

Однако, когда я попробовал взяться за романы Томаса Манна («Доктор Фаустус» и «Иосиф и его братья»), оказалось, что моя «система» не работает. Я объяснил это тем, что его язык уходит в глубокую толщу немецкого языка, в отличие, скажем, от Фейхтвангера, который довольствовался его сравнительно поверхностным слоем. Однако, по-немецки я так и не заговорил.

Новые французские книги я обнаружил в библиотеке Пушкинского Дома: оказалось, что какой-то русский эмигрант, живший в Финляндии, присылал туда романы, сценарии и драмы Ж. П. Сартра, Альбера Камю. Мой университетский приятель Георгий Александрович снабжал меня книгами Жана Ануя, потом и Э. Ионеско; от него же я получил и французский перевод романа Э. Хемингуэя «По ком звонит колокол» (английский текст был мне тогда недоступен). Когда появился его русский перевод, я обнаружил в нем множество пропусков, они касались Андре Марти, Долорес Ибаррури,

персонажа, под которым угадывался М. Кольцов. И я, как позднее Иосиф Бродский, узнал впервые имя Джона Донна из эпитафии к этому роману.

Стали приезжать в СССР французские театры; я был на представлении «Федры» (как было не вспомнить Мандельштама: «*Я не увижу знаменитой Федры*»); затем с трудом у входа в Дом культуры промкооперации раздобыл контрамарку, без указания места, на пьесу Жана Жироду «Троянской войны не будет», устроился на прикладном месте в первых рядах партера, капельди-нерша отнеслась ко мне покровительственно, но сгоняла с приставных мест молодых людей. Еще был на «Жаворонке» Жана Ануя. В театр я брал с собой книги и по ним старался следить за текстом. К сожалению, я не запомнил имен приезжавших в Ленинград французских актеров.

Мои французские друзья мне подарили несколько книг Хорхе Луиса Борхеса. Помню, что я пытался расспрашивать о нем Г. В. Степанова, специалиста по испанскому языку Латинской Америки; меня поразило, что он тогда еще не знал этого имени. Когда мне попался какой-то сборник, включавший итальянский перевод новеллы Борхеса «Тайное чудо», я даже решился перевести его (для себя), и потом, при чтении профессионального русского перевода, мне показалось, что некоторые фразы я передал лучше.

Но особое место занимал итальянский язык. Я читал классиков, Макиавелли, Гольдони, Гоцци — вот только знаменитый роман А. Мандзони «Обрученные» у меня никак не пошел, я не смог его осилить, ни в оригинале, ни в русском переводе. Другое дело — «веристы» (южно-итальянский вариант реализма) конца XIX — начала XX вв., особенно Джованни Верга и Сальваторе Ди Джакомо, его «Неаполитанские новеллы» я перечитывал много раз: А. Н. Немилов подарил мне оказавшийся у него дома экземпляр.

Со временем я стал получать книги новых итальянцев. Более всех меня поразили рассказы Чезаре Павезе; «для себя» я перевел один его небольшой рассказ. Потом наступила очередь Итало Кальвино (особенно его трилогия — «Несуществующий рыцарь», «Разрубленный виконт» и «Барон на дереве»), я читал романы Альберто Моравиа, Джорджо Бассани, «Татарскую пустыню» Дино Буццати.

Появился в поле моего зрения и Курцио Малапарте. Правда, я не знал его политическую книгу «Техника государственного переворота», так заинтересовавшую участников «Всероссийского христианского союза освобождения народа». Мои главные книги Малапарте были «Капут» и «Кожа»; может быть ее название («*La pelle*») следовало переводить «Шкура»? Помню, как я долго ждал в букинистическом отделе «Академкниги», как какой-то покупатель рассматривал книгу Малапарте, надеясь, что он ее не купит, но он в конце

концов дал продавцу себя уговорить. И все-таки обе эти книги у меня оказались. Эти романы о Второй мировой войне с их невероятным, утрированным, почти мистическим *как бы реализмом* остались у меня в памяти навсегда. Отрывок из «Шкуры» («Феб», про собаку, из главы «Черный ветер») я перевел. Потом пришла очередь «Проклятых тосканцев». Незадолго до отъезда в США я выступил на заседании итальянской группы при Отделении истории Академии наук с докладом о ренессансных корнях и мотивах в книге «Maledetti toscani». Когда в Бостоне я писал статью об историке философии Бруно Нарди, я был рад отметить, что он прекрасно знает Малапарте и себя причисляет к этому «проклятому» племени.

* * *

Я, естественно, не пишу о прочитанных русских книгах — в этом отношении мы развивались как вся русская интеллигенция, что-то я читал раньше, что-то попадало к нам в руки позднее. Но об одной книге следует сказать. В начале 60-х годов я работал в Отделе рукописей Ленинской библиотеки, читал манускрипт Томмазо Кампалеллы и знаменитый «Московский кодекс» Джордано Бруно. Главная его часть была опубликована в III томе его латинских сочинений; я пытался разобрать написанные им самим произведения и прочесть черновик прошения Дж. Бруно во Франкфуртский сенат о разрешении ему остаться в городе (в чем ему было отказано). Даже в III томе сочинений текст был приведен с большими лакунами. Какие-то фразы я сумел прочесть, но полностью он мне никак не давался. Работать приходилось по вечерам. Когда начальство ушло, ко мне обратилась сотрудница Отдела Алла Панина (мы познакомились с ней в Ленинграде) и предложила мне прочитать хранящуюся в их отделе рукопись «Мастера и Маргариты» М. А. Булгакова. Три вечера я читал роман, и сразу же, под сильным впечатлением и стараясь сохранить не только сюжетные ходы, но и стилистику книги, отправлялся к своим московским друзьям и как мог пересказывал им только что прочитанные главы. Через несколько лет роман Булгакова был напечатан в журнале «Москва» с большими купюрами, с пропуском целых глав и даже отдельных выражений и слов, я сразу же отметил эти места. Когда же в итальянском издательстве Эйнауди вышла книжка, специально приводящая все эти опущенные фрагменты (она оказалась у одного моего друга), я увидел, что моя память их точно сохранила.

Мне могут ответить: какое все это имеет отношение к моим историческим занятиям: в конце концов все читали книги, ходили в музеи, в театры и на концерты. Но я пытаюсь рассказать о моей *школе*. Она заключалась

и в этом чтении и формировала меня как историка. Помогали не только исторические романы об античности, средневековье и Французской революции. Как не вспомнить о прекрасном переводе Бенедикта Лившица романа А. Франса «Боги жаждут», прочитанного в студенческие годы. Он открыл для меня характер якобинской диктатуры и многое помог понять в нашей действительности. О трагической судьбе Б. К. Лившица я узнал много позднее; но составленные в его переводах антологии французской поэзии странным образом не попали в «спецхран». Эти книги влияли на мое мировоззрение именно как историка и заставляли искать пути вне официальных тупиков исторической науки.

В 1964 г., благодаря содействию нашего соседа по дому Сергея Беляева, в нашем доме появились стажеры из Франции Жан Марк Бордье и его жена Анн. Жан Марк рассказывал о своем споре с Ефимом Григорьевичем Эткингом; тот утверждал, что можно переводить русские стихи с сохранением рифмы и подходящего размера, Жан Марк отстаивал нынешнюю переводческую практику, когда перевод принимал очертания обычного подстрочника. Но вернувшись к себе, он вдруг решил проверить утверждения своего оппонента и стал переводить русских поэтов «нормальными» стихами. Первых его опытов я не помню, но при всяком приезде в Ленинград, он знакомил меня со своими переводами, хотя нигде их не печатал. Его собственные стихи «Lama Sabachthani» (слова Иисуса на кресте: «Боже мой, Боже мой, для чего Ты меня оставил» — Мф. 27, 46; Мк. 15.34) были опубликованы в лучшем французском литературном журнале «La nouvelle Revue Francaise» в 1966 г. В начале 1993 г. он, по договоренности с Сергеем Михайловичем Некрасовым, директором музея А. С. Пушкина, устроил вечер своих переводов; меня он пригласил, чтобы я читал стихи русских поэтов, а он после этого свои французские переводы. Это была наша последняя встреча с Жан Марком. Портрет Ж. М. Бордье, написанный моей сестрой (Элиной Горфункель), был принят на хранение в фонды Музея А. С. Пушкина. После смерти Жан Марка его архив оказался у Анн Мисслен (Бордье). Она прислала мне перевод стихотворения Осипа Мандельштама «На страшной высоте блуждающий огонь...»: «Effroyablement haut erre ce feu follet / Une etoile ne peu briller de sette lueur / Etoile translucide, vagabond feu follet», — и поскольку последняя строка каждой строфы («Твой брат, Петрополь, умирает»), с учетом, что по-французски название города должно быть женского рода, звучит: «Ta soeur Petropolis, Petropolis se meurt». Пока Анн не нашла возможности издать эти переводы.

Потом в нашем доме появились две стажерки из Франции, Гилен Лимон-Иванов (ее отец был родом из Литвы, погиб во время войны в Алжире)

и Анн-Мари Боттон. Гилен — сравнительно высокого роста, со светлыми глазами, сдержанная. Анн-Мари — брюнетка (из семьи французских евреев), дружелюбная, легко сходявшаяся с людьми, имевшая массу знакомых. Потом мы узнали, что обе они приняли православие. Они занимались изучением русской поэзии, Цветаевой и Мандельштамом. Обе хорошо говорили по-русски и пользовались возможностью улучшить свою русскую речь. Наше знакомство сохранилось на долгие годы. Они преподавали русский язык в лицеях и часто приезжали в Россию с группами школьников.

В эти же годы мы познакомилась с Эдит Шеррер (урожденной Ривьер), которая помогла мне научиться связной французской речи. Она пришла ко мне в отдел, и я попытался рассказать ей (по-французски) о своих занятиях. Она терпеливо выслушала меня, умеренно похвалила, сделала несколько замечаний; вот только исправить мое произношение ей вряд ли удалось (я объяснял это отсутствием у меня музыкального слуха). Дальнейшие занятия происходили у нас дома по принципу «ланкарточных взаимных обучений»: она обучала меня французскому языку, я помогал ей в овладении русским. Впрочем, Эдит уже к тому времени очень неплохо говорила по-русски. Она еще не раз приезжала в Ленинград, а наша переписка продолжалась более 30 лет. Благодаря этим урокам, когда я оказался во Франции, я сумел не только говорить, но, что не менее важно, понимать обращенную ко мне речь.

В переводах Эдит Шеррер появились в издательстве «Плеяда» произведения М. А. Булгакова (я помогал ей разбираться в реалиях советской жизни 20–30 гг.) и И. С. Тургенева. У нее дома были собраны все лучшие русские словари, начиная с В. И. Даля, ей удалось купить и отправить во Францию Энциклопедический словарь Брокгауза-Ефрона (тогда это еще разрешалось). Из задаваемых мне вопросов я запомнил один: в рассказе классика слуга говорит: «И сидит он тут словно кетик какой-то». Помочь ей я не смог: в словаре Института Русского языка была карточка со словом «кетик» со ссылкой на И. С. Тургенева, но безо всякого объяснения, не помогли и консультации со знакомыми лингвистами. Я называл Эдит картезианкой; в ее складе ума сквозила классическая нота.

Очень важным было для меня овладение итальянским языком. Поначалу говорить было не с кем, и помню, что я начал говорить по-итальянски во сне. Я пользовался всяким случаем услышать итальянскую речь. Мне приходилось заговаривать со случайными туристами. Помню, как один из них заинтересовался моим мнением о высылке из СССР А. И. Солженицына: едва услышав это имя, рядом с нами оказался сопровождающий группу; я только

и успел высказать свое мнение о действиях властей, после чего предпочел исчезнуть от ока слишком бдительного наблюдателя.

Помню, как к нам домой пришел итальянский исследователь, звали его Чезаре Де Микелис, он был однофамильцем знаменитого ученого слависта, но занимался историей итальянского книгоиздательства. Мы познакомились в Публичной библиотеке. Он жил в Ленинградском Доме ученых. Там не было душа, а как пройти в ближайшую баню, ему никто не объяснил, и он пришел не только для беседы, но и напросился помыться. Я с ужасом увидел, что из ванной комнаты вышел, отряхиваясь, наш котенок. Но гость только смеялся: это прекрасное животное не могло замутив воду, настолько сам он был грязный после длительного проживания в роскошном номере.

Но главным моим учителем оказался стажер из Венецианского университета Рэмо Факкани, в 1965–1966 гг. Он занимался историей русского формализма, собирал материалы для сборника статей ученых Тартуско-Московской школы (опубликованных им в книге совместно с Умберто Эко). Познакомились мы с ним, как обычно, в библиотеке, он стал часто бывать у нас дома. Он глубоко заинтересовался современной (неофициальной) русской поэзией. Помню, как мы шли по льду от университета до Сенатской площади, и Рэмо сказал мне: «Devo andare alla “Березка” per comperare la vodka per una вечеринка» — «Я зайду в “Березку” [магазин для иностранцев, где можно было покупать за валюту вина и закуски — А. Г.], чтобы купить водку для вечеринки». На одной из таких «вечеринок» Рэмо познакомился с Владимиром Эрлем и услышал стихи Леонида Аронсона, иные из которых он впоследствии опубликовал в оригинале и в своем переводе.

Мы много лет переписывались с Рэмо Факкани, сохранили наши добрые отношения до сих пор. Когда мне удалось попасть в Италию, я смог слушать и понимать итальянскую речь, читать лекции и выступать с докладами. Правда, разговоры на улицах и в поездах, когда люди общались всякий раз на своем, различном для каждой области, диалекте, я понимал с трудом, а чаще и вовсе не воспринимал.

* * *

Осенью 1978 г. к нам в дом пришли Гилен Лимон-Иванов и Анн-Мари Боттон, как всегда, они привезли в Ленинград своих учеников из лионских лицеев. Мы только что вернулись из отпуска, в доме было хоть шаром покати, денег тоже не оказалось даже в сберкассе, а надо было как-то принять дорогих гостей. Помогли собранные и засушенные на даче грибы и еще что-то из домашней снеди. Получился неплохой обед. Во время раз-

говора моя жена сказала, как бы мы хотели побывать во Франции: «Мне кажется, что теперь это может получиться». Гилен и Анн-Мари охотно ее поддержали.

Наши ленинградские друзья объясняли нам, что мы поступаем неправильно: мы никогда не были за границей, и нельзя было сразу отправляться в капиталистическую страну, надо было сперва поехать (с туристической группой) в какую-нибудь из стран «народной демократии», например, в Болгарию. Я отвечал, что очень хорошо отношусь к Болгарии, но меня интересует Франция.

Вскоре французские друзья прислали нам приглашение. Началось достаточно сложное оформление нашей поездки. У моей жены все прошло легко: в Союзе Художников быстро подготовили необходимые бумаги. Не то было у меня в университете. Мне пришлось пройти аж 6 инстанций. На самой большой комиссии, где заседали члены партийно-профсоюзно-административной верхушки (их набралось чуть ли не сто человек), мне задали вопрос, каких политических взглядов придерживаются наши французские знакомые. Я ответил, что у них не принято спрашивать, за кого они голосуют на выборах, но что это люди глубоко интересующиеся русской культурой, в чем мне не пришлось кривить душой (боюсь, что имена М. Цветаевой и О. Мандельштама вызвали бы иную реакцию: издание их книг в «Библиотеке поэта» считалось «грубой идеологической ошибкой»). Кажется, в университете это был крайне редкий случай, когда во Францию ехал человек по личному приглашению (возможно, такие были среди профессоров и академиков, но не среди рядовых сотрудников). Потом мой приятель, Вадим Александрович Зубков, работавший в ректорате, сказал, что мне сильно повезло: заведующий Отделом кадров С. И. Катькало был болен: «Уж он тебя бы точно не пропустил».

Из прочих инстанций мне запомнился только один случай: дама, которая «вела» мое дело, заинтересовалась: как же я еду по приглашению француженки (видимо, в ее воображении возникли картины разврата). Я намека не понял и объяснил, что пригласившие нас с женой друзья освобождают для нас квартиру, а сами будут жить над нами этажом выше; тут дама искренне обрадовалась: значит, я еду с женой! Когда надо было оформлять документы во Французском консульстве, наши друзья и тут нам помогли: у них там оказались какие-то знакомства.

В конце августа 1979 г. мы отправились в Париж. На Варшавском вокзале нас провожали друзья: Яков Леонидович Бутовский с Натальей Яковлевной, Илья Хацкелевич Черняк с Татьяной Николаевной, Николай Иванович и Сергей Иванович Николаевы. Дорога в поезде заняла почти полтора дня.

Самое неприятное впечатление оставили ГДРовские пограничники: при пересечении границ, особенно когда мы проезжали Западный Берлин, они тщательно проверяли всех пассажиров; жена уже спала, они ее будили и освещали фонариком лицо.

Утром мы проехали по северной Германии (ФРГ) и меня поразили огромные заводские дворы (был воскресный день): в них не было ни соринки. К вечеру мы прибыли в Париж. Нас должна была встречать моя школьная подруга, А. А. Соломонова: ее в этот раз неожиданно в первый раз выпустили во Францию. Она преподавала французский язык в одной из лучших московских школ. Возможно, это было связано с каким-то потеплением в дипломатических отношениях и лично с президентом Франции. Потом мы узнали, что в это же время пустили во Францию замечательного грузинского режиссера Отара Иоселиани, которому прежде такие поездки были заказаны; после этого свои фильмы он снимал во Франции.

Мы выгрузили чемоданы из вагона, но нас никто не встретил. Решили подождать, Адрес квартиры, в которой остановилась Ася Соломонова, у меня был, так что в случае чего мы могли бы добраться на такси. Мы прождали около получаса, на перроне никого не было, наконец, встречавшие нас появились: Ася и ее парижский приятель, школьный учитель Ив. Они погрузили нас в его машину, и он решил сразу же показать нам ночной Париж: Собор Парижской Богоматери, Лувр, Елисейские поля, Эйфелева башня, Триумфальные ворота, Монмартр, Площадь Согласия, Вандомская колонна — все, что мы увидели в этот первый вечер, было до боли знакомо. Когда позднее новые французские приятели спросили меня, что меня более всего поразило в Париже, я ответил: «Что все это действительно существует!»

В конце концов мы оказались у Итальянских ворот. Хозяйка квартиры, известная переводчица Эв Мальрэ которая, по словам Е. Г. Эткинда, открыла французам поэзию Марины Цветаевой, была в это время в России. Стоило мне проснуться на следующее утро (а поселили нас в кабинете-библиотеке), как я оказался в обществе книг русского «Тамиздата». Я чуть было не погрузился в чтение, но для этого не было времени, на книги оставались ночные часы. Я прочитал тогда «Архипелаг Гулаг» и «Ленин в Цюрихе» А. И. Солженицына, просмотрел издания русской зарубежной периодики. Но основное время было посвящено прогулкам по городу. За те две с небольшим недели, которые у нас занял Париж, мы старались узнать и увидеть этот великолепный город.

Правда, до Эйфелевой башни мы так и не добрались, видели ее издали, и этого нам хватило. Я не мог бы сказать, как Максимилиан Волошин,

что люблю бывать на Эйфелевой башни, так как это единственное место, где ее не видно. Она вполне вписалась в картину современного Парижа, но добраться до верхних ярусов у нас не хватило ни времени, ни сил. Тем более, что тот Париж, который нас интересовал, находился в пределах пешего хода: от Монмартра до Монпарнаса, от Дома Инвалидов до Марэ и Площади Бастилии: последние две недели мы жили в самом центре города.

В четверг, неподалеку от нашего дома, устраивали рынок; меня послали купить что-то для обеда. Рынок был небольшой, прилавки были устроены в несколько рядов метров на тридцать. Я купил то, о чем меня просила Ася, но меня заинтересовали сыры, я было начал их считать, но однако после четвертого десятка сбился. Потом мне подарили книгу с описанием французских сыров, с сотнями названий. Де Голлю приписывали фразу: «Попробуйте управлять страной, в которой производят больше сыров, чем дней в году!»

Ася говорила по-французски так, что никто не мог заподозрить в ней иностранку. В московском институте у них была великолепная преподавательница, Мария Васильевна Шубендорф (это фамилия ее мужа). Она долго жила во Франции, играла в оперетте, вела у них фонетику на первом курсе (1947–1948 гг.). Но институтское начальство потребовало от нее сдать экзамены, в том числе и по марксизму-ленинизму. Она ушла из института и жила частными уроками. После нее пришли какие-то дипломированные дамы, слушать их было невозможно, и студенты на их лекциях играли в «морской бой». Но и этого курса оказалось достаточно. Однажды я слышал, как Ася разговорилась с деревенской женщиной, та поделилась с ней рассказом о своей горестной судьбе.

В первые дни мы побывали у памятника Мишелю Монтеню, недалеко от Сорбонны. Я запомнил и записал надпись: «Париж — душа моего детства. Я француз — только благодаря этому великому городу, великому и несравненному в многообразии славы Франции и одному из главных украшений мира» — «Paris mon coeur de mon enfance. Je ne suis Français que par cette grande ville, grande surtout et incomparable in la gloire de la France et l'un des plus nobles ornements du monde» (в редакции перевода мне помогла А. А. Соломонова).

Неподалеку мы увидели подаренную городу Парижу от Рима копию статуи волчицы с Ромулом и Ремом. Я зашел и в Сорбонну (занятия еще не начинались), где просмотрел расписание интересующих меня лекций по средневековой истории и философии.

Едва ли не самым сильным впечатлением первых дней в Париже был Музей средневекового искусства Клюни. Там были собраны скульптурные

портреты французских королей, когда-то сброшенные из собора Парижской Богоматери; к нашему удивлению они сохранили следы раскраски.

Поразило огромное собрание испано-мавританской керамики, в нем были представлены все виды изделий. Мы увидели нидерландские резные алтари, готическую скульптуру — памятники материальной и духовной жизни Средневековья.

Но главными были шпалеры. Трехчастный ковер 1500 г. «Житие Св. Этьена» (Брюссель), «Барская жизнь» (1500–1525, Нидерланды): «Дамы заняты вышиванием», «Пение», «Прогулка», «Купание», «Отправление на охоту» (шестого ковра не было на месте). И, наконец, в большом круглом зале мы смогли увидеть шестичастный цикл «Дама с Единорогом», о котором много слышали и читали, и к которому давно стремились. Это оказалось важнейшем событием не только в Музее Клюни, но и во всей нашей поездке во Францию. Мы провели там много часов, несколько раз пытались уйти, но «Дама с Единорогом» возвращала нас к себе своей францисканской любовью к миру природы. После возвращения в Ленинград моя жена опубликовала в журнале «Декоративное искусство» посвященную «Даме с Единорогом» статью «Очарование мильфлёра».

Два раза мы побывали в Лувре (позднее, когда мы жили в центре города, мы ходили туда почти ежедневно). Когда мы поднимались по лестнице и перед нами открылась Венера Милосская, моя жена первый раз в жизни попросила у меня валидол.

27 августа мы пошли в гости к Иву, школьному учителю, который встречал нас на вокзале и показывал нам ночной Париж. Он жил где-то на Монмартре. Ася спрашивала дорогу, мы поплутали и, наконец, добрались до нужного дома. Во дворе восточного вида люди играли в пинг-понг. В нижнем этаже находился японский ресторан. По деревянной лестнице мы поднялись на четвертый этаж. Ив встретил нас. В квартире две небольшие комнаты. Ив живет вместе со своим другом, мексиканцем Игнасио, зубным врачом, приехавшим в Париж ради усовершенствования своего французского языка. Здесь он работал в ювелирной лавке, собирал ожерелья, показывал нам изделия из перламутра. Мы были званы на «мексиканский обед», Игнасио приготовил курицу с соусом, к питью подавали соленые орешки.

В последний день нашего первого пребывания в Париже мы посетили бывший римский амфитеатр, Arene de Lutese. Труппа под названием «Театр Молодой Луны» (возможно, это название следует переводить как «Театр Новолуния») поставила отрывки из пьес Мольера. Чем-то это напоминало итальянский театр масок; спектакль сопровождался рассказом о судьбе писателя.

Но время поджимало: наши друзья звонили нам из Лиона, просили, чтобы мы приехали как можно скорее: слишком мало времени оставалось до начала учебного года и для поездки на юг Франции.

31 августа с Лионского вокзала мы отправились на поезде. В купе нас было 8 человек. Старик с книгой сильно напоминал аббата Жерома Куаньяра из романов Анатоля Франса. А за окном разворачивались барбизонские пейзажи.

В Лионе первый раз мы были недолго: нас ждало путешествие по югу Франции. На машине наших друзей мы с Гилен и Анн-Мари (позднее мы узнали, что их так и называли «*deux inseparables*» — «неразлучные друзья») отправились в поездку. В Монпелье мы должны были побывать у матушки Гилен и познакомиться с семейством брата Гилен. В первый же вечер мы были в ресторане, где служит ее брат, Серж, или Сергей Михайлович. Он было приобрел магазин фотоматериалов, но его вскоре задушили конкуренты: в больших магазинах те же товары продавали по цене, которую он платил своим поставщикам. Он с гордостью носил небольшую бородку: ему казалось, что она напоминает императора Николая II, и сына он назвал именем покойного императора.

В Монпелье мне запомнился университет, в котором учился Франсуа Рабле (к этому времени мои французские друзья подарили мне новое издание его сочинений с отличными комментариями, и я пытался освоить французский язык XVI в.). Мы обошли и ту часть города, которая была построена во времена Людовика XIV: посмотрели акведук, водонапорную башню в виде античного храма, Триумфальную арку, статую Короля-Солнца. Потом нас отвезли в Магеллон, где мы посетили романский храм Св. Петра. Средиземное море от Монпелье всего в 12 км., и нам довелось в нем окунуться. Роза помогала Никола, племяннику Гилен, собирать ракушки на берегу моря.

Дальнейший путь проходил по юго-востоку Франции — от Монпелье до Экс-ан-Прованс. Первым на был Авиньон. Мы внимательно обошли папский дворец с великолепно сохранившимися фресками и гобеленами. По дворцу нас водил очень симпатичный гид Доменико ди Мельо, судя по имени — итальянец; когда моя жена сказала ему, что она работает в Эрмитаже, он с трудом пытался вспомнить, что это такое, и решил, что это «где-то в Польше». Увидели мы и знаменитый Авиньонский мост через Рону, разрушенный в XVII в. и лишь одним крылом (четырьмя аркадами из прежних 29) ведущий в никуда. Мы знали о нем по знаменитой песне в исполнении Эдит Пиаф.

В Ниме мы увидели «*Maison Carré*», храм, посвященный внукам Октавиана Августа, ставший музеем галло-римского искусства; впоследствии я вспомнил

его, когда увидел в Армении сходную римскую постройку. В амфитеатре, судя по афишам, регулярно проходила коррида. Инна Сергеевна Немилова рассказывала мне о своей встрече с Пабло Пикассо во время корриды; она упомянула его работы, хранящиеся в Эрмитаже, но он махнул рукой: «Ну, это старье. Но вы посмотрите, какой молодец!», показав ей на происходящее на арене. Увидели мы и созданный во времена Людовика XIV «Нимский Версаль».

В Арль мы выехали с утра, проехали примерно 80 км., прибыли днем. Пошли искать музей — он расположен в готическом здании, в бывшем приорате Мальтийского ордена. Собрание старых картин там невелико, XIX в. представлен крайне слабо. Музей назван по имени своего создателя художника Жака Реаттю (1760–1833) и был открыт после его смерти, в 1868 г. Произведений Реаттю я не запомнил. Зато там была открыта выставка работ Пабло Пикассо, подаренных им музею. Представлена была современная керамика, шпалеры Жана Люрса и очень интересные работы фотографов.

После ужина в ресторанчике мы пошли гулять по вечернему Арлю. По узеньким улочкам спускались до скал, на которых были возведены городские стены. Устроились в гостинице, не очень удобной и сравнительно дорогой. Проснулись рано утром, пошли бродить по городу, посмотрели большую, с римских времен, арену, способную вместить до 26 000 зрителей, где и сейчас устраиваются корриды. Нашли небольшое кафе напротив антикварного магазина. По этим улицам ходили Ван Гог, Гоген, Пикассо. Сильное впечатление оставила романская церковь Св. Трофима. Из Арля мы отправились в Сен-Реми. Извилистая дорога шла по горам, видны обрывы, провалы, где-то внизу — крыши домов, покрытых красной черепицей; с другой стороны кручи скал, входы в древние монастыри. Потом едем длинной дорогой, приближаемся к стеле с медальоном Ван Гога (работы Осипа Цадкина). Художник прожил здесь, в больнице, один год, с мая 1889 по май 1890 г. Каждый день его жизни в Сен-Реми отмечен его живописными работами и письмами. Гилен вела нас вниз, через небольшой дворик: открытая дверь в маленькую комнату, окно без рамы — вроде бы здесь жил Ван Гог; место заброшенное... Когда он покинул Сен-Реми, жить ему осталось два месяца.

Мы не миновали и знаменитый «Пон-дю-Гар» — римский мост с красивыми аркадами, по которому и ныне идут пешеходы и проезжают автомобили. С памятниками (по Фоменко никогда не существовавшей) античности нам еще предстояло встретиться в Лионе и в Париже, позднее — в Италии и в Израиле.

Когда мы проезжали по Провансу, меня поразили деревенские дороги — они были очень удобны, обсажены деревьями (сплошные платановые кори-

доры), через них были видны строгие ряды виноградников, а попадавшие нам деревни поражали ухоженностью и чистотой. Позднее, говоря с французами, я им объяснил, что именно эти дороги вызвали у меня наибольшее восхищение, а не национальные дороги (в США их назвали бы «хайвеями») с их прекрасными асфальтовыми покрытиями, с их широкими пространствами, допускавшими быстрое движение машин.

В Экс-ан-Прованс мы приехали 7 сентября во второй половине дня. Наши друзья отправились искать гостиницу и сняли недорогие, но вполне удобные номера, лучше, чем в Арле. Наш номер — под крышей, из окна мы видели ажурную колокольню. Узенькие улочки ведут к центру города, к украшенной платанами и открытой для пешеходов широкой аллее «Cours Mirabeau». Она начиналась круглой площадью с чашей фонтана в центре, за ней идут ряды фонтанов, и завершается она статуей короля Ренэ, знакомого с детства, по опере П. И. Чайковского «Иоланта», а затем по рукописям, хранящимся в Публичной библиотеке; с ними меня в свое время познакомила Е. В. Бернадская. Правая сторона, отделенная деревьями — тихая, деловая, там находятся какие-то учреждения и банки. А главные магазины и кафе идут по левой части. Здесь мы увидели троих красивых парней, приплясывающих, темпераментно поющих то ли бразильские, то ли мексиканские песни. А за ними следовал какой-то клошар, который своими движениями оттенял их молодость и красоту. Певцы переходили от одного кафе к другому, от статуи короля Ренэ до Ротонды с главным фонтаном.

В последующие дни мы много бродили по городу. Гилен показала нам дом, где она жила, когда начала учебу в университете Экса. Мы шли по площади с ратушей и башней с часами, оказались в храмах и в музеях города, в том числе в приорате Мальтийского ордена, где разместились одна из картинных галерей. Запомнился триптих замечательного провансальского живописца Никола Фромана «Пылающая купина» (ок. 1476 г.) в кафедральном соборе Христа Спасителя (Saint-Sauveur). Там же поразили резные готические врата.

Нам удалось побывать на службе в церкви Св. Иоанна Мальтийского. К сожалению, Музей изящных искусств был закрыт на ремонт и познакомиться с его коллекциями мы не смогли.

В один из дней мы посетили мастерскую Поля Сезанна. Этого художника ценят и помнят в Эксе. На «дороге Сезанна» — рельеф работы Осипа Цадкина. Гора St. Victoire господствует над Экс-ан-Прованс, она видна и из мастерской художника. Мы знали ее по многочисленным репродукциям пейзажей Сезанна, одно ее изображение находится в Эрмитаже.

На обратном пути в Лион мы оказались в местах, освященных именем Франческо Петрарки — в Fontaine-de-Vaucluse, где прямо из-под скалы вытекала огромным водопадом река Сорга. Показывали нам и дом, в котором предположительно жил поэт.

Не менее важным было восхождение на гору Монванту, на которую в свое время поднимался Франческо Петрарка, за что был кем-то назван предшественником современного туризма и даже альпинизма. Определение это сомнительно: на вершине горы поэт не только любовался на открывшийся перед ним вид, но и размышлял о Божественном величии. Перед началом пути наши друзья очень устали и решили отдохнуть в машине. А мы пошли пешком оставшиеся 14 километров. Дорога была совсем иная, чем во времена Петрарки: мы шли по асфальтовому шоссе, огибавшему гору. Ближе к концу пути нас прихватила с собой машина с немецкими туристами; ехать было страшновато: виднелись крутые обвалы и пропасти. С вершины горы мы смотрели на городки, деревни и виноградники, открывшиеся внизу, на отдаленные горы; вот только увидеть море мы не смогли: был яркий солнечный свет и вместе с тем легкий туман. Похоже, что в те времена я оказался единственным русским итальянистом, побывавшем на Монванту. Обратном пути мы тоже были пешком, но нас подобрали студенты и довели нас до места, где мы оставили наших друзей. Они поехали искать нас на вершине горы. Вскоре они вернулись.

Дорогу в Лион мы проделали за день и ночь, Гилен и Анн-Мари, чтобы та из них, кто была за рулем, не заснула, пели песни. В Лионе мы много ходили по городу, изучали старые кварталы, храм Св. Иоанна. Над городом возвышался огромный собор Фурвьерской Богоматери, возведенный в 1870-х годах, с эклектической архитектурой, украшенный аляповато, с удивительным безвкусием.

Зато нас очень заинтересовала новая церковь с необычной для храма модернистской архитектурой. Служба велась там на латинском языке: ее прихожанами были католики, не принявшие постановлений II Ватиканского собора о переводе служб на современный язык. Храм был украшен репродукциями русских икон, в том числе и «Троицы» Андрея Рублева, и гобеленами, также воспроизводившими православные иконы.

Мы заходили в Музей текстиля, которым когда-то славился Лион. Но самое сильное впечатление произвел археологический музей. Внутри высокого здания надо было подняться на лифте до верха и идти вниз по пологой дорожке, изучая галло-римскую экспозицию. Из окон музея открывался вид на раскопанный рядом римский амфитеатр.

До сих пор не могу понять, как меня угораздило не побывать в музее печати: Лион, не в меньшей степени чем Париж, славился своими изданиями XV–XVI вв.

Посетили мы и новый район Лиона («Par Dieu»), застроенный высоченными зданиями, где помещались крупнейшие банки. Когда я рассказывал о своей поездке в университетской библиотеке, я употребил по отношению к Лиону выражение «столица финансового капитала», что вызвало у моих молодых слушателей недоумение, как образ из советской пропаганды. Но это было действительно так: там были главные банки Франции, названий их я не запомнил, кроме одного: «Лионский кредит».

Это был и культурный центр Лиона, там находился «Аудиториум» (Лионская филармония), где наши друзья слушали симфонические концерты. Неподалеку от него помещался восьмизэтажный корпус Лионской Муниципальной библиотеки. Я не смог не подняться на верхний этаж, где помещался Отдел редких книг. Там я познакомился с первым изданием поэмы Марцелла Палингения «Зодиак жизни» (Венеция, вторая половина 1530-х гг.) Позднее, по моей просьбе, Эдит Шеррер прислала мне фотокопию этого издания, я и сейчас с ней работаю.

Ася Соломонова попросила меня передать привет лионскому жителю от ее московского приятеля; во время войны тот был партизаном во Франции и воевал с его старшим братом, погибшим в маки. У русского лионца была довольно необычная фамилия: «Иванов-Тринадцатый» — так записывали моряков-однофамильцев. Гилен и Анн-Мари не хотели иметь с ним дело: он, как и они, был православным, но принадлежал к крайне враждебной России Карловацкой церкви. Семья его жила на окраине Лиона; мы прибыли на метро, там он нас встретил на машине. Это был русский дом; матушка его была дочерью известного булочника Семенова. Мне показалось, что я знаю его магазин в Ленинграде. В доме сохранилась отличная русская речь. Сам хозяин родился уже в эмиграции. Он служил в банке (вот имя его я за давностью лет не запомнил; кажется, его звали Никитой). Он рассказывал о своей семье и сокрушался, что сын его женился на француженке.

Во всем остальном Иванов-Тринадцатый вел себя как типичный французский обыватель. Мы похвалили достопримечательности города Лиона, его архитектуру, музеи — он их не знал и просто не понял нас, и стал говорить о трудностях, какие он испытывает, доезжая до места работы. Метро его раздражало, оно для приезжих, у него была машина. Он не переносил «понаехавших тут», всех этих негров, арабов, да и французов из провинции.

Во время беседы мы с его женой Лидой отошли в сторону покурить, и его разговоров с Розой я не слышал. Вдруг он обратился к жене: «Послушай, как зовут того жида?» Мне хотелось ответить, что Жида зовут Андре. Но речь шла о ком-то другом.

Когда после ужина хозяин отвозил нас домой, он хвалил меня за мой русский язык и все осуждал каких-то других людей, приезжавших из России, которые, по его словам, очень плохо говорили по-русски. Я пытался их защитить: возможно, в их речи проскальзывали какие-то особенности местного говора. Позднее, когда я прислушался к выступлениям партийных лидеров (в частности, на собранном М. С. Горбачевым Съезде депутатов), я понял, что они говорили на своем собственном языке, не имеющем ничего общего с местными диалектами; скорее всего именно таковы были приезжавшие с группами посетители Лиона.

Через несколько дней к Иванову-Тринадцатому из Парижа приехала Ася Соломонова, чтобы передать привет от своего московского приятеля (она совершала большое путешествие по Франции и должна была побывать у директора школы, которая привозила в Москву своих учеников). Принявший ее хозяин спросил: «А какая фамилия у Саши?» Ася ответила, он удивился: «Что за странная фамилия?», она сказала: «Да нет, обыкновенная еврейская фамилия». Иванов-Тринадцатый был глубоко огорчен. Я спросил Асю, объяснила ли она свое происхождение; она нашла, что это было бы слишком. А ее московский выговор был ею воспринят от ее няньки, бывшей московской купчихи.

После возвращения в Ленинград мы были у знакомых. Хозяин отчаянно ругал французов за их меркантилизм. Я взорвался: во время нашей поездки мы встречались с людьми разного достатка и положения, они ни в чем не отличались от таких же русских интеллигентов, похожи были даже их поделки на кухне. Исключением был французский обыватель Иванов-Тринадцатый.

Мы не сразу смогли выехать из Лиона в Париж, наши друзья уже были связаны со школьным расписанием.

В один из выходных дней мы отправились в Перуж, один из самых старых и отлично сохранившихся городов, с храмами и домами XIII–XV веков. Он окружен высокими стенами, его узенькие средневековые улочки были заполнены туристами, не иностранцами, а жителями Лиона. Они приехали сюда отдохнуть и поразвлечься. Мы ходили по городу, смотрели романские храмы и более поздние особняки, попали и в подвал, где нас угощали местным вином.

С Перужем связано одно из самых сильных впечатлений нашей поездки. Мы шли по узкой улочке и вдруг услышали несколько странный, но красивый звук. Приближаемся. Выходим на маленькую площадь. Толпа окружает певицу и ее спутника, худошавого, в белой рубашке, в кепочке, с тонкими приятными чертами лица. Он вертит ручку музыкального органа. Она же, черноволосая и черноглазая, похожая на цыганку, в цветастом платье, поет низким голосом бесконечную старую французскую песню-балладу, в которой есть все — любовь и смерть. Толпа в восторге. Так реагируют люди на что-то поистине близкое и родное. Дети приносят мелочь; она откликается: «Кажется, здесь только у детей и есть деньги?» Взрослые посылают франки... Мы сразу же влюбились в бродячих музыкантов. Стояли долго, оторвались от них с трудом. Позднее Гилен говорила нам, что слышала их пение на лионском базаре.

15 сентября мы с Анн-Мари отправились в Париж. За нами приехало такси; я было попробовал положить наши вещи в багажник, но водитель удивился: «Месье, Вы делаете мою работу». Перед этим была забастовка на железной дороге. Вагон был битком набит, место Анн-Мари было занято и ей предложили проезд в первом классе.

На Лионском вокзале нас встретил улыбающийся молодой человек, Жан Паскаль, друг Анн-Мари. Я везу тележку с багажом. Очередь на такси выстраивается у турникета. Полицейский руководит посадкой. Минут за 15–20 все прибывшие в Париж разъезжаются. Жан Паскаль добирается до «нашего» дома на мотоцикле.

Анн-Мари заранее подготовила для нас пристанище. Это была небольшая комнатка (гарсоньерка) ее приятеля, Жана-Пьера, который порой при поездках в Париж ночевал в доме своих друзей (сам он жил за городом). Анн-Мари познакомила нас с консьержкой, у которой мы должны были получать и оставлять ключи от нашей комнаты.

Само здание когда-то принадлежало поэту и политическому деятелю Альфонсу Ламартину. На доме висела мемориальная доска, где сообщалось, что сюда 25 февраля 1848 г. пришел народ, и с этого балкона Ламартин произнес речь о трехцветном флаге Французской республики («sur le drapeau tricolore»).

Рядом находился дом, когда-то принадлежавший Ш. М. Талейрану, главе французской дипломатии при всех режимах, от Директории и Наполеона I до Людовика XVIII. Я хорошо знал его биографию по работе Е. В. Тарле, опубликованной в серии «Жизнь замечательных людей». О нем тоже упоминалось на мемориальной доске, рядом с которой висело объявление

о продаже дома. Из нашего окна мы видели рабочих, ремонтировавших крышу. Смотреть на них было страшно: они легко переходили по доскам, нависающим над бездной. В шутку мы подумывали о том, чтобы купить особняк. Но в наше время я всерьез опасаясь, как бы этот памятник французской истории не попал в руки «новых русских».

Наш дом находился на углу Rue del Belchasse (Охотничьей) и Университетской улицы, которая вела в Латинский квартал. Хозяев дома мы почти не видели, как и они нас (один раз во дворе стояла дорогая машина). Жили мы в мансарде в узком помещении на седьмом этаже, куда подымались на лифте, с окном «на крыши Парижа». Кроме нас на этом чердаке жила женщина, в обязанности которой входили прогулки с хозяйской собакой, и еще какая-то семья, о чьих занятиях мы так и не узнали. Уборная и умывальник помещались в коридоре, но ни душа, ни ванной там не было. Мыться мы ходили в дом Эдит Шеррер, которая жила неподалеку. Позднее, перечитывая новеллы Проспера Мериме, я заметил, что его персонажи из «Двойной ошибки» вспоминали о своем детстве на улице Rue del Belchasse¹⁵.

Анн-Мари позаботилась о том, чтобы у нас был провожатый по пригородам Парижа, это был встречавший нас на Лионском вокзале аспирант Жан Паскаль. Она же помогла нам купить билеты на экскурсию по замкам Луары. В новый приезд в Париж мы много раз бывали в Лувре. Видели мы и зал Микельанджело (со статуями рабов), и залы итальянской живописи с Веронезе и «Моной Лизой». Мой отчет не может заменить прогулку по Лувру или даже хороший альбом. Зная, сколько лет заняло у меня многократное посещение Эрмитажа, я понимал, что даже несколько походов в Лувр позволили нам получить лишь самое первое впечатление о музее.

В Соборе Парижской Богоматери мы побывали несколько раз, в том числе и на службе. Потрясли нас и витражи в знаменитой Часовне (St. Chapelle). Нам повезло, погода была удачной, мы в основном бродили по городу пешком. Я ходил по набережным Сены с ее лотками букинистов. Приобрести у них ничего не удалось: не было денег, да и того, что меня бы специально заинтересовало, там не было.

Посетили мы и Центр Помпиду, с его вывороченными наизнанку трубами и лестницами. С верхних площадок открывался вид на Париж. В эти дни в Центре Помпиду была развернута выставка «Москва-Париж», русского и французского авангарда из французских и советских собраний, причем

---

¹⁵ Мериме П. Избр. соч. В двух томах. Т. 2. М.: Гос. изд. «Художеств. лит-ры», 1956. С. 185, 187.

из России были представлены работы не только русских, но и французских мастеров, хранящихся в музеях Москвы и Ленинграда (из бывших собраний И. А. Морозова и С. И. Щукина). Франция показала работы не только своих соотечественников, но и русских художников, работавших в Париже. В последствии мы еще раз посмотрели эту выставку, когда она была привезена в Москву (правда, как кажется, с некоторыми утратами: что-то не пропустила советская цензура).

В Центре Помпиду устраивались концерты современной русской музыки, на один из них нам удалось попасть. Среди посетителей я увидел директора московского Музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина И. А. Антонову; я был знаком с ней, так как выступал на Випперовских чтениях в музее, и раскланялся с ней, но она не ответила; возможно, предположила, что я оказался в Париже в качестве недавнего эмигранта (а может быть, и просто не узнала меня).

На площади выступали актеры, жонглеры, музыканты. Нам понравились абсолютно неподвижные фигуры, изображавшие статуи. Были там и силачи, разрывавшие цепи. Около Центра Помпиду мы единственный раз решились зайти в бар, где нас накормили совершенно «советским» обедом, какими-то засохшими макаронами с невкусной котлетой: явно сказывалось обилие туристов, которые и не то еще съедят, а во второй раз не обратятся. Обычно мы покупали в ближайшей булочной хлеб, молоко, сыр, овощи и фрукты, и утомившись в своих блужданиях по городу, устраивались поесть на ближайшей скамейке.

Рядом с «Les Halles» (бывшим «Чревом Парижа»), превращенном в огромный город со множеством торговых помещений, находился порнографический кинотеатр. Мы, естественно, туда и не собирались, а потом французские знакомые сказали, что такое посещение было бы крайне опасно: на забредшую («из любопытства») пару могли напасть постоянные посетители. Хозяева этого заведения откупались от полиции, и та не интересовалась, что там происходит. Не посещали мы и стриптиз; как нам сказали Гилен и Анн-Мари, туда приходят только приезжие из глубокой провинции, а также туристы, в том числе из Германии и СССР. И, действительно, двое моих советских знакомых не пожалели на эти впечатления свою скудную туристскую валюту.

В Советское посольство мы зашли, но не для того, чтобы там «отметиться». Я решил передать (через швейцара) свою недавно вышедшую монографию московской коллеге Людмиле Сергеевне Чиколини (она была женой русского посла во Франции; итальянская фамилия осталась у нее

после первого мужа). Потом, в Москве, она говорила, что могла бы помочь нам попасть в Бельгию (была у нас такая мечта — увидеть Гентский алтарь); не уверен, что это бы удалось.

Из важных событий в Париже было посещение бывшего секретаря Анри Матисса Лидии Николаевны Делекторской. Не помню, кто из Эрмитажа дал нам ее адрес, а может быть и письмо, возможно, И. С. Немилова. Л. Н. Делекторская показала нам работы Матисса, передала нам книги для Эрмитажа.

В квартале Марэ, где в XII–XIII вв. находилось еврейское гетто, а позднее, в XVI–XVIII вв., там жила высшая французская аристократия, и сохранились великолепные особняки. Мы побывали в мастерской Э. Делакура и в Музее истории Парижа, «Карнавале». Особенно запомнились мне материалы времен Французской революции, «красный колпак» санкюлотов. Правда, гильотины я там не заметил.

Дошли мы до площади Бастилии. Я вспомнил рукописи Публичной библиотеки из собрания П. П. Дубровского, подобранные им вскоре после штурма. А. Д. Люблинская показывала нам лист, на котором отпечатались сапог участника тех событий.

Проходили мы мимо прежнего здания Национальной библиотеки. На ул. Ришелье поклонились памятнику Мольеру. Я всегда помнил горькие слова М. А. Булгакова, которыми он заканчивает жизнеописание Мольера: *«Это он! Это он — королевский комедиант с бронзовыми бантами на башмаках. И я, которому никогда не суждено его увидеть, посылаю ему свой прощальный привет!»*¹⁶.

20 сентября мы отправились на Гобеленовую мануфактуру. Моя жена вела в Эрмитаже цикл экскурсий по западноевропейскому прикладному искусству и десять лет занималась ручным ткачеством. Ей было интересно увидеть работу мастеров-гобеленщиков. Мы отметили мемориальную доску, посвященную братьям Гобеленам. Во дворах — статуи Ж. Б. Кольбера, основателя мануфактуры, и Шарля Лебрена, возглавлявшего ее. В сопровождении экскурсовода мы прошли по многим помещениям, видели, как создаются современные гобелены. Работали там мужчины, за огромными станами. Здесь были исполнены знаменитые композиции создателя современного гобелена Жана Люрса и продолжалось воплощение в этом искусстве работ современных французских художников.

Нельзя было не побывать на Монмартре. На площади Тертр продавали туристам картинки, не имеющие никакого отношения к искусству. Это были отвратительные поделки («подделки»), рассчитанные на самый скверный вкус.

---

¹⁶ Булгаков М. А. Жизнь господина де Мольера. М.: Молодая Гвардия, 1962. С. 224.

Дошли мы и до «Сакр-Кёр» («Храм Божьего Сердца»), типичное создание 1870-х гг. в якобы византийском стиле. Изображения внутри базилики свидетельствовали о полной деградации религиозного искусства конца XIX вв. Мы прижались спиной к этому сооружению: оттуда открывался прекрасный вид на Париж. Зато рядом была церковь Св. Петра, памятник романской архитектуры XII в., обычно не замечаемый «гостями нашего города».

Когда-то я читал подаренный мне роман бельгийского писателя (ни имени, ни названия я не удержал в памяти); его герой был экскурсоводом в Риме в первые послевоенные годы. Он отметил особый вид туристов (преимущественно американских): они почти не глядели на памятники, но очень старательно отмечали «галочкой» в путеводителях все, что экскурсоводы им предъявляли для осмотра.

Спуск к центру Парижа мы прошли пешком, через Пале Руаяль, мимо здания Комеди Франсез.

Мы пришли в книжную лавку давней приятельницы Владимира Райцеса, г-жи Франсуазы Пави, с которой он познакомился в Ленинграде. В ее доме мы увидели шпалеру «Готика», исполненную моей женой. В ней было представлено распятие Христа на фоне готических мотивов. Мы послали ее с одним нашим приятелем-французом. Шпалера привешивалась на металлических кольцах, и советские таможенники распиливали их, чтобы узнать, не сделаны ли они из золота. Г-жа Ф. Пави послала В. И. Райцесу книги.

Я позвонил директору Научно-исследовательского центра Жанны д'Арк г-же Режин Перну. Перед этим она пригласила В. И. Райцеса на коллоквиум, посвященный 550-летию освобождения французами Орлеана, послала ему и личное приглашение — но из этого ничего не вышло: в Педагогическом институте им. А. И. Герцена, где работал мой друг, решительно отказались выдать ему «характеристику», без чего было невозможно оформить ни научную командировку, ни личную поездку. Я сообщил об этом Режин Перну, не скрыв от нее, что причиной был официальный антисемитизм, исходивший не столько от директора Института, сколько от высшего партийного начальства: пять лет назад в институте и в Союзе писателей рассматривалось «дело» профессора Е. Г. Эткинда, он был исключен из Союза писателей, лишен всех степеней и званий за участие в подготовке «самиздатского» собрания сочинений Иосифа Бродского, а также и за сотрудничество с А. И. Солженицыным.

Г-жа Режин Перну была чрезвычайно возмущена. После ее сообщения на Коллоквиуме об отсутствии на заседаниях Владимира Райцеса, ученого самого высокого уровня («*erudit de grand classe*»), которому было отказано

в разрешении на поездку, собрание выразило по этому поводу протест, активно поддержанный общественными организациями и газетами.

Когда сведения об этом и газетные статьи (в том числе публикация в знаменитом «Le Monde») достигли Ленинграда, профессор В. И. Рутенбург сказал не без горькой иронии виновнику торжества: «Воля, вы прославились на весь мир [*“Le Monde”*]

Парижские театры мы почти не посещали: в сентябре еще не открылся театральный сезон, да и денег не было; оставалось утешаться тем, что удалось побывать на некоторых спектаклях французских театров во время их гастролей в Ленинграде. Но при прогулке по Латинскому кварталу мы набрели на знаменитый театр «La Nuchette», названный по имени улицы, известной с XII–XIII вв. и означающей охотничий рог. Это был небольшой зал, вмещавший не более нескольких сот зрителей. В нем на протяжении многих лет (с 1950 г.) каждый день шел один и тот же спектакль: два сочинения Эжена Ионеско, «Лысая певичка» и «Урок». К нашему приезду эти две абсурдистские драмы прошли на этой сцене чуть ли не больше 8000 раз. В Ленинграде я много читал Э. Ионеско и примерно представлял себе характер его драматургии, но теперь нам довелось увидеть и услышать этот спектакль. Публика отлично понимала абсурдные ситуации пьес, невозможные повороты сюжета, бессмысленные реплики их персонажей, и с юмором, а часто и со смехом, отмечала заложенную в них (в том числе и в их лексике) насмешку над безумием современной жизни.

Чуть ли не каждый вечер мы бывали в гостях у Эдит Шеррер. У нее дома висела шпалера Розы «Св. Георгий». Мы беседовали о событиях в России, о работе, о книгах, которые она переводила. Иногда она шла с нами в ресторан, неподалеку от ее дома, всякий раз заказывая новые для нас блюда.

Эдит жила на ул. St. Sulpice, названной по имени находившейся неподалеку иезуитской церкви. Позднее я перечитывал «Этрусскую вазу» П. Мериме, где о главном герое Огюсте Сен-Клере говорили, «что он близок к иезуитам [...] Один знакомый клятвенно заверял меня, что он дважды видел, как он выходил из церкви Сен-Сульпис»¹⁷.

В доме Эдит, как и во многих других домах, в которых нам пришлось побывать, мы столкнулись с серьезным страхом перед нападением СССР. Они боялись не атомной войны. К этому времени были заключены соглашения, и все понимали, что ядерная война между великими державами невозмож-

---

¹⁷ Мериме П. Избр. соч. В двух томах. Т. 2. М.: Гос. изд-во «Художеств. лит-ры», 1956. С. 55.

на, она приведет к гибели человечества. Правда, ядерное оружие воспевал С. В. Михалков, бывший, по анкетам, сперва сыном «дворника», потом — дворянином, а на самом деле придворным поэтом при всех режимах: в своем стихотворении, опубликованном в «Литературной газете» летом 1953 г., он писал: «Оборона — наша честь, / Дело всенародное. / Бомба атомная есть, / Есть и водородная!»

Но французы знали, что советские танки находятся в двух днях пути от границы ГДР. Кажется, именно об этом страхе, наводимом на Европу, вспоминают нынешние сторонники державной мощи. Нам все же казалось, что руководство СССР вряд ли решится на подобный шаг. К тому же, как вскоре выяснилось, его устремления были обращены к Востоку: вскоре после нашего возвращения в Ленинград началось вторжение «ограниченного контингента советских войск» в Афганистан.

23 сентября мы отправились в автобусную экскурсию по замкам Луары. Мы не заезжали в большие города, но зато нам открылся вид Франции с ее полями. Разумеется, в однодневной поездке мы не много сумели повидать, но спасибо и на этом. Нашими спутниками были парижане, учителя-пенсионеры, молодые женщины с детьми-подростками. Побывали мы в трех замечательных местах. Замок Юссе был по существу прекрасный особняк, объединивший множество причудливых зданий XV–XVII вв. Нам говорили, что там бывал Шарль Перро, и именно здесь он приютил свою «Спящую красавицу». Азэ-ле Ридо, с его готическим обликом, был окружен прекрасными прудами; внутреннее его убранство было создано в эпоху Возрождения. Но настоящим замком был Шинон. Расположенный на возвышении, окруженный стенами, он хранил воспоминания о важнейших событиях в истории средневековой Франции. Там была башня, куда заточили тамплиеров. В Шиноне состоялась встреча Жанны д'Арк с дофином, будущим королем Франции Карлом VII. После возвращения я подтвердил В. И. Райцесу правильность его предположений: зала, где дофин принимал Жанну, не могла вмещать сотни придворных¹⁸.

Анн-Мари привезла нас в дом своих родителей, в Сен-Женевьев де Буа. Был отличный обед, я первый раз попробовал «Бордо» и «Бургундское» (мы в основном пробавлялись «Божоле»). Шла добродушная и веселая беседа. Но, к несчастью, мы так и не смогли попасть на знаменитое русское кладбище: Анн-Мари торопились на церковную службу.

¹⁸ Райцес В. И. Жанна д'Арк: Факты, легенды, вымыслы. Предисловие Ю. П. Малинина. СПб.: Евразия, 2003. С. 126–132.

В Париже мы с ней присутствовали на православном богослужении в соборе Александра Невского, построенном во времена императора Александра III, в характерном для того времени как бы древнерусском стиле. В храме, куда мы направились, шла служба на церковно-славянском языке. Анн-Мари пошла в крипту, где служили на французском. Когда мы вышли из собора, мы оказались среди эмигрантов «первой волны» и услышали превосходную и нигде более не встречающуюся русскую речь.

Нам не удалось попасть в Ниццу и Марсель с их музеями Пикассо и Матисса, не добрались мы и до монастыря Мон-Сен-Мишель... Чтобы узнать страну, надо прожить там многие годы. Да и в СССР я не побывал далее Новосибирска, не видел озеро Байкал, один раз прошел по Крыму, не знал ни Баку, ни Среднюю Азию с Самаркандом и Бухарой...

По пригородам Парижа нас водил Жан Паскаль. Мы были в аббатстве Сен-Дени, где находятся гробницы французских королей. Перед нами предстала история средневековой Франции. Но на обратном пути случилась незадача: в кассе метро нипочем не хотели разменять стофранковую купюру, а других денег у нас не было. Жан Паскаль отправился на улицу, но и там во всех ларьках ему отказывали. В конце концов ему пришлось оплатить наш проезд. Он объяснял это тем, что Сен-Дени стал арабским кварталом, там было сильно влияние коммунистов, которые поддерживали антисемитские настроения. Мне это показалось странным, я все еще верил в интернационализм по крайней мере западноевропейских левых. Уже потом я узнал, что автор нашумевшей в СССР крайне либеральной и популярной среди интеллигенции книги «Реализм без берегов», коммунист Роже Гароди (изданной «для научных библиотек», смягченной разновидности «спецхрана»), оказался яростным антисемитом; позднее он перешел в ислам.

Жан Паскаль отвез нас в Версаль. Парки и дворцы восхищали великолепием, а более всего связанными с ними воспоминаниями о французской истории XVII–XVIII вв. Для тех, кто знал разрушенные во время войны и с таким трудом восстановленные из руин ансамбли Царского Села, Петергофа, Павловска, послуживший им образцом Версаль порой удивлял какой-то запущенностью во внутреннем убранстве. Я не помню, посетили ли мы театр — а мне это было бы интересно, так как итальянские писатели, которых М. А. Гуковский водил по Эрмитажу, сравнивали Эрмитажный театр с Версальским отнюдь не в пользу последнего.

Не менее важным событием была наша поездка в Шартр. У меня сохранилась фотография: огромное поле и в конце — даже не город, а очертания Шартрского собора. Целый день мы обходили храм, вглядываясь в его порталы.

много часов провели внутри собора, изучая его витражи, алтарные преграды, сакральную живопись и скульптуру. Я не берусь рассказывать о наших впечатлениях. У меня врезалось в память одно выступление С. С. Аверинцева с докладом на «Випперовских чтениях» в Музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. Он начал с того, «что всякий, кто побывал в Шартре», не мог не вспомнить один из сюжетов в портале собора... Это было произнесено в аудитории, где большинство собравшихся, рядовые сотрудники музеев, библиотек, университетов и научных институтов были хронически «невыездными». Для нынешних же читателей поездка во Францию стала пусть и незаурядным, но все же допустимым, почти нормальным событием.

Какое-то время мы уделили и старым кварталам города. Запомнились нам бретонские кружевницы, расположившиеся со своим товаром неподалеку от собора, они не только торговали, но и продолжали вязать кружева.

Анн-Мари сразу же по приезде договорилась со своим знакомым, который уступил нам комнатку в мансарде. Это был крупный юрист, связанный со многими политическими деятелями тогдашней Франции. Жан Паскаль был с ним знаком. 16 сентября мы проводили Анн-Мари, возвращавшуюся в Лион, и с Жаном Паскалем отправились на такси в гости к Жану-Пьеру, жившему в пригороде Парижа. Подъезжаем к воротам, звоним, открывает хозяин.

Перед нами большая вилла, с прекрасным садом, горшки с цветами и розовые кусты. За домом бассейн. Мне показалось, что вода в нем голубая, но это дно было вымощено голубыми плитками. Мы застали подругу Жана-Пьера с маленьким сыном, по имени Лансело. По вошедшему тогда в моду обычаю (проникшему и в Россию) малыш едва только учился ходить, но превосходно плавал. Вечером они уехали в Париж.

Жану-Пьеру 33 года, он занимается экономическими проблемами развития стран Латинской Америки. В доме была и его собственная живопись (с некоторыми его работами мы познакомились еще в нашей мансарде), мастерская и собранные им по всему миру коллекции восточного, южно-американского и африканского искусства.

Пока мы смотрели коллекции и живопись, появился Франсуа Шапюи. Сперва он производил впечатления то ли клошара, то ли представителя парижской богемы. Он и был художником. В это время Франсуа Шапюи исполнял большой государственный заказ. Что-то близкое и родственное чувствовалось в его интонации, в его глазах, с их печально-ироническим выражением. Друзья дразнили его «sacre sake» («проклятое sake»), из-за его былого пристрастия к спиртному. Теперь он пьет только воду.

Вместе с ним появился американский музыковед Тэдди, знаток современной неофициальной русской музыки. Он был членом Общества Иисуса; это был первый (и последний) встреченный мной в жизни иезуит. Он говорил о музыке и был в ней глубоким знатоком. Переводчиков не было (обычно при наших разговорах с французами бывала Ася Соломонова или Гилен и Анн-Мари, они помогали мне в трудных случаях), так что мне приходилось самому обсуждать и серьезные проблемы и шутки — мне показалось, что этот экзамен я выдержал.

Вскоре приступили к ужину. Жан-Пьер принес блюдо с креветками и показал, как с ними надо управляться. За это время хозяин успел приготовить курицу с соусом.

За ужином и разговором проходит вечер. Пора собираться в Париж. В машину Жана-Пьера помещаемся вшестером. Франсуа Шапюи собирается пригласить нас в свою мастерскую, предполагает повидать нас и Жан-Пьер — но эти встречи так и не состоятся: времени осталось мало. Жан-Пьер вскоре улетел в Бразилию.

Очень важным для нас было посещение Отеля Бирон — Музея Огюста Родена. В саду нас встречали «Граждане Кале», «Бронзовый век», «Мыслитель», а в экспозиции дома — множество его произведений, варианты и подготовительные материалы.

Неподалеку от нас находился и Дом Инвалидов. Елена Викторовна Бернадская попросила купить открытки из дома последнего упокоения Наполеона; одну из таких открыток я собирался купить и для И. Х. Черняка. Еще в детстве я знал наизусть стихотворение М. Ю. Лермонтова «Последнее новоселье», посвященное переносу праха Наполеона в Париж. В дальнейшем мой наивный бонапартизм улетучился, отчасти под влиянием образа императора в «Войне и мире» Л. Н. Толстого. В огромном помещении находилась гробница, сделанная из карельского мрамора. Николай I не пожалел его, может быть, в ознаменование победы русских войск в Отечественной войне. На стенах подкупольного зала Дома Инвалидов приводились многочисленные цитаты из Наполеона (отчасти почти совпадавшие с аналогичными высказываниями, приведенными в «Войне и мире»). Между тем, для меня главным его деянием, заслуживающим уважения, явился «Кодекс Наполеона», закрепивший принципы, которые легли в основание правовых отношений буржуазной Европы. Когда я подошел к киоску, где продавались открытки, и попросил несколько приглянувшихся мне экземпляров, продавщица, видимо плохо понявшая мой французский язык и принявшая меня за немца, ответила мне: «Фюнф!» и протянула мне кисть руки с отто-

пыренными пальцами. Позднее мои французские друзья объяснили, что рука с оттопыренными пальцами есть жест крайне неприличный; обычно в таких случаях показывают руку с тыльной стороны. В это время во Францию зачастили немецкие туристы, и она не могла не выразить свое отношение к «бошам», припомнив немецкую оккупацию Парижа.

Посетили мы и Пантеон. Гид произнес там знаменитую фразу о том, «что враги при жизни, Вольтер и Руссо нашли здесь свое последнее упокоение». Но поклониться было почти некому: кроме нескольких надгробий писателей и ученых, там оказалось множество могил никому ныне неведомых министров, чиновников и парламентариев; говорили, что место в Пантеоне можно было купить.

В церкви Сент-Етьен-дю-Мон мы узнали, что туда в 1711 г. из кладбища церкви Пале-Руаяль де Шамп был перенесен прах Блеза Паскаля (мои друзья подарили мне его «Письма к провинциалу»; до его «Мыслей» я тогда, кажется, еще не добрался) и Жана Расина, которого я к тому времени постоянно перечитывал в изданиях XVIII в.; позднее муж Анны Мисслен (бывшей жены Жан Марка Бордье) прислал мне в Бостон его новейшее критическое издание. Признаюсь, что Расин остался моим самым любимым классическим драматургом, оставив в тени Пьера Корнея.

Вскоре после нашего возвращения в Париж туда вернулась и Эв Мальрэ из своей поездки в Среднюю Азию; тогда же завершила свое путешествие по Франции и Ася Соломонова, они пригласили и Ива с Игнасио. Кажется, это был наш последний французский визит.

Не помню, где, но, вероятно, во время нашей поездки по югу Франции мы оказались на выставке, организованной Amnesty International; там собирали подписи в защиту советских диссидентов.

Эта единственная до времен «перестройки» поездка за границу была событием чрезвычайно важным. Я знал об экскурсиях, которые устраивал для своих студентов из Университета и из Высших женских курсов в 1910-х гг. профессор И. М. Гревс. В кабинете Средних веков сохранился альбом литографий с видами Флоренции, подаренный ему участниками одной из таких поездок.

При всей непродолжительности нашего пребывания во Франции мы почувствовали историю страны от античности, Средневековья и Возрождения вплоть до революции XVIII в., соприкоснулись с памятниками архитектуры и искусства, с музеями, а главное — сумели почувствовать саму страну, ее людей, язык, понять, как живет историческая память народа в жизни современной Франции.

В своих воспоминаниях о поездке во Францию в 1979 г. я имел возможность восстановить ход нашего путешествия в значительной мере благодаря сохранившимся фотографиям, на обороте которых моя жена тщательно отмечала точные даты нашего пребывания во Франции, а также благодаря ее записям, которые она вела как во Франции, так и после возвращения в Ленинград.

Много позднее я познакомился с автобиографической прозой А. И. Хоментовской («Пройденный путь»): «Ни с чем несравним был, однако, общий импульс от знакомства со страной, пейзажем, памятниками, людьми и следами исторической традиции на каждом шагу. По книгам и снимкам прошлое изучается и постигается аналитически. По камешкам, участками. Пейзаж и гениальные памятники зодчества, как собор Notre Dame de Paris, дает интуитивное и мгновенное целостное познание»¹⁹.

Ко времени нашего возвращения в Ленинград в Париж приехали Гилен и Анн-Мари. Они подарили нам несколько книг, в основном «тамиздатовские» книги Марины Цветаевой и Ариадны Сергеевны Эфрон, выпущенные Гилен. Сестра Анн-Мари подарила нам каталог выставки «Москва-Париж». От кого-то мы получили московское издание романов М. А. Булгакова, которое в Ленинграде было не достать. От двух томов выходившего в это время в Брюсселе издания сочинений поэта Вячеслава Ивановича Иванова я отказался, полагая, что их не пропустят на советской таможне, что было бы вполне вероятно. Впрочем, произведения этого поэта-символиста оказались вне круга моих литературных интересов: сколько я его ни читал, я не мог почувствовать его «своим».

Таможенные чиновники проверяли нас очень тщательно. Но книги Марины Цветаевой и Ариадны Эфрон они пропустили, не очень разобрав, что это за издательство «Лев». Начальник таможни, полковник, обнаружил у меня купленную в Париже пишущую машинку с латинским шрифтом и заявил, что по приезду я должен буду ее учесть «где положено».

К сведению современных читателей: когда я купил себе первую машинку в 1954 г. (немецкий «Триумф» с русским шрифтом), я обязан был ее зарегистрировать, отпечатав две страницы, чтобы могли определить текст, на ней напечатанный. Этот «порядок», как помнится, был упразднен в начале 1960-х гг.

В Ленинград мы прибыли с опозданием на один день (мой отпуск составлял четыре недели). В библиотеке одна из сотрудниц сказала не без разочаро-

---

¹⁹ Хоментовская А. И. Итальянская гуманистическая эпитафия: Ее судьба и проблематика. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1995. С. 239.

вания: «А я думала, вы там останетесь!» Таких мыслей у нас не было: кому мы были там нужны; к тому же в Ленинграде у нас оставалась дочь студентка.

Оказалось, что мой приход в библиотеку совпал с днем рождения (кажется, даже с юбилеем) директора библиотеки К. М. Романовской и я был приглашен к ней домой. До этого я был единственным из заведующих отделом, кто ни на каких ее домашних приемах не бывал.

Я что-то рассказывал гостям о своих впечатлениях. Когда, в ответ на вопрос одной из слушательниц, я сообщил, что в магазинах по всей Франции от Парижа до сельской лавочки полно продуктов, она откликнулась: «Ну да, народа там мало, и правительство может их обеспечить». Эта фраза мне запомнилась: советские люди были уверены, что только власть от своих щедрот может прокормить население.

Сразу после возвращения в Ленинград я позвонил Владимиру Райцесу. Не помню, о чем был разговор, вероятно, о моем звонке Режин Перну. Я говорил по-французски. Мой друг не преминул заметить, что мое пребывание во Франции не пошло на пользу моему французскому. Думаю, что он был несомненно прав, но подозреваю, что эта фраза была им подготовлена заранее.

При первой же встрече в кофейной, где сотрудники университетской библиотеки встречались с друзьями из Библиотеки Академии наук и Пушкинского Дома, один из моих коллег воскликнул: «*Барин! Из Парижу!*». Я не мог решить, откуда он взял эту «знаменитую» фразу; нечто подобное я мог найти лишь в реплике Фирса из «Вишневого сада» А. П. Чехова, но оказалось, как мне сообщил И. Х. Черняк, она была заимствована из «Двенадцати стульев» И. Ильфа и Е. Петрова. Впрочем, И. Ильф прекрасно знал А. П. Чехова и мог воспользоваться сходным мотивом. Я думаю, что в серии гобеленов в Музее Ключи «Барская жизнь» не хватало именно этого сюжета. Во всяком случае такая оценка как нельзя более подходила к ситуации: наша поездка во Францию являлась событием вполне «барской» жизни.

Мой друг Юрий Васильевич Егоров рассказывал мне, с чьих-то слов, как проходят заседания «выездной» комиссии при Горкоме КПСС: достаточно кому-либо из присутствующих заметить, подняв брови: «Горфункель?», как мое дело будет снято с обсуждения. В 1979 г. такого не нашлось. Зато в 1986 г., уже в разгар «Перестройки», мне было отказано в поездке в Италию без объяснения причин. Но об этом — потом.

Дальнейшие мои служебные занятия, с весны 1984 г. до весны 1993 г., проходили в Публичной библиотеке.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

В 1984 г. я стал работать в Публичной библиотеке.

Похоже, что сведения о письмах академиков стали известны городскому партийному начальству. Возможно, там «посоветовали» директору Публичной библиотеки зачислить меня в штат. Я сохранял добрые отношения с Леонидом Александровичем Шиловым, дарил ему каталоги наших коллекций, памятуя, что именно он добился их первых изданий, но не обращался к нему с просьбами. У меня были основания полагать, что он знает и ценит меня как работника, и что будь у него такая возможность, он бы давно меня пригласил.

В апреле 1984 г. он попросил меня зайти. В ближайшие дни я был у Л. А. Шилова. Он предложил мне подать бумаги на конкурс в качестве старшего научного сотрудника Отдела редких книг (тогда он назывался сектором или группой и входил в Отдел рукописей). Заместитель директора ГПБ по научной работе Ольга Дмитриевна Голубева постаралась сделать все возможное, чтобы не допустить меня в Публичную библиотеку, даже попыталась сорвать конкурс. Но совладать с директором библиотеки ей не удалось.

Главная библиотека России, Императорская Публичная библиотека, в наше время носила имя М. Е. Салтыкова-Щедрина. Ходила легенда: после того, как Румянцевской библиотеке в Москве было в 1924 г. присвоено имя В. И. Ленина, в Ленинграде решили назвать Публичную библиотеку именем И. В. Сталина, но он вроде бы сказал: «На свете есть немало других великих людей, например, Салтыков-Щедрин». Что несомненно, так это его привычка использовать в своих выступлениях цитаты из русских сатириков. Имя М. Е. Салтыкова-Щедрина было присвоено библиотеке в 1932 году, когда никаких юбилеев писателя не отмечалось; он имел такое же отношение к Публичной библиотеке, как М. Горький к библиотекам Ленинградского и Московского университетов, которые носили его имя.

В просторечии Публичную библиотеку в Ленинграде всегда называли «Публичкой»; «Салтыковкой» ее именовали только в Москве.

* * *

При поступлении в Публичную библиотеку выяснилось, что у меня не хватает «научного стажа»: университетская библиотека носила гордое

название «научной», но на «научный стаж» это никак не влияло. В него зачислялись лишь те годы, когда я работал в Петрозаводском педагогическом институте и, кажется, в Ивановском университете. Как говорил мне тогда мой друг Владимир Райцес, «Надо было не книги писать, а научный стаж зарабатывать».

Но с весны 1984 г. я стал работать в Публичной библиотеке, с ее необозримыми книжными сокровищами, которыми я пользовался как читатель с самого начала моей, еще студенческой, научной работы.

В первый день моего появления в «Кабинете Фауста» в Отдел редких книг пришла Е. Э. Гранстрем, близкий друг В. С. Люблинского (она занималась изучением греческих рукописей, я был на защите ее докторской диссертации на Филологическом факультете). Евгения Эдуардовна поздравила меня и сказала, что мой приход — приобретение для Публичной библиотеки. Она подарила мне фотографию Владимира Сергеевича, основателя Отдела редких книг. Я долго хранил ее на своем письменном столе, потом, по случаю какой-то выставки, передал ее в Архив библиотеки, надеюсь, там она и находится до сих пор¹.

К счастью, мне не пришлось занимать ничье место в подразделении Редких книг: из Отдела рукописей в это время уволился историк Даниил Натанович Альшиц, изучавший эпоху Ивана Грозного. Он стал преподавать в Библиотечном институте, и его ставку передали мне. Группой редких книг заведовала Тамара Александровна Афанасьева, специалист по истории кириллической русской книги XVII–XVIII вв. Я со студенческих лет был постоянным читателем Отдела редких книг, приходил на научные заседания, консультировался со специалистами.

Иногда это приводило к недоразумениям. Я часто советовался с Натальей Васильевной Варбанец по проблемам описания инкунабулов и палеотипов, и в то же время беседовал с Татьяной Александровной Быковой, создавшей каталоги книг кириллической печати и изданий эпохи Петра I. Так как их отношения были натянутыми (если не прямо враждебными), то обе они стали с недоверием относиться ко мне. Я глубоко уважал Т. А. Быкову, ценил и Н. В. Варбанец как знатока инкунабулов; вдвоем с В. С. Люблинским они составили каталог «Античных авторов»;

¹ Горфункель А. Х. «Кабинет Фауста» (к 150-летию Отдела редкой книги Российской национальной библиотеки) // Книжная старина: Сб. науч. тр. Вып. 1. СПб.: Изд-во Росс. нац. б-ки, 2008. С. 7–15.

в 1980 г. она опубликовала интересное исследование о Гутенберге². К сожалению, после смерти В. С. Люблинского, она оказалась под воздействием заведующей Отделом редких книг Т. Н. Копреевой, чья научная и человеческая позиция казалась мне сомнительной.

Т. А. Быкова скончалась летом 1975 г. Н. В. Варбанец была уволена из Публичной библиотеки в 1982 г. В последние годы наши отношения были крайне испорчены; в чем была причина — я до сих пор не могу понять. Во всех выступлениях и отзывах по поводу издания подготовленной ею с В. С. Люблинским каталога «Античные авторы в изданиях XV века» я неизменно его поддерживал, хотя тематический принцип и вызывал у меня возражения.

В 1981 г. я написал отзыв о рукописи «Учетного списка собрания инкунабулов ГПБ», составленного Л. А. Колгой под редакцией Н. В. Варбанец. Я предпочел бы издание полного каталога с указанием особенностей каждого экземпляра, но и «Учетный список» все же был полезен для читателя.

Через несколько лет после смерти Н. В. Варбанец к нам в отдел пришла ее знакомая; она уезжала в Израиль, у нее на руках находился окончательный вариант рукописи каталога «Античных авторов», полученный ею от Наталии Васильевны, но отдать его в наш отдел она не решилась. Полагаю, что именно этот экземпляр оказался у Кирилла Алексеевича Козырева, который подарил его в библиотеку в 2004 г.³

В 1983 г. я представил одобрительный отзыв о кандидатской диссертации Т. А. Афанасьевой: «Светская кириллическая книга в России XVIII в.».

Дружеские отношения со студенческих лет сохранились у меня с Ларисой Лазаревной Альбиной. Она окончила Исторической факультет по нашей кафедре истории Средних веков в 1951 г.

В библиотеке она многие годы работала над подготовкой маргинальных помет Вольтера, но долгое время была «вне штата», и должна была оформлять свои отношения с библиотекой каждые два месяца. Только благодаря настойчивости Т. А. Быковой, Л. Л. Альбина была, наконец, официально принята в Публичную библиотеку.

---

² *Варбанец Н. В.* Йоханн Гутенберг и начало книгопечатания в Европе: опыт нового прочтения материала. М.: Книга, 1980.

³ *Зверева И. С., Николаев Н. В.* К истории публикации каталога «Античные авторы в изданиях XV в.» // *Варбанец Н. В., Люблинский В. С.* Античные авторы в изданиях XV века: Каталог / Под ред. Я. М. Боровского. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. С. 544–557.

Главным редактором «Свода маргиналий Вольтера» была заместитель директора библиотеки по научной работе О. Д. Голубева. Она имела слабое представление о культуре французского Просвещения, не знала и французского языка. Но таков был заведенный в те годы «порядок».

Руководившая этим изданием ученица А. Д. Люблинской, сотрудница Отдела рукописей Тамара Павловна Воронова, попросила меня в марте 1980 г. дать отзыв о примечаниях Л. Л. Альбиной к пометам Вольтера в подготовленном к печати 3-м томе «Свода»: ей представлялось, что они слишком пространны. Я прочитал их и решил, что они вполне уместны и помогают читателю разобраться и в книгах, и в содержании вольтеровских маргиналий. Тогда же я писал отзыв о докладе Л. Л. Альбиной относительно разысканий книг из собрания Д. Дидро, в свое время тоже приобретенном Екатериной II. В отличие от библиотеки Вольтера они были рассыпаны по всему фонду; в них не было экслибрисов, и определять их было крайне сложно, по некоторым замечаниям, читательским пометам владельца. Ларисе Лазаревне долгие годы помогала в этих поисках сотрудница отдела «Полиграфии» Анна Полякина, причем сама она категорически отказывалась от всякого соавторства, и Л. Л. Альбина лишь упоминала об ее содействии в своих публикациях. Через два года я подготовил отзыв о статье Л. Л. Альбиной: «Вольтер — читатель физиократов», основанной на глубоком изучении сочинений философа и на исследовании его читательских помет.

* * *

После поступления в Публичную библиотеку моей главной задачей явилось продолжение работы над «Учетным списком собрания инкунабулов ГПБ». К этому времени сотрудницей отдела Людмилой Александровной Колгой был подготовлен второй выпуск. Он был небольшой, и я решил увеличить его объем до окончания буквы D.

Кроме того, я считал, что в «Учетный список» следует включить также и так называемые «трофейные» экземпляры, а это требовало добавить ряд изданий, а также дополнительные экземпляры к тем инкунабулам, которые уже были описаны. Поскольку это было некоторым новшеством («трофейные» экземпляры из ряда немецких собраний находились под строгим запретом, как правило их не выдавали читателям), я обратился к директору библиотеки Л. А. Шилову. Он дал на это свое согласие (в «Учетном списке» не давались сведения о происхождении экземпляров).

Мы принялись за работу, и через несколько месяцев Второй выпуск был завершен; предполагалось представить его в Редакционно-издательский отдел библиотеки.

Обычно я приходил на работу рано; на этот раз меня упредила Л. А. Колга; она успела побывать у заместителя директора по научной работе О. Д. Голубевой и сообщить ей о включении в «Учетный список» «трофейных» книг.

Через несколько минут в Отделе появилась и сама Ольга Дмитриевна. Состоялось срочное совещание. На нем присутствовал заведующий Отделом рукописей Г. П. Енин. О согласии Л. А. Шилова я ничего не сказал. О. Д. Голубева велела убрать из «Учетного списка» все упоминания о «трофейных» книгах.

После заседания Г. П. Енин рассказал мне, что Л. А. Колга забрала к себе домой один из вариантов рукописи каталога «Античных авторов», и только после его жесткого требования вернула его в собрание редких книг. Он предупредил меня, чтобы я крайне осторожно держался с Л. А. Колгой.

Я узнал, что она прежде работала в Доме Плеханова (особое подразделение Публичной библиотеки). Но ее заподозрили в том, что оттуда стали пропадать книги, и перевели ее в Отдел рукописей. Там она продержалась недолго и попала в группу редких книг. Мне казалось, что подобная «непопулярность» была связана с поддержкой из органов безопасности. В дальнейшем я только укрепился в своих предположениях.

Впоследствии, когда Н. В. Варбанец после увольнения из Публичной библиотеки обратилась в суд, Л. А. Колга выступила там в качестве свидетеля и заявила, что она может работать с инкунабулами без помощи старейшего в России специалиста, что было очевидной неправдой.

После совещания я пошел к Л. А. Шилову, он обещал обратиться в Москву, но было ясно, что начальники из Министерства культуры не решатся на подобный шаг.

«Очистка» второго выпуска «Учетного списка» от «трофейных» книг потребовала значительного времени. К сожалению, не обошлось и без потерь: в ряде описаний были пропущены имена авторов. Кроме того, я тогда не указывал библиотечные шифры: почему-то и это являлось чуть ли не государственной тайной. В двух последующих выпусках я добился включения этих сведений. И только в 4-й выпуск я добавил указатель печатников по городам.

* * *

Через несколько лет после моего поступления в Публичную библиотеку в Отделе рукописей разгорелся конфликт между значительной частью сотрудников и заведующим Г. П. Ениным. Касался он стиля его руководства, попытки вмешиваться в решение научных задач и того, что он, как это было принято в советские времена, взялся писать вступительную статью к боль-

шой выставке, посвященной общественной мысли в истории России XVIII в. и воздействию на нее французского Просвещения.

Одним из нововведений Г. П. Енина был запрет сотрудникам оставаться в отделе после окончания рабочего дня; из-за этого они не могли продолжать научную работу, и, в частности, готовить диссертации.

Затем разразился скандал в связи с опубликованием статьи сотрудника Отдела рукописей В. Н. Сажина. В ней приводились новые материалы об А. А. Блоке, обнаруженные в архиве Сергея Платоновича Каблукова (1881–1919), бывшего в свое время секретарем Религиозно-философского общества, с использованием запрещенных материалов поэта З. Н. Гиппиус (1869–1945; с 1920 г. в эмиграции). Мне пришлось писать одобрительную рецензию на статью В. Н. Сажина. Между тем фонд Каблукова был срочно «засекречен», т. е. его материалы не подлежали оглашению в печати, но на самом деле их «закрыли» уже после опубликования статьи.

В нашей группе редких книг спор с заведующим отдела поддержали Л. Л. Альбина и я.

К нам заходил сотрудник Отдела рукописей Виктор Владимирович Лебедев, хранитель арабских и еврейских коллекций. После «шестидневной» войны он демонстративно отказался изучать еврейские рукописи. Он часто рассказывал нам об очередных «ляпах» Г. П. Енина. Возможно, он рассчитывал, в случае «падения» нынешнего заведующего, занять его место.

Однажды он пришел ко мне с предложением: он должен был дать отзыв о диссертации о религиозных сочинениях Маймонида. Зная, что я доктор философских наук, он попросил меня выступить вместе с ним и «разоблачить» автора. Я хоть кое-что писал в своих книгах о еврейской философии Средних веков и Возрождения, и некоторые сочинения еврейских философов читал (они сохранились только на латинском языке или изначально были написаны по-итальянски), но решительно отказался участвовать в очередном идеологическом погроме. Этот сюжет не имел никакого отношения к разгоревшемуся в Отделе конфликту, и я вспоминаю его лишь в свете дальнейшей судьбы этого борца на идеологическом фронте.

В это время Г. П. Енин потребовал от сотрудников отдела описывать материалы, прежде не включенные в каталог. Дело было само по себе вполне разумное. В собрании редких книг я в это время обнаружил неописанную коллекцию, состоявшую из фрагментов инкунабулов. Тогда я не задумывался над их происхождением, позднее понял, что они принадлежали к «трофейному» фонду. Там сохранились отрывки из разных книг (их было более 150), скорее всего извлеченные из переплетов. Работа

была достаточно сложная; следовало определить, к каким инкунабулам принадлежали эти небольшие фрагменты, иногда от четверти страницы, без указания авторов и названий, издателей и типографий. Мне помогло собрание инкунабулов Публичной библиотеки (в том числе и «трофейных» книг), воспроизведения в каталогах других библиотек, равно как и указатели шрифтов. В этих занятиях я воспользовался уроками, в свое время полученными от В. С. Люблинского (Фролова, 5).

Когда об этой работе узнал Г. П. Енин, он предложил описывать их самым простым образом: «Пишите: фрагмент № 1, фрагмент № 2 и т. д.». На одном из совещаний в Отделе я смог представить иные доводы. В это время на страницах газет появилось сообщение о том, как на торгах в каком-то западном аукционе появилась древнейшая грузинская икона, похищенная из церкви или из музея. Необходимо было доказать, что это именно тот экспонат, который принадлежит Грузии. Выяснилось, что он был описан в научном издании с такими подробностями, что произведение искусства немедленно вернули. То же самое произошло, когда в одном из отделов Публичной библиотеки были похищены все листы из знаменитого издания Дж. Дж. Одюбона о птицах Америки (1827–1838). При появлении на книжном аукционе за границей выяснилось, что этот экземпляр (в числе других) в свое время был описан американским исследователем с такими подробностями, что книгу сразу же вернули в библиотеку. Кажется, мне удалось убедить присутствующих о необходимости подробного описания.

Сотрудники Отдела рукописей во главе с А. Г. Бобровым отправили письмо (в какую-то из высших инстанций, скорее всего в Министерство культуры). Когда об этом узнала О. Д. Голубева, она рассмеялась: «Ах, они коллективку пишут! Ну, им не поздоровится!». В советские времена подобные «коллективные» обращения сурово преследовались; но в стране наступила «перестройка», и прежние механизмы перестали действовать... Письмо я не подписывал, у меня был свой план.

В это время Л. А. Шилов ушел от обременительной должности, и директором Публичной библиотеки стал Владимир Николаевич Зайцев, кандидат технических наук. До этого он работал в районном комитете КПСС. Мне кажется, что при всей своей ограниченности он, может быть, по наущению своего предшественника, понял, каким сокровищами обладает Публичная библиотека, и это влияло на его поведение.

Новый директор решил пригласить некоторых противников Г. П. Енина. Я не знаю, кто еще у него побывал, но из нашей группы редких книг он беседовал с Л. Л. Альбиной.

Вскоре настал и мой черед. Разговор в кабинете директора состоялся после рабочего дня и затянулся надолго. Я пытался представить ему наши возражения. Он слушал внимательно, но я видел, что многое он не может понять.

Когда я говорил о статье Г. П. Енина о русской культуре XVIII в. и о французском просвещении, он удивился: «Ведь это не Ваша специальность?». Я рассказал о своем участии в составлении каталога книг П. Ф. Жукова, о знакомстве с маргиналиями Вольтера. Он согласился, что историк в состоянии оценить работу своего коллеги. Я приводил и другие доводы, говорил об изучении фрагментов инкунабулов, и все же между нами оставалась стена непонимания.

И тут мне пришел в голову совершенно другой аргумент; я объяснил, что у заведующего Отделом рукописей не хватает административных способностей; из-за этого он берется не за свое дело, не умеет прислушиваться к чужому мнению. Мне кажется, этот довод произвел впечатление.

Вскоре состоялось собрание в Отделе рукописей. Мне пришлось там выступить. К этому времени в отдел принесли достаточно редкое издание Ивана Федорова, «Новый Завет с Псалтирью» 1580 г. Во всем мире к настоящему времени сохранилось 83 экземпляра и 6 фрагментов этой книги. В Ленинграде — в Публичной библиотеке — 4 экземпляра, в Библиотеке Академии наук — 3, по одному — в Дрeвлехранилище Пушкинского Дома и в библиотеке Ленинградского университета. Мне приходилось писать о том, что у редких книг не бывает дублетов, особенно это относится к изданиям столь раннего периода. Однако, Г. П. Енин назначил ни с чем несообразную цену. Между тем владелец книги обладал довольно большим собранием редких книг кириллической печати, и готов был продать его Публичной библиотеке. Таким образом ценное издание Ивана Федорова, как и другие книги этой коллекции, не были приобретены. Я говорил об этом с Г. П. Ениным и объяснял ему необходимость покупки «Нового Завета», но он настоял на своем. Я обратился к хранительнице кириллических изданий Т. А. Афанасьевой; она признала, что и к ней он не обращался... В конце концов Г. П. Енин был вынужден оставить свою должность. В дальнейшем он занимался описанием древнерусских грамот; на какие-то из этих выпусков мне приходилось писать служебные отзывы. Я исходил только из общего содержания документов. Но когда З. В. Дмитриева подготовила к печати сделанный мною в 1954 г. перечень земельных приобретений Кирилло-Белозерского монастыря XVII в., она учла и выпущенное

в 1994 г. П. Ениным описание монастырских копийных книг, и заметила в его публикации немало серьезных ошибок⁴.

В. Н. Зайцев в дальнейшем подписывал в качестве редактора официальные издания Публичной (потом Российской национальной) библиотеки, но при этом, насколько мне известно, не стремился указывать свое имя на научных публикациях других авторов, предоставляя эту честь тем, кто действительно их готовил⁵.

* * *

В свое время из Отдела рукописей мне прислали опись моего архива, который я туда передал в 1993 г. По этой описи там хранится 86 «единиц хранения», содержащих мои самые различные отзывы о работах других исследователей, об их публикациях, о студенческих сочинениях и диссертациях. На самом деле их было много больше: часто в одном «деле» хранится несколько десятков отзывов (например, о рукописях «Трудов Отдела Древнерусской литературы», о чем было сказано ранее, как и о моих откликах на статьи и книги Л. М. Баткина). Это была обычная повседневная работа. Перечислять их и даже упоминать о них не имеет никакого смысла. Но о некоторых моих отзывах я обязан рассказать; не всегда они характеризуют меня с лучшей стороны, но в любом случае требуют объяснений.

Некоторые были написаны в годы моих занятий в университетской библиотеке, другие в более позднее время. Так, в 1969 г. я, по просьбе В. И. Рутенбурга, написал отзыв на русский перевод книги И. Мацека об Итальянском Возрождении. Этот труд чешского ученого представлял характеристику эпохи и был бы крайне полезен читателю. Я попытался представить в издательство развернутое изложение достоинств новой книги. Однако,

---

⁴ 1) Описание документов XIV–XVII вв. в копийных книгах Кирилло-Белозерского монастыря, хранящихся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки / Сост. Г. П. Енин. СПб.: Изд-во Росс. нац. б-ки, 1994. 2) Горфункель А. Х. Хронологический перечень земельных приобретений Кирилло-Белозерского монастыря (1601–1700) / Ред. З. В. Дмитриева // Российское государство в XIV–XVII вв. Сб. статей, посвященный 75-летию со дня рождения Ю. Г. Алексева. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. С. 299.

⁵ Сотрудники Российской национальной библиотеки — деятели науки и культуры. Биографический словарь. Т. 1: Императорская Публичная библиотека. 1795–1917; Т. 2: Российская Публичная библиотека — Государственная Публичная библиотека в Ленинграде. 1918–1930. СПб.: Изд-во Росс. нац. б-ки, 1995–1999. Гл. ред. Л. А. Шилов. Помимо редакции Л. А. Шилову принадлежит в этих книгах не менее 200 статей.

выпустить ее не удалось: дело происходило после «Пражской весны» 1968 г., подавленной танками стран Варшавского договора, а автор был участником движения к «социализму с человеческим лицом».

* * *

В 1975 году вышла работа В. Р. Аронова, посвященная знаменитым голландским печатникам Эльзевирам⁶. Кажется, более великолепного издания я в эти годы в руках не держал. Напечатанная на бумаге «верже», книга включала не только превосходные иллюстрации: композиции Ян Хеема, Рембрандта, Вермеера, натюрморты Корнелиса Гейсбрехта и других художников, портреты печатников и их современников, изображения Лейденского университета и его библиотеки, но и специально отпечатанные и лишь краской приклеенные к страницам воспроизведения сорока титульных листов и разворотов книг голландских печатников. Восхищению моему не было предела; все, что касалось самих изданий, их шрифтов и типографских украшений было почти безупречно. Но когда я стал внимательно читать книгу, то обнаружил в ней множество неточностей и ошибок, относящихся к истории европейской культуры.

В частности, В. Р. Аронов утверждает, что в 1501 г. в Европе «за один год было выпущено 40 тысяч названий, общим тиражом 12 миллионов экземпляров». В действительности эти цифры относятся ко всему «инкунабульному» периоду книгопечатания от первых опытов И. Гутенберга до конца 1500 г. Автор называет университет в Лувене, основанный в 1426 г., «одним из первых университетов» в Европе — тогда как эти учебные заведения возникли тремя столетиями раньше.

По В. Р. Аронову мы узнаем, что издание Библии на французском языке было выпущено Эльзевирами «вероятно, специально для *парижского рынка*», но переводы Св. Писания на народные языки были запрещены католической церковью, и эти книги предназначались для кальвинистской Женевы и для гугенотов во Франции. Эльзевиры печатали «диссертации и тезисы» — но «тезисы» это и были диссертации. Говоря об издании «Бесед и математических доказательств» Галилея, автор утверждает, что в этом труде ведут беседу «Сальвиати, Сагрето и Симпличио» — персонажи из «Диалога» о гелиоцентрической системе.

Исаак Эльзевир печатал книги «на многих восточных языках (сирийском, халдейском, семитском...)». Но «*семитский*» — это группа языков,

⁶ Аронов В. Р. Эльзевиры. М.: Книга, 1975.

к которой относятся многие языки, в том числе еврейский, арабский, сирийский. Бонавентура и Абрагам Эльзевиры издавали книги на латинском языке — с ним были связаны «университетские программы по филологии, праву, естественным наукам и схоластике». Но *схоластика* — не наука, а метод, который вряд ли в это время процветал в голландских университетах. Имена авторов книг, издаваемых Эльзевирами, В. Р. Аронов приводит в их латинской форме (Варениус, Гроциус), тогда как по-русски их принято передавать как «Варений», «Гроций». В хронологической таблице Г. Галилео приписано изобретение *микроскопа*; сообщается, что «П. Гассенди изучает атомы» — «изучать» атомы могла наука конца XIX–XX вв., а П. Гассенди лишь возрождал представления древних об атомах. Выход славянской грамматики Мелетия Смотрицкого относится не к 1648 г., когда появилось ее (посмертное) московское издание, а к 1619 г.

В. Р. Аронов переводит название книги о России как «Россия или Московия, именуемая Тартария», тогда как слово «*item*» означает «*также*». Равным образом название «Институций» Юстиниана он представляет как «Институции божественного права Юстиниана», но в «Корпусе гражданского права» речь идет не о каноническом праве, и слово «*divi*» относится не к «Институциям», а к императору.

Возможно, написав рецензию, я совершил ошибку: следовало бы кое-что сказать о достоинствах книги. Я же назвал ее: «Все ли стерпит бумага “верже”?». Однако, отпечатать ее не удалось: издательство «Книга» не стало публиковать столь резкий отзыв на свое собственное издание; искать же других возможностей я не стал. Но книга В. Р. Аронова помогла мне избежать подобных ошибок в моих работах.

* * *

В 1969 г. работавший тогда в Институте математики Револьт Иванович Пименов предложил мне выступить перед сотрудниками в связи с появившимися в это время (еще неопубликованными) работами известного математика (лауреата Ленинской премии) М. М. Постникова о полном пересмотре древней хронологии. Институт пригласил проф. А. Д. Люблинскую. Она прослушала в течении 15 минут его доклад и ушла, не видя здесь повода для полемики. Поклонники «новой» хронологии решительно ее осуждали; я им ответил: «А что, если бы я пригласил вас на доклад на Кафедру истории Средних веков, где, полностью позабыв школьный курс, стал бы обсуждать идеи “новой математики”»? Но все же, узнав о том, что у поборников «новой» хронологии немало защитников (в их числе был и сам Револьт Ивано-

вич, с которым мы познакомились вскоре после его освобождения из лагеря), я решил принять участие в дискуссии — не надеясь убедить сторонников М. М. Постникова, но полагая, что среди собравшихся в зале 150 человек были и люди, желающие узнать мнение историка.

Так как новый приезд М. М. Постникова не предполагался (а печатных работ к тому времени у него еще не было), я подготовил свое выступление по материалам семитомного сочинения почетного академика Н. А. Морозова «Христос», на котором основывалась вся аргументация сторонников «новой хронологии». Вместе со мной выступал и профессор ЛГУ по кафедре истории Древнего мира Эдуард Давыдович Фролов; он кратко изложил свою точку зрения, и как помнится, вскоре удалился. Мне же пришлось в этой большой аудитории выступать около полутора часов. Непримиримых «морозовцев» я не переубедил, но после заседания ко мне подошло несколько слушателей, которые уверяли меня, что и астрономическая часть аргументации защитников «новой» хронологии также не выдерживает критики.

С собственными доводами М. М. Постникова и А. Т. Фоменко я познакомился в 1980 г., когда вышла в свет их «предварительная публикация»⁷. Весной 1981 г. я принимал участие в научной конференции в Институте Всеобщей истории Академии наук. Директор института З. В. Удальцова (видимо, по чьей-то рекомендации), предложила мне написать отзыв об одном из томов (кажется, их было 5) труда М. М. Постникова «Введение в критику древней хронологии» для предстоящего обсуждения.

Книга с сопроводительным письмом была послана мне 13 апреля, а 7 мая я вернул ее в институт со своим отзывом. Позднее состоялось обсуждение, но участия в нем я не принимал; судить об этом я мог только по публикации в журнале «Вестник древней истории». Мой отзыв, видимо, не оглашался, возможно, его нашли недостаточно серьезным.

Высшее партийное начальство не допустило широкого критического обсуждения «новой хронологии», которая пользовалась в отделе науки ЦК КПСС очевидной поддержкой.

Популярное и сенсационное изложение «новой» хронологии было опубликовано А. Т. Фоменко и М. М. Постниковым в журнале «Техника и наука» в 1982 г. В это же время Ю. М. Лотман, очевидно, польстившись на неортодоксальность и новизну идей математиков, опубликовал их статью в одном из выпусков «Трудов по знаковым системам», о чем впоследствии глубоко сожалел.

⁷ Постников М. М., Фоменко А. Т. Новая методика статистического анализа нарративного материала древней истории. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1980.

Свой отзыв о работе М. М. Постникова я написал скорее в иронической манере. Прежде всего я объяснил, что речь идет отнюдь не о споре между математиками и историками. М. М. Постников выступает в своем сочинении как историк, и моя оценка касается методологии и принципов исторического исследования.

Обилие в его труде фактических неточностей и искажений столь велико, что в моем отзыве подвергаются проверке общие принципы и приемы аргументации: все фактические ошибки полностью функциональны и зависят от исходных принципов.

Отзыв я подразделил на пять небольших разделов, каждому из которых предпослал эпиграф. В первой части («О глобальном нигилизме») мне пришлось вспомнить известную фразу из «Мастера и Маргариты»: «Ну, уж это положительно интересно, трясясь от хохота проговорил профессор, — что же это у вас, чего нихватишься, ничего нет!» Речь идет о полном отрицании не только истории Древней Греции и Рима, но и всей исторической культуры человечества. Н. М. Морозов и М. М. Постников отвергают абсолютно все: для них нет ни арабской, ни еврейской культур, которые строилась на использовании трудов Аристотеля, ни памятников грузинской и армянской философии. Тогда еще создатели «новой» хронологии не добрались до культуры русской, но в своем отзыве я предсказал и это.

Вторая часть моего отзыва называлась «О невежестве древнем и новом», эпиграфом к ней было избрано высказывание подпоручика Дуба из Я. Гашека: «Откуда у тебя, хам, такие познания?» Авторы «новой» хронологии шли на прямую передержку исторических фактов, используя прекрасное выражение «якобы»: если исследователи сообщают, что первый перевод «Альмагеста» Птолемея был сделан в XII в. с арабского, то они не признают существование арабской средневековой астрономии. Об использовании труда Птолемея в науке XIV в. Николаем Оремом они просто ничего не знают.

Если перевод «Альмагеста» на латинский язык был сделан Георгием Трапезундским в 1451 г., они спокойно переносят его в 1528 г., когда вышло его печатное издание. М. М. Постников использует прекрасный довод: о нем «мы не имеем никакой информации»; однако к тому времени книгопечатание существовало более 75 лет и обычай ставить дату о выходе книги существовал уже много лет. Так как создатель перевода умер в 1484 г., то год его смерти без всяких на то оснований передвигается на XVI в. Однако, Регимонтан (1436–1476) критиковал этот перевод в XV веке; но нам сообщается, что вопрос о взаимоотношениях этих двух ученых «никем даже не ставится».

Между тем их биографии прекрасно изучены специалистами. Так собственная неосведомленность приписывается исторической науке и используется как аргумент в полемике.

К третьей части моего отзыва (под названием «Математизация глупости») предпослан эпиграф из книги В. В. Налимова «Вероятностная модель языка» (М., 1974): «Математика не есть средство исправления ошибок генетического кода человека. Наряду с математизацией знаний происходит и математизация глупости; язык математики, как это ни странно, оказывается пригодным для выполнения любой из этих задач».

В данном случае пошла речь о графиках лет правления древних царей и императоров в сопоставлении с их более поздними потомками. Оказалось, что эта задача не требовала особых усилий: все составленные Н. А. Морозовым и М. М. Постниковым «ряды» (они их называют «струи») строились на прямых подделках, перестановках лет правления, изменения их продолжительности и допущения таких «корреляций» как 1 год и 3 года, 21 год и 38 лет, 23 года и 48 лет.

Для сохранения сходства двух правлений императоров сообщается, что император Антонин «пресекает гонения на христиан», а император Константин, оказывается, тоже «пресекает гонения» — так М. М. Постников называет провозглашение свободного исповедания христианства в Римской империи. Смазывая таким образом политику двух разных императоров мы неизбежно приходим к выводу, который сформулирован одним из персонажей рассказа Анатоля Франса: тот объяснил падишаху всю мировую историю в четырех словах: «Люди рождались, страдали, умирали».

К четвертой части моего отзыва («О пользе грамоты») я привел в качестве эпиграфа фразу из греческих прописей: «Учись, мальчик, чтобы тебя не высекли». М. М. Постников придумал «универсальный закон существования письменности». Оказывается, «литература и письменность не могли существовать до употребления бумаги и до изобретения печатного станка».

Этот аргумент напоминает курьезный довод одного горьковского профессора-химика, который отрицал грамотность Ивана Грозного и его современников на том основании, что первая русская печатная азбука была издана Иваном Федоровым лишь в 1574 г. Вопрос о том, откуда научился грамоте сам Иван Федоров, его не заинтересовал.

Заключительная часть моего отзыва («О проекте вечного двигателя») сообщает в своем эпиграфе сведения из БСЭ о том, что «с 1775 г. Французская академия наук отказывается рассматривать проекты вечного двигателя». Построенная на противоречащих друг другу доказательствах система «новой»

хронологии рассыпается в прах при первой же проверке положенных в ее основание методологических принципов и используемых для ее подкрепления фактов. Преувеличенное представление о собственных возможностях сочетается у сторонников «новой» хронологии с убеждением во всемирном подлоге и с безграничной подозрительностью. История Древнего мира оказывается результатом грандиозного тайного заговора фальсификаторов и фальшивомонетчиков, в котором приняли участие (ни разу не проговорившись) многие поколения людей во всех концах земли. Пощады нет никому, никто не может оправдаться от предъявленных ему обвинений. Здесь действует железная логика времен охоты на ведьм: всякий, кто защищает другого, сам оказывается под подозрением в ереси и неизбежно попадает в соучастники преступления. В роли фальсификаторов оказываются не только историки, филологи и археологи, но греки и римляне, арабы и евреи, грузины и армяне, средневековые схоласты и гуманисты, хронисты и астрономы, богословы и еретики. Всё и вся обвиняющий в фальсификации и сам не может внушить ни малейшего доверия.

Возможно, на создателей «новой» хронологии повлияла присущая советской науке фальсификация истории, когда в одних и тех же учебниках менялись имена героев Гражданской войны или преувеличивалась роль Л. И. Брежнева в Отечественной войне. Вместе с тем их чрезвычайная подозрительность оказалась также наследием эпохи, когда «органы безопасности» искали (и находили) врагов — то священников, дворян и офицеров царской армии, то кулаков и подкулачников, то целые народы, на которые обрушивался «державный гнев»

В начале 1980-х гг. я выступал с докладами о действительных фальсификаторах истории в Научной библиотеке Ленинградского университета, в Доме ученых в Лесном при Политехническом институте, в Ленинградском отделении Института истории. Последнее выступление было омрачено неожиданным для меня вмешательством моего друга Валентина Алексева. Он потребовал, чтобы я пригласил в Ленинград моих оппонентов. Таких возможностей у меня не было. Я получил от моего друга прозвище «бонзы» официальной советской науки. На моем докладе он выступил в прениях; не поддержав идеи «новой» хронологии, он считал необходимым представить «неофициальную» точку зрения на историческую науку.

Мой доклад остался в архиве, переданном в Рукописный отдел Публичной библиотеки. А в 1990-х гг. Российская Академия наук заинтересовалась тем, что А. Т. Фоменко стал печатать свои труды по «новой» хронологии в издательстве Академии наук; по уставу Петра I, работы академиков

не подлежали цензуре. Академики сочли, что эти сочинения не касались прямой математической специальности А. Т. Фоменко. Вопрос обсуждался в Петербургском отделении Академии наук. Тогда один из моих учеников (И. Х. Черняк) порекомендовал академику А. А. Фурсенко мое сочинение о «новой» хронологии. Когда готовился сборник статей в честь 75-летия А. А. Фурсенко, я представил свое сочинение, сопроводив текст необходимыми добавлениями, указал на статьи историка России И. Н. Данилевского («Вопросы истории», 1998, № 1) и медиевиста Д. Э. Харитоновича («Новый мир», 1998, № 3), обратившего внимание на опасность «новой» хронологии как мифологизированной шовинистически-имперской идеологии.

К этому времени были опубликованы критические отклики, принадлежавшие историкам, лингвистам, литературоведам, физикам, математикам, геологам и астрономам. Редакция снабдила мою статью библиографическими примечаниями⁸.

Позднее, в Бостоне, мне пришли в голову еще некоторые забавные аргументы по поводу «новой» хронологии, и для развлечения я написал небольшую заметку о «Евангелии от Фоменко»⁹.

Пока же придется признаться еще об одной моей рецензии, которая никак не украшает мою научную биографию. Как-то ко мне зашел проф. С. С. Волк, возглавлявший кафедру истории философии, и попросил меня дать отзыв о диссертации В. И. Рабиновича: «Просветительские и материалистические тенденции в России от Радищева до декабристов: Ф. В. Каржавин и его окружение».

Я много читал и самого Ф. В. Каржавина (1745–1812), и материалы о нем. Когда диссертант появился в библиотеке, он произвел на меня определенное впечатление: предо мной стоял инвалид Великой Отечественной войны, с планками наград, сильно изувеченный; ходил с трудом, опираясь на палку. Должен сказать, что с юных лет я глубоко почитал участников войны.

Диссертация была написана в духе официальной науки: просветитель Ф. В. Каржавин был представлен как материалист и революционер.

⁸ Горфункель А. Х. О попытке закрыть историю: Отзыв о работе М. М. Постникова «Введение в критику древней хронологии» // Проблемы всемирной истории: Сб. статей в честь Александра Александровича Фурсенко. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. С. 45–57.

⁹ Горфункель А. Х. О попытке отменить всемирную историю: По поводу книги А. Т. Фоменко о возникновении Евангелий // Второе дыхание. Сб. статей. Вып. 18. Бостон: Клуб русскоязычных ученых штата Массачусетс, 2008. С. 85–88. (авторское название: «Евангелие от Фоменко»).

Я без труда сумел опровергнуть некоторые заблуждения диссертанта, особенно это касалось приведенных им (по рукописям Каржавина) больших цитат, которые на самом деле не излагали мысли русского просветителя, а представляли собой выписки из произведений шведского теософа и мистика XVIII в. Э. Сведенборга (1688–1772). Эти и многие другие ошибки диссертанта я подробно перечислил в своем отзыве. Но, к сожалению, допустил в конце своей рецензии «сакраментальную» фразу о том, что соискатель достоин ученой степени доктора наук. На защите диссертации в Москве мой отзыв полностью не читали. Находившаяся там директор библиотеки Центрального государственного архива Древних Актов Светлана Романовна Долгова удивилась моей снисходительности. Вскоре С. Р. Долгова защищала кандидатскую диссертацию о Ф. В. Каржавине, основанную на подлинных материалах из его наследия и на изучении его библиотеки. В. И. Рабинович не поленился пойти на ее защиту и выступить там с разгромной речью, которая, к счастью, не повлияла на решение Ученого совета. Вскоре ее работа была опубликована в Ленинграде.

Среди множества работ и диссертаций, на которые мне приходилось давать отзыв или выступать в качестве официального оппонента, было и кандидатское сочинение Игоря Евгеньевича Малашенко о «Социальной философии Данте» (1981 г.). На защите мы выступали вдвоем с Л. М. Баткиным. Само исследование я не запомнил, выполнено оно было грамотно, но особого впечатления не произвело. Ни в одной справке об И. Е. Малашенко ни разу не упоминается предмет его диссертации, да и сам он говорит о ней неохотно. И. Е. Малашенко интересен только своей дальнейшей карьерой: он работал в Международном отделе ЦК КПСС, затем в окружении президентов СССР и России, руководил телекомпанией НТВ, известен своей фразой из интервью («У меня не бывает друзей, есть только контакты»). Последнее время он возглавляет телекомпанию RTVi, принадлежавшую опальному олигарху В. А. Гусинскому.

В 1987 г. Владимир Георгиевич Маранцман (1932–2007) принес мне свой перевод «Ада» Данте Алигьери. Мать его была итальянка, и итальянским языком он владел превосходно. Фамилия его отца происходит от испанского названия «мараны», т. е. крещеные евреи, которых инквизиция подозревала в тайной приверженности иудаизму, и многие вынуждены были бежать от преследований.

Из русских переводов Данте я мог читать только первые три песни, переведенные П. А. Катениным и перевод М. Л. Лозинского. Разумеется, последний отразил не только особенности, свойственные переводчику, но дух его

времени. Возможно, он слишком классичен, но никак не мешает возникновению новых переводов «Божественной Комедии». Я познакомился с отзывом М. Л. Гаспарова: он сравнил оба перевода (Лозинского и Маранцмана) с точки зрения передачи слов, и показал, что коэффициент точности в обоих переводах почти совпадает, достигая более 74–79 процентов. Сам я подобными подсчетами не занимался, меня интересовал новый перевод как явление поэтическое; я остался при своем предпочтении перевода М. Л. Лозинского, но с уверенностью мог рекомендовать новую работу к печати, о чем написал в своем отзыве. К сожалению, в те времена осуществить издание не удалось, и «Ад» Данте в переводе В. Г. Маранцмана появился через 12 лет¹⁰.

Каждую песнь «Ада» В. Г. Маранцман предваряет особым вступлением, где объясняет ее смысл и содержание. Мне кажется, что эти предисловия рассчитаны на студентов, которым недостаточно обычных примечаний. Автор приводит примеры из русской литературы, из произведений М. Ю. Лермонтова и А. С. Пушкина, в некоторых случаях не вполне удачные, вроде сравнения пушкинского «Пророка» с жалящими змеями в предисловии к XXV песни.

Надо заметить, что издан Данте был превосходно, с отзывом М. Л. Гаспарова, предисловием переводчика и с подбором иллюстраций итальянских художников XV–XVI вв. Я знал, что В. Г. Маранцман подготовил и две другие «кантики» поэмы Данте, вся «Комедия» была издана им в 2006 г.¹¹.

В те же годы я познакомился с отдельными песнями Данте, опубликованными в «Дантовских чтениях», в новом переводе А. А. Илюшина. Перевод был сделан силлабическими стихами. Мне казалось, что переводчик оказался в созданной им для себя ловушке.

Дело в том, что в итальянском языке большая часть слов имеет ударение на предпоследнем слоге; между тем для русского языка это никак не характерно. Я не лингвист и не могу привести специальных доказательств, но достаточно вспомнить, что в «онегинской» строфе 6 строк с ударением на предпоследнем слоге и 8 — на последнем, а в русских октавах в двух строфах они регулярно чередуются («Домик в Коломне» А. С. Пушкина и «Сон Попова» А. К. Толстого). Новый же перевод из-за обилия строк с ударением на предпоследнем слоге оказался тяжелым и монотонным.

¹⁰ Данте Алигьери. Божественная комедия: Ад / Пер. В. Г. Маранцмана. СПб.: Изд-во «Специальная литература», 1999.

¹¹ Данте Алигьери. Божественная комедия / Пер. с итал. В. Г. Маранцмана. СПб.: «Амфора», 2006.

Удивили меня и некоторые замечания переводчика в предисловиях к своим переводам. В частности, он недоумевал, почему за одни и те же прегрешения какие-то персонажи «Божественной Комедии» оказываются в «Аду», а другие в «Чистилище», забыв, (или не зная), что по католической доктрине в «Чистилище» находятся грешники, успевшие покаяться.

В дальнейшем А. А. Илюшин опубликовал полный перевод «Божественной комедии». Получить его мне никак не удавалось, не было его и в американских библиотеках. Я написал письмо переводчику, просил его прислать мне книгу с обещанием вернуть ее по прочтении. Я ссылаясь на своего друга А. М. Панченко, который был оппонентом на защите докторской диссертации Илюшина и мог бы рекомендовать ему меня; но и из этого ничего не получилось. В Интернете были напечатаны статьи в поддержку нового перевода А. А. Илюшина; работы, осуждающие новый перевод, мне оказались недоступны; кажется, мой аргумент о соответствии ударных слогов там не приводится.

Среди моих отзывов (а им несть числа, это обычная работа любого специалиста) я должен упомянуть рецензию на книгу Людмилы Ильиничны Киселевой «Западноевропейская рукописная и печатная книга XIV–XV вв.». Эта работа потребовала от меня усилий, и отзыв оказался большим. Но помимо серьезных замечаний я приложил к нему еще и большой список ошибок, который не считал нужным включать в официальный текст, и передал автору для личного ознакомления (среди прочих замечаний там было наименование Ветхого Завета «Старым Заветом»). К чести для автора, я получил благодарность от Л. И. Киселевой.

Писал я отзыв в связи с защитой докторской диссертации Татьяны Петровны Знамеровской («Проблемы Кватроченто и творчество Мазаччо»). Мне показалось крайне спорным утверждение автора о социальной сущности Возрождения, которую она сводила к «народным» (ремесленным) кругам в духе тогдашней попытки «оторвать» ее от неудобных социальных верхов.

Среди моих учеников (не официальных) оказался аспирант из Киева Виктор Александрович Андрушко. Я писал о его диссертации («Диалог в культуре Возрождения»), выступал в качестве рецензента его интересных статей о философии Николая Кузанского. Судьба его сложилась крайне тяжело. Он был отчислен из аспирантуры за якобы «националистические» взгляды и не мог найти работу. Он часто бывал у меня дома в Ленинграде, беседы с ним всегда были крайне полезны для меня. Но когда мы с женой поехали в Италию по приглашению друзей в 1988 г., я неожиданно получил от В. А. Андрушко странное письмо, в котором он упрекал меня за эту поездку, как за использование моего служебного положения; мне пришлось

объяснить, что наше пребывание в Италии никак не было с этим связано. У меня в архиве сохранилось письмо от 15 апреля 1990 г., в котором я обращался к некоему Мирославу Владимировичу (фамилию не запомнил, кажется, он работал в Киевском университете), с просьбой помочь с устройством на работу В. А. Андрушко, серьезного специалиста по истории философии эпохи Возрождения. К сожалению, это ходатайство не увенчалось успехом. А переписка с Виктором Александровичем прервалась еще до нашего отъезда в США.

* * *

Через несколько лет после поступления в Публичную библиотеку я предложил включить в мой рабочий план монографию под названием «Гуманизм и раннее книгопечатание». За годы до моего отъезда я написал три главы книги и впоследствии сумел подготовить несколько публикаций. Постепенно их удалось напечатать. Так появились статьи, подготовленные главным образом для сборника «Книга»; некоторые вышли в свет уже после моего отъезда в США.

Отрывок из первой главы: «Фрески Томазо да Модена в Тревизо и книжная культура позднего Средневековья» (Фролова, 32) отразил впечатления от поездки в Италию в 1988 г. Другой фрагмент («Гуманистическая книга в канун книгопечатания») был опубликован в сборнике «Древний мир и мы» («Bibliotheca classica Petropolitana», Фролова, 55). Вторая и третья главы вышли в сборнике «Книга» в 1994 году: «Похвала типографскому искусству: Гуманисты о книгопечатании» (Фролова, 37) и «Готика и антиква: Знаковый смысл шрифтов в раннем книгопечатании» (Фролова, 35).

Монография была задумана как продолжение моих прежних сочинений, «От Торжества Фомы к Афинской школе» (Николаев, 84) и «Полемика вокруг античного наследия в эпоху Возрождения» (Николаев, 127) и длительных занятий в Университетской и Публичной библиотеках при подготовке каталога и «Учетного списка инкунабулов». Но не менее важным было постоянное изучение книжных богатств в ходе моих повседневных исследований, равно как и знакомство с научной литературой и собраниями других библиотек СССР и в какой-то мере с зарубежными коллекциями и с их каталогами.

В статье о фресках Томазо да Модено я старался показать книжное наследие Средневековья и выяснить, как появляются в библиотеках тревизских читателей труды античных авторов. В заметке о гуманистической рукописной книге мне пришлось вступить в полемику с Л. М. Баткиным, который писал о знаменитом гуманисте Никколо Никколи, что «только

живя во Флоренции в первой половине Кватроченто, можно было прочно войти в историю, не блистая никакими талантами, кроме умения талантливо помешаться на старине»¹². Н. Никколи не создал ученых произведений, но оставил письма, связанные с его археографической деятельностью. Он умел искать и находить древние рукописи, сличать и сверять кодексы, выяснять их происхождение, уточнять правильное написание текстов, исправлять ошибки, раскрывать сокращения, создавать новые, проверенные списки произведений античных авторов, переводить готическое письмо в антикву. Результаты его филологических занятий стали опорой гуманистической культуры, благодаря его усилиям был создан корпус памятников античной литературы. Самым величественным творением Н. Никколи была созданная им библиотека из 800 кодексов, которая в дальнейшем легла в основу знаменитой «Лауренцианы». Мой археографический опыт повлиял на понимание деятельности Никколо Никколи, равно как и работа с рукописями и с трудами моих коллег по Отделу Древнерусской литературы.

Во второй главе («Похвала типографскому искусству: Гуманисты о книгопечатании») я привел замечание Веспасиано да Бистиччи о библиотеке Федерико да Монтефельтро: в ней «все книги прекрасны в превосходной степени, все писаны пером, и нет в ней ни одной печатной книги, что он считал бы постыдным». Эта запись вполне естественна для человека, который поставлял для своих клиентов отличные рукописи, выполненные лучшими переписчиками Флоренции. Рукописная книга сохраняла свои позиции для подносных экземпляров, равно как и печатные книги, в которых сохранялись места для орнамента и цветных иллюстраций вплоть до конца XV и начала XVI века.

Но представители гуманистической культуры вовсе не склонны были проявлять снобизм по отношению к книге печатной. Сразу же после появления первой римской типографии они стали получать отсюда книги, которые в их собраниях мирно соседствовали с рукописными кодексами. В библиотеке философа Пико делла Мирандола печатные книги занимали более 44%. Рукописи заполняли пробелы, которые к тому времени еще не освоил печатный станок: на греческом языке, на еврейском, арабском, арамейском, которые в той же библиотеке занимали более 10%. Очень интересны записи о выдаче книг из личной библиотеки Лоренцо Медичи: среди выданных для занятий рукописных книг немало еще неопубликованных текстов.

---

¹² Баткин Л. М. Итальянские гуманисты: стиль жизни и стиль мышления. М.: Наука, 1978. С. 3–4.

Но главными были отклики самих гуманистов на появление печатного станка, начиная с Леона Баттисты Альберти, который уже через год после появления первых изданий римской типографии с восхищением писал, что «с одного оригинала за сто дней удавалось издать больше двухсот книжных томов трудом всего трех человек».

Появление в Италии печатного станка связано с деятельностью трех гуманистов: кардиналов Николая Кузанского, Виссариона Никейского и епископа Дж. А. Бусси. Гуманисты были авторами посвящений, предисловий и колофонов; они готовили исправленные тексты древних авторов. Книгопечатание было поставлено ими в ряд высших достижений гуманистической культуры.

Третья глава монографии («Готика и антиква: Знаковый смысл шрифтов в раннем книгопечатании») посвящена созданной гуманистами новой форме письма (антикве и курсиву). Характерно, что уже в книжных каталогах XV в. их составители обращают внимание на особенности письма, отмечают кодексы, написанные антиквой.

При возникновении книгопечатания выбор шрифта носил знаковый характер, свидетельствовал о принадлежности книги к определенной культурной традиции. Утверждение антиквы в качестве нового шрифта в изданиях первой римской типографии было несомненно связано с её издательской программой и явилось существенным завоеванием гуманистической культуры.

Характерно, что и другие печатники применяли антикву и готические шрифты в точном соответствии с характером изданий: в первом случае печатали произведения древних авторов и писателей гуманистов, во втором — сочинения по праву, теологии и популярную религиозную литературу. Отличались издания Аристотеля: в одних случаях подготовленные гуманистами, в других — принадлежавшие к старым средневековым переводам.

(Особый характер «шрифтовой политики» проявился в гитлеровской Германии, когда готика была включена в национал-социалистический миф о преимуществах «высшей нордической расы», а применение антиквы явилось прямым актом сопротивления идеологической политике нацизма).

К сожалению, после моего отъезда в США я так и не сумел продолжить работу над начатой монографией; и только небольшой очерк из будущей части этого сочинения был опубликован¹³.

¹³ Горфункель А. Х. Печатный станок и вольные сообщества ученых // Книга и мировая цивилизация: Материалы одиннадцатой междунар. науч. конф. по пробл. книговедения. В 4 т. М.: Наука, 2004. Т. 2. С. 49–52.

* * *

На «Випперовских чтениях» я выступил с докладом «“Молот ведьм”: Средневековье или Возрождение?» (Николаев, 132), где попытался показать, что это сочинение ни по характеру высказываний, ни по содержанию никак не могло принадлежать возрожденческой культуре, как это утверждали А. Ф. Лосев, А. Я. Гуревич и Ю. М. Лотман.

«Молот ведьм» Г. Инститориса и Я. Шпренгера был обязан своим возникновением антиведовской булле папы Иннокентия VIII, после чего преследование ведовства приняло невиданный ранее размах. По количеству изданий (29 на протяжении менее чем полутора столетий) он оставляет за собой все остальные произведения «антиведовской» направленности.

Не только по происхождению (авторы трактата — монахи доминиканцы, инквизиторы, богословы томистской схоластической традиции), но и по аргументации «Молот ведьм» принадлежит к орденско-университетской культуре позднего Средневековья. Сам внешний вид первых изданий по типу шрифтов относится к средневековой культурной традиции. О том же говорит и язык «Молота ведьм»: это «техническая», школярская латынь доминиканских школ и теологических факультетов. Приводимая ими фантастическая этимология (например: *femina* от *fides* et *minus*), выглядит чудовишно на фоне достижений гуманистической филологии XV в.

Литературная форма трактата следует манере схоластических диспутов. Это типичное сочинение в жанре теологического свода (суммы). Есть в нем и ссылки на личный инквизиционный опыт авторов и их коллег. Это выражение иной культуры — одновременной, но другой. Картина мира и человека, представленная в «Молоте ведьм», противостоит гуманистической. Гуманисты верят в наступление «золотого века», схоласты предвещают конец света.

Только два представителя европейского гуманизма — склонный к мистицизму Джованни Франческо Пико делла Мирандола (племянник философа), и политик Жан Боден оказались единомышленниками авторов «Молота ведьм». Все остальные гуманисты были решительными противниками «охоты на ведьм», о чем свидетельствуют их многочисленные высказывания.

* * *

После изучения книги Карло Гинзбурга «*Il formaggio e i vermi: Il cosmo di un mugnaio del '500*» («Сыр и черви: вселенная мельника XVI в.»), полученной мною от автора, я счел нужным откликнуться на нее статьей: «Неизбежность пантеизма: крестьянин-философ Доменико Сканделла» (Николаев, 133).

Д. Сканделла по прозвищу Меноккьо после двух инквизиционных процессов был отправлен на костер в январе 1600 г. по личному распоряжению папы Климента VIII. 17 февраля 1600 г. в Риме был сожжен Джордано Бруно. Это не случайное хронологическое совпадение: фриульский мельник разработал пантеистическую систему, в которой мы встречаем аналогии с построениями Джордано Бруно, сходство с антитринитарными концепциями Мигеля Сервета; его идеи веротерпимости напоминают высказывания Мишеля Монтеня, а некоторые соображения созвучны с мыслями о всеобщем спасении Франческо Пуччи.

Но я не зря назвал свою статью «*Неизбежность пантеизма*». Крестьянин из деревни Монтепульчано ничего не слышал об идеях своих великих единомышленников, не мог их читать и даже знать их имена. Нам известен круг чтения Доменико Сканделла, он не достигает и дюжины случайно попавших к нему книг. Но там была Библия на итальянском языке, «Декамерон» Дж. Боккаччо, «Цвет Библии», Коран и «Сон Каравия» (все они значились в Индексе запрещенных книг), а также и вполне разрешенные популярные книжки. К. Гинзбург не без основания предполагает знакомство Меноккьо с «Божественной Комедией» Данте Алигьери. Но дело ведь не в том, что читал мельник, а что он *вычитывал* из них. На многочисленных допросах в инквизиции Меноккьо объяснял, что все свои представления он *извлек из собственной головы*. Инквизиторы долго мучились с ним, пытаясь найти источники вменяемых ему ересей. Ссылки на реформационные течения не помогли: подсудимый даже не знал об идее «оправдания верой».

Оказавшись перед следователями, он был рад, что его услышали, хотя и прекрасно понимал, чем это ему грозит. Подобно Ноланцу, «деревенский Гераклит» заявлял, что «Бог — это все вещи», «Вещи этого мира — это Бог». «Все, что мы видим — это Бог». Из борения внутренних сил, из столкновения стихий в первозданном хаосе возникает мир. Так появляется излюбленная Меноккьо метафора, использованная К. Гинзбургом в названии его книги: образ брожения, в котором зарождается сыр, а в нем в свою очередь возникают черви. Все вещи происходят из первобытного хаоса. Бог ничего не смог бы сделать «без материи». Он со-вечен и со-природен хаосу. Бог рассматривается как движение к совершенству.

Меноккьо отрицает божественность Иисуса Христа: это добрый человек, «один из сынов Божьих, поскольку все мы сыновья Божьи <...>, он был как и мы, только лучше». Что касается антиклерикальных представлений мельника из Монтепульчано, то они не требуют никаких посторонних источников. Они возникли из наблюдений за окружающей жизнью. Доменико

Сканделла с презрением отзывался о папе, епископах и священниках: «они возвеличены и богаты», все «принадлежит церкви, попам, и они притесняют бедняков». Меноккьо отрицает таинства, сомневается в подлинности Писания. Признавая «частичную» истинность Евангелий, он обнаруживает в них расхождения в передаче событий жизни Иисуса Христа. При этом он утверждает, что любовь к ближнему важнее всех других заповедей.

В этой статье мне пришлось выступить против П. Дзамбелли и Дж. Спино, которые возводили созданную фриульским крестьянином систему к усвоению идей «высокой интеллектуальной культуры», «опустившейся» до простонародного уровня. Мне представляется, что космос Меноккьо — результат собственного рационального мышления, ставившего кардинальные философские проблемы в столкновении с ортодоксальной традицией. Мельник из Монтепульчано несомненно сам дошел до выводов радикального свободомыслия. При этом условием возникновения рационалистической философии было появление книгопечатания и распространение грамотности в крестьянской среде, что приводит к построению пантеистической картины мира. Критики работы Карло Гинзбурга не доверяют развитию самостоятельной культуры в крестьянской среде, в чем они глубоко заблуждаются. Пример Меноккьо помог мне глубже понять «неизбежность» пантеистической картины мира в трудах его великого современника Джордано Бруно.

Во время нашего первого путешествия в Италию в 1988 г. мы попросили наших друзей отвезти нас в деревню Монтерале. Мы увидели родину «деревенского Гераклита» на фоне предгорий Альп. В разговоре с местными жителями моя жена узнала, что в деревне и по сию пору живут люди, сохранившие семейное имя Сканделла. Правда, о своем земляке из XVI столетия они ничего не знали.

* * *

В своей статье «Эразм и итальянская ересь XVI в.» (Фролова, 11), я привел две пасквинаты, посвященные гибели в Риме в 1570 г. от рук инквизиции поэта и сатирика Николо Франко и гуманиста Аонио Палеарио. Оба они оказались связаны с наследием нидерландского ученого, чье воздействие на итальянскую мысль было многообразным, длительным и глубоким. Его труды печатались в Италии и за ее пределами и встречали сочувствие не только своей критикой внешней религиозности и обличением пороков духовенства, но в еще большей мере идеями христианского гуманизма, этического истолкования христианства. Эразмианство проявилось в движении «итальянской» (или «философской») ереси.

Н. Франко в своих «Приятнейших беседах» выступал против запрета сочинений Эразма, писал, что его «издают и переиздают, продают и перепродают, читают и перечитывают повсеместно. Да и чего не хватает доброму Эразму, чтобы не считать его красноречивым и вполне католическим, чьи суждения достойны всяческого восторга».

Мне помогла моя работа с редкими книгами. Оказалось, что в «очищенных» поздних изданиях диалогов это место было устранено и заменено другими словами: «И ты еще сомневаешься, что нельзя продавать запрещенные книги? Разве ты не знаешь, что многие книги подвергнуты гонениям ради вящей святости, будучи пагубны для спасения людей и исполнены ложных мнений, заблуждений и ересей? Беги их как геенны огненной, и повинуйся тем, кто может и умеет повелевать». В ГПБ хранится экземпляр исправленных таким образом «Бесед» Н. Франко 1615 г.; в нем читателем-современником были восстановлены по прежним изданиям все цензурные искажения и пропуски.

Аонио Палеарио в 1534 г. направил послание Эразму Роттердамскому в надежде на созыв «настоящего» и «правильного» собора, призванного установить мир исповеданий и обличить пороки католической иерархии. Церковь для Палеарио — это «сообщество святых людей, собрание добрых людей, ведущих христианский образ жизни».

В выпущенном после казни М. Сервета в анонимно изданном сборнике (Базель, 1554), подготовленном Челио Секондо Курионе и Себастьяном Каstellлионом («О преследовании еретиков»), авторы среди прочих авторитетов выделили Эразма Роттердамского, приведя отрывки из его сочинений, в которых шла речь о терпимом отношении к еретикам: «Разве законы Церкви допускают предавать кого-либо мстительному пламени?» Монахи бросают в темницу заподозренных в ереси, «и там ведут диспут по своему обычаю: качают права и готовят дрова (“notantur articuli, parantur fasciculi”))»

В том же Базеле был издан посмертно трактат итальянского эмигранта Мино Чельсо «О допустимой мере наказания еретиков» (более выразительно название титульного издания 1584 г. — «О том, что не следует карать еретиков смертной казнью»). И здесь среди свидетельств новейших авторов первое место занимает «сей великий и всегда недостаточно восхваляемый Эразм».

* * *

В середине 1980-х годов сотрудница Отдела Полиграфии ГПБ Фанни Давыдовна Бортнянская обратила мое внимание на одну из книг, где находились французские стихотворные переложения «Метаморфоз» Овидия, украшенные миниатюрами с гротескными рамками, работы известного

мастера Бернара Соломона. Этот изящный томик в восьмую долю листа в 1557–1597 гг. издавали 6 раз; наш экземпляр вышел в 1583 г. и мог бы привлечь внимание любителей книжной старины.

Однако особую научную ценность представили приплетенные к нему 50 листов, принадлежавших когда-то записной книжке-альбому странствующего студента 60-х годов XVI в., Габриэля Селия (или Зееля). Листки с записями приплетены вперемежку со страницами «Метаморфоз». Всех записей сохранилось 73 (Фролова, 1).

По месту своего рождения Г. Селий называет себя Конфлуэнтинцем («Confluentinus»). Это латинское название могло относиться ко множеству городов тогдашней Европы: так именовали себя уроженцы испанской Сеговии, прусского Кобленца, шести городов во Франции и Кобленца в Швейцарии. Иероним Гальперий, живущий в Базеле, называет Габриэля Селия «земляком» («conterraneus»), явно имея в виду швейцарский Кобленц.

Записи датированы с 23 апреля 1561 г. до 9 июля 1565 г. По ним мы можем узнать географию странствий нашего студента. В конце апреля 1561 г. Габриэль Селий находится в Париже, в мае перебирается в Орлеан. Летом 1562 г. он в Бурже, в августе в Долле (Бургундия) и остается там до 10 ноября. С 30 ноября и в декабре 1562 г. он уже в Швейцарии, в Женеве, а в 1563 г. в Страсбурге. В начале сентября 1563 г. мы встречаем его в Базеле, 16 сентября — в Камбре. Не позднее ноября 1563 г. студент отправляется в Лувен, в январе 1564 г. он в Брюсселе, но в феврале вернулся в Лувен. Весной того же года Г. Селий предпринимает новое путешествие и в мае 1564 г. прибывает в Падую, где пробыл до начала августа 1564 г., но 4 августа появляется в Ферраре, где проводит время до февраля 1565 г. 8 июня 1565 г. Селий снова в Падуе. Последняя запись сделана в Венеции 9 июля 1565 г.

Университетские города, в которых побывал Габриэль Селий, могли удовлетворить ученые интересы студента: Париж и Лувен были авторитетными школами католического богословия (но Г. Селий был протестантом). Бурж был знаменитым центром правоведения; Падуя славилась философией, математикой и медициной. Страсбург (и отчасти Базель) отличались новым гуманистическим образованием. Чему именно учился Г. Селий, мы можем только предполагать. Но если в первых записях он фигурирует как «юноша», то последние обращены к «ученейшему мужу», что, возможно, свидетельствует о завершении им университетского курса.

Большинство записей в альбоме оставили студенты, соученики Габриэля Селия. Многие изобразили свои дворянские гербы, часто раскрашенные. Отождествить их владельцев мне не удалось. Их записи представляют

набор общих мест школярской премудрости: наставления в благочестии, с непременно «*memento mori*», размышления о добродетели и Фортуне, о дружбе. Многие из приведенных цитат восходят к подлинным изречениям из Горация, Овидия, Проперция, другие — к апокрифическим сентенциям древних авторов. Их можно найти в альманахах, предназначенных для студентов. При всей своей банальности они представляют интерес для изучения студенческой культуры XVI в.

Но самыми важными оказались семь записей людей, сыгравших немалую роль в философской и религиозной культуре шестнадцатого века. Как сказал во время моего доклада в Институте истории В. И. Рутенбург, «Тут найдешь один автограф — и радуешься, а докладчику посчастливилось найти целых семь!».

Ученые занятия в итальянских университетах свели нашего студента со знаменитым медиком Пьер-Анджело Агато (его, «мирское», не ученое имя — Джованни Боначчи), сподвижником Габриэля Фаллопия, издателем и комментатором его трудов. Запись его представляет интерес биографический, она сделана 8 июня 1565 г. в Падуе, в «знак дружбы» и в память о том, что Габриэль Селий был в течение двух месяцев предметом забот врача, лечившего его от перемежающейся лихорадки. Но нельзя не заметить, что, вероятно, не случайно Г. Селий оказался под присмотром одного из светил итальянской медицины. В связи с этим упоминание о «дружбе», быть может, имеет не только ритуальный характер. Не исключено, что Г. Селий получил диплом доктора медицины.

Летом 1562 г. записи в альбоме сделали два профессора юриста в университете города Буржа. Один из них — автор комментариев к «Своду гражданского права» императора Юстиниана, владелец одной из богатейших библиотек, Иаков Куйаций (Жак Кюжас, 1522–1590). В Бурже он преподавал в 1560–1566 гг. Оставаясь католиком, он выступал за широкую веротерпимость, сформулировав требование: «В религии недопустимо принуждение, ибо никого нельзя заставить веровать против воли». Известно, что в завещании он запретил продажу книг своей библиотеки иезуитам, а наследникам советовал придерживаться в вопросах веры текстов Св. Писания, избегая толкований, что предполагало влияние реформационных идей. Он был близок к позиции «политиков» — тех французских государственных, политических и культурных деятелей, которые решительно осуждали религиозные раздоры и выступали против гражданских войн за национальное единство Франции. Вот текст его записи в альбоме Г. Селия: «Иаков Куйаций написал в знак дружеского расположения превосходному и ученейшему юноше Габриэлю Селию Конфлуэнтинцу, который не пожелал оставить сей город, не забыв передать мне привет».

Более интересна запись фламандского юриста Андреаса Бахиера или Бахерия (умер в том же 1562 г.). К обычной дружеской формуле он присоединил девиз: «В возвращении Евангелия должно ожидать наступления Золотого века». Формулировка эта говорит о принадлежности ее автора к евангелическому течению в Реформации, в равной мере враждебному крайностям кальвинистского фанатизма и католической инквизиции. Все это позволяет предположить, что связь Габриэля Селия с профессорами-правоведами в Бурже носит не столько профессиональный, сколько конфессиональный характер.

Страсбургская запись датирована только 1563 годом, но можно предположить, что обладатель альбома явился к гуманисту и педагогу Иоганну Штурму до прибытия в Базель в сентябре 1563 г. И. Штурм (1507–1589) находился в центре европейской гуманистической культуры. Более полувека он возглавлял созданную им гимназию, позднее преобразованную в университет. Он был создателем новой системы образования, ему принадлежит устройство обучения по классам с соответствующим построением учебных программ. И. Штурм находился в оживленной дружеской переписке с наиболее значительными учеными и писателями всех стран Западной Европы.

Среди его корреспондентов властитель дум XVI в. Эразм Роттердамский, французские гуманисты Гийом Бюде и Жан Лефевр д'Этапль, деятели Реформации Жан Кальвин и Мартин Бucer, склонные к умеренной перестройке церкви кардиналы. Однако, по мере ужесточения конфессиональных конфликтов И. Штурм все более отчетливо придерживался идеи веротерпимости. Известно, что в его доме находили прибежище жертвы религиозных преследований. Лютеранский Сенат и теологи Страсбурга относились к нему со все большим недоверием и подозрением. Доносы и травля сопровождали его на протяжении многих лет.

Габриэль Селий появился в доме Иоганна Штурма, когда его религиозно-нравственная позиция была достаточно четко определена. Он не стал тратить время и бумагу на изъявление добрых чувств к посетителю. Его запись в альбоме — декларация свободомыслия и веротерпимости, страстный протест против религиозных преследований: «Закон Божий непорочен и должен быть оберегаем от заблуждений и вооружен против алчности и честолюбия, и да удалится от него всякая жестокость». Упоминание об алчности и жестокости — результат не только горестного личного опыта, но и всей обстановки в религиозной жизни 1560-х годов. Связь Иоганна Штурма с базельским гуманистическим кружком представляется несомненной.

Иероним Гальперий, живший в Базеле, переводил итальянских авторов на немецкий язык, в том числе труды Паоло Джовио и исторические сочине-

ния религиозного эмигранта Челио Секондо Курионе. Он называет Габриэля Селия другом. В альбом он занес две греческие сентенции («Не хитростью и не обманом» и «Без Бога не преуспеешь ни в чем»), и поучительное напоминание о том, что красота слога должна сочетаться с благородством содержания: «Кто в изящную форму облакает недостойные речи, тот из ножен слоновой кости извлекает свинцовый меч», что под пером участника гуманистического базельского кружка означало протест против религиозных преследований.

Через И. Гальперия владелец альбома получил доступ к базельскому гуманистическому кружку: его запись в альбоме Г. Селия соседствует с записью Ч. С. Курионе, что предполагает их близкое знакомство, вероятно, связанное с его переводческой деятельностью.

Страстным выражением протеста против религиозных преследований, манифестом веротерпимости был изданный в 1554 г. в Базеле (но анонимно и с ложным указанием места выхода) сборник «О преследовании еретиков». Его составителем и автором значительной части книги был французский гуманист, преподаватель Базельского университета Себастьян Кастеллион (1515–1563).

Челио Секондо Курионе (1503-1569) был единомышленником и сподвижником Кастеллиона. Он еще в 40-х годах бежал из Италии в Швейцарию, спасаясь от преследований инквизиции. Их-то и посетил в сентябре 1563 г. прибывший в Базель Габриэль Селий.

В те первые дни сентября 1563 г. вполне серьезная угроза нависла над авторами книги «О преследовании еретиков». Челио Секондо Курионе уже не раз вынужден был отвечать на предъявляемые ему обвинения в ереси. Гнев богословов всех исповеданий и особенно кальвинистов вызвала его книга «О широте царства Божия». Это был откровенно полемический трактат, направленный против пессимистического учения Кальвина об абсолютном божественном предопределении, по которому лишь ничтожная часть людей избрана Богом ко спасению, а остальные обречены на вечную погибель.

Книга Курионе содержала гуманистическую трактовку христианства, как прежде всего нравственного закона, совпадающего со свойственным всему человеческому роду «природным законом».

Его обвиняли в «безграничном расширении царства Божия», а также в антитринитарном учении, что было особенно опасным. Дело отягчалось тем обстоятельством, что подобные воззрения были обнаружены (посмертно) в рукописи итальянского эмигранта Маттео Грибальди, в которой следователи нашли и пометки Ч. С. Курионе. Его осудили за недонесение о еретических взглядах своего друга. Показателен исполненный гордого достоинства ответ Курионе: он заявил судьям, что не сообщал о взглядах М. Грибальди,

ибо, отправив его под суд, он подверг бы его двойной опасности: потерять и жизнь, и душу. Так провозглашенная в книге Курионе теория веротерпимости прямо воплощалась в личном поведении.

И вот перед нами запись, сделанная в альбоме посетившего его Габриэля Селия: «Всего вернее средний путь. / Посредник между Богом и людьми / Человек Иисус Христос».

Предпочтением «среднего пути» корили гуманистов католики и кальвинисты, римские инквизиторы и лютеранские богословы. Но в записи Ч. С. Курионе этот средний путь освящался именем «Человека» Иисуса Христа. Христос рассматривался как посредник между Богом и людьми, как «сын божий», но не как Бог. Базельские следователи дорого бы дали за краткую запись в альбоме Габриэля Селия.

Для изобличения Себастьяна Каstellлиона его врагам не нужны были дополнительные доказательства. А в последние годы к его высказываниям против преследований еретиков прибавилось еще одно преступление: он опубликовал два перевода Библии на французский и латинский язык. Они были враждебно встречены и католиками, и реформаторами. Жан Кальвин выступил с крайне резкими нападками на новые переводы Священного Писания. Будущий преемник Кальвина Теодор Бэза называл Каstellлиона не иначе как «орудием Сатаны». Каstellлион не сдавался, в 1562 г. он выпустил книгу в защиту своего перевода. Но ему запретили преподавать в университете. По обвинению началось формальное следствие. Ему грозило изгнание, если не казнь. Друзья зовут его в Польшу, бывшую в то время прибежищем еретиков.

В этот, пожалуй, самый трагический период его жизни, перед Себастьяном Каstellлионом оказался раскрытый альбом Габриэля Селия. Четким уверенным почерком он записывает вылившийся из глубины сердца вопль отчаяния — слова из Псалтири, псалом 94, в его переводе, который послужил причиной травли и угроз. И подпись: «Себастьян Кастелион начертал в лето 1563, в день 4 сентября, в Базеле». Мы приведем его в русском синодальном переводе (там это псалом 93): «Бог отмщений, Господи Боже отмщений, яви себя. Восстань, Судия земли, воздай возмездие гордым! Доколе, Господи, нечестивые, доколе нечестивые торжествовать будут». Не менее выразителен церковно-славянский текст: «1. Бог отмщений Господь, Бог отмщений, не обинулься есть. 2. Вознесися судия земли. Воздаждь воздаяние гордым. 3. Доколе грешницы, Господи, восхвалятья. 4. Провешають и возглаголють неправду»¹⁴.

---

¹⁴ *Вознесенский А. В.* К истории славянской печатной Псалтири: Московская традиция XVI–XVII веков. Простая Псалтирь. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2010. С. 527.

Себастьян Каstellион умер несколько месяцев спустя, в декабре 1563 г., так и не собравшись уехать в Польшу. Только смерть избавила его от дальнейших преследований. Он умер, оставив потомкам классическую формулу веротерпимости: «Убить человека — это не значит защитить учение, это значит только: убить человека». Мне представляется, что эти встречи Габриэля Селия были закономерны. Никто не стал бы принимать его и заносить в альбом записи, которые оказались для них опасными. Изучение альбома Г. Селия позволило понять феномен гуманистической «философской ереси» и оценить смысл знаменитого высказывания Себастьяна Каstellиона. Так среди моих учителей оказались и персонажи прочитанных рукописей и книг.

* * *

На «Випперовских чтениях» 1988 г. («Искусство Венеции и Венеция в искусстве») я сделал доклад о великом итальянском печатнике Альде Мануции и его сыне и внуке (Фролова, 2, 3).

«Дом Альда Мануция» явился наиболее ярким выражением гуманистических тенденций раннего книгопечатания. Высокий научный уровень изданий в сочетании с выдающимися художественными достоинствами и безупречным техническим мастерством сделали «альдины» предметом научного интереса и библиофильского коллекционирования. Они выделили книжную продукцию Альда Старшего даже на фоне значительных успехов типографского и книгоиздательского искусства конца XV — начала XVI столетий, обеспечили превращение его издательства в культурный и научный центр, объединивший вокруг дела подготовки книг (поиск и сличение рукописей, филологическое изучение текстов, составление комментариев) общеевропейскую «республику ученых». И пусть задуманная Альдом «Новая Академия» с ее уставом так и не была официально организована, но реально на протяжении двух десятилетий вокруг типографии Альда было создано сообщество гуманистов. Важны были реальные связи, тем более прочные, что не нуждались ни в правительственной санкции, ни в финансовом поощрении. По мере надобности в работу включались новые люди, стремившиеся к созданию гуманистической культуры и закреплению ее успехов с использованием печатного станка.

Примыкая к традиции гуманистической рукописной книги, печатные издания требовали художественно-технических решений, в том числе и в подборе шрифтов. Альд унаследовал от своих предшественников антикву и применил курсив. Интересам развития гуманистической культуры отвечала разработанная Альдом издательская программа. Прежде всего она предусма-

тивала публикацию древних авторов, греческих и латинских. Одновременно выходили пособия для изучения древних языков. Печатались и сочинения гуманистов, писателей и поэтов Медичейской Флоренции, а также трактат кардинала Виссариона Никейского «Против клеветников Платона», «Адагии» и «Похвала Глупости» Эразма Роттердамского, творения трех флорентийских «венцов» — Данте, Петрарки и Боккаччо. Печатались памятники первых веков христианства, Григория Назианзина, Оригена и Лактанция. Задуманное Альдом издание греческой Библии было осуществлено его наследниками в 1518 г.

Отсвет славы и величия Альда Мануция Старшего падал и на его преемников — сына Павла и внука, названного по имени своего деда Альдом. И действительно они во многом продолжали начатую Альдом Старшим традицию. Как ученые филологи, издатели, переводчики и комментаторы они не уступали своему отцу и деду, выпустили в свет комментированные издания Цицерона, Вергилия, Саллюстия, переводили на латинский язык Демосфена. Их книги отличались заботой о корректуре, о подготовке указателей. Главную часть их программы составляли публикации античных авторов, книги по классической филологии и грамматике, ученые труды по изучению классической древности. Вместе с тем они издают книги на итальянском языке: трактат Бальдассара Кастильона «Придворный», стихотворения Лоренцо Медичи, «Диалоги о любви» Льва Еврея (Иегуды Абарбанеля), «Неистовый Роланд» Лудовико Ариосто, «Аркадию» Якопо Саннадзаро, произведения Никколо Макиавелли, «Аминту» Торквато Тассо.

Перелом в книгоиздательской деятельности Павла и Альда Мануция Младшего произошел в 60-х годах XVI в. и связан он был с наступлением католической реакции. Павел Мануций в 1561 г. принимает предложение папы Пия IV взять на себя руководство Римской типографией. Поначалу открывшиеся перед ним перспективы вызвали у него прилив восторга: он мечтает об издании древних авторов, занимается просмотром рукописей папской библиотеки. Но напечатанное им сочинение «О соборе» кардинала Реджинальда Пола, придерживавшегося умеренных взглядов на преобразования в церкви, вызвала недовольство кардинала Джованни Серипандо: в своем предисловии Павел Мануций похвалил автора за его гуманистическую образованность, за что получил строгий выговор о необходимости придерживаться контрреформационного духа католической церкви. Новый папа Пий V потребовал, чтобы в типографии издавались только священные книги. Как писал сыну Павел Мануций, он «находится в зависимости от государя, обладающего абсолютной властью не только надо мной, а над всем

миром». Над издательской деятельностью нависает тень «Индекса запрещенных книг»: гонениям были подвергнуты прежде выпущенные в типографиях Мануциев сочинения Пьетро Аретино, Никколо Макиавелли, Эразма Роттердамского. После одного заседания «Конгрегации Индекса» Павел жалуется сыну: «У меня голова идет кругом, я не знаю, что из этого выйдет, столько препятствий вижу со всех сторон». Он рекомендует сыну изъять из нового текста прежде изданного сборника писем эпистолярное наследие впавшего в ересь епископа Пьер Паоло Верджеро, бывшего генерала францисканцев, бежавшего в Женеву, Бернардино Окино, Пьетро Аретино, любовные послания Аннибале Каро, а среди адресатов писем убрать имя поэтессы Виттории Колонны, близкого друга Микеланджело, а также протоиерея Пьетро Карнесекки, казненного в 1570 г.

В свет выходят богослужебные книги, «Бревиарии», «Миссалы», «Джурналы». В Риме и в Венеции с маркой «Дельфин на якоре» печатают 18 изданий нового «Римского катехизиса», 22 издания «Канонов и декретов Тридентского собора», «Индекс запрещенных книг», включающий имена друзей и единомышленников Альда Старшего и авторов опубликованных Мануциями сочинений. Альд Младший включает в круг своих издательских интересов демонологическую литературу. Ему же удастся осуществить мечту об издании Библии, но эта новая «Сикстина» (по имени папы Сикста V) восстановила авторитет слегка подправленной Вульгаты и закрепила охранительную тенденцию Контрреформации. В то же время выходит переработанное Павлом Мануцием новое издание «Адагий» Эразма Роттердамского — но без имени автора. Из книги было изъято не менее 200 статей, в которых Эразм критически высказывался о внешней религиозности и о политике папства. Григорий XIII запретил все другие издания «Адагий» под угрозой «отлучения от Церкви и передачи виновных в руки светских властей». Павел и Альд Младший становятся официальными печатниками Римской курии.

* * *

В сборнике к 80-летию Д. С. Лихачева я опубликовал статью «Истолкование “общих мест” при смене ценностных ориентаций культуры» (Николаев, 244). Среди таких высказываний в средневековой культуре было и провозглашение авторами своего невежества. Исследователи отмечают, что это никак не означало самоуничужения, и такие заявления не следует понимать буквально; здесь не было и лицемерия. Авторы средневековых сочинений были людьми высоко образованными. Этикетная формула являлась выражением христианского смирения. Писатель, сколь бы образован в действительности

он ни был, не мог впасть в грех гордыни и кичиться своей ученостью ни перед читателями, ни перед самим собой. В древнерусской литературе в жизнеописаниях писателей или святых речь идет об их высокой начитанности, но сам автор утверждает, что «поселянин есмь, извития словес не ведущий, ни решения притчам ненавыкший, ни от философ учившийся, грамотиики и реторикии никогда же прочитавший».

Именно эту этикетную формулу использует русский первопечатник Иван Федоров. В Послесловии к московскому «Апостолу» 1564 г. он заявляет, что среди рукописных книг «лишь мали обретошася потребни, прочие же вси растлени от преписующих ненаученых сущих и неискусных в разуме», обращая тем самым против невежественных переписчиков традиционное признание необученности и неискушенности, ставя им это в вину. Что речь идет не об одних переписчиках, но о противниках книгопечатания, подтверждает и его Послесловие ко львовскому «Апостолу» 1574 г. Жалуясь на гонения «от многих начальник и священноначальник и учитель, которые на нас зависти ради от многие ереси умышляли», Иван Федоров подчеркивает, что пострадал он «от ненаученых и неискусных в разуме человек, ниже граматические хитрости навикше, ниже духовным разумом исполнени бывше», и прямо обращает против своих гонителей этикетную формулу авторского смирения, придавая ей полемический и притом буквальный смысл в действительном, а не в декларированном невежестве.

Осуществляя свою издательскую программу религиозно-нравственного просвещения, Иван Федоров отвергает средневековые стереотипы, подчеркивая этическую ценность знания. Полемическое перетолкование этикетной формулы смиренного «незнания» имело в виду сегодняшних противников книгопечатания и грамматической премудрости, тех, кто «хитрость граматическую и философство книжное» объявлял ересью.

Последним моим выступлением в Отделе Древнерусской литературы Пушкинского Дома в 1993 г. был доклад «Гуманистические источники легенды об “античной” библиотеке московских государей» (Фролова, 27). После ряда исследований наличие в Москве в XVI в. богатой царской библиотеки можно считать установленным. Под вопросом остается лишь существование в ней рукописей античных (языческих) латинских и греческих авторов, византийских по своему происхождению. Приводимые обычно свидетельства русских источников к этому собранию отношения не имеют. Высказывания Максима Грека касаются никак не произведений древнего мира, а исключительно «Толковой псалтири», для работы с которой он и прибыл в Москву. Да и невозможно допустить, чтобы Максим Грек, который «40 лет без малого

как отрекохся глупых басней и учений моих прародителей еллинских», называл «духовным брашном» и «богособраным сокровищем» произведения языческих писателей. Равным образом и в «Сказаниях» о Максиме Греке речь идет о бесчисленном множестве греческих книг, именуемых «божественными» и «душеполезными».

Не существует и других, более поздних несомненных свидетельств о рукописях античных авторов в Москве XVI столетия. О московской сокровищнице не упоминает и Иван Федоров. Когда в Остроге собирались печатать славянскую Библию, в Москву был послан гонец за списком славянского (Геннадиевского) текста Священного Писания; греческие источники библейского текста искали где угодно, от Константинополя до Крита и Венеции, и использовали печатный текст «Альдины» 1518 г. Не обратились они только в библиотеку московских государей, где греческий текст Библии мог бы обнаружиться среди книг византийского собрания. Не упоминают об «античных» рукописях московской сокровищницы ни Иван Грозный, ни Андрей Курбский, не склонные скрывать свою эрудицию и ее источники. Вопреки мнению А. А. Зимины, чтение А. М. Курбским сочинений Аристотеля и Цицерона не требовало обращения к московской «либерее»: он писал в Литве, где эти книги имелись в печатных, к тому времени весьма многочисленных и широко распространенных изданиях.

Нет прямых указаний на античных авторов и в свидетельствах Ветермана. Он пишет о показанных ему латинских, греческих и еврейских книгах. Последняя часть его сообщения обычно обходится молчанием сторонниками версии о реальном существовании в Москве «античной» библиотеки. Зато она показательна для лютеранского пастора, понимавшего ценность этих рукописей, которые принесли бы «много пользы христианству», если бы оказались в «протестантских университетах».

Таким образом и в этом случае речь идет не об античном языческом духовном наследии, а о книгах религиозных. Между тем взоры европейских гуманистов были обращены к Москве. Зная, что Россия — страна православная, и что свою веру она получила от Византии, они считали, что она явилась наследницей византийской культуры, в том числе и ее книжных богатств. В связи с этим их интерес к России был особенно велик.

Важным свидетельством о культурных богатствах, хранящихся в Москве, явилось сочинение гуманиста Паоло Джовио «О посольстве Великого князя Василия к папе Клименту VII», опубликованное в Риме в 1525 г. и составленное со слов русского посла Дмитрия Герасимова, принимавшего участие в работе Максима Грека над переводом «Толковой псалтири». П. Джовио

сообщал о связях русского православия с греческим, что способствовало распространению на Западе представлений о византийском духовном наследии. Он писал, что «на этот язык переведено огромное множество священных книг», упоминал о созданных в России летописях и о переводах сочинений об Александре Великом, о римских цезарях, об Антонии и Клеопатре. Так впервые появляются на Западе сведения о связях русской культуры с античной литературной традицией. Известия Джовио нашли подкрепление в другой книге о России, пожалуй, самой популярной и многократно переиздававшейся по-немецки и в латинском переводе: «Записки о московитских делах» Сигизмунда Герберштейна. Она знакомила читателей с содержанием русских летописей и закрепляла представление о русско-византийских династических связях.

В 1526 г. польский гуманист Ян Лаский в письмах Бонифацию Амербаху сообщал о возникших у него надеждах получить из Москвы греческие рукописи или копии с них, «никогда еще не изданных священных авторов», ибо там «и в наше время нерушимо пребывает соблюдение греческой веры».

Подробные и точные сведения о памятниках античной языческой письменности, хранящихся в московской сокровищнице, появляются только в так называемом списке «Дабеловского анонима». Именно этот документ мог явиться развернутым ответом на ожидания и надежды гуманистической археографии, сообщая об открытии в Москве столь привлекательных для западной филологии произведений античной словесности. Независимо от подлинности этого списка — был ли он составлен в XVI в. или подделан Х. Дабеловым в XIX столетии (как известно, подлинный документ так и не был обнаружен, и есть серьезные основания предполагать подделку) — он отражал представления филологов-классиков обеих эпох о составе неведомого книжного собрания, включавшего как хорошо им известные памятники, так и тексты, являвшиеся предметом поисков и ожиданий.

Поколения ученых мечтали найти недостающие декады Римской истории Тита Ливия — Аноним сообщает о книгах Ливия в Москве. Он свидетельствует о найденной в закрытом царском хранилище неизвестной ученым филологам «Истории» Цицерона, о загадочном сочинении Вергилия, обозначенном первыми буквами «Ith». Он сообщает, что видел речи и поэмы Кальва, о котором мы знали только по цитатам у поздних авторов. У Плиния и Ювенала упомянуты произведения Корда (или Кодра); аноним говорит о его «Эпиталамах», обнаруженных в сокровищнице Ивана Грозного. Там же (по Дабеловскому списку) хранилась «География» Гефестиона — автора, ранее известного лишь по фрагментам астрономических сочинений. Аноним

называет «Сатиры» Публия Сира, о которых ранее знали только по выдержкам у других писателей.

Особенно любопытно упоминание в его списке «Математики» Замолея (Zamoleus). Скорее всего это ошибка либо в оригинале, либо в копии. Замолей классической филологии неизвестен, но у Геродота, Диогена Лаэртция и в псевдо-Платоновом «Хармиде» упоминается Замолксис (Zamolxis), легендарный скифский (или гетский, фракийский) философ, ученик (или, по другим данным, учитель) Пифагора. Обнаружение его математических сочинений явилось бы событием.

Перечень «Анонима», если он относится к концу XVI в., принадлежит автору, крайне поверхностно осведомленному в классической филологии, и в упрощенном виде отражал надежды и ожидания европейских гуманистов. Впрочем, это относится и к подделке XIX столетия.

То ли сам список, то ли ходившие вокруг рассказы, послужили толчком к археографической миссии Петра Аркудия, посланного в 1601 г. в свите Льва Сапеги, для уточнения состава московской «античной» библиотеки. Его отчет о «греческой библиотеке, о которой некоторые ученые подозревают, что она находится в Москве», обращает внимание именно этой ссылкой на мнение «некоторых ученых». Аркудий пишет о «хвастовстве» москвичей, которые сообщили ему о множестве греческих книг у патриарха. Оказалось, что это «псалтири, послания, евангелия, минеи и вообще церковные служебные книги. Когда же канцлер настаивал, есть ли у великого князя действительно греческая библиотека, они определенно отрицали существование таковой». Жалобы Аркудия на бояр («первых сенаторов их») основаны на недоразумении. Москвичи, несомненно, были искренни, говоря о множестве греческих книг. Только под «греческими» они и Аркудий понимали книги разной культурной традиции. Для русских греческая книжность, весьма ими почитаемая, это исключительно книжность православная, прежде всего книги церковного, богослужебного обихода; для их собеседников это памятники древнегреческой, «еллинской», и римской языческой традиции.

Впоследствии в роли папских послов оказались многие новейшие исследователи. Задавая — на сей раз уже источникам — тот же вопрос, они не учитывали этого существеннейшего историко-культурного различия. На это обстоятельство в свое время обратил внимание С. А. Белокуров, автор монографии о библиотеке московских государей: «А святыми книгами уже никто ни в XVI, ни в XVII вв. не называл бы ни еврейские, ни латинские, ни греческие, содержавшие произведения языческих писателей».

И еще одно соображение. Если московская тайная библиотека действительно существовала и находилась под строжайшим запретом, если доступ к ней был полностью воспрещен, и русские люди либо уже не знали о ней, либо продолжали хранить о ней полное молчание и скрывали ее существование от иностранцев — не говорило ли бы это о гораздо более тяжелом состоянии русской культуры XVI в. Я надеюсь (вернее — я уверен), что это не так.

Разумеется, мою статью прочитали очень немногие. Во всяком случае на поиски «библиотеки московских государей» она никак не повлияла. Время от времени в печати появляются сообщения о том, что какие-то энтузиасты собираются искать ее в Москве. Мне кажется это делом полезным — разумеется, если поиски будут вестись профессионально. Я помню, с каким интересом я рассматривал в Музее Москвы выставку результатов работ археологов при раскопках: столько замечательных находок было сделано на территории столицы. Тайную библиотеку московских государей они не найдут, но их ждут чрезвычайно интересные открытия; успеха им!

* * *

Напечатал я в эти годы и несколько работ об отдельных редких изданиях, хранящихся в Отделе редких книг и в других подразделениях Публичной библиотеки. Среди них была статья о Миланской Псалтири 1481 г. и о гуманистической критике Библии; это был новый, отличающийся от традиционного текста Вульгаты, перевод одной из книг Ветхого Завета, выполненный Джованни Крастоне. В экземпляре сохранились пометы читателя второй половины XVI века (Фролова, 17). В другой статье: «Много сходствует с нашей Четь-Минею» (Фролова, 14), русский читатель «Золотой легенды» обратил внимание на книгу Иакова Ворагинского (Якопо да Вараццо, 1228–1298), получившую название «Золотая легенда» (что означало: «превосходная книга для чтения») и снискавшую необычайную популярность в Средние века и в период раннего книгопечатания, когда появилось более 150 изданий. Запись, оставленная в книге русским читателем в середине XVIII в., оказалась весьма точной. Речь шла не о Великих Четьях Минеях митрополита Макария, составленных в середине XVI века и сохранившихся лишь в рукописи, а о «Житиях святых» митрополита Дмитрия Ростовского, вышедших в конце XVII — в начале XVIII столетия. После первого издания эта книга выходила в XVIII в. еще 9 раз и имела необычайную популярность. Сам Дмитрий Ростовский «Золотую легенду» не читал — тем убедительнее сходство этих житийных сводов, отмеченное русским читателем.

Были и другие публикации, но я остановлюсь лишь на одной. При просмотре карточного каталога я обнаружил книгу Джордано Бруно; не могу понять, почему я не написал о ней в моей первой статье о прижизненных изданиях Джордано Бруно, вышедшей в 1960 г. (Николаев, 135). Видимо, тогда я не имел доступа к каталогу. Свое сообщение я назвал, по словам одного исследователя, «Из редких редчайшая». Заметка была напечатана в газете «Вечерний Ленинград» в 1985 г. и в журнале «В мире книг» в 1986 г. (Николаев, 239, 243). Экземпляр оказался весьма интересным. В одном переплете были заключены два издания, оба они вышли во Франкфурте-на-Майне в 1591 г. Первая книга — трактат, посвященный проблемам логики и мнемотехнике («О сочетании образов, знаков и идей»), вторая включает две поэмы — «О монаде, числе и фигуре» и «О безмерном и неисчислимых», где представлены взгляды философа на мироздание.

В экземпляре сохранились пометы, подчеркивания, записи, относящиеся к самому началу XVII в. Помимо соображений по философским и космологическим вопросам владелец книги оставил запись о гибели Джордано Бруно: «Он был из ордена доминиканцев, сожжен в Риме 9 февраля 1600 года, по приговору кардинала Барония, расследователя еретических преступлений». Сообщение это не совсем точно: Джордано Бруно был казнен не 9, а 17 февраля. Официальные сообщения о костре на Поле Цветов не публиковались, и сведения доходили по слухам. Записи на полях и на титульном листе сделаны одной рукой, близок к ним и почерк владельческой записи: «Принадлежит Иоганну Конраду Руммелью». И. К. Руммель (ум. в 1630 г.), бежавший от преследований в Нюрнберг, автор книг по философии и медицине. О судьбе Бруно он мог узнать от жившего в том же городе ученика Джордано Бруно, сопровождавшего его во время странствий по Германии, переписчика его произведений, врача Иеронима Бесслера.

Вскоре после публикации я выходил из библиотеки по служебной лестнице, и сверху (со 2 этажа, где была дирекция), услышал голос: «Эй, как там Вас, подождите!». Рядом со мной никого не было, а голос я узнал, он принадлежал заместителю директора по научной работе О. Д. Голубевой. Я остановился. Ольга Дмитриевна весьма сурово заметила, что в своей статье я совершил непростительную идеологическую ошибку, указав, что книга Джордано Бруно происходит из библиотеки Залуских.

Дело в том, что 21 ноября 1794 г., после подавления А. В. Суворовым восстания Тадеуша Костюшки, Екатерина II потребовала доставить в Санкт-Петербург, помимо королевских регалий и архива, также и библиотеку, созданную трудами Юзефа Анджея и Анджея Станислава Залуских,

которая превратилась в главную национальную библиотеку Польши. В связи с подготовкой к открытию Императорской Публичной библиотеки эти книги должны были создать в ней часть иностранного фонда, наряду с собранием П. П. Дубровского.

После открытия библиотеки эти книги и рукописи были доступны как русским, так и польским исследователям, а позднее и другим зарубежным ученым. За всю историю Публичной библиотеки до начала 20-х годов XX столетия ни в работе библиотеки, ни в исследованиях по ее истории, сведения о библиотеке Залуских никогда не скрывались.

Однако, по Рижскому мирному договору 1921 г. Советская Россия обязывалась возвратить Польше произведения искусства, книжные и архивные собрания, вывезенные с ее территории царским правительством. Тема возврата в Польшу книг и рукописей из библиотеки Залуских была засекречена, документы, хранящиеся в отделах и в архиве Публичной библиотеки, до недавних пор были закрыты, а в трудах по истории Публичной библиотеки, изданных в 1963–1964 гг., это событие никак не освещалось. Между тем в документах, подписанных в 1934 г., после завершения всех работ по передаче фондов, было ясно указано, что обе стороны не имеют никаких претензий друг к другу.

К сожалению, во время подавления Варшавского восстания 1944 г. гитлеровские оккупанты подожгли книжные собрания в доме Качиньских, где находилась самая ценная часть коллекций Библиотеки Залуских — старопечатные издания и рукописи¹⁵.

На возражения О. Д. Голубевой я ничего не ответил. Помимо упомянутой заметки в журнале «В мире книг», в 1988 г. в сборнике «Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1987» вышла моя статья «Автографы гуманистов» (Фролова, 1) — там был напечатан титульный лист книги с печатью, свидетельствующей, что она происходит из библиотеки Залуских: «I. A. Zaluski». Вскоре Л. А. Шилов сделал доклад о библиотеке Залуских и объяснил, что скрывать происхождение этих книг не следует.

В январе 1989 г. Н. И. Николаев организовал в научной библиотеке Ленинградского университета Всесоюзное научно-методическое совещание заведующих отделами редких книг и рукописей высших учебных заведений. Самым главным было выступление Николая Всеволодовича Котрелева: «Плач о гибели русской библиотеки», к сожалению, не потерявшее свою

---

¹⁵ Моричева М. Д. Библиотека Залуских и Российская национальная библиотека. СПб.: Изд-во Росс. нац. б-ки, 2001. С. 15, 153–154, 188–189.

актуальность и в наше время. Трудно перечислить все проблемы, затронутые в этом поразительном по решительности и смелости докладе. Н. В. Котрелев говорил о передаче по международному книгообмену множества русских книг, о гибели так называемых «трофейных» книг, о страшных условиях хранения библиотечных фондов, об отсутствии необходимой библиотечной техники и об огромной вине библиотекарей, допустивших эти и подобные им преступления по отношению к книжному богатству страны¹⁶.

Мне на этом совещании довелось выступить с сообщением «Что такое редкая книга» (Фролова, 21). Я оспаривал принятый в нашей литературе способ выяснения тиража книги по числу сохранившихся экземпляров. Между тем «редкость» книги определяется историко-культурным подходом.

К примеру такой шедевр мирового книгопечатания, как Библия Иоганна Гутенберга, сохранилась в 48 (не всегда полных) экземплярах и отдельных фрагментах вплоть до одного листа. Конечно, немного, но если учесть, что ее тираж составил 180 экземпляров, то до наших дней дошла четвертая часть — совсем не мало для 500 лет. Острожская Библия Ивана Федорова была известна в 1983 г. в 263 экземплярах, с тех пор их число пополнялось благодаря поискам в библиотеках и находкам археографов. А из двух изданий «Часовника», книги для домашней молитвы и для обучения, вышедших несомненно большим тиражом, сохранились считанные экземпляры.

Многие книги исчезли из обращения, хотя выпущены были в миллионах экземпляров. Книга может стать редкой, утратив читательский интерес (календари, детские учебники, астрологические предсказания).

Тираж книги (скажем, графоманские издания) не делает книгу редкой и достойной специального хранения. Редкими книги становятся в результате их истории. Она может быть оценена как редкая, становясь памятником культуры, как это произошло с прижизненными изданиями А. С. Пушкина; она оказывается редкой в результате цензурных преследований, уничтожения и запрета. Известно, что было спасено лишь некоторое количество экземпляров пущенного под нож десятитысячного тиража «Стихотворений» А. Ахматовой 1946 г., уничтоженного в связи со ждановским постановлением. Впрочем, цензурные запреты и костры инквизиции способствовали не только гибели книг, но и их спасению, будучи рекомендательными списками для библиофилов.

---

¹⁶ Котрелев Н. В. Плач о погибели русской библиотеки // Редкие книги и рукописи: Изучение и описание / Под ред Н. И. Николаева. Л.: Изд-во Лен. гос. ун-та, 1991. С. 88–110.

Ни одна книга не существует сама по себе, она доходит до нас в составе личных или общественных собраний. Вряд ли будет отнесено к книжным редкостям французское издание «Опытов» Мишеля Монтеня начала XIX в., но если оно входит в личную библиотеку А. С. Пушкина, то ценность данного экземпляра возрастает многократно.

Важно понять, что для редкой книги не существует понятия дублетности. Каждый экземпляр своеобразен и незаменим, каждый представляет собой неотчуждаемую ценность. Нет и не может быть раз навсегда установленного списка редкостей. Никто не в состоянии предугадать развитие книговедения и общественного сознания, определяющего систему ценностей.

Но это не означает отсутствие определенных ориентиров. Прежде всего это старопечатные книги, от изобретения И. Гутенберга до... — верхняя граница не является общепринятой, в большинстве книгохранилищ она доходит до конца XVIII в.; но БАН, а вслед за ней и ГБЛ отнесли ее к 1825 г. Что же касается книг кириллической печати, то более убедителен подход Библиотеки Академии наук, которая собирает все эти издания вплоть до 1917 г. Дело в том, что в прошлом даже крупнейшие книгохранилища не занимались их комплектованием, а они более всего пострадали от гонений, будучи при этом связаны с многовековой культурной традицией. Особый интерес представляют старообрядческие издания.

Мировая практика считает редкими зарубежные книги, вышедшие до конца XVIII столетия. Необходимо иметь в виду, что зарубежная книга — это необходимая часть национального культурного наследия России, подобно тому как с историей русского искусства связаны сокровища Эрмитажа.

Мне пришлось выступить против попыток ряда библиотек (в том числе и главной библиотеки страны) превратить отделы редких книг в фонд «ограниченного использования», в своего рода «спецхран». Библиотеки не имеют права требовать от читателей никаких «отношений с места работы» — ничего, кроме читательского билета и контрольного листка. Сохранность фондов редких книг должна быть обеспечена иным способом; ни одна книга не может выдаваться читателю для работы на дом; отделы редких книг должны быть оборудованы специальными читальными залами.

К сожалению, при этом я исходил и из своего (печального) личного опыта. В Отделе редких книг Ленинградской университетской библиотеки не было своего читального зала, и книги выдавались в зал для научных работников. Когда альманах пушкинского времени был возвращен в отдел с выстриженными из него несколькими страницами, мы ничего не сумели доказать: работник читального зала не проверил книгу перед выдачей ее

читателю. Совершил я и криминальный поступок: однажды я выдал «Букварь» Кариона Истомина 1694 г. (тогда еще не был выпущен репринт этого издания) Александру Михайловичу Панченко — возможно, на несколько дней; но сколько я натерпелся, пока он не вернул мне книгу: ведь все могло случиться с ней по дороге (то ли к себе домой, то ли в Пушкинский Дом).

В Публичной библиотеке редкие книги, как правило, выдавались для работы в читальный зал Отдела рукописей, но какие-то читатели работали с ними прямо в отделе, где для них было оборудовано два места рядом с выставкой образцов редких книг и с «Кабинетом Фауста». Один случай произошел в середине 1980-х гг. Т. А. Афанасьева обнаружила, что из экземпляра издания Ф. Скорины исчез портрет печатника: все попытки связаться с белорусскими специалистами, в том числе и с читателем книги, не дали никаких результатов.

Позднее, в 1991 г., я несколько дней был болен; а вернувшись на работу узнал от Л. Л. Альбиной, что во время экскурсии по отделу она попыталась показать экскурсантам великолепные французские часовники с раскрашенными иллюстрациями (она их показывала из «Кабинета Фауста», где вход в хранилище был загорожен), и обнаружила, что этих изданий там нет. В это время в Отделе работал читатель, которому хранительница инкунабулов Л. А. Колга позволяла проходить в «Кабинет Фауста» и рассматривать книги. Это был А. Мамонтов, сотрудник КГБ (или «бывший» сотрудник, но в этом ведомстве «бывших» не бывает).

Пришлось устроить собрание сотрудников Отдела. Л. А. Колга странным образом оказалась в стороне и в полном полумраке. Найти книги не удалось, хотя мы проверили весь фонд XVI в. Не помню, то ли я воспретил Мамонтову работать в Отделе редких книг, то ли он сам исчез. Через несколько месяцев он вдруг снова пришел в Отдел редких книг и попросил просмотреть какой-то лечебник XV в. на предмет его переиздания. Я объяснил, что с такими вопросами ему следует обратиться в дирекцию (где он, впрочем, не появлялся). Внезапно он сказал: «А что тут нового произошло у вас в Отделе?». Я не стал ему ничего объяснять, и более он к нам не приходил. Я представил в дирекцию Публичной библиотеки свои соображения о причастности Мамонтова к пропаже часовников, но никаких мер предпринято не было, возможно, из-за отсутствия у меня очевидных доказательств. Когда я увольнялся из библиотеки директор В. Н. Зайцев сказал мне, что его беспокоит отсутствие часовников; я смог ответить ему, что меня это тоже чрезвычайно тревожит. Уже находясь в Бостоне, я узнал, что Мамонтов был арестован после того, как пытался продать на аукционе листы из знаменитой книги Дж. Дж. Одюбона с изображением птиц Северной Америки.

В 1988 г. Л. А. Шилов предложил мне стать заведующим Отделом редких книг и книговедения. В это время моя дочь с детьми и мужем собиралась уехать из СССР в США. Я не сразу согласился, но он настаивал. Полагаю, что мои обстоятельства были ему известны. В конце концов я принял это предложение и работал там до весны 1993 г.

* * *

В 1986 году наши друзья Ремо Факкани и его жена Манила решили пригласить нас в Италию — им казалось, что в связи с начавшейся «перестройкой» наша поездка будет возможной. Я совершенно не помню, какие инстанции мы должны были пройти в связи с оформлением документов. Во всяком случае это не оставило в памяти никаких следов, все прошло быстрее и проще. Документы мы подали в ОВИР весной.

В конце лета меня пригласил к себе представитель КГБ в Публичной библиотеке. Я зашел в его кабинет, он поздоровался и тут же удалился, оставив меня наедине с молодым человеком, который объяснил мне, что он служит в этой же конторе и пребывает в помещении Куйбышевского райкома КПСС (т. е. во дворце князей Белосельских-Белозерских, построенном по проекту архитектора А. И. Штакеншнейдера, на углу Фонтанки и Невского).

Зная, что я собираюсь поехать в Италию, он предложил мне быть шпионом: я должен был встречаться с эмигрантами, изучить библиотеки (он объяснил мне, что я мог бы рассказать, нельзя ли в их картотеках оставлять какие-то записки для тех, кто будет там «работать»). Его интересовали и военные суда Италии и США, находящиеся в окружающих морях. Не ожидая моего ответа, он написал мне свой телефонный номер и попросил позвонить ему через несколько дней, разумеется, с условием, что наш разговор я сохранию в тайне.

В этот же день — не помню, звонил ли я Н. И. Николаеву, или мы заранее договорились о встрече у служебного входа в библиотеку. Мы обычно проходили по Невскому до станции метро. Естественно, я рассказал ему об этом разговоре. Николай Иванович осторожно заметил, что на моем месте он бы отказался от всякого сотрудничества, даже если это поставит под вопрос нашу поездку в Италию. Таково было и мое решение.

Разумеется, я и не думал звонить своему собеседнику. Через месяц он снова оказался в Публичной библиотеке и вызвал меня. Я протянул ему бумажку с номером его телефона (оговорив, что никому её не показывал, что было правдой — кому она была нужна?) и объяснил, что каждый должен заниматься своим делом, а в Италию я еду для встречи с друзьями и для ра-

боты в музеях и в библиотеках. Почему-то именно этот жест — протянутый ему номер телефона — его особенно раздосадовал.

19 сентября в Отделе редких книг раздался звонок. Мне сообщила сотрудница ОВИР'а, что мне отказано в поездке в Италию. Я попытался о чем-то спросить, но она отрезала: «Мы не даем никаких объяснений». Это было ровно через 6 месяцев после подачи наших документов. Ремо Факкани неоднократно звонил нам домой, они со дня на день ждали нашего приезда. После работы я сразу же пошел на международный телеграф в начале Невского проспекта. Кто-то из моих сослуживцев уговаривал меня, чтобы я объяснил наш отказ «благовидными» причинами. Меня это рассмешило: полгода мы собирались приехать в Италию и вдруг раздумали (то ли из-за болезни, то ли по каким-то другим выдуманым обстоятельствам). Я послал Ремо Факкани краткую телеграмму: «В поездке отказано».

Кто именно воспрепятствовал нашему путешествию в Италию, я узнал много позже, в США. Уехавший из СССР генерал КГБ О. Д. Калугин (передавший американцам, вероятно, немало сведений о советских разведчиках в Америке) в очерке, напечатанном в русской газете в Бостоне, рассказывал, что когда он служил в Ленинграде, именно от него зависело решение о поездках за границу советских граждан. Возможно, ему показались неуместными мои рассказы о нашем путешествии во Францию в 1979 г., или причиной был донос его подчиненного.

В 1988 г. на Пулковском аэродроме мы провожали семью нашей дочери Марии Райкиной, уезжавшей в США. В это время мы в очередной раз подали документы на поездку к нашим друзьям в Италию, но результата еще не знали, и прощались — навсегда. Между тем через несколько недель мы получили разрешение на поездку. В этот раз для нас не требовались никакие «характеристики» с места работы, никакие инстанции, кроме ОВИР'а, нами не занимались. И все равно этот результат оказался для нас неожиданным. Были какие-то сложности с билетами, но в конце концов мы поехали в Италию, и наш поезд остановился на станции Местре, недалеко от Венеции.

Мы выбрались из вагона с двумя небольшими чемоданами. Была ночь, никто нас не встретил. Вокзальные помещения были закрыты. Оставив жену с багажом (погода была вполне летняя), я пошел искать кого-то из администрации. Помогло мне, пусть и недостаточное, но все же знание итальянского языка. Я сумел договориться со служащими, дал им телефон Ремо Факкани, и они объяснили ему, что мы ждем его. Довольно скоро Ремо прибыл в Местре; оказалось, он звонил на станцию, и они его твердо уверяли, что наш поезд прибует утром.

Не обошлось без приключений — при каком-то повороте машина врезалась в тумбу, Роза, не застегнувшая ремень безопасности, сильно ударилась. Пришлось будить содержателя автостоянки: машина нуждалась в срочном ремонте. На это ушло немало времени, пока мы не добрались до Тревизо и оказались в квартире Факкани на улице братьев Кайроли.

Первая наша задача была — повидаться с Машей и детьми. Ремо сумел созвониться с гостиницей в Риме неподалеку от вокзала Термини, и мы, обосновавшись на новом месте, отправились в Ладисполь, где в маленькой комнате разместились Маша с мужем и детьми. Так, к счастью, наша разлука оказалась недолгой. Мы много гуляли по Ладисполю, Роза за руку со старшим, Женей (ему было 6 лет), а младшего, Леню, 2-х лет, Маша носила в рюкзаке за спиной. По очереди они с мужем Максимом путешествовали по Италии, а пока что Максим должен был получить разрешение отправиться в США, где у него жила двоюродная тетка. Мы договорились, что на несколько дней возьмем с собой Женю, он будет жить у нас в гостинице.

Неподалеку от нас находился парк Виллы Боргезе. Прогулка была бы одним из самых замечательных удовольствий, если бы не разбросанные на траве использованные шприцы, от которых приходилось оберегать внука.

Порадовали нас парковая архитектура XVII–XIX вв. и музеи с их коллекциями итальянской скульптуры от Бернини до Кановы, собрания произведений античности и итальянской живописи. Поблизости от вокзала Термини находились термы Диоклетиана. Мы много бродили с Женей по Замку Св. Ангела, побывали в Соборе Св. Петра, где увидели восстановленную после покушения «Пьету» Микеланджело, заключенную в пуленепробиваемый стеклянный куб. Женя сфотографировался на ступеньках перед швейцарским гвардейцем Ватикана.

Когда в Рим приехали Маша с Максимом и Ленею, мы посетили Форум, Ротонду и римские соборы, поклонились могилам великих итальянцев, увидели Моисея работы Микеланджело — гробницу папы Юлия II в San Pietro in Vincoli. Когда подошли к Колизею, у меня сильно заболело сердце.

Мы провожали Машу с Максимом и с детьми на вокзале Термини, шли за вагоном. Так наступило наше новое прощание — уже в Италии. Потом Маша несколько раз звонила нам из Ладисполя — в Рим и в Тревизо.

Когда мы вышли из вокзала Термини, нас окружила группа цыганят, они что-то просили, что-то вроде бы продавали — чуть ли не старые газеты; мы еле оторвались от них. И тут нас поманили полицейские; я решил, что надо предъявить документы, но выяснилось, что они хотели узнать, не украли ли эти ребята что-нибудь у нас: другой полицейский тем временем держал их. Я проверил: все деньги и документы были на месте, и их отпустили.

Оставшееся время мы посвятили музеям. Посетили выставку в Палаццо Венеция, я знал это место как резиденцию Муссолини. Неподалеку был памятник Воссоединению Италии, поразивший пышностью и безвкусицей. Мы поднялись по множеству лестничных маршей на вершину собора Св. Петра, откуда открывался вид на город. Главное — было попасть в музеи Ватикана. Помню, что нам пришлось довольно долго стоять в большой очереди.

И вот мы в Станцах Ватикана. Первой и главной для меня была Stanza della Segnatura — Палата подписей (или Палата печатей). Я писал об этих фресках Рафаэля (Николаев, 84, 112, 131), но знал о них лишь по литературе и по репродукциям, часто черно-белым или даже цветным, но никак не передающим подлинного колорита, не говоря уже о размерах, что было чрезвычайно важным для понимания живописи. Мне трудно было уйти, а впереди нас ждали не менее важные открытия: другие фрески Рафаэля, лоджии Рафаэля, знакомые мне только по копии в Эрмитаже.

Сикстинская капелла... «Страшный Суд» и остальные росписи Микеланджело на плафоне (не говоря о работах других художников Итальянского Возрождения). Об одном эпизоде «Страшного Суда» мне довелось писать (Николаев, 110), но никакие, даже очень серьезные рассказы и сообщения специалистов не могут передать грандиозность общего впечатления. В детстве я читал книгу А. К. Дживилегова о Микеланджело (в серии «Жизнь замечательных людей»)¹⁷; видел в ней изображения Сивилл, рисунки к «Страшному Суду». Потом я многое находил в альбомах, а тут мне открылось удивительное зрелище в его подлинном виде. Увидели и «Преображение» Рафаэля, о гравюре с него художника Федора Ивановича Иордана писал Н. В. Гоголь в книге «Выбранные места из переписки с друзьями».

Нас ждал «Лаокоон» в античном отделе — до этого я видел только его копию у входа на Иорданскую лестницу Эрмитажа. Я не могу не вспомнить, как в одно из посещений музея зимой 1940–1941 г. я услышал голос молодого солдата (их привели на экскурсию); увидев открывшийся перед ним плафон Иорданской лестницы, он произнес (по-украински): «И это только

¹⁷ Дживилегов А. К. Микеланджело. М.: Молодая гвардия. 1938. К нашей поездке в Италию я знал об отношении к Итальянскому Возрождению о. Павла (Флоренского) и о. Сергия (Булгакова), а недавно в воспоминаниях Ю. С. Динабурга я прочитал о его встрече в Дубровлаге с евразийцем П. Н. Савицким; тот в ответ на проникнутый восхищением вопрос: «Вы были в Риме? Вы видели Сикстинскую капеллу?», сказал: «Я видел это вопиющее безобразие, эту бесстыжую порнографию, этот труп великой средневековой культуры!». Воспоминания Ю. С. Динабурга известны мне по его сайту в Интернете.

начало!»). На первом пролете лестницы заменили статую Венеры скульптурой И. В. Сталина; он был изображен по пояс, как бы выступая с трибуны, и со всех сторон был окутан алым полотнищем.

Когда в Риме мы подошли к лестнице, ведущей на Капитолийский холм, к статуе Марка Аврелия, мы увидели странное зрелище: вся лестница а была занята множеством пар, одетых в подвенечные наряды. Сперва мы не могли ничего понять, пока кто-то не объяснил, что снимается телевизионная программа, посвященная брачным церемониям. До статуи Марка Аврелия (как помнится, ее копии, так как подлинная находилась на реставрации) мы добрались в другой раз.

Из Рима мы отправились во Флоренцию. Ремо Факкани заранее договорился о ночлеге для нас, это была небольшая и довольно дешевая гостиница (albergo) или постоялый двор, находившаяся в самом центре города, называлась она «Canada». От нее было рукой подать до площади Сан Лоренцо, где находился вход в Капеллу Медичи со статуями Утра, Дня, Вечера и Ночи.

Стихотворение Микеланджело, написанное от имени Ночи, не раз переводилось на русский язык, но лучшим остается переложение Ф. И. Тютчева: «Молчи, прошу, не смей меня будить. / О, в этот век преступный и постыдный / Не жить, не чувствовать — удел завидный... / Отраднo спать, отрадней камнем быть».

А рядом был вход в знаменитую «Лауренциану» — в собрание рукописей, созданное Никколо Никколи и освященное именем Лоренцо Медичи. Я поднялся по созданной Микеланджело лестнице и побывал в читальном зале, где на пюпитрах лежали бесценные манускрипты.

На площади стоял непробиваемый запах кожи из-за постоянной ярмарки кожаных изделий; от друзей, побывавших во Флоренции 20 лет спустя, я узнал, что этот горячий запах разогретой солнцем кожи остается и поныне.

Площадь Сан Лоренцо украшал памятник кондотьеру Джованни Медичи делле Банде Нере. Он был праправнуком одного из ранних Медичи, Лоренцо, брата Козимо Старшего, и отцом Великого князя Тосканского Козимо I. Его прозвище было связано с тем, что на знамени он добавил к своему гербу черные ленты после кончины своего покровителя папы Льва X (сына Лоренцо Медичи Великолепного). Джованни делле Банде Нере был единственным кондотьером из рода Медичи и последним в Италии XVI века. Помимо своих побед над многочисленными противниками, он стал известен и необычайным мужеством: после тяжелого ранения врач, решившийся удалить ногу, приказал солдатам держать его во время операции, но он отказался от их помощи и держал в руке свечу, наблюдая за действиями врача (ампутация не помогла; через несколько дней он скончался).

Козимо I поручил скульптору Баччо Бандинелли в 1540 г. создать памятник своему отцу. Сперва его поставили в личных апартаментах князя, а предназначенный для него пьедестал был водружен на площади Сан Лоренцо. Флорентийцы назвали его презрительным словом «*la balia*», означавшее «властолюбие, произвол». После же водворения самого памятника в 1850 г., Флоренция не замедлила откликнуться *пасквинатой*: «Наш синьор Джованни делле Банде Нере / Так устал и утомился от долгих скачек на коне / Что отбросил седло и решил посидеть» (Баччо Бандинелли изобразил своего героя сидящим с булавой кондотьера в руке).

Мне кажется, что это отношение флорентийцев к памятнику повлияло на легенду (может быть, им самим и придуманную) в едва ли не последней книге Курцио Малапарте, в XII главе его «Проклятых тосканцев» («*Maledetti toscani*»). Среди всех памятников Флоренции, пишет он, есть один, «который более всего заслужил бы затрещин». Малапарте подробно описывает презрительный взгляд Джованни делле Банде Нере на копошащуюся перед ним толпу, а жезл кондотьера именуется то палкой, то дубиной, которую тот если и не использует до поры до времени, то лишь потому, что пока не представился случай. А толпа молодежи в свою очередь смотрит на памятник и готова оскорбить эту властную фигуру, прибегая к «понятиям сверх-флорентийским» («*quei termini fiorentinissimi*»), таким, как «закатить», «поколотить», «отдубасить», что «означает одно и то же, а именно вздуть за милую душу (“*che vogliono dir tutti la stessa cosa: ed e una santa cosa*”))».

И когда один из них взобрался на пьедестал, достигнув «шаров», украшающих герб рода Медичи, и нанес пощечину Джованни делле Банде Нере, звук которой раздался на всю площадь, сопровождаемый громом рукоплесканий, Джованни делле Банде Нере поднял свою дубину и ударил смельчака. Парень свалился в толпу. И тут уже два десятка молодых флорентийцев бросились штурмовать пьедестал и наносить удары по памятнику, а тот продолжал избивать своих обидчиков, «оставаясь сидеть, с достоинством, которое в других обстоятельствах заслуживало бы всяких похвал». Между тем тумачи, наносимые медичейской властью, продолжались: «Ибо никто не имеет права во Флоренции — а можно сказать и во всей Италии — глядеть на борьбу из безопасного окошка и не принимать участия в судьбе других людей, или, как говорят, не выступать под своим знаменем, когда народная свобода в опасности. И это был прекрасный пример нанесения затрещин власти, самый славный, который когда-либо видела Флоренция. И люди вели себя безупречно, и не только по отношению к живым, но и к мертвым,

в особенности когда они созданы из мрамора и поставлены на площади»¹⁸. Упоминание «своего знамени» напомнило мне песню, которую в наше время пели студенты Исторического факультета: «Bandiera rossa, bandiera rossa!».

Неподалеку от нашей гостиницы находился и Собор Санта Мария дель Фьоре, колокольня, возведенная по проекту Джотто, и знаменитый Баптистериум («Крещальня»), который во времена Данте был главным храмом города. Упоминание о нем в «Божественной комедии» («mio bel San Giovanni», *Inferno*, XIX, 17; в переводе М. Л. Лозинского: «в моем прекрасном Сан-Джованни») Анна Ахматова поставила эпиграфом к своему стихотворению о поэте-изгнаннике («Он и после смерти не вернулся / В старую Флоренцию свою»). Мы посмотрели сохранившийся во Флоренции дом Данте.

За пять дней во Флоренции мы много ходили по городу, посетили Академический музей и галерею Уффици, прошли по Старому мосту, с его лавками, на другой берег Арно, побывали в Палаццо Питти и в капелле с фресками Мазаччо.

Мы зашли в музей-больницу «Инноченти», когда-то бывшей приютом для подкинутых детей («невинных»).

Особым событием было посещение монастыря (теперь Музея) Св. Марка. Он весь был расписан фресками фра Беато Анджелико. Монастырь принадлежал ордену доминиканцев, но работы художника по красоте, простоте и наивности напоминали мне не орден ученых проповедников и инквизиторов, а скорее дух раннего францисканства, как и «Золотая легенда» Якова Ворагинского.

В музее была восстановлена келья мятежного брата Джироламо Савонаролы. Там были представлены его личные вещи, рукописи и книги, и хорошо мне известная по воспроизведениям картина, изображающая его казнь. Как и раньше по репродукциям, она меня поразила: площадь перед Синьорией почти пуста, какие-то люди проходят мимо и не замечают гибели пророка, собиравшего тысячи людей на свои проповеди. А куда делись «плакательщики», пламенные поклонники Савонаролы? То ли не хотели видеть его казнь, то ли опасались преследований?

Во Флоренции мы встретились с Ренцо Ристори, с которым были знакомы в Ленинграде, переписывались, посылали друг другу отски статьи и книги. Он работал в Институте Итальянского Возрождения, сопровождал нас в Палаццо Строцци и повез нас по окрестностям Флоренции — во Фьезоле, где родился фра Анджелико (о Фьезоле писал А. А. Блок: «Когда впервые взор

---

¹⁸ *Malaparte C. Maledetti toscani. (La prima edizione: 1958). Firenze: Valecchi Editore, 1970. P. 113–117.*

Беато / Флоренцию увидел с гор») и в место ссылки Галилея, городок Арчетри, где ученый продолжал работать. И если знаменитая фраза («А все-таки она вертится!») относится к числу легенд, то несомненными являются издания Галилеем своих книг в Голландии — как диалога о коперниканстве, так и нового трактата о механике. Лишь в 1992 г. папа Иоанн Павел II снял церковное проклятие с Галилея, нависавшее над его именем более трех с половиной столетий; возможно, на это решение повлияло и выступление историка философии Бруно Нарди¹⁹.

Однажды Ремо Факкани позвонил нам в гостиницу и сообщил, что в издательстве «Laterza» будет выступать крупнейший историк Итальянского Возрождения Эудженио Гарен. Я много лет переписывался с ним, он присылал мне новые книги и оттиски статей. Правда, хозяин гостиницы странным образом обозначил название издательства как «La terza» (третий класс школы или третий класс в железнодорожном вагоне). В назначенный час мы оказались в издательстве. Э. Гарен представлял книгу. После его выступления я подошел к нему и представился. Свою новую работу он подарил мне, теперь она находится в Публичной библиотеке.

Вернувшись в Тревизо, мы много бродили по городу. Главным впечатлением оказался капитул доминиканского монастыря, с фресками Томазо де Модена и собор Св. Николая. Об этом я уже писал, в связи с работой над первой главой монографии «Гуманизм и раннее книгопечатание». У места, упомянутого Данте («А там, где в Силе впал Каньян» («e dove Sile e Cagnan s'accompagna», *Paradiso IX*, 49 — в оригинале точнее сказано о совпадении, слиянии этих двух рек), тревизцы назвали мост именем поэта. Мы обошли многие средневековые и ренессансные памятники, посетили лавку букиниста (хотя, к сожалению, ничего у него не приобрели). Зато в книжном магазине местной епархии («*Libreria S. Paolo*») я купил итальянскую «Иерусалимскую Библию» и греко-латинский Новый Завет²⁰.

В церкви Св. Франциска, возведенной около 1270 г., мы увидели «Мадонну» Томазо да Модена и другие работы итальянских художников XIV в.; почтили могилу Пьетро, сына Данте Алигьери, создателя одного из первых

¹⁹ *Nardi B.* Riflessioni sui processi di Galileo in occasione del IV centenario della sua nascita // *De homine*. N 13–14, giugno 1965. P. 111–142; *Горфункель А. Х.* 399 монографий Бруно Нарди // *Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории*. Вып. 17. М.: КомКнига, 2006. С. 196–197.

²⁰ *La Bibbia di Gerusalemme*. Bologna: Edizioni Dehoniane, 1986; *Novum Testamentum Graece et Latine* / Curante G. Nollis. Citta del Vaticano: Libreria Editrice Vaticana, 1981.

комментариев к «Комедии»; он умер в Тревизо в 1364 г. Там же находилась могила Франчески (дочери Франческо Петрарки), скончавшейся в 1384 г. Посетили мы и Арква, место последних лет Франческо Петрарки, были в его доме-музее и у могилы поэта.

О нашей поездке в Монтерале, родине мельника Доменико Сканделлы по прозвищу Меноккьо, я уже писал. За этим последовала поездка в Равенну, где мы обошли все храмы, посетили гробницу Теодориха и поклонились могиле Данте; как писал Н. А. Заболоцкий в одном из последних своих стихотворений: «Я пожелал покоиться в Равенне, / Но и Равенна мне не помогла».

В Падуе мы надолго задержались в Капелле Арена, расписанной Джотто. Потом бродили по городу, открыли для себя здания Падуанского университета, сыгравшего едва ли не главную роль в научной и философской жизни Италии XIV–XVI вв. Мне пришлось заниматься историей падуанского аверроизма от времен борьбы за «двойкую» истину и вплоть до его крушения в трудах Чезаре Кремонини, который, по преданию, отказался смотреть в телескоп Галилея во имя верности аристотелевской картине мира.

Ремо и Манила представили нам виллы (палаццо, дворцы) Андреа Палладио; я невольно вспомнил изданные в 1930-х годах переводы книг об архитектуре Леона Баттисты Альберти и А. Палладио, ознаменовавшие переход к строительству в СССР зданий в духе «классических» образцов, взамен поверженного конструктивизма.

Наши друзья дали нам возможность посетить небольшие города, где мы познакомились с творчеством художников Возрождения. Среди них был и храм, где мы смогли увидеть произведения Чима да Конельяно (в Эрмитаже я запомнил только одну его работу; две другие, как помнится, не выставлялись).

В Венеции мы провели пять дней. От вокзала отправлялись на «vaporetto» (речной трамвай) до площади Св. Марка. Город заполнен туристами, ради которых в улочках Венеции располагались лавки с сувенирами. Гондолы мы только видели, но воспользоваться ими так и не решились, нашей туристской валюты на это бы не хватило.

Побывали мы в Соборе Св. Марка и в Дворце дождей, у моста «Вздохов» («Ponte dei Sospiri»), откуда сбрасывали в канал приговоренных к смерти узников. Я посмотрел венецианскую тюрьму, о которой знал из воспоминаний Джакомо Казановы и других заключенных, которым удалось из нее бежать. Венеция открывалась и в своем величии, и в своей суровости.

В архив и в библиотеку (в зданиях Прокураций) у меня не хватило духу зайти (хотя некоторые сведения из архива мне пересылал Ренцо Ристори);

для работы там потребовалось бы слишком много времени. А по мостам и по улочкам Венеции мы побродили всласть.

В храме St. Maria Gloriosa dei Frari мы увидели картину «Вознесение Девы Марии» Тициана.

Одним из самых поразительных венецианских открытий был плафон Доменико Тинторетто «Распятие» в Школе Сан Рокко. Венеция сама привела нас к церкви San Giovanni e Paolo, к небольшой площади, где стоит памятник кондотьеру Коллеони работы Андреа Вероккьо. Я не знаю более значительного конного памятника, кроме нашего «Медного Всадника» и Александра III Паоло Трубецкого. Вероятно, Коллеони был вполне достойным полководцем, и у венецианцев имелись основания удостоить его этой чести, но кто бы вспомнил наемника-кондотьера, если бы не работа великого скульптора.

Однажды мы заблудились и вышли к непосещаемой туристами Венеции. Там не было ни музеев, ни дворцов, ни сувенирных лавок. Там просто жили люди. Между домами на веревках сушилось белье, как это часто бывает в итальянских пригородах.

Запомнилось посещение «Старого гетто» и «Нового гетто». Я не знаю, много ли уцелело евреев после немецкой оккупации Северной Италии. Какие-то прохожие нам встречались, показали синагогу.

В один из дней мы заметили на ступеньках около вокзала кинорежиссера Леонида Захаровича Трауберга, он оживленно беседовал с женщиной. Недавно закончился Венецианский кинофестиваль, куда Л. З. Трауберга, возможно, был приглашен, в связи ретроспективным показом фильмов «ФЭКС» («Фабрики экспериментального актера»). Лекции Л. З. Трауберга я слушал на первом или на втором курсе, он преподавал на кафедре истории искусств Исторического факультета до конца февраля 1949 г., когда был объявлен главой «кино-космополитов» и был уволен из ЛГУ.

По просьбе Розы Ремо отправился с нами на остров Мурано, славящийся стекольными мастерскими. Мы побывали в «Коллекции» (музее), где хранитель подарил моей жене прекрасную венецианскую вазочку. Но главным было посещение фабрики, где стеклодувы изготавливали на наших глазах великолепные изделия.

На кладбище острова Сан Микеле мы не попали, хотя там немало русских могил. Я решил бы посетить его после кончины Иосифа Бродского. В Бостоне мы отправились на последнее его выступление 16 апреля 1995 г. Наш старый, по Ленинграду и Бостону, приятель, скульптор Константин Симун поставил в 2005 г. первый в России памятник Иосифу Бродскому во дворе Филологического факультета Санкт-Петербургского университета и как бы

осуществил высказанное еще в юности намерение поэта («На Васильевский остров / Я приду умирать»).

* * *

Ровно 40 лет прошло с тех пор, как я написал в 1948 г. первую научную работу, посвященную итальянской истории, о восстании в Вольтерре в 1472 г. (Николаев, 1) — и наконец-то впервые оказался в Италии, смог хоть как-то познакомиться со страной, изучению которой отдал многие годы жизни. Надеюсь, читатель поймет, с каким душевным волнением я увидел Рим, где на Поле Цветов находится памятник Джордано Бруно (на «месте, где пылал костер»). Как важно было увидеть Флоренцию, Падую, Болонью, Венецию и другие близкие моему сердцу города и поселки, где проходила жизнь и деятельность Данте и Петрарки, Фичино и Пико делла Мирандола, Савонаролы и Помпонацци, Бруно и Меноккьо, Кампанеллы и Галилея.

Об одном могу с горечью пожалеть, что ни в первой, ни во второй (и последней) поездке в Италию (в 1992 г.) я не смог отправиться на юг страны, попасть в места, связанные с жизнью Джордано Бруно, Томмазо Кампанеллы, Бернардино Телезио; я не увидел ни Неаполь, ни Нолу, ни Стило, ни Козенцу, и представляю их разве что по фильмам итальянского неореализма.

* * *

Во вторую поездку в Италию в 1992 г. меня пригласил Карло Гинзбург; он предложил мне выступить с докладом в Болонском университете. В это же время пришло сообщение из американского посольства: нам следовало зимой 1993 г. явиться туда для собеседования. Наше пребывание в Италии ограничилось одним месяцем.

В Итальянском консульстве в Петербурге девочки обрадовались, что я заговорил с ними по-итальянски и быстро подготовили документы. Вот только они не заметили, да и я тоже, что дату нашего прибытия в страну они отнесли на более поздний срок.

Выяснилось это в московском аэропорту, где молодой пограничник заметил эту ошибку и заявил, что он не может нас выпустить из страны. Мы были в полном отчаянии, визит в Итальянское посольство потребовал бы остановки в Москве. Но он сам, помурывив нас несколько минут, спросил: «Деньги у вас есть?», и потребовал по 1000 рублей за паспорт. Мы тут же заплатили и отправились в зал ожидания. В Милане на эту ошибку никто не обратил внимания.

Но из-за забастовки почтовых работников в миланском аэропорту мы прилетели с большим опозданием, наш самолет в Венецию давно улетел. Пришлось срочно менять деньги на телефонные жетоны, звонить Ремо и отправляться на железнодорожный вокзал. Так что в Милане мы даже не смогли бросить взгляд на Миланский собор. Поехали в ночном поезде, в битком набитом вагоне, с пересадками, но в конце концов оказались в Тревизо, где нас встретил Ремо.

Наша вторая поездка была омрачена тяжелой болезнью отца Манилы, синьора Бруно; вскоре он скончался. Несмотря на домашние обстоятельства, Ремо постоянно занимался нашими делами. Он вел переговоры с университетами, обеспечивал мои выступления не только у себя в Удине, но и в Пизе, в Падуе и Триесте. Кроме того, он взял на себя труд договориться о гостинице во Флоренции. Все это делалось как бы легко, у меня за спиной, я только получал от него сведения о результатах.

А пока что, после короткого отдыха в Тревизо, нам следовало отправиться в Мелларедо, в дом родителей Манилы. Синьора Ноэми и Манила были заняты уходом за больным, но встретили нас любезно и устроили в гостиной. Мы подарили Маниле сделанную моей женой шпалеру «Св. Георгий» и натюрморт моей сестры, художника Элины Горфункель. В Мелларедо нас познакомили с родственниками Манилы, ее сестрой и племянниками; один из них, Диего, был строителем, он спроектировал, в частности, и дом, в котором жили родители Манилы.

В один из вечеров, на кухне, мы посмотрели по телевизору фильм Ф. Трюффо «Последнее метро», где играли Жерар Депардьё и Катрин Денёв. Это был единственный случай, когда стоило смотреть телевизор; в основном там показывали всякую муть...

Из Мелларедо мы несколько раз выбирались в окрестности. В городке Пьянига, в церкви Св. Мартина-епископа, увидели «Мадонну с младенцем» Джамбеллини (Джованни Беллини). Стены храма — старые, XIII в., но весь интерьер — обновленный, возрожденческий. В храм приходили мальчики, становились на колени. Возвращались в Мелларедо в темноте.

В воскресенье, 22 ноября, состоялась служба в церкви Сан-Джованни, на дороге Тревизо — Падуя. Церковь новая. Было не менее 80 прихожан, настроенных серьезно и сосредоточенно, много детей. В конце службы пели монахини. Католическая церковь позволяет людям сидеть во время службы, за исключением тех необходимых обстоятельств, когда все встают (но и тут возможны исключения для больных и стариков). Прихожане получают листки с текстом службы на этот день.

Немалое время мы провели в Тревизо; снова знакомимся с городом, не могли не побывать в капитуле доминиканского монастыря, где обратились к фрескам Томазо да Модена. Моя статья о них вышла вскоре после нашей поездки, я прислал ее копии Ремо Факкани, для него, для монастыря и библиотеки (Фролова, 32).

Были мы и на службе в соборе Св. Николая; это один из самых больших доминиканских соборов в Италии. На этот раз нас привлекло изображение Св. Христофора — во всю стену храма; он в красной мантии, под его ногами в воде плещутся рыбы. Когда Ремо объяснил хранителю, что мы из России, тот включил дополнительное освещение, весь храм преобразился и открыл все богатство своей архитектуры и росписей. И в Тревизо, и в других городах Италии нас поразило каменное искусство романских и готических храмов.

6 декабря в соборе Св. Николая состоялась служба в день поминовения святого. Огромный храм был полон народу. Мы оказались поблизости от алтаря, слушали игру органа и пение хора. Я вспоминал всех своих знакомых Николаев и Николаевых детей, хотя и знал, что по юлианскому календарю православная церковь в России отмечает этот день 19 декабря.

Когда зашли в библиотеку, где я собирался выступить с небольшим сообщением, выяснилось, что наш знакомый Стено там уже не работает: он перешел в архив. Мы отправились к нему, и я увидел огромные полки, заставленные коробками, включающими всю многовековую историю Тревизо. Учитывая мой архивный опыт, я мог понять, как славно было бы там поработать, если бы я находился в Тревизо не два-три дня, а приезжал в Италию для основательных исследований.

Посетив старую (не действующую) церковь, где находились реставрационные мастерские, мы познакомились с недавно возрожденными к жизни фресками Томазо да Модена из цикла Св. Урсулы. Здесь же представлены фотографии реставратора, который восстанавливал живопись, и его бронзовый бюст.

Проходя мимо старой Тревизской лоджии, мы увидели букиниста, он сразу же нас узнал, вспомнил нашу встречу в 1988 г.

Из Мелларедо легко было добраться до Падуи (на автобусе это всего 20 минут). Мы снова чуть ли не полный день провели в Капелле дель Арена, у фресок Джотто. Рядом, в соседней церкви Эремитани, в которую в прошлый раз нам не удалось зайти, мы осмотрели фрагменты росписей Мантеньи в капелле Оветари.

После этого рассматривали дворы и здания Падуанского университета. Искали церковь Св. Антония (Падуанского), которого падуанцы называют

просто *Santo*, а вместо этого набрали на монастырь Св. Юстины, библиотеку которого я изучал. Это огромный комплекс средневековых зданий.

Трудно было понять, почему этот ансамбль никак не включают в число достопримечательностей, с которыми обязательно должны были бы познакомиться посетители города.

Созданный Донателло памятник кондотьеру Гаттамелате показался мне не столь значительным, как статуя Коллеони, но и в нем чувствуется спокойная и уверенная сила.

Важным был и визит в Верону. От вокзала дорога идет по *Corso*, главной улице города. На ней много народу, главным образом молодежи.

В Вероне запомнился античный амфитеатр, превосходно отреставрированный. Мы обошли полный круг, с высоты отлично смотрится город. От арены отправились к «Castelvecchio», Старому Замку. Это одна из немногих так хорошо сохранившихся итальянских крепостей. Она окружена рвом (теперь — без воды), с квадратными башнями и внутренним двором. На берегу реки — римская триумфальная арка, с фрагментами базальтовой мостовой; «Ворота Витрувия» перекинуты через улицу.

Среди важнейших достопримечательностей Вероны — надгробия ее правителей Скалигеров. Это конные памятники небольших размеров на высоких постаментах, образцы чистейшей готики.

На «Piazza dell'Erbe» расположен небольшой рынок фруктов, овощей и цветов, со всех сторон окруженный средневековыми домами.

Пройдя мимо «Дома Ромео», мы оказались у «Дома Джульетты». Это небольшой дворик со скульптурой, около которой фотографируются туристы, обнимая статую. Во двор выходит небольшой балкон. Дом — типичная готическая постройка в пять этажей, с большим количеством помещений.

Все это выглядит весьма скромно, особенно если сравнивать с великолепными залами, балконом и пейзажами в фильме Франко Дзефирелли (впрочем, у кино своя эстетика).

Мы плутали в поисках гробницы Джульетты; по дороге зашли в церковь Св. Николая. Там репетировал органист, некоторое время послушали его, посидели в полумраке. Потом шли по залам с фрагментами фресок; наконец, добрались и до гробницы. Около нее лежит множество записок, адресованных шекспировской героине, вернее — ее прообразу в итальянской новеллистике XVI в. Так Верона живет (и во многом процветает) памятью о влюбленных.

Путь на вокзал оказался довольно длинным; из Падуи — на автобусе до Мелларедо. Очень быстро стемнело. С трудом дошли до дома родителей

Манилы. От одного фонаря еле виден следующий, нам казалось, что мы заблудились, пока, наконец, выбрались из окружающего со всех сторон тумана.

29 ноября, в воскресенье, отправились в Венецию, на этот раз лишь на один день. Как обычно, на речном трамвае по Большому Каналу добрались до площади Св. Марка, где увидели на столбе статую льва Св. Марка с книгой (в прошлый наш приезд колонна была пустой: лев был на реставрации). Кампанила была закрыта: обозреть было нечего, стоял сплошной туман.

В соборе с близкого расстояния изучали византийские мозаики, присутствовали на богослужении. Поднялись на галерею, чтобы посмотреть бронзовых коней, привезенных в Венецию после крестового похода 1204 года. Со стороны венецианцев это был откровенный грабеж, но как знать, останься кони в Константинополе, не постигла бы их участь статуй Будды в Афганистане?

Мы снова побывали на площади San Giovanni e Paolo и долго и внимательно, с разных точек зрения, рассматривали памятник Коллеони, но когда добрались до Академии, выяснилось, что по случаю выходного дня она уже закрыта и повидать Карпаччо на сей раз не удалось. В церкви Св. Стефана мессу служили утром. Только в барочном храме Dei Scalzi («босьяки», «босоногие»), принадлежавшем францисканцам, нам довелось побывать.

В Ферраре отлично сохранился замок д'Эсте, династии, господствовавшей там на протяжении столетий. Во дворе палаццо был устроен рынок антикваров и старьевщиков; там продавали мебель, гравюры, монеты, марки, посуду: огромное количество мелких лавок. Угнетающее впечатление произвели тюремные камеры — каменные мешки. В экспозиции сообщалось о томившихся в заключении знаменитых узниках. Как часто бывает, покровители искусств были одновременно и жестокими притеснителями своих политических врагов и нарушителей заведенного ими «порядка». Рядом помещена выставка археологических находок из мусорных ям на территории крепости, от Средних веков до XVI в.

По дороге из Пизы в Болонью нам удалось на несколько дней (11–14 декабря) остановиться во Флоренции. Наше пристанище («soggiorno») обеспечил Ремо с помощью лингвистики Франчески Джусты Фичи. Оно находилось в центре города, на ул. Св. Евгении. Побросав вещи, решили посмотреть ночную Флоренцию: собор, «Borgo Lorenzo», нашли «albergo» (постоялый двор) «Canada» — все было хорошо знакомо, но так важно было ощутить, что мы снова во Флоренции.

В следующие дни мы еще раз пошли в Капеллу Бранкаччи, пройдя по Старому мосту. Более основательно осматривали Баптистерий. 13 декабря — «День музеев»: с утра и до 1 часа дня вход бесплатный.

В Барджелло (в прошлый раз мы туда не попали) были представлены скульптуры Итальянского Возрождения: «Давид» Донателло, «Давид» Вероккьо, работы Челлини, «Брут» Микеланджело (впрочем, «Брут» был показан на одной из выставок в Эрмитаже). Я вспомнил, что открытие «Давида» Донателло в XV в. превратилось в общегородской праздник. Прошли по залам Уффици, рассказывать о том, что мы там увидели, было бы бессмысленно.

В «Доме Микеланджело» («Casa Buonarroti») — в первый свой приезд мы не успели туда пойти — были представлены ранние рельефы Микеланджело («Мадонна у лестницы», «Битва кентавров»), портреты членов его семьи и росписи на плафоне. В храме Santa Croce — гробницы Леонардо Бруни, Лоренцо Гиберти, Н. Макиавелли, Микеланджело, Галилея.

На два вечера нас пригласила к себе Франческа Джусти Фичи; во второй раз состоялась неожиданная встреча с Марчелло Гардзанити, нашим давним знакомым по Ленинграду. Он занимался в Институте истории; мы встретились с ним в библиотеках. В 1992 г. он заведовал кафедрой славистики во Флорентийском университете.

Однажды за нами заехал Ренцо Ристори со своей женой синьорой Ньеттой. Вечер мы провели в их гостеприимном доме; это была наша последняя встреча; Ренцо Ристори скончался вскоре после нашей поездки в Италию. Среди последних присланных мне его книг была переписка Микеланджело; при моем отъезде из России она была передана в Публичную библиотеку, как напоминание о дружбе исследователей Возрождения Санкт-Петербурга и Флоренции.

* * *

Все остальные дни были посвящены моим докладам и лекциям в университетах, в Удине, Падуе, Пизе, Болонье и Триесте. Я произносил их по-итальянски. Я не думаю, что эти выступления были безупречны: моя языковая практика была совершенно недостаточной и ограничивалась лишь несколькими неделями моего общения с Ремо Факкани в Ленинграде и в Тревизо. Но мои слушатели отнеслись ко мне достаточно снисходительно.

25 ноября Ремо повез нас в Удине и познакомил нас со своим сослуживцем, Джорджо Зиффером, специалистом по литературе Древней Руси. Он хорошо говорил по-русски, в Ленинграде он много занимался в Рукописном отделе Публичной библиотеки, был дружен с семьей Д. М. Буланина.

Моя первая лекция касалась состояния русских исследований о природе Возрождения, о трактовке Д. С. Лихачевым русского «предвозрождения»,

о моем отзыве на его книгу (в Бостоне я написал об этом статью и отправил ее в «ТОДРЛ»), о работах Л. М. Баткина и А. Ф. Лосева.

На следующий день я прочитал две лекции: о раннем русском книгопечатании и об «античной» библиотеке Московских государей. Джорджо Зиффер повел нас в дом с росписью XVI в. на фасаде и в одной из комнат. Хозяин кондитерской лавки и небольшого кафе обнаружил их при ремонте. Теперь он показывает фрески посетителям. Мы проходили по дому со старинной мебелью (хозяин еще и антиквар), он заставлен корзинами, перехваченными золотыми лентами: рождественские подарки. Гуляя по городу, мы зашли в какое-то учреждение, где тоже сохранились фрагменты фресок.

Ремо познакомил нас с работающим у них на факультете полонистом, Анджеем Литворня, у нас с ним завязался разговор о Белобоцком, он обещал прислать мне какие-то сведения о нем, опубликованные в Польше.

9 декабря мы еще раз поехали в Удине. Джорджо Зиффер показал нам город, площадь Свободы с лоджиями. Неподалеку — холм с металлическим диском, на котором обозначены горные вершины, но гор не видно — они скрыты туманом. Джорджо привел нас на площадь Сан Джакомо, окруженную домами XIV–XV вв. А в три часа мы отправились в Чивидале, в небольшой город неподалеку от Удине. Его окружает зелено-голубая река, прорывшая себе ложе в скалах. Главное событие — лонгобардская церковь со скульптурным фризом.

Следующий мой доклад состоялся в Падуе. Нас привез туда из Милларедо Данило Кавайон, заведующий славянским отделением в университете. Мы познакомились с ним в Ленинграде. В свое время он написал книгу о П. Я. Чаадаеве, биографию Н. С. Лескова, редактировал переводы и издал книги о нем (в Бостоне один из посетителей итальянского семинара в Гарварде с восторгом говорил о произведениях Н. С. Лескова, которые издавал и редактировал Д. Кавайон).

В Ленинграде я привел Д. Кавайона в квартиру моей сестры, и он купил несколько ее работ. Я было засомневался, как ему удастся вывезти эти работы, но он только рукой махнул, и я понял, что за несколько десятков долларов таможенники выпустили бы из России не только работы Элины Горфункель, так и не принятой в Союз художников, несмотря на поддержку Г. Егошина и З. Аршакуни, но, пожалуй, и «Мадонну Литту» Леонардо да Винчи.

До лекции Д. Кавайон провел нас по городу, показал памятник Галилею, открытый за день до нашего приезда. Здание Филологического факультета было украшено современной росписью. Мое выступление состоялось в большой аудитории. Пришло более 50 человек. Рассказывал я об изучении

культуры Итальянского Возрождения в современной России. После доклада разговор продолжался с преподавателями кафедры.

Затем Д. Кавайон отвез нас в свой дом. В гостиной были повешены работы моей сестры, портрет (приятельницы художника Марка Шагала) и два натюрморта, мы передали ему еще одну работу — подарок от моей сестры. К вечеру нас отвезли в Милларедо.

8 декабря мы отправились в Пизу — почти весь день провели в поезде, с тремя пересадками. Прибыли к вечеру, у прохожих узнали, как добраться до нашей гостиницы («Отель Виктория»). Получили ключи от нашего номера, он помещался на 3 этаже, окна выходят на Арно. Мы сразу же решили пройти по городу. Река бурная, бешеная, почти вырывается из берегов. Я вспомнил наводнение 1966 г. во Флоренции, я много об этом читал, а позднее кто-то из моих итальянских друзей прислал мне альбом фотографий. По дороге зашли в церковь: там происходило посвящение в сан. Народу было полно, новый священник перецеловал всех, пришедших его поздравить.

Первый раз мы побывали в этот вечер на Площади Чудес; ансамбль не был подсвечен и может быть именно поэтому он произвел особое впечатление. На обратном пути мы зашли в небольшую церковь близ нашей гостиницы, и здесь было много народу — а ведь день был не воскресный. На маленькой площади стоит памятник Фердинанду I Медичи, Великому герцогу Тосканскому (1587–1609).

С утра 9 декабря мы отправились на площадь Dei Cavalieri. Она замкнута, невелика. Scuola Normale Superiore, основанная по образцу аналогичного заведения в Париже, для подготовки высокого уровня специалистов, помещается в палаццо, построенном Вазари. Неподалеку церкви Св. Стефана, Св. Рокко, Св. Сикста и дом, стоящий на месте «Башни Уголино». Страшный рассказ о гибели Уголино, его детей и внуков от голода был донесен до нас в терцинах Данте (Ад, XXXIII).

«Площадь Чудес» открылась нам при дневном свете: Собор, Баптистерий, «Падающая» Башня (тогда еще не отреставрированная). На другом берегу Арно видна небольшая готическая церковь — на месте дома, где Св. Екатерина Сиенская получила стигматы (знаки ран Христовых). Средневековые и Возрождение окружают нас.

Две лекции - в Scuola Normale Superiore и в Пизанском университете -- были посвящены различным проблемам, связанным с русскими работами об Итальянском Возрождении. Речь шла о дискуссиях по поводу книг Л. М. Баткина, о научных конференциях, о средневековых традициях в философии Возрождения, о соотношении Возрождения и Реформации,

о русских переводах книг итальянских мыслителей (Фичино, Пико делла Мирандола, Помпонаци, Телезио, Патрици, Бруно, Кампанеллы), о книге А. Ф. Лосева «Эстетика Возрождения», о моих докладах и о приключениях статьи «К спорам о Возрождении».

Выступления вызвали интерес, мне задавали немало вопросов, да и после докладов происходило их обсуждение. Кто-то из присутствующих вспомнил работы А. Д. Люблинской о средневековой палеографии. Зашла речь и о переведенных на итальянский язык книгах Л. М. Баткина. Среди моих слушателей была переводчица его работы о Леонардо да Винчи Валентина Росси²¹.

Профессор Сальваторе Сеттис, проводивший одно из заседаний, подарил мне свою книгу о «Грозе» Джорджоне²². В 1999 г. мы встретились с С. Сеттисом на заседании итальянистов в Гарвардском университете; он к тому времени руководил Центром Гетти в Лос-Анжелесе, и я смог поговорить с ним об этой книге, в которой открываются новые пути и методы в изучении творчества художника.

Во время лекции в Пизанском университете я встретился со Стефано Гардзонио, крупнейшим итальянским специалистом по русской литературе; мы познакомились с ним в Ленинграде, когда он занимался в Пушкинском Доме и в библиотеках.

Все оставшееся у нас время в Пизе мы гуляли по городу. Провожатой у нас была Надя Подземская из Москвы, аспирантка в *Scuola Normale Superiore*. С ней мы посетили музей *Camposanto* (древнее кладбище), где увидели лишь фотографии знаменитых фресок (фрески находились в реставрации). На другом берегу Арно мы отметили храм («Богородица с терновым венцом») и несколько других церквей. В маленькой картинной галерее была показана выставка работ Джакомо Баллантино (тосканские пейзажи), рядом с ней — церковь, а около нее примостилось «порно-кино». Как было сказано в одной иронической советской песенке: «Свобода, ля, свобода ля, свобода...».

После короткой остановки во Флоренции мы отправились в Болонью. Около здания университета мы увидели Карло Гинзбурга, он быстрыми шагами приближался к нам. С ним мы прогуливались по городу, видели известные болонские башни (одна из них — «падающая», хотя и не так знаменита, как пизанская). Нас сопровождали два университетских профес-

---

²¹ *Batkin L.* Leonardo da Vinci. Bari: Laterza, 1988.

²² *Settis S.* La «Tempesta» interpretata: Giorgione, i committenti, il soggetto. Torino: Giulio Einaudi editore, 1982.

сора, один изучал труды Льва Николаевича Толстого как моралиста, второй в Санкт-Петербурге работал в Публичной библиотеке. Нам удалось попасть в Пинакотеку, посмотреть собрание художников болонской школы.

Моя лекция предназначалась для людей, изучающих историю религии. Пришли профессора и студенты, Марчелло Гардзанити привел туда и своих учеников из Флоренции. Я говорил об археографических экспедициях, о культурном наследии старообрядцев. Было немало вопросов, в том числе и об апокрифах, часто встречающихся в старообрядческих книжных собраниях.

В доме Карло Гинзбурга, на стене в гостиной я обнаружил свою большую фотографию с книжными находками, сделанную В. П. Бударагиным в Мезени во время экспедиции 1966 г. Я подарил ее Карло Гинзбургу во время посещения нашего дома в Петербурге.

На столе лежал новый номер газеты «L'Unita». Когда-то она была для меня главным источником информации о том, что происходит на Западе в области политики и культуры. Покупать её в Ленинграде можно было только в определенных газетных киосках, порой лишь в гостиницах. К тому же газета исчезала после Венгерской революции 1956 г. и Пражской весны 1968 г., а также в тех случаях, когда позиция Итальянской компартии решительно расходилась с политикой советского руководства (а таких периодов было немало). Впрочем, Итальянская компартия к 1992 г. сильно изменилась.

16 декабря поезд из Болоньи отправился в Триест, куда нас пригласил профессор Микеле Чилиберто. С его работами я был хорошо знаком, он их регулярно присылал мне. Гостиница располагалась в центре города. Мой доклад касался новых находок редких книг и рукописей. Собравшихся заинтересовал автограф Т. Кампанеллы в его «Монархии Мессии» (дополнение к тексту трактата). Я рассказал и о приобретении рукописи «Зороастра» Франческо Патрици, о дарственной надписи Агостино Дони на его книге о «Природе человека» (Базель, 1581), об автографах гуманистов в альбоме странствующего студента (среди них записи И. Штурма, Ч. С. Курионе и С. Кастеллиона). Но, пожалуй, самым любопытным было обнаруженное мною сообщение иезуита, профессора теологии Николая Серрария в его книге «Против заблуждений нового пелагианца хилиаста Франческо Пуччи», вышедшей в Вюрцбурге в 1593 г. Опровергая теорию всеобщего спасения Ф. Пуччи, автор книги упоминает, не называя по имени, некоего «итальянского вероотступника, который прибыл в Германию из Англии и Франции и утверждал [...], что животные одарены разумом и речью» Мне удалось показать, что это был Джордано Бруно. Я предъявил копию страницы из книги Н. Серрария, и проф. М. Чилиберто полностью согласился с этим отожд-

дествлением. Позднее, когда я жил в Бостоне, он помог мне опубликовать сообщение в одном из итальянских журналов (Фролова, 62).

Вечером мы посмотрели ночной Триест, а с утра отправились в Тревизо. Когда наш самолет из Венеции прилетел в Милан, выяснилось, что наши паспорта не были зарегистрированы в квестуре Тревизо. Я полагался на Ремо, а он, занятый домашними заботами и устройством моих выступлений в университетах, просто забыл об этом. Я не уверен, что этот проступок в России обошелся бы нам так легко: здесь же нам с укоризной заметили эту ошибку, но не заставили возвращаться в Тревизо. 20 декабря мы вернулись в Москву.

Обе наши поездки в Италию были бы невозможны без помощи наших друзей Манилы и Ремо Факкани. Они не только пригласили нас, но и постоянно помогали нам в этих двух путешествиях — им принадлежит наша вечная признательность.

* * *

В конце 80-х годов я руководил семинаром по работе с редкими книгами. Участников было немного, Л. Вольфцун, работавшая в Лавре с иностранными фондами, И. Ландер из отдела Эстампов, М. Малаховская и А. Полякина из Полиграфии, Н. Левина (Патрушева) из отдела книговедения. Собирались мы в Отделе редких книг, рядом с Кабинетом Фауста, около каталогов Отдела редких книг. Речь шла о работе с инкунабулами (первопечатные книги могли быть обнаружены в других отделах библиотеки, в таких случаях они передавались в наш отдел), изданиями XVI–XVIII вв. Л. Б. Вольфцун (которая когда-то в университете писала под моим руководством дипломную работу) пригласила меня познакомиться с фондами, которые она описывала. Помимо материалов Духовной академии она работала и с книгами из «трофейных» фондов. Среди них обнаружился и инкунабул, который был передан в Отдел редких книг, и множество манускриптов, в том числе и средневековые грамоты с печатями; все они были переданы в Отдел рукописей²³.

За несколько лет до нашего отъезда были значительно повышены ставки научных сотрудников, что оказалось приятной неожиданностью. Правда, в последующие годы эти прибавления были «съедены» начавшимися реформами, плоды которых нам не довелось увидеть. Для нашей семьи, привыкшей за долгие годы к достаточно скромному существованию, когда

---

²³ Не могу не поблагодарить Л. Б. Вольфцун, которая, ознакомившись с этой частью моих воспоминаний, напомнила мне о руководстве семинаром, важном и почему-то упущенном событии моей работы в Публичной библиотеке.

порой не хватало денег на очередной взнос за кооперативную квартиру или на покупку очередной пары носков, и приходилось то и дело занимать деньги в долг у друзей, странным показался этот короткий период свалившегося на нас благополучия. Как мне передавали, при обсуждении этих проблем в дирекции, заведующая отделом библиографии Галина Васильевна Михеева, чей авторитет в библиотеке был непререкаем, потребовала, чтобы мне назначили самую высокую в моем положении ставку, а на недоуменный вопрос кого-то из присутствующих: «А почему, собственно, ему?», решительно ответила: «А потому, что это Горфункель». Признаюсь, что более высокой оценки моей работы я в жизни не слышал и не мог себе представить.

В начале 1990-х гг. дирекция приняла решение переименовать Публичную библиотеку в «Российскую национальную». Было созвано совещание. Я предложил назвать ее «Российская национальная (публичная) библиотека». Наименование же «национальная» приобретало в глазах руководства патристическое звучание. Я пытался объяснить, что слово «национальная» имеет совсем иной смысл: национальная — это то, что прежде именовалось «императорская» или «государственная» и подчинялось высшим органам власти. Русский музей и Эрмитаж именовались императорскими или государственными независимо от того, хранились ли там произведения русского или мирового искусства. Мои объяснения не произвели впечатления на дирекцию.

Кто-то из моих друзей-читателей спрашивал: «А как ее теперь называть? Националкой, что ли?».

В моей памяти она так и осталась *Публичной библиотекой*.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

Последняя часть моих воспоминаний касается нашей жизни в Соединенных штатах Америки.

Семью нашей дочери Марии Райкиной с ее мужем Максимом и двумя детьми (Евгением шести лет и Леонидом двух лет) провожали на Пулковском аэродроме 18 июля 1988 г. И хотя мы уже подали документы в ОВИР на поездку в Италию к нашим друзьям Ремо и Манилы Факкани, но прощались мы — навсегда. Несмотря на новые правила для подачи документов (от нас не требовалось никаких «характеристик» с места работы), мы, памятуя нашу прежнюю попытку 1986 г., никак не могли быть уверены в результате. Но на этот раз все окончилось благополучно и через полтора месяца мы встретились с Машей, Максимом и мальчиками в Италии. Об этом я уже писал в 5-й части своих воспоминаний.

* * *

Между тем последние годы нашей жизни в России были перенасыщены событиями. Одним из важнейших было посещение Москвы весной 1989 г., по случаю какой-то командировки. Но главным было посещение Московской Трибуны. Нас привел туда мой друг Аркадий Давидович Литманович. Московскую Трибуну организовал академик А. Д. Сахаров при поддержке моего друга и коллеги по итальянским исследованиям Леонида Михайловича Баткина. Там я впервые увидел и услышал Андрея Дмитриевича Сахарова. Выступали многие участники этого собрания, в том числе Гавриил Попов, журналист Анатолий Иванович Стреляный, кажется, Галина Старовойтова. Во всяком случае я ее видел там, мы были знакомы еще по Ленинграду, побывали и на ее свадьбе с ее тогдашним мужем Михаилом Борщевским, с которым они впоследствии разошлись (не путать с Михаилом Барщевским, москвичом 1955 года рождения, одним из лизоблюдов нынешнего руководства).

Главным событием этого заседания Московской трибуны были выступления приехавших в Москву очевидцев расправы в Тбилиси над мирными демонстрантами. Особенно запомнился рассказ журналистки Галины Корниловой о том, как гнался за демонстрантами вояка, с криком: «Свободы захотели, б....!».

А. Д. Сахаров предложил участникам заседания собраться перед зданием Представительства Грузинской республики. На следующий день мы отправились туда с А. Д. Литмановичем. Кажется, это было на Арбате. Народу пришло достаточно много, по моим впечатлениям — не менее двухсот человек. Я, разумеется, мало кого знал. Я заметил поэта Андрея Вознесенского. А. Д. Литманович беседовал со своим коллегой, ученым химиком, как я потом узнал — членом-корреспондентом Академии наук М. В. Волькенштейном.

Улица была оцеплена отрядами милиции. Стражи порядка прохаживались с «демократизаторами» (дубинками), все выходы в ближайшие переулки были загорожены автомашинами (позднее их стали называть «автозаками»).

Милицейский полковник заявил, что митинг не был разрешен, и попытался отнять у А. Д. Сахарова микрофон, но Виктория Чаликова закричала: «Вы с ума сошли — это же Сахаров!», и он, прекрасно понимая, с кем имеет дело, отступился. На его требования Андрей Дмитриевич сказал, что мы собрались не на митинг, а ради поминовения. Весь этот разговор был отлично слышен собравшимся. Кроме А. Д. Сахарова выступали очевидцы событий в Тбилиси.

На заседании Московской Трибуны присутствовал наш с Аркадием Литмановичем одноклассник по школе в Переславле-Залесском Игорь Павлычев. Он заметил, что некоторые из выступавших косвенно касались его: он занимал какой-то важный пост в администрации. Тут, пожалуй, самое время рассказать об этом моем приятеле. Когда он вместе с Аркадием после окончания школы приехал поступать в московский институт, там не было мест в общежитии. Я уговорил его поехать в Ленинград, где он поступил в Институт Связи (на Мойке, неподалеку от Невского проспекта). После окончания института он стал работать в провинции, и на долгое время мы потеряли друг друга из вида.

И вот я, работая в Библиотеке Ленинградского университета, получил от него письмо от 21 октября 1968 г., присланное из Йемена, отправлено оно было из Министерства иностранных дел.

Оказалось, что мой одноклассник прочитал в газете «Неделя» (приложение к «Известиям») от 13 октября 1968 г. заметку журналиста В. Караченцева. Тот писал, ссылаясь на небольшое сообщение Т. Лазаревой в «Вечернем Ленинграде» 13 сентября 1968 г., о том, что Александр Горфункель обнаружил крайне редкое издание Томмазо Кампанеллы. Игорь Михайлович обратился ко мне с вопросом, не я ли его прежний знакомый. Заключение письма было достаточно остроумным: «Если Вы это ты, то напиши мне о себе; если же ты это Вы, то Вы сможете сообщить мне о Вашем однофа-

мильце». Я сразу же ответил (вероятно, тоже через Министерство, так как заграничный адрес в письме не был указан) и уже 18 января 1969 г. получил от него подробный ответ. Оказалось, что он работал по своей специальности в недавно провозглашенной республике Южного Йемена, где помогал налаживать систему связи. Как выяснилось, это была не первая его заграничная командировка. Кажется, больше я от него писем не получал, и встретились мы с ним двадцать лет спустя, в 1989 г. Мы встречались в доме Аркадия Литмановича. Но наступили события 1993 г. Я в те дни наблюдал за ними по ТВ и хорошо запомнил призыв А. Руцкого идти на Кремль и на захват Телевидения. Это было перед нашим отъездом в США. Из писем Аркадия Литмановича я узнал, что И. М. Павлычев был полностью на стороне Хасбулатова и Руцкого, он утверждал, что Р. И. Хасбулатов — истинный патриот России. На этом дружба между прежними одноклассниками закончилась. Когда Аркадий Литманович все же решил позвонить И. М. Павлычеву, тот отказался с ним разговаривать.

* * *

Есть другие события, для которых не нашлось места в прежних частях моих воспоминаний, и я считаю нужным поговорить о них теперь. Они относятся к более раннему времени, но многое мне стало известно, когда я жил в США.

Первое из них произошло где-то в конце 50-х — начале 60-х гг.

Наша тогдашняя компания собралась в квартире Сергея Семанова. Помню, что кроме хозяина дома были там мои добрые друзья Ефим Тепер, Валентин Алексеев, Виктор Шейнис, Владимир Райцес, и приглашенный Сергеем Семановым сотрудник Пушкинского Дома Юрий Константинович Герасимов. Всем присутствующим был задан один вопрос: одобряют ли они решение президента США Г. Трумэна сбросить атомные бомбы на японские города. Предлагалось не только высказать свое мнение, но и обосновать его. Почти все одобрили атомные бомбардировки. Их аргументов я не запомнил, но сводились они главным образом к тому, что это помогло закончить войну и тем самым спасти жизни американских солдат. Против высказались только два человека, Ю. К. Герасимов и я. Доводы Герасимова я не запомнил. Мой ответ был простой: «Богородица не велит» (слова юродивого из пушкинского «Бориса Годунова»).

Как написал мне Бударагин, Юрий Константинович Герасимов (1923-2003) был родом из Кириллова Вологодской области, где находится Кирилло-Белозерский монастырь — предмет моей кандидатской диссертации.

Второе важное для меня совпадение — научная работа Ю. К. Герасимова была связана с изучением творчества А. А. Блока. Блок был моим любимым поэтом. На втором курсе (1946–1947 гг.) я даже ходил на семинар Д. Е. Максимова, посвященного изучению творчества А. А. Блока. Вероятно, Ю. К. Герасимов посещал эти занятия.

Согласно сохранившейся в семейном архиве «автобиографической справке» Ю. К. Герасимов в 1941 г. был зачислен на 1 курс Филологического факультета Ленинградского университета, но уже в сентябре начались оборонные работы под Гатчиной. Затем он был призван в армию, но в 1944 г. «был комиссован», а в октябре 1945 г. восстановился на Славянском отделении Филологического факультета.

В январе 1948 г. он вместе с группой студентов был арестован по обвинению в антисоветской деятельности. После суда его отправили в «спецлагерь» в Коми АССР. Герасимов провел в лагерях около 9 лет. Последние годы сидел в Абези, где среди заключенных находились искусствовед Н. Н. Пунин и историк и философ Л. П. Карсавин — у него Герасимов брал уроки греческого языка. Все эти сведения я получил благодаря содействию Владимира Павловича Бударагина, которому и приношу глубочайшую благодарность.

* * *

Другое важное событие относится к середине 1970-х гг. В это время в студии Театра юных зрителей, где Р. М. Коваль читала курс истории искусства, была поставлена пьеса А. М. Володина «Мать Иисуса». По тем крайне атеистическим временам она была если и не секретной, то, во всяком случае, никак не афишировалась. Ее не ставили на «большой сцене» театра, она предназначалась для ограниченного круга зрителей. При работе над пьесой у актеров ленинградского ТЮЗа оказались пластинки и полный английский текст либретто Т. Рейса рок-оперы Э. Л. Уэббера «Иисус Христос — Сверхзвезда».

На какое-то время актеры ТЮЗа передали эти материалы моей жене, и мы много раз прослушивали пластинки, следя за текстом либретто. Я помню, что Алик, сын нашего друга Я. Л. Бутовского, услышав у нас это сочинение, заинтересовался евангельским рассказом.

Мы жили на первом этаже, и однажды увидели двух молодых людей, остановившихся под окнами. Они прислушивались к рок-опере. Мы пригласили их домой, и слушали пластинки уже вместе.

Я читал в итальянских или французских газетах, что это произведение было одобрено орденом иезуитов.

Мне представлялось, что эта рок-опера продолжила традиции великих творений Себастиана Баха в современных условиях и в духе современной музыки. Но только многие годы спустя, уже в Бостоне, мне на одном из дешевых книжных развалов попала книга А. С. Cawley «Everyman and Medieval Miracle Plays». В конце книги было приведено полное содержание трех сохранившихся сборников, и среди других сцен были представлены «Lazarus», «Christ's Entry into Jerusalem», «Betrayal of Christ», «Passion», «Last Super», «Peter's Denial», «Jesus before Caiaphas», «Jesus before Pilate», «Trial before Herod», «Remorse of Judas», «Christ Led to Calvary»¹. Было бы крайне интересно сравнить либретто Т. Рейса с текстом средневековых мираблей. Вполне возможно, что опера «Иисус Христос — Сверхзвезда» опиралась и на английскую средневековую традицию.

Уже в Бостоне внуки подарили нам кассету с американским фильмом «Иисус Христос — Сверхзвезда». Он был поставлен режиссером Н. Джуи-соном еще в 1973 г. С тех пор мы постоянно его смотрим и слушаем.

По содержанию фильм ничем не отличается от самого произведения. Однако есть в нем замечательные кадры. Фильм снимался в иудейской пустыне, однако никакой попытки изобразить архитектуру времен «после нашей эры» в нем не предпринято. С самого начала мы присутствуем на спектакле: от нас не скрывают, что перед нами будут играть актеры, приехавшие на автобусе. Мы видим, как они его разгружают. Появляется необходимый реквизит для будущей постановки.

Как только начинается прямое действие — мы погружаемся в музыку и текст, и они забирают нас полностью. Мы видим развалины древнего города. Именно так писал в эти же годы Иосиф Бродский, «Как сказал мне старый раб перед таверной: // “Мы, оглядываясь, видим лишь руины”, // Взгляд, конечно, очень варварский, но верный». Нам показывают не древнюю архитектуру, а какие-то железные конструкции, по которым взбираются еврейские первосвященники.

В сцене изгнания торгующих из храма Иисус уничтожает нынешний базар, где продаются современные товары, диски, кассеты, вплоть до автоматов. И нас уже не удивляют появляющиеся в кадрах фильма современные танки и боевые самолеты. И Пилат оказывается в каком-то ущелье, а Ирод на берегу реки. А постоянное включение в фильм произведений средневековой и возрожденческой живописи воспринимаются как должное и не-

---

¹ Cawley A. C. Everyman and Medieval Miracle plays. A fascinating collection of the most significant biblical pageants. New York: E. P. Dutton & CO., Inc., [1957]. P. 143–155, 264–266.

обходимое. И хотя автор либретто Т. Рейс объясняет читателю и зрителю, что его интересовала земная жизнь Иисуса, я глубоко убежден, что в передаче евангельского сюжета он приближает читателя и зрителя к истинному пониманию христианства, начиная с нравственной составляющей проповеди Иисуса Христа. Фильм показывает вечный смысл его подвига и учения, его жизни на протяжении двух тысячелетий. Для каких-то зрителей и слушателей рок-опера «Иисус Христос — Сверхзвезда» явилась одним из путей приближения к христианству — вплоть до крещения.

* * *

Летом 1946 г. меня познакомили с поэтом Львом Друскиным.

Так получилось, что я стал допоздна засиживаться в его доме, порой возвращаясь домой далеко за полночь. Разговоры шли о поэзии. Л. С. Друскин читал мне и свои стихи, кое-что мне нравилось, но запомнить их навсегда я так и не смог. Зато он оказался кладезем невероятных в то время и неизвестных мне стихов. Я уже знал некоторые из неопубликованных стихов Осипа Мандельштама. Но многое я впервые услышал от Льва Друскина. Читал он мне и «Бригантину», и стихи совершенно неизвестных мне поэтов, помню одно стихотворение: «Мы с тобой как крылья ворона, / Оба длинные и черные, / Равнодушно смотрим в стороны, / Навсегда соединенные».

Однако главным событием были стихи Алика Ривина. От Друскина я впервые услышал несколько стихотворений, в том числе «Вот придет война большая», и поэму «Рыбки вечные». Многие я запоминал с голоса, поэму переписал.

Потом наше знакомство с Львом Друскиным не то чтобы расстроилось, но почти сошло на нет. Я снова услышал о Л. Друскине, когда его исключили из Союза Писателей. Помню, как один из литераторов с возмущением рассказывал, что в дневнике Л. С. Друскина обнаружилось записи с осуждением многих членов руководства Союза — «А ведь сколько они для него сделали!». Я только и смог спросить — а откуда ты все это узнал? — Как выяснилось, дневник был изъят у Л. Друскина во время обыска. Это была явная провокация со стороны «Большого Дома» — и то, что некоторые члены Союза так легко согласились принять незаконно попавший им в руки дневник, вызвало у меня резкое осуждение, о чем я и сказал своему собеседнику. О дальнейшей судьбе Л. С. Друскина я узнал из опубликованной им за границей книги².

² Друскин Л. Спасенная книга: Воспоминания ленинградского поэта. London: Overseas Publications Interchange, 1984. Переиздано в России: СПб., «Библиотека “Звезды”», 1993.

Мое знакомство с творчеством А. Ривина продолжалось. Летом 1957 г. мне посчастливилось записать от вернувшегося из лагеря литературоведа Ахилла Левинтона поэму «Это было под черным платаном» и несколько других стихотворений.

Позднее мое собрание пополнил работавший в Публичной библиотеке литературовед Эрик Найдич. Он напевал, явно подражая авторской манере, стихи А. Ривина, сохранив в своей памяти важные варианты, и отдельные фрагменты, вплоть до каких-то строчек и двустиший. У меня сохранилось 18 листов с записями услышанных от Э. Найдича стихотворений, со множеством помарок и исправлений.

В 1958 г. по совету поэта Анатолия Наймана я отправился в Москву к поэту Давиду Самойлову. Помню, что он принял меня в большой комнате коммунальной квартиры.

К сожалению, Д. Самойлов мог вспомнить лишь некоторые стихотворения А. Ривина, в то время уже собранные мной, но кое-что рассказал о его жизни.

Через несколько лет Д. Самойлов опубликовал в сборнике «Тарусские страницы» стихотворение «Памяти А. Р.». Этот замечательный сборник вышел в свет в 1961 г., под редакцией К. Паустовского, но главным образом стараниями поэта Николая Панченко, тогда сотрудника калужского издательства.

В своем стихотворении Д. Самойлов писал:

Где он погиб? В каком подвале
Как он окончил бытие?
Какие люди подавали
Ему последнее питье?
Какую страждущую строчку
Он дописать уже не мог?
Какой несчастный по листочку
Его стихи в печурке жег?

Мы ждали славы и победы,
Лихого грома медных труб.
А он провидел только беды,
Он видел свой убогий труп.
Его шатали бомбовозы,
Своею мощною волной.
Блокады будущей морозы
Его покрыли сединой.

И завершал свой реквием:

И сгинул он. На белом свете
Он не оставил ничего.
И мы не знаем о поэте,
Как будто не было его³.

К счастью, в этом своем предположении автор стихотворения «Памяти А. Р.» был не прав. Достаточно много оказалось людей, которые переписывали и стремились — пусть хотя бы в виде рукописной традиции — сохранить литературное наследие поэта и передавали свои впечатления о его характере и поведении.

В 1965 г. некоторые важные строки добавил в мое собрание писатель Рид Грачев. Вероятно, он знал их от критика и переводчика Тамары Юрьевны Хмельницкой. Из воспоминаний Ефима Григорьевича Эткинда я узнал о существовании у нее автографа поэмы «Рыбки вечные».

Алик Ривин (Александр Иосифович Ривин) родился в Минске в 1914 или в 1915 г., в Ленинграде он поступил в ЛИФЛИ, но вскоре был отчислен «по состоянию здоровья». Как сын нэпмана, он работал на заводе, где ему оторвало пальцы правой руки. Жил он случайными и странными заработками: ловил кошек, которых сдавал в университетские лаборатории, подбирал бутылки. Известно, что он превосходно знал французский язык, и даже опубликовал свои переводы в каком-то из ленинградских журналов.

Ефим Григорьевич Эткинд привел в своих воспоминаниях очень важные сведения о том, как читал А. Ривин: «Заунывно и тихо напевал он эти стихи, и вдруг, без всякой паузы, начинал надрывно кричать — голосом, поднимавшимся все выше и выше. <...> Но в его чтении была магическая сила — оно затягивало, оглушало, пугало, иногда внушало нечто близкое к отчаянию».

Воспоминания Е. Г. Эткинда сперва были опубликованы в журнале «Время и мы» (№ 129, 1995), потом перепечатаны в альманахе «Диалог» (Вып. 5–6, в 2003 г.), и наконец, уже после смерти автора, появились в «Барселонской прозе»⁴.

³ Тарусские страницы / Сост. К. Паустовский. Калужское издательство, 1961. С. 204.

⁴ Эткинд Е. Г. Записки незаговорщика. Барселонская проза. СПб.: «Академический проект», 2001. С. 329–337.

Знавшие А. Ривина вспоминали, что у него был том Хлебникова, сплошь исписанный его собственными стихами. Многие годы я обходил ленинградских букинистов, но ривинский экземпляр мне так и не попался.

К сожалению, из воспоминаний Е. Г. Эткинда у нас сложилось впечатление, что стихи А. Ривина до сих пор так и не появились в печати. Между тем в моем собрании оказалось 22 его стихотворения, включая отдельные фрагменты и строки.

29 декабря 1996 г. мы с Розой опубликовали в «Бостонской Независимой газете» 6 стихотворений А. Ривина, снабдив их двумя предисловиями⁵. Среди них были и «Рыбки вечные», и «Это было под черным платаном», и, пожалуй, самое известное из его стихотворений: «Вот придет война большая». Его я не могу не привести:

Вот придет война большая,
Заберем мы в подвал,
Тишину с душой мешая
Ляжем на пол наповал.

Мне безрукому остаться
С пацанами суждено,
И под бомбами шататься
Мне на хронику в кино.

Кто скитался по Мильонке,
Жрал дарма а ля фуршет,
До сих пор мы все ребенки,
Тот же шкиндлих, тот же шкет.

Как чайнки, вьются годы,
Смерть подыметя со дна.
Ты как я дитя природы,
И беспечен, как она.

---

⁵ Горфункель А. Х., Коваль Р. М. Это было под черным платаном: Алик Ривин // Бостонская независимая газета. № 32, 19 XII 1996 г. С. 3.

Стройный тополь в чистом поле.
Что ты знаешь о войне?
Нашей общей кровью полит,
Я поруган на земле.

Как тебя в широком поле
Поцелует пуля в лоб.
Ветер грех ея замолит,
Отпоёт воздушный поп.

Вот и в гроб тебя забрали...
Ох, я мертвых не бужу.
Только страшно мне в подвале,
Я еще живой сижу.

Эх ты Сева, эх ты Сева,
Сиволапая семья...
Трупы справа, трупы слева,
Сверху ворон, снизу я.

Поэма «Рыбки вечные» начинается с гордого заявления: «Я человек, кусочек Бога», а дальше наступает ужас и унижение реального существования. «О голод, голод, / До голопузиков, до слез», и далее: «Не прошло такого года, / Не прошло такого года, / Не прошло такого года, / Не прошло такого дня, / Такого дня / Чтобы новая погода, / Чтобы новая погода / Чтобы новая погода / Не покомкала меня».

Как свидетельствует Е. Г. Эткинд, «голодной смертью он мог умереть и без всякой блокады». Но конец его нам неизвестен. Человек без определенного места жительства, без заработков, мог привлечь к себе внимание нелюдей из «Большого Дома»: кого только не задерживали в осажденном Ленинграде, по таким же или еще менее важным причинам.

В поэме «Рыбки вечные» обнаружилось строки, поразительно напоминающие Франсуа Вийона: «Ветер в зубы, и айда в поход, / Гопники с размытого кладбища». И тут возможно два предположения. Либо А. Ривин знал стихи Франсуа Вийона, а это вполне возможно — при его владении французским языком, и поэт XV века оказал на него влияние, — либо *не знал*, и тогда тем значительнее эти совпадения.

К тому же образ Франсуа Вийона постоянно присутствовал в русской поэзии 20-х — 30-х годов. Это была трагедия Павла Антокольского «Фран-

суа Вийон» и ранние переводы Ильи Эренбурга, перепечатанные в книге, изданной в 1938 г. В нём были отличные строки из автоэпитафии Вийона: «И сколько весит этот зад / Узнает скоро шея» (ср. оригинал: «Et de la corde d'une toise / Sauras mon cul che mon cul poise»)⁶.

В поэме «Это было под черным платаном» А. Ривин не мог не сказать о длившемся десятилетиями терроре, о загубленных жизнях и душах. Есть там и прямое почти цитирование: «Я достал свою тонкую ручку, / Свою тонкую ручку поднял, / подмахнул на листе закорючку, / И судьбу на судьбу променял. / И меня положили за стену / На усыпанный гравием пол, / Дали мне на подстилку две смены, / И дешёвый расшатанный стол». Не напоминают ли эти строки стихотворение Николая Олейникова (расстрелянного в 1937 г.), «Перемена фамилии»: «Пойду я в контору “Известий”, / Внесу восемнадцать рублей, / И там навсегда распрощаюсь / С фамилией прежней моей»⁷. Правда, в этом стихотворении «перемена» приводит к иным результатам: «Я видел лицо негодяя, / Волос напомаженный ряд, / Печальные тусклые очи, / Холодный уверенный взгляд», и все завершается самоубийством героя. Но главное в обоих стихотворениях это именно «перемена». Стихи Н. М. Олейникова ходили в тогдашнем «самиздате», и вполне могли попасть в руки А. Ривина.

Он часто использовал «чужие» произведения. Иногда это были стихи А. П. Вертинского, порой — песни из советских фильмов. Например, из фильма «Дети капитана Гранта» («Капитан, капитан, улыбнитесь, / Кус ин тохес — это флаг корабля. / Наш корабль — без флагов и правительств, / Во вселенной наш корабль — Земля»), или знаменитая песня Максима из фильма Г. М. Козинцева и Л. З. Трауберга («Крутится, вертится век мо-

---

⁶ Поэты французского Возрождения. Антология / Ред. и вступ. статья В. М. Блюменфельда. Л.: Гослитиздат, 1938. Переводы из Вийона И. Эренбурга, О. Мандельштама и М. Талова. Книга была подписана в печать 15.01.1938 г., т. е. до ареста Мандельштама. Автоэпитафия: С. 46. У меня сохранился пригласительный билет на заседание ленинградской группы Комиссии по истории культуры Возрождения, посвященный 550-летию со дня рождения Франсуа Вийона 17 декабря 1981 г. С докладами выступали Ю. П. Калинин («Вийон на стыке культур»), В. И. Райцес («За строкой Вийона о Жанне д'Арк»), Ц. Г. Нессельштраус («Тема пляски смерти в творчестве Вийона»), Л. Е. Маслобоева («Вийон и литературная жизнь его времени»), Ю. В. Короткевич («Первые издания Вийона»).

⁷ Олейников Н. М. Стихотворения и поэмы / Вступ. ст. Л. Я. Гинзбург. Биогр. очерк, сост., подгот. текста и примеч. А. Н. Олейникова. СПб.: Академический проект, «Новая библиотека поэта», 2000. С. 139–140.

лодой <...>», со словами: «Где эти деньги, что так я искал, / Где эта слава, что так я алкал, / Где эта улица, где этот дом, / Где эта курица, что мне в бульон». Последняя строчка выдает знакомство поэта с французской историей. По преданию, король Генрих IV (Наваррский) — надеялся, что в результате его правления у каждого французского крестьянина хотя бы раз в неделю на столе окажется курица. Порой А. Ривин использовал мотивы стихов Б. Л. Пастернака⁸.

Поверив Г. Е. Эткинду, мы полагали, что наша публикация окажется первой. Но очень скоро мы выяснили, что к 1996 г. в России вышло множество статей и публикаций, посвященных творчеству А. Ривина в таких изданиях, как «Новый мир», «Звезда» и другие журналы, т. е. после нашего отъезда в Америку. К своему стыду мы не знали в то время даже о существовании изданной К. Кузьминским антологии русской «самиздатской» поэзии «Голубая лагуна», где первый том открывался произведениями А. Ривина. Не помню, каким образом мы познакомились с Константином Кузьминским, были у него дома в Нью-Йорке, долго переписывались с ним, узнали о всех сложностях, связанных с созданием «Голубой лагуны». Но если в новых публикациях оказывались другие варианты чтения произведений А. Ривина, я предпочитал сохранить те тексты, которые я услышал от людей, знавших поэта.

К своему собранию я присоединил только одно, прежде неизвестное мне, стихотворение А. Ривина, написанное им 22 июня 1941 г.:

От тревоги к тревоге мечась.
Тихо заживо в яме сиди.
Помни: Гитлер — рыцарь на час,
Но весь этот час — впереди.

* * *

В 1989 г. Роза отправилась в гости в Бостон по приглашению нашей дочери Марии Райкиной. В это время я заболел и провожать ее в аэропорт Домодедово поехал Гриша, наш давний приятель, сын моих московских друзей (археографа Ирины Васильевны Поздеевой и киноведа Василия Григорьевича Кисунько). Мы с ним подружились уже независимо от моих отношений с его родителями, со времен его школьных и студенческих лет.

---

⁸ Пастернак Б. Л. Стихотворения и поэмы / Вступ. статья А. Д. Синявского. Сост., подгот. текста и примеч. Л. А. Озерова. М.; Л.: Советский писатель, «Библиотека поэта», 1965. С. 357.

Я приходил к нему и когда родителей не было дома, он бывал у нас в Ленинграде, мы ходили с ним на концерты в Филармонию.

Дело в том, что в аэропорту моей жене предложили лететь только до Варшавы без всякой гарантии пересадки на самолет, отправлявшийся оттуда в Нью-Йорк, что при ее тогдашнем физическом и психологическом состоянии было бы совершенно невозможно. Как потом говорил мне Григорий, он наорал на диспетчершу, на компьютер, на Варшаву и на всё авиасообщение, и в результате все было тут же улажено. У меня на это не хватило бы ни умения, ни соображения, ни сил. В аэропорту Кеннеди она, не увидев встречавшего ее зятя Максима Райкина, пошла искать офис с телефоном, позвонила Маше, та было стала ее отчитывать, что она не ждет его в положенном месте, но в это время Роза повернулась и увидела Максима, который случайно остановился рядом с ней и разговорился с подвернувшимся приятелем.

В Бостоне она почти не выходила из дома, только съездила в Музей изобразительных искусств, а главное — провожала внука Женю до школы, встречала его и отводила домой. Общение с мальчиками, Женей и Лёней, и Машей заполняло всё время её пребывания в Америке.

Следующая наша поездка в Бостон состоялась осенью 1991 г. Нас провожал ученик Розы (по ковровому ткачеству) Андрей Кудряшов. Я — то ли по глупости, то ли по рассеянности, положил пачку врученных мне писем в чемодане сверху. Бдительный таможенник тут же их изъял, со словами: «Я не знаю, что у вас там написано». Я пытался возражать (время было «перестроечное»), что не его дело, что пишут в этих письмах. Письма, однако, пришлось отдать провожающему. Когда тот попытался снова передать нам письма, таможенник вернул их и пригрозил, что может снять нас с рейса. Я понял, что, если я даже попробую что-то объяснить начальству, самолет тем временем улетит, и пришлось смириться. Некоторые письма и оттиски статей всё-таки удалось провезти, таможенник их не заметил.

В Нью-Йорк мы прибыли без приключений, и Максим глубокой ночью отвез нас в Бостон.

Жизнь у ребят была тяжелой. Максим был аспирантом Бостонского университета, вел занятия со студентами, но заработок был ничтожный. Маше приходилось много работать — заниматься уборкой квартир, но и это давало небольшие деньги.

И на этот раз мы много времени проводили в семье, но была возможность побывать в музеях. Однажды мы заблудились, а когда спрашивали редких прохожих и даже полицейских, как нам пройти на нашу улицу (Коммонвелф Эвеню), они никак не могли нам помочь. Это все равно, как если бы петер-

буржец не знал, где находится Невский проспект или Большой проспект на Васильевском острове. Потом я понял, что причиной был автомобиль: американцы слишком хорошо знают, как надо проехать. Наконец какой-то человек сумел указать нам дорогу и даже проводил нас в нужном направлении.

В эту первую поездку в Америку я добрался до Гарвардского университета, до его библиотеки и познакомился с хранительницей редких русских книг Голдой Стейнбек (потом оказалось, что она была близкой знакомой французской жены нашего давнего друга Валерия Прийменко, с которым Роза в 1970 г. выпустила альбом «Русский Север: Кириллов. Ферапонтово»).

12 октября в США отмечают «День Колумба». Я оказался в Гарварде и увидел странную демонстрацию: группа белых студентов выражали свое отрицательное отношение к празднованию этого дня. При этом среди протестующих не было ни чернокожих, которые могли бы осудить многовековое рабство, ни индейцев, которых в свое время истребляли, а затем заключили в резервации.

Мне очень тогда помогла Рода, двоюродная сестра С. М. Райкина. Жила она в Вустере, но узнав о моих проблемах, решила позвонить в Гарвардский университет (сам я с моим невозможным английским никогда бы на это не осмелился) и узнала, кто в Гарварде занимается историей Италии и ее культурой. Таким образом мне удалось завязать знакомство с некоторыми гарвардскими итальянистами.

И тут мне сильно повезло. В это время в университете выступал с докладом известный специалист по литературе Возрождения и особенно по творчеству Дж. Боккаччо профессор Витторе Бранка (1913–2004). Перед докладом к нему стояла длинная очередь желающих поприветствовать всемирно известного ученого. Когда я подошел к нему, он сразу узнал меня. Мы встречались с ним в Ленинграде, в доме моего учителя, профессора Матвея Александровича Гуковского, беседовали с ним не только о научных проблемах, но провели замечательно веселый вечер. Он хорошо меня запомнил и тут же представил собравшимся, как специалиста по истории итальянской философии эпохи Возрождения. В течение долгих лет мы постоянно обменивались с профессором Бранка книгами и оттисками статей (полагаю, что моих работ он не читал: при всей своей эрудиции он не знал русского языка, но имел представление об их содержании). После своего доклада (о новых исследованиях, посвященных творчеству Дж. Боккаччо) он обещал снова приехать в Бостон, но этого уже не случилось.

Через несколько дней меня пригласили выступить с докладом. Я рассказывал об итальянских исследованиях в России, о работах А. Ф. Лосева,

Л. М. Баткина, об интересных находках и открытиях. Несмотря на мой, вероятно, скверный итальянский, меня хорошо приняли и задавали немало серьезных вопросов.

Несколько сохранившихся у меня от бдительного таможенника писем и оттисков статей я передал адресатам. Среди них были письма к супругам Тамарченко, Григорию Евсеевичу и Анне Владимировне, организовавшим в Бостоне институт по изучению русского языка. Уже потом Анна Владимировна рассказывала, что как-то один из ее начальников обнаружил у нее выговор «по еврейскому вопросу». Он отнесся к этому крайне снисходительно, и тогда Анна Владимировна объяснила, что она выступала против преследований евреев.

У них дома я познакомился с Галиной Александровной Шабельской, преподававшей в Гарварде на русском отделении Филологического факультета, а до отъезда в Америку, на филологическом факультете Герценовского института. Для нее у меня сохранилось письмо из Петербурга.

Позднее мы побывали в доме Галины Александровны. Они с мужем Леонардом Натановичем Шварцманом свозили нас в приморский городок Рокпорт, где мы любовались Атлантическим океаном и посетили множество крохотных сувенирных магазинов, а также в Вильямстаун, где в знаменитом музее Кларка мы познакомились с превосходным собранием импрессионистов. В одном из ресторанов наши новые знакомые угостили нас экзотическими лобстерами — морскими крабами. Галина Александровна, которая приглашала нас в свой дом на Кейп-коде (по Иосифу Бродскому, «Полуостров Трескового мыса»), и после смерти Леонарда Натановича сохранила с нами добрые отношения.

Мир оказался тесен: Максим встретил Леонарда Натановича в Бостоне, тот был его репетитором в Ленинграде перед поступлением в Политехнический институт. Впрочем, как потом говорила нам Татьяна Янкелевич (кажется, не она это придумала, но дело не в авторстве): «Мир тесен, если не считать рабочих и крестьян».

Наша первая поездка в Америку оказалась довольно разорительной. Было очевидно, что мы не сможем часто ездить в США. Маша еще умудрялась время от времени пересылать нам через знакомых какие-то деньги. А жить без общения с дочерью и внуками было невозможно. Так мы решились на переезд в Америку (как говорилось, на «ПМЖ», «постоянное место жительства»).

Осенью 1992 г. мы получили бумагу из американского посольства. Встреча была назначена на зиму 1993 г. Поехали мы втроем, с моей сестрой Эли-

ной Горфункель (оставлять ее одну в Ленинграде я никак не мог). Беседа прошла достаточно успешно. Когда спрашивавший нас сотрудник посольства узнал, что я доктор наук, наше дело было решено. За документами мы должны были приехать по вызову. Через некоторое время мы получили все документы на выезд в США.

Следовало позаботиться об отправке книг. После моего увольнения из библиотеки мы чуть ли не каждый день отправлялись с Розой на Главный почтамт. Посылка не могла весить больше трех килограммов. Как правило, все проходило без затруднений, только один раз мне вернули второй том Древнегреческого словаря (первый том прошел свободно), потребовав разрешения из Публичной библиотеки; пришлось съездить в отдел «Внешнего обслуживания», разрешение на отправку было выдано без затруднений. Книги, изданные до 1945 г., посылать было нельзя. Единственным исключением был англо-русский словарь 1943 г., тут я пошел на подлог: оторвал кусок страницы с годом издания, и он прошел благополучно. Должен сказать, что словарь, выпущенный во время войны, был наименее «советизирован».

Свои редкие книги я передал на аукцион еще весной. Это были венецианское издание Данте 1568 г., «Игра в аду» А. Е. Крученых и Велимира Хлебникова.

Из наших икон мы предложили в Эрмитаж «Усекновение главы Иоанна Предтечи» (XVII в.) и «Рождество Христово» (XVI в.). За первую Эрмитаж заплатил, а вторую, учитывая ее высокие художественные качества, но и необходимость сложной реставрационной работы, покупать отказался. Роза передала эту икону в дар музею, и 4 ноября 1993 г. от директора Государственного Эрмитажа М. Б. Пиотровского мы получили благодарственное письмо. Много лет спустя в очередной приезд в Петербург на научную конференцию, мы увидели воспроизведение иконы в изданном Эрмитажем каталоге⁹. Третью, имевшуюся у нас икону, «Иоанн Креститель» в виде ангела с крыльями, старообрядческого письма XVIII в., я подарил Александру Михайловичу Панченко.

Тогда же я передал в Российскую национальную (Публичную) библиотеку экземпляр Библии 1521 г., изданной в Лионе Жаком Саконем на средства Антона Кобергера, с гравированным титульным листом и множеством небольших гравюр. Эта книга имелась в составе Университетской библиотеки,

⁹ Косцова А. С. Рождество Христово: Русские иконы конца XV–XVII веков в собрании Эрмитажа: Каталог выставки. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2000. С. 28–29. Конец XVI в. Московская школа (?). Дар Р. М. Коваль (Санкт-Петербург). Поступила в 1993 г. Экспонируется и публикуется впервые.

а в Отделе редких книг Публички её не было. В благодарственном письме от имени директора Российской национальной библиотеки В. Н. Зайцева от 15 ноября 1993 г. (как я полагаю, оно было подготовлено Л. А. Шиловым), выражалась надежда, «что добрые отношения, установившиеся между Вами и сотрудниками РНБ и наши научные контакты сохранятся»¹⁰.

Это пожелание казалось в тот момент совершенно нереальным. Я помню, что в доме моих друзей в одно из последних посещений Москвы я прощался с Леонидом Михайловичем Баткиным. Я с грустью сказал ему, что на моей научной работе можно будет поставить крест.

Свои новые иностранные научные книги я продал в Публичную библиотеку (их было более 400); книги с автографами пополнили собрание Отдела рукописей. Некоторые из иностранных книг я передал в библиотеку Санкт-Петербургского университета. Ряд поэтических сборников был передан в Музей Анны Ахматовой.

В США я отправил книги моих друзей и коллег — Л. М. Баткина, Н. В. Ревякиной и других итальянистов. Среди главных были и итальянские издания Дж.Бруно, Данте, Боккаччо и монографии о них, французские издания от Вийона до Монтеня и Артюра Рембо, и антологии французских поэтов Средних веков, XV, XVI, XVII и XVIII веков. Равным образом я послал за океан часть книг из серии «Литературные памятники», собрание стихов русских поэтов («Библиотека поэта»), и любимых ленинградцев (петербуржцев) — книжки Татьяны Галушко и Александра Кушнера.

Стихи Александра Кушнера мы выделили сразу, с первого его сборника, и в дальнейшем не пропускали ни одного его издания, и даже после отъезда в США старались покупать их в бостонских магазинах русской книги. Как выяснилось, Галина Александровна Шабельская была дружна с А. С. Кушнером, и мы узнавали от нее о новых изданиях его поэтических сборников.

Во время его приезда в Гарвард, где он выступал в Гарвардском русском центре с докладом о поэзии В. Маяковского, он, будучи в гостях у Галины Александровны Шабельской, подарил мне свою книгу «Таврический сад», с надписью: «Александр Горфункелю на память о наших встречах в Бостоне. А. Кушнер. 1. XII. 94 г.»¹¹.

---

¹⁰ Горфункель А. Х. Каталог палеотипов: Из собрания Научной библиотеки им. М. Горького Ленинградского университета. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1977. С. 31. Письмо директора РНБ в архиве автора.

¹¹ Кушнер А. Таврический сад: Седьмая книга. Л.: Советский писатель, 1984; титульный лист.

С Татьяной Галушко мы подружились во время совместной работы в Музее-квартире А. С. Пушкина. Запомнилась поездка с группой сотрудников Музея в Михайловское и Тригорское. Таня подарила мне около ста страниц своих стихотворений, некоторые из них так и не были напечатаны ни при ее жизни, ни позднее. Так до сих пор не было опубликовано стихотворение со строчками: «Судачили уже тогда, / Женился Пушкин, яму вырыл. / А он из всех Наташу выбрал / И этот выбор вне суда». Знаменитое стихотворение о переводчиках получило в окончательном варианте название: «Переводчики 1951 года» (в моем варианте названия не было). Его я хочу привести.

О, иностранцы, как вам повезло.
Вы в переводах гениальны дважды.
Нам открывало вас не ремесло,
Но истины преследуемой жажда.
Благословляю этот плагиат,
Когда, прибегнув к родине инакой,
Из Гете, как из гетто, говорят
Обугленные губы Пастернака.
Когда дыханья не перевести
От ужаса стоактного Макбета,
Что оставалось русскому поэту?
Раскрыть Шекспира и перевести
В сердца живущим трубы тех аорт:
Ведь крови цвет сейчас все тот же — красный,
Но авторство, поскольку автор мертв,
Верховным беззаконьям не подвластно.
Ахматова! Вся в переводы, в глубь,
На тысячи подземных рек и речек,
Чтоб снова, с неба, облаком — на луг,
На лес — стремиться собственную речью.
Ушло. И вновь возвращены опять
Все огненные облака над миром.
Пушай Шекспир останется Шекспиром.
И будем современников читать.

Этот вариант был написан в годы «перестройки», только этим объясняется «оптимистическая» концовка.

В США я отправил примерно 700 книг — десятую часть нашей библиотеки, в основном это были издания русских классиков — академическое тридцатитомное собрание сочинений и писем А. П. Чехова, собрание сочинений Н. С. Лескова, А. С. Пушкина, И. А. Бунина, некоторые издания из серии «Библиотека античной литературы», «Проклятые тосканцы» Курцио Малапарте, два немецких романа Ф. Кафки, подаренный мне в мой последний день рождения в Петербурге Владимиром Ивановичем Мажугой сборник поэм Лоренцо Медичи и другие дорогие мне книги, в том числе и 8 изданий Карло Гинзбурга, которые он дарил мне начиная с 1980 г. и до нашей с ним встречи в России в 1989 г., а затем при встрече у него дома в Болонье в 1992 г. Две свои работы он прислал мне в Бостон в 1995 и в 1997 г. Недавно Карло Гинзбург прислал мне свои новые книги и оттиски статей, я же отправил ему сборник статей «Труд науки и извороты шарлатанства: О ремесле историка», изданный в Петербурге в 2013 г.

Роза послала в США книги по истории изобразительного искусства, издания по ручному ткачеству, труды по прикладному искусству, каталоги выставок и музейных собраний.

Какие-то книги пришлось продать букинистам; среди них было 12-томное издание сочинений А. А. Блока и «Памятники литературы Древней Руси». С этим изданием была связана следующая история: принимавший их работник магазина не слишком высоко его оценил, объяснив это тем, что первый том был «с брачком». Как выяснилось, этот «брачок» заключался в дарственной надписи на первом томе: то были автографы составителей издания, академика Д. С. Лихачева и члена-корреспондента Академии наук Л. А. Дмитриева. Через несколько дней мне сообщили, что «Памятники» купил какой-то американец.

Самым трудным было оформление живописных работ моей сестры Элины Горфункель. Их следовало брать с собой как багаж. К счастью, мне удалось договориться с двумя сотрудницами конторы, выдававшей разрешения на вывоз, и они приехали домой к Элине.

Оставшиеся ее работы, при помощи искусствоведа Абрама Раскина, моего однокурсника, были переданы в Музей истории Петербурга. Это было несколько десятков портретов петербургских ученых, историков В. М. Алексеева, В. А. Якубского, искусствоведов, художников, ученых и других известных деятелей ленинградской культуры, а также портрет Ф. А. Вигдоровой, писателя и составителя известного отчета о суде над Иосифом Бродским. Остальное забрал А. Раскин. Он же опубликовал статью о работах сестры в петербургской еврейской газете. Это была первая и единственная публикация о ее живописи.

На этот раз мы добрались до Нью-Йорка почти без приключений, если не считать снежного бурана, из-за которого наш самолет задержали на военном аэродроме.

В Бостоне Маша сняла для нас квартиру. В ней были две спальни, кухня и все необходимые удобства и превосходная гостиная, главным украшением которой был великолепный стол, явно министерский по происхождению. Каждый ящик имел отдельные запоры. Этот стол никак не вмещался в лифт, и поэтому один из друзей Максима Райкина поднял его на 4-й этаж по лестнице.

Среди первых наших посетителей был мой двоюродный племянник Марк Серман, приехавший с женой Наташей из Нью-Йорка, он привел к нам Татьяну Ивановну Янкелевич, с которой у нас сохранились добрые отношения на многие годы.

Одним из важнейших наших открытий была русская православная церковь. Мы увидели это здание неподалеку от нашего дома. По внешности оно не отличалось от обычного храма англиканского вероисповедания, но перед входом находилась русская икона («Воскресение»). Роза крестилась в Петербурге в Спасо-Преображенском соборе вскоре после отъезда семьи нашей дочери в США. Из церкви вышел один из прихожан, Андрию.

Мы выяснили, что церковь действительно православная. С этих пор Роза стала прихожанкой этого храма. Я же, будучи по-русски «атеистом», а по-американски «агностиком», очень часто сопровождал ее. Я свел добрые знакомства с прихожанами, а потом и с настоятелем Воскресенской церкви отцом Патриком Тишелем. Во время моей тяжелой болезни (2002 г.) он не только молился за меня, но и постоянно навещал. Я более трех недель находился без сознания. Роза не выходила из больницы. В последние годы отец Патрик часто бывал у нас, совершал необходимые обряды, и часто беседовал со мной. Переводчицей была Роза. После болезни я потерял те немногие начатки английского, которые так и не восстановились — может быть и по моей вине.

Позднее я узнал историю создания этого храма. Люди, его основавшие, в молодости были неверующими, развлекались, как умели. Были среди них и евреи, и люди других исповеданий. Вера сама пришла к ним. Истинной верой, лишённой пороков католицизма, им представилось православие. Ныне это церковь болгарского подчинения, не связанная с русской зарубежной православной церковью близкой московскому патриархату. Позднее в общине появилось немало русских эмигрантов. Правда, среди прихожан так и не появились «черные», т. е. «афроамериканцы», хотя некоторые порой и заходили на богослужение, но никто из них в ней не остался.

Важным событием было открытие русского книжного магазина. Сперва он ютился на задворках продуктовой лавки «Березка». Но вскоре его основательница Мара Фельдман перевела магазин в сравнительно большое помещение в подвале того же дома. Он стал называться «Лавка читателя». Мара Фельдман продавала русские книги, изданные как в России, так и в США. Продавала с очень небольшой наценкой; потом мне кто-то говорил, что она бы разорилась, если бы не помощь мужа. Не помню, какие книги я покупал у нее, их было много, но главную запомнил: это было трехтомное собрание сочинений Хорхе Луиса Борхеса, изданное в Риге в 1994 г. Этого автора я давно любил и много читал его в России, правда не по-русски, а в итальянских и французских переводах, которые мне посылали или привозили мои зарубежные друзья. Один из рассказов Борхеса, «Тайное чудо», я даже перевел (с итальянского) и знакомил с ним своих друзей.

«Лавка читателя» стала своеобразным клубом русской общины. По вечерам там собиралось довольно много народу. В «Лавке» выступали местные авторы (так мы числили среди «местных» поэта Наума Коржавина), а потом и приезжавшие в Бостон гости. Запомнилось выступление приехавшего из Парижа Андрея Синявского. Кто-то из публики стал нападать на его «Прогулки с Пушкиным». Я поддержал Андрея Донатовича и напомнил о блистательной статье Л. М. Баткина «Синявский, Пушкин — и мы». Это вызвало серьезное недовольство кого-то из собравшихся. Выступала в «Лавке читателя» и Людмила Улицкая.

Поэт Евгений Рейн много говорил о своем покойном друге Иосифе Бродском, читал свои стихи. Выступление Вячеслава Всеволодовича Иванова («Комы») было посвящено воспоминаниям о Борисе Пастернаке и обширному кругу его собственных занятий, в том числе и в области индоевропеистики. Потом он подошел ко мне и сообщил, что мой доклад о русском луллианстве, напечатанный в Москве, вышел в английском переводе («Raymond Lully in Russia») в сборнике «Elementa» (1995. Vol. 2).

Неоднократно выступал и эмигрировавший из Москвы поэт Наум Коржавин. С началом перестройки он много раз ездил в Москву. Бывал в «Лавке читателя» и другой эмигрант, Александр Сергеевич Есенин-Вольпин, он тоже читал свои стихи и рассказывал о правозащитном движении в СССР.

Позднее и мне довелось выступить с двумя докладами в «Лавке читателя». Один из них касался М. М. Постникова с его опровержением всемирной истории, второй — археографических экспедиций на Русский Север.

В №9 журнала «Звезда» за 1996 г. была опубликована статья А. Жолковского «Анна Ахматова — пятьдесят лет спустя». Долгое время мы ре-

гулярно читали толстые русские журналы. Статья Жолковского поразила меня, одного из свидетелей тех событий, начиная со времени знаменитого доклада Жданова и Постановления ЦК о журналах «Звезда» и «Ленинград», холодной отстраненностью тона, как будто дело не шло о реальной судьбе и страданиях людей.

Как раз в это время в Бостон приехал один из редакторов «Звезды» Яков Гордин. Во время обсуждения его выступления в «Лавке читателя» я выразил резкое несогласие с оценками творчества Анны Ахматовой в опубликованной журналом статье А. Жолковского. Гордин предложил мне написать письмо в редакцию журнала. Договорились, что мое письмо будет принесено в редакцию надежнейшим человеком, «своим», — в общем потоке оно может затеряться. Я отправил свой отзыв моему другу, заведующему Отделом редких книг и рукописей университетской библиотеки Николаю Ивановичу Николаеву, чтобы он лично передал его в руки Я. Гордина. Так в рубрике «Письма в редакцию» в №4 за 1997 г. появилась моя статья: «Вид на костер с балкона: Ахматова от Жданова до Жолковского». Это была первая моя публикация в Петербурге после отъезда в Америку.

Редакция сочла нужным в этом же номере журнала опубликовать и ответ Жолковского на мое письмо. Он имел вычурное и как бы ироническое название, к тому же намного превышал по объему текст моего письма и отличался необычайной грубостью: «Мой взгляд на институт костра и на другие институты, или Хохороны вторник». Должен сказать, что все намеки Жолковского били мимо цели. Почему-то он не увидел в названии моего письма намек на костер Джордано Бруно, но приписал мне воспоминания о кострах в пионерских лагерях, где я отроду не бывал.

Не помню откуда, возможно, из хвалебных отзывов в одной из русских газет, а может быть, и из письма кого-то из моих русских корреспондентов, я узнал о появлении книги И. Гилилова «Игра об Уильяме Шекспире, или Тайна Великого Феникса», вышедшей в Москве в 1997 г., в которой в очередной раз подвергалась сомнению принадлежность пьес и сонетов актёру Шекспиру. Когда же кто-то из моих российских (петербургских) друзей прислал мне экземпляр книги, я понял, что надо разобраться с аргументацией Гилилова, подвергнуть её максимально тщательному анализу. Не случайно я начал свою статью с «Книговедческих заметок»: это была самая близкая мне область знания, тут я чувствовал себя уверенно. Все попытки И. Гилилова доказать принадлежность творений Великого Барда супругам Рэтлендам разваливались на глазах, в том числе и его стремление приписать им произведения других писателей, которые в предшествующей литературе никогда не причислялись

к произведениям Шекспира. Мне пришлось проанализировать ловушки так называемого «биографического метода». Так еще один специалист по Шекспиру, американский эмигрант П. Пороховщиков, выпустивший в 1940 г. книгу «Шекспир без маски», выражал недоумение, почему Шекспир не писал о стратфордских купцах и обывателях, а все больше о королях и аристократах. Почему, если он был актером, он только в известной сцене из «Гамлета» изобразил своих собратий по ремеслу. Правда, А. Н. Островский, не будучи актером, посвятил актерам несколько своих лучших пьес, да и мелким чиновником и купцом тоже не был...

П. Пороховщиков полагает, что для подлинного Шекспира так много писать о королях и войнах, о морских путешествиях и юридических проблемах «было бы противоестественным»: именно так. С такими словами о «естественности и неестественности искусства» приходится искать ему замену в других лицах, иного — аристократического происхождения. Точно такого же взгляда придерживается и Гилилов.

Третий раздел моей работы касался «великой тайны» и ее благородных покровителей, которые, оказывается, идут на любые преступления ради сохранения «великой тайны».

В последней части, «В чем провинился Уильям Шекспир», я рассматриваю точные факты биографии подлинного Шекспира, в том числе и его завещания, которому особенно досталось от искателей ему иной замены. Книга И. Гилилова является еще одним свидетельством попыток разрешить так называемый «шекспировский вопрос».

Я никогда не был «шекспироведом», работу эту никто не заказывал мне. Я послал ее в редакцию «Нового литературного обозрения», где она вскоре и была напечатана (в 1998 г., том 30).

За годы пребывания в США я написал и опубликовал в США, в Италии и в Англии не менее 80 печатных работ, выступал с лекциями и докладами в Гарварде и в Корнельском университете. Некоторые из этих работ (21 статья) были опубликованы в сборнике «Труд науки и извороты шарлатанства: О ремесле историка» (Санкт-Петербург: Изд-во «Дмитрий Буланин», 2013). Среди этих восьмидесяти публикаций есть и совершенно частные, например, очень небольшое письмо в «Литературную газету», по поводу заметки С. Баймухаметова, который жаловался, что не существует каталога изображений русских святых; я сообщил ему, что в 1998 г. в издательстве «Дмитрий Буланин» (Санкт-Петербург) вышла книга Г. В. Маркелова «Святые Древней Руси: Материалы по иконографии... Атлас изображений», в двух томах, с точным описанием иконографии святых и научной библиографией.

В 1995 г. в газете «Бостонский курьер» я опубликовал статью «Сочинение на запретную тему: жизнь и книги Валентина Алексеева». Речь шла о работах моего друга В. М. Алексеева, так и не увидевших свет при его жизни: о восстании в Варшавском гетто, о Варшавском восстании 1944 г., о Венгерской революции 1956 г., подавленной силами «социалистических» стран. Моя статья неоднократно перепечатывалась, в том числе и в журнале «Санкт-Петербургский университет», а позднее стала предисловием к ряду книг В. М. Алексеева (правда, там ее несколько испортил своими вставками Виктор Шейнис). Книга о Венгерской революции была удостоена медали Имре Надя. Вдова В. М. Алексеева Ирина Васильевна Соколова, работавшая в отделе нумизматики, передала ее на хранение в Государственный Эрмитаж.

В Бостоне я продолжал переводить поэму Марцелло Палингения Стеллато «Зодиак жизни» (1536 г.). Первая книга была опубликована еще до моего отъезда из России, в 1996 г. я опубликовал в Иванове вторую книгу «Телец», а третья книга «Близнецы» вышла в Новосибирске в 1999 г. в сборнике, посвященном юбилею Елены Константиновны Ромодановской, известного археографа и исследователя литературы в Сибири. Перевод четвертой книги я так и не закончил, и он остался в рукописи. Поэма в 12 книгах была написана гекзаметром, этот размер я пытался сохранить в своем переводе. Вопреки «зодиакальному» названию, поэма освещала многие стороны жизни начала XVI века и была проникнута острой критикой католического духовенства, а кроме того содержала важные разделы о вечности и бесконечности Вселенной.

Занимаясь в Бостонской публичной библиотеке, кажется, первой на американском континенте, я обнаружил там экземпляр трактата кардинала Виссариона Никейского «На клеветника Платона» (Рим, 1469), на полях которого оказалось множество замечаний, которые позволили раскрыть восприятие идей неоплатонизма в Болонье XV в.

Автор маргиналий пытался найти соприкосновение идей неоплатонизма с христианством. Статья об этом была напечатана в сборнике, посвященном юбилею профессора Санкт-Петербургского университета, историка античности Александра Иосифовича Зайцева в 1997 г.

Когда академик А. А. Фурсенко собирался выступить против создателей так называемой «новой хронологии», мой петербургский коллега Илья Хацкелевич Черняк сообщил ему о моей давней работе «О попытке закрыть историю: о трудах М. М. Постникова и А. Т. Фоменко», написанную в 1981 г. При обсуждении новой хронологии в Институте истории в Москве ее не стали зачитывать. Теперь же она была опубликована в сборнике «Проблемы

всемирной истории» в честь А. А. Фурсенко (2000 г.). К одному из разделов моей работы я поставил в качестве эпиграфа высказывание В. Налимова из книги «Вероятностная модель языка»: «Математика не есть средство исправления ошибок генетического кода человека. Наряду с математизацией знаний происходит и математизация глупостей; язык математики, как это ни странно, оказывается пригодным для выполнения любой из этих задач». Позднее, в Бостоне, в 2008 г., я напечатал заметку «Евангелие от Фоменко», где говорил о безграмотности автора, пытавшегося выдать за Иисуса Христа одного из церковных деятелей XI в. римского папу Григория VII. Было бы трудно найти менее подходящую фигуру для этой роли. Римский первосвященник сделал все для укрепления власти папского престола. При нем был унижен император Священной Римской Империи в Каноссе. Создается впечатление, что А. Т. Фоменко либо никогда не читал Евангелия, или — что того хуже — читал, но позволил себе полностью об этом забыть. Он не слышал, как именуются филистимляне в Ветхом и Новом Завете. Фоменко предполагает, что существует внутреннее сходство между Палестриной и Палестиной, исходя из звучания слов в их русском произношении. Он отождествляет Иоанна Крестителя с Кресцентием — опять-таки имея в виду созвучие этих имен по-русски. Возможно, он слышал о сокращении имени Бога в древних рукописях, и поэтому сравнивает Марию Магдалину с графиней Матильдой на основе сокращения их имен: МТГЛД и МГДЛИ, хотя в одном случае это имя собственное, а в другом указывает на происхождение. К тому же созданные таким образом сокращения резко отличаются даже в расположении букв и уже потому не могут ничего доказать. В работах по новой хронологии Фоменко ограничивается только мнимым созвучием слов по-русски.

Примерно через год после нашего приезда я познакомился с Мусей Гланц, искусствоведом из России, уже много лет живущей в Америке. Возможно, мы встречались на каких-то выступлениях в Бостонском колледже. Она принесла мне копию воспоминаний скульптора Марка Антокольского, написанных крайне трудным почерком. Мне удалось их расшифровать. И она же предложила мне вступить в Русский центр при Гарвардском университете. Я подал заявление.

Из первых моих публикаций не могу не отметить рецензию на книгу А. В. Вознесенского «Старообрядческая печатная книга 18 и начала 19 вв.» в английском журнале «Solanus» (1995). Там же появилось несколько других моих рецензий. В этот журнал меня направил Джон Симон Габриэль Симмонс (1915–2005), известный специалист по изучению старопечатной

книги, библиограф и славист, библиотекарь в одном из подразделений Оксфордского университета. В 19-м номере этого журнала (в 2005 г.) появилась моя статья «Жизненная удача: знакомство и переписка с Дж. Симмонсом», тогда же она была переведена Дж. Симмонсом на английский язык.

Впервые я услышал Джона Симмонса в Доме кино в начале 1960-х гг. на просмотре документального фильма о Библиотеке Вольтера. Он выступил на обсуждении фильма и заговорил по-русски, без всякого акцента. Его краткое и яркое выступление запомнилось. Кто-то из Публичной библиотеки пояснил, что это был ученый из Англии Джон Симмонс. Вскоре, во время посещения Отдела редких книг Публичной библиотеки, Татьяна Александровна Быкова, составитель каталога изданий Петровской эпохи, познакомил нас. В дальнейшем мы много раз виделись с Джоном Симмонсом в Научной библиотеке Ленинградского университета и в Публичной библиотеке. Очень рано мы стали обмениваться книгами и оттисками статей. Проф. Симмонс публиковал рецензии на мои каталоги редких книг, переводил некоторые мои статьи. Когда я, уже будучи в Америке, узнал, что Российская национальная (Публичная) библиотека никак не может издать сборник, посвященный памяти его добрых друзей, историка Франции Александры Дмитриевны Люблинской и книговеда Владимира Сергеевича Люблинского, я обратился к Джону Симмонсу, полагая, что начальство библиотеки прислушается к голосу специалиста. Но вместо этого Дж. Симмонс взял на себя оплату этого издания. Когда книга вышла в свет, то там ни слова не было сказано о его участии в создании книги (как выяснилось, по его требованию), и только на титульном листе был отпечатан знак созданного им в 1986 г. Клуба галстукосцев, общества людей, посвятивших себя служению книге. Девизом этого клуба были «4 С» (Conserve — Consider — Contribute — Cooperate; в русском переводе: Сохранять — Соображать — Содействовать — Сотрудничать).

Когда я поступал в Русский центр при Гарвардском университете, д-р Джон Симмонс прислал свою рекомендацию.

Я предложил тему моих будущих занятий — Ян Андрей Белобоцкий, поэт и философ конца XVII — начала XVIII в. Несколько моих сочинений о Белобоцком были напечатаны еще в России. За время работы в Русском центре я сделал несколько новых работ о нем, изданных в США, в России и в Италии.

В США я опубликовал в журнале А. В. Страхова три статьи, посвященные «Исповеданию веры» Белобоцкого. Первой была статья с приложениями, а две представляли полный текст «Исповедания веры» с необходимыми примечаниями.

Во Флоренции, в сборнике в честь известного ученого Антонио Ротондо была напечатана моя статья: «Ян Андрей Белобоцкий: начало религиозной веротерпимости в России позднего семнадцатого века».

Летом 2015 г. я послал Г. В. Михеевой для публикации в журнале Российской национальной библиотеки отдельный очерк о Белобоцком, включавший новые материалы, в частности, отклики на мои работы русских и зарубежных коллег. В это же время я получил от Николая Ивановича Николаева и Ильи Хацкелевича Черняка предложение издать книгу о Белобоцком, включив туда все мои публикации о нем, а также материал, посланный в РНБ (Публичную библиотеку). Правда, пока нет издательства в России, которое смогло бы этим заняться. Но, как говорил один из моих учителей Владимир Сергеевич Люблинский, труднее всего издать ненаписанную книгу. А книга — вот она.

В Русском центре весьма влиятельную роль играл профессор Э. Кинан. Вскоре он прислал мне выписку из каталога Гарвардской библиотеки, где упоминались 17 моих работ и публикаций. И некоторое время спустя я был принят в Русский центр.

Будучи членом Русского центра при Гарвардском университете, я и там посещал интересующие меня заседания. Некоторые мне хорошо запомнились. Особый интерес вызвал доклад М. Л. Гаспарова о поэте Анне Барковой (1901–1976). Признаюсь, что я никогда не слышал о ней. Это была личность чрезвычайно интересная, а ее творчество отмечено серьезным содержанием, ярким по форме и глубоко революционным — за что она и поплатилась. В 1934 г. она была арестована и пробыла в ссылке до 1939 г., а в 1947 г. ее снова арестовали, и она находилась в лагере до 1956 г. Но мало того, во времена «хрущевской оттепели» она снова была арестована за «антисоветскую пропаганду» и пробыла в лагере до 1965 г. Неудивительно, что лагерный опыт стал главной проблемой ее дальнейшего творчества, а публикации ее стихотворений пришлось ждать до времен перестройки.

Я помню выступление в Русском центре Евгении Альбац, она рассказывала о своем журнале, хорошо известном слушателям «Эха Москвы».

На одном из заседаний выступал с большим докладом о значении Петербурга в истории русской культуры профессор философского факультета нашего университета Моисей Самойлович Каган. Мы прекрасно знали его, как преподавателя исторического факультета в первые послевоенные годы. И тут произошло событие, которое повлияло на все мою дальнейшую жизнь. Один из слушателей задал ему вопрос, чем отличается феномен культуры Москвы от Петербурга. Ответа Моисея Самойловича я не запомнил, но после доклада я подошел познакомиться с человеком, задавшим вопрос. Услышав

его фамилию, это был Моисей Исаакович Каганов, я вспомнил, что мне приходилось переписываться с Исааком Яковлевичем Кагановым, профессором Харьковского университета и известным библиофилом. Это был отец моего нового знакомого.

Так в лице «Мусика» Каганова, известного физика-теоретика, работника институтов в Харькове и в Москве, профессора Харьковского, а затем Московского университета, я приобрел нового друга. Мы часто встречались в их доме, они с женой Эллочкой навевались к нам, особенно, когда моя жена, Роза Михайловна Коваль, устраивала выставки своих работ (живопись, ручное ткачество, керамику) или приглашала к нам своих новых знакомых, которые выступали с докладами по своей, часто очень интересной тематике. Из таких докладов я не могу не отметить выступление сына моих питерских друзей, Александра Сергеевича Николаева, который был в аспирантуре Гарвардского университета, о проблемах индоевропеистики. Было время, когда и Моисей Исаакович в доступной для нас форме излагал проблемы физического устройства мира.

Во время заседаний в Русском центре я познакомился с Ольгой Борисовной Страховой, она работала в библиотеке юридического факультета. Ее муж, Александр Борисович Страхов, издавал журнал (ежегодник) *Palaeoslavica: International Journal for the Study of Slavic Medieval Literature, History, Language and Ethnology*. Cambridge (Mass).

В своё время в России я слышал о книге Э. Кинана «The Kurbskii — Groznyi Apocrypha: The Seventeenth-Century Genesis of the “Correspondence” Attributed to Prince Andrew Kurbskii and Tsar Ivan IV» (Cambridge (Mass), 1971). В Америке я решил обратиться к ней. Прочитав, понял, что она не имеет ничего общего с исторической действительностью XVII века.

Я взял чисто книговедческий аспект проблемы. В моей статье, опубликованной в журнале А. Б. Страхова (том VI, 1998 г.) речь шла о «Книжной культуре в письмах князя Андрея Курбского». Я отметил, что все упоминания книг в его письмах относятся исключительно к XVI веку. Показал, что ссылки на переводы «Парадоксов» Цицерона вообще не идут к делу, так как эта работа была проделана филологом классиком Г. Г. Мозером в специальном исследовании в 1846 г. Приведенные данные касаются всех писем, написанных князем Андреем Курбским. Ссылки на издания Скорины были абсолютно правильны. В то же время князь А. М. Курбский не знает перевода «Шестоднева» Василия Великого, появившегося в новом столетии, не упоминает Острожскую Библию, напечатанную Иваном Федоровым в 1581 г., и выхода в свет «Толкований» Иоанна Златоуста на «Послания апостола

Павла», напечатанных в типографии Киево-Печерской лавры в 1623 году. Датировка писем XVI в. исключает возможность их отнесения к XVII веку. Если их не написал князь А. М. Курбский, то придется искать другого автора того же времени, приписавшего свои сочинения бежавшему из Москвы в Литву боярину, а взамен присвоившего себе его судьбу.

Странным образом этот вывод вызвал (не знаю, насколько искреннее) одобрение проф. Э. Кинана. В дальнейшем он стал искать нового, «подлинного», автора «Слова о полку Игореве», жившего в XVIII и в начале XIX века. Других, кроме «опровергательных», работ в списке его сочинений не значится.

Но вернемся к моим бостонским впечатлениям.

В первые годы жизни в Бостоне (до моей болезни в 2002 г.) я постоянно (кроме выходных дней, когда газета стоила много дороже) покупал главную бостонскую газету «Boston Globe». В «Бостонском курьере» я печатался, а к другой русской газете, которую издавала Ирина Муравьева, относился с некоторым пренебрежением. В «Boston Globe» я просматривал все страницы, кроме спортивного раздела.

В городе, кроме центра с его небоскребами — их продолжают возводить и теперь — и отдельных зданий в 8–12 этажей по всему городу — пред нами предстала если не «Одноэтажная Америка», то в основном двухэтажная, правда, часто углубленная в землю с третьим этажом, который обычно одной частью выходил в сад или во двор. Регулярно просматривая сообщения о городских событиях, я крайне редко встречался с описанием пожаров, а это непременно входило в самую важную информацию о городской жизни. Такова американская реальность — отсутствие пожаров в городе, где преобладают деревянные дома.

В советских газетах обычно изображался «Дядюшка Сэм» в виде толстого (пузатого) человека, которому приписывались все несчастья на земле, от войн, шпионажа, эпидемий и всех других возможных и невозможных бедствий на нашей планете. В каких-то из них он видимо был виноват, как всякое правительство на земле, а чаще всего гораздо менее, чем другие, так как его ограничивала демократическая форма правления. Но в аристократических районах Бостона, среди местных жителей и населения крайне дорогих гостиниц мы этих пузатых особ не встречали. К сожалению, эта беда — избыточный вес — гораздо чаще встречается среди — условно говоря — «бедняков», местных жителей, не сумевших отказаться от нездорового и неумеренного питания.

Что еще обратило на себя внимание новых жителей США?

Мы часто видели молодых негров (слово это категорически запрещено в Соединенных Штатах, их можно именовать только «афроамериканцами») одетых в только что отглаженные белые рубашки. Было видно, что они нигде не работают и не учатся.

А когда в наши первые годы здесь мы выходили на утреннюю прогулку, то не раз видели лужи крови, следы ночных разборок... Не нам судить, кто был виноват в этом «кровопролитии», но оно врезалось в память и оставило в ней неизгладимый след...

Важным оказалось для нас сообщение в одной из бостонских русских газет о Русском культурном центре. Моя сестра Элина решила съездить туда со слайдами своих работ. В центре этим серьезно заинтересовались и предложили устроить выставку. Вскоре выставка была открыта — первая выставка ее живописных работ в Америке. Выставка привлекла внимание, на неё приходили не только русские эмигранты, но и американцы. Как вскоре выяснилось, это была последняя подобная выставка: Русский центр был вынужден переехать в другое помещение. В дальнейшем сестра устраивала небольшие выставки в бостонских синагогах и в Лавке читателя. К сожалению, ее новые работы, написанные в Бостоне, за редкими исключениями, были малоудачными: сказывалось ее нервно-психическое заболевание, которое и свело ее в могилу в 2001 г.

В нашем доме — 200 квартир. А платим мы за них сравнительно небольшую сумму. Наша квартира — из самых лучших в доме, в ней есть кухня, ванная с туалетом, большая гостиная, спальня и мой кабинет. Таких квартир в нашем доме всего 10. В обычных домах в этой части города за такие квартиры платят непомерно большую сумму.

Наша квартира выходит окнами на детский сад («Киндергартен») и с начала сентября до конца июня мы постоянно слушаем детские голоса, когда детей выпускают погулять, и это нас крайне радует.

К нам постоянно приносят еду, в пятницу — большую порцию всякой еды, а раз в месяц выдают еще больше. Все это за счет города. Впрочем, наши соседи из русских эмигрантов в основном голосуют за республиканцев, которые собираются свести на нет эти выдачи. Для поездки к врачам мы используем специальные талоны, которые выдаются для стариков и больных людей. По ним можно также ездить и в Музей.

В нашем доме и в окрестностях жило немало наших друзей, в свое время мы добирались до них на метро, но теперь это уже невозможно — из-за моего состояния. Но они приезжали к нам, а иногда забирали нас в своих машинах. В свое время они часто приезжали к нам, когда у нас выступали наши гости.

Из наших гостей особенно запомнились — приезд Николая Ивановича и Сергея Ивановича Николаевых.

В свое время к нам приезжал и Володя Бахтин. Он подарил нам множество своих статей и великолепную книгу сочинений (и множества писем и документов) Леонида Добычина. Книга великолепная, кажется, еще никто из русских писателей не удостоивался такой чести (кроме А. С. Пушкина!). И сколько замечательных документов ему удалось собрать и сохранить в своем архиве. Я и сейчас перечитываю эту книгу.

О моем переславском друге Аркадии Литмановиче я писал и раньше. Он приезжал из Москвы к нам в Бостон. Мы встречались с ним и в Москве, и в Петербурге во время наших поездок в Россию. С другим переславским другом Виктором Шепелевым мы повидались еще во время нашей давней поездки в Переславль. Он тогда уже работал врачом. А недавно я узнал, что он стал кандидатом медицинских наук и много преподавал в медицинских институтах.

Важнейшим для нас событием явился приезд в США в декабре 1999 года моего близкого друга Николая Ивановича Николаева. Он был участником научной конференции «Bakhtin and his contemporaries» в городе Блумингтон, штат Индиана, где выступал с докладом, а на обратном пути заехал к нам в Бостон. Мы много гуляли по городу, побывали и в Кембридже. Нам было о чем поговорить.

В конце 90-х годов мы поехали в Монреаль — моя школьная подруга со времени эвакуации в Глазов в 1941–1943 гг., Ася Соломонова, с которой у нас сохранились добрые отношения на всю оставшуюся жизнь, переехала в Канаду. Это было первое наше путешествие за пределы США. Потом и Ася не раз бывала у нас в Бостоне.

До тех пор, пока я не получу американское гражданство (Роза получила американский паспорт в сентябре 1999 г., я — в феврале 2000 г.), я не поеду в Россию. Так я решил. По приезде в Америку мы не отправились регистрироваться в русском посольстве и консульстве. Как потом выяснилось, это был правильный шаг. Через много лет в одной из американских контор русскоговорящая чиновница негодовала; как это так? Вы не получаете русскую пенсию? Вы должны её получать! Нам с трудом удалось доказать, что мы имеем право полностью порвать отношения с властями России. Да, и пенсию заработанную не получаем. Вот так просто — считаем невозможным для себя сохранять даже самые слабые формальные связи с русской властью. Меня удивляло, как люди, приехавшие в США на тех же основаниях, что и мы, позволяли себе ездить в Россию по русским паспортам. Одну нашу знакомую

при выдаче то ли удостоверения о гражданстве, то ли паспорта, спросили: «А если возникнет такая ситуация, что Россия будет воевать с США?», она ответила, что этого не случится. Но задавший этот вопрос чиновник оказался не так далек от истины, судя по нынешнему ухудшению международных отношений. Войны, к счастью, нет, но нынешний конфликт весьма серьезен.

Легче было оформлять поездки в другие страны (в России это называлось «капстраны»). Так мы побывали в Израиле в 1999 г., получив приглашение от друзей Машиного мужа Максима Райкина. Я настоял на поездке, справедливо полагая, что в 2000 г. это будет сложнее осуществить из-за обилия паломников. Поездка в Израиль была чрезвычайно важна. Мы увидели места, связанные с событиями Ветхого и Нового Завета, и с историей христианства. Встретились с некоторыми сослуживцами Розы по Эрмитажу, с ее ближайшей подругой Милой Прийменко и ее детьми. Посетили и моего двоюродного брата, профессора Иерусалимского университета Илью Захаровича Сермана и его жену, писательницу Руфь Зернову (до этого они побывали у нас в Бостоне). И. З. Серман постоянно приезжал в США, где читал лекции, а со времени перестройки часто бывал в России, где выступал с научными докладами в Москве и в Петербурге. Вскоре после его кончины в Петербурге состоялась научная конференция, посвященная его памяти.

Были и другие поездки в 1990-х и в 2000-х годах — с экскурсиями в Испанию, Бельгию, Голландию и Люксембург. В последней поездке мы побывали в главных музеях, но, к сожалению, не успели попасть в Музей Рембрандта. А в Роттердаме мы не смогли посмотреть памятник Эразму Роттердамскому. Сильнейшее впечатление произвел памятник Цадкина, посвященный трагедии Роттердама — город был разрушен немецкими бомбардировщиками в мае 1940 г.

В 2003 году мы побывали во Франции по приглашению нашей давней знакомой, близкого нашего друга Анны Мисслен, с которой постоянно переписывались с 60-годов. Она часто бывала у нас дома в Ленинграде. Ныне она жила в Страсбурге. Анна и Рене, её муж, встретили нас в Париже. По дороге в Страсбург мы заезжали в Орлеан и Реймс. Из Страсбурга в Швейцарию мы проехали, не предъявляя никаких документов. Нашей целью был Базельский художественный музей, где мы впервые увидели картину Гольбейна «Христос на смертном ложе», дважды упомянутую Ф. М. Достоевским в «Идиоте».

В Кальмаре, находившемся поблизости от Страсбурга, мы видели знаменитый алтарь Альтдорфера. Нас, новых граждан Америки, не оставило равнодушными и то, что Кальмар был родиной скульптора Ф. А. Бартольди, создавшего для США «Статую Свободы», ставшей символом американской эмиграции.

Три поездки в Россию — 2000, 2004, 2007 годы...

Останавливались мы, как всегда, у нашего дорогого друга Якова Бутовского. Глубоким горем стала для нас его смерть 11 мая 2012 года.

Как сильно изменился город. Нас поразило обилие названий ресторанов и магазинов на английском языке.

На Первых Лихачевских чтениях осенью 2000 года я выступил с докладом, называвшимся «“И то твоё не истинно иноческое житие...” (Монашеский идеал и повседневная хозяйственная жизнь Кирилло-Белозерского монастыря)». Следующее выступление в 2004 году было посвящено проблемам перевода Андрея Белобочко первого двух книг «О последовании Христу» Фомы Кемпийского (этот доклад был позднее напечатан в «Трудах Отдела Древнерусской литературы»), третий доклад — «Кабинет Фауста» (на конференции, посвященной 150-летию Отдела редких книг Российской национальной библиотеки), — был опубликован в сборнике научных трудов «Книжная старина» (Вып. 1. СПб., 2008).

Свой доклад «Проблема русского Предвозрождения в трудах Д. С. Лихачева» я послал на Третьи Лихачевские чтения в 2007 г. Доклад был прочитан, но в печати он так и не появился — его не одобрили в Отделе Древнерусской литературы Пушкинского дома. Напечатан он был только в 2013 году в моей книге «Труд науки и извороты шарлатанства. О ремесле историка».

Из моих поездок в Петербург запомнилось многое. Мы останавливались и у Татьяны Николаевны и Ильи Хацкелевича (когда Бутовский был за границей). Мы ездили в больницу к Александру Михайловичу Панченко (вместе с Ильей Захаровичем Серманом), с Николаем Ивановичем посещали Владимира Александровича Якубского. Были в доме Юрия Георгиевича Алексева, встречались с Ладой Валентиновной Серебряковой.

Мы посетили и Владимира Бахтина. Он уже был болен, но принимал нас как всегда радушно, рассказывал, что в его архиве, помимо прочих материалов, есть непристойные частушки, которые он ни в коем случае не собирается публиковать. (Много позднее я познакомился с двухтомником таких же частушек, кажется, в Гарвардской библиотеке). После возвращения в Бостон я позвонил Володе Бахтину, но он уже не мог подойти к телефону, а вскоре я узнал о его кончине.

На протяжении многих лет во всех моих делах, связанных с Петербургом, мне неоценимую помощь оказывали мои друзья Николай Иванович Николаев и Илья Хацкелевич Черняк. Я всегда с огромной благодарностью относился к их помощи и содействию. Особо следует сказать об их участии в подготовке книги «Труд науки и извороты шарлатанства. О ремесле исто-

рика». Без их участия, находясь в Бостоне, я никак не смог бы подготовить её. Они взяли на себя всю работу по доведению моего текста до состояния, соответствующего требованиям издательства.

В этой книге только первая статья была напечатана в России, все остальные статьи писались в эмиграции, некоторые до того не публиковались ни разу.

В заключении несколько слов о Петербургском издательстве «Дмитрий Буланин». В конкурсе, проводимом Ассоциацией книгоиздателей (АСКИ), издательство оказалось среди победителей: книга, действительно, издана с исключительной тщательностью и художественным вкусом (хочу отметить дизайн переплета А. П. Баклановой). Текст диплома в конкурсе «Лучшие книги года» звучит так: «Правление АСКИ награждает лауреата конкурса 2013 года издательство «Дмитрий Буланин» за книгу Александра Горфункеля «Труд науки и извороты шарлатанства. О ремесле историка», включенную в номинацию «Лучшая книга по гуманитарным наукам». Президент АСКИ. 5 июня 2014 г.».

Я перевёл на русский язык стихотворные произведения Стеллато и издал сочинения Яна Андрея Белобоцкого.

Но переводчиком и литературоведом я не был.

Я издал учебное пособие по философии эпохи Возрождения, напечатал множество статей по философии XV–XVIII вв. Перевёл на русский язык немало произведений философов.

Но философом я не был.

Я сделал доклад о сочинении Фомы Кемпийского «О последовании Христу», но при этом не могу причислить себя к знатокам римско-католического богословия.

Полгода я работал в Музее А. С. Пушкина и подготовил большую выставку к юбилею войны 1812 года, но «пушкинистом» так и не стал.

Работая в университетской и Публичной библиотеке, я занимался изучением и комплектованием их редких фондов, участвовал в 10 археографических экспедициях. Издал несколько каталогов редких книг и напечатал (совместно с Н. И. Николаевым) книгу «Неотчуждаемая ценность» о редких изданиях университетского собрания. Эта работа помогла мне и поддерживала меня в моих исторических исследованиях.

Во всех этих случаях я был прежде всего историком.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

ХАИМ ДОНОВИЧ ГОРФУНКЕЛЬ

Мой отец Хаим Лейб Донович Горфункель родился в Гомеле 20 декабря 1886 г. в семье учителя начальной школы (меламеда); детей было шестеро, отец был старшим. Деда я не застал, из рассказов отца знаю, что он любил читать Ф. М. Достоевского, а на белых стенах печки любил рисовать корабли. Семья была бедная, хотя кто-то из предков был ювелиром (откуда и пошла фамилия, означающая ограненный алмаз). Не исключено, что семья происходила из испанских евреев (сефардов), из той их богатой ветви, которая переселилась в Европу — в Голландию и в Италию.

В пятнадцать лет отец стал работать библиотекарем в обществе «Просвещение», потом стал заведовать библиотекой. Никаких учебных заведений он не кончал, всё, что он знал, пришло из жизненного опыта и из самообразования. Домашняя библиотека в Ленинграде была большая, она включала книги из «Библиотеки великих писателей» Брокгауза-Ефрона, издания русских классиков в приложениях к журналу «Нива», советские издания сочинений Чехова, Достоевского, Горького, Блока и в большом подборе книги издательства «Academia».

С 1909 до декабря 1911 г. отец отслужил три года в армии. Писать он начал еще до этого. Первые свои опыты он посылал В. Г. Короленко и получил от него положительный отзыв (в письме, которое впоследствии отдал наследникам писателя). Возможно, что и печататься он начал в это же время (в газетах Гомеля, Витебска, Минска), но точных сведений о его публикациях у меня не сохранилось.

Первую мировую войну отец отслужил в армии от начала мобилизации. Был контужен. Служил рядовым в 54 Сибирском стрелковом полку в 15 роте. Приказом по полку №95 от 4 апреля 1916 г. стал ефрейтором. В его архиве сохранилась солдатская книжка (с печатью 15 роты) с записями от 18 июля 1914 г. до 15 марта 1917 г. (57 листов); ныне находится в моем фонде в Рукописном отделе РНБ. Когда были разрешены отпуска для солдат, он подал рапорт, но ему отказали: «Потому, что ты еврей». «Командир батальона сказал: если хочешь в отпуск, побывай в бою». Отец записал: «Все лето я был в боях, под Люблином 6, 10.7 — Пеотровица, 24.7 — Новая Весь,

21.7 — Недзвиза, 10.8 — Долбизна, 11.8 — Бабенки, сентябрь — Нарыны Шары. Не был я только в последнем бою у Берземицы [возможно, не точно прочитано название — АГ], а если бы был там, в отпуске не нуждался бы, так как оттуда никто не пришел».

После возвращения в Гомель Х. Д. Горфункель работал заведующим Губернской центральной библиотекой, занимал ряд других должностей, связанных с книжным делом. Был награжден званием Героя труда. Опубликовал книжку: Десятичная библиотечная система и её применение в библиотеках различного типа (1920). В 1923 г. выступал с докладом на съезде библиотекарей. В 1941 г., во время эвакуации, я познакомился с директором Глазовской библиотеки. Он сразу же вспомнил моего отца. Он был на всесоюзном съезде библиотекарей и говорил, какое глубокое впечатление на него произвел доклад отца.

В это время (а возможно и раньше) он познакомился с Львом Семеновичем Выготским (известным философом) и с его двоюродным братом Давидом Исааковичем Выгодским (сохранились их фотографии в Музее печати). В 1921 г. в Гомеле был издан сборник рассказов Х. Д. Горфункеля «Репетиция смерти» (Гос. изд-во). Отец печатался в альманахе «Красные зори». Помню, что среди его знакомых был известный художник-график Юдовин и А. Быховский, оформивший его книгу (о нем в Москве издал книгу Л. С. Выготский).

Связи с бывшими сослуживцами по Сибирскому полку отец сохранил; я помню, как к нам в дом приезжал один из них, командир Красной Армии. В 1937 г. он застрелился.

В 1925 г. Х. Д. Горфункель переехал в Ленинград и стал работать в Ленокогизе. Продолжал писать, но все его попытки опубликовать свои работы в журналах успеха не имели. Один из разгромных отзывов рецензента (П. Медведева) был найден в ЦГАЛИ М. Эльзоном. Видимо, отказавшись от занятий литературой, отец в середине 1930-х годов продал свою пишущую машинку Д. И. Выгодскому (мы с сестрой почему-то очень об этом жалели).

Брат отца Зелик работал в какой-то украинской газете, после приезда в город Кагановича он был арестован и вскоре расстрелян («10 лет без права переписки»). Другой брат, Давид, был военный, служил на Украине, никаких сведений ни о нем, ни о его семье у нас нет, скорее всего, он погиб на фронте, а семья оказалась среди жертв Холокоста. Третий брат служил офицером на кораблях Балтийского флота, после войны был переведен в Ригу. Сестра отца с мужем погибли во время блокады, их дети воевали (сын в авиации, три сестры — врачами и сандружинницами, младшая до конца жизни осталась инвалидом).

Последние годы перед войной отец в Ленокогизе (Ленинградском объединении издательств) заведовал секцией научной книги. Преподавал в книготорговом техникуме. Мне встречались работники книжных магазинов, которые хорошо помнили моего отца. После войны ленинградские букинисты (Нечаев, Иванов, Степанов), познакомившись со мной, говорили, что сохранили о нем добрую память; возможно, в его ведении были и магазины старой книги.

В войну отец остался в Ленинграде. В печати были сведения, «что до последних часов своей жизни оставались за книжным прилавком старые продавцы», среди них назван и Х. Горфункель (Д. Новоплянский. Простая история. По следам письма. — «Правда», 26 марта 1967 г.). Отец никогда не был продавцом книг, но, возможно, он заменял ушедших на войну.

В 1944 г. в Переславле показывали фильм, кажется, он назывался «Ленинград в борьбе». Там был показан человек, продающий книги у Дома книги. Ребята сделали для нас копию одного кадра, там был показан человек, продающий книги. Он был в черной шляпе и в очках, но мы с матерью не смогли узнать в нем отца. Теперь я думаю, что это был он, и мы с матерью ошиблись — учитывая и сообщения в печати.

Последние дни он тяжело болел; после того, как в наш дом попал немецкий снаряд, его перевезли в больницу Эрисмана, где он вскоре и скончался (30 марта 1942 г.) Из архивных материалов я узнал, что погибших от голода ленинградцев, из больницы Эрисмана отвозили на Серафимовское кладбище, там он и был похоронен в братской могиле. Библиотеку и архив отца мой двоюродный брат, служивший в армии Артемий Александрович Экк вместе с женой Надеждой Вениаминовной Преображенской перевозил на саночках с Геслеровского переулка на Васильевский остров. Экк погиб в 1944 г., его могила была обнаружена «следопытами» в 1993 г.

Выготская Г. Л., Лифанова Т. М. Лев Семенович Выготский: Жизнь. Деятельность. Штрихи к портрету. М., 1996. С. 48, 61.

Горфункель Х. Заказаоборот. М., 1934.

Меклер А. Книжник-энтузиаст // Книгу в массы. 1932. № 21. С. 23–24.

Ольдин П. [Рецензия на книгу Х. Горфункеля «Репетиция смерти»] // Утренники. Альманах. Кн. II / Под ред. Д. А. Лутохина. Пб., 1922. С. 148.

РНБ, Отдел рукописей, фонд 103 (Г. Г. Бредерсен), ед. хр. 51. л. 1–2.

Горфункель Х. Д. Письмо Давиду Исааковичу Выгодскому. Гомель, 11 апреля 1923. — РНБ, Отдел рукописей, ф. 1169, ед. хр. 395.

Письмо Григория Яковлевича Аронсона А. Г. Горнфельду с приложением рукописей Х. Горфункеля. («Солдатский быт изображает человек, сам прошедший солдатчину, не сверху наблюдавший эту жизнь. У нас обычно военные писатели — не солдаты, а офицеры». Без даты, написано в 1912 г.). Копия из РГАЛИ, без указания шифра.
Отзыв П. Медведева о сочинении Х. Горфункеля. 24 мая 1926 г. — ЦГАЛИ (СПб.), ф.35, оп. 1, № 553, л. 129–129об.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

О КНИГЕ Л. М. БАТКИНА ПЬЕТРО АРЕТИНО И КОНЕЦ ИТАЛЬЯНСКОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ. М.: РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ, 2009

В книге Л. М. Баткина речь идет о творчестве Пьетро Аретино как о *конце итальянского Возрождения*. Признаюсь, я не очень люблю слово «конец» (или «последний») — слишком часто его прилагали к разным фигурам. Мне пришлось в свое время писать об Аонио Палеарио; он тоже завершал собой определенный тип культуры. Он писал по-латыни в присущих гуманистам жанрах; воспевал наступление «золотого века» новой учености, детям дал греческие имена. Но «последним» он оказался в обстановке контрреформации и погиб от рук инквизиции.

Аретино писал только на *volgare* (классических языков он не знал), и если в чем-то он и определял собою «конец», то для него более подходящим было бы слово «тупик»; сам Л. М. Баткин неоднократно определяет позицию своего героя как «казус историко-культурной тупиковости» (С. 141), как «ярчайшее, пластическое воплощение ренессансного культурного тупика», как «разложение ренессансной поэтики» [курсив автора] (С. 143).

Несомненно, полагает он, снижение тех элементов ренессансного культурного наследия, который усматривается в сочинениях Аретино. Независимо от употребляемой терминологии (автор называет своего героя бастардом, незаконнорожденным сыном ренессансной эпохи, либо симулякром, т. е. подобием позднего Возрождения — С. 144–145), Л. М. Баткин обосновывает эту мысль на многочисленных примерах творчества Аретино, на его переписке, драматургии, религиозных сочинениях и откровенно порнографических стихах и «Беседах» (или «Разговорах») куртизанок. Во всех этих произведениях Пьетро Аретино идет, по мнению Л. М. Баткина, на вульгаризацию того, что он использовал из наследия итальянского Возрождения.

Это главный итог исследования. В огромной литературе о Пьетро Аретино мы встречались скорее с моральными оценками поведения писате-

ля, нежели с пониманием его творчества в историко-культурном плане. Л. М. Баткин стремится показать «*степень мыслительной и художественной значительности сочинений Аретино*» и «*понять истинный масштаб и особое место, которое он в ней занимает*» [курсив автора] (С. 17).

Значительный интерес представляет раздел книги, где автор противопоставляет Пьетро Аретино якобы «постмодернистским» гробовщикам отечественной культуры — «всем им безмерно далеко от Аретино [...] И вот они ради компенсации раздеваются догола и лают по-собачьи. [...] и заглядывают, рифмуя, в унитазы в поисках своей независимой идентичности и современности. Претендуя на то, чтобы явить самое последнее и посему настаивая на утрированно почтительное отношение к себе, но будучи решительно ничем — и немного даже догадываясь об этом в качестве людей по-своему неглупых и ловких — эти трюкачи хватаются за словечко “перформанс”, что в данном случае нужно переводить как “кривляние, затягивающее умничающую публику”».

На этом фоне Аретино ослепителен.

Куда героям нынешних “перформансов” до опустошенного и все равно поздне-ренессансного и великолепного Аретино, бесстыдно кланчившего эскизы у... Микеланджело. [...] В типологии новоевропейских вырожденцев культуры Пьетро Аретино — самый ранний и, пожалуй, самый содержательный случай» (С. 146).

Мне кажется, что подобное заключение позволяет кое-что уточнить и в концепции исследования Л. М. Баткина. Пьетро Аретино предстает перед нами не столько как *конец* итальянского Возрождения, но и как *завершитель* именно *этой* эпохи.

Очевидно при этом, что Пьетро Аретино в своих оценках произведений современного искусства (главы «Самое знаменитое и прекрасное письмо к Тициану» и «Аретино как критик искусства», «Отношение Аретино к Микеланджело» — С. 13–15, 38–49, 127–136), независимо от его позднейших нападок на «Страшный Суд», проявил себя как глубоко понимающий ценитель и знаток, и тем самым оказался *подлинным наследником* Возрождения.

Не следует забывать и *особый язык* Пьетро Аретино. При всей наглости, корыстолюбии, самоуверенности, самовлюбленности и подобострастии его резкий и грубый, порой сентиментальный, порой ярко эмоциональный способ выражения нес в себе черты говора простолюдинов, с присущим ему юмором. Язык Аретино несомненно повлиял на «Подсвечник» Джордано Бруно (который в переводе Я. Г. Емельянова так и назывался «Неаполитанская улица»).

Вместе с тем в новой книге Л. М. Баткина мы сталкиваемся со множеством странных и неудачных высказываний, а также и с прямыми ошибками и неточностями. Возможно, это результат спешки, в которой готовилась книга о Пьетро Аретино; тем не менее им не место в серьезном научном исследовании. Я считаю своим долгом подробно остановиться на тех из них, которые снижают общее впечатление от этой работы.

Меня удивляет перевод знаменитого выражения Тацита («*sine ira et studio*») как «без гнева и *снисхождения*» (С. 29). Мне представляется, что лучше было бы перевести последнее слово как «*пристрастия*» — оно принято и самим Леонидом Михайловичем, который именно так назвал два издания сборника своих статей.

На стр. 36 и 37 автор приводит две цитаты из писем Пьетро Аретино. В первом случае письмо не датировано, во втором обозначено 1546 г. Трудно сказать, то ли в переписке Аретино это два разных, но совпадающих по тексту и по смыслу письма, то ли Л. М. Баткин приводит два перевода одного и того же текста; в любом случае они настолько совпадают, что можно было бы ограничиться одним высказыванием.

Вот первый текст:

«благодарение Богу, вокруг меня нет ни ненавистного рабства, ни злобной алчности, я ни у кого не отнимаю времени, я не получаю удовольствия от чужой нищеты и кормлю всех досыта. Мои служанки мне как дочери, а слуги как братья. Покой составляет украшение моих комнат, а мажордом моего дома — свобода».

А вот и второй:

«Благодарению Божьему меня не точит ни рабская ненависть, ни злопамятная алчность. Я делюсь со своими всем вплоть до рубашки и куска хлеба, мои служанки мне как дочери, а мои слуги как сыновья. Мир — вот украшение моих комнат, а свобода — это мажордом всего жилища». Замечу, что слово «мажордом» вряд ли уместно в переводе, не лучше ли было сказать об «управителе»?

Говоря о религиозных сочинениях Пьетро Аретино, Л. М. Баткин пишет, что о них в России «практически ничего не писалось». Что означает это взятое из советского лексикона слово «практически»? Я вспоминаю тогдашнего ленинградского партийного начальника Г. В. Романова, который утверждал, что завод «практически» готов, когда там еще не начинали рыть котлован. Или о них что-то писали, или не писали совсем. Смею упомянуть свою статью «Пьетро Аретино и Виттория Колонна» (Проблемы итальянской истории. 1982. М.: Наука, 1982. С. 214–225), где я кое-что об этих религи-

озных сочинениях писал, в том числе и об их глубокой эмоциональности. Л. М. Баткин считает неуместной мою ссылку на введенное им понятие диалогичности Возрождения (С. 124). Однако у меня речь шла о диалогичности двух типов религиозности (Виттории Колонны и Микеланджело с одной стороны и Пьетро Аретино с другой).

Л. М. Баткин превосходно показал глубокое родство религиозных сочинений Аретино с произведениями ренессансного искусства. Он воспроизводит описание «Благовещения» Аретино с очевидной оглядкой на многочисленные изображения итальянских художников, учитывает и картины о «Шествии волхвов», и живописные трактовки «Бегства в Египет». Более того, подробное описание «Распятия» у Аретино — «что-то вроде программы для живописца» (С. 93).

Огорчает только очевидная описка: Л. М. Баткин пишет об извлечении Аретино «из всех четырех синоптических Евангелий» (С. 55), которых на самом деле было три. Вероятно, он имеет в виду *канонические* Евангелия. Сравнивая упрощенный пересказ проповедей Иисуса Христа у Аретино, Л. М. Баткин противопоставляет их «мощи и величавой суггестивности Евангелий»; это звучит крайне научно, но не лучше ли было бы найти более очевидное русское слово? (С. 72).

Рассуждая о религиозных сочинениях Аретино, который «не позволяет себе никакой игры в двусмысленность», Л. М. Баткин противопоставляет ему «нашего Пушкина, прошедшего выучку у Вольтера» (С. 58) — в этом случае скорее следовало бы сказать об Эваристе Парни: не зря же А. А. Ахматова вспомнила о «растрепанном томе Парни»; непонятно, почему «Гавриилиада» вообще возникает в связи с книгой П. Аретино «Человечность Христа».

«Житие Св. Екатерины Александрийской» было посвящено родственнику Виттории Колонны маркизу Дель Васто. Характерно, что это произведение Аретино одобряла и Виттория Колонна. И здесь Аретино ссылается на художественный опыт «божественного Буонаротти, чтобы нарисовать на малом пространстве весь апостолический консисторий» — признаюсь, я не могу понять, что в данном случае означает слово «консисторий» (вряд ли императорский тайный совет), его следовало бы перевести на русский язык (С. 100).

Что касается «Жития Фомы Аквинского», то Л. М. Баткин считает, что в этом случае Пьетро Аретино был под влиянием Тридентского собора: «послетридентские официальные установки», «во вкусе публики, проникшейся духом Тридентского собора» (С. 98, 104). Но «Житие» было издано в 1543 г., а заседания собора начались в 1545 г. Правильнее сказано о желании «понравиться контрреформационной римской курии» (С. 104).

Говоря о службе Аретино у знаменитого кондотьера Джованни де Медичи Делле Банде Нере, Л. М. Баткин называет его предводителем «разбойничьих “Черных Банд”» — однако этот титул был принят им в связи с включением в его герб черных полос после кончины своего родственника папы Льва X, а вовсе не от названия руководимых им отрядов.

Л. М. Баткин с большой похвалой (как и я в свое время) отзывается о работе А. К. Дживилегова, посвященной Пьетро Аретино. Но есть и другие мнения о работах этого историка. Когда вышла книга А. И. Хоментовской о Кастильоне, она «имела неосторожность пренебрежительно высказаться в примечании о статье Дживилегова, посвященной тому же Кастильоне. Он мне отомстил, объявив в печати, что в своей книжке я всего навсего пересказала Julia Cartwright, приписав мне свой способ работы» (А. И. Хоментовская. Пройденный путь // А. И. Хоментовская. Итальянская гуманистическая эпитафия: Судьба и проблематика. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1995, С. 234–235). Позднее, когда я перечитывал статью А. К. Дживилегова об Аретино, я обнаружил, что в ней не то чтобы была «пересказана» работа итальянского ученого — это был просто ее перевод.

В знаменитом письме к Микеланджело Аретино обыгрывает эпитет «божественный», прилагаемый к художнику: «если вы божественный, то и я не пустое место»; так переводит Л. М. Баткин. Но в данном случае Аретино противопоставляет эти выражения: «если вы *divino* (*di vino* — из вина), то ведь и я не из воды (*dell'acqua*)» (С. 134).

В письме к скульптору Лионе Аретино пишет: «Ступайте же теми путями, которые через ваш *кабинет* ведет природа» (здесь и далее — курсив мой) — очевидно, в данном случае «*gabinetto*» означает мастерскую (С. 45). В письме Микеланджело Аретино пишет о своем восприятии достоинства «вашего *фатального дара*» — м.б. дарованного судьбой или роком? Или говорит о тех чудных вещах, «которые постоянно порождает божественность, оплодотворяющая *интеллект*» — м.б. разум или разумную способность? (С. 130, 133). В письме Даниеле Катанео Аретино пишет о том, «кто в своем искусстве преисполнен всяческими *амбициями*» (С. 47) — честолюбием?

В словах Л. М. Баткина встречаются странные выражения. «Поэтому его восхищение Микеланджело основано на сотворении художником “новой природы” — то есть, природы, как мы ее воспринимаем, *интуируем*, короче, нас самих» (С. 39) — слово «интуируем» можно бы передать по-русски. Вряд ли к работе Тициана «Голова Иоанна Крестителя» применимо выражение «Постренессансный “*сюр*”» (С. 41). В другом месте Л. М. Баткин пишет: «Как и приписываемое Тициану живописание “новой природы” благодаря

“*привилегиям* природы и фортуны”» — м.б. слово «привилегиям» все же уместнее было бы заменить «достоинствам» (С. 44).

Эти мои вполне частные придирки к тексту книги Л. М. Баткина о Пьетро Аретино вызваны, пожалуй, более всего тем, что в других (многочисленных) работах этого автора — а я храню их, начиная с первых его выступлений в печати и до последних научных публикаций, у меня если и были какие-то возражения, то относились они никак не к языку и стилю его сочинений.

АЛЕКСАНДР ХАИМОВИЧ ГОРФУНКЕЛЬ — ИСТОРИК КНИГИ

Любовь к чтению и книге зародилась у А. Х. Горфункеля еще в юные годы под благотворным влиянием родителей. Его отец — Х. Д. Горфункель, погибший в блокаду в Ленинграде, был известным в 1920–1930-е гг. библиотечным деятелем, литератором (в 1921 г. в Гомеле была издана книга его рассказов об империалистической войне «Репетиция смерти»).

Книговедческие интересы А. Х. Горфункеля берут свое начало в его исторических студиях. Его интерес к истории западной и русской книги, с одной стороны, прямо вытекает из его работ по истории экономической деятельности Кирилло-Белозерского монастыря, в основе которых лежал огромный комплекс документов, изучение которого стало великолепной палеографической школой, и, с другой, из его занятий историей культуры и философии европейского Возрождения, в первую очередь итальянской натурфилософии XVI в. Недаром его первая книговедческая работа была посвящена Джордано Бруно¹.

Как первая книговедческая работа А. Х. Горфункеля явилась результатом историко-культурных разысканий, так и все его последующие собственно книговедческие труды подразумевали тот же широкий историко-культурный контекст, конкретизации и уточнению которого они были посвящены. В его книге «Гуманизм и натурфилософия Итальянского Возрождения» первая глава «“Золотой век” и инквизиция» содержит замечательный анализ динамики западноевропейского книгоиздательства второй половины XVI в., построенный на данных каталогов франкфуртской книжной ярмарки конца XVI в. и начала XVII в.² Спустя десятилетие на примере династии венецианских издателей Мануциев А. Х. Горфункель на ярких примерах — с привлечением экземпляров Публичной библиотеки — убедительно показал, как в XVI в. в Италии произошел перелом от гуманистического книгопечатания к книгопечатанию эпохи контрреформации³.

---

¹ См.: *Горфункель А. Х.* Первые издания произведений Джордано Бруно в библиотеках Ленинграда // Книга: Исслед. и материалы. М., 1960. Вып. 3. С. 432–436.

² См.: *Горфункель А. Х.* Гуманизм и натурфилософия Итальянского Возрождения. М., 1977. С. 21–37.

³ См.: *Горфункель А. Х.* Альд Мануций и его преемники // Книга: Исслед. и материалы. М., 1988. Сб. 56. С. 134–150.

Выдвинутая А. Х. Горфункелем оригинальная концепция европейской культурной истории XV–XVI в., включающая и книгоиздательство, позволила ему впервые определить Острожскую Библию Ивана Федорова (Острог, 1581) как особый, уникальный тип издания, три главных особенности которого были лишь по отдельности присущи тем или иным западноевропейским изданиям Библии, начиная с момента возникновения книгопечатания: «работа над Острожской Библией сочетала в себе элементы издания официального авторитетного текста Священного писания на сакральном языке (1), научного издания наиболее достоверного и выверенного текста в соответствии со славянской рукописной традицией и греческим текстом (2) и вместе с тем издания памятника национальной письменности на языке, сохранявшем значение литературного языка восточнославянских народов (3)»⁴. Тогда же, опираясь на имевшийся в инкунабуловедении опыт изучения деятельности И. Гутенберга, А. Х. Горфункель применил понятие издательская программа и к изданиям Ивана Федорова, что позволило впервые увидеть во всех трудах московского первопечатника единство замысла и осмысленную преднамеренность в отборе книг для типографского тиснения⁵. Объяснительная сила этого понятия такова, что оно может быть применено не только к деятельности одного типографа или типографии, пусть даже и такой значительной, как Московский Печатный двор в XVII в.

Описывая с середины 1980-х гг. колыбельные издания в одном из самых крупных в мире хранилищ инкунабулов, где, кстати, под его редакцией и при его участии выпущено три выпуска «Учетного списка собрания инкунабулов ГПБ» (1986, 1989 и 1992), А. Х. Горфункель приходит к замыслу книги «Гуманисты и раннее книгопечатание». С начала 1990-х гг. отдельные главы этой книги начинают появляться в печати⁶. Ближе к этой книге примы-

⁴ Горфункель А. Х. Историко-культурное значение первопечатных Библий (Острожская Библия в контексте европейской культуры) // Федоровские чтения 1981. М., 1985. С. 73–74; (разбивка наша — Н. Н., И. Ч.).

⁵ См.: Горфункель А. Х. Издательская программа Ивана Федорова // В мире книг. 1983. № 12. С. 5–7).

⁶ См.: Горфункель А. Х.: Фрески Томазо да Модена в Тревизо и книжная культура позднего Средневековья // Книга: Исслед. и материалы. М., 1993. Сб. 66. С. 213–218; Он же. Похвала типографскому искусству: гуманисты о книгопечатании // Книга: Исслед. и материалы. М., 1994. Сб. 67. С. 79–93; Он же. Готика и антиква: Знаковый смысл шрифтов в раннем книгопечатании // Книга: Исслед. и материалы. М., 1994. Сб. 69. С. 79–95; Он же. Гуманистическая книга в канун книгопечатания // Древний мир и мы: Классич. наследие в Европе и России. СПб., 1997. С. 60–69.

кает блестящий этюд, рассматривающий легенду о библиотеке московских государей как отзвук эпохи собирания древних рукописей, начатой поисками Петрарки и Боккаччо и продолженной гуманистами-собираателями XV в.⁷

Все эти новаторские обобщения были бы невозможны без скрупулезного и тщательного изучения и описания отдельных экземпляров старопечатных книг, коллекций определенного вида изданий, частных библиотек и библиофильских собраний. И здесь не только книги из собрания Научной библиотеки Ленинградского университета, где протекала большая часть исследований А. Х. Горфункеля, но издания и из других книжных собраний Петербурга, а также — Москвы, других городов и стран. Так, только отдельным книжным экземплярам он посвятил десятки статей и заметок, в том числе газетных. По примеру своих наставников, А. Х. Горфункель считает своей обязанностью знакомить общественность с новыми замечательными находками в истории книгопечатания и бытования старопечатных книг. В книге «Неотчуждаемая ценность»⁸ все главы, написанные А. Х. Горфункелем, появились прежде в газете «Ленинградский университет».

Однако наибольшую славу А. Х. Горфункелю как книговеду принесли каталоги исторических коллекций Научной библиотеки Ленинградского университета (инкунабулов, кирилловской печати, палеотипов), каждый из которых явился образцом для почти всех каталогов такого типа, появившихся впоследствии. Сам А. Х. Горфункель всегда рассматривал эти свои каталоги как этапы на пути к созданию сводных каталогов такого типа изданий в пределах всей страны.

Уже «Каталог инкунабулов»⁹, создававшийся при содействии выдающегося отечественного историка книги В. С. Люблинского, содержал наряду с обязательными позициями описания важное новшество. Одним из первых, после В. И. Малышева и В. С. Люблинского, А. Х. Горфункель начал изучение фрагментов старопечатных книг, которые, как правило, извлекались в процессе реставрации из переплетов. Первой такой находкой, сделанной в 1964 г., были фрагменты «Краковского миссала», выпущенного

---

⁷ См.: Горфункель А. Х. Гуманистические источники легенды об «античной» библиотеке московских государей // Труды Отд. древнерус. лит. СПб., 1993. Т. 48. С. 242–247.

⁸ См. Горфункель А. Х., Николаев Н. П. Неотчуждаемая ценность. Рассказы о книжных редкостях университетской библиотеки. Л., 1984.

⁹ См.: Горфункель А. Х. Каталог инкунабулов. Л., 1967.

Петером Шеффером в Майнце в 1484 г.¹⁰ В вышедшем в 1977 г. «Каталоге палеотипов» описано уже 24 фрагмента, найденных во время реставраций 1967–1976 гг., что позволило выделить их в специальный раздел «Фрагменты изданий XVI в.»¹¹, а в «Дополнении к каталогу инкунабулов», приложенном к этому изданию упоминается еще три фрагмента изданий колыбельного периода книгопечатания¹². Эту работу А. Х. Горфункель продолжил и в ГПБ, где ему удалось определить 126 изданий. Опыт этой работы он обобщил в специальной статье¹³, в которой он указал, что «историко-культурный метод в книговедении обязателен даже в такой, казалось бы, сугубо формальной библиографической работе, как отождествление издания по фрагменту»¹⁴. Примечательно, что А. Х. Горфункель не просто теоретически обосновал использование этого метода, но и показал каким образом он прилагается на практике. Это было сделано на примере отождествления фрагментов издания «Божественной комедии» Данте, извлеченных из подклейки старинной лютни реставратором А. В. Батовым¹⁵.

Значительную часть книг, вошедших в «Каталог книг кирилловской печати XVI–XVII вв.»¹⁶, составили книги, привезенные из археографических экспедиций на Русский Север. Именно во время этих совместных экспедиций университета и Пушкинского Дома А. Х. Горфункель близко сошелся с замечательным археографом В. И. Малышевым, которого с тех пор считает одним из своих наставников в книговедении, и подружился с будущим академиком А. М. Панченко. Основной особенностью этого каталога стало подробное описание экземпляров каждого издания с воспроизведением владельческих записей.

¹⁰ См.: Горфункель А. Х. Книга найдена ... в книге // В мире книг. 1965. № 11. С. 46; Он же. Каталог инкунабулов. Л., 1967. С. 11–12, 25.

¹¹ См.: Горфункель А. Х. Каталог палеотипов: Из собрания Научной библиотеки им. М. Горького Ленинградского ун-та. Л., 1977. С. 91–93.

¹² Там же. С. 126–127.

¹³ См.: Горфункель А. Х. Фрагменты инкунабулов в собрании Публичной библиотеки // Исследования памятников письменной культуры в собраниях и архивах Отдела рукописей и редких книг: Сб. науч. трудов / ГПБ. Л., 1988. С. 193–200.

¹⁴ Там же. С. 195.

¹⁵ См.: Горфункель А. Х. Опыт отождествления издания Данте по фрагментам // Культура эпохи Возрождения. Л., 1986. С. 233–237.

¹⁶ См.: Горфункель А. Х. Каталог книг кирилловской печати XVI–XVII вв. Л., 1970.

Наконец, в «Каталоге палеотипов» появляются элементы полного библиографического описания (в частности, листовая формула, аналитические описания, библиотечные шифры и др.). Это движение — от каталога к каталогу — ко все более полному описанию старопечатных изданий не ускользнуло от внимания известного знатока славянской и русской библиографии Дж. С. Г. Симмонса, который откликнулся рецензиями на каждый из этих каталогов А. Х. Горфункеля. Не случайно и то, что именно ученикам и последователям А. Х. Горфункеля принадлежат первые опыты полного библиографического описания кириллических изданий¹⁷.

Проживая с 1993 г. в Бостоне (США), куда он выехал по семейным обстоятельствам, А. Х. Горфункель принимает активное участие в работе центра русских исследований при Гарвардском университете (Davis Center for Russian Studies) и продолжает научные занятия во всем объеме своих интересов, включая и историю книги. Одна из самых интересных его книговедческих работ была написана уже в Бостоне. Она посвящена маргиналиям в экземпляре первого издания трактата кардинала Виссариона Никейского «На клеветника Платона», напечатанного Сванхеймом и Паннарцем в 1469 г., хранящемся в Бостонской Публичной библиотеке. Книга принадлежала в XV в. членам знаменитой болонской семьи Буонкомпаньи и сохранившиеся пометы свидетельствуют о глубоком философском интересе читателей¹⁸. Среди его работ последнего времени особое место занимают статьи, посвященные судьбе редких изданий, проданных в 1930-е гг. из Публичной библиотеки и ныне хранящихся в зарубежных библиотеках, а также очерк, посвященный возникновению в Публичной библиотеке «Кабинета Фауста»¹⁹.

Оценку места и роли А. Х. Горфункеля в отечественном книговедении лучше всего передают слова его московского коллеги и единомышленника — не только в подходе к изучению старопечатной книги, но и культу-

---

¹⁷ См.: Горфункель А. Х. Старообрядческая печатная книга XVIII — начала XIX в. в каталогах Андрея Вознесенского // Solanus. N. S. London, 1995. Vol. 9. P. 73–78.

¹⁸ См.: Горфункель А. Х. Восприятие неоплатонизма в Болонье XV в. (Маргиналии в бостонском экземпляре трактата кардинала Виссариона) // MOYSEION: Профессору Александру Иосифовичу Зайцеву ко дню семидесятилетия. Сб. ст. СПб., 1997. С. 294–304.

¹⁹ См.: Горфункель А. Х. «Кабинет Фауста» (К 150-летию Отдела редкой книги Российской национальной библиотеки) // Книжная старина. Сб. науч. трудов. Вып. 1. СПб.: Изд-во «Российская национальная библиотека», 2008. С. 7–15.

ры в ее целом — Н. В. Котрелева: «только два типа библиографов/археологов “имеют право на существование” — кто эротически одержим своим делом, как гофмановский кавалер Глюк — Эвфоном, и ученые типа П. О. Кристеллера и А. Х. Горфункеля, соединяющие в одном лице описателя и толкователя наследия, прорабатывающие источниковую базу в силу собственной нужды в ней и ведущие герменевтический поиск ради понимания прошлого, в его реальной полноте и целостности запечатленного источниковой базой. Во всяком случае, все кто подходит к делу иначе, должны честно и смиренно склоняться перед их правом первородства»²⁰.

Н. И. Николаев, И. Х. Черняк

---

²⁰ *Котрелев Н. В.* От редактора // Каталог немецкоязычных изданий XVI века в фондах ВГБИЛ / Сост. Е. А. Коркмазова, А. Л. Пономарев; под ред. Н. В. Котрелева. М.: Рудомино, 1992. С. VIII.

БЛАГОДАРНОСТИ АВТОРА

При подготовке воспоминаний я имел счастливую возможность воспользоваться ценными замечаниями и советами моих друзей и соучеников: по школе в Глазове Якова Леонидовича Бутовского (Санкт-Петербург) и Переславле-Залесском — Аркадия Давидовича Литмановича (Москва), а также моих петербургских коллег Владимира Павловича Бударagina, Николая Ивановича Николаева, Сергея Ивановича Николаева, Александра Леоновича Хосроева и Ильи Хацкелевича Черняка.

Во время работы над воспоминаниями я испытывал постоянную поддержку и помощь Розы Михайловны Коваль, а также нашей дочери Марии и её мужа Михаила Когана.

ПЕРВЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

Горфункель А. Х. Как возник мой интерес к истории // Поэтика русской литературы в историко-культурном контексте / Ответ. ред. академик Н. Н. Покровский. Новосибирск, 2008. С. 573–587.

Горфункель А. Х. Моя школа, мои университеты. Ч. 1–3 // Судьба, учителя, Италия: Мемуары историков / Под ред. А. А. Сванидзе. М., 2009. С. 111–288.

Горфункель А. Х. Моя школа, мои университеты. Ч. 4 // Европа: Международный альманах. Выпуск XI. Тюмень, 2012. С. 139–186.

Горфункель А. Х. Моя школа, мои университеты. Ч. 5 // Ренессансная Италия в России и Прибалтике: Сборник материалов международной конференции «Прошлое, настоящее и будущее итальянистики в странах Балтии и России в честь профессора А. Д. Роловой». Рига, 25–26 ноября 2010 г. / Ответ. ред. М. А. Юсим. М., 2016. С. 384–490.

Н. И. НИКОЛАЕВ

СПИСОК РАБОТ, ОПУБЛИКОВАННЫХ А. Х. ГОРФУНКЕЛЕМ В 1950–1987 гг.¹

I

История

1. Восстание в Вольтерре против Лоренцо Медичи в 1472 г. // Уч. зап. ЛГУ. 1950. № 127: Сер. ист. наук. Вып. 17. С. 195–222.

Отз.: Goukowsky M. La Renaissance italienne dans les travaux des historiens de l'URSS // Bibliothèque d'Humanisme et Renaissance: Travaux et documents. 1956. Т. XVIII. Р. 310.

2. Из истории экспроприации итальянского крестьянства (Аграрные отношения в Коринальдо во 2-й половине XV в.) // Уч. зап. ЛГУ. 1956. № 192: Сер. ист. наук. Вып. 21. С. 191–213.

Отз.: Rutenburg V. Storia del Medioevo italiano nelle opere degli scrittori russi e sovietici // Archivio storico italiano. 1962 (Anno CXX). Disp. III. Р. 371, 374–375, 378.

3. Перестройка хозяйства Кирилло-Белозерского монастыря в связи с развитием товарно-денежных отношений в XVI в. // Уч. зап. Карело-Финского пед. ин-та. 1955 (1956). Т. 2. Вып. 1: Сер. общ. Наук. С. 90–111.

4. Вотчинное хозяйство и крестьяне Кирилло-Белозерского монастыря в XVII в.: Автореф. дисс.... к-та ист. наук. Л., 1956. 16 с.

5. К 250-летию Ленинграда (Научная конференция архивистов) // Ист. архив. 1957. №6. С. 184–185. Совм. с А. Б. Голдовской и Э. С. Паиной.

6. Хроника стачечного движения в Петрограде в период с апреля 1912 по февраль 1917 гг. // Рабочее движение в Петрограде в 1912–1917 гг.: Документы и материалы. Л., 1958. С. 553–608. Совм. с А. С. Калейсом и А. Я. Стариковой.

Хроника движения за 1916–1917 гг. (С. 586–608).

---

¹ Александр Хаимович Горфункель (к 60-летию со дня рождения и 40-летию научной деятельности). Библиографический указатель / Сост. Н. И. Николаев. Отв. ред. В. А. Петрицкий. Л.: Секция книги и графики Дома Ученых АН СССР. 1988. С. 4–23.

7. Джордано Бруно перед судом инквизиции (Краткое изложение следственного дела Джордано Бруно) // Вопросы истории религии и атеизма. М., 1958. Вып. 6. С. 349–416.

Перевод, вступительная статья и комментарии.

8. Новое о педагогической деятельности И. Н. Ульянова // Учит. газ. 1958. 1 июля.

О составленной И. Н. Ульяновым в 1883 г. «Записке об учительских семинариях и училищных советах», обнаруженной в Гос. ист. архиве Ленингр. обл. См. также № 10.

9. Джордано Бруно в России // Вестн. ист. мировой культуры. 1959. № 5. С. 91–101.

То же в переводе на ит. яз.: Giordano Bruno in Russia // La Ragione. 1960. N 10–11.

10. Записка И. Н. Ульянова об учительских семинариях // Ист. архив. 1959. № 3. С. 200–204.

Публикация, введение.

11. Современная борьба вокруг научного наследия Джордано Бруно. (Краткий обзор публикаций и исследований) // Вопр. филос. 1959. № 10. С. 167–173.

12. Государственный исторический архив Ленинградской области. Краткий путеводитель. Л., 1960. 107 с. Совм. с Л. Е. Стрельцовой.

13. Антицерковная борьба крестьян в XVII в. (По материалам вотчины Кирилло-Белозерского монастыря) // Ежегодник Музея истории религии и атеизма. М.; Л., 1960. Т. 4. С. 248–262.

14. Ценный вклад в изучение наследия Джордано Бруно // Вестн. ист. мировой культуры. 1960. № 4. С. 146–150.

Рец. на издание «Библиографии Дж. Бруно» В. Сальвестрини (Флоренция, 1958) и «Итальянских диалогов» Дж. Бруно (Флоренция, 1958).

15. Материалы по истории Ленинградского университета: Обзор архивных документов / Ред. С. Н. Валк. Л., 1961. 124 с. Совм. с Л. А. Никулиной и С. Н. Семановым.

16. Акты освобождения крепостных // Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы. М., 1961. С. 553–559.

Предисловие и перевод.

17. Giordano Bruno in Russia // Rivista di Filosofia. 1961. Ottobre (Torino). Vol. LII. N 4. P. 461–476.

Дополненный вариант работы № 9.

18. Андрей Белобоцкий — поэт и философ конца XVII — начала XVIII вв. // Труды Отд. древнерус. лит.-ры. М.; Л., 1962. Т. 18. С. 188–213.

19. Портрет Джордано Бруно // Сообщения Государственного Эрмитажа. Л., 1962. Т. 22. С. 9–11.

Отз.: 1) Firpo L. L'iconografia di Tommaso Campanella. Firenze, 1964. P. 58; 2) Nowicki A. Rozstrzygnięcie sporu o serie starych rycin: Odkrycie proveniencji sztuchów z Vaninim, Brunem i Campanella // Euhemer: Przegląd Religioznawczy. 1965. N 3 (46). S. 3–8.

20. Разгадка «Сфинкса» // Ежегодник Музея истории религии и атеизма. М.; Л., 1962. Т. 6. С. 430–436.

Рец. на кн.: Рутенбург В. И. Великий итальянский атеист Ванини. М., 1959.

21. К вопросу об историческом значении крестьянской войны начала XVII века // История СССР. 1962. №4. С. 112–118.

Социально-экономические последствия Смутного времени по материалам вотчинного архива Кирилло-Белозерского монастыря.

22. Термин «бобыль» в источниках XVII века (по материалам вотчинного архива Кирилло-Белозерского монастыря) // Вопросы историографии и источниковедения истории СССР / Отв. ред. С. Н. Валк. М.; Л., 1963. С. 640–647.

23. Рост землевладения Кирилло-Белозерского монастыря в конце XVI и в XVII вв. // Ист. зап. М., 1963. Т. 73. С. 219–248.

24. Философия великой эпохи // Вопр. филос. 1963. №6. С. 177–179.

Рец. на кн.: Соколов В. В. Очерки философии эпохи Возрождения. М., 1962.

25. Мор, Томас // Философская энциклопедия. М., 1964. Т. 3. С. 497–498.

26. Памятники свободомыслия // Вопр. филос. 1964. № 11. С. 176–178.

Рец. на кн.: Итальянские гуманисты о церкви и религии / Сост., ред. и автор предисловия — М. А. Гуковский. М., 1963.

27. Джордано Бруно. М., 1965. 206 с. («Мыслители прошлого»).

То же. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1973. 175 с.

То же в переводе на эст. яз.: Таллин, 1980. 119 с.

Отз.: 1) Лосев А. Ф. Статьи по истории античной философии для IV–V томов Философской энциклопедии. М., 1965. С. 60; 2) Немчинов В. Мыслители прошлого // Кн. обозр. 1970. 25 дек. С. 2; 3) Voisé W. // Kwartalnik historii nauki i techniki (Warszawa). 1974 (r. 19). N 4. S. 745–746.

28. «Пентатеугум» Андрея Белобоцкого (Из истории польско-русских литературных связей) // Труды Отд. древнерус. лит-ры, М.; Л., 1965. Т. 21. С. 39–64.

29. Майер Э. // Советская историческая энциклопедия..М., 1965. Т. 8. Стб. 910. Без подп.

30. Маласпина // Там же. Стб. 965–966. Без подп.
31. Малатеста // Там же. Стб. 966. Без подп.
32. Материализм и богословие в философии Бернардино Телезио // Итальянское Возрождение: Сб. ст. Л., 1966. С. 121–141.
33. Марсильи, Луиджи // Советская историческая энциклопедия. М., 1966. Т. 9. Стб. 142. Без подп.
34. Модена // Там же. Стб. 544.
35. Монье, Филипп // Там же. Стб. 673–674.
36. Monumenta Historiae patriae // Там же. Стб. 671. Без подп.
37. Данте и философия его времени // Вопр. филос. 1966. №3. С. 87–97.
38. Толанд Д. Адеисидемои // Английские материалисты XVIII в. М., 1967. Т. 1. С. 199–239, 416–420.
- Перевод и примечания.
39. Толанд Д. Пантеистикон // Там же. С. 351–403, 431–433.
- Редакция перевода и примечания.
40. Никколи, Николо // Советская историческая энциклопедия. М., 1967. Т. 10. Стб. 214. Без подп.
41. Николай Кузанский // Там же. Стб. 222–223.
42. Орсини // Там же. Стб. 621. Без подп.
43. Паллавичино, Пьетро Сфорца // Там же. Стб. 758. Без подп.
44. Паруга, Паоло // Там же. Стб. 909. Без подп.
45. Пацци заговор // Там же. Стб. 938. Без подп.
46. Николай Орем // Философская энциклопедия. М., 1967. Т. 4. С. 72.
47. Нифо, Агостино // Там же. С. 75.
48. Падуанская школа аверроистов // Там же. С. 200–201.
49. Петр Ломбардский // Там же. С. 246.
50. Пьер из Марикура // Там же. С. 435.
51. Сигер Брабантский // Там же. С. 590–591.
52. Пиза // Советская историческая энциклопедия. М., 1968. Т. 11. Стб. 133–134.
53. Полициано, Анджело // Там же. Стб. 277. Без подп.
54. Помпонацци, Пьетро // Там же. Стб. 401–402.
55. Томмазо Кампанелла. М., 1969. 247 с. («Мыслители прошлого»).
То же в переводе на эст. яз.: Таллин, 1983. 125 с.
- Отз.: 1) Немчинов В. Мыслители прошлого // Кн. обозр. 1970. 25 дек. С. 2; 2) Баткин Л. М. Парадокс Кампанеллы // Вопр. филос. 1971. №2. С. 133–142; 3) Batkin L. M. Le paradoxe de Campanella // Diogenes. 1973 (Juillet — Septembre). N 83. P. 80–104.

56. Давид Динанский [Фрагменты «Тетрадей»] // Антология мировой философии. М., 1969. Т. 1. Ч. 2. С. 809–812, 920.

Перевод и примечания.

57. Роджер Бэкон. «Большое сочинение» // Там же. С. 862–877, 921–922.

Перевод и примечания.

58. Дунс Скот. Оксфордское сочинение // Там же. С. 877–890, 922.

Перевод и примечания.

59. Западно-европейская средневековая этика. Этические учения в Западной Европе в период возникновения капитализма // Очерк истории этики. М., 1969. С. 86–104.

60. Савонарола, Джироламо // Советская историческая энциклопедия. М., 1969. Т. 12. Стб. 452–453.

61. Салуццо // Там же. Стб. 495. Без подп.

62. Сарпи, Паоло // Там же. Стб. 561. Без подп.

63. Note sul problema dell'infinità nella «Cosmologia» di Tommaso Campanella // Tommaso Campanella; Miscellanea di studi nel 4° centenario della sua nascita. Napoli: F. Fioretino, 1969. P. 383–391.

64. Пьетро Помпонаци. Трактат о бессмертии души // Антология мировой философии. М., 1970. Т. 2. С. 89–97.

Перевод.

65. Бернардино Телезио. О природе вещей // Там же. С. 122–129.

Перевод.

66. Франческо Патрици. Новая философия Вселенной // Там же. С. 148–154.

Перевод.

67. Таулер, Иоганн // Философская энциклопедия. М., 1970. Т. 5. С. 184.

68. Тауреллус, Николай // Там же. С. 184–185.

69. Фичино, Марсилио // Там же. С. 376–377.

70. Чезальпино, Андреа // Там же. С. 477.

71. Штернгассе, Иоганнес // Там же. С. 523.

72. Город Солнца и Монархия Мессии (О политической утопии Томмазо Кампанеллы) // Вопр. ист. 1970. № 10. С. 70–87.

73. Данте и пополанская коммуна // Средние века. М., 1971. Вып. 33. С. 243–250.

Рец. на кн.: Баткин Л. М. Данте и его время: Поэт и политика. М., 1965.

74. «Любовная философия» Франческо Патрици и философия любви Тарквинии Мольца // Средние века. М., 1971. Вып. 34. С. 213–217.

75. Новое издание сочинений Бернардино Телезио // Там же. С. 315–317.

Рец. на кн.: Телезио Б. О природе вещей. Козенца, 1965. Т. 1.

76. Натурфилософия Итальянского Возрождения: Автореф. дис.... д-ра филос. наук / МГУ им. М. В. Ломоносова. М., 1973. 33 с.

77. Две правды Пьетро Помпонацци // Средние века. М., 1973. Вып. 36. С. 109–128.

78. Кампанелла, Томмазо // БСЭ. 3-е изд. М., 1973. Т. 11. С. 283.

79. Траверсари, Амброджо // Советская историческая энциклопедия. М., 1973. Т. 14. Стб. 363. Без подп.

80. Тренто // Там же. Стб. 384. Без подп.

81. Тридентский собор // Там же. Стб. 407–408.

82. Диалектические идеи Итальянского Возрождения // История диалектики XIV–XVIII вв. М., 1974. С. 52–77.

То же в переводе на нем. яз.: Die dialektischen Ideen der italienischen Renaissance // Geschichte der Dialektik 14 bis 18 Jahrhundert. Berlin: Dietz Verlag, 1979. S. 47–71.

Отз.: Hertzfeld L. // Deutsche Zeitschrift für Philosophie. 1980. Hft. 7. S. 877–878 (отз. на нем. перевод).

83. Образ будущего в утопии Кампанеллы // Будущее науки: Международный ежегодник. М., 1974. Вып. 7. С. 380–397.

84. От «Торжества Фомы» к «Афинской школе» (Философские проблемы культуры Возрождения) // История философии и вопросы культуры. М., 1975. С. 131–166.

85. Савонарола, Джироламо // БСЭ. 3-е изд. М., 1975. Т. 22. С. 485.

86. Рец. на кн.: Сагадеев А. В. Ибн-Рушд (Аверроэс). М., 1973 // Народы Азии и Африки. 1975. №3. С. 199–202.

87. Телезио, Бернардино // БСЭ. 3-е изд. М., 1976. Т. 25. С. 394.

88. Трактат Джордано Бруно «Светильник тридцати статуй» // Науч. д-ды высш. школы: Филос. науки. 1976. №3. С. 126–135.

Перевод, предисловие и примечания.

89. Рец. на кн.: Осинковский И. Н. Томас Мор. М., 1974 // Вопр. филос. 1976. №4. С. 180–182.

90. Гуманизм и натурфилософия Итальянского Возрождения. М., 1977. 359 с.

Отз.: 1) Черных А. И. // Обществ. науки в СССР: Реф. журн. Сер. 3: Филос. науки. 1978. №5. С. 169–175; 2) Raeff M. // Renaissance quarterly. 1978 (Autumn). Vol. 31. N 3. P. 373–378; 3) Богуславский В. М. // Науч. д-ды высш. школы: Филос. науки. 1979. №2. С. 149–151.

91. Тридентский собор // БСЭ. 3-е изд. М., 1977. Т. 26. С. 207.

92. Фичино, Марсилио // БСЭ. 3-е изд. М., 1977. Т. 27. С. 481–482.

93. Философская поэма Пьер-Анджело Мандзолли «Зодиак жизни» // Науч. д-ды высш. школы: Филос. науки. 1977. №3. С. 123–132.

Перевод и предисловие.

94. Основные этапы развития итальянской философии в эпоху Возрождения // Типология и периодизация культуры Возрождения. М., 1978. С. 52–60.

Первоначально в виде доклада — см. об этом: Всесоюзная научная конференция по проблемам периодизации Возрождения [8–10 декабря 1975 г.] // Средние века. М., 1976. Вып. 40. С. 311.

95. Рец. на кн.: Медведев И. П. Византийский гуманизм XIV–XV вв. Л., 1976 // Вопр. филос. 1978. №1. С. 181–183.

96. Ред.: Кузнецов Б. Г. Идеи и образы Итальянского Возрождения. М., 1979. 280 с.

97. «Новая философия Вселенной» Франческо Патрици // Проблемы культуры Итальянского Возрождения. Л., 1979. С. 41–57.

98. Ренессансные предпосылки возникновения классической механики // Механика и цивилизация XVII–XIX вв. М., 1979. С. 21–44.

99. Рец. на кн.: Осинковский И. Н. Томас Мор: Утопический социализм. Гуманизм. Реформация. М., 1978 // Новая и новейшая история. 1979. №4. С. 180–182. Совм. с И. Х. Черняком.

100. Философия эпохи Возрождения: Учеб. пособие. М., 1980. 368 с.

То же в переводе на чеш. яз.: Прага, 1987.

Отз.: 1) Богуславский В. Н. // Науч. д-ды высш. школы: Филос. науки. 1981. №3. С. 176–177; 2) Соколов В. В. // Там же. С. 177–179; 3) Vogel B. // Deutsche Zeitschrift für Philosophie. 1981. Hft. 12. S. 1525–1526.

101. Последний гуманист (Судьба Аонио Палеарио) // Гуманизм и религия: Сб. трудов. Л., 1980. С. 123–131 (Музей истории религии и атеизма).

102. Гуманизм. Реформация. Контрреформация // Культура эпохи Возрождения и Реформация. Л., 1981. С. 7–19.

Первоначально в виде доклада — см. об этом: Кудрявцев О. Ф. Всесоюзная научная конференция «Проблемы культуры Возрождения и Реформация» [12–13 февраля 1979 г.] // Средние века. М., 1981. Вып. 44. С. 343–345.

103. Средневековые традиции в философии Возрождения // Культура и искусство западноевропейского средневековья: Материалы научной конференции (1980 г.) / Гос. музей изобраз. искусств им. А. С. Пушкина... М., 1981. С. 390–396.

104. Марсилио Фичино. Комментарий на «Пир» Платона // Эстетика Ренессанса. М., 1981. Т. 1. С. 139–241.

Перевод. Совм. с И. Х. Черняком и В. И. Мажугой.

В книге ошибочно приписано А. Х. Горфункелю авторство вступительной статьи и комментариев, написанных И. Х. Черняком; см. об этом: Субботин А. Ренессанс // Кн. обзор. 1982. 5 февр. С. 11.

105. Томмазо Кампанелла. О прекрасном. О превосходстве человека над животными и о божественности его души // Там же. С. 413–427.

Перевод, вступительная статья и комментарии.

106. Франческо Патрици. Любовная философия // Там же. С. 377–411.

Перевод, вступительная статья и комментарии.

107. Франческо Патрици. Поэтика // Эстетика Ренессанса. М., 1981. Т. 2. С. 123–169.

Редакция перевода.

В книге ошибочно приписано А. Х. Горфункелю авторство вступительной статьи и комментариев, написанных И. Х. Черняком; см. об этом: Субботин А. Ренессанс // Кн. обзор. 1982. 5 февр. С. 11.

108. Томмазо Кампанелла. Поэтика // Там же. С. 171–215.

Перевод, вступительная статья и комментарии.

109. Херманн Х. Савонарола: Еретик из Сан-Марко. Пер. с нем. М., 1982. 296 с.

Общая редакция; предисловие: «Савонарола и кризис Итальянского Возрождения» (С. 5–14); примечания (С. 281–289); дополнения к библиографии (С. 293–295).

110. Пьетро Аретино и Виттория Колонна // Проблемы итальянской истории. 1982. М., 1983. С. 214–225.

111. К спорам о Возрождении // Средние века. М., 1983. Вып. 46. С. 214–228.

Культурологический анализ концепции развития европейской культуры и философской мысли Средневековья и Возрождения, изложенной в книге проф. А. Ф. Лосева «Эстетика Возрождения» (М., 1978).

112. «Диспут» Рафаэля // Рафаэль и его эпоха (к 500-летию со дня рождения художника): Краткие тезисы докладов научной конференции 12–11 апреля 1983 г. Л., 1983. С. 23–25. (Гос. Эрмитаж).

113. Аверроизм // Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 9. Без подп.

Автор статьи, а также статей № 114–118 указан на С. 838.

114. Кампанелла // Там же. С. 241. Без подп.

115. Помпонацци // Там же. С. 513. Без подп.

116. Сигер Брабантский // Там же. С. 606. Без подп.

117. Телезио // Там же. С. 673. Без подп.

118. Фичино // Там же. С. 741–742. Без подп.

119. Ареопагитики // Атеистический словарь. М., 1983. С. 28–29. Без подп. А. Х. Горфункель указан в числе авторов словаря на С. 559.
120. Беме // Там же. С. 59. Без подп.
121. Возрождение // Там же. С. 99–100. Без подп.
122. Номинализм // Там же. С. 337. Без подп.
123. Оккам // Там же. С. 349. Без подп.
124. Скотизм // Там же. С. 451. Без подп.
125. Схоластика // Там же. С. 472–473. Без подп.
126. Вотчинные хозяйственные книги XVI в.: Вытные книги. Хлебные оброчники и переписная книга вотчин Кирилло-Белозерского монастыря, 1559–1601 гг. / Под ред. А. Г. Манькова. М.; Л., 1983. [Вып. 1]. 132 с. [Вып. 2]. 133–311 с. [Вып. 3]. 311–496 с. (Ин-т истории СССР, Ленингр. отд-ние). Совм. с З. В. Дмитриевой.
127. Полемика вокруг античного наследия в эпоху Возрождения // Античное наследие в культуре Возрождения. М., 1984. С. 6–19.
- Первоначально в виде доклада — см. об этом: Кудрявцев О. Ф. Всесоюзная научная конференция «Античное наследие в культуре Возрождения» [30 марта — 1 апреля 1981 г.] // Средние века. М., 1983. Вып. 46. С. 396, 398.
128. Рец. на кн.: Философия эпохи ранних буржуазных революций. М., 1983 // Науч. д-ды высш. школы: Филос. науки. 1984. №4. С. 174–176.
129. Сонеты Джордано Бруно в связях с его философией // Гармония противоположностей: Аспекты теории и истории сонета. Тбилиси, 1985. С. 60–75.
130. Пьер-Анджело Мандзолли о назначении поэзии: П.-А. Мандзолли. Зодиак жизни. Кн. 1: Овен // Науч. д-ды высш. школы: Филос. науки. 1985. №5. С. 121–127.
- Перевод, предисловие и примечания.
131. «Диспут» Рафаэля // Рафаэль и его время. М., 1986. С. 65–73.
132. «Молот ведьм» — Средневековье или Возрождение? // Культура Возрождения и общество. М., 1986. С. 162–171.
133. Неизбежность пантеизма (Крестьянин-философ Доменико Сканделла) // Культура эпохи Возрождения. Л., 1986. С. 139–149.
134. Никколо Макиавелли — банкир или гуманист? // Возрождение: культура, образование, общественная мысль: Межвузовский сб. трудов. Иваново, 1986. С. 76–84. (Ивановск. гос. ун-т).

II

Книговедение

135. Первые издания произведений Джордано Бруно в библиотеках Ленинграда // Книга: Исслед. и мат-лы. М., 1960. Вып. 3. С. 432–436.

См. также об этом: Aquilecchia G. Note di bibliografia bruniana // Lettere italiane. 1960 (Anno XII). N 3 (luglio — settembre). P. 325. О находке А. Х. Горфункелем экземпляра книги Дж. Бруно «О героическом энтузиазме» с автографом английского философа Ч. Блаунта.

136. Блок А. А. [Автобиографический очерк] // Лит. газ. 1960. 23 авг.

Публикация с приложением неизвестной фотографии поэта (из фондов Гос. ист. архива Ленингр. обл.).

137. «Великая наука Раймунда Люллия» и ее читатели // XVIII век: Сб. ст. М.; Л., 1962. Сб. 5. С. 336–348.

О сочинении А. Х. Белобочкокого.

138. Неизвестное издание Петровской эпохи // Книга: Исслед. и мат-лы. М., 1962. Вып. 6. С. 123–131.

О «Краткой беседе милости с истиною» А. Х. Белобочкокого (СПб., 1712).

139. От «Книги этимологий» до Ломоносова // Ленингр. ун-т. 1963. 16 апр. Без подп.

О выставке «Редкие книги по астрономии XV–XVIII вв.» в библиотеке астрономической обсерватории ЛГУ.

140. Издано при Ленине // Ленингр. ун-т. 1963. 22 апр. Без подп.

Прижизненные издания произведений В. И. Ленина в Научной библиотеке ЛГУ.

141. Карл Маркс в России (Выставка книг в Научной библиотеке им. М. Горького) // Ленингр. ун-т. 1963. 17 мая. Без подп.

142. О профиле комплектования фонда редких книг университетской библиотеки // Библиотеки СССР: Опыт работы. М., 1964. Вып. 26. С. 107–112.

143. Жемчужины национальной культуры (Навстречу 400-летию русского книгопечатания) // Ленингр. ун-т. 1964. 7 янв.

О находках старопечатных кириллических книг в археографической экспедиции 1963 г.

144. Издано Иваном Федоровым (К 400-летию русского книгопечатания) // Ленингр. ун-т. 1964. 18 февр.

Об экземпляре «Острожской Библии» в собрании Научной библиотеки ЛГУ.

145. Золотые руки (К 400-летию русского книгопечатания) // Ленингр. ун-т. 1964. 28 февр.

О редких книгах, восстановленных реставраторами Научной библиотеки ЛГУ Р. В. Кандинской и А. П. Груздевой.

146. Из рук Ильича // Ленингр. ун-т. 1964. 21 апр.

О редком экземпляре брошюры В. И. Ленина «О продовольственном налоге» (М., 1921), принадлежавшем академику А. В. Венедиктову.

147. Пинежская книжная старина // Правда Севера. 1964. 26 июня. Совм. с А. М. Панченко и В. П. Бударагиным.

148. Третья пинежская... // Правда Севера. 1964. 12 авг. Совм. с В. П. Бударагиным.

149. Из дедовского короба // В мире книг. 1965. № 6. С. 46. Совм. с А. М. Панченко.

Об обнаруженном во время археографической экспедиции рукописном сборнике 1482 г., содержащем сочинения Василия Великого.

150. Книга найдена... в книге // В мире книг. 1965. № 11. С. 46.

О находке фрагментов «Краковского миссала», выпущенного Петером Шеффером в Майнце в 1484 г.

151. Коллекция книг библиотеки Комитета цензуры иностранной в фондах Научной библиотеки им. М. Горького ЛГУ // Опыт работы Научной библиотеки МГУ. М., 1966. № 15: Материалы научной конференции «Ломоносовские чтения. 1964». С. 110–115.

152. Фонды Отдела редких книг и рукописей Научной библиотеки и их использование в научной и учебной работе // Научно-практическая конференция 11–13 мая 1965 г.: Доклады / Научная библиотека им. М. Горького ЛГУ. [Л., 1966]. С. 41–44. (Ротатор).

153. Хроника // Ленингр. ун-т. 1966. 18 марта. Без подп.

О книжной выставке памяти А. А. Ахматовой.

154. Юбилейная находка: Первпечатная славянская книга на Пинеге // Правда Севера. 1966. 25 июня.

Об «Осмогласнике» (1491 г.) — первой славянской кирилловской печатной книге, обнаруженной в 1965 г.

155. Пополнение Мезенского собрания // Правда Севера. 1966. 16 июля. Об археографической экспедиции 1966 г.

156. Мезенское собрание // Кн. обозр. 1966. 12 авг. С. 12.

157. Сокровища древнего (!) Мезеня (!) // Ленингр. ун-т. 1966. 22 нояб.

О находках археографической экспедиции 1966 г. Заглавие изменено редакцией (следует читать: «древней Мезени»).

158. Уникальный экземпляр «Осмогласника» // Кн. обозр. 1966. 16 дек. С. 12.

159. Каталог инкунабулов. Л., 1967. 64 с; илл. (Научная библиотека им. М. Горького ЛГУ).

Отз.: 1) Немировский Е. Л. Каталог инкунабул (!) // Кн. обозр. 1968. 9 марта. С. 12; 2) Каталог «колыбельных книг» // Ленингр. правда. 1968. 31 марта. Без подп.; 3) Бутовский Я. Каталог инкунабул (!) // Смена. 1968. 24 нояб.; 4) Simmons J. S. G. // The Book Collector. 1968 (winter). Vol. 17. N 4. P. 509; 5) Nemirovskij E. L. // Zentralblatt für Bibliothekswesen. Jg. 82 (1968). Hft. 12. S. 749–752; 6) Hoffmann P. // Deutsche Literaturzeitung für Kritik der internationalen Wissenschaft. Jg. 90 (Oktober 1969). Hft. 10. Sp. 874–876.

160. Из опыта работы по комплектованию фондов Отдела редких книг // II научно-практическая конференция 23–25 мая 1966 года: Доклады / Научная библиотека им. М. Горького ЛГУ. [Л., 1967]. С. 14–20. (Ротатор).

161. Дар библиотеке // Ленингр. ун-т. 1967. 10 янв. Без подп.

О передаче в Научную библиотеку ЛГУ капитаном I ранга В. М. Дубовым старообрядческой певческой рукописи на 195 листах.

162. Поиски книг на берегах Печоры // Нарьяна-Вындер (Красный тундровик). 1967. 8 июля.

Находки археографической экспедиции 1967 г.

163. Как зеницу ока... Редкие издания произведений К. Маркса [в Научной библиотеке ЛГУ] // Ленингр. ун-т. 1968. 12 мая.

164. Собрание старопечатных книг // Красная Печора. 1968. 18 июня.

О кириллических изданиях, хранящихся в Научной библиотеке ЛГУ.

165. Из опыта работы по подготовке научных описаний книжных коллекций Отдела редких книг и рукописей Научной библиотеки ЛГУ // Материалы межвузовской научно-практической конференции, посвященной 50-летию Советской власти. 7–8 декабря 1967 г. / Научная библиотека им. М. Горького ЛГУ. Л., 1969. С. 72–75. (Ротатор).

166. На вес золота // Ленингр. ун-т. 1969. 28 февр.

О редких отечественных изданиях, принесенных в дар ЛГУ к 150-летию университета.

167. Автограф Томмазо Кампанеллы // Лит. газ. 1969. 29 окт. С. 3. Беседу с А. Х. Горфункелем записал Е. Кутузов.

См. также об этом: Лазарева Т. Рукою Томмазо Кампанеллы // Веч. Ленинград. 1969. 22 сент.

Автограф в книге Т. Кампанеллы «Монархия Мессии» (Иезе, 1633), хранящейся в библиотеке ИМЭЛ.

Отз.: 1) Autografo di Campanella trovato nell'URSS // Corriere della sera. 1969. 30 ottobre; 2) Scoperto in Russia un libro di Campanella: Il prezioso docu-

mento é un volume di «Monarchia Messiae» stampato nel 1633 e reca annotazioni autografe del filosofo // *Il Tempo*. 1970. 5 aprile.

168. Каталог книг кирилловской печати XVI–XVII вв. Л., 1970. 80 с; илл. (Научная библиотека им. М. Горького ЛГУ).

Отз.: 1) Simmons J. S. G. // *The Book Collector*. 1971 (Summer). Vol. 20. N 2. P. 257–258; 2) Библиография советской библиографии. 1970. М., 1972. С. 7; 3) *Deutsche Literaturzeitung für Kritik der internationalen Wissenschaft*. Jg. 93 (April/Mai 1972). Hft. 4/5. Sp. 435–436; 4) Немировский Е. Л. Новые каталоги старославянских книг кирилловской печати // *Сов. славяноведение*. 1972. №6. С. 106–107.

169. [Выступление в прениях: Об археографической работе Научной библиотеки ЛГУ] // Тихомировские чтения 1970 года: Материалы научной конференции, посвященной опыту организации археографических экспедиций в РСФСР. М., 1970. С. 56–68.

170. Из истории университетского собрания редких книг // Научно-практическая конференция, посвященная 150-летию Ленинградского университета. 12–13 февраля 1969 года: Доклады / Научная библиотека им. М. Горького ЛГУ. Л., 1970. С. 45–64. (Ротатор).

171. Редкие издания произведений В. И. Ленина в Научной библиотеке Ленинградского университета // *Вестник ЛГУ*. 1970. №8. С. 157–160.

172. Находки старопечатных книг // *Рукописное наследие Древней Руси: По материалам Пушкинского Дома*. М.; Л., 1972. С. 389–395.

Сборник посвящен основателю Древлехранилища Пушкинского Дома В. И. Малышеву.

173. Неизвестный автограф Томмазо Кампанеллы // *Европа в Средние века: экономика, политика, культура: Сб. ст. [К 80-летию акад. С. Д. Сказкина]*. М., 1972. С. 355–364.

См. также № 167.

174. Падуанский кодекс XV в. в собрании рукописей ГПБ // *Средние века*. М., 1972. Вып. 35. С. 222–229.

175. Европейский книжный рынок в последней трети XVI в. (по каталогам Франкфуртских книжных ярмарок 1564–1602 гг.) // XXV Герценовские чтения: Ист. науки: Краткое содержание докладов. 1972 г. Л., [1972]. С. 136–138.

176. [О рукописной книге –] *Без сенсаций* // Ленингр. ун-т. 1972. 15 марта. Заглавие изменено редакцией.

Рец. на кн.: Розов Н. Н. Русская рукописная книга: Этюды и характеристики. Л., 1971.

177. Каталог прижизненных изданий произведений В. И. Ленина в фондах Научной библиотеки Ленинградского университета / Под ред. и с предисловием М. О. Малышева. Л., 1973. 39 с.; илл.

178. Ред.: Каталог инкунабулов Научной библиотеки им. Н. И. Лобачевского / Сост. Л. Н. Колосова. Казань, 1973. 18 с; илл. (Казанский гос. университет им. В. И. Ульянова-Ленина).

179. Редкие издания произведений К. Маркса и Ф. Энгельса в Научной библиотеке ЛГУ // Вестник ЛГУ. 1973. № 8. С. 133–137.

180. Десять экспедиционных сезонов // Ленингр. ун-т. 1973. 10 янв.

О важнейших археографических находках 1963–1972 гг.

181. О применении книговедческих методов в изучении истории философской мысли XV–XVII вв. // Книговедение и его задачи в свете актуальных проблем советского книжного дела: 2-я Всес. конф. по проблемам книговедения. Секция общих проблем книговедения: Тезисы докладов. М., 1974. С. 40–43.

182. Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725–1800: Дополнения. Разыскиваемые издания. Уточнения. М., 1975.

Описание изданий, хранящихся в Научной библиотеке ЛГУ. (Указание на участие в работе — см. С. 4).

183. Печатная и рукописная книга в Италии XVI в. // Рукописная и печатная книга. М., 1975. С. 114–120.

184. Русская научная и учебная книга XVII — начала XVIII вв. (Выставка в Научной библиотеке им. М. Горького) // Ленингр. ун-т. 1975. 12 сент.

185. Первенцы печатного станка // Ленингр. ун-т. 1975. 10 окт.

О собрании инкунабулов Научной библиотеки ЛГУ.

186. «Книга поистине золотая...» (Из собрания редких книг Научной библиотеки) // Ленингр. ун-т. 1975. 11 нояб.

О базельском издании (1518 г.) «Утопии» Т. Мора.

187. Индивидуальность собрания // В мире книг. 1976. № 10. С. 74.

Обсуждение принципов работы над вторым изданием «Сводного каталога русской нелегальной и запрещенной печати XIX века».

188. Выставка в Научной библиотеке // Ленингр. ун-т. 1976. 12 мая.

Выставка памяти выдающегося археографа В. И. Малышева (1910–1976).

189. Коллекция революционных изданий (В Научной библиотеке имени М. Горького) // Ленингр. ун-т. 1976. 14 мая.

190. Находки археографов // Ленингр. ун-т. 1976. 28 сент.

О выставке археографических находок 1976 г.

191. Каталог палеотипов: Из собрания Научной библиотеки им. М. Горького Ленинградского университета. Л., 1977. 152 с; илл.

Отз.: 1) Simmons J. S. G. // *The Book Collector*. 1979 (Spring). Vol. 28. N 1. P. 140–143; 2) Tumelis J. *Paleotipu Katalogas* // *Biblioteku darbas*. 1982. N 1. P. 37.

192. Библиотека Г. М. Козинцева // *Памятники культуры: Новые открытия*. 1976. М., 1977. С. 141–152. Совм. с Я. Л. Бутовским.

193. Запрещенная поэма о Кампанелле // *Памятники культуры: Новые открытия*. 1977. М., 1977. С. 80–88. Совм. с А. В. Блюмом.

О запрещенной поэме неизвестного автора, предполагавшейся к печати в № 12 журнала «Дело» в 1869 г.

194. Собрание палеотипов Ленинградского университета. // *Вестник ЛГУ*. 1977. № 8. С. 42–48.

195. Инвентарь инкунабулов // *Кн. обзор*. 1977. 23 сент. С. 16.

Рец. на кн.: *Инвентарь инкунабулов* / Сост. Черкашина Н. П., Биленькая К. Л.; ред. Немировский Е. Л. М., 1977. Вып. 2. (Гос. библиотека СССР им. В. И. Ленина).

196. Новая выставка (В Научной библиотеке им. М. Горького) // *Ленингр. ун-т*. 1977. 16 нояб.

Обзор выставки «Издано в 1917 году».

197. Уникальная коллекция (В Научной библиотеке им. М. Горького) // *Там же*. Без подп.

Сообщение о выставке университетских инкунабулов «Первенцы печатного станка».

198. Находки археографов (Выставка в Научной библиотеке) // *Ленингр. ун-т*. 1977. 29 нояб.

О результатах совместной археографической экспедиции 1977 г. Научной библиотеки ЛГУ и Пушкинского Дома АН СССР.

199. Инкунабулы Литвы // *Книга: Исслед. и мат-лы*. М., 1978. Вып. 36. С. 192–200.

Рец. на кн.: Feigelmanas N. *Lietuvos inkunabulai*. Vilnius, 1975.

200. Памяти автора «Утопии» (Выставка в Научной библиотеке) // *Ленингр. ун-т*. 1978. 3 марта. С. 12.

К 500-летию со дня рождения Т. Мора.

201. Книги, избежавшие костра (Выставка в Научной библиотеке) // *Ленингр. ун-т*. 1978. 17 марта. С. 11.

202. Старинные атласы и космографии (Выставка в Научной библиотеке) // *Ленингр. ун-т*. 1978. 24 нояб. С. 12.

203. Два фронтисписа // *Ленингр. ун-т*. 1978. 22 дек. С. 11–12. Совм. с Н. И. Николаевым.

О «Рудольфовых таблицах» И. Кеплера (1627 г.) и «Новом Альмагесте» Дж.-Б. Риччоли (1651 г.).

204. Находки археографов (Выставка в Научной библиотеке) // Ленингр. ун-т. 1979. 23 нояб. С. 6.

О результатах работы археографических экспедиций 1979 г.

205. Начало университетской библиотеки (1783 г.): Собрание П. Ф. Жукова — памятник русской культуры XVIII века: Каталог. Л., 1980. 88 с; илл. (Научная библиотека им. М. Горького ЛГУ). Совм. с Н. И. Николаевым.

Отз.: 1) Памятник русской культуры // Библиотекарь. 1981. № 1. С. 58. Без подп.; 2) Simmons J. S. G. // The Library. 1981 (June). Sixth Series. Vol. 3. N 2. P. 183.

206. Книги «русского американца» // Ленингр. ун-т. 1980. 4 янв. С. 10–11.

О книгах из библиотеки Ф. В. Каржавина в собрании Научной библиотеки ЛГУ.

207. Находки в старинных переплетах // Ленингр. ун-т. 1980. 4 апр. С. 10–11.

208. Собрание революционных книг (Выставка в Научной библиотеке) // Ленингр. ун-т. 1980. 13 июня. С. 10.

О книгах из собрания Комитета цензуры иностранной, хранящихся в Научной библиотеке ЛГУ.

209. Сводный каталог русской нелегальной и запрещенной печати XIX века: Книги и периодические издания. 2-е доп. и перераб. изд. М., 1981–1982. Ч. 1–3.

Описание изданий, хранящихся в Научной библиотеке ЛГУ. (Указание на участие в работе — см. Ч. 1. С. 9).

210. Ред.: Итальянские гуманисты в собрании рукописей Гос. Публичной библиотеки: Каталог / Сост. Е. В. Бернадская. Л., 1981. 135 с.

211. Проблемы изучения зарубежной книги XVI в. и подготовка научных каталогов отдельных собраний // Федоровские чтения 1978. М., 1981. С. 249–254.

212. Три издания «Капитала» // Ленингр. ун-т. 1981. 22 мая. С. 8.

213. Находки археографов и дополнения к Сводному каталогу русской книги XVII в. // Вопросы собирания, учета, хранения и использования документальных памятников истории и культуры: Ч. 2: Памятники старинной письменности. М., 1982. С. 105–111.

214. Собрание редких книг и рукописей // Путеводитель по Научной библиотеке им. М. Горького при ЛГУ. Л., 1982. С. 33–39. Без подп.

215. Геснер, Конрад // Книговедение: Энциклопедический словарь. М., 1981 (1982). С. 142–143. Без подп.

216. Индекс запрещенных книг // Там же. С. 209. Без подп.
217. Инкунабулы // Там же. С. 213–214. Без подп.
218. Италия (Рукописная книга. Начало книгопечатания) // Там же. С. 222–223.
219. Кобергер, Антон // Там же. С. 278. Без подп.
220. Ментелин, Иоганн // Там же. С. 347. Без подп.
221. Ноде, Габриель // Там же. С. 376. Без подп.
222. Эльзевиры // Там же. С. 608–609. Без подп.
223. «Эльзевиры» (издания) // Там же. С. 609. Без подп.
224. Рец. на кн.: Коллекция старопечатных книг XVI–XVII вв. из собрания М. И. Чуванова: Каталог / Сост. И. В. Поздеева. М., 1981 // Сов. библиогр. 1982. №3. С. 78–79. Подпись: А. Х. Брфункель (!).
225. Рец. на кн.: Каталог книг кириллической печати XV–XVII вв. Научной библиотеки Московского университета / Сост. И. В. Поздеева, И. Д. Кашкарова, М. М. Леренман. М., 1980 // Сов. славяноведение. 1982. №4. С. 116–118.
226. Бескорыстное усердие к общественной пользе (200 лет библиотеке ЛГУ) // Ленингр. ун-т. 1982. 16 апр. С. 6–7.
- О хранящемся в Научной библиотеке ЛГУ собрании старопечатных книг и рукописей В. А. Пивоварова (1798–1860).
227. Лейпцигская покупка 1830 года (200 лет библиотеке ЛГУ) // Ленингр. ун-т. 1982. 14 мая. С. 6–7.
- О хранящейся в Научной библиотеке ЛГУ библиотеке юриста К. Ф. Х. Венка (1784–1828).
228. Книги «загадочного библиофила» (200 лет библиотеке ЛГУ) // Ленингр. ун-т. 1982. 28 мая. С. 6–7.
- О книгах из собрания П. Я. Актова (1797–1842).
229. Издательская программа Ивана Федорова // В мире книг. 1983. № 12. С. 5–7.
230. Находка в старинных переплетах. // Кн. обозр. 1983. 28 окт. С. 16.
231. Просветительская программа первопечатника: К 400-летию со дня смерти Ивана Федорова (200 лет библиотеке ЛГУ) // Ленингр. ун-т. 1983. 11 нояб. С. 6–7; 1983. 18 нояб. С. 6.
232. Издания Ивана Федорова в фондах Ивановского музея // Иванов. ун-т. 1983. 27 дек.
233. Неотчуждаемая ценность: Рассказы о книжных редкостях университетской библиотеки. Л., 1984. 176 с; илл. Совм. с Н. И. Николаевым.

Предисловие и главы (см. № 201, 202, 203, 206, 207, 208, 212, 226, 227, 228 — значительно переработанные, дополненные и измененные для данного издания).

Отз.: 1) Милютин Е. Книжные редкости // Ленингр. ун-т. 1984. 14 сент. С. 5; 2) Люблинский С. Сокровища библиотеки // В мире книг. 1985. № 3. С. 84–85; 3) Петрицкий В. Хвала ценителям и рачителям книги // Альманах библиофила. М., 1987. Вып. 22. С. 289–292.

234. Раннее европейское книгопечатание: Рабочая программа специального курса (для студентов исторического факультета). Иваново, 1984. 8 с. (Ивановский гос. университет).

235. Сводный каталог книг на иностранных языках, изданных в России в XVIII веке. 1701–1800. Л., 1984–1986. Т. 1–3.

Описание изданий, хранящихся в Научной библиотеке ЛГУ.

236. Замечательный памятник отечественной культуры (К 200-летию книжного собрания университета) // Ленингр. ун-т. 1984. 13 янв. С. 10; 1984. 20 янв. С. 10. Совм. с Н. И. Николаевым.

237. Историко-культурное значение первопечатных Библий (Острожская Библия в контексте европейской культуры) // Федоровские чтения 1981. М., 1985. С. 66–76.

238. Поэма П.-А. Мандзолли «Зодиак жизни» в фондах ГПБ // Исследование памятников письменной культуры в собраниях и архивах отдела рукописей и редких книг / Гос. Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Л., 1985. С. 132–139.

239. Из редких редчайшая // Веч. Ленинград. 1985. 1 марта.

О прижизненном издании Дж. Бруно, хранящемся в Гос. Публичной библиотеке.

240. Опыт отождествления издания Данте по фрагментам // Культура эпохи Возрождения. Л., 1986. С. 233–237.

241. Ред.: Учетный список собрания инкунабулов Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Л., 1986. Вып. 2 / Сост. Л. А. Колга. 104 с.

242. Ред.: Каталог книг кирилловской печати XVI–XVII вв. (Научной библиотеки Казанского университета) / Сост. Л. Ф. Веселова. Казань, 1986. 47 с.

243. Из редких редчайшая // В мире книг. 1986. № 2. С. 79.

См. также № 239.

244. Истолкование «общих мест» при смене ценностных ориентации культуры // Исследования по древней и новой литературе. (К 80-летию акад. Д. С. Лихачева) / Отв. ред. Л. А. Дмитриев. Л., 1987. С. 243–249.

О переосмыслении этикетной формулы в «Послесловиях» Ивана Федорова.

245. Новые материалы для описания изданий московского Печатного двора // Книга: Исслед. и мат-лы. М., 1987. Вып. 55. С. 233–236.

Рец. на кн.: Новые материалы для описания изданий московского Печатного двора: Первая половина XVII в.: В помощь составителям Сводного каталога старопечатных изданий кирилловского и глаголического шрифтов: Методические рекомендации / Сост. И. В. Поздеева. М., 1986.

И. И. ФРОЛОВА

СПИСОК РАБОТ, ОПУБЛИКОВАННЫХ А. Х. ГОРФУНКЕЛЕМ В 1988–1998 ГГ.¹

1. Автографы гуманистов в альбоме странствующего немецкого студента XVI столетия // Памятники культуры: Новые открытия: Ежегодник, 1987. М., 1988. С. 20–30.

2. Альд Мануций и его преемники // Книга: Исслед. и материалы. М., 1988. Сб. 56. С. 134–150.

3. Альдины: От Возрождения к Контрреформации // Искусство Венеции и Венеция в искусстве: Материалы науч. конф. «Випперовские чтения» — 1986 / ГМИИ им. А. С. Пушкина. М., 1988. С. 184–189.

4. Вокруг Джордано Бруно: Поэт Валент Ацидалий // Возрождение: общественно-политическая мысль, философия, наука: Межвуз. сб. науч. тр. / Иван. гос. ун-т. Иваново, 1988. С. 66–79.

5. Фрагменты инкунабулов в собрании Публичной библиотеки // Исследования памятников письменной культуры в собраниях и архивах Отдела рукописей и редких книг: Сб. науч. тр. / ГПБ. Л., 1988. С. 193–200.

6. «Испанская монархия» Томмазо Кампанеллы в изданиях XVII в. // Коллекции. Книги. Автографы: Сб. науч. тр. / ГПБ. Л., 1989. [Вып. 1]. С. 103–119.

7. Книги и рукописи в собрании М. С. Лесмана: Аннотированный каталог. Публикации. М., 1989. 463 с.

Описание 157 изданий XV–XVIII вв.

8. Лоренцо Валла. Об истинном и ложном благе. О свободе воли. М., 1989. 474 с.

Научное редактирование.

9. Охота на ведьм перед судом Просвещения: Демонологические трактаты в библиотеке Вольтера // Век Просвещения: Россия и Франция: Материалы науч. конф. «Випперовские чтения» — 1987 / ГМИИ им. А. С. Пушкина. М., 1989. С. 35–45.

---

¹ Фролова И. И. К юбилею А. Х. Горфункеля, историка, библиографа, книговеда // Историко-библиографические исследования. Сб. научных трудов. Вып. 8. СПб.: Российская Национальная библиотека, 2000. С. 153–157.

10. Учетный список собрания инкунабулов ГПБ / Сост. А. Х. Горфункель, Л. А. Колга; науч. ред. А. Х. Горфункель; ГПБ. Л., 1989. Вып. 3. 150 с.

11. Эразм и итальянская ересь XVI в. // Эразм Роттердамский и его время. М., 1989. С. 197–205.

12. Белобоцкий Ян (Андрей Христофорович) // Тр. Отд. древнерус. лит. / Ин-т рус. лит. РАН. СПб., 1990. Т. 44. С. 46–48.

Часть работы: Исследовательские материалы для «Словаря книжников и книжности древней Руси».

13. Круг источников Пьетро Помпонаци: Университет, традиция и гуманизм // Университеты Западной Европы: Средние века. Возрождение. Просвещение: Межвуз. сб. науч. тр. / Иван. гос. ун-т. Иваново, 1990 (фактически 1991). С. 36–44.

14. «Много сходствует с нашею Четь-Минеєю»: (Русский читатель «Золотой легенды») // Общественное сознание, книжность, литература периода феодализма: (К 60-летию со дня рождения чл.-кор. АН СССР Н. Н. Покровского). Новосибирск. 1990. С. 105–110.

15. Помпонаци П. Трактаты «О бессмертии души», «О причинах естественных явлений или о чародействе» / Пер., вступ. ст. и примеч. А. Х. Горфункеля. М. 1990 (фактически 1991). 319 с.

16. Издания Андрије Палташића у библиотекама СССР'а // Библиографски вјесник, год XIX. Цетинье, 1990. С. 111–116.

17. Миланская Псалтирь Джованни Крастоне 1481 г. и гуманистическая критика Библии // Коллекции. Книги. Автографы: Сб. науч. тр. / ГПБ. Л., 1991. Вып. 2. С. 29–43.

18. Номинализм // Словарь атеиста: Католицизм. М., 1991. С. 201.

19. Оккам // Там же. С. 204.

20. Схоластика // Там же. С. 257.

21. Что такое редкая книга? // Редкие книги и рукописи: Изуч. и описание / Ленингр. гос. ун-т. Л., 1991. С. 11–19.

22. Гуманистические источники легенды об «античной» библиотеке московских государей // Книга в современном мире: 7-я науч. конф. по пробл. книговедения. Секция библиотековедения. Тез. докл. М., 1992. С. 13–15.

23. Инофирмы запускают руку в сокровища национальных библиотек России // Известия. 1992. 12 февр.

Совместно с Н. И. Николаевым. Заглавие дано редакцией газеты.

24. Как возвращать «трофейные книги»: Еще раз о захваченных во время войны культурных ценностях // Невское время. 1992. 14 янв.

Совместно с Н. И. Николаевым.

25. Учетный список собрания инкунабулов ГПБ / Сост. А. Х. Горфункель, Л. А. Колга; науч. ред. А. Х. Горфункель; ГПБ. СПб., 1992. Вып. 4. 168 с.

26. Белобочкий Ян (Андрей Христофорович) // Словарь книжников и книжности Древней Руси, XVII в. СПб., 1993. Ч. 1: А — З. С. 128–131.

27. Гуманистические источники легенды об «античной» библиотеке московских государей // Тр. Отд. древнерус. лит. / Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). СПб., 1993. Т. 48. С. 242–247.

28. За что сжигали ведьм на Руси // Споры о главном: Дискус. о настоящем и будущем ист. науки вокруг фр. шк. «Анналов». М., 1993. С. 48–49.

Выступление в дискуссии.

29. Под влияние «Анналов» // Там же. С. 191–192.

Выступление в дискуссии.

30. «Из сумрака, из тьмы полузабвенья...», или Вечер в Кабинете Фауста // Веч. Петербург. 1993. 14 июля.

Интервью взяла И. Степанова.

31. Человек Возрождения перед судом Средневековья: «Апология» Джованни Пико и «Учительные определения» Педро Гарсии // Культура и общество Италии накануне Нового времени. М., 1993. С. 123–132.

32. Фрески Томазо да Модена в Тревизо и книжная культура позднего Средневековья // Книга: Исслед. и материалы. М., 1993. Сб. 66. С. 213–218.

33. Machine Readable Incunabula Catalogue of Russian National Library // International Cataloguing and Bibliographic Control. 1993. Vol. 22. № 1. P. 10–12.

Совместно с А. Ц. Масевичем и Е. М. Медведевой.

34. «Апология» Галилея Томмазо Кампанеллы в российских книгохранилищах // Возрождение: Гуманизм, образование, искусство: Межвуз. сб. науч. тр. / Иван. гос. ун-т. Иваново, 1994. С. 76–87.

35. Готика и антиква: Знаковый смысл шрифтов в раннем книгопечатании // Книга: Исслед. и материалы. М., 1994. Сб. 69. С. 79–95.

36. П. А. Мандзолли [Марцелл Палингений]. Зодиак жизни; Томмазо Скаурано — читателю. Кн. I. Овен: [Отр.]; Джордано Бруно. О безмерном и неисчислимых: Гл. IX. О светоче Николая Коперника; Томмазо Кампанелла. [Сонеты]: К тюрьме; К Академии устремленных в Риме // Знакомство с поэзией Италии и Древнего Рима: Метод. пособие / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 1994. С. 21–27, 35.

Перевод.

37. Похвала типографскому искусству: гуманисты о книгопечатании // Книга: Исслед. и материалы. М., 1994. Сб. 67. С. 79–93.

38. Русское луллианство // 500 лет гностицизма в Европе: Материалы конф., 26–27 марта 1993 г. М., 1994. С. 50–53.

39. Маттео Банделло. Новелла XXXVIII Третьей книги // Традиции образования и воспитания в Европе XI–XVIII веков / Иван. гос. ун-т. Иваново, 1995. С. 127–131.

Перевод новеллы о Помпонацци.

40. Пьетро Помпонацци. Лекция о философии и религии // Там же. С. 159–169.

Предисловие, перевод и примечания.

41. Сочинение на запретную тему: Жизнь и книги Валентина Алексева // Бостон. курьер. 1995, 1–15 нояб. (№ 52).

42. Старообрядческая печатная книга XVIII — начала XIX в. в каталогах Андрея Вознесенского // Solanus. N. S. London, 1995. Vol. 9. P. 73–78.

43. Хоментовская А. И. Итальянская гуманистическая эпитафия: ее судьба и проблематика. СПб., 1995. 271 с.

Научная редакция и предисловие (совместно с А. Н. Немиловым).

44. Raymond Lully in Russia // Elementa. 1995. Vol. 2, № 1. P. 23–30.

45. Академику Дмитрию Сергеевичу Лихачеву // Бостон. курьер. 1996, 1–25 нояб. (№ 75).

Поздравление с 90-летием.

46. Вид на костер с балкона: Анна Ахматова — от Жданова до Жолковского // Бостон. независимая газ. 1996, 1 дек. (№ 31).

47. Иллюстрированный экземпляр Елизаветинской Библии в Бостонской публичной библиотеке // Книга: Исслед. и материалы. М., 1996. Сб. 73. С. 294–304.

48. Марцелл Палингений. Зодиак жизни. Кн. 2: Телец // Интеллектуальная история в лицах: Семь портретов мыслителей Средневековья и Возрождения / Иван. гос. ун-т. Иваново, 1996. С. 105–119.

Перевод, предисловие и примечания.

49. Пьетро Помпонацци. Трактат о бессмертии души // Чаша Гермеса: Гуманистич. мысль эпохи Возрождения и герметич. традиция. М., 1996. С. 275–285.

Перевод и примечания.

50. Томмазо Кампанелла. Метафизика // Там же. С. 323–339.

Перевод и примечания.

51. Сочинение на запретную тему: Жизнь и книги Валентина Алексева // Санкт-Петербург. ун-т. 1996, 15 марта.

52. Это было под черным платаном: Алик Ривин // Бостон. независимая газ. 1996, 19 дек. (№ 32).

Публикация, предисловие. Совместно с Р. М. Коваль.

53. Вид на костер с балкона: Анна Ахматова — от Жданова к Жолковскому // Звезда. 1997. №4. С. 231–233.

54. Восприятие неоплатонизма в Болонье XV в.: Маргиналии в Бостонском экземпляре трактата кардинала Виссариона // ΜΟΥΣΕΙΟΝ: Профессору Александру Иосифовичу Зайцеву ко дню семидесятилетия. СПб., 1997. С. 294–304.

55. Гуманистическая книга в канун книгопечатания // Древний мир и мы: Классич. наследие в Европе и России. СПб., 1997. С. 60–69.

56. Джордано Бруно в Вюрцбурге: Свидетельство Николая Серария // Сред. века. 1997. Вып. 60. С. 318–323.

57. Предисловие и «Рифмы» Андрея Белобочко к переводу трактата «О последовании Христу» // Тр. Отд. древнерус. лит. / Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). СПб., 1997. Т. 50. С. 694–697.

58. [Рецензия на книгу: Бубнов Н. Ю. Старообрядческая книга в России во второй половине XVII в.: Источники, типы и эволюция. — СПб., 1995] // Solanus. N. S. London, 1997. Vol. 11. P. 107–113.

59. [Рецензия на книгу: Вознесенский А. А. Старообрядческие издания XVIII – начала XIX века: Введ. в изуч. — СПб., 1996] // Ibid. P. 113–117.

60. Рукопись Франческо Патрици в Научной библиотеке ЛГУ // Памятники культуры: Новые открытия: Ежегодник, 1991. М., 1997. С. 17–26.

61. Франческо Пуччи и философия всеобщего спасения в религиозных конфликтах конца XVI столетия // Культура Возрождения XVI века. М., 1997. С. 163–172.

62. Notizie Bruniane // Rivista di storia della filosofia. Milano, 1997. №4. P. 133–134.

63. Игра без правил // Новое лит. обозрение. 1998. Т. 30. С. 355–383.

Подробный критический обзор книги И. Гилилова «Игра об Уильяме Шекспире, или Тайна великого Феникса» (М., 1997).

64. Книжная культура в письмах Андрея Курбского // Palaeoslavica. Cambridge (MA), 1998. Vol. 6. P. 80–94.

65. Манифест торжествующего дилетантизма // Вопр. философии. 1998. № 10. С. 133–134.

По поводу опубликованного в «Вопросах философии» (1998. № 1) в качестве письма в редакцию «Манифеста исторического маньеризма» С. А. Экштуга.

66. Оксфордская библиография русских книговедов: «Памятки» Дж. С. Г. Симмонса // Историко-библиографические исследования: Сб. науч. тр. / РНБ. СПб., 1998. Вып. 7. С. 146–155.

67. Сочинение на запретную тему // Алексеев В. М. Варшавское гетто больше не существует. М., 1998. С. 1–13.

68. [Рецензия на книгу: Church Slavonic, Glagolitic and Petrine Civil Script Printed Books in the New York Public Library: a Preliminary Catalog. — New York, 1996] // Solanus. N. S. London, 1998. Vol. 12. P. 113–115.

69. [Рецензия на книгу: Nemirovskij E. L. Gesamtkatalog der Fruhdrucke in Kirillischer Schrift. Band II. — Baden-Baden, 1997] // Ibid. P. 115–118.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абрамов Ф. А. 113, 114
Абрамович С. Л. 46, 172
Аввакум Петрович 108, 109, 111
Августин бл. 171, 180
Авдеева К. Д. 182,
Аверинцев С. С. 136, 164, 166, 231
Аверроэс 141, 149, 150, 163, 288
Агато П.-А. 263
Азадовский М. К. 60
Аквилекья Дж. 85, 86, 94
Актов П. Я. 184
Александр I 99, 186
Александр II 90
Александр III 12, 230, 289
Александр Македонский 20, 272
Александр Невский св. 9, 13, 14, 230
Александров А. Д. 80, 100
Алексеев В. М. 39, 42, 44, 47–49, 55, 58,
60–62, 65, 68, 152, 191, 195, 198, 201,
205, 250, 304, 320, 325
Алексеев М. П. 142
Алексеев Ю. Г. 61, 71, 244, 334
Алексей Михайлович, царь 31, 115
Алпатов М. А. 36
Алпатов М. В. 203
Алтаев Ал. 15
Альбац Е. 328
Альберт Великий 141, 149
Альберти Л. Б. 257, 288
Альбина Л. Л. 186, 238, 239, 241, 242, 279
Альбицкие 16
Альбицкий Г. П. 16
Альбицкий Л. 16
Альтдорфер 333
Альшиц Д. Н. 237
Амабиле Л. 129, 131
Амербах Б. 272
Америо Р. 86, 130
Ананьич Б. В. 31
Анджелико Беато фра 286, 287
Андрей Рублев св. 58, 168, 220
Андровская О. Н. 17
Андропов Ю. В. 110, 111
Андрушко В. А. 254, 255
Андрью 321
Антокольский М. М. 326
Антокольский П. Г. 18, 311
Антоний 272
Антоний (Падуанский) св. 292
Антонин, имп. 249
Антонин Флорентийский св. 145, 164
Антонов С. Н. 108
Антонова И. А. 225
Ануй Ж. 207, 208
Аракчеев А. А. 186
Аретино П. 179, 269, 340–345
Ариосто Л. 268
Аристотель 24, 38, 130, 141, 150, 248, 271
Аркудий П. 273
Аронзон Л. 212
Аронов В. Р. 245, 246
Аронсон (Векслер) Г. Я. 7, 12
Аронсон Гр. Я. 12, 339
Аронсон М. Я. 12, 13, 17, 24, 67, 162
Аронсон Я. 12
Артамонов М. И. 20, 21, 30, 76, 154
Архаров Н. П. 50
Аршакуни З. 296
Асеев Ю. А. 159
Асмус В. Ф. 136, 137

- Афанасий Холмогорский архиеп. 115
Афанасьева Т. А. 237, 238, 243, 279
Афферика Дж. 79
Ахматова А. А. 183, 199, 200, 277, 286,
318, 319, 322, 323, 343
Ацидалий В. 127, 166
Багратион П. И. 14, 15
Бадалони Н. 86, 93
Баймухаметов С. 324
Бакланова А. П. 335
Балашев А. Д. 8
Баллантино Дж. 298
Бальдо де Бальди 40, 42, 66
Банделло М. 140, 150
Бандинелли Б. 285
Банк А. В. 153
Баранов В. Ф. 153
Баркова А. 328
Бароний, кардинал 275
Бартольди Ф. А. 333
Барщевский М. Ю. 302
Бассани Дж. 75, 208
Баткин Л. М. 82, 131, 146, 147, 152, 160,
169, 202–204, 244, 252, 255, 256,
296–298, 302, 316, 318, 322, 340–345
Батов А. В. 146, 349
Батюшков К. Н. 58
Бах С. 306
Бахиер А. 264
Бахтин В. В. 81, 82
Бахтин В. С. 60, 61, 332, 334
Бахтин М. М. 35, 83, 175, 201, 332
Бегун И. 109
Белинская А. В. 53, 65
Белль Г. 207
Белобоцкий Я. А. 95–98, 119, 120, 122,
124, 296, 327, 328, 334, 335
Белокуров С. А. 273
Белосельские-Белозерские, князя 280
Белый А. 16
Беляев А. 201
Беляев С. А. 164, 200–202, 210
Беме Я. 162
Бенешевич В. Н. 35
Бенуа Л. Н. 99
Берия Л. П. 137
Бернадская Е. В. 37, 153, 156, 203, 219,
232,
Бернини Дж. Л. 282
Бернштейн Б. М. 43
Бесслер И. 127, 275
Бетховен Л. ван 172
Бецольд Ф. фон 23
Бибихин В. В. 136, 164, 170–172
Биллингтон Дж. 91
Бистиччи В. да 256
Блаунт Ч. 94
Блок А. А. 16, 20, 87, 88, 97, 148, 241, 286,
305, 320, 336
Блок М. 32
Блюменфельд В. М. 312
Бобков Е. 106, 113
Бобров А. Г. 242
Боброва Е. И. 96
Бобышев Д. В. 198, 199
Богданова А. Ф. 11, 112
Богданова Т. И. 193
Богданович И. Ф. 174
Богомолевский И. 95
Богомолов А. С. 159
Богуславский В. М. 160–162
Боден Ж. 258
Боккаччо Дж. 28, 76, 259, 268, 315, 318,
348
Бомануар Ф. де 33
Боначчи Дж. см. Агато П.-А.

- Боргезе, семейство 282
Бордые Ж. М. 210, 233
Боровский Я. М. 143, 154, 238
Бортнянская Ф. Д. 261
Борхерт В. 207
Борхес Х. Л. 208, 322
Борщевский М. 302
Босси Дж. 127, 128
Боттичелли С. 18
Боттон А.-М. 211–213, 217, 220–225,
229–232, 234
Браге Т. 184
Брагина Л. М. 38, 160, 161
Брандт В. 109
Брандт Р. А. 193
Бранка В. 76, 86, 315
Бранка О. 76
Бранкаччи, семейство 294
Брауде С. О. 83
Бредерсен Г. Г. 338
Брежнев Л. И. 194, 250
Брейтбурд Г. С. 76
Брехт Б. 72
Бродский И. А. 122, 198–200, 207, 227,
289, 306, 316, 320, 322
Брокгауз Ф. А. 7, 10, 211, 336
Брудецкий З. 97
Бруни Л. 295
Бруно, отец М. Факкани 291
Бруно Дж. 10, 71–74, 84–86, 93–96, 98,
125, 127, 128, 131, 134, 138–140,
153, 160–161, 163–167, 191, 205,
209, 259, 260, 275, 290, 298, 299, 318,
323, 341, 346
Бруно из Вюрибурга 145
Брюллов К. П. 6
Брюсов В. Я. 16
Бубнов Н. Ю. 148
Бударагин В. П. 103, 105, 110–112, 182,
198, 299, 304, 305, 352
Буланин Д. М. 71, 103, 116–119, 121, 143,
295
Булгаков М. А. 10, 11, 62, 79, 209, 211,
226, 234, 248
Булгаков С. Н. 172, 283
Бунин И. А. 320
Буонаккорси (Каллимах) Ф. 83
Буонкомпаньи, семейство 350
Бурачкин И. А. 114
Буркхардт Я. 203
Бусси Дж. А. 257
Бутовская Н. Я. 213
Бутовский А. Я. (Алик) 305
Бутовский Я. Л. 78, 181, 187, 213, 305,
334, 352
Буцер М. 264
Буццати Д. 208
Быкова Т. А. 237, 238, 327
Быховский А. 337
Бэза Т. 266
Бэкон Р. 138, 140
Бэкон Ф. 134
Бюде Г. 264
Бюш К. Е. 185
Вавилов Н. И. 117
Вавилов С. И. 23
Вагин Е. А. 200
Вагина Ф. А. 19
Вазари Дж. 162, 297
Вазоли Ч. 86, 137
Вайнштейн О. Л. 23, 32, 35–37, 39, 42, 48
Валединский Д. 15
Валк С. Н. 23, 30, 60, 90–92, 176
Ван Гог В. 218
Ванини Дж. Ч. 92, 93, 144

- Варбанец Н. В. 142, 143, 196, 237, 238, 240
Варений 246
Варфоломей св. 179
Васецкий Г. С. 160
Василий Великий (Кесарийский) св. 175, 329
Василий Иванович, великий князь 115, 271
Вассиан старец 115
Вахтин Б. 200
Вацуро В. Э. 125
Ведрин Э. 86
Вейс Р. 86
Векслер И. И. 7, 8, 19
Венк К. Ф. Х. 185
Вентури А. 162
Вентури Дж. 95
Вентури Ф. 85, 95
Веньковецкий Я. 200
Верга Дж. 208
Вергилий 139, 268, 272
Верджерио П. П. 269
Верещагин В. В. 6
Вермеер Я. 245
Верн Ж. 157
Вероккьо А. 289, 295
Веронезе П. 224
Вертинский А. П. 312
Верхарн Э. 9
Верховский Ю. Н. 95
Веселовский А. Н. 37
Веселовский С. Б. 54, 64
Ветерман И. 271
Вигдорова Ф. А. 320
Вийон Ф. 311, 312, 318
Виктор из Виты 201
Вилинбахов Б. А. 189
Вилинбахов В. Б. 188, 189, 205
Виноградова Т. Н. 213, 334
Виппер Б. Р. 231, 258, 267
Висконти А. 36
Висконти Б. 36
Виссарион Никейский 257, 268, 325, 350
Витрувий 293
Владимиров Л. И. 197, 198
Вознесенский А. А. 303
Вознесенский А. В. 116, 177, 266, 326, 350
Волк С. С. 251
Волков Ф. 17
Володин А. М. 305
Волошин М. 214
Волынский А. Л. 38
Волькенштейн М. В. 303
Вольтер 141, 142, 233, 238, 239, 243, 327, 343
Вольфцун Л. Б. 46, 155, 156, 300
Воронова Т. П. 153, 239
Воронцов граф 50
Врубель М. А. 58
Вуазе В. 86
Выгодская Э. 10
Выгодский Д. И. 337, 338
Выготская Г. Л. 338
Выготский Л. С. 337, 338
Вяземский П. А. 151
Вяземский П. П. 151
Вяткин М. П. 68–70, 202
Галактионов А. А. 157
Галилей Г. 146, 156, 162, 163, 184, 245, 246, 287, 288, 290, 295, 296
Галич А. И. 94
Галушко Т. К. 99, 199, 200, 318, 319
Гальперий И. 262, 264, 265
Гамсахурдиа З. К. 126
Ганелин Р. Ш. 31, 66

- Гапонов Б. 126
Гарданов В. В. 78
Гардзанити М. 295, 299
Гардзонио С. 298
Гарен Э. 86, 144, 149, 287
Гароди Р. 230
Гарсия П. 140
Гаспаров М. Л. 253, 328
Гассенди П. 246
Гаттамелата 293
Гашек Я. 248
Гвишиани Д. М. 197
Гвишиани-Косыгина Л. А. 196, 197
Ге Н. Н. 6
Гегель Г. В. Ф. 134, 185
Гейсбрехт К. 245
Гельман-Бахтин В. С. *см.* Бахтин В. С.
Гендриков В. Б. 153
Генрих III 127
Генрих IV 313
Генриэтта Яковлевна *см.* Аронсон Г. Я.
Георгий св. 228, 291
Георгий Александрович 207
Георгий Трапезундский 248
Гераклит 38, 259, 260
Герасимов Д. 271
Герасимов К. С. 125, 126
Герасимов Ю. К. 304, 305
Герберштейн С. 272
Геринг Г. 195
Геродот 273
Герцен А. И. 85, 155, 177, 227, 316
Герценберг Л. Г. 154
Герье В. И. 166
Гете И. В. 187, 319
Гефестион 272
Гиберти Л. 295
Гизи Дж. 180
Гизо Ф. 33
Гилберт Дж. 10
Гилилов И. М. 323, 324
Гиммлер Г. 195
Гинзбург К. 86, 185, 258–260, 290, 298, 299, 320
Гинзбург Л. Я. 312
Гиппиус З. Н. 241
Гиршберг М. 148
Гитлер А. 80, 313
Гланц М. 123, 326
Глейзер М. 11
Гнедич Н. И. 139, 187
Гобелены, братья 226
Гоген П. 218
Гоголь Н. В. 283
Годунов Борис, царь 8, 304
Голицын Б. А. 15
Голицына В. Н. 88
Головин Ф. 97
Голубева О. Д. 236, 239, 240, 242, 275, 276
Гольбейн Г. 333
Гольдони К. 75, 208
Гомер 187
Гонзага, герцоги 80
Гораций 263
Горбачев М. С. 222
Горбовский Г. Я. 76
Гордин Я. А. 200, 323
Гордон Л. С. 34, 141, 142
Горин-Горяйнов Б. А. 10, 17
Горнфельд А. Г. 339
Городницкий А. М. 200
Горфункель, мифический откупщик 110
Горфункель Д. Д. 337
Горфункель З. Д. 337
Горфункель Х. Д. 6, 7, 10–12, 17, 173, 336–339, 346

- Горфункель Э. Л. 210, 291, 296, 316, 317, 320, 331
Горький А. М. 13, 165, 236, 318, 336
Гостомысл 8
Готт В. С. 168
Гофман И. И. 101, 175
Гофман Э. Т. А. 351
Гоцци К. 208
Гранстрем Е. Э. 53, 237
Грачев Р. И. 309
Гращенко В. Н. 203
Гревс И. М. 33, 233,
Греков Б. Д. 25, 26, 29, 30, 176
Грибальди М. 265
Грибоедов А. С. 126
Григорий VII 326
Григорий XIII 269
Григорий Назианзин св. 268
Григорий Палама св. 171
Гришко Е. Г. 156
Гроций Г. 130, 246
Гуковский М. А. 23, 24, 32, 34, 36–40, 42, 70, 72–78, 80–84, 100, 101, 153, 154, 161, 163, 181, 206, 230, 315
Гулыга А. В. 169, 170
Гумилев Л. Н. 75, 76, 150, 154, 200
Гуревич А. Я. 34, 147, 258
Гусинский В. А. 252
Гуссерль Э. 137, 171
Гутенберг И. 101, 181, 182, 238, 245, 277, 278, 347
Гутова Е. В. 36
Гуйгенс Хр. 96
Д'Аламбер Ж. Л. 155
Д'Арк Жанна св. 151, 152, 190, 191, 227, 229, 312
Да Спина Б. 140
Дабелов Х. 272
Давид Динанский 138, 140
Даль В. И. 211
Даниил Заточник 27, 38
Даниил, игумен 115
Данилевский И. Н. 251
Данилова И. Е. 169, 170
Данте Алигьери 145–148, 173, 179, 180, 252–254, 259, 268, 286–288, 290, 317, 318, 349
Де Голль Ш. 215
Де Матеи Р. 86, 132
Де Микелис Ч. 212
Де Рьё Ж. Э. 132
Де Франко Л. 86, 134
Дебенедетти Дж. 81
Делакруа Э. 226
Делекторская Л. Н. 226
Дель Васто маркиз 343
Демкова Н. С. 103
Демосфен 268
Денёв К. 291
Денисов А. 96
Денисовский В. А. 59
Депардьё Ж. 291
Дергачева-Скоп Е. И. 102, 103
Джамбеллини (Джованни Беллини) 291
Джанашвили М. Е. 126
Дживилегов А. К. 32, 283, 344
Джовио П. 264, 271
Джорджоне 298
Джотто 286, 288, 292
Джуисон Н. 306
Дзамбелли П. 86, 260
Дзани Б. 147
Дзефирелли Ф. 293
Ди Джакомо С. 208
Ди Наполи Дж. 86, 130
Дидро Д. 155, 239

- Диего, племянник М. Факкани 291
Динабург Ю. С. 283
Диоген Лаэртский 273
Диоклетиан, имп. 282
Дионисий 58
Дмитриев Л. А. 320
Дмитриева З. В. 243, 244
Дмитриевич Валя 201
Дмитрий Ростовский св. 274
Добиаш-Рождественская О. А. 31, 33, 81
Добычин Л. 332
Доватур А. И. 154
Довлатов С. Д. 200
Долгова С. Р. 252
Доминичи Дж. 164
Донателло 293, 295
Дони А. 144, 299
Донн Дж. 199, 208
Достоевский Ф. М. 333, 336
Дридзо А. Д. 55
Дружинин В. Г. 102
Дружинин И. М. 176
Друскин Л. С. 307
Дубенцов Б. И. 26
Дубровский П. П. 226, 276
Дубчек А. 189
Дунс Скот И. 138, 140
Дынник М. А. 84, 85
Д'Эсте, фамилия 294
Дюкро Ф. 85
Дюма А. 10
Евгений (Болховитинов) 105
Евгения св. 294
Евфимий, монах 96
Евфимий св. 59
Егоров Б. Ф. 119
Егоров Ю. В. 155, 195, 235
Егошин Г. 296
Ежов В. А. 157
Екатерина II 7, 24, 51, 239, 275
Екатерина св. 179, 343
Екатерина Сиенская св. 297
Елизавета II 109, 174
Елкина З. А. 149
Ельцин Б. Н. 176
Емельянов Я. Г. 84, 85, 341
Енин Г. П. 240–244
Епифаний 111, 112
Есенин-Вольпин А. С. 322
Ефрем Сирий св. 199
Ефремов П. А. 173
Ефрон И. А. 7, 10, 211
Жанна д'Арк см. Д'Арк Жанна
Жан-Пьер 223, 231, 232
Жданов А. А. 134, 137, 323
Жемойтель Л. 61
Жид А. 222
Жироду Ж. 208
Жолковский А. К. 322, 323
Жуков Д. А. 108–111
Жуков П. Ф. 174, 175, 185, 243
Жуковский В. А. 139
Журавлев Д. Н. 47
Забельшанский Г. Б. 153
Заболоцкий Н. А. 288
Завадский Ю. А. 17
Заволоко И. Н. 111
Зайкова Н. Г. 100
Зайцев А. И. 153–155, 195, 325
Зайцев В. Н. 242–244, 279, 318
Залуские 276
Залуский А. С. 275
Залуский Ю. А. 275, 276
Замолей 273
Замолксис 273
Зверева И. С. 143, 238

- Зданевич Б. И. 196
Здравомыслов А. Г. 160
Зернова Р. А. 333
Зимин А. А. 102, 271
Зиффер Дж. 295, 296
Злобин С. 9
Знамеровская Т. П. 254
Золя Э. 23
Зубков В. А. 100, 213
Зубов В. П. 74, 94, 95
Иаков ап. 296
Иаков Ворагинский 274, 286
Ибаррури Д. 207
Ив, школьный учитель 214, 216, 233
Иван Грозный 14, 15, 115, 237, 249, 271, 272, 329
Иван Михайлович, директор городской библиотеки в Глазове 12
Иван Федоров 181, 182, 243, 249, 270, 271, 277, 329, 347
Ивани А. 21
Иванов, букинист 338
Иванов (псевдоним) 21
Иванов А. Г. 78
Иванов В. В. 322
Иванов В. И. 44, 234
Иванов К. И. 14
Иванов Н. В. 195
Иванов Ф. 50
Иванова З. О. 141
Иванов-Тринадцатый 221, 222
Игнасио, зубной врач 216, 233
Иегуда Абарбанель *см.* Лев Еврей
Изенберг К. В. 10
Изергина А. Н. 79
Иисус Христос 62, 94, 96, 126, 178, 179, 202, 210, 219, 227, 247, 259, 260, 266, 297, 305–307, 317, 326, 333–335, 343
Ильф И. А. 70, 235
Илюшин А. А. 253, 254
Инженьо А. 86
Иноходцов П. Б. 185
Инститорис Г. 258
Иоанн Златоуст св. 115, 330
Иоанн Креститель 219, 220, 317, 326, 344
Иоанн Кронштадтский св. 187
Иоанн Павел II 287
Иоанн, мученик 289, 294
Иовчук М. Т. 160
Ионеско Э. 194, 207, 228
Ионин А. 199
Иордан О. Г. 79, 80
Иордан Ф. И. 283
Иоселиани О. 214
Иосиф Флавий 15, 63, 207
Ирод 306
Исак Собака 177
Иссерлин Е. М. 175
Йейтс Ф. А. 86
Каблуков С. П. 241
Кавайон Д. 86, 296, 297
Каган М. И. 175
Каган М. С. 328
Каган М. 17
Каган Ю. М. 87
Каганов И. Я. 329
Каганов М. И. 329
Каганова Элла 329
Каганович Б. С. 46, 165
Каганович Л. М. 337
Каддафи М. 104
Казанова Дж. 288
Кайроли, братья 282
Каликин Ф. А. 102
Каллистов Д. П. 24, 25
Калугин О. Д. 281

- Кальв (Лициний Кальв) 272
Кальвин Ж. 264–266
Кальвино И. 75, 208
Каменский З. А. 99, 134, 135
Каммари М. Д. 63
Кампанелла Т. 48, 73, 93, 128–134, 138,
139, 145, 153, 154, 156, 160, 209, 290,
298, 299, 303
Камю А. 75, 207
Канова А. 282
Кантор Г. 137
Кантор-Гуковская А. С. 73, 83, 163
Каплан Ф. 110
Караджич В. 87
Карамзин Н. М. 186
Караценцев В. 303
Кардош Т. 73
Каржавин Ф. В. 184, 251, 252
Карион Истомина 279
Карл VII 229
Карл XII 8
Карми Э. 75
Карнесекки П. 269
Каро А. 269
Карпаччо 294
Карпов Н. А. 79
Карсавин Л. П. 38, 305
Карцовник В. Г. 146
Карякин Ю. Ф. 160
Кастеллион С. 261, 265–267, 299
Кастильоне Б. 268, 344
Кастро Ф. 92
Катаев В. П. 13
Катанео Д. 344
Катенин П. А. 252
Катькало С. И. 204, 213
Кауфман И. И. 193
Кауфман К. В. 193
Кафка Ф. 75, 207, 320
Качалов В. И. 17
Качиньские 276
Кварантогги Гамбини П. А. 81
Кватроманни С. 133
Кеннеди Д. 110, 314
Кеплер Иоанн 184
Кившенко А. Д. 9
Килон 25
Кинан Э. 123, 328, 329, 330
Киреевские 18, 45
Киреевский И. В. 19
Киреевский П. В. 19
Кирилл Белозерский св. 51, 52, 54, 56, 57,
59, 63, 67, 70, 71, 86, 102, 113, 124,
205, 243, 244, 334, 346
Киров С. М. 11
Киришон В. М. 165
Киселева Л. И. 153, 254
Киссель М. А. 159
Кисунько В. Г. 166, 313
Кисунько Г. (Гриша) 313, 314
Кларк семейство 316
Клеопатра 272
Климент VII 271
Климент VIII 259
Ключевский В. О. 15
Кобергер А. 317
Коваль Р. М. 43, 55, 57, 59, 61, 67, 170,
200, 213, 216, 217, 227, 228, 234, 254,
282, 289, 305, 310, 313–315, 317, 320,
321, 329, 332, 333, 352
Коган М. 352
Кодосов Д. С. 15
Кожан И. 86
Кожевников В. М. 77
Козимо I 284, 285
Козинцев Г. М. 79, 80, 180, 181, 312

- Козинцева В. Г. 79, 180, 181
Козицкая К. И. 51
Козырев К. А. 238
Колга Л. А. 238–240, 279
Колесов В. В. 103
Коллеони 289, 293, 294
Колобова К. М. 35, 44
Колонна В. 179, 269, 342, 343
Колумб Х. 315
Кольбер Ж. Б. 226
Кольцов М. Е. 208
Кон И. С. 54, 55, 153
Конопелько Я. А. 52, 53
Конрад Н. И. 169
Константин, имп. св. 249
Контарини Г. 140
Копанев А. И. 52, 64, 66, 67, 69, 107, 117
Копейкин *см.* Рутенбург В. И.
Коперник Н. 139, 144, 162, 167, 184, 287
Копреева Т. Н. 142, 238
Корд (Кодр) 272
Корин П. Д. 201
Коржавин Н. 322
Коркмазова Е. А. 351
Корнаговский Н. А. 37, 47, 48
Корнель П. 233
Корнилова Г. 302
Коробков Л. Д. 146
Коробова Э. Б. 199
Короленко В. Г. 12, 336
Короткевич Ю. В. 312
Косминский Е. А. 156
Костомаров Н. И. 15
Костюшко Т. 275
Косухин С. Я. 43, 182
Косцова А. С. 317
Котрелев Н. В. 197, 276, 277, 350, 351
Кочин Г. Е. 67
Красников Н. П. 205
Крастоне Дж. 145, 274
Крачковский И. Ю. 176
Кремонини Ч. 288
Кресцентий И. 326
Крижанич Ю. 120
Кристаллер П. О. 86, 149, 351
Кронеберг И. 94
Крученых А. Е. 317
Крым Д. С. 141
Кудрявцев О. Ф. 170
Кудряшов А. 314
Кузнецов Б. Г. 158, 163
Кузнецова Г. 61
Кузьмин М. Н. 155
Кузьминский К. 313
Куйаций И. 263
Куйбышев В. В. 280
Куменецкий К. Ф. 73
Кумпан Е. 199, 200
Курбатов Г. Л. 64, 68, 69, 154, 156–158
Курбский А. М. 115, 271, 329, 330,
Курионе Ч. С. 265, 266, 299
Кутузов М. И. 8, 9, 99
Кушнер А. С. 318
Кюжас Ж. *см.* Куйаций И.
Лаваль А. Г. 44, 68
Лависс Э. 9
Лаврентий св. 179
Лагеев В. И. 107–109, 111
Лазарев В. Н. 82
Лазарева Т. 303
Лактанций 268
Ламартин А. 223
Лампрехт К. 23
Ланда С. 99
Ландер И. Г. 300
Ландино Кр. 147

- Лансело, младенец 231
Лаппо-Данилевский А. С. 90
Лаский Я. 68, 272
Лебедев В. В. 241
Лебедева Г. Е. 35, 36, 47, 192
Лебрен Ш. 226
Лев X 284, 344
Лев Еврей (Иегуда Абарбанель) 73, 268
Левин И. Г. 123
Левина (Патрушева) Н. 300
Левингтон А. Г. 308
Левченко М. В. 35, 42
Легран Б. В. 86, 87
Ленин В. И. 13, 53, 88, 90, 110, 132, 133, 164, 165, 182, 191, 195, 196, 236
Леонардо да Винчи 16, 23, 82, 162, 224, 296, 298
Лермонтов М. Ю. 232, 253
Лернер Я. 199
Лесков Н. С. 116, 296, 320
Лесман М. С. 148
Лефевр д'Этабль Ж. Ж. 264
Ливий Тит 272
Лившиц Б. К. 210
Лида, жена Иванова-Тринадцатого 222
Лимон-Иванов Г. 210–213, 217–223, 225, 232, 234
Линдсей Дж. 72
Лионе Л. 344
Литворня А. 296
Литманович А. Д. 159, 161, 187, 302–304, 332, 352
Лифанова Т. М. 338
Лихачев Д. С. 30, 72, 97, 103, 113, 118–124, 168, 169, 177, 180, 202, 203, 206, 269, 295, 320, 334
Лихачев Н. П. 21, 38, 40, 54, 102
Лихуды, братья 96
Логутова М. Г. 149, 153, 187
Лозинский М. Л. 252, 253, 286
Ломоносов М. В. 78, 174, 175
Ломонос-Ровна Г. И. 196
Лосев А. Ф. 83, 99, 136, 137, 164–172, 201, 258, 296, 298, 315
Лотман Л. М. 104
Лотман Ю. М. 104, 123, 171, 247, 258
Лукиан 92, 93
Луначарский А. В. 55
Лурье С. Я. 21, 22, 29
Лурье Я. С. 29, 110, 120, 123
Лутохин Д. А. 338
Луццати Э. 75
Львов С. Л. 120
Люблинская А. Д. 32–36, 40, 42, 46, 49, 70, 82, 151–153, 203, 226, 239, 246, 298, 327
Люблинский В. С. 35, 84, 101, 141–143, 152, 237, 238, 242, 327, 328, 348
Людовик XIV 217, 218
Людовик XVI 79
Людовик XVIII 223
Люллий Р. 94–96, 322
Люрса Ж. 218, 226
Люстижер А. Ж. М. архиеп. 109
Ляцкий Б. 53
Мавродин В. В. 20, 29, 62, 77, 79, 91, 188
Мажуга В. И. 103, 107–109, 138, 149, 153, 155, 187, 195, 203, 320
Мазаччо 254, 286
Маймонида 241
Макарий митроп. св. 274
Макаров А. В. 16
Макарьев Л. Ф. 8
Макиавелли Н. 130, 162, 208, 268, 269, 295
Маковский В. Е. 26

- Максим Грек св. 115, 177, 270, 271
Максимов Д. Е. 87, 88, 305
Малапарте К. 75, 208, 209, 285, 286, 320
Малаховская М. Л. 145, 300
Малашенко И. Е. 252
Маленков Г. В. 63, 137
Малинин Ю. П. 149, 153, 229, 312
Малкова П. Ф. 111
Мальшев В. И. 97, 101–112, 115, 116, 177,
182, 183, 348, 349
Мальшев М. О. 69, 100, 194, 195
Мальрэ Э. 214, 233
Мальцев Е. 87
Малярчик Я. 86
Мамонтов А. 279
Мандельштам О. Э. 18, 75, 170, 208, 210,
211, 213, 307, 312
Мандзолли П.-А. 139, 145, 148, 221, 325,
335
Мандзони А. 208
Манн Т. 207
Мантенья А. 292
Мануции 346
Мануций Альд Младший 268, 269
Мануций Альд Старший 267–269, 346
Мануций П. 268, 269
Маньков А. Г. 64, 66, 67, 69, 71
Марамзин В. Р. 200
Маранцман В. Г. 252, 253
Марголис Ю. Д. 155, 186, 187
Мария дева (Богоматерь, Мадонна) 58, 87,
179, 214, 216, 220, 224, 286, 289, 291,
295, 296, 298, 304
Мария Магдалина 326
Марк Аврелий 284
Марк св. 286, 288, 294
Маркелов Г. В. 102, 103, 105, 112, 324
Маркович В. М. 127
Маркс К. 132
Марсель Р. 86
Марсилий Падуанский 153
Марта Дж. А. 134, 140
Мартелли Ф. 133
Марти А. 207
Мартин-епископ св. 291
Мартов Л. 13
Мартынов И. Ф. 46
Маслобоева Л. Е. 312
Матильда, графиня 326
Матисс А. 226, 230
Мацек И. 244, 245,
Маша см. Райкина М. А.
Маяковский В. В. 318
Медведев И. П. 203
Медведев М. 199
Медведев П. 337, 339
Медведев С. 96
Медици, семейство 284, 285
Медици Дж., прозванный делле Банде
Нере 284, 285, 344
Медици Дж. 18
Медици К. Старший 284
Медици Лоренцо Старший 284
Медици Лоренцо, прозванный Велико-
лепным 38, 39, 256, 268, 284, 320
Мееровский В. В. 138
Меклер А. 338
Мелетий (Смотричский) 246
Мельо Д. ди 217
Мельци Ф. 82
Менделеев Д. И. 91
Меноккьо см. Сканделла Д.
Мережковский Д. С. 16
Мериме П. 224, 228
Меркулов Ф. 51
Мешерский Н. А. 22, 62, 63, 171

- Микельанджело 179, 224, 269, 282–284, 295, 341, 343, 344
- Микулинский С. Р. 135, 136, 206
- Миллер Г. Ф. 174
- Мирослав Владимирович 255
- Мисслен Р. 333
- Мисслен (Бордые) А. 210, 233
- Михаил Архангел св. 51
- Михайлов А. В. 166
- Михайлов И. 49, 50
- Михалков С. В. 229
- Михеева Г. В. 301, 328
- Мозер Г. Г. 329
- Моисей 282
- Молок А. И. 39
- Молотов В. М. 11
- Мольер 174, 216, 226
- Мольца Т. 147
- Монтень М. 161, 162, 215, 259, 278, 318
- Монтескье Ш. 155
- Монтефельтро Ф. да 256
- Монти К. 86
- Мор Т. 161, 162
- Моравиа А. 208
- Мордвинов Н. С. 12
- Моричева М. Д. 276
- Морозов И. А. 225
- Морозов Н. А. 247–249
- Москвин И. М. 17
- Муравьева И. 330
- Муратов П. П. 16, 32
- Муссолини 283
- Мушкин Ю. 72
- Мыльников А. С. 59
- Мышецкий князь 96
- Мюнцер Т. 18
- Надь И. 325
- Найдич Э. 308
- Найман А. Г. 198, 199, 308
- Налимов В. В. 249, 326
- Наполеон I 8, 9, 84, 99, 223, 232
- Нарди Б. 86, 146, 149–151, 209, 287
- Нарский И. С. 161, 162, 168
- Наталья, жена М. И. Сермана 321
- Негребецкий П. 96
- Некрасов В. П. 78
- Некрасов С. М. 210
- Немилов А. Н. 43, 49, 74, 76, 79, 83 157, 192, 193, 204, 208
- Немилова И. С. 79, 192, 193, 218, 226
- Немилова (мать А. Н. Немилова) 192
- Немиловы 192
- Немировский Е. Л. 182, 196
- Нессельштраус Ц. Г. 312
- Нечаев (букинист) 338
- Нечаев И. А. 79
- Нечкина М. В. 62
- Никифоров С. 50
- Никола, племянник Г. Лимон-Иванов 217
- Никколи Н. 255, 256, 284
- Николаев А. С. 329
- Николаев Н. В. 143, 238
- Николаев Н. И. 40, 137, 139, 149, 153, 165, 173–175, 184–187, 195, 199, 213, 276, 277, 280, 323, 328, 332, 334, 335, 348, 352
- Николаев С. И. 213, 332, 352
- Николай I 57, 232
- Николай II 12, 217
- Николай Кузанский 162, 185, 254, 257
- Николай св. 287, 292, 293
- Никольский Н. К. 52
- Никулина Л. А. 88
- Нифо А. 140
- Новицкий А. 86, 93
- Новоплянский Д. 338

- Носкова Н. О. 193
Носов Н. Е. 26, 31, 149
Нозми, мать М. Факкани 291
Ньютон И. 163
Овидий 261–263
Овсянников М. Ф. 158
Огарев Н. П. 85
Одубон Дж. Дж. 242, 279
Озеров Л. А. 313
Ойзерман Т. И. 206
Окино Б. 269
Октавиан Август 217
Окунь С. Б. 22
Олейников А. Н. 312
Олейников Н. М. 312
Ольга, синьора см. Бранка О.
Ольдин П. 338
Орбели И. А. 43, 79
Орем Н. 144, 248
Ориген 268
Орлов А. С. 29
Орлов В. Н. 88
Осиновский И. Н. 158, 166
Остерман И. А. граф 50
Островский А. Н. 324
Ошеров С. А. 139
Павезе Ч. 75, 208
Павел I 50, 51
Павел ап. 179
Павел, мученик 289, 294
Павел Петрович см. Павел I
Пави Ф. 227
Павлычев И. М. 303, 304
Палама см. Григорий Палама
Палеарио А. 178, 260, 261, 340
Палеарио Аск. 178
Палингений М. см. Мандзолли П.-А.
Палладио А. 288
Палладия Матвеевна 112
Палья А. делла 178
Паляч Р. 86
Панина А. 209
Панеях В. М. 26, 29–31, 59
Паннарц А. 350
Панченко А. М. 75, 96, 98, 102, 103, 107,
113–115, 121, 168, 169, 175, 182, 186,
200, 206, 254, 279, 317, 334, 349
Панченко Н. 308
Парни Э. 343
Паскаль Б. 233
Паскаль Ж. 223, 224, 230, 231
Пастернак Б. Л. 181, 199, 313, 319, 322
Патрици Ф. 138, 139, 298, 299
Паустовский К. Г. 308, 309
Пацци, семейство 156
Педретти К. 82
Перну Р. 227, 235
Перов В. И. 6
Перро Ш. 229
Персио А. 133
Пескин Б. Н. 188–190
Песков В. И. 6
Петлюра С. 7
Петр I 7, 14, 16, 67, 71, 96, 97, 237, 250,
327
Петр ап. 179, 217, 227, 282, 283
Петр митроп. св. 14
Петрарка Ф. 178, 220, 268, 288, 290, 348
Петрицкий В. А. 40
Петров Е. 70, 235
Петров И. 50
Петров М. Т. 153, 169
Петров С. Г. 177
Пешкова Е. М. 165
Пиаф Э. 217
Пивоваров В. А. 184

- Пий IV 268
Пий V 178, 268
Пикассо П. 74, 218, 230
Пико делла Мирандола Дж. 128, 140, 144,
153, 163, 256, 290, 298
Пико делла Мирандола Дж. Ф. 258
Пилат 128, 140, 306
Пименов Р. И. 246, 247
Пиотровский Б. Б. 80
Пиотровский М. Б. 317
Пипано Дж. (Iohannes Pīranus) 144
Питти, семейство 286
Пифагор 273
Пихоя Р. Г. 176
Платон 38, 138, 268, 273, 325, 350
Плеханов Г. В. 240
Плиний 272
Подземская Н. 298
Поздеева И. В. 160, 166, 182, 201, 313
Покровский М. Н. 31
Покровский Н. И. 176
Покровский Н. Н. 107, 176, 177, 202, 353
Пол Р. 268
Полициано А. 18
Полякина А. 239, 300
Поляков Володя 201
Полянский Ф. Я. 35
Помпиду Ж. 224, 225
Помпонацци П. 128, 139, 140, 146, 149,
150, 153, 290, 298
Помпонио Лето Дж. 38
Понтъери Э. 86
Попков В. Е. 21
Попов Г. Х. 302
Пономарев А. Л. 351
Поппи А. свящ. 86
Поракашвили Н. Л. 126
Порохина А. С. 115
Пороховщиков П. 324
Поршнев Б. Ф. 34, 35, 47, 48, 131
Постников М. М. 246–249, 251, 322, 325
Потин В. М. 153
Предтеченский А. В. 23
Прейс П. И. 197
Преображенская Н. В. 7, 338
Пригожин И. Р. 122
Прийменко В. С. 59, 315
Прийменко Мила 333
Прокофьев А. А. 11
Прокофьева Л. С. 67
Проперций 263
Прохоров Г. М. 103, 120
Прыжов И. Г. 110
Прюсс И. 144
Птолемей 248
Публий Сир 273
Пугачев Е. 8
Пумпянский Л. В. 35, 175
Пунин Н. Н. 23, 305
Пуччи Ф. 259, 299
Пушкин А. С. 8, 17, 47, 77, 94, 99, 103–
106, 110, 111, 114, 116, 118–121, 127,
164, 169, 185–187, 210, 225, 231, 253,
277, 278, 304, 319, 320, 322, 332, 335,
343
Пьетро, сын Данте Алигьери 287, 288
Рабинович В. И. 251, 252
Рабинович Р. 47
Рабле Ф. 83, 217
Радищев А. Н. 173, 251
Раев М. (M. Raeff) 161
Райкин Е. 280, 282, 302, 314
Райкин Л. 280, 282, 302, 314
Райкин М. 280, 282, 302, 314, 316, 321,
333
Райкин С. М. 315

- Райкина М. А. 59, 67, 127, 235, 280–282, 302, 314, 316, 321, 333, 352
Райцес В. И. 23, 29, 33, 38, 42, 44–48, 55, 65, 70, 118, 151–153, 191, 195, 227–229, 235, 237, 304, 312
Рамбо А. 9
Рамм Б. Я. 31
Расин Ж. 208, 233
Раскин А. 320
Рафаэль 87, 162, 163, 179, 283
Реаттю Ж. 218
Ревакина Н. В. 38, 134, 168, 177, 318
Региомонтан 248
Рейн Е. Б. 322
Рейс Т. 305–307
Ремарк Э. М. 207
Рембо А. 318
Рембрандт 9, 245, 333
Ремизов А. М. 110
Рене А. 188
Ренэ, король 219
Репин И. Е. 6
Ретик Г. И. 144
Решетников Ф. М. 7
Риббентроп И. 11
Ривин А. И. 307–313
Ристори Н. 295
Ристори Р. 86, 148, 286, 288, 295
Риччоли Д. Б. 184
Ришелье А. Ж. 226
Роберт Парижский граф 9
Рода, двоюродная сестра С. М. Райкина 282, 315
Роден О. 232
Рожицин В. С. 72, 157
Розанов С. А. 15
Розанова Н. И. 15
Розенберг И. 195
Розов Н. Н. 59, 103
Рокко св. 297
Ролова А. Д. 353
Роллан Р. 32
Романо А. 86
Романов Б. А. 25–31, 53, 66, 67, 123, 154
Романов Г. В. 342
Романовская К. М. 102, 188, 190, 194, 204, 235
Романовы 7
Ромодановская Е. К. 102, 103, 325
Росси В. 298
Росси П. 86
Ростовцев В. И. 19
Ростовцев Я. И. 14
Ростропович М. Л. 75
Ротондо А. 86, 144, 328
Рубенс П. П. 87
Рубин А. И. 84
Руммель И. К. 275
Руссо Ж.-Ж. 207, 233
Рустановели Ш. 126
Рутенбург В. И. 35, 42, 48, 49, 53, 83, 92, 129, 144, 149, 150, 153, 154, 156, 158, 160, 170, 203–206, 228, 244, 263
Рутенбург С. Г. 158, 160
Руцкой А. В. 304
Рэтленды 323
Рязанов Д. Б. 132
Рязанов Н. А. 148, 149
Савельев А. А. 116
Савицкий К. А. 6
Савицкий П. Н. 283
Савонарола Дж. 144, 180, 286, 290
Сажин В. Н. 241
Сазонова Л. И. 111
Сайтта Дж. 86
Сакон Ж. 317

- Салават Юлаев 9
Саллюстий 268
Салтыков-Щедрин М. Е. 236
Самойлов Д. 308, 309
Саннадзаро Я. 268
Сапега Л. 273
Сапунов Б. В. 169
Саркисян Г. Х. 43
Сартр Ж.-П. 75, 207
Сахаров А. Д. 194, 302, 303
Сахаров А. М. 70
Сванидзе А. А. 353
Сванхейм К. 350
Сведенборг Э. 252
Свенцицкая И. С. 43
Северянин И. 16
Сезанн П. 219
Селезнева Т. Ф. 127
Селий Г. 262–267
Семанов С. Н. 88, 90, 110, 111, 304
Семенов, булочник 221
Серафима Селиверстовна 13
Сербина К. Н. 66, 67, 69
Сервантес М. 10
Сервет М. 259, 261
Сергеенко М. Е. 180
Серебрякова Л. В. 334
Серж (Сергей Михайлович), брат Г. Лимон-Иванов 217
Серипандо Дж. 268
Серков К. 59
Серман И. 3. 95, 97, 101, 333, 334
Серман М. И. 321
Серман Н. И. 139
Серрарий Н. 299
Сеттис С. 298
Сикст V 269
Сикст св. 297
Симеон, архиеп. 96
Симмонс Дж. С. Г. 86, 326, 327, 350
Симун К. М. 289
Синкина (Фролова) И. И. см.
    Фролова И. И.
Синявский А. Д. 313, 322
Сказкин С. Д. 38, 132, 137, 158, 160
Скалигеры 293
Сканделла Д. (Меноккьо) 185, 258–260,
    288, 290
Скаурано Т. 139
Скорина Ф. 279, 329
Скотт В. 9
Скржинская Е. Ч. 172
Слободкин А. И. 92
Слуцкий Б. 191
Смирин В. М. 18
Смирин М. М. 18
Смирнов А. А. 17
Смирнов В. И. 57
Смирнов Е. 75
Смирнов И. И. 53, 54, 60, 61, 67, 69, 91,
    92
Смирнова-Россет А. О. 127
Снечкус А. 198
Соболевский А. И. 97
Совицкий Д. 95
Соколов В. В. 133, 135–137, 145, 158–160,
    162, 206
Соколов В. И. 58
Соколова И. В. 58, 325
Соктоев А. Б. 139
Солженицын А. И. 92, 122, 211, 214, 227
Соловьев В. А. 8
Сологуб Ф. 16
Соломон Б. 262
Соломон Гебироль (Авицеброн) 140

- Соломонова А. А. 160, 214–216, 221, 222,
232, 233, 332
Солоницына З. Г. 66
Сольдати М. 75, 81
Сомов К. А. 174
Спина Б. да 140
Спини Дж. 260
Спиноза Б. 135
Спиридонов Л. И. 205
Сталин И. В. 8, 19, 30, 35, 45, 47, 48, 54,
55, 60, 86, 165, 171, 236, 284
Старовойтова Г. В. 302
Стейнбек Г. 315
Стеллато см. Мандзолли П.-А.
Стендаль Ф. 32
Стено, библиотекарь 292
Степанов Л., букинист 338
Степанов Г. В. 206, 208
Стефан св. 216, 294, 297
Стефанович Д. Ф. 35
Страннолюбский А. Н. 186
Страхов А. В. 327, 329
Страхова О. Б. 329
Стрельцова Л. Е. 66
Стреляный А. И. 302
Строцци семейство 286
Струве Василий Васильевич 22, 70, 185
Субботин А. Л. 158, 160
Суворов А. В. 6, 9, 10, 275
Суворова Н. Г. 78
Сумароков А. П. 174
Суриков В. И. 6
Сухово-Кобылин А. В. 8
Талейран Ш. М. 223
Талов М. В. 312
Тамарина Р. И. 17
Тамарченко А. В. 316
Тамарченко Г. Е. 316
Тарасюк Л. И. 43, 79, 80, 153
Тарле Е. В. 24, 30, 46, 47, 54, 55, 183, 223
Тарханова М. М. 17
Тассо Т. 268
Татео Ф. 86
Тахо-Годи А. А. 170
Тацит 342
Твардовский А. Т. 11
Твен М. 8, 68
Творогов О. В. 118
Телезио Б. 133, 134, 138, 140, 144, 290,
298
Темир-Аксак (Тимур) 115
Теодорих 288
Тепер Е. М. 195, 304
Тесленко М. И. 19, 45
Тетнев В. П. 193, 194
Тимашев А. Е. 8
Тинторетто Д. 288
Тиссоны А. 86
Тихомиров М. Н. 175, 176
Тихомирова Н. 61
Тициан 87, 289, 341, 344
Тишель П. 321
Товстик Е. К. 38
Толанд Дж. 86, 94, 138
Толстой А. К. 8, 253
Толстой Л. Н. 8, 232, 299
Толстой Ю. К. 100
Толубеев Ю. В. 8
Тома, печатник 184
Томазо да Модена 255, 287, 292, 347
Тонберг М. Ф. 193
Трауберг Л. 3, 16, 289, 312
Третьяковский В. К. 95
Троило Э. 86
Трофим св. 218
Трофимов С., дякон 51

- Троцкий Л. Д. 48, 92
Трубецкой П. 289
Трумэн Г. 304
Трухановский В. Г. 168
Трюффо Ф. 291
Тумаркин В. 18
Тумаркин Д. 55
Тумаркин И. И. 18
Тумаркина Б. Л. 18
Тумялис Ю. 197
Тургенев И. С. 8, 79, 114, 211
Тускано П. 86
Тьерри О. 33
Тэдди, иезуит-музыковед 232
Тюленев В. М. 133
Тюменев А. И. 68, 70
Тютчев Ф. И. 183, 284
Уваров С. С. 187
Удальцова З. В. 247
Уеббер Э. Л. 305
Узин В. С. 17
Уколова В. И. 170
Улицкая Л. Е. 322
Ульянов А. И. 89
Ульянов И. Н. 88
Ульянов-Ленин В. И. *см.* Ленин В. И.
Умикян А. Д. 94
Урсула св. 292
Успенский Г. И. 7
Успенский Н. В. 7
Утехин Н. 200
Уфлянд В. И. 200
Факкани М. 280, 288, 291, 294, 300, 302
Факкани Р. 212, 280–282, 284, 287–289,
291, 292, 294–296, 300, 302
Фаликовы, семья педагогов 13
Фаллопий Г. 263
Федор Алексеевич, царь 97
Фейгельманас Н. 197
Фейгина Ф. С. 193
Фейхтвангер Л. 15, 207
Феллини Ф. 188
Фельдман М. 322
Фердинанд I Медичи 297
Фиоль Ш. 104
Фирпо Л. 86, 93, 129, 132
Фиске В. 147
Фихман И. Ф. 24
Фичи Ф. Дж. 294, 295
Фичино М. 135, 138, 153, 163, 290, 298
Флавицкий К. Д. 6
Флоренский П. А. 172, 283
Фогель Б. (В. Vogel) 162
Фома Аквинский св. 141, 149, 162, 163,
167, 179, 343
Фома Кемпийский 96, 334, 335
Фоменко А. Т. 218, 247, 250, 251, 325, 326
Фомичев С. А. 46
Фоскарини А. 156
Фотий, архим. 186
Франко Н. 260, 261
Франс А. 210, 217, 249
Франциск св. 287
Франческа, дочь Ф. Петрарки 288
Фрейд З. 137
Фрейман А. А. 193
Фролов Э. Д. 138, 247
Фролова И. И. 40, 43
Фроман Н. 219
Фукидид 187
Фульвио А. 174
Фурсенко А. А. 31, 111, 251, 325, 326
Фуст И. 101
Фюстель де Куланж Н.-Д. 32, 33
Харитонович Д. Э. 251
Хасбулатов Р. И. 304

- Хвостов Д. И. 14, 15
Хеем Я. 245
Хемингуэй Э. 207
Херасков М. М. 174
Херманн Х. 180
Хлебников В. 16, 148, 310, 317
Хлопин И. Н. 200
Хмельницкая Т. Ю. 309
Хоментовская А. И. 234, 344
Хосроев А. Л. 352
Христофор св. 292
Хрущев Н. С. 63, 65, 66, 68, 78, 136
Хюбшер А. 136
Цадкин О. 218, 219, 333
Цветаева М. 18, 211, 213, 214, 234
Цивина К. Д. 193
Циммерман В. 15, 32
Цицерон 268, 271, 272, 329
Чаадаев П. Я. 296
Чавчавадзе Н. 126
Чайковский П. И. 219
Чаликова В. А. 303
Челлини Б. 295
Чельсо М. 261
Черкасов Н. К. 9
Черкасов Н. П. 9
Черных А. И. 161
Чернышев И. Г. граф 50
Чернышевский Н. Г. 8
Черняк И. Х. 83, 138, 139, 149, 153, 173,
187, 213, 232, 235, 251, 325, 328, 334,
335, 352
Чехов А. П. 31, 235, 320, 336
Чиколини Л. С. 225, 226
Чикуттини Л. 93
Чилиберто М. 86, 299
Чима да Конельяно 288
Чимарелли В. М. 42
Чирков Б. П. 198
Чистов К. В. 206
Чуванов М. И. 182
Чудаков А. П. 175
Шабельская Г. А. 316, 318
Шагал М. 109, 297
Шамиль 176
Шапюи Ф. 231, 232
Шварц В. Г. 6
Шварцман Л. Н. 316
Швейхель Р. 10
Шебуев В. К. 6
Шейнис В. Л. 304, 325
Шекспир У. 10, 167, 174, 293, 319, 323,
324
Шелепин А. Н. 135, 136
Шенье А. 16
Шепелев В. 15, 332
Шеррер Э. 79, 211, 221, 224, 228
Шестаков В. П. 138
Шеффер П. 101, 349
Шилов Л. А. 100, 102, 199, 236, 239, 240,
242, 244, 276, 280, 318
Шишова И. А. 52
Шлейхер Р. 15
Шляпкин И. А. 90
Шмидт С. О. 177
Шонер И. 144
Шопенгауэр А. 137
Шостакович Д. Д. 75, 80
Шпаков А. 43
Шпренгер Я. 258
Штакеншнейдер А. И. 280
Штекли А. Э. 129, 130
Штокмар В. В. 36, 82, 157
Штурм И. 264, 299
Шубендорф М. В. 215
Шукшин В. М. 55

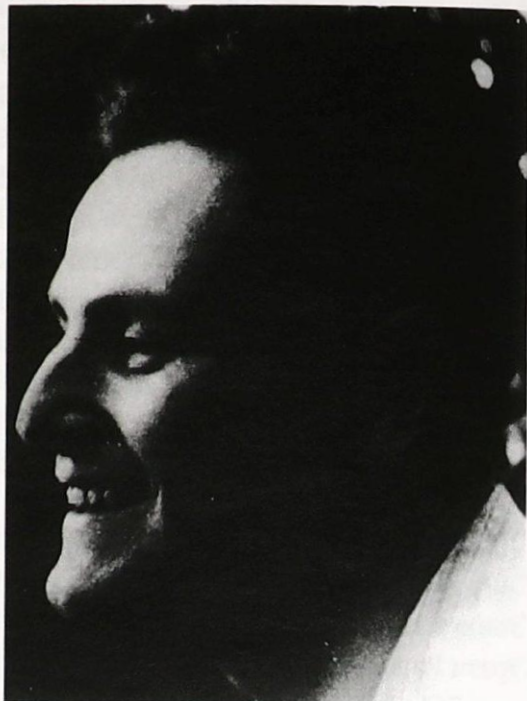
- Щипанова И. Я. 160
Щукин С. И. 225
Эйдельман Н. Я. 176, 186
Эйдлин Л. З. 169
Эйзенштейн С. М. 9, 14, 15
Эйкен Г. 23
Эйнауди Дж. 209
Эйнштейн А. 163
Экк А. А. 6, 7, 338
Эко У. 212
Эльзевир А. 246
Эльзевир Б. 246
Эльзевир И. 245
Эльзевирьы 245, 246
Эльзон М. Д. 337
Энгельс Ф. 15, 27, 132, 159
Энгр Ж.-О. 79
Эпикур 130
Еразм Роттердамский 145, 161, 162, 260, 261, 264, 268, 269, 333
Эренбург И. Г. 17, 18, 312
Эрисман Ф. Ф. 7, 338
Эрль В. 212
Эстулина С. Б. 38
Эткинд Е. Г. 210, 214, 227, 309–311, 313
Этьен св. *см.* Стефан св.
Эфрон А. С. 234
Эфрос А. М. 85
Ювенал 272
Юдина М. В. 35, 201
Юдовин С. Б. 17, 337
Юзбашян К. Н. 43, 64
Юлиан Отступник 16
Юлий II 282
Юсим М. А. 353
Юстина св. 293
Юстиниан, имп. 246, 263
Юшков С. В. 29
Ягода Г. Г. 165
Языков Д. И. 185
Яков Ворагинский *см.* Иаков Ворагинский
Якубская Д. А. 188, 190, 192
Якубский В. А. 35, 36, 43, 157, 188, 190–192, 320, 334
Янкелевич Т. И. 316, 321
Ярцев И. И. 58
Augustinus *см.* Августин
Bakhtin M. M. *см.* Бахтин М. М.
Batkin L. *см.* Баткин Л. М.
Bossy J. *см.* Босси Дж.
Cartwrighte Julia 344,
Cawley A. C. 306,
Finocchiaro-Aprile Andrea
Firpo L. *см.* Фирпо Л.
Galileo *см.* Галилей
Giorgione *см.* Джорджоне
Ivan IV Groznyi *см.* Иван Грозный
Kurbskii Andrew *см.* Курбский А. М.
Lully Raymond *см.* Люллий Раймунд
Malaparte C. *см.* Малапарте Курцио
Mirabeau 219
Nardi B. *см.* Нарди Б.
Nolli G. 287,
Palaearius Ascanius *см.* Палеарио Асканий
Settis S. *см.* Сеттис С.
Sulpice st. 228
Toland John *см.* Толанд Дж.

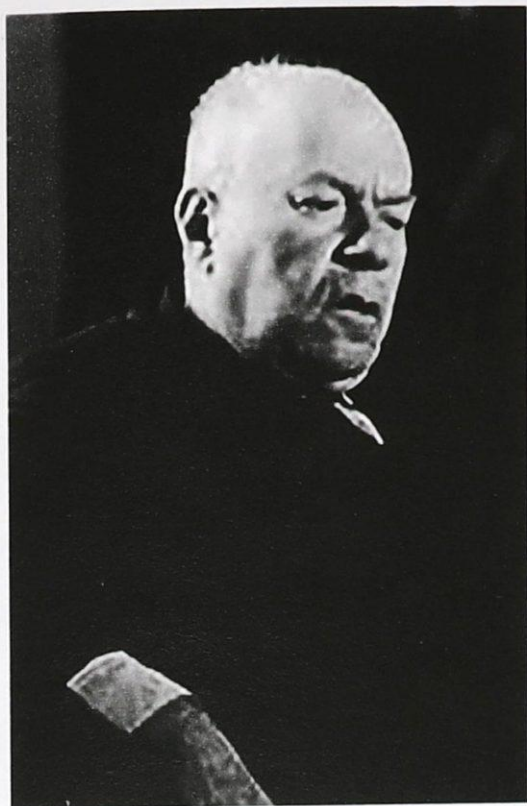
ИЛЛЮСТРАЦИИ

1. Александр Хаимович Горфункель
в студенческие годы

2. Яков Леонидович Бутовский.

3. *Матвей Александрович Гуковский*

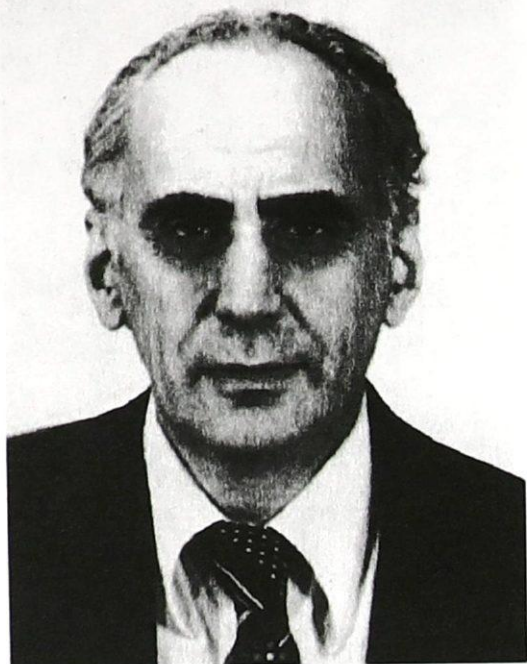

4. *Матвей Александрович Гуковский в Эрмитаже (середина 1960-х гг)*

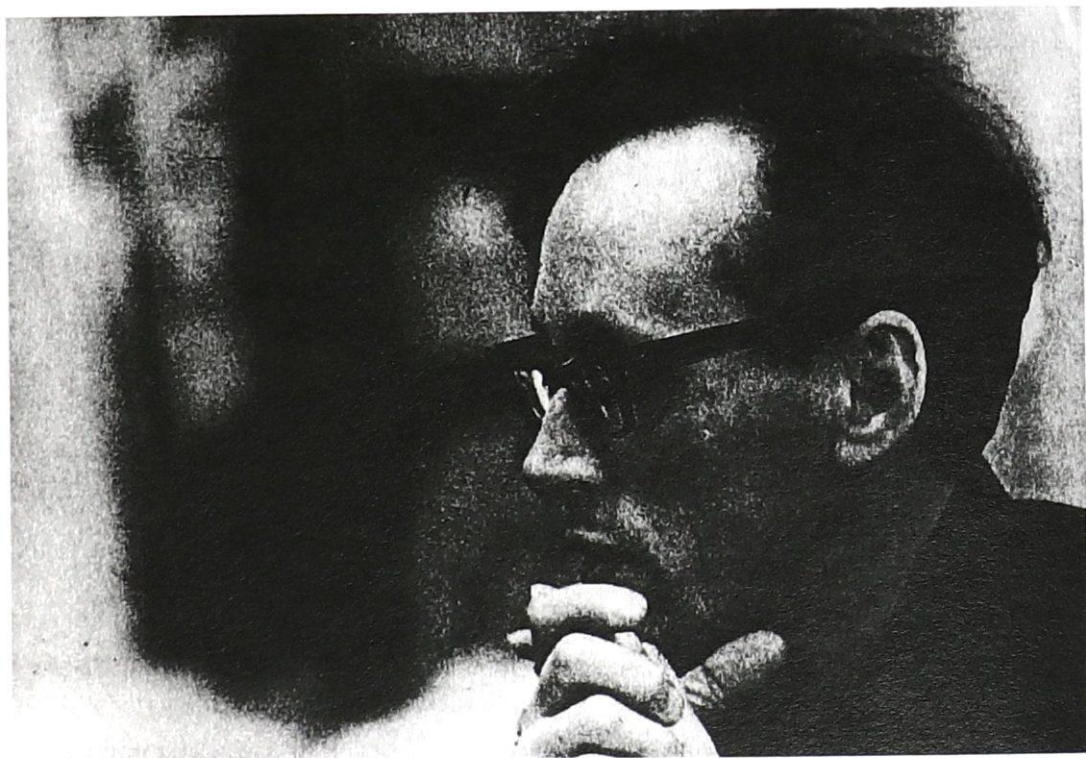

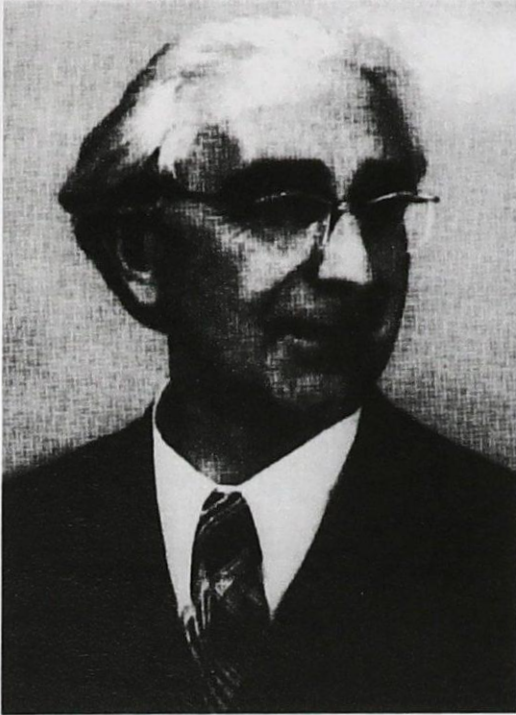
5. *Александра Дмитриевна Люблинская*

6. Владимир Ильич Райцес

7. Валентин Михайлович Алексеев

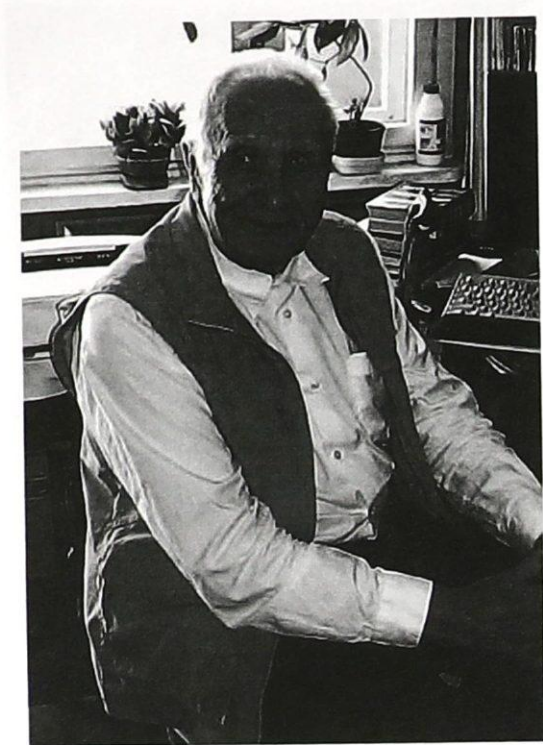
8. Александр Николаевич Немилев

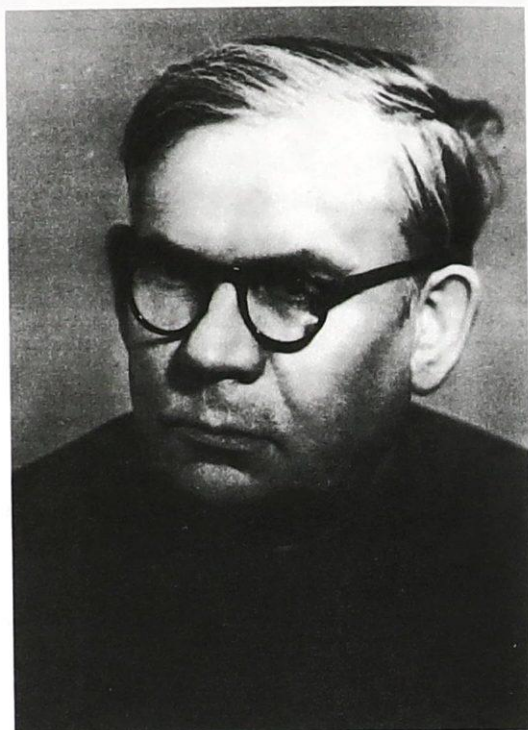
9. Роза Михайловна Коваль

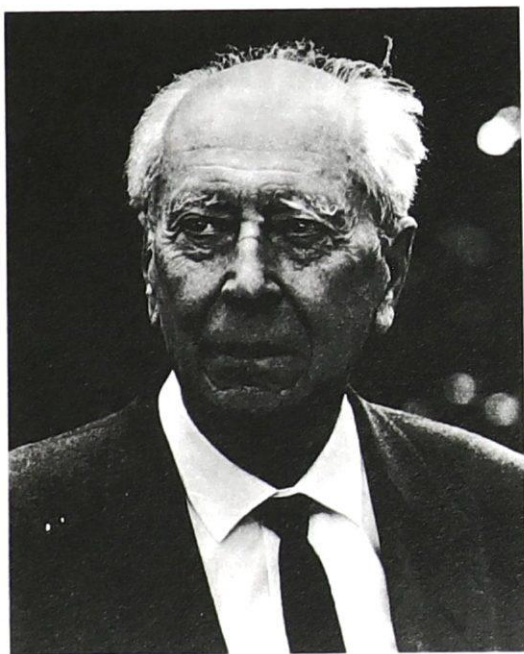
10. Леонид Михайлович Баткин

11. *Владимир Александрович
Якубский*

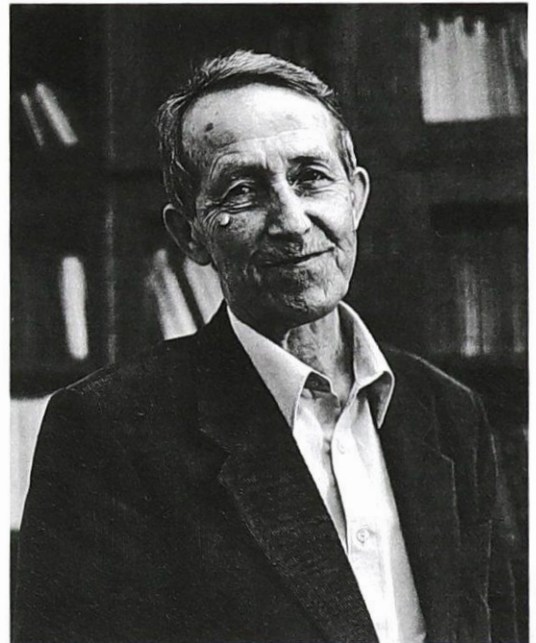
12. *Владимир Иванович Малышев*

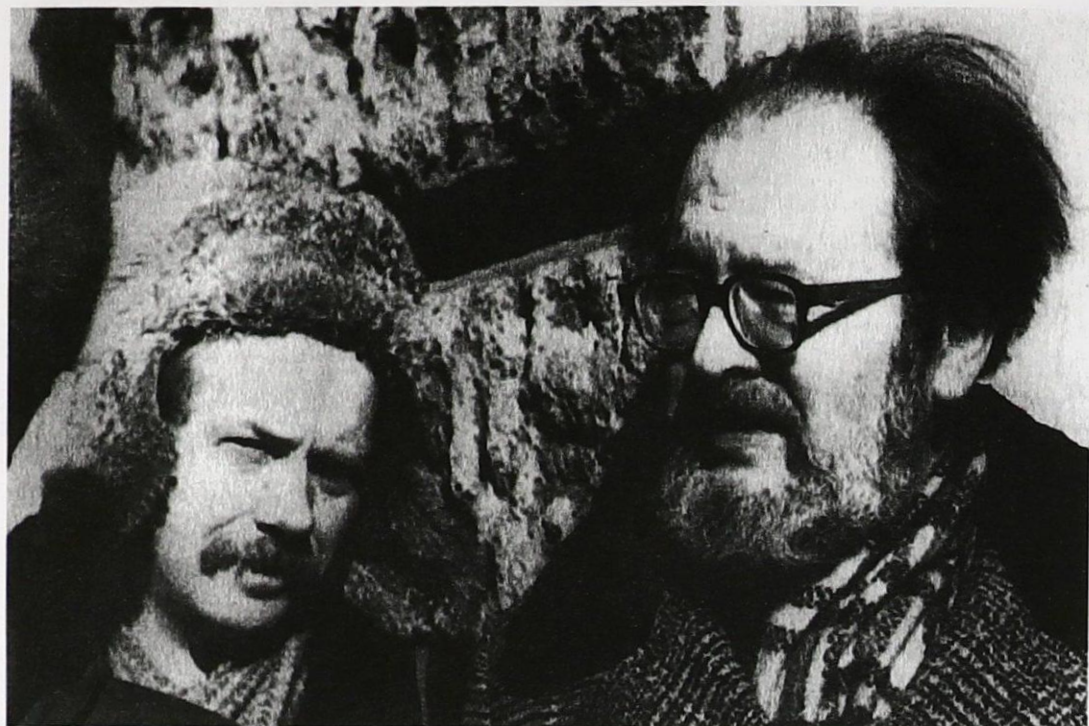
13. *Дмитрий Сергеевич Лихачев*

14. Александр Михайлович Панченко и Александр Хаимович Горфункель

15. Владимир Павлович Бударагин

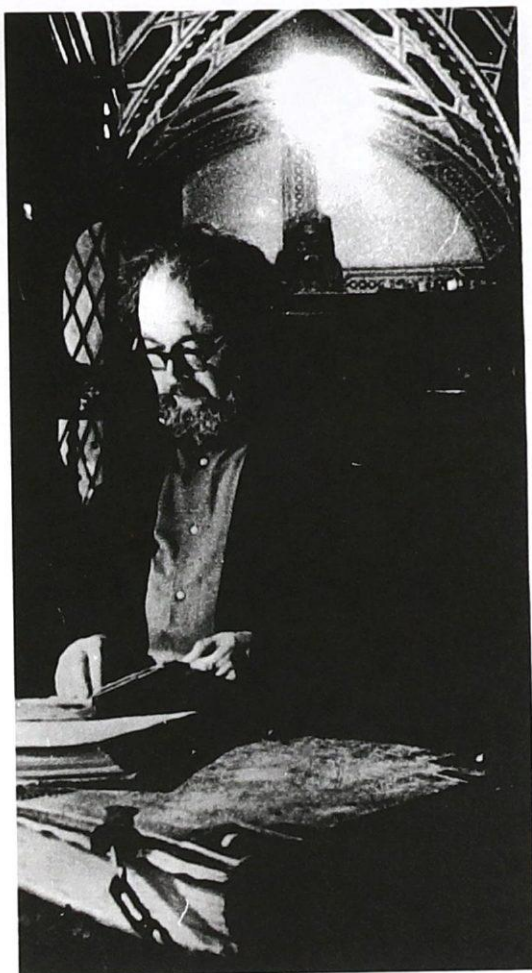
16. Александр Хаимович Горфункель и Николай Иванович Николаев

17. Леонид Александрович Шилов

18. Галина Васильевна Михеева

19. Александр Хаимович Горфункель
в «Кабинете Фауста»

20. Празднование 90-летия Пауля Оскара Кристеллера. 1995 год

21. Александр Хаимович Горфункель, Николай Иванович Николаев и Илья Хацкелевич Черняк. 2001 г

22. Александр Хаимович Горфункель, Илья Хацкелевич Черняк, Ирина Сергеевна Зверева, Николай Иванович Николаев и Андрей Владимирович Вознесенский на конференции, посвященной юбилею Отдела редкой книги РНБ

Горфункель А. Х.
МОЯ ШКОЛА, МОИ УНИВЕРСИТЕТЫ...: ВОСПОМИНАНИЯ

Издание подготовили:
А. Н. Головачев, Н. И. Николаев, И. Х. Черняк

Верстка:
Н. Н. Меженная

Формат 145х200
Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии ФГБОУВПО СПГУТД, 191028 СПб., ул. Моховая, 26 .

Заказ №11

© 1998 ШКОЛА

УНИВЕРЗИТЕТ

Београд

